АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ 1968 ГОДА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт археологии

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ 1968 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва·1969

Обращает на себя внимание, что культурный слой, насыщенный фаунистическими остатками, преимущественно костями мамонта, сравнительно беден каменными изделиями. Среди находок наибольший интерес представляют кремневые скребки, ножи и острие, а также сланцевое режущее орудие. Не исключено, что здесь существовало не обычное поселение, а промысловый лагерь, который использовался хотя и длительное время, но периодически, в период охотничьих экспедиций.

Вблизи дер. Бызовой, в урочище Топыд-Нюр, на I надпойменной террасе открыто 10 поселений различного возраста. Особого внимания заслуживает стоянка Топыд-Нюр V, датирующаяся мезолитическим или раннеолитическим временем. Здесь расчищена овальная яма длиной 4,3 м, шириной 2,2 м и глубиной 1 м, на дне которой сохранились следы двух кострищ. Яма, имевшая почти вертикальные стенки и содержавшая расколотые обожженные камни, угли, золу, кальцинированные кости животных и кремневый инвентарь, несомненно является остатком небольшого земляночного жилища. Необходимо отметить, что на крайнем северо-востоке Европы жилища мезолитического и раннеолитического возраста до сих пор не были известны. Инвентарь стоянки состоит из четырех сломанных шлифованных каменных топоров и многочисленных кремневых изделий, изготовленных на пластинах и отщепах (скребки разнообразных форм, среди них концевые и выемчатые, ножевидные орудия и т. д.).

Характерной особенностью этого комплекса является большое количество правильных призматических пластинок и их сечений, в том числе микролитических.

Остальные поселения в урочище Топыл-Нюр относятся к раннему медно-бронзовому веку, ананьинскому времени, заключительному этапу раннего железного века и средневековью (ванавиздинская культура). Среди этих памятников следует отметить поселение Топыд-Нюр IV, принадлежащее к недавно выделенному печоро-вычегодскому культурному типу раннего железного века (Бичевник).

Произведена повторная разведка в районе Конецбора на Средней Печоре. Здесь обследованы четыре поселения раннего и позднего периодов медно-бронзового, а также раннего железного века. Наибольший интерес представляет стоянка Конецбор V, относящаяся к культуре гребенчатой керамики (первая половина II тысячелетия до н. э.). Пробная расчистка показала, что на площади стоянки сохранился насыщенный культурный слой.

Необходимо подчеркнуть, что изучение приуральских стоянок с гребенчатой керамикой становится все более актуальным в связи с проблемой генезиса культур позднего медно-бронзового и раннего железного века на европейском Северо-Востоке.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА БЕРЕГАХ СЯМОЗЕРА

Г. А. Панкрушев, Ю. В. Титов, А. В. Аппилогов

В результате разведки, проведенной на берегах Сямозера и прилежащих к нему озер, открыты 11 стоянок мезолита, неолита, бронзы и раннего железа, 2 средневековых селища и 8 древних могильников. Раскопки произведены на территории общей площадью более 700 кв. м.

Одна из открытых стоянок — Кудомозеро IX — содержит чистый комплекс раннемезолитического инвентаря местной «кварцевой культуры» (грубо обработанные сколами скребки, резцы, ножевидные пластинки, нуклевидные орудия и другие изделия из кварца). Аналогии такому инвентарю имеются только в древнейших стоянках культуры Аскола в Финляндии и на самых древних (не позднее VIII тысячелетия до н. э.) мезолитических стоянках Карелии.

Раскопки на стоянке Сулгу III г открыли чистый комплекс раннеолитического инвентаря с керамикой типа Сперрингс, а на стоянках Кудома VIII и Кудома X — смешанные разновременные комплексы.

Неолитическая стоянка Кудома X в средней части перекрыта маломощным культурным слоем железоделательной мастерской раннего железного века. Собран значительный вещевой материал из комплекса мастерской: десятки железных криц, обломок железного ножа, большое количество шлаков и ошлакованного железа, фрагменты сетчатой, штрихованной, пористой и гладкой керамики.

Раскопан горн, сложенный в виде ящика из шести больших кварцитовых плит. Горн был построен в четырехугольной яме размерами 110×90 см на глубине 30 см от древней поверхности. На дне ямы насыпан слой древесного угля толщиной до 10 см. По углю дно ямы выстлано слоем небольших валунов (диаметр их 8—10 см). На валунах сложен каменный ящик-горн. Сверху горн засыпан мелким суглинистым песком, не пропускающим воздуха, под песком залегала сплошная корка легких шлаков, а под нею — порошкообразный разложившийся древесный уголь с большим количеством кусков тяжелого шлака и мелких каплеобразных кусочков ошлакованного железа. Судя по всему, сыродутный процесс в горне по какой-то причине не был закончен, крица не образовалась.

Довольно интересны предварительные данные, полученные при раскопках двух могильников.

Мезолитический могильник открыт в 1 км к востоку от пос. Кудома. Он тянется узкой полосой (не шире 5—6 м) вдоль подножия невысокого каменистого оза. Длина его около 200 м. Такое расположение могил объясняется, видимо, тем, что к подножию оза подходили воды Сямозера. Оз был полуостровом, омываемым водой с трех сторон.

Раскопано пока 12 погребений. Костяки не сохранились. Могильные ямы заполнены ярко-красным песком. Залегают они в светло-желтом

песке, перекрыты дерном (3—5 см), серым подзолом (4—8 см) и оранжевым песком (8—16 см). Длина их от 1,1 до 2 м, ширина от 0,45 до 0,7 м, глубина от древней поверхности 20—30 см. Все ямы ориентированы с северо-запада на юго-восток с отклонениями в ту или иную сторону. Большинство погребений снабжено инвентарем (каменные орудия, осколки и отщепы камня). Имеются также кальцинированные косточки животных, оставшиеся, видимо, от пищи, положенной в могилы. Ближайшие аналогии инвентарю могильника имеются на стоянке Сулгу IV, расположенной в 300 м к востоку от могильника. Вероятно, населением этой стоянки и оставлен данный могильник. Датируется стоянка V тысячелетием до н. э.

Неолитический могильник открыт в 0,5 км к северу от пос. Кудома, на левом берегу р. Кудомы. Площадь могильника пока не известна. Площадь раскопа 44 кв. м. Раскопано пять погребений. Костяки не сохранились. Все могильные ямы ориентированы с северо-запада на юго-восток, как и в мезолитическом могильнике. Они расположены вокруг большого очага, который имеет четырехугольную форму. Размеры очага 2,2×2,6 м, мощность его зольно-углистой линзы до 50 см. В зольно-углистой линзе по всей площади очага залегали десятки валунов диаметром от 5—10 до 15—20 см. Очаг имел, видимо, культовое назначение. Возможно, здесь приносили жертвы в честь умерших предков.

Могильные ямы заполнены красным песком, поэтому их линзы хорошо прослеживаются в светло-желтом песке, в котором они залегают, перекрытые дерном и тонким слоем серого подзола. Размеры могильных ям: длина от 1,3 до 1,8 м, ширина от 0,55 до 0,9 м, глубина от 0,5 до 1 м. В ямах и рядом с ними собраны фрагменты развитой ямочно-зубчатой керамики, шлифованные сланцевые орудия и их обломки, кварцевые орудия, осколки кварца, сланца, куски обожженного древесника и кальцинированные косточки животных.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БАССЕЙНЕ ПИНЕГИ

Г. М. Буров

Вычегодско-Двинский археологический отряд Коми филиала АН СССР провел разведки в долине р. Юлы, притока Пинеги, по самой Пинеге, а также в районе водораздельного оз. Красный Окунь, из которого берет начало р. Явронька, впадающая в Юлу. На Юле обнаружены три стоянки (Усть-Юла, Юрас и Нема), на Пинеге — одна, близ озера — две.

Наибольший интерес представляет долговременное поселение Явронька I, занимающее крупный останец низкой надпойменной террасы на левом берегу Явроньги. В раскопе на останце обнаружены две очаж-

ные ямы и два выложенных из валунов очага. Прослеживаются четыре этапа заселения, из которых древнейший, мезолитический, выделяется стратиграфически. Керамические комплексы расчленяются типологически и планиграфически.

Мезолитический комплекс представлен микролитическими пластинами, изделиями из них и нуклеусами. Среди изделий — вкладыши с ретушью, концевые скребки, угловые резцы и свидероидные наконечники стрел. Последние позволяют сопоставить данный комплекс с мезолитическими комплексами висских поселений в районе оз. Синдорского и стоянок каргопольского озерного района (Ягорба).

Второй (основной), волго-окский неолитический комплекс включает яйцевидные остродонные сосуды из глины с примесью дресвы, орнаментированные ямками, оттисками прямозубого, личинковидного и косозубого штампов, отпечатками «перевитой веревочки» или удлиненными углублениями. Венчик чаще всего снабжен бортиком изнутри, нередко орнаментирован. Керамика аналогична волго-окской неолитической посуде с поселений Привычегодья, каргопольского озерного района и беломорского побережья и относится к III тысячелетию до н. э. На поселении найдены также фрагменты камской неолитической посуды.

В третий, каргопольский комплекс включены сосуды с более тонкими стенками и чаще небольших размеров. Поверхность хорошо сглажена, нередко украшена лишь в верхней части, но венчик часто орнаментирован изнутри. Под ним находятся сквозные проколы. Сосуды украшены в основном при помощи узкого зубчатого штампа. На венчике обычны насечки. Керамика находит параллели на поселениях Синдора и каргопольского озерного района и датируется, по-видимому, началом II тысячелетия до н. э. В столь северных широтах она встречена впервые.

В четвертый, валиковый комплекс входят небольшие толстостенные, почти лощеные сосуды из глины с примесью шамота. Орнамент, состоящий из рядов мелких углублений, обычно захватывает верхнюю часть и дно. Комплекс имеет параллель в валиковой керамике висских поселений, однако на Явроньге I отсутствуют плоские днища (встречено острое) и нет рельефных элементов в орнаментации. Керамика выглядит архаичнее, чем аналогичная посуда из древнего Синдора, и датируется II тысячелетием до н. э., если не более ранним временем.

С керамикой описанных типов связаны кремневые орудия из отщепов: скребки, скобели, резчики, ножи различных типов, резаки, тесла и топоры, наконечники дротиков и стрел — лавролистные, ромбовидные и с выемкой у основания.

Между останцем и руслом реки при помощи бурения выявлен торфяник старичного происхождения. В раскопе обнаружены палки со срезами, сделанными узколезвийным орудием с сильно выпуклой рабочей кромкой. Этим они напоминают деревянные изделия из Висского II торфяника в районе оз. Синдорского. Большинство палок лежит полосой, указывая на место рыболовного заграждения. Найдена узкая гладкая

досочка с заостренным концом. Характер обработки позволяет предварительно, до получения результатов радиоуглеродного анализа, датировать комплекс железным веком.

Остальные поселения встречены или на I надпойменной террасе, или на низкой пойме у галечников (Юрас и Нема). Пойменные стоянки — это мастерские по обработке галечникового кремня. Наконечники стрел с выемкой в основании и с усеченным основанием позволяют определить их возраст в рамках бронзового и самого начала железного века.

В результате работ 1968 г. прослежены древнейшие этапы истории Пинежья, ранее известного археологам лишь по случайным находкам — клевцу ананьинского времени и бронзовому идолу I тысячелетия н. э. Поселение Явронька I — центр оседлого обитания на правобережье Северной Двины — является прямым аналогом древнему Синдору, хотя и было покинуто людьми еще во II тысячелетии до н. э., очевидно, в связи со снижением уровня воды в Явроньге (которая значительно меньше рек Синдора) и отступлением озера от останца. Явроньгинский торфяник — шестой старичный торфяник Северодвинского бассейна с древней обработанной древесиной.

О РАБОТЕ НЕВЕЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

А. М. Микляев, Р. С. Минасян

Невельская экспедиция Эрмитажа производила разведки в Куньинском и Усвятском р-нах Псковской обл. и в Велижском и Демидовском р-нах Смоленской обл. В Куньинском р-не обнаружены два кургана и произведена шурфовка на городище у дер. Ростани, в Усвятском р-не — зафиксированы пять курганов (из них два длинных) и четыре местонахождения кремневых орудий. В Велижском р-не открыты два кургана и ряд местонахождений кремневых орудий на реках Западная Двина и Сертейка. В Демидовском р-не обследованы городище и две полностью разрушенные позднеэолитические стоянки.

За время разведки обследованы Западная Двина от устья р. Торопы до границы Белорусской ССР, р. Межа от дер. Смольяны до дер. Устье и р. Сертейка от дер. Рудня до впадения в Двину, а также озера Сапшо, Чистик и Баклановское. На всей этой территории нет выразительных памятников каменного и бронзового века. Многочисленные местонахождения кремневых орудий свидетельствуют, что эти места часто посещались в древности, но долговременных поселений, по-видимому, здесь не было.

В Усвятском р-не производились раскопки селища Узмень II, культурный слой которого нарушен волашкой. Была вскрыта площадь около 200 кв. м. Найдено большое количество обломков толстостенной лепной неорнаментированной посуды, миниатюрные сосудики, обломки бикони-

ческих глиняных пряслиц, тигли, железные предметы, шлаки, крицы, синяя стеклянная призматическая бусина и кости животных. Полностью удалось восстановить четыре сосуда. Ближайшие аналогии им есть в материалах селища у дер. Жабино, могильника против с. Михайловского, исследованных Я. В. Станкевич, и верхнего слоя Банцеровского городища. Остатки жилищ обнаружить не удалось.

Селище Узмень II может быть датировано второй половиной I тысячелетия н. э. В основании культурного слоя селища найдено немного обломков сосудов и кремневые орудия, такие же как на позднеолитической стоянке Узмень I, расположенной поблизости.

О РАБОТЕ ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОТРЯДА

П. М. Долуханов, Г. М. Левковская,
Е. Н. Романова, А. А. Семенцов

В течение полевых сезонов 1967—1968 гг. на Северо-Западе европейской части СССР проводил работы палеогеографический отряд ЛОИА АН СССР. Задачей отряда было исследование опорных неолитических памятников: геоморфологическое изучение, сбор материалов для спорово-пыльцевого, диатомового, ботанического анализов, отбор образцов для радиоуглеродного датирования. Эти работы ставят целью создание абсолютной хронологии неолитических культур на Северо-Западе, а также сопоставление этапов развития неолитических культур с эволюцией природной среды. Особое внимание было обращено на изучение озерно-ледниковых котловин, широко распространенных на территории Северо-Запада. Эти котловины, образование которых произошло в позднеледниковое время, на протяжении голоцена проходили определенные этапы развития, обусловленные колебаниями уровня возникших в них бассейнов. Синхронизация этапов позволит синхронизировать развитие неолитических поселений, приуроченных к озерно-ледниковым котловинам.

Наиболее полные данные получены в результате изучения Усвятской (юг Псковской обл.) и Лубанской (восточная Латвия) котловин.

Заложение и начальные этапы развития Усвятской котловины относятся к позднеледниковому времени, которым датируются кремневые орудия мезолитического облика, найденные на берегах озерно-ледникового бассейна. Повторное обводнение котловины произошло в атлантическом периоде, а первая голоценовая трансгрессия Усвятских озер — в конце атлантического — начале суббореального периода. С первым максимумом этой трансгрессии связано возникновение и развитие свайного поселения Усвяты IVБ, со вторым максимумом — Усвяты IVA.

В суббореальное время произошла вторая крупная трансгрессия Усвятских озер. С этой трансгрессией и последовавшей регрессией связано возникновение поздних памятников усвятской группы: Усвяты I, Усвяты IVа, Узмень.

Для свайного поселения Усвяты IVБ получены радиоуглеродные даты: первый максимум первой трансгрессии — 5530±90 (ЛЕ—654); период спада — 4570±70 (ЕА — 105); время, непосредственно предшествующее второму максимуму — 3920±90 (ЛЕ — 649).

Сходная картина была установлена в Лубанской котловине. Заложение и начальные этапы развития отнесены к позднеледниковому времени. Вторичное обводнение котловины произошло в конце бореального — начале атлантического периода. Как и в Усвятской котловине, установлено существование двух крупных трансгрессивных циклов, причем первый проявился в виде двух последовательных максимумов. Первый максимум охватывал бо́льшую часть атлантического периода. Затем последовал непродолжительный спад (около 4500 лет тому назад). Второй максимум первой трансгрессии наступил на границе атлантического и суббореального периодов (4500—4000 лет тому назад). Вторая трансгрессия в Лубанской котловине произошла в суббореальном периоде (приблизительно 4000—3800 лет тому назад).

На основании палеогеографических данных и радиоуглеродных дат предлагается следующая периодизация памятников Лубанской котловины:

I. Время, предшествующее второму максимуму первой трансгрессии: Пиестиня — 4670±150 (ЛЕ—750); 4520±120 (ЛЕ—748) лет тому назад.

II. Регрессия между первой и второй трансгрессиями: Оса — 4000±60 (ЛЕ—758); Сулька — 4060±60 (ЛЕ—752).

III. Вторая трансгрессия и последовавшая регрессия: Эйни — 4000±±60 (ЛЕ—752); Абора — 3870±70 (ЛЕ—671); 3860±100 (ЛЕ—749).

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

С. В. Ошибкина

Череповецкий отряд проводил разведочные работы и раскопки в северной части Вологодской обл.— на р. Модлоне, озерах Веже и Вещозеро.

Обследование берегов Вещозера позволило обнаружить три неолитических памятника — Вещозеро I, II и III.

На стоянке Вещозеро I заложен небольшой раскоп. Найдены керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом и каменные орудия, среди которых кремневые наконечники стрел и дротика. Такой комплекс типичен для стоянок каргопольской культуры.

На р. Модлоне проведены раскопки стоянки Вшивая Тоня. Керамика здесь украшена ямочно-гребенчатым орнаментом, но узоры чрезвычайно разнообразны. Часть керамики относится, вероятно, к более позднему времени, чем обычно на памятниках этого типа. Найдено несколько наконечников стрел лавролистной формы, а также наконечники дротиков. Один из дротиков отличается массивностью, имеет черешок и оттянутые концы. Особого внимания заслуживает роговая пластинка круглой формы диаметром 1 см с отверстием посредине. Одна сторона поделки выпуклая, другая — плоская. По-видимому, пластина служила подвеской, одной из деталей сложного украшения одежды.

На озере Воже в 5 км от дер. Чаронда находится мыс Бревенник, где известна стоянка под тем же названием. Для определения стратиграфии памятника и его размеров было заложено несколько шурфов. В результате выяснилось, что перед нами редкий памятник неолитической каргопольской культуры. Отчетливо прослеживаются два культурных слоя, в каждом из которых встречена исключительно ямочно-гребенчатая керамика.

Возможно, при дальнейшем изучении материала из разных слоев, в особенности керамики, удастся выяснить различия, которые отражают разные хронологические этапы в развитии каргопольской культуры.

На периферии этого поселения обнаружен могильник, где мы заложили раскоп. В раскопе оказались четыре погребения: три — целиком, а одно зафиксировано в стенке. Все погребения находятся в нижнем культурном слое и, судя по профилям стенок, связаны с ним. Каждое из них сверху отмечено крупным валуном, который лежит на нижней части туловища погребенного. К погребальному инвентарю можно с уверенностью отнести небольшие тесла с квадратным сечением, лежавшие у бедра двух скелетов, а также янтарную круглую бусину (погребение 3) с относительно крупным отверстием.

ИЗУЧЕНИЕ НЕОЛИТА В АРХАНГЕЛЬСКОМ БЕЛОМОРЬЕ

А. А. Куратов

Архангельская экспедиция областного краеведческого музея и педагогического института изучала каменный век в низовьях Северной Двины и на Беломорском побережье. Разведочные работы и раскопки производились в пределах Приморского и Холмогорского р-нов Архангельской обл.

Обследование Орлецкого региона известняковых месторождений в Холмогорском районе позволило сделать ряд интересных наблюдений.

Участники экспедиции собрали большое количество желвачных конкреций цветного месторождения кремня: некоторые из них представляют собой целые желваки с естественной коркой на поверхности, другие — расщеплены на неправильные куски с желвачной коркой на одной стороне и негативами сколов — на другой; отдельные экземпляры выглядели, как сработанные дисковидные и призматические нуклеусы. По-видимому, здесь со времени верхнего палеолита (?) до эпохи раннего металла производилась открытая разработка и добыча кремневого сырья.

Все местонахождения зафиксированы на I надпойменной террасе (2—3 м), а наиболее древние — на II (7—8 м), в отложениях четвертичной системы, подразделяемой на древние континентальные и современные речные горизонты наносов.

Большой интерес представляет коллекция кремневых орудий и отщепов, собранная в окрестностях деревень Ступино и Ичково. Некоторые из орудий имеют очень архаичные черты. Один из массивных дисковидных нуклеусов поднят нами на гребне II террасы. По технике скола и условиям находки (выше неолитических памятников) это сильно патинизированное ядрище следует отнести, правда с большой осторожностью, к верхнему палеолиту.

В районе Орлецов обследованы три неолитические стоянки. Одна из них, расположенная в непосредственной близости от рабочего поселка Орлецы (на правом берегу Северной Двины), раскопана. Раскоп площадью 1200 кв. м позволил проследить стратиграфию памятника.

В верхнем слое, повсеместно перекрывающем собственно неолитический горизонт, обнаружена железисто-ржавая корка в виде буро-коричневых пятен; собраны фрагменты пода и оплавившиеся сопла примитивных железоплавильных горнов, железные крицы и небольшой черешковый железный нож.

Ниже этого слоя проходит горизонт неолитической стоянки, содержащий две разновременные прослойки. В верхнем слое обнаружено сравнительно немного глиняной посуды (около 300 фрагментов), представленной тонкостенными лепными горшками коричневато-желтого цвета, с отощающей примесью мелкозернистого песка в тесте. Орнамент нанесен редким ямочным и частым гребенчато-зубчатым штампом. Керамика этого типа имеет много аналогий в позднем неолите лесной полосы европейской части СССР и датируется концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Обнаружена керамика из нижнего слоя. Сосуды имеют более толстые стенки, обжиг плохой, в тесте примесь крупнозернистого песка. Внешняя поверхность сосудов украшена крупными ямочными вдавлениями, расположенными в шахматном порядке. Керамика второго типа, несомненно, более древняя и датируется по волго-окским аналогиям первой половиной II тысячелетия до н. э.

Каменный инвентарь стоянки представлен множеством отщепов (26 тыс.), нуклеусов, отбойников и разнообразных орудий (около 1 тыс.). Большую группу находок образуют так называемые заготовки для орудий. Среди орудий преобладающее место принадлежит наконечникам стрел, копий и дротиков, скребкам разных форм и размеров, а также своеобразным ножам книжально-листовидной формы.

На территории стоянки обследовано наземное жилище в виде прямоугольного в плане деревянного строения с хозяйственной ямой и очажным комплексом в центре.

Работы велись на Зимнем берегу Белого моря. Наибольший интерес представляют стоянки в устье р. Зимняя Золотица, частично раскопанные нами. Среди многочисленного кремневого и керамического инвентаря стоянок выделяется любопытный фигурный кремень в виде лунарной подвески, имеющей весьма близкую аналогию среди изображений на скалах оз. Онежского.

Разведка вдоль морского побережья к северу от р. Нижней Золотицы открыла неизвестные дюнные стоянки. Одна из них, близ рыбацкой тони Могилка, частично раскопана. Расположенная на второй гряде дюн, стоянка имеет богатый инвентарь и относится к среднему этапу развития культуры ямочно-гребенчатой керамики беломорского типа.

РАБОТЫ В НИЗОВЬЕ ВЫГА

Ю. А. Савватеев, П. Э. Пессонен, В. И. Яшков

Беломорская экспедиция проводила в низовье р. Выг раскопки стоянки Залавруга IV и продолжала изучение петроглифов Новой Залавруги. Параллельно проводились разведки по берегам озер Тунгудского и Березового, на островах Соловецкого архипелага и Кемского побережья Белого моря.

Раскоп на стоянке Залавруга IV занимает 688 кв. м, что составляет примерно половину всей площади поселения. Слой имеет значительную толщину (до 65 см) и интенсивную окраску: в верхней части он красноватый, в нижней — темно-серый, сильно гумированный, насыщенный мелкими угольками.

Выяснилось, что жизнь поселка наиболее интенсивно протекала на неширокой ложбине между двумя низкими, сглаженными береговыми валами. Но даже там каких-либо явственных жилых и хозяйственных комплексов выделить не удалось, расчищено лишь несколько очагов и около двух десятков кострищ. На поверхности поселения находилась большая каменная кладка округлой формы диаметром более 4 м, видимо, средневекового времени.

В каменном инвентаре стоянки много орудий из кремня: скребков, наконечников стрел, ножей, ножевидных пластин и т. д. Встретилось несколько фигурных кремней, изображающих зверей. Довольно богатым и разнообразным оказался сланцевый инвентарь, включающий много шлифовальных плит и брусков, нехарактерных для карельских стоянок грузил с канавками, наконечники стрел, обломок гарпуна, сланцевые кольца, грузик для лески, штамп для нанесения орнамента на глиняную посуду и др. Любопытно навершие с узким продолговатым отверстием и выщербинами от ударов по нижнему и верхнему краю. Большой интерес вызывают изделия из янтаря.

Разнообразным оказался керамический материал, включающий асбестовую керамику, ромбически-ямочно-гребенчатую и гребенчатую с растительной примесью в тесте. Встретилось несколько раздавленных сосудов, попадались фрагменты плоских днищ.

Тщательное наблюдение за распространением керамики по площади поселения и по глубине культурного слоя (стоянка раскопана горизонтами по 10 см каждый, захватывавшими большую площадь) показало, что все эти типы посуды сосуществовали, во всяком случае между ними нет большого хронологического разрыва. Это свидетельствует о совместном проживании на стоянке неоднородного по составу населения. Смешению различных групп населения в Беломорье способствовало появление переселенцев из восточных и юго-восточных районов, пользовавшихся гребенчатой керамикой с растительной примесью в тесте.

Поселение Залавруга IV по керамике и каменному инвентарю можно датировать второй половиной II тысячелетия до н. э. и относить к раннему бронзовому веку. Подтверждением тому служит находка медного (бронзового?) предмета — шила или проколки.

По топографии, высотным отметкам и материалу поселение близко стоянке Залавруга I, перекрывавшей новые петроглифы Беломорья. Любопытно, что под ним тоже распространяются почти горизонтальные скалистые уступы, местами имеющие гладкую поверхность. Не исключено, что при полной расчистке их встретятся новые изображения.

На самой Залавруге, раскопанной уже почти полностью, выявлено несколько десятков новых изображений. Так, на прибрежном склоне, в самом южном углу Залавруги удалось рассмотреть и скопировать остатки полуразрушенного скопления, в котором внимание привлекает сцена морского промысла и проходящая рядом с ней цепочка крупных следов (скорее всего человеческих). Много новых рисунков, преимущественно изображений лодок, выявлено в нижней части уступа с группой X; сцену морского промысла удалось разглядеть неподалеку от группы XXV. Пополнились новыми фигурами группы I, IX, XV. Все очевиднее становится, что до нас дошли не все наскальные полотна Залавруги. Да и поиски, даже на открытых уже скалах, нельзя считать законченными.

Около десятка новых изображений обнаружено в открытой А. М. Линевским группе Бесовы Следки, над которой теперь построен защитный домик-павильон.

В 400 м ниже по руслу, на острове Ерпин Пудас, найдена новая группа наскальных изображений, расположенных так же, как и на Залавруге, под слоем древнего поселения. Пока удалось раскрыть около 20 фигур: изображения лосей и оленей, лодки, белухи и др.

На берегах р. Тунгуды, озер Тунгудского и Березового примерно в 100 км к западу от Залавруги обследованию подвергались пять разновременных стоянок, среди них два поселения эпохи металла с большим количеством хорошо сохранившихся полуземляночных жилищ.

На островах Белого моря мы вместе с И. М. Мулло, В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской изучали наземные каменные выкладки: лабиринты, каменные кучи, сейды, частично опубликованные В. В. Виноградовым. Некоторые из них, например сейды, можно относить к числу саамских памятников.

ПОСЕЛЕНИЕ ТУРБИНСКОГО ТИПА У ПОЛЯРНОГО КРУГА

В. Е. Лузгин

Второй Печорский отряд археологов Коми филиала АН СССР закончил раскопки поселения турбинского типа Галово II в низовьях р. Ижмы. На площади 320 кв. м вскрыты две прямоугольные полуземлянки размерами 10×5 и 14×10 м с одним очагом в каждой. На современной поверхности жилищам соответствовали овальные углубления, причем одно из них было суффозионного происхождения. Культурные остатки, как и в предыдущих случаях, располагались в пределах жилищных ям, углубленных в материк до 0,5 м.

Вещественный материал представлен типичными турбинскими формами кремневых орудий: наконечниками стрел с усеченным основанием, скребками различных форм и размеров, ножевидными орудиями саблевидной формы. Керамика по форме, составу глиняного теста и орнаментации аналогична глиняной посуде гаринских поселений. Сосуды разных размеров — от 12 до 26 см в диаметре — с уплощенным сверху венчиком напоминали неглубокие открытые чаши или имели полуяйцевидную форму. Внешняя поверхность сплошь покрыта орнаментом, состоявшим в большинстве случаев из параллельных рядов косо поставленных отпечатков зубчатого или гладкого штампов. В глиняное тесто добавлялись растительная примесь и дресва, причем в каждом жилище встречалась керамика и с растительной примесью, и с дресвой.

В обоих жилищах прослежены следы плавки металла — при разборке кострищ найдены кусочки шлака, застывшие капли металла и обломок литого украшения, напоминающего абашевские.

Не совсем ясной остается планировка поселения, занимающего значительную площадь, равную по крайней мере площадям турбинских поселений Прикамья. Жилища поселения Галово II двух типов: с одним и двумя очагами. Одновременная постройка разнотипных жилищ подтверждается стратиграфическими наблюдениями. Большая мощность культурного слоя в жилищных впадинах и значительная насыщенность его культурными остатками свидетельствуют о существовании поселения в течение нескольких сезонов.

Поселение турбинского типа Галово II является уникальным памятником раннего бронзового века на территории европейского Северо-Востока. Расположенный в приполярной зоне, более чем в 800 км от Прикамья, памятник содержал однообразные культурные комплексы в жилищах. Последнее особенно важно, поскольку вне ареала турбинской культуры подобных жилищ до сих пор не обнаружено. По типу жилищ и характеру вещественного инвентаря поселение Галово II занимает промежуточное положение между памятниками гаринского и борского этапов турбинской культуры Прикамья. Прямоугольные полуземлянки ижемского поселения аналогичны гаринским жилищам. Однако в орнаменте глиняной посуды отсутствует «шагающая гребенка», а в кремневой технике наблюдается постепенный упадок (отсутствие ножевидных пластин, одиночные экземпляры орудий тонкой выделки при подавляющем большинстве орудий на отщепах). Дата поселения Галово II — первая половина II тысячелетия до н. э.

РАСКОПКИ НА УРОЧИЩЕ ПЛАКУН БЛИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Г. Ф. Корзухина,
О. И. Давидан

На правом берегу Волхова против староладожской крепости на окраине дер. Чернавина в урочище Плакун расположен могильник, состоящий из 13 плоских низких курганов. В 1940 и 1952 гг. 11 насыпей исследовали В. И. Равдоникас и Н. Н. Гурина. Под курганами были обнаружены остатки трупосожжений на стороне, совершенные в ладьях. В. И. Равдоникас отнес курганы урочища Плакун к погребальным сооружениям норманнов и датировал их X в.

В 1968 г. Староладожский отряд Института археологии АН СССР исследовал предпоследний курган данной группы (курган 11). Он пред-

ставлял собой едва заметное всхолмление без четких границ с огородными грядками на поверхности. Только после снятия 30 см слоя огородной земли выявились форма и размеры кургана. Он был насыпан из материковой глины и имел диаметр 12 м при высоте 0,30 м. Рвика вокруг него не было. Примерно в центре кургана в насыпи, на уровне погребенной почвы расчищена группа камней (булыжник и плитняк), вытянутых широкой полосой на 2 м по направлению с северо-запада на юго-восток. Среди камней найдены 63 целые и фрагментированные ладейные заклепки и гвоздики, немного углей и золы. После снятия камней под ними выявилась большая и глубокая прямоугольная погребальная камера (2,80×1,75×0,70 м), выкопанная в материке. Ось ее имела то же направление, что и наброс из камня. На дне камеры помещалось гробовище прямоугольной формы (0,95×2,15 м). Пространство между продольными стенками камеры и гробовища было завалено в два слоя бревнами.

Гробовище сделано очень тщательно. Оно имело дно с двумя шпонками, вертикальные стенки и крышку, которая провалилась внутрь гробовища под тяжестью набросанных на нее камней.

Сохранность костяка крайне плохая из-за высокого уровня грунтовых вод. К тому же рухнувшие внутрь доски и камни потревожили костяк, от которого уцелели лишь отдельные части бедренных костей, голеней и предплечий, несколько мелких костей черепа, откатившегося к середине продольной стенки гробовища, и три зуба. Из инвентаря почти ничего не осталось. В ногах найдена часть долбленного корытца и стенки маленькой круглой берестяной коробочки. Почти по всему дну гробовища, в особенности же вдоль правой стороны костяка, попадались следы ржавчины от полностью разрушившихся железных вещей. В нескольких местах были заметны зеленые крупинки — остатки изделий из бронзы. В ряде мест сохранились какие-то органические остатки (войлок, мех?). За пределами гробовища и внутри него попадались большие куски бересты. Судя по отсутствию бус и большому количеству железных вещей, можно предположить, что в кургане 11 был погребен мужчина.

В связи с полной гибелью инвентаря датировать погребение можно только в пределах хронологических рамок всего могильника, т. е. IX—X вв.

По погребальному обряду курган 11 выделяется среди остальных курганов могильника. Прежде всего это единственное в группе трупоположение. Кроме того, погребения описанного типа — гробовище в камере, заваленное бревнами и камнями, и с остатками сожженной ладьи над крышкой — необычно для Приладожья вообще.

НОВГОРОДСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Г. А. Авдусина, А. С. Хорошев, В. И. Орлов

Новгородская экспедиция работала в двух районах города. Выбор мест раскопок обусловлен тем, что в ближайшее время эти участки должны быть застроены. Один из раскопов был заложен на современной Славной улице. В древности эта территория находилась на границе Славенского и Плотницкого концов, между улицами Рогатицей и Лубяницей.

В раскоп вошла южная часть усадьбы, выходившей на Лубяницу, занятая, вероятно, огородами. Культурный слой сильно перекопан в результате сооружения здесь дренажной системы. Вскрыты три ее яруса, последовательно сменявших друг друга и состоявших из колодца-водосборника, двух труб, по которым вода поступала в колодец, и одной выводной. Находки на этом раскопе немногочисленны и обычны для культурного слоя Новгорода. Стеклянные посеребренные бусы датируют нижние слои этого участка XI в.

Второй раскоп заложен вблизи Ярославова Дворища, к югу от него, на берегу Волхова. Эта территория древнего Новгорода была занята Готским двором, который существовал здесь до середины XVI в. и включал различные жилые постройки и склады.

Раскопками этого года впервые в Новгороде был открыт комплекс, связанный с торговлей. Вскрыта лишь небольшая часть Готского двора, занятая, по-видимому, складскими помещениями. Одно из них (сруб размерами 8,5×8,5 м, диаметр бревен 0,6—0,7 м) расчищено полностью, другое — частично (его размер по северной стене 10 м). Погибли постройки во время сильного пожара, местами выгорели даже доски пола и переводы под ними. С западной стороны срубы были обнесены частоколом из толстых бревен.

Среди находок, связанных с этим комплексом построек, интересна круглая бронзовая крышечка, в центре ее изображен всадник-охотник, рядом бежит собака, на руке всадника — сокол; вокруг этого центрального изображения — растительный орнамент. Отметим также пять костяных шахматных фигурок, отличных от древнерусских; свинцовую гирьку, по форме и весу также отличающуюся от обычных древнерусских; западноевропейские бронзовые счетные жетоны.

Предварительно этот комплекс можно датировать концом XIV—XV в. Результаты дендрохронологического анализа позволят уточнить эту дату.

Раскоп законсервирован до следующего сезона. В дальнейшем его площадь должна быть расширена.

Кроме работы в Новгороде, экспедиция провела исследование могильника у дер. Верхний Перемыт Маловишерского р-на. В нем насчитывается более 50 жальников.

Могильник расположен на левом берегу р. Мсты, на пологом холме, поросшем высокими елями и соснами и окруженном распаханными полями. Южная часть могильника на площади около 1200 кв. м раскопана. В северной части сохранились остатки часовни.

Очертания могил в южной части могильника прослеживаются четко, на остальной площади они менее заметны. Вскрыто десять жальников. Все могилы имели каменную обкладку по основанию. Обряд погребения — трупоположение, костяки вытянуты на спине головой на запад. В одной из могил расчищено парное погребение, в другой кроме основного захоронения было и впускное. Все погребения, за исключением одного, в котором найден железный нож, без вещей.

Судя по положению костяков, форме обкладок могильных ям (четырехугольных и вытянутых овальных), отсутствию инвентаря и небольшой (0,8—0,9 м) глубине могильных ям, могильник можно отнести к XIV—XV вв.

РАСКОПКИ ДРЕВНЕЙШИХ КАМЕННЫХ БАШЕН НОВГОРОДА И ПСКОВА

М. Х. Алешковский

В истории каменного крепостного зодчества древней Руси меньше всего изучен период появления первых каменных стен и башен. Каменные крепости Старой Ладоги (1116 г.) и Копорья (1292 г.) археологически не исследованы. По раскопкам известны лишь небольшой фрагмент каменной башни Новгородского Детинца (1302 г.), отрезки каменных стен Новгородского Детинца (1332 г.) и Новгородского острога (1335 г.) и три каменных башни Новгородского острога (1391 г.).

В 1968 г. Центральные научно-реставрационные мастерские раскопали хорошо сохранившиеся остатки еще двух каменных башен Новгородского острога, поставленных, по летописи, в 1391 г. Это Федоровская и Славкова башни на Торговой стороне Новгорода. Они проездные, сложены из розового ракушечника на известковом растворе с сильной затиркой толстых швов. Ширина проездной части каждой башни равна 4,6 м. Однако длина проезда больше, чем у ранее раскопанных башен — 12,5 м. Пилоны более узки — 2,4 м. Проезды также оформлены тремя лопатками, но крайние их пары, выходящие к полю, значительно шире двух других. В них найдены щели для опускных решеток (герс). Найдены и пазы для деревянных воротных засовов. Кладка пилонов сохранилась местами до 3—4 м. Для преграждения доступа воды в город во время половодий в проездах сделана подсыпка из глины.

Остатки вала внутри проездов не обнаружены. Фундаменты башен заглублены в материк с его поверхности. Следовательно, вала на местах

строительства башен до 1391 г. не было. В Федоровской башне прослежено, что вал вместе с глиной, заполняющей нижнюю часть проезда, насыпан после окончания строительства 1391 г. Это хорошо согласуется с летописным сообщением о сооружении вала на Торговой стороне в 1392 г., на следующий год после строительства башен. Видимо, и весь вал Новгородского острога насыпан не в XII в., как предполагают большинство исследователей, а в XIV в. Это мнение подтверждается и письменными источниками и археологическими данными. Говоря об «остроге» XII—XIII вв., летописи подразумевают быстрое, вызванное внезапной военной опасностью сооружение деревянной, видимо тыновой стены и ни словом не упоминают о вале или рве. Такая стена строилась каждый раз при приближении противника. Упоминания же строительства вала и рва известны лишь под 1372—1392 гг.

Вал и ров сооружались медленно, отдельными участками, в разные годы на Софийской и Торговой сторонах. Такое грандиозное сооружение, протяженностью 6,5 км, иначе и не могло быть возведено. Его возведение началось со строительства каменной стены в Славянском конце в 1335 г. Раскопки А. В. Арциховского, вскрывшие остатки этой стены, показали, что здесь не было никакого вала XII—XIII вв. Следующий этап окружения новгородского посада кольцом оборонительных сооружений отделен от первого этапа чуть ли не полувеком: в 1372 г. вал насыпают вокруг Софийской стороны. Археологические данные подтверждают эту дату: под валом и в ядре вала на участке около современной Ленинградской улицы (раскопки П. А. Раппопорта 1959 г.) найдена керамика XII—XIV вв. (определение Г. П. Смирновой). Интересно, что и вал у Прусской башни на Софийской стороне, по наблюдениям Л. Е. Красноречьева, тоже сооружен не раньше 1372 г., а его участок к югу от башни — лишь после 1391 г. В 1391 г. были поставлены башни по валу и отдельные участки каменных стен в тех местах, где вала еще не было. Эти стены после их разрушения засыпали глиной и землей.

Раскопки 1968 г. позволили обрисовать и совершенно не изученные начальные этапы каменного строительства Псковского Крома. В 1337 г. псковичи расширили территорию Крома к югу от Троицкого собора, присоединив к Крому территорию его предместья — «охабня», как его называли летописцы. «Охабень» находился на низменной местности к югу от кремлевской скалы. Его окружили «персями» — каменными стенами с проездными башнями с захабами — и устроили «пространный путь» от Великих ворот «на город», к Троицкому собору. В 1393 г. «перси» перестроили, а в 1400 г. построили две башни — Кутекрому на стрелке Кремлевского мыса и «на Радчине всходе» над Псковой, в том месте, где в XVI в. летопись упоминает Свстовую башню над Рыбным Торгом и где в 1699 г. построили колокольню Троицкого собора. В том же году была возведена и западная стена Крома над Великой, упоминаемая в летописи и перевязанная с башней Кутекрома 1400 г. В 1417 г. псковичи построили башню над Псковой к северу от башни «на Радчине всходе».

В том же году она разрушилась, и ее восстановили в 1419 г. Обе башни — и 1417 и 1419 гг.— раскопаны в 1968 г.

Остатки башни 1417 г. выступают из-под стен башни 1419 г. Наиболее интересным открытием была стена, отходящая к югу от Средней башни 1419 г. и перевязанная с ней. Летопись говорит о закладке «персей» как раз в 1419 г., что позволяет отождествить найденную стену с «персями» и считать, что они были не только южной стеной Крома, а охватывали всю его южную треть, т. е. «охабень». В 1517 г. Средняя башня 1419 г. разрушилась (стена «персей» 1419 г. упала еще раньше, через три года после постройки). В том же 1517 г. остатки башни 1419 г. были перекрыты новой стеной, выстроенной Иваном Фрязиным и сохранившейся до наших дней. Последний участок деревянной стены Крома стал каменным в 1452 г., когда летопись упоминает о строительстве всей восточной стены вдоль Псковы. И действительно, стена, подходящая к Кутекрому со стороны Псковы, не перевязана с кладкой башни и на целый метр толще стен 1400 и 1419 гг.

Таким образом, процесс перерастания деревянного Крома в каменную крепость охватил время между 1337 и 1452 гг. Он очень похож на процесс, прослеженный нами при раскопках Новгородского Детинца. Основные этапы этого процесса синхронны для обеих крепостей. Сосредоточение трех из пяти башен Крома на небольшом участке над Рыбным Торгом, а месте приступа, подтверждает вывод В. В. Косточкина, сделанный на материале пограничных крепостей, что в конце XIV — начале XV в. башни в каменных крепостях строились на их приступах.

РАСКОПКИ В ПСКОВЕ У ЗДАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

И. К. Лабутина

В Пскове начаты охранные раскопки на площади В. И. Ленина, у юго-восточного торца основного здания Педагогического института. Раскопки финансировались Псковской специальной научно-реставрационной мастерской.

Участок археологических работ входил в центр средневекового Пскова (в границах стены 1309 г.). По наблюдениям за земляными работами и данным буровых скважин, культурный слой здесь имел мощность не менее 4—6 м от современной поверхности.

Площадь раскопа равнялась 460 кв. м. Верхняя часть слоя до отметки около —1,4 м от условного нуля была снята с помощью бульдозера. Пласты 8 — 10, лежащие ниже, снимались вручную. Состав находок и стратиграфические наблюдения позволили установить, что культурный

слой участка хорошо сохранился и мало затронут позднейшими перекопами. По находкам снятые культурные отложения пластов 8—10 датируются XVI—XVII вв.

Остатки сооружений в пласте 8 имели плохую сохранность, а в пластах 9—10 — несколько лучшую. Сильное разрушение дерева в верхней части слоя наблюдалось при раскопках и на других участках в Пскове.

Сооружения пласта 10 (два сруба, развалы печей на глинистом растворе, замощение переулка, многочисленные замощения дворов, частоколы) и находки говорят о жилом характере застройки. Традиционной для XVI—XVII вв. здесь была ориентировка сооружений по осям северо-восток — юго-запад и северо-запад — юго-восток, что в общих чертах соответствует исторически сложившейся застройке вдоль стены 1309 г.

Среди находок преобладала керамика различных форм: фрагменты горшков, крышки сосудов, фрагменты кувшинов, водолеев, в том числе черного и серебристо-серого лощения. Носики водолеев имитировали головы лошадей, баранов. Несколько фрагментов изразцов — «красных» и зеленой поливы, фрагменты дугообразных кирпичей, лицевая часть которых украшена врезными треугольными орнаментами, представляли строительную керамику.

Среди железных предметов много гвоздей, скоб, ножей, топор, ключи от замков врезных и цилиндрических, сковорода, пряжки, светцы и др.

Много изделий из камня: грузила, бруски точильные, гранитные ядра до 10 см в диаметре и шлифовальный камень для их обработки. Несколько меньше изделий из кости и цветных металлов. Янтарь представлен крестиками и бусами.

РАБОТЫ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. Никитин

В Вологодской обл. раскапывались два славянских поселения и проводились разведки, частично захватившие Архангельскую обл. Исследовались Никитский и Федосьин городки, расположенные на Шексне, вблизи быв. Горицкого монастыря (Кирилловский р-н Вологодской обл.). Сейчас, после поднятия Шексны, этот участок представляет собой два небольших острова, разделенных проливом.

О Федосьином городке известно, что в первой половине XIV в. он принадлежал дочери Ивана Калиты—Федосье. Зондаж поселения показал, что оно занимало сравнительно небольшую площадь (100×50 м) в центральной части северного склона городка и лежало в углублении, защищенном крутым обрывом реки. Следы земляных укреплений не обнаружены. Вероятнее всего, Федосьин городок можно отнести к поселениям

открытого типа. Толщина культурного слоя с небольшим количеством находок не превышала 40 см. Преобладала керамика со слабо отогнутым венчиком, чаще всего гладкая. Найдены кресты-тельники и монеты XVI—XIX вв. Материал домонгольского времени не встречен. Видимо, к моменту владения городком княгиней Федосьей это было недавно возникшее славянское поселение на окраине Севера.

Никитский городок на мысовой части возвышенности занимал несколько большую площадь. Культурный слой (также не толще 40 см) сильно нарушен кладбищем. И этот городок был поселением открытого типа, хотя место для него было выбрано с учетом использования естественных преград. При раскопках удалось обнаружить остатки жилых и производственных построек. Найдены редкие для Севера обломки сосуда с именной надписью и фрагменты расписной керамики.

Поселение можно датировать временем не ранее XV в. Оба городка возникли если не одновременно, то вскоре одно за другим, возможно в связи с колонизацией края Кирилло-Белозерским монастырем.

Разведки сосредоточились в районе рек Ваги и Вели. Были обследованы верхне- и нижневельские городища, поселение при впадении р. Кулой в Вагу, городок напротив впадения р. Кокшеньги в р. Устье и поселение на р. Ваге у дер. Городище. Осмотрены так называемые чудские ямы в Вельском р-не и место, связанное с легендой о первоначальном возникновении Шенкурска.

Верхне- и нижневажские городища лишены культурного слоя, но на них сохранились частично или полностью остатки валов и пандусов и следы эскарпирования. Это городища-убежища.

Поселение на Ваге у дер. Городище с хорошо сохранившимся валом имеет небольшой культурный слой, содержащий остатки гончарной керамики. По находкам к нему близко городище на р. Устье, но оно больше. Это хорошо укрепленное славянское поселение.

Поселение при впадении р. Кулой в Вагу сильно нарушено кладбищем и поздними жилыми постройками. Только детальные раскопки позволят выявить здесь древние слои.

Легенды связывают первоначальное возникновение Шенкурска с устьем р. Шеньги. Осмотр показал, что здесь нет каких-либо следов городища. Оно и не могло тут существовать из-за низких песчаных берегов, неустойчивости русла Шеньги, открытого для просмотра всей площади с противоположного берега Ваги.

Осмотр «чудских ям» между реками Мулонда и Яманиха (Вельский р-н Архангельской обл.) не дает возможности утверждать, что они принадлежали финскому населению. Это ямы диаметром до 35 м и глубиной от 0,5 до 4,5 м. Они лишены находок и каких-либо следов использования в качестве жилых или оборонительных сооружений. Вероятней всего, их название связано с ошибочным истолкованием широко бытующей на всем Севере чудской легенды.

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО ОРЕШКА

А. Н. Кирпичников

Раскопки древнего Орешка (в XVII в.—Нотебург, с 1702 г.—Шлиссельбург, ныне — Петрокрепость Ленинградской обл.) впервые были проведены отрядом Ленинградской экспедиции ЛОИА при участии Государственного музея истории Ленинграда. Крепость на Неве, город Новгородской земли, предшественник Петербурга, Орешек был основан в 1323 г. на острове в истоке Невы, и его дальнейшая судьба была связана с обороной северных рубежей страны и развитием балтийской торговли.

В разных местах крепости заложено несколько раскопов. Они показали, что общая глубина культурного слоя достигает 2 м. Его верхнюю часть можно связать с XVIII—XIX вв. — здесь встретились, в частности, осколки штофов, бомбы и ядра петровской поры. На глубине 0,4—1 м были открыты остатки распланированных по единой системе срубных жилых и хозяйственных построек, судя по сопутствующему материалу — керамике, стременам, железным бытовым изделиям, весовой гире, относящихся к московскому периоду жизни Орешка, точнее к 1480—1570 гг. Следует также отметить развал железоплавильного горна с крицами и пролегавшую между домами улицу с деревянным настилом шириной 3 м. Удалось вскрыть четыре последовательных настила этой мостовой.

Дворы городских жителей этого периода были заброшены в последней четверти XVI в., что, видимо, было связано с уходом из крепости гражданского населения. Ниже шла нивелировочная подсыпка из песка и глины, еще ниже выявлены более ранние дворовые постройки, располагавшиеся двумя-тремя строительными горизонтами. Дерево этих построек и некоторые изделия отлично сохранились. Уцелели основания изб высотой три-четыре венца, стенки хлевов и клетей, перегородки скотных дворов, тротуары в проходах между сооружениями, отмечены развалы печей. Здесь найдена очень редкая в северорусских находках войлочная шляпа с отворотами, а также топор с целым топорищем, части кожаной обуви. Все эти предметы, как и глиняная посуда, относятся к концу XIII — середине XV в. и иллюстрируют, следовательно, новгородский период Орешка. Планировка построек XIV—XV вв. также выдержана по единой системе, правда несколько отличающейся от той, что бы-

Орешек. Войлочная шапка XIV в.

ла в XVI в. Некоторое изменение ориентировки построек, происшедшее в XV в., как и само членение слоя на «новгородский» и «московский», связаны, очевидно, с постройкой в конце XV — первой половине XVI в. кольца крепостных стен. В целом древности Орешка происходят из непотревоженного слоя и все вместе особенно важны для характеристики материальной и строительной культур русского города XIV—XVI вв.

Одновременно были заложены шурфы у стен и башен, в том числе и внутри цитадели. Фундамент стены сложен из одного ряда мощных валунов. На них положена кладка стены, состоящая из путиловской плиты. Каждый ряд с внешней стороны заботливо штукатурился. Обнаружены остатки Мельничной башни и ров перед ней, облицованный плитами в XVIII в.; расчищены бойница и часть внутреннего прохода. Эти работы в сочетании с реставрационными показали, что некоторые участки оборонительных сооружений строились одновременно. Они сильно пострадали в годы Великой Отечественной войны, и местами в пробоинах выступили деревянные связи. Спилы с этих связей и с бревен построек взяты для дендрохронологического анализа. Возможно, что дата постройки крепости будет уточнена.

В результате обследования окрестностей впервые обнаружены следы городских посадов, которые располагались напротив острова по обеим берегам Невы.

ОБСЛЕДОВАНИЕ БАШЕН СОЛОВЕЦКОГО КРЕМЛЯ

А. Н. Кирпичников, К. К. Шилик

По приглашению Соловецкого филиала Архангельского областного краеведческого музея авторами настоящего сообщения предпринято первое археологическое и геофизическое обследование башен Соловецкой крепости конца XVI—XVII в. Поводом для вызова археологов послужили сведения и рассказы о том, что в прошлом в башнях было много пушек и другого средневекового оружия.

Внутренность большинства башен в настоящее время захламлена, к тому же в начале 20-х годов выгорели их внутренние перекрытия. Внутри башни заполнены углем, бревнами и мусором. Для обнаружения скрытого в земле металла был использован магнитометр. По показаниям прибора в Архангельской башне был заложен шурф и на глубине 0,8 м обнаружены два чугунных пушечных ствола второй половины XVII в. Найденные стволы являются редкими образцами типового литья — они по форме и размерам стандартны: их общая длина 229 см, калибр 9,4—9,5 см. На торельных поясках выбиты цифры 1540. Еще одно чугунное орудие общей длиной 287,5 см и калибром 11 см аналогичным образом

открыто на глубине 0,5 м в Корожиной башне. По соседству оказались 400 ядер диаметром 5—13,5 см.

Найденные пушки по измерительным данным и отделке совпали с теми, которые значатся в описи соловецкого оружия 1676 г. как «проломные чугунные в станках на колесах». Речь, следовательно, идет об орудиях, использовавшихся во время знаменитого соловецкого восстания 1668—1676 гг. Ныне в Соловецком музее вместе с найденными насчитывается до 15 древних стволов, т. е. практически сохранилась почти вся чугунная артиллерия средневековой крепости.

Расчистка стволов, проводившаяся одновременно с раскопками, показала, что почти на каждом из них имеются надписи, чаще всего с обозначением веса и калибра, а в одном случае—года отливки (1702). Все находки и копии пушечных надписей оставлены местному музею. Целесообразны дальнейшие археологические поиски как на территории кремля, так и за его пределами.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

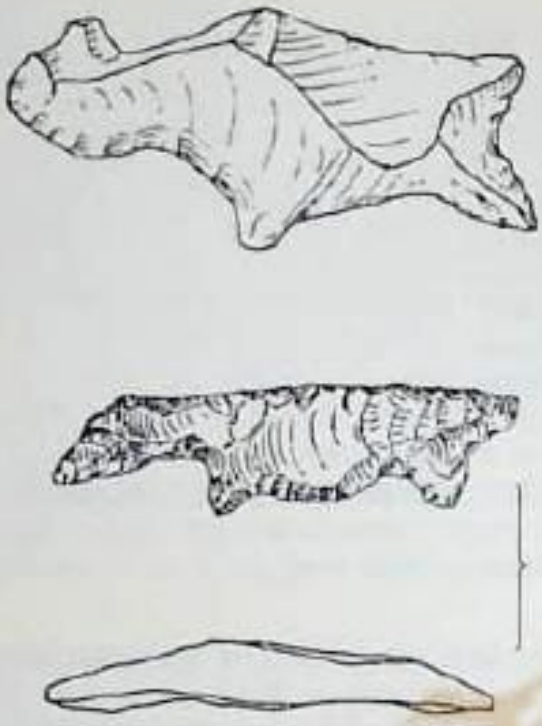
Д. А. Крайнов

Как и в предыдущие годы, Верхневолжская экспедиция производила плановые исследования в Ивановской, Ярославской и Калининской областях. За время работ были раскопаны две мезолитические стоянки, три стоянки неолита, грунтовый могильник фатьяновской культуры, одно городище дьяковской культуры и один славянский курганный могильник. Кроме того, разведочными работами открыто и частично обследовано около 15 новых памятников.

В Ивановской обл. продолжались раскопки поселения Стрелка у дер. Рыбино на правом берегу р. Лух. В раскопе общей площадью свыше 100 кв. м и глубиной от 120 до150 см прослежены два мощных горизонта волосовской культуры, относящихся ко II тысячелетию до н. э. Верхний горизонт в основном содержит керамику с растительной примесью, а нижний—керамику с примесью раковин. Разные формы сосудов с разнообразным орнаментом дают яркую характеристику двух этапов развития волосовской культуры. Обнаружено большое количество разнообразных кремневых и каменных изделий (топоры, тесла, ножи, наконечники стрел и копий, скребки, сверла и пр.) и всевозможных поделок из костей животных (гарпуны, иглы, рыболовные крючки, долота, шилья, кочедыки, игольники, подвески и пронизки из зубов и костей животных и пр.). Особый интерес представляют кремневые фигурки животных, напоминающие, в частности, собаку, «зубра», и медные и бронзовые вещи.

В огромном количестве найдены кости животных (северного оленя, бобра, лося, куницы, медведя, кабана и др.), водоплавающих птиц и рыб (осетровых, сома, язя). Поражает величина осетровых и сомовых костей. Набор орудий и костные остатки свидетельствуют об охотничье-рыболовческом характере поселения.

Наибольший интерес представляют остатки жилища прямоугольных очертаний. В нем обнаружены очаги, хозяйственные ямы, тлен от



Поселение Стрелка. Кремневые фигурки

столбов, береста и много развалов волосовских сосудов. Рядом с жилищем найдены два погребения, относящиеся, вероятно, к поздневолосовскому времени. Значение поселения Стрелка не только в указанных находках, но главным образом в том, что здесь прослежен чистый комплекс двух стадий волосовской культуры.

Разведочными работами обнаружены два новых фатьяновских памятника в Пестяковском р-не и новое поселение поздневолосовской культуры на р. Лух. Последнее интересно тем, что в нем наряду с волосовской керамикой найдена и фатьяновская.

В Ярославской обл. исследования были сосредоточены на раскопках Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры. Вскрыто 15 могил. Выяснены новые детали обряда погребения, подтверждающие группировку погребений на могильнике по семейному признаку. Среди погребального инвентаря особый интерес представляют найденные в значительном количестве каменные сверленые топоры-молотки и круглодонная глиняная посуда с разнообразным фатьяновским орнаментом. Следует отметить, что орнаментальный мотив в виде широкого заштрихованного зигзага («балановского типа») здесь более примитивен, а следовательно, и более древен, чем на сосудах Балановского могильника. Медные украшения и вещи подтверждают существование у фатьяновцев собственной металлургии. Обнаружено еще одно погребение собаки в могиле пастуха-воина. Волосово-Даниловский могильник пока остается самым большим могильником фатьяновской культуры. Сейчас уже здесь обнаружено свыше 100 погребений, а раскопана только половина холма. Расположение одних могил под другими и случаи нарушения их ям друг другом позволяют установить стратиграфию погребений и их хронологическую последовательность.

В окрестностях могильника были проведены разведочные работы с целью обнаружения фатьяновского поселения.

В Калининской обл. особый интерес представляют мезолитические стоянки у дер. Дмитровское и в урочище Черная Грязь (между деревнями Дмитровское и Щербово на левом берегу Волги).

Стоянка Черная Грязь расположена на песчаном берегу ручья, впадающего в Волгу. Всего на стоянке вскрыто около 150 кв. м площади. Мезолитический слой с находками кремневых изделий располагался

под погребенной почвой в рыжеватом песке. Находки обнаружены отдельными скоплениями. В одном таком скоплении найдено свыше 1 тыс. кремневых отщепов. Из кремневых орудий имеются боковые и срединные резцы, иногда с ретушью по скошенному концу, скребки на отщепах и сколах, асимметричные наконечники стрел с подретушированными со спинки и брюшка краями, скобели, нуклеусы и пр. Найдены отбойники и каменные плитки.

В 100 м от стоянки Черная Грязь 1 обнаружена дюнная стоянка 2 с находками правильно ограненных пластинок и микропластинок. Эти находки располагались непосредственно под погребенной почвой в песке. На противоположной стороне ручья найдена еще одна стоянка с кремневым инвентарем.

Все эти стоянки разновременны, и наиболее древней из них является стоянка Черная Грязь 1. Она по времени и характеру кремня близка к Дмитровской стоянке и мезолитическим стоянкам Угличского р-на Ярославской обл. (Золоторучье III, Богоявленской, Алтыново I и др.). Все эти стоянки относятся, по-видимому, к одной мезолитической культуре. Они отличаются от так называемых мезолитических стоянок с микролитическим инвентарем типа стоянки Скнятино. Между деревнями Дмитровское и Дуденево экспедицией обнаружено еще несколько стоянок. Некоторые из них относятся к неолиту и бронзовому веку.

Близ с. Отмич и поселения Отмичи II раскопано городище дьяковской культуры. Кроме того, в известной Дуденевской курганной группе раскопаны два кургана славянского времени. Найденный сосуд позволяет отнести их к XII в. н. э.

РАБОТЫ В КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Л. В. Кольцов

Разведочный отряд Верхневолжской экспедиции произвел раскопки трех разновременных памятников в Калининском р-не Калининской обл.: позднемезолитической Дмитровской I стоянки, стоянки раннего неолита Заборовье II и временного поселения раннего железного века Отмичи I.

Стоянка Дмитровское I находится в 100 м к западу от с. Дмитровского на левом берегу Волги, в 400 м от реки и на высоте 12 м над ее уровнем, на дюне. Культурный слой стоянки—желтый, слегка ожелезненный песок—залегал под погребенной почвой. Находки начались с глубины 30—40 см и продолжались до глубины 60—70, местами 90 см. Культурный слой насыщен находками неравномерно. На стоянке заложены два раскопа общей площадью 104 кв. м. В западном раскопе обнаружено несколько скоплений кремней, а также крупные камни, выложенные в виде довольно большого круга (диаметр 2,20 м). Возможно,

что эти камни отмечают границы жилища, хотя по расположению находок жилище не выделяется. В составе коллекции наконечники стрел двух типов (черешковые острые и черешковые с поперечным лезвием), резцы разных типов, скребки, ножи, проколки, пластинки со скошенным ретушью концом, топоры. Найдена обожженная лопатка животного, видовая принадлежность которого сейчас определяется В. И. Цалкиным. По составу инвентаря стоянка относится к позднему мезолиту. Ряд признаков роднит ее со стоянками конца мезолита в Угличском Поволжье.

Стоянка Заборовье II находится на левом берегу Волги, на мысе у впадения в Волгу р. Поддубки, в 100 м выше по течению дер. Заборовье, на I надпойменной террасе. Находки концентрировались в современном почвенном слое (темно-сером песке) и подстилающем его коричневатом песке, на глубине от 5—10 до 60 см. Культурный слой насыщен находками неравномерно: скопление их располагается ближе к краю террасы, а чем дальше от него, тем находок меньше. На стоянке заложены два раскопа общей площадью 126 кв. м. В раскопе I обнаружены остатки полуземляночного жилища четырехугольной формы: часть его разрушена окопами; размеры сохранившейся части 4,20×2,60 м. Кроме того, найдены четыре очага. Все они, вероятно, были обложены камнями. И размеры и ориентировка различны.

Среди многочисленных находок преобладают кремневые орудия и отходы их производства, причем орудий очень мало по сравнению с отщепами и осколками (около 2%). Исходя из этого, можно высказать предположение, что стоянка представляла собой мастерскую для производства каменных орудий. В составе коллекции наконечники стрел с двусторонней обработкой и на пластинках, скребки — концевые и округлые на пластинках и отщепах, ножи, топоры и тесла (есть с подшлифовкой на лезвии). Обращает на себя внимание полное отсутствие резцов. Керамика не встречена. Шлифованные и двусторонне обработанные орудия позволяют датировать стоянку неолитом. Некоторые наконечники стрел и топоры отмечены признаками мезолитической традиции в обработке камня, что позволяет отнести стоянку к раннему неолиту.

РАБОТЫ НА СЕВЕРЕ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

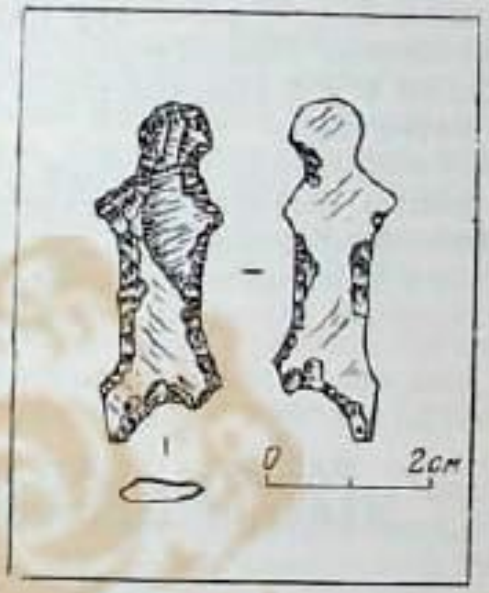
Ю. Н. Урбан

Калининский отряд Верхневолжской экспедиции, созданный на средства Калининского краеведческого музея и педагогического института, начал исследование памятников неолита на севере Калининской обл.

Разведками открыто более 30 пунктов с находками орудий и керамики неолитического времени, в том числе поселение Иловец I.

Оно расположено на низком песчаном берегу озера, у истоков речки Иловец. Примерно треть древнего стойбища уничтожена современной постройкой, а поверхность его изрыта ямами, из которых брали землю.

Прослежено два культурных слоя — славянский и неолитический, причем материал сильно перемешан. В славянском слое, мощность которого 0,3—0,4 м, а в ямах до 1,2 м, наряду с лепной керамикой курганного типа, железными ножами, шиферными пряслицами, крицами, встречено много керамики и орудий неолита. К славянскому слою относятся конические ямы, в которых много пережженных камней и углей. Обнаружена небольшая мастерская литейщика. Славянский слой ориентировочно можно датировать XI—XII вв.



Поселение Иловец I. Кремневая фигурка из погребения 3

Неолитический слой в значительной мере уничтожен. Его мощность колеблется от 0,05 до 0,4 м. Находки носят также смешанный характер. Удалось проследить, что в нижней части слоя преобладает поздняя ямочно-гребенчатая керамика, а в верхней — волосовская. Встречено несколько фрагментов шнуровой и сетчатой керамики.

Среди орудий можно отметить каменный топор с точечной обивкой и шлифованным лезвием, сланцевые шлифованные топорики, желобчатые долота, листовидные наконечники стрел, ромбический наконечник дротика, листовидный наконечник копья. Нуклеусов нет. Мало отщепов и ножевидных пластин.

В восточной части раскопа на уровне материка прослежено пять могильных ям. Погребения 1 и 3 ориентированы с юго-юго-запада на северо-северо-восток; 2, 4, 5 — с юго-запада на северо-восток. Могилы 1 и 3 имели глубину от уровня материка 0,1 — 0,15 м. Они были густо засыпаны охрой. Могилы 2, 4, 5 врезаны в материк на глубину 0,3—0,4 м, и охра в них прослеживается лишь отдельными пятнами. Скелеты ни в

одном из погребений не сохранились. По пятнам охры и расположению украшений в погребении 1 удалось выяснить, что покойник лежал на спине в вытянутом положении головой на юго-юго-запад.

Погребальный инвентарь разнообразен. В погребениях 1 и 2 обнаружено по 15 янтарных украшений. Это янтарные нашивки с V-образным сверлением, топоровидные подвески из янтаря и янтарные кулоны. В погребении 2 найдены два кремневых ножа у головы погребенного, концевой скребок из сечения ножевидной пластины в области таза и пластинчатый наконечник стрелы с ретушированным со стороны брюшка пером и насадом — в ногах.

В погребении 3 найдены пять янтарных нашивок с V-образным сверлением и одно янтарное колечко. У головы обнаружена кремневая фигурка человека, а у ног — два массивных кремневых отщепа и листовидный наконечник стрелы с двусторонней обработкой.

Погребения 4 и 5 оказались без инвентаря. В них прослежено лишь несколько пятен охры.

Могилы засыпаны культурным слоем поселения. В засыпке встречаются фрагменты ямочно-гребенчатой и волосовской керамики. Исходя из этого, можно предположить, что могильник поселения Иловец I появился не ранее волосовского времени. В целом нижний культурный слой можно датировать III—II тысячелетиями до н. э.

РАБОТЫ ДЬЯКОВСКОГО ОТРЯДА ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

М. А. Бухтеева

Дьяковский отряд Верхневолжской экспедиции продолжил исследование городищ на территории Калининской обл. Была вскрыта часть городища, находящегося между деревнями Отмич и Ширяево, в долине р. Тьмы, недалеко от ее впадения в Волгу. Площадь раскопа заняла 240 кв. м.

Городище Отмич расположено на останце древнего берега р. Тьмы. С напольной стороны оно было укреплено валом и рвом, а с юго-западной, по краю площадки,— небольшим валом и проходившим по нему тыном.

Культурный слой городища стратиграфически разделяется на нижний и верхний. Нижний слой плотный, серого цвета, с небольшими вкраплениями красноватой глины и коричневатыми прослойками; верхний — темный, рыхлый, иногда интенсивно черного цвета с прослойками угля. В обоих слоях в большом количестве найдена керамика. Отдельные фрагменты керамики и развалы сосудов позволяют судить о том, что она

очень близка керамике подмосковных городищ конца I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э. (Троицкое, Щербинское). Керамика слабо профилирована, по краю украшена ногтевыми вдавлениями, защипами, насечкой, штампиком, канавкой. Незначительный процент составляют лощеные и подлощенные сосуды, а также со штрихованной поверхностью. Сетчатой керамики немного. Иногда с сетчатым сочетается штамповый орнамент.

Коллекцию находок из глины составляют многочисленные (40) грузики дьякова типа, обломки рогатых кирпичей, пряслица, глиняные бусинки, льячки и уникальная для памятников этого типа статуэтка женщины (?), украшенная точечным орнаментом. Кроме нескольких линий, которыми, очевидно, подчеркнуты детали одежды, на квадрате, выделенном точечным орнаментом, нанесено несколько треугольников.

В процессе раскопок найдено большое количество железных и бронзовых вещей: ножи, серпы, шилья, наконечники стрел и копий, обломок кельта, пряжки, иглы, булавки, проницки, орнаментированные подвески, колечки, обломок гривны. Кремневых орудий (скребков, ножей, отщепов, сколов и т. д.) встречено мало. Основные находки и развалы сосудов обнаружены на глубине от 0,30 до 0,50 м; их можно связать с несколькими жилищами.

На городище прослежены остатки наземных жилищ прямоугольной формы, слегка углубленных в землю. Вероятно, с нижним слоем можно будет связать жилища, соединенные между собой крытыми переходами.

В восточной части раскопа вскрыта часть производственного комплекса: углубленная в материк площадка, около которой в большом количестве найдены железные и медные шлаки, куски криц, часть твердой корки бурого железняка, несколько целых льячек и их обломки.

В культурном слое городища найдено около десяти фрагментов шнуровой керамики и каменный сверленый топор-молоток. Почти все находки, относящиеся к эпохе бронзы, встречены в нижнем слое. Вероятно, под городищенским слоем существовало поселение бронзового века.

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. Н. Ерофеева

Славянский отряд Верхневолжской экспедиции раскопал две небольшие курганные группы XI—XIII вв. в Вичугском р-не Ивановской обл. Обе группы находятся по правому берегу Волги, между Плесом и пристанью Семигорье. Одна из групп (местное название — Могильцы) расположена в роще у дер. Абабково. В ней 27 насыпей полушарной формы диаметром от 5 до 10 м и высотой до 170 см. На всех курганах,

кроме одного, есть кладоискательские ямы, разрушившие или частично повредившие погребения. Другая группа обнаружена во время разведки в большом смешанном лесу на краю Курчинского оврага. Она состоит из десяти насыпей диаметром от 3 до 6 м, сплошь заросших молодой еловой порослью. Все курганы, кроме двух, также разрыты кладоискателями.

Обе курганные группы оказались идентичными как по обряду погребения, так и по вещественному материалу. Из 23 погребений в 22 были трупоположения на уровне горизонта, головой на запад, иногда с небольшими отклонениями. Костяки вытянуты на спине. Одно погребение, также с трупоположением, обращенным головой на запад, находилось в могильной яме глубиной 80 см. В одном из курганов открыты рядом два погребения, причем погребение женщины, по-видимому, являлось вводным. В некоторых курганах прослежены большие погребальные кострища, а также обкладка камнями у основания кургана.

Несмотря на ограбление могил кладоискателями, раскопки дали значительный вещественный материал, характерный для курганов так называемого костромского типа. Инвентарь состоял из височных колец, бус, подвески-дирхема, браслетов, перстней, шумящих привесок, поясных колец и железных ножей. Наиболее интересна находка серебряного дирхема хорошей сохранности, служившего подвеской к ожерелью из бус. Среди бус попадаются сердоликовые, хрустальные, каменные и глиняные, некоторые в виде пронизок. Височные кольца относятся к перстневидному типу. Диаметр их от 2 до 4,5 см, на одном конце — завиток, концы обрублены. Браслеты были двух типов: пластинчатые с суживающимися концами и плетеные. Перстни — витые, ложновитые, плетеные и щитковые с заходящими концами. К поясным кольцам на длинных ремешках, обвитых медными спиралями или с нанизанными колечками, были привешены железные ножи и шумящие привески в виде полой «уточки» и колокольчиков с подвесками на цепочках. Представляет интерес массивная медная пронизка Ф-образной формы с двумя ушками. Во всех курганах найдены фрагменты сосудов славянского типа с линейным и волнистым орнаментом и со следами клейма мастера на одном из них.

РАБОТЫ ВЕРХНЕДОНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Р. Ф. Воронина, В. П. Левенок,
В. И. Матвеева, Б. Г. Тихонов

Верхнедонская новостроечная экспедиция Института археологии АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея четырьмя отрядами вела раскопки в зоне водохранилища на р. Матыре в Грязинском р-не Липецкой обл.

Неолитический отряд под руководством В. П. Левенка докапывал стоянку Пункт 222 в пойме р. Матыры в урочище Ярлуковская протока. Здесь заложены четыре раскопа по 100 кв. м каждый. Стратиграфия памятника не отличается от прослеженной в раскопках прошлых лет.

В верхнем перепаханном слое найдены мелкие фрагменты керамики славянского времени и эпохи бронзы, кости животных, обломки «глиняных булав», наверший, ружейные кремни и др. Во втором горизонте преобладают обломки рифленой энеолитической керамики, встречена ямочно-гребенчатая и накольчатая керамика позднеолитического облика. Здесь же найдены кости коровы, лошади и свиньи.

В третьем и четвертом слоях преобладает днепро-донецкая накольчатая керамика, сопровождающаяся небольшим количеством изготовленных из черного мелового или цветного валунного кремня орудий: скребков, скобелей, ножей, нуклеусов и ножевидных пластин. Еще ниже лежит только остродонная днепро-донецкая керамика. Характер кремневой техники в нижних слоях близок к микролитическому. Кроме небольших ножевидных пластинок здесь довольно часты сечения пластинок, маленькие скребки, нуклеусы, наконечники стрел и краевые сколы. В раскопе VI на этой глубине расчищен ракушечник, половина которого исследована еще в 1967 г. Фауна представлена только дикими видами: лосем, бобром, кабаном и медведем.

Культурный слой стоянки У болотца (Пункт 243) достигал толщины 1 м. Материал, собранный при раскопках, в более позднем и обедненном варианте повторял инвентарь предыдущего памятника.

Р. Ф. Воронина исследовала стоянки бронзового века в 500 м к северо-востоку от пос. Новая Жизнь (Пункт 219) и на краю оврага у западной окраины с. Ярлуково (Пункт 360). Первое поселение расположено на краю песчаной террасы правого берега р. Матыры. Чтобы определить распространение культурного слоя, на террасе были заложены две взаимно-перпендикулярные траншеи. Траншея, идущая с востока на запад, разрезала жилище. Раскоп, заложенный на этом участке, позволил установить, что жилище имело прямоугольную форму и было незначительно углублено в грунт. В центре и западной части жилища прослежены два углубленных в песок круглых очажных пятна. Других деталей конструкции выявить не удалось.

Вторая стоянка расположена на высокой боровой террасе Ярлуковской протоки. Здесь на поверхности четко прослеживаются три жилищные впадины, одна из которых раскопана. Край впадины, обращенный к оврагу, разрушен, и полностью жилище исследовать не удалось. Полуземлянка прямоугольной формы имела длину около 25 м, ширину 9 м и была углублена в песок на 0,8 м. В жилище отмечены столбовые ямы и остатки кострищ. Жилище погибло во время пожара.

Отряд Б. Г. Тихонова произвел раскопки стоянки в 500 м к западу от с. Ярлуково (Пункт 242) и поселения к востоку от с. Казинки (Пункт 229).

Первая стоянка находится на боровой террасе правого берега Ярлуковской протоки. Поверхность террасы покрыта молодым лесом, и раскопы были заложены по безлесному краю террасы.

В одном раскопе не было никаких остатков строительных сооружений. Здесь выявлена интересная свита культурных напластований. Под чистым слоем серого песка лежала тонкая желтая песчаная прослойка, под которой шла сначала черная, а ниже — серая супесь с находками. Все эти слои подстилала глина. В верхнем слое супеси обнаружена керамика славянского времени и позднего бронзового века, в частности абашевская. Ниже встречена керамика срубной культуры, а в самом низу — небольшое количество неолитических фрагментов.

Раскоп, заложенный к западу, за небольшой промоиной, почти повторял стратиграфию и материал первого, но в самом нижнем слое обозначились очертания углубления, напоминавшего жилищную впадину и уходившего в стенку раскопа.

Последний памятник (Пункт 229) расположен на краю коренной террасы левого берега р. Матыры. Заложенные на этом участке два раскопа позволили установить, что стоянка, как и все предыдущие, относится к позднему бронзовому веку. Из находок следует отметить обломок глиняной формы для отливки топора (?).

Отряд под руководством В. И. Матвеевой провел раскопки славянских памятников в урочище Митькин запор (Пункт 221) в устье Ярлуковской протоки и в урочище Крутые горы (Пункт 237) на террасе правого берега реки, к югу от дер. Каменная. Материал позволяет датировать оба памятника XII—XIII вв.

МОСКОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Д. А. Беленькая, А. Ф. Дубынин, К. А. Смирнов, А. А. Юшко

Исследования Московской экспедиции, как и в прошлые годы, связаны почти исключительно с новостройками Москвы и Подмосковья и часто носят контрольно-охранный характер. Московская экспедиция в 1968 г. работала несколькими отрядами.

Московский городской отряд в основном вел археологические наблюдения при строительных и реставрационных работах в Китай-городе Москвы. Так, на Английском подворье удалось проследить несколько ранних перестроек. Работы по прокладке коллектора на пересечении Большого Черкасского переулка и улицы Куйбышева позволили выделить мощный слой XVII в.— времени существования на этой территории монастырских подворий. Наблюдения за шурфами у здания церкви Всех Святых на Кулишках дали возможность выделить любопытные де-

тали рельефа восточного склона Китай-городского холма. Были продолжены и начатые в 1964 г. исследования в районе строительства в Ипатьевском переулке Китай-города. Наблюдения за траншеями строительства в значительной степени пополнили сведения о застройке этого района в XV—XVII вв. Впервые отряд провел наблюдения в районе быв. Никольской улицы, где, как и на быв. Ильинке, зафиксирован мощный слой XVII в.

Московский областной отряд по заданию областного совета Общества охраны памятников истории и культуры вел работы в Можайском и Нарофоминском р-нах. Отряд должен был провести археологическое обследование и выявить состояние находящихся на учете археологических памятников. С этой целью были осмотрены городища, расположенные на берегу Можайского водохранилища. Если Михайловское городище на р. Озерне оказалось в довольно хорошем состоянии, то площадка Троицкого городища на $^1/_{15}$ размыта, а поверхность Рахмановского городища уничтожена водой более чем наполовину, и ему угрожает полное разрушение.

Затем проведено обследование участка Дуброво—Золотково на Протве. Здесь обнаружена неолитическая стоянка. Она расположена на пашне в излучине реки у с. Вышгород, где найдены кремневые орудия и отщепы. Кроме стоянки, найдены шесть местонахождений кремневых орудий. Рядом с г. Верея обнаружены остатки поселения раннего железного века. Из славянских памятников обследовано городище Вышгород и открыты шесть селищ у сел Сотниково, Золотково, Мерчелово, Митяево, Рождествено. Памятники датируются XIV—XVII вв.

Кимрский отряд в порядке шефства и оказания помощи Кимрскому музею произвел раскопки на городище Графская гора на Волге. Здесь найдены костяные стрелы, ручки ножей, глиняные грузики дьякова типа, сетчатая керамика, относящаяся к дьяковской культуре.

Сетунский отряд провел контрольно-охранные раскопки известного городища на р. Сетунь, находящегося теперь в черте Москвы.

Удалось обнаружить следы оборонительного сооружения в виде тына и жилищ типа землянок с очагом в центре. Среди значительного количества фрагментов глиняной посуды часты сетчатые. Из отдельных находок отметим костяные наконечники стрел, гарпун, резные рукояти ножей, глиняные грузики дьякова типа, миниатюрные сосудики, рогатый кирпич, дающие возможность считать это городище близким по времени и культуре Старшему Каширскому городищу.

Подольский отряд производил исследования на территории Подольского р-на. Здесь были обследованы берега Пахры и ее притоков Рожая, Мочи и Десны и раскопаны вятическое селище с соответствующей ему курганной группой в районе с. Битяговка на Рожае. Эти курганы известны в литературе как группа у Серафимо-Знаменского скита. Разведки производились с учетом имеющихся сведений по архивным и литературным данным. Отряд открыл более 30 памятников—в основном сла-

вянские селища с круговой керамикой XI—XVII вв. и несколько курганных групп XI—XIV вв. Выявилась определенная закономерность во взаиморасположении курганных групп и селищ. Селища, по-видимому с прибрежно-рядовой планировкой, находятся, как правило, на расстоянии 80—150 м от берега реки, в то время как соответствующие им курганные могильники располагаются на более высоких надпойменных террасах, отстоящих иногда на несколько сотен метров от воды.

Раскопки селища у Серафимо-Знаменского скита с культурным слоем толщиной 0,2—0,3 м вскрыли остатки полуземляночных жилищ с печами-каменками, следы от частоколов в виде узких канавок.

Сетуньское городище. Костяные изделия

1 — наконечник стрелы; *2* — гарпун; *3—5* — рукоятки ножей

Вещевой материал совершенно идентичен курганным древностям расположенной рядом группы: сердоликовые бипирамидальные бусы, обломки семилопастных височных колец, ножи. Интересной находкой является серебряная серьга типа зерненo-филигранных (по В. П. Левашовой), известных на Киевщине. Найдены также обломки стеклянных браслетов. На основании вещевых находок и круговой керамики селище датируется XII—XIV вв.

Курганы у Серафимо-Знаменского скита содержали трупоположения в ямах, на горизонте и в насыпи. Любопытно, что погребения в ямах имели более поздний инвентарь. Интересной особенностью является известный по Битяговским курганам обычай класть при некоторых мужских костяках кожаные сумки с необходимым инструментарием.

Как в курганах, так и на селище много кремневых орудий: стрел, ножевидных пластин и т. д.

Во время осенних разведочных работ был раскопан один из курганов в группе у дер. Новлинской на р. Пахре. Курган содержал три погребения: два на горизонте и третье (женщины) в яме. На черепе этой женщины сохранились остатки кокошника из ткани, обшитой по краям тесьмой с бронзовой нитью.

В результате проведенных работ составлена археологическая карта района, включающая более 120 археологических памятников.

Загорский отряд вел работы в зоне строительства Загорского гидроузла. Обследован бассейн р. Куньи, левого притока Дубны. Обнаружены семь славянских селищ около сел Семенцево, Богородское, Шубино и одно местонахождение славянской керамики у д. Несветаево. Все они относятся к XIV—XVII вв. Культурный слой этих памятников в значительной степени разрушен при распашке. Возможно, их следует связывать с Троицко-Сергиевской Лаврой и рассматривать как остатки монастырских сел.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГАГАРИНСКОГО ЖИЛИЩА

Л. М. Тарасов

Гагаринский отряд Института археологии АН СССР продолжал изучение палеолитической стоянки Гагарино. Было предпринято повторное вскрытие основного жилища на значительной площади. Вновь вскрыта средняя часть жилища на месте хозяйственной ямы — траншеи 1925 г., которая была исследована С. Н. Замятниным в 1926 г., а также западная часть — на месте первого раскопа 1927 г. и частично восточная —по западному краю второго раскопа 1927 г.

Поскольку дно и первого и второго раскопов по уровню ниже залегания культурного слоя памятника, то на этих участках не удалось обнаружить каких-либо конструктивных деталей жилища. Но мешаный грунт на всей вскрытой площади содержал многочисленные вещественные остатки: например 1,5 тыс. расщепленных кремней, в том числе большое количество различных законченных орудий, изделия из кости и бивня мамонта, определимую фауну, обломки костей и бивня мамонта, костный уголь.

Средняя часть жилища на месте хозяйственной ямы — траншеи 1925 г. оказалась особенно интересной для изучения гагаринского жилого сооружения. В центре этого участка, ближе к северному краю, выявлена очажная лунка блюдцевидной формы (75 см в поперечнике и 8 см глубины) с зольным заполнением на дне. Восточная часть очажной лунки срезана вторым раскопом 1927 г. В южной части участка, где на площади примерно 1×2 м в непотревоженном состоянии сохранился культурный слой, располагался юго-западный край жилища. Здесь на

протяжении 0,5 м четко прослеживался край углубленного основания жилища.

Культурный слой на этом участке имел мощность до 0,5 м, был темным с отдельными зольными скоплениями и скоплениями костного угля, включениями ярко-красной охры, пятнами окрашенного охрой суглинка и единичными черно-сажистыми примазками. Сверху, параллельно краю жилища, лежал небольшой раздавленный бивень мамонта длиной 85 см. В заполнении культурного слоя обнаружены кремневые и костяные изделия, обломки костей, небольшой валунчик с выбитыми углублениями на верхней стороне, служивший, вероятно, подставкой-наковаленкой. У края жилища в основании культурного слоя выявлена округлая в плане ямка, на дне которой находились крупная галька и два обломка ребер, залегающих в круто наклонном положении. Рядом с ямкой расчищена неглубокая западина, где помимо прочих находок обнаружены костяной наконечник, фрагментированная миниатюрная костяная игла и скульптурные поделки.

Дополнительное исследование гагаринского жилища в 1968 г. дало большой новый коллекционный материал. Многочисленный расщепленный кремень содержит серии различных законченных орудий: резцы всех основных типов, концевые скребки, микропластинки с затупленным краем, небольшие наконечники с боковой выемкой, проколки, а также ножевидные пластинки, микропластинки, нуклеусы. Следует отметить один небольшой предельно сработанный нуклеус из мелового кремня с голубовато-белой патиной и полтора десятка микропластинок из того же материала, некоторые — со вторичной обработкой.

На месте жилища собрана также большая и довольно разнообразная коллекция изделий из бивня мамонта и из кости. Это целая серия подвесок (15 экз.) из клыков песца с прорезанным отверстием и одна подвеска из резца этого животного, три миниатюрные, частично обломанные иглы, один костяной наконечник, лопаточка с интенсивно сработанной и заполированной рабочей частью, изготовленная из ребра крупного животного. Помимо этого имеются мелкие и более крупные обломки других изделий из кости и бивня мамонта. В коллекции 1968 г. особо выделяются скульптурные изделия из бивня мамонта. К ним относится небольшая, частично фрагментированная стержневидная поделка с овальным навершием, а также более крупная и массивная, тоже фрагментированная поделка — по всей вероятности, скульптура человека.

Однако самой ценной находкой 1968 г. в Гагарино следует считать двойную скульптуру человека, обнаруженную в западине у юго-западного края основного жилища. Это небольшой стержень из бивня, по-видимому, молодого мамонта с изображением двух женских скульптур, примыкающих друг к другу головами. Одна скульптура меньших размеров, с намеченными основными деталями фигуры и почти законченной нижней половиной (высота ее 5,2 см). Другая скульптура более крупная, высотой примерно 9 см. Она имеет вытянутые пропорции, в

меньшей мере закончена, но основные детали фигуры у нее тоже намечены. На месте контакта фигуры разделены кольцевым надрезом.

Находка такой двойной женской скульптуры уникальна для памятников палеолита. Ценность ее заключается в том, что она помогает ответить на такие вопросы, как, например, о способе и последовательности изготовления миниатюрной скульптуры человека в эпоху палеолита.

Учитывая женские статуэтки, обнаруженные в Гагарино ранее, можно говорить о серийности их изготовления и, по всей вероятности, о существовании уже в эпоху палеолита узкой специализации в этом виде производства. Предварительное выделение основных элементов фигуры свидетельствует о том, что скульптор уже заранее представлял не только отдельные части изображаемого объекта, но и естественную их соразмерность и взаимоотношение, а также и целиком скульптуру в законченном виде.

РАБОТЫ ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Н. Н. Гурина

Верхневолжская неолитическая экспедиция продолжила исследование поселка-мастерской близ дер. Свеклино, в 22 км выше Ржева. Памятник занимает сухой, наиболее удобный участок берега Волги высотой до 7 м над современным уровнем воды, у излучины, отделенной от пониженной части берега оврагом — в прошлом небольшой речкой, впадающей в Волгу.

Удобное расположение мыса служило причиной заселения его в различные периоды. На поверхности древней мастерской насыпаны курганы, а прилегающая площадка занята поселением середины — второй половины I тысячелетия н. э. Как показали раскопки, площадь, занятая мастерской, распространяясь по всему участку, примыкающему к реке и ручью, достигает не менее 700 кв. м.

Стратиграфия раннего памятника — мастерской — осложнена более поздними наслоениями: над отдельными участками ее насыпаны курганы, на других — часть культурного слоя снята для сооружения курганных насыпей.

Однако наиболее отдаленные от курганов площадки и более глубокие слои, залегающие под ними и казавшиеся непотревоженными, позволяют расчленить материалы на разновременные комплексы, выделив из них наиболее ранние.

Именно они представляют огромную производственную мастерскую — поселок первичной обработки кремня, относящуюся к концу неолита —

началу эпохи раннего металла. Культурный слой (местами мощностью до 2 м) до предела насыщен отходами производства: отщепами и сколами с крупных кремневых желваков. При этом обращает на себя внимание поразительная однотипность кремня — на $^{9}/_{10}$ черного и примерно на $^{1}/_{10}$ фиолетового, типичного только для данного района. Прочие породы кремня составляют совершенно ничтожный процент. Основная масса продукции представлена многими сотнями нуклеусов, более 1 тыс. ножевидных пластин и краевых сколов. Форма и степень подготовки нуклеусов различна, однако общей чертой их (и соответственно ножевидных пластин) является значительная величина и единообразие приемов изготовления. При этом количество других орудий (топоров, скребков, наконечников стрел) и керамики столь минимально, что не оставляет сомнений в удивительной специализации данной мастерской.

В раскопе обнаружено несколько «рабочих мест» мастера: на площади 2—4 кв. м лежат вместе крупные кремневые плиты, начатые обработкой, десятки нуклеусов и сотни ножевидных пластин, иногда шлифовальные плиты.

Открыты источники добычи кремня вблизи мастерской в долине Волги — огромные плиты черного и фиолетового кремня.

Мастерская у дер. Свеклино по величине занимаемой площади и количеству содержащегося в ней материала является несомненно одной из самых крупных на нашей территории. Наличие источников сырья и множество отбросов и полуфабрикатов (нуклеусов и ножевидных пластин), позволяющих проследить последовательность этапов их обработки, установление сферы распространения продукции мастерских, дают чрезвычайно ценные материалы для выяснения степени развития производительных сил в данный период.

По-видимому, с этой мастерской связывается раннетекстильная (дородищенская) керамика, найденная в весьма ограниченном количестве, преимущественно в нижних (6 и 7) горизонтах культурного слоя и на участках, не испорченных курганами. В верхних горизонтах, в контурах темного культурного слоя, перекрывающего возвышенную часть мастерской, встречены погребения — трупосожжения в сопровождении фрагментов грубых лепных сосудов, по характеру теста и примеси близких к текстильной керамике.

Последнее обстоятельство представляет определенный интерес для изучения истории населения этой территории в середине и второй половине I тысячелетия н. э.

Разведкой, проведенной на северо-восточном побережье озера Селигер, открыто семь неолитических стоянок, содержащих весьма важный материал для разрешения вопроса о путях заселения этого края и этнической принадлежности его древнего населения.

На одной из стоянок найден клад каменных нуклеусов и топоров, позволяющих раскрыть сущность и уточнить датировку верхневолжских макролитов.

РАЗВЕДКИ НЕОЛИТА В ПОДМОСКОВЬЕ

В. В. Сиборов

Основная задача археологических разведок Московского областного краеведческого музея состояла в выявлении новых и проверке состояния известных неолитических памятников.

В низовьях р. Пахры на Редькинской стоянке в береговом обрыве обнаружены человеческие кости. Погребение перекрывал непотревоженный культурный слой. Покойник был вытянут на спине с прижатыми к бокам руками, голова приподнята песчаной «подушкой» и обращена к западо-северо-западу. Глубина могильной ямы 0,80 м. Вещей, кроме одного отщепа, не было. Погребение можно связывать с ранним этапом существования стоянки, в инвентаре которой присутствуют архаичные элементы: узкий клиновидный и дисковидный нуклеусы, невыразительные резцы, грубые пластинки, совершенно нет керамики.

На правом берегу р. Яхромы, ниже Дмитрова, у с. Давыдково на краю коренного берега обнаружена стоянка, культурный слой которой продолжается под торфом. Найдены боковые и концевые скребки, грубые нуклевидные резцы, неправильные микропластинки, мелкие неправильные призматические нуклеусы, шлифованное теслецо из серой шиферной гальки. По характеру находок и стратиграфическому положению Давыдковская стоянка близка к мезолитической стоянке на Берендеевом болоте под Переяславлем-Залесским.

В Мещере осмотрены нижнее течение Ялмы и верхнее — Пры до стоянки Коренец. При древнем устье Ялмы на левом берегу ее у дер. Великодворье в урочище Пошица обнаружена стоянка. Она располагалась на острове, отрезанном от материка узкой протокой. Культурный слой прослеживается в восточной половине острова. В четырех шурфах, расположенных цепочкой поперек центральной части острова, отмечена сходная стратиграфическая картина. Мощность культурного слоя 0,30—0,60 м у южного края, но в центре острова — до 1,70 м. Примерно посредине культурный слой разделен несплошной песчаной прослойкой.

Стоянка многослойная: у южного берега обнаружено немного керамики развитого бронзового века. Волосовский слой представлен во всех шурфах; в северном — на глубине 1,20—1,25 м в слое с волосовской керамикой встречены остатки погребения, но проследить его из-за чрезвычайно плохой сохранности костей не удалось. Ранняя льяловская керамика попадалась во всех горизонтах. В нижней части северного шурфа найдены двойной срединный резец и единственная на стоянке ножевидная пластина. Таким образом, стратиграфия и материал позволяют надеяться на возможность разделить культурные комплексы хронологически — от развитого бронзового века до мезолита. Стоянка

Пошица весьма близка к Черной Горе, да и расстояние между ними по прямой всего 13 км.

В 400 м к северу от Пошицы на берегу ныне заросшего озера найдена стоянка Ивановская Горка. Шурф попал, по-видимому, на край глубокой землянки. Комплекс, полученный на стоянке, хронологически цельный. Он более поздний, чем льяловский слой на Пошице. Не нарушает хронологического единства и присутствие фатьяновских предметов: фрагмента сосуда, маленького клиновидного топора и концевого скребка на обломке пластины.

На оз. Святом под Шатурой обследована стоянка южнее с. Андреевские Выселки. Культурный слой мощностью 0,90 м однороден: ранний ямочный комплекс, и только в самом низу появляются ножевидные пластины.

Обследован правый берег р. Озерны у ее истока. В древности здесь была короткая и широкая протока, соединявшая оз. Тростенское с Никольским торфяником. Стоянки обнаружены на всех мысах. Они содержат сходный материал: отщепы и орудия из них, пики. Правильные ножевидные пластины есть не на всех стоянках, и местами удается заметить, что тяготеют они к кромке коренного берега (как, например, на стоянке Озерна II). Ни керамики, ни шлифованных орудий пока не найдено.

Основное внимание уделено стоянкам Тростенское озеро I и II. Тростенское озеро I тянется примерно на 100 м у подножия коренного берега Озерны, находки отмечены и в 30 м от него, в отвале канав. Здесь найдено много разнообразной ямочно-гребенчатой керамики, отщепы, ножевидные пластины, в том числе крупные, листовидные наконечники стрел. Неплохо сохраняется в слое кость. Слой уходит ниже уровня воды.

Стоянка Тростенское озеро II тянется по коренному берегу от ручья Семеновского до склона к озеру. В верхней части ее обнаружено очень позднее дьяковское селище. Сборы подъемного материала велись по участкам, что позволяет выделить разновременные комплексы. В мысовой части стоянки преобладают аморфные нуклевидные куски и очень мало ножевидных пластин, в северной — таких нуклеусов нет, зато много обычных призматических. Поскольку северной части стоянки угрожает разрушение строительством, мы приступили к ее раскопкам. Культурный слой толщиной 0,20—0,50 м слабо гумирован и в верхней части нарушен дьяковским селищем и пахотой, но в контакте темно-серой почвы с палевым суглинком прослеживается нетронутый горизонт, по-видимому мезолитический, с многочисленными находками отщепов и ножевидных пластин. Исследование стоянки Тростенское озеро II продолжается.

ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ р. ВОРОНЕЖ

А. Т. Синюх, А. Д. Пряхин

Неолитический отряд археологической экспедиции Воронежского университета проводил исследования в зоне будущего Воронежского водохранилища.

Из обследованных памятников наибольший интерес представляют дюнные многослойные стоянки, расположенные в пойме левого берега р. Воронеж, напротив главного корпуса университета. На стоянке Университетская I к раскопам 1967 г. прирезаны новые участки. Они подтвердили стратиграфию, выявленную прошлогодними исследованиями. Открыта еще одна дюнная стоянка (Университетская III). На наиболее высоком участке дюны заложены раскоп площадью 48 кв. м и семь шурфов (2×1 м). Нижний слой состоит, как показали раскопки, из светлого песка и включает неолитические материалы: фрагменты сосудов, кремневые орудия и их обломки, значительное количество рабочих отщепов из кремня и кварцита, небольшой кварцитовый нуклеус и т. д. Керамика из этого слоя четко делится на две группы — гребенчато-накольчатую днепро-донецкого типа и ямочно-гребенчатую волго-окского типа.

Стратиграфические наблюдения позволяют предположить, что первоначально дюна была заселена населением культуры ямочно-гребенчатой керамики: одна из ям хозяйственного значения, содержавшая в заполнении и основании исключительно ямочно-гребенчатую керамику довольно архаичного облика, перекрыта слоем с материалами днепро-донецкого типа.

На стоянке частично вскрыта хозяйственная конструкция — котлован, углубленный в материковый песок на 1,5—1,7 м. В основании его, в сильно гуммированной прослойке прослежены остатки деревянных столбов, служивших, видимо, опорой для обшивки помещения, и деревянного настила. По ряду признаков данная конструкция должна быть отнесена к неолиту.

Два горизонта среднего слоя стоянки — темного гуммированного песка — представлены энеолитическим материалом, характерным для Среднего и Верхнего Подонья и соседних западных районов. Материал среднего слоя подтверждает мысль о преемственности населения, оставившего нижний и средний слои Университетских стоянок.

На отдельных участках энеолитический слой перекрыт черной прослойкой, содержащей материалы катакомбной культуры. Верхний слой на стоянке — позднего образования. Он включал смешанный материал славяно-русского и последующего периодов.

Проведены охранные работы (раскопки и шурфы общей площадью более 300 кв. м) на дюне у с. Чертовицкое, которая в настоящее время

уже полностью уничтожена строительными работами. Раскопки показали, что энеолитический поселок занимал только наиболее возвышенный участок дюны. Находки были сосредоточены в самом основании культурного слоя. В большей же части слой содержал материалы позднего бронзового и раннего железного века.

Интересна стоянка Скотный двор, расположенная на невысоком берегу старицы р. Воронеж (совхоз Масловский). Материал, полученный в разведочных шурфах, имеет энеолитический облик.

Кроме указанных памятников обнаружены новое неолитическое поселение близ Дворца культуры имени Кирова (стоянка Кировская II) и поселение того же времени у Яхтклуба.

РАСКОПКИ НА ЧЕРНОЙ ГОРЕ

И. К. Цветкова

С 1963 г. работа Рязанской экспедиции Государственного исторического музея сосредоточена на поселении и могильнике Черная Гора в Клепиковском р-не Рязанской обл., на правом берегу р. Пры, близ дер. Фомино. В течение шести лет на Черной Горе вскрыта площадь около 2000 кв. м, открыто 50 человеческих захоронений и собран огромный материал.

На дюне существовало несколько разновременных памятников: стоянка и могильник, относящиеся ко второму этапу развития рязанской неолитической культуры, датируемые второй половиной III тысячелетия до н. э., поселение и могильник поздняковской культуры второй половины II тысячелетия до н. э. и небольшое поселение волосовской культуры. Неолитический культурный слой прослеживается на всей площади дюны. В северо-западной части дюны этот слой единственный и достигает 2—2,5 м мощности. Поздняковский культурный слой прослеживается только в южной (высокой) и северо-восточной (прибрежной) частях дюны, а волосовский — только в северо-восточной, где он залегает между верхним горизонтом культурного слоя, относящегося к поздняковскому времени, и нижним ранненеолитическим горизонтом.

В 1968 г. раскопки производились в северо-восточной (прибрежной) части дюны. Здесь вскрыто 11 погребений, относящихся главным образом к поздняковскому времени. В большинстве из них умершие лежат в вытянутом положении на спине, голова иногда повернута на бок. Некоторые скелеты скорчены на боку. Почти все погребения сопровождались глиняными сосудами, характерными для поздняковской культуры. В погребении 47 найден бронзовый браслет с заходящими концами, а в верх-

нем горизонте культурного слоя — бронзовое височное кольцо типа височных колец из Битюковского могильника.

Наиболее интересным оказалось погребение 50. В могильной яме находилось 14 беспорядочно брошенных костяков, причем черепа лежали отдельно. Под каждым черепом отмечена густая подсыпка красной охры. Ниже костяков прослежены интенсивные углистые пятна. Некоторые кости скелетов, в особенности черепа, обожжены. Среди костей скелетов найдены обожженные кости лап и челюсти медведя. Вероятно, захоронение трупов было совершено не сразу. Полуистлевшие трупы были брошены в костер, разведенный на дне могильной ямы. Следует предполагать, что это погребение относится к волосовскому слою. Под погребением, в засыпке могильной ямы, а также и над погребением встречалась керамика волосовского типа. Среди костей скелетов были найдены костяной рыболовный крючок волосовского типа и привеска из резца лося.

В нижнем горизонте культурного слоя найдены сосуды, характерные для второго этапа развития рязанской культуры. Они изготовлены из глины с примесью мелкотолченой дресвы. Днища округлые или яйцевидные; венчики прямые, утолщенные. Вся поверхность сосудов густо покрыта орнаментом, основной элемент которого составляет неглубокая ямка округлой или овальной формы. Ямки располагаются в шахматном порядке или составляют зоны из нескольких горизонтальных поясков, треугольников или зигзагов. Зубчатый, нарезной и веревочный узоры играют только вспомогательную роль в орнаменте и используются для украшения венчика.

Многочислен и разнообразен кремневый инвентарь, включающий неолитические орудия всех известных типов: наконечники стрел и дротиков; скребки и скребла; скобели, шилья, резчики и ножи; полированные желобчатые долота и тесла.

В большом количестве найдены разнообразные костяные орудия: наконечники стрел листовидной формы, игловидные, весловидные и с конической головкой; гарпуны разнообразных форм и рыболовные крючки, шилья и тесловидные орудия.

Костяные украшения представлены многочисленными привесками, изготовленными из просверленных зубов животных, округлыми и овальными с высокой спинкой и из тонких костяных пластин. Черногорская коллекция костяных фигурок обогатилась четырьмя скульптурками. Две из них изображают головки глухаря. Третья, очень своеобразная, изготовленная из цельного переднего метаподия медведя, реалистически передает головку медвежонка. Мастер очень остроумно использовал естественные изгибы сустава метаподия, подработав только необходимые детали. Четвертая фигурка, изготовленная из костяной пластины, изображает головку лосенка.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЛОГИНОВ ХУТОР

Т. Б. Попова

На северо-западной окраине Рязани, у дер. Канищево, в пойме Оки, на узкой песчаной дюне протяженностью более 2 км расположен ряд древних поселений. Наиболее древнее из них с ямочно-зубчатой керамикой льяловского типа относится к раннему неолиту; восточнее находится поселение с характерной грубой сетчатой керамикой позднего бронзового и железного века. На северо-западной окраине дюны расположено наиболее интересное поселение развитого бронзового века — Логинов хутор, открытое В. А. Городцовым.

Сотрудник Государственного исторического музея Б. Фоломеев заложил на поселении Логинов хутор шурф, в котором был обнаружен мощный культурный слой.

Окская экспедиция Государственного исторического музея разбила раскоп в 200 кв. м непосредственно около шурфа. В результате работ удалось установить, что поселение сохранилось лишь частично, на краю северо-западного обрыва дюны, у небольшого пойменного озерца. Наиболее мощный культурный слой — 130 см — прослежен на месте жилого комплекса. На остальной площади толщина слоя не превышает 50—60 см. Площадь стоянки в настоящее время задернована. Разрезы раскопа показали, что до задерновки она сильно перевевалась, о чем свидетельствуют линзы чистого перевеянного песка в верхних горизонтах. Под этими линзами почти по всей площади стоянки лежит тонкий слой песка с вкраплениями углей и золы, оставшимися после лесного пожара 20-х годов.

Под слоем пожара идет сильно гуммированный песок, обильно насыщенный культурными остатками. На вскрытой площади удалось исследовать углубленное в материк жилище прямоугольной формы, сходное с домами полуземляночного типа, хорошо известными по многим памятникам срубной культуры.

В жилище обнаружено несколько очагов, а около них — скопления керамики, целые сосуды, орудия и кости животных. В одном из очагов найдена глиняная орнаментированная четырехугольная курильница и с ней сосуд, стоящий вверх дном. У края очага лежало бронзовое плоское копьецо того же типа, что и в Мало-Окуловском могильнике. Большой интерес представляет керамика, найденная в жилище и около него. Всего собрано 4880 фрагментов от сосудов различной формы: баночной, остроребериой и с резко выраженной шейкой, округлым туловом и днищем. Все сосуды орнаментированы одними и теми же узорами — веревочным, зубчатым и нарезными штампами. Преобладает в чистом виде и в различных сочетаниях зубчатый штамп. Из всей керамики только 27 фрагментов покрыты сеткой. Все типы сосудов и узоров встречаются совместно, в частности и на полу жилища.

Наиболее интересна находка сосудов с высоким горлом, выпуклыми боками и округлым дном. Некоторые из них пышно орнаментированы различными штампами (веревочным, зубчатым) в сочетании с «жемчужинами» и рядами ямок. Поверхность иногда залощена. Керамика такого типа носит довольно архаический характер, встречается редко и имеет аналогии лишь на немногих памятниках Волго-Окского бассейна, в первую очередь в слое Мало-Окуловской стоянки (слой бронзового века под поздняковскими курганами), стоянок Сахтыш I и Сахтыш II. Несколько фрагментов этой керамики найдено на стоянках Шумашской и Черная Гора в Рязанской обл.

Судя по стратиграфическим данным, на Мало-Окуловской стоянке керамика этого типа по времени предшествовала существованию Мало-Окуловского могильника, а вещи из погребальных комплексов датируются периодом, близким к середине II тысячелетия до н. э. По-видимому, это наиболее ранняя керамика поздняковского типа.

Вторым памятником, подвергшимся исследованию, была стоянка на высоком берегу оз. Лебединого у дер. Тюково в Клепиковском р-не.

Основная масса находок с этого поселения относится к раннему железному веку, к городецкой культуре, а меньшая часть — к позднему бронзовому. Анализ керамического материала позволяет высказать предположение о непосредственной преемственности племен поздняковской и городецкой культур на этой территории. Об этом свидетельствуют некоторые орнаментальные мотивы как на ранней, так и на поздней керамике железного века, а также преемственность в технике изготовления посуды с так называемой сетчатой поверхностью.

КУРГАНЫ У с. СТАРАЯ ТОЙДА

Б. Г. Тихонов

Битюгский отряд Среднедонской экспедиции продолжил исследование курганов бронзового века у с. Старая Тойда Аннинского р-на Воронежской обл. До настоящего времени было раскопано четыре кургана (1, 2, 3, 6), в этом году — еще два.

Курган 4, самый большой в группе, имел высоту 0,7 м и диаметр 24 м. По стратиграфии насыпь не отличается от ранее раскопанных: верхний слой мощностью от 0,6 до 1,1 м состоит из темного плотного чернозема; ниже лежит более светлый слой чернозема, перемешанный с материковой глиной и достигающий толщины 0,3—0,8 м; в основании его хорошо прослеживается беловатая погребенная почва (толщиной от 0,1 до 0,2 м); еще ниже находится плотная красноватая глина.

В кургане исследованы остатки 21 погребения. В большинстве случаев могильную яму проследить не удавалось, так как захоронения совершены в темном слое чернозема. В тех случаях, когда могила была углублена в глинистый материк, могильное пятно выявлялось четко и можно было установить размеры и ориентировку могилы. Могилы 15 и 19 ориентированы на север; 17, 18 и 20 — на северо-восток, а 12 — на северо-востоко-восток. Могилы в центре кургана сохранили следы деревянного перекрытия.

В четырех могилах (2, 10, 17, 21) погребенные были скорчены на правом боку; в десяти — на левом; в семи — положение определить не удалось.

Почти во всех погребениях найдена керамика баночной и горшковидной форм. Остроребериых сосудов нет. В погребении 2 встречена сломанная медная подвеска, изготовленная из тонкой желобчатой пластинки.

Курган 5 имел высоту 0,4 м и диаметр 20 м. Стратиграфия курганной насыпи не отличается от описанной, только толщина черноземного слоя не превышает 0,5 м, что связано с большей распашкой кургана. В основании смешанного слоя также прослежена погребенная почва мощностью до 0,15 м.

В кургане исследованы 14 погребений. Все костяки скорчены на левом и один (погребение 3) на правом боку. Ориентировка несколько иная, чем в кургане 4. В погребении 8 покойник обращен головой на юг; в погребениях 5, 7, 12 и 13 — на северо-северо-запад, в могиле 10 — на восток.

Могильные ямы удалось проследить у 11 погребений. Они несколько углублены в материк и имеют прямоугольную форму. Длина их от 1,15 до 1,5 м, ширина около 1 м. Следы накатника ни в одном случае не замечены.

В каждой могиле обычно бывает по одному баночному или горшковидному сосуду, только в погребении 13 стояли два баночных горшка. В погребении 11 найдена сломанная медная подвеска.

Керамика Старотойденских курганов в основном представлена баночными формами. Орнамент довольно беден и выполнен оттисками зубчатого штампа, прочерчиванием палочкой или ее вдавлением. Чаще всего баночные сосуды лишены орнамента.

Другая группа включает сосуды горшковидной формы с довольно высоким отогнутым венчиком. Для орнамента этих сосудов применялись зубчатый штамп, нарезка, оттиски палочкой и в единичных случаях веревочный узор. Этот тип керамики П. Д. Либеров связывает с проникновением на Дон носителей абашевской культуры, что позволяет датировать Старотойденские курганы последней четвертью или самым концом II тысячелетия до н. э.

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ

А. Д. Пряхин

Экспедиция Воронежского университета продолжала исследования памятников позднего бронзового века, расположенных на территории будущего Воронежского водохранилища. На разрушаемом поселении по левому берегу р. Воронеж заложены раскоп и два шурфа общей площадью 208 кв. м.

Основной культурный слой относится к абашевской культуре, а верхняя его часть — к домонгольскому славяно-русскому периоду. Вскрыто одно жилое помещение и восемь хозяйственных ям абашевской культуры. Жилище углублено в материковый песок на 20—22 см. Его размеры 4,30×4,70 м. Очаг в виде скопления золы находился в северо-восточном углу жилища. По углам помещения и в середине трех стен отмечены столбовые ямки, связанные с конструкцией стен. Кроме многочисленных фрагментов керамики и костей найдены обычные для абашевских поселений Дона глиняные лепешки, бронзовое шило, костяной амулет, кремневые и каменные изделия.

Большие работы проведены на многослойном поселении напротив Шиловского леса. На отдельных участках раскопа удалось выявить ненарушенный культурный слой абашевской культуры. К этому времени относятся два углубленных в материк жилища (одно из них раскопано полностью) и несколько хозяйственных ям. Раскопанное жилище имело размеры 9,5×18 м, на его площади находились два очага и три ямы хозяйственного назначения. Жилище абашевской культуры было перекрыто слоем заключительного этапа бронзового века. В юго-восточном углу раскопа в основании замечены сильно прокаленные пятна материкового песка с ямами около них.

Продолжены раскопки на Масловском поселении позднего бронзового века. Заложены два раскопа (III и IV) и два шурфа. В раскопе III, занимающем более высокий участок берега, идет однородный слой срубной культуры. Здесь обнаружены остатки двух больших по площади жилищ и одна хозяйственная яма. В расположенном ниже раскопе IV нижняя часть культурного слоя содержала материалы абашевской культуры; выше шел слой с находками срубной культуры. Таким образом, еще раз подтвердилось, что на поселении слой с материалами срубной культуры хронологически предшествует слою с материалами абашевской культуры. Такова же стратиграфия поселения у Вогрессовской дамбы в г. Воронеже.

Продолжены поиски новых поселений. Поселения абашевской культуры выявлены в северо-восточном районе Воронежа и на пологом отроге высокого правого берега у западной окраины города. Вблизи последнего места собран подъемный материал с разрушенного поселения сруб-

ной культуры. Поселение катакомбной культуры найдено в обрезе правого берега р. Воронеж.

Проведены разведки по правому берегу р. Девица от с. Новосолдатка Репьевского р-на Воронежской обл. до впадения в Дон, по территории Ольховатского р-на Воронежской обл., по левому берегу р. Снова от с. Ольшанец Задонского р-на до с. Жерновное Долгоруковского р-на Липецкой обл.

На р. Девице открыто 14 поселений и собран подъемный материал курганных могильников. 11 поселений оставлены населением срубной культуры; одно — абашевской культуры; два — славянским населением боршевского и более позднего времени. В могильнике у с. Новосолдатка вскрыт один курган, насыпь которого возводилась в два приема. В нем было 11 захоронений срубной культуры. Большинство погребенных скорчены на правом боку и обращены головой на северо-северо-восток. В центре кургана под насыпью в небольшой ямке стоял великолепно украшенный остроребериый сосуд с поддоном, имеющий срубные, абашевские и андроновские черты.

В Ольховатском р-не выявлено три поселения срубной культуры и осмотрен разрушаемый курганный могильник с керамикой той же культуры.

Среди восьми новых поселений по р. Снова два относятся к срубной культуре, четыре — к славянской боршевской и два — к более позднему времени.

В с. Фисенково Кантемировского р-на Воронежской обл. мы осмотрели разрушенные курганы срубной культуры; в г. Валуйки Белгородской обл. доследовали разрушенное погребение с многоваликовой керамикой.

РАБОТЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

А. И. Пузикова

Воронежская лесостепная экспедиция продолжала исследование памятников, относящихся к раннему железному веку: городища Волошино I и курганного могильника у с. Русская Тростянка.

На городище Волошино I заложены три раскопа в разных частях памятника. Массовый материал в основном такой же, как в прежние годы. Открыто несколько интересных объектов, не известных ранее. Одним из них является культовое место, обнаруженное в раскопе VII на глубине четвертого штыка. Оно состояло из скопления крупных фрагментов двух лепных горшков, обломков глиняных лепешек и человеческих глиняных фигурок. Пять обломков лепешек лежали плотной кучкой. Все лепешки орнаментированы довольно глубокими ямочными или

сквозными вдавлениями. Форма их овальная, размеры 8×7 см. Рядом с лепешками лежали и фигурки с отбитыми головками. Люди изображены довольно реалистически, но отделка фигурок грубая. На расстоянии 20—25 см от основного скопления была обнаружена еще одна половинка лепешки и часть какой-то плоской глиняной фигурки, имевшей, видимо, крестовидную форму. Еще один обломок лепешки нашли при разборке грунта под основным скоплением. Всего в скоплении обнаружены две фигурки людей, семь обломков лепешек (из которых четыре

Городище Волошино I. Лепной сосуд со свастикой

половинки удалось склеить), фрагмент глиняной поделки неизвестной формы и обломки двух лепных горшков. Интересно, что все эти предметы повреждены: у фигурок отбиты головы, лепешки разломаны на части, а форма одной из поделок восстанавливается только предположительно. Несомненно, что описанное скопление отражает следы какого-то культа, скорее всего земледельческого, а повреждение предметов входило, видимо, в ритуал этого культа.

На другом раскопе (VI) в одной из ям, расположенных под очагом, обнаружен скелет собаки, среди костей которой найден плоский железный втульчатый наконечник стрелы. Открытие в этом месте двух очагов и ям позволяет говорить о существовании здесь жилого строения, при закладке которого совершили обряд жертвоприношения животного.

Из отдельных находок, обнаруженных в слое, интересен лепной сосуд необычной формы и орнаментации. Сосуд напоминает вазу с широким дном и узким горлом. Орнамент его состоит из трех концентрических врезных полос у дна и под венчиком. Тулово разделено на четыре

зоны такими же врезными вертикальными полосами, скомпонованными по три. В одной из зон изображена свастика. По форме и орнаментации полосами сосуд находит аналогии в сарматской керамике, но совершенно необычным для нее мотивом является изображение свастики.

Одновременно с городищем исследовался курганный могильник у с. Русская Тростянка. Раскопано четыре насыпи высотой от 0,5 до 1,5 м. В каждом кургане обнаружено по одному погребению, к сожалению, почти начисто ограбленному. Из находок можно назвать лишь несколько железных наконечников копий, дротиков, стрел, обломки амфор и лепной керамики, а также золотую обивку нагайки в виде ленты шириной 2—2,5 см и длиной до 55—60 см.

ПОСЕЛЕНИЕ У дер. ЖЕЛЕЗНОЕ

И. К. Фролов

Орловский отряд Верхнеокской экспедиции проводил раскопки на селище, расположенном на левом берегу р. Навли у дер. Железное Шаблыкинского р-на Орловской обл. Это поселение принадлежит к группе памятников, находящихся в окрестностях деревень Сомово и Железное. Ранее здесь исследовались только поселения, расположенные по правому высокому берегу Навли и относящиеся в основном к XII—XIII вв. Селища, занимающие дюнные возвышенности среди поймы реки и характеризующиеся лепной керамикой, до сих пор почти не изучались и их культурная принадлежность не выяснена.

Поселение у дер. Железное находится на дюне, возвышающейся над уровнем воды на 3,5 м, и занимает площадь около 18 000 кв. м. Раскопками вскрыто около 500 кв. м, обнаружены различные сооружения, собран вещевой материал и выяснена стратиграфия поселения.

Сооружения здесь представлены двумя типами построек: наземными домами столбовой конструкции размерами 11—12×4,5 м и прямоугольными землянками размерами 5×4,5 м, углубленными в материк на 60—70 см. В северной части столбовых наземных домов находились овальные ямы, обмазанные глиной и укрепленные дополнительными столбами. Подобные конструктивные элементы встречаются на поселениях Верхнего Подесенья и характерны для почепской культуры первых веков нашей эры. Перед ямой располагался очаг из глины, обычно сооруженный на небольшом материковом останце, а рядом с ним почти всегда имелась небольшая яма, заполненная углем, золой и культурными остатками. Остальная часть дома, отделенная, вероятно, легкой перегородкой, скорее всего не являлась жилым помещением. Бо́льшая часть керамического материала, железные ножи и другие вещи были найдены рядом с очагом.

Землянки, обнаруженные на селище, находились несколько в стороне от наземных столбовых домов, как это наблюдалось и на поселениях, раскопанных в бассейне р. Судость А. К. Амброзом и Ф. М. Заверняевым. Размеры землянок почти такие же, как жилой части наземных домов, открытых на этих поселениях. Очаги отмечены не во всех. Удалось проследить пол из тонкого слоя глины и выявить ямы от столбов, располагавшихся по дну землянки и по краю ее котлована. Вероятно, здесь применялись те же строительные приемы, что и при сооружении столбовых наземных домов.

На поселении встречены овальные и круглые ямы различных размеров, которые, вероятно, служили погребами и хранилищами.

Керамический материал очень разнообразен. Здесь найдены горшки с отогнутым венчиком, орнаментированным защипами и вдавлениями, реберчатые лощеные миски, вазочки с поддоном, характерные для окских памятников. Попадаются как сосуды с тонкими стенками, так и грубые толстостенные горшки.

Найдено много железных ножей с прямой и умеренно горбатой спинкой, часто с небольшим выемом на конце, характерным для ножей из Почепского поселения. Бронзовая гривна, обнаруженная на поселении, сделана из тонкого круглого дрота, немного утолщенного к середине. С одной стороны она имела загнутый грибовидный конец, другой конец отломан. Подобные гривны известны на прибалтийских памятниках начала нашей эры и в рязанских могильниках начала III в. н. э. Из других находок отметим бронзовый спиральный перстень, подвеску с двойной спиралью и дужку железной фибулы со сплошным приемником. Подобные фибулы встречены на деснинских селищах и датируются первыми веками нашей эры.

В целом поселение у дер. Железное принадлежит к кругу памятников почепской культуры, хотя здесь в элементах конструкции жилищ и в комплексах керамики заметны некоторые отличия от классических селищ бассейна Десны.

Для выявления памятников того же типа была проведена разведка по р. Неруссе. Здесь поселения такого же характера, как у дер. Железное, открыты у г. Дмитровска, у деревень Пауличево и Бабинец.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩ В МОСКВЕ И ПОДМОСКОВЬЕ

А. Г. Векслер

Важнейшим объектом раскопок Музея истории и реконструкции Москвы является городище в Кунцевском парке, на западной окраине Москвы, одно из немногих незастроенных древних поселений на территории современной столицы.

Вскрытая площадь на городище составила 870 кв. м. Исследования проводились на верхней площадке городища и на четырех террасах на крутых склонах. На этих плоских уступах шириной 4—9 м выявлена система фортификации — линии столбов, каменная крепида. На юго-восточном склоне городища, кроме трех, ныне видимых террас, при разрезе ската открыта и четвертая, совершенно заплывшая площадка.

Укрепленные террасы служили дополнительной площадью поселения — жилой, производственной, въездом. По краю верхней террасы юго-восточного склона проходил вымощенный мелким камнем въезд на верхнюю площадку, ограниченный по краям канавкой для стока воды. При раскопках выявилась разновременность террас: устройство их производилось с IV—III вв. до н. э. по VI—VIII вв. н. э., т. е. во все периоды жизни городища раннежелезного века. Первоначально был эскарпирован юго-восточный склон, где встречена керамика, покрытая штриховкой и отпечатками шнура, аналогичная керамике нижних слоев древнейших городищ на Верхней Волге, и вместе с ней пулевидные втульчатые и плоские, суженные посредине пера костяные наконечники стрел. Террасы северо-западного склона, на которых почти отсутствует сетчатая керамика и имеются шумящие треугольные подвески позднего облика, были освоены лишь спустя шесть-семь столетий.

На верхней площадке городища древние горизонты раннего железного века значительно повреждены поселением XI—XIII вв. и в особенности средневековым кладбищем. Славянский комплекс вещей составляют решетчатые перстни типа курганных, шиферные пряслица, пружинные замки, всевозможные железные инструменты. Из сооружений этого периода особый интерес представляет воронкообразная с острыми гранями впадина из сильно прожженной глины, ниже которой лежали обугленные плахи. Конструкция из полубревен первоначально была подведена под глину, и обжиг этой глины производился как снаружи, так и внутри сооружения. Это большое (шириной около 3 м) сооружение служило, возможно, водосборным резервуаром.

Значительную часть верхней площадки городища занимает средневековое кладбище XIII—XVI вв. С погребальным комплексом в Кунцеве связаны находки монет, литых медных крестов и образков—прекрасных произведений мелкой скульптурной пластики.

Музей истории и реконструкции Москвы провел также разведочные работы на городище Луковня на р. Пахре в Подольском р-не Московской обл.

В раскопе в южной части площадки городища прослежены основания углубленных округлых сооружений, относящихся к позднейшему периоду культуры раннего железного века в Подмосковье. Среди находок в этом комплексе IV—VII вв. н. э. отметим дротовые браслеты, пирамидальные колокольчики, спиралевидные пронизки, круглые бляшки. Сетчатой керамики нет.

На западном крае площадки городища, у начала склона зафиксированы следы трех линий бревенчатого тына. Здесь встречены славянские вещи и керамика домонгольского времени.

РАЗВЕДКИ В СРЕДНЕМ ПОДЕСЕНЬЕ

Е. А. Горюнов

Задачей Среднедеснинской археологической группы были поиски древностей I тысячелетия н. э. в районе Новгорода-Северского — выше и ниже его по течению Десны.

В выдуве одной из дюн возле с. Бирин найдена керамика, которую можно отнести к первым векам I тысячелетия н. э., а также два глиняных биконических пряслица того же времени (одно из них — уплощенное с широким отверстием, другое — орнаментированное). Несколько шурфов, заложенных при обследовании дюны, не обнаружили культурного слоя.

Грунтовый могильник, который предварительно можно датировать III—IV вв. н. э., открыт на сильно развеянной дюне в пойме Десны, вблизи старицы Смяч. Обнаружено шесть безурновых погребений с трупосожжением. Могильные ямки небольшие округлые или овальные в плане глубиной 0,4—0,5 м от современной поверхности. Среди мелких обломков пережженных костей погребения 1 встречен крупный черепок от грубого лепного сосуда. В погребении 5 найдена миниатюрная овальная пряжка из железа.

Селище, которое, судя по керамике, относится к третьей четверти I тысячелетия н. э., открыто в самом устье р. Смяч, на левом ее берегу, на дюне, вершину которой прорезали окопы. Культурный слой с грубой лепной керамикой баночных форм прослеживается в обнажении дюны, на ее юго-западном склоне. Его мощность достигает 0,5 м.

Важные материалы получены Среднедеснинской группой при раскопках в с. Чулатове.

Коренной берег Десны на юго-восточной окраине с. Чулатова сейчас сильно размывается рекой и оползает. В обнажении берега виден культурный слой, мощность которого колеблется от 0,1 до 0,5 м. Этот обрез с культурным слоем имеет протяженность 300—350 м. Пробный раскоп имел площадь 60 кв. м. На вскрытой площади обнаружены девять колоколовидных ям (погребов), остатки полуземлянки с печью и несколько небольших округлых, видимо столбовых ям. Характерной особенностью погребов является полукруглая ступенька, вырезанная в стенке. Диаметр большинства ям составляет 1,2—1,3 м, глубина — 0,6—0,7 м.

В заполнении ям встречена лепная тонкостенная керамика, иногда с лощеной поверхностью, близкая позднезарубинецкой.

Полуземлянка имеет в плане квадратную форму (длина стен 3 м), углублена на 0,5—0,6 м. Она ориентирована углами по странам света. Пол слегка повышается к стенам и представляет собой утрамбованный лёссовидный суглинок. Полностью материковой была только одна стенка полуземлянки — юго-западная, другие — пришлись на перекрытые жилищем колоколовидные ямы. Северо-западная стена нарушена поздним перекопом. Печь располагалась в северном углу полуземлянки. Устьем она обращена к юго-восточной стене. Сводчатая печь в плане квадратной формы была вырезана в суглинистом материковом останце. Стенки топки и под обмазаны глиной. Свод печи был сооружен из глиняных вальков, обломки которых заполняли ее под. Печь типична для славянской (роменско-боршевской) культуры VIII—X вв. К этому времени и следует отнести полуземлянку. В пользу этого свидетельствует и керамика, встреченная при расчистке пода.

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ДЕСНЕ И СЕЙМЕ

О. Н. Мельниковская

Работы Деснинского отряда проводились в Курской обл. РСФСР и Черниговской обл. УССР. В работах принимали участие Институт археологии АН СССР, Московский государственный университет и Курский педагогический институт.

1. Могильник и поселение у с. Долинское Сосницкого р-на Черниговской обл. В 30-х годах при добыче глины здесь было обнаружено несколько трупоположений со скифскими бронзовыми украшениями и стрелами.

Культурная принадлежность памятника, расположенного на пограничье юхновской и скифской лесостепной культур, оставалась неясной. Обследование и раскопки показали, что с площадью могильника, в значительной степени уничтоженного карьером, смыкается большое многослойное поселение с отложениями раннего железного века и середины I тысячелетия н. э., а также с единичными находками бронзового века (сосницкой культуры). Керамические материалы раннего железного века связаны с юхновской культурой Посеймья. Они имеют ряд локальных отличий от керамики деснинских городищ.

Исследовано три погребения. В одном из них был похоронен пожилой мужчина в скорченном положении на левом боку головой на восток. При костяке найдены фрагменты керамики и раковины. Не исключено, что это погребение относится к сосницкой культуре. В двух других по-

гребены дети. Костяки вытянуты на спине и обращены головами на север. Эти погребения относятся к раннему железному веку. Голова одного подростка лежала на сосуде со сколотым верхом, аналогичном по облику керамике поселения. В другом погребении найдена бронзовая проволочная серьга. В Сосницком музее среди других материалов из могильника имеется небольшой сосуд, сохранивший полный профиль, из детского погребения, исследованного Ю. С. Виноградским. По форме, орнаменту (несколько рядов вертикальных вдавлений), примесям и другим признакам он аналогичен керамике Долинского поселения и юхновских памятников Посеймья.

Значительный интерес представляют остатки постройки I тысячелетия н. э., содержащей большое количество обломков крупных сосудов с шамотом в тесте и следами грубого заглаживания поверхности пальцами. Вместе с этой посудой найдена лепная серая миска черняховского типа.

2. Городище и могильник в с. Мезин Коропского р-на Черниговской обл. Слой городища относится к юхновской культуре и датируется V в. до н. э. На восточном краю площадки городища расположены два могильника. Более древний представлен несколькими трупоположениями на спине головами на юг и восток. По находкам единичных черепков бронзового века группа погребений была предварительно отнесена нами к этому периоду. Однако работы 1968 г. позволили внести коррективы. В одном из погребений найдена железная булавка, в другом — типичный сосуд юхновской культуры. Третье погребение, по ряду признаков бесспорно относящееся к древней группе, не прорезает основания слоя. Ниже встречены единичные черепки юхновской культуры. Все это не позволяет отнести по крайней мере три рассмотренных погребения (а скорее всего и всю группу, связанную общностью обряда) к бронзовому веку. Группа поздних безынвентарных трупоположений с западной ориентировкой скорее всего относится к XVI—XVII вв., хотя не исключено, что их надо связать со временем Киевской Руси (встречены шиферные пряслица, стеклянные браслеты).

Особенно важным в раскопках в Мезине и Долинском следует считать открытие юхновских погребений. До сих пор было известно только одно трупоположение ребенка, связанное с этой культурой.

3. Городище у дер. Жадино Кореневского р-на Курской обл. Это однослойное юхновское городище с локальными особенностями, характерными для городищ Посеймья. Предварительная дата — V—IV вв. до н. э. Обнаружены следы построек, исследованы оборонительные сооружения, собрана большая коллекция находок, в том числе бронзовые, железные и костяные изделия, много сосудов.

4. Городище у с. Свердловки (урочище Хоромка) Коропского р-на Черниговской обл. Городище имело слой юхновской и роменской культур. Открыты сооружения обоих периодов, в том числе две роменские землянки IX в. н. э.

РАСКОПКИ ЛЫСОГОРСКОГО МОГИЛЬНИКА

А. Н. Москаленко,
А. З. Винников

Славянский отряд археологической экспедиции Воронежского университета продолжал изучение Лысогорского могильника на р. Воронеж. Сделана глазомерная съемка и в центральной части могильника раскопаны две насыпи. Высота первого кургана 1,30 м, диаметр 8,5 м; высота второй насыпи 1,50 м, диаметр 8,2 м. Насыпи обоих курганов сложены из чернозема с примесью глины и песка.

В насыпи первого кургана встречены обломки посуды боршевского и салтово-маяцкого типов, стеклянная, слегка ошлакованная подвеска, кости животных, отдельные угли и их скопления. Особенно отчетливо прослойка углей прослеживалась по всей насыпи на глубине 60 см. Кроме того, угольное скопление имелось на глубине 1 м в южной части насыпи, ближе к центру кургана.

В кургане обнаружено два погребения. Первое находилось в восточной половине насыпи на поверхности погребенной почвы вблизи от центра на линии запад — восток. От погребения сохранились сильно кальцинированные, очень мелкие обломки костей, которые занимали участок длиной 0,6 м, шириной 0,25 м. Толщина скопления 0,20 м. Рядом с костями стоял глиняный кувшин.

Второе погребение обнаружено у самого края кургана в юго-восточном секторе. В ямке овальной формы (0,38×0,6 м), выкопанной в материке на глубину 0,15 см, стояли два сосуда, почти до краев заполненные довольно крупными обломками кальцинированных костей человека. В одном из них находился сильно коррозированный железный предмет. Есть основания предполагать, что это погребение не связано с насыпью кургана. Подобный вариант погребального обряда в бассейне Верхнего и Среднего Дона до сих пор не был известен.

Ровика вокруг кургана не было. Лишь с южной стороны насыпи на современной дневной поверхности, а после раскопок и в материке было видно небольшое углубление полукруглых очертаний (2,1×3 м).

При раскопках второго кургана на глубине 50 см в его центральной части впервые в исследовании этого могильника обнаружена как бы вымостка из небольших плоских камней, образующих округлую площадку диаметром около 0,7 м. Ниже этой площадки в насыпи встречены отдельные угли и их скопления, фрагменты керамики, три обломка костяных ручек, два астрагала и одна бронзовая бляшка. В северной части насыпи обнаружена прокаленная глинобитная площадка (2,1×3,1 м). Толщина площадки до 0,2 м. На поверхности площадки залегал слой угля, фрагменты керамики боршевского типа, несколько небольших обломков сильно кальцинированных костей, кости животных.

Погребение располагалось в насыпи юго-восточного сектора на глубине 0,85 м. Оно представляло собой скопление мелких обломков кальцинированных костей, которые концентрировались на площади 0,5×0,7 м, толщина костного скопления 5—7 см.

В основании насыпи кургана встречены угли. Материк в отдельных местах был прокален. При зачистке материка выявлена яма (0,9×1 м при глубине 0,5 м), которая находилась примерно под погребением. В заполнении ее найдены фрагменты сосуда боршевского типа и кости животных.

Вокруг этого кургана ровика также не было. И здесь, но не с южной, как в первом кургане, а с северной стороны прослеживалось аналогичное углубление (1,5×3 м), на дне которого был найден раздавленный сосуд боршевского типа.

Раскопки второго кургана подтвердили наблюдения А. М. Мартиновича, сделанные им на основании исследования могильника в начале XX в. Он также встречал глинобитные площадки, которые служили местом сожжения умершего. Таким образом, с полной определенностью можно говорить о том, что в Лысогорском могильнике применяли не только обряд трупосожжения на стороне, но сожжения умершего на месте кургана.

Исследования этого года еще раз позволили убедиться в том, что могильнику в этом месте предшествовало славянское поселение.

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ У с. ЛЕБЯЖЬЕ ПОД КУРСКОМ

Ю. А. Липкинг

Экспедиция Курского педагогического института проводила разведки близ с. Лебяжье на правом берегу р. Сейм, примерно в 8 км к югу от Курска.

Из нескольких объектов особый интерес, кажется, представляет поселение Лебяжье 4. Оно открыто нами у обращенного к Сейму края дюнной гряды, в 120 м от современного русла и в 800 м от могильника Лебяжье 1. Шурфом, позже расширенным, была вскрыта часть слабоуглубленного в песок жилища, в котором сохранились остатки глинобитного пода печи со следами побелки. При разборке пода в нем, ниже слоя глиняной обмазки, оказались фрагменты лепного сосуда. Это высокий стройный горшок с бугристой поверхностью и примесью шамота в тесте. Он слабо профилирован, шейка не выражена, венчик очень сла-

бо отогнут. Сосуд очень несимметричен. Такая керамика хорошо известна по славянским могильникам и поселениям VI—VII вв. н. э. В частности, сосуд совершенно не отличим от сосуда из погребения 32 могильника Лебяжье 1.

Значительное количество керамики найдено около жилища, в самом жилище и на разрушенной печи. Бо́льшая часть керамики аналогична только что описанной. Кроме того, найдены фрагменты сосудов иного типа, также известных по славянским могильникам VI—VII вв. н. э.— больших горшков с биконическими или слабо округлыми туловами, желтых с заглаженной поверхностью, неорнаментированных, с примесью шамота. Наиболее близкие аналогии этой керамики — сосуд из могильника у дер. Кветунь и особенно сосуды из погребений 22, 47, 55 могильника Лебяжье 1.

Описанная керамика, особенно найденная под слоем обмазки в поде печи, позволяет уверенно определить жилище как славянское VI—VII вв. н. э. Но в жилище и в самом развале печи найдены фрагменты гончарной керамики, в частности, днище сосуда с хорошо выраженной кольцевой закраиной, с примесью мелкого песка, видимо, относящееся к черняховской культуре. Недалеко от печи найдены крупные фрагменты лепного сосуда, также отличающегося от керамики VI—VII вв. н. э. Сосуд этот темного цвета, с бугристой поверхностью. В примеси мелкий песок и мелкий же шамот. Обжиг посредственный. Толщина стенок 6—7 мм. Тулово сосуда округлое, сильно суженное к шейке. Венчик сильно отогнут и по наружному краю орнаментирован глубокими насечками. Другой обод насечек (менее глубоко врезанных) идет ниже шейки, примерно в 6 см от венчика. Донная часть сосуда не сохранилась. Высота сосуда 21—23 см, диаметр венчика 19—20 см. По форме сосуд напоминает черняховские лепные горшки.

Кроме керамики, в жилище и близ него найдено несколько костей животных, фрагменты сферических глиняных блоков и глиняной обмазки со следами прутьев. Из других находок упомянем бронзовую обоймочку от поясной пряжки, фрагмент железного ножа, плоское глиняное пряслице и фрагмент глиняного конического грузика.

Интересно отметить, что печь жилища очень похожа на обнаруженные нами на окраине могильника Лебяжье 1 и на поселении Лебяжье 2. Но в этих двух печах под выложен типичной черняховской, в том числе гончарной чернолощеной керамикой. Черняховская керамика обнаружена в значительном количестве и близ этих печей.

Сочетание явно черняховских черт с признаками безусловно славянской культуры VI—VII вв. н. э. знаменательно. Сходное явление было отмечено в свое время А. Е. Алиховой на Авдеевском селище, которое, кстати сказать, находится приблизительно в 30 км от памятников Лебяжьего.

РАСКОПКИ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. А. Шмидт

Экспедиция Смоленского педагогического института и областного краеведческого музея проводила изучение археологических памятников второй половины I тысячелетия н. э. на левобережье Западной Двины в пределах Смоленской обл. Раскопкам подверглись селища и курганы у дер. Кислая на р. Жереспее, у деревень Заозерье и Ковали на р. Рутавечь и у дер. Шугайлово на р. Саченке.

Раскопки на северо-восточной окраине дер. Кислая, на том участке, где в 1967 г. был найден клад куфических монет, содержащий, кроме того, несколько сасанидских драхм и серебряную монету, чеканенную, видимо, в Хадебю (Дания) в первой четверти IX в., выявили здесь обширное селище. Культурный слой селища содержал керамику третьей четверти I тысячелетия н. э. тушемлинского типа и отдельные фрагменты сосудов более позднего времени, напоминающие керамику из длинных курганов. Среди прочих находок есть своеобразные бронзовые подвески, встреченные в комплексах культуры длинных курганов у дер. Шугайлово конца IX — начала X в. и в материалах из Гнездова. Сооружения, вскрытые на селище, представляли собой наземные постройки столбовой конструкции; большие овальные ямы производственного назначения, в одной из которых было основание обожженного глиняного горна; округлые хозяйственные ямы, в том числе одна колоколовидной формы. В свежевырытой яме на месте находки клада обнаружено несколько десятков арабских дирхемов. Клад, видимо, был зарыт на селище в последний период его существования.

Раскопки селища в 1 км к северу от дер. Кислая выявили остатки наземных столбовых построек с открытыми очагами на уровне пола, большие овальные в плане ямы производственного назначения и круглые довольно глубокие хозяйственные ямы-погреба. Керамический материал включает массу фрагментов слабо профилированных сосудов тушемлинского типа, но наряду с ними есть обломки сосудов, имевших ясно выраженное ребро в верхней трети тулова. Среди вещей интересен костяной гребень с треугольной спинкой, напоминающий гребни из поселений черняховской культуры. Все материалы говорят о длительном существовании этого селища, возникшего в конце первой половины I тысячелетия н. э. и прекратившего свое существование с началом появления на этом месте курганов в последней четверти I тысячелетия н. э.

Один из курганов овальной формы, насыпанный на селище, был раскопан. В нем оказалось очень бедное погребение остатков трупосожжения без сопровождающего инвентаря, помещенное в маленькую урну, похожую на урны из длинных курганов.

Селище у дер. Шугайлово очень напоминает селище у дер. Кислой. Но здесь найден интересный комплекс вещей, включавший среди прочего

Серебряная монета первой четверти IX в. из клада у дер. Кислая Смоленской области

несколько серпов развитой формы с крючком и бронзовую прогнутую подвязную фибулу с узкой ножкой, датируемую IV — началом V в. н. э. Эти материалы значительно расширяют наши представления о материальной культуре племен, оставивших в Верхнем Поднепровье городища-убежища типа Тушемли.

Селище у дер. Заозерье в большей части разрушено при сооружении длинных и сферических курганов в VIII—XI вв., однако и на нем были найдены следы столбовых построек и поврежденный ровиком кургана обожженный глиняный горн в овальной яме.

Детальное обследование и шурфовка распаханных мест на селище у деревень Заозерье, Шугайлово и Кислая (северное) и прилегавших к селищам участков позволили выявить бескурганные погребения — трупосожжения в небольших грунтовых ямах, аналогичные погребениям в Акатовском могильнике третьей четверти I тысячелетия н. э.

В этих же местах были найдены бескурганные погребения остатков трупосожжений с вещевым комплексом длинных курганов. Это совершенно новый тип погребальных памятников последней четверти I тысячелетия н. э. Одно такое погребение у дер. Заозерье содержало богатый сопровождающий инвентарь, включавший почти все типы вещей, характерных для женских погребений в длинных курганах. Другие такие погребения, как у дер. Заозерье, так и в других местах, содержали мало сопровождающих вещей, а иногда — только глиняный сосуд-урну.

Раскопки курганных погребений произведены у деревень Заозерье, Шугайлово и Ковали, причем раскапывались только сферические курганы, хотя в первых двух пунктах они были в одних группах с длинными

и удлиненными. У дер. Заозерье исследовано три кургана, из них один содержал трупоположение XI—XII вв., а два других — остатки трупосожжений и бедный инвентарь. В первом кургане была глиняная урна и железный ланцетовидный наконечник стрелы, во втором — никаких вещей не найдено, но здесь остатки трупосожжения были прикрыты тщательно уложенными камнями.

Курганы у дер. Ковали содержали погребения, совершенные по обряду трупосожжения, в них найдены глиняные урны и фрагменты вещей конца периода насыпания длинных курганов.

В курганах у дер. Шугайлово обнаружен богатый комплекс вещей, обычных для длинных курганов.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ В КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

М. В. Фехнер

В Калининской обл. продолжена планомерная работа по изучению курганных могильников, состоящих из разнообразных насыпей: полусферических, круглых с плоско срезанной вершиной и четырехугольных. Подобные погребальные памятники мало исследованы; до сих пор неясны их хронология и этническая принадлежность.

Исследовались погребальные памятники в 20—30 км к северу от Вышнего Волочка близ дер. Пуйги, хут. Рыжакова и в урочище Млевский Бор. Эти группы находятся в 3—8 км друг от друга. Пуйговская группа состоит из 31 кургана — 5 прямоугольных и 26 круглых, иногда с уплощенными вершинами. Длина прямоугольных насыпей от 9 до 25 м, высота 0,6—0,8 м. Круглые курганы имеют в среднем высоту около 1 м; диаметр их колеблется от 4 до 15 м.

Раскопаны шесть курганов: три прямоугольных и три круглых. В двух насыпях находились остатки сожжений, совершенных на месте насыпи кургана, в двух — остатки сожжений, произведенных вне кургана, в остальных — погребения не обнаружены. Характерной деталью погребального обряда является то, что кострища и глиняные урны с остатками сожжений на стороне помещались в верхней части насыпи, непосредственно под дерном. Эта же деталь похоронного ритуала прослежена в кургане 17 Рыжаковской группы. В ней сохранились 40 невысоких (0,5—1 м) курганов, из которых 10 прямоугольной формы. Преобладающая часть насыпей повреждена лесопосадочными и противопожарными бороздами, а также кладоискательскими ямами.

В Рыжаковской группе раскопаны два прямоугольных кургана. Один был пустым, в другом обнаружено кострище с кальцинированными человеческими и лошадиными костями.

Наиболее интересным оказался третий могильник — Млевский Бор I, в котором прямоугольных насыпей 17, а полушарных — только 11. Длина насыпей от 4,75 до 15,5 м, высота 0,4—1,1 м. Размеры диаметров круглых курганов варьируют между 7 и 11 м, высота колеблется от 50 см до 1,4 м. В группе только 10 курганов (2 полусферических и 8 прямоугольных) сохранились неповрежденными и были нами раскопаны.

В пяти насыпях находились остатки трупосожжений, совершенных на месте, в трех — остатки сожжений на стороне (в урнах и без урн), в одном кургане выявлены два трупосожжения, из которых одно совершено в кургане, а другое — на стороне, и одна насыпь оказалась пустой. Как правило, захоронения и здесь располагались в верхней части насыпи, непосредственно под тонким дерновым покрытием. В основании ряда насыпей прослеживался слой погребенной почвы с золой и мелкими угольками.

Раскопанные курганы во всех трех группах отличались бедностью инвентаря. В них найдены слабо профилированные горшки ручной лепки (из грубого глиняного теста со значительной примесью дресвы) и плохо обожженные, незначительные обломки бронзовых украшений, оплавившиеся синие стеклянные бусы. В нескольких курганах обнаружены железные и бронзовые В-образные и прямоугольные с вогнутыми сторонами пряжки хорошей сохранности. У некоторых пряжек дужки орнаментированы рельефными косыми линиями. Оба типа широко распространены среди балтских древностей VII—VIII вв. н. э. Это дает основание датировать наши курганы примерно тем же временем.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГНЕЗДОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

И. И. Ляпушкин

Днепровская экспедиция была организована в 1967 г. в связи с разработкой темы «Славяне лесной зоны Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э.». Цель экспедиции — выявление славянских поселений этой поры.

Одним из памятников, заслуживающих внимания, был признан Гнездовский археологический комплекс, состоящий, по имеющимся литературным данным, из курганного могильника конца IX — начала XI в. и прилегающих к нему синхронных поселений — укрепленных (городищ Центрального и Ольшанского) и неукрепленных (селищ при устье речек Свинка и Ольшанка). Однако в последние годы наличие поселений близ могильника стало оспариваться. Было высказано предположение, что прослеживаемые близ курганного могильника выходы культурных отложений, синхронных могильнику, являются остатками не поселений (селищ), а разрушенных курганов, некогда существовавших на этих местах. Что касается остатков укрепленных поселений (городищ), то они

относятся к поселениям более поздней поры, а не ко времени существования курганного могильника.

Полевые работы 1967 г. на месте селища на правом берегу Свинки, близ устья, показали, что прослеживаемые на этом месте выходы культурных отложений, в какой-то части синхронных курганному могильнику, принадлежат поселению. Раскопками участка на стрелке мыса при устье Свинки на площади около 500 кв. м установлено, что там имеется сплошной культурный слой мощностью до 0,6—0,7 м, а на местах углубленных построек — до 1,5 м. Правда, поскольку площадка поселения обрабатывается под посевы, культурный слой, особенно в верхней части, сильно разрушен. Тем не менее, был собран достаточный материал, чтобы высказать некоторые предварительные суждения о характере поселения. В частности, полученный материал позволил предположить, что это остатки славянского поселения, близкого по культуре славянским поселениям лесостепной зоны, и что возникновение его следует отнести, по-видимому, к началу IX в. Были найдены и материалы, свидетельствующие о том, что это поселение существовало и позднее XI в.

В 1968 г. экспедиция продолжала работу на том же раскопе. Обнаруженный материал (остатки построек, изделия из железа, цветных металлов, камня, стекла, глины и из др.) полностью подтверждает наблюдения и предварительные выводы, сделанные на материалах 1967 г. Весьма важным следует признать находку стратиграфически хорошо выраженного закрытого комплекса (под слоем глиняной вымостки) с остатками лепной глиняной посуды, еще раз свидетельствующего о том, что в жизни поселений был период господства лепной посуды. Это в определенной мере подтверждает близость, а тем самым в какой-то части и синхронность памятника с такими лесостепными поселениями, как Опошнянское, Новотроицкое, Хотомельское.

Найдены остатки наземных и полуземляночных сооружений, но, к сожалению, недостаточно отчетливо выраженных. Правда, в одной из полуземлянок (размеры 4×3,5 м, при глубине около 0,60—0,70 м) есть остатки очага, но очаг настолько своеобразен (диаметр его около 1,5 м), что признать его за бытовой очаг жилища очень трудно. Нет возможности (впредь до детальной проработки всего материала) выделить и наземные жилые комплексы, ибо и материк, и отложения ранней поры очень сильно нарушены постройками последующего времени (вплоть до XIX в.), хотя следы наземных сооружений в виде глиняных вымосток (очевидно, полов) сохранились на участке, вскрытом в 1968 г., лучше, чем на участке раскопа 1967 г. (исследованный в 1968 г. участок — край террасы и склон — распахан меньше, чем участок 1967 г.).

Бо́льшая часть найденных материалов связана с обработкой цветных металлов (орудия труда, сырье, полуфабрикаты, отходы производства). Это опять-таки подтверждает наблюдения 1967 г., что исследуемая нами окраина поселка (берег реки), очевидно, была занята постройками производственного назначения.

РАЗВЕДКИ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

С. С. Ширинский

Сеймский отряд Восточно-Белорусской экспедиции Института археологии АН СССР занимался поисками на территории Курской обл. памятников второй половины I тысячелетия н. э., годных для дальнейших больших раскопок.

В Суджанском р-не у с. Рождественского, вблизи быв. Белогорско-Николаевского монастыря, на правом берегу р. Псел обследован комплекс памятников, состоящий из большого городища роменского времени, примыкающего к нему селища с лепной роменской и гончарной древнерусской керамикой и находящихся в 0,5 км от них славянских курганов.

Пять насыпей этого могильника раскопаны. В трех из них, поврежденных распашкой, на подсыпке выявлены одиночные, плохо сохранившиеся трупосожжения, произведенные в стороне от места захоронения. Среди золы и кальцинированных костей найдены обломки роменских горшков. Два кургана заключали трупоположения. На уровне горизонта в них расчищены женские костяки, обращенные головами на запад. В обоих погребениях встречены северянские спиралевидные височные кольца и бусы. Трупоположения датируются XI—XII вв.

В Золотухинском р-не на левом берегу р. Сновы на юго-западной окраине дер. Воробьевка обнаружено небольшое многослойное селище. На памятнике заложен шурф (5×2 м). Нижнюю часть культурного слоя поселения характеризуют многочисленные обломки лощеной черняховской керамики и куски позднеантичных амфор IV в. н. э. Выше располагался слой с лепной керамикой VI—VII вв. н. э. Вероятно, именно из этого слоя и происходит бронзовый браслет с орнаментированными расширяющимися концами, найденный под обнажением культурного слоя в реке. Верхние наслоения культурного слоя селища содержали отдельные роменские черепки, значительное количество обломков ранней гончарной посуды и глазчатую бусину второй половины X — начала XI в.

В 300 м к югу от описанного памятника, также на левом берегу р. Сновы, обследовано еще одно селище. В 1965 г. школьники нашли здесь клад, содержавший не менее 300 дирхемов, 2 серебряных браслета, семилучевое височное кольцо, сердоликовые и стеклянные бусы. В Курский музей местная средняя школа передала 150 монет и 2 обломка браслета.

На месте находки клада в 1968 г. заложен раскоп площадью 82 кв. м, который показал наличие перепаханного культурного слоя мощностью 20—25 см. Найденная здесь керамика представлена в основном обломками роменских горшков и мисок. В раскопе выявлены ямы и глинобитная печь этого времени. К сожалению, само место находки оказалось уже прокопано ямой, углубившейся в материк на 30 см. Можно лишь

констатировать, что клад был спрятан за пределами построек, очевидно на территории чьей-либо усадьбы. От клада 1965 г. в раскопе найдены 2 целых серебряных дирхема, 42 дирхема, обрезанных по краю, 22 обломка дирхемов, обломок серебряного семилучевого височного кольца, 1 сердоликовая и 6 стеклянных бусин, бочонковидная гирька. В местной школе и у населения удалось собрать еще 2 целых и 30 обрезанных по краю дирхемов, серебряный браслет с расширяющимися концами. По аналогии с уже известными кладами из Харьковской и Курской областей, в которых также преобладали обрезанные по краю монеты, клад можно предварительно датировать серединой X в.

СМОЛЕНСКИЕ КУРГАНЫ У пос. НОВОСЕЛКИ И г. ЯРЦЕВО

С. С. Ширинский

Охранными раскопками курганов у пос. Новоселки Смоленского р-на Смоленской обл. продолжены проведенные здесь исследования А. Н. Лявданского и Е. А. Шмидта. Насыпи могильника в последние годы подверглись распашке и уничтожению. В трех еще сохранившихся курганах обнаружено по одному погребению в виде остатков трупосожжения, произведенного в стороне от места захоронения. На уровне горизонта в каждом кургане расчищены округлые в плане скопления золы и кальцинированных костей диаметром 56—84 см и максимальной мощностью в центре до 14 см. В середине таких скоплений стояла урна с собранными в нее пережженными костями. Рядом с ней всегда находился второй горшок, но уже пустой.

В заполнении урн и рядом с ними, в слое золы и жженых костей, в кургане 1 встречены обломки бронзовой орнаментированной кольцеобразной фибулы, в кургане 2 — железная игла от фибулы, бронзовое колечко и заклепка. Неподалеку от урны в кургане 3 в золе найдена бронзовая ажурная скорлуповидная фибула с лежащими в ней бусинами, прикрытыми другой скорлуповидной фибулой.

Все горшки в курганах слеплены от руки и находят аналогии как среди сосудов из длинных курганов, так и в керамике славянских памятников лесостепи. Полученный при раскопках материал позволяет датировать исследованные курганы второй четвертью X в.

Еще три кургана раскопаны в 7 км к юго-западу от г. Ярцево. Здесь на правом берегу р. Вопи отдельными гнездами расположено более 50 заросших лесом круглых и удлиненных насыпей. В двух курганах, исследованных в наиболее удаленном от берега реки гнезде насыпей, погребений не было. Местами в насыпях встречались небольшие пятна золы, по-

гребенный дерн под ними был выжжен. В одном из курганов на горизонте лежал обломок венчика лепного горшка.

Богатым оказалось погребение в третьем кургане, расположенном в ближайшем к реке гнезде насыпей, сооруженных на селище раннего железного века. Под плоской и четырехугольной в плане насыпью этого кургана на горизонте прослежено округлое (диаметром до 70 см) скопление золы и жженых костей. Среди остатков сожжения, произведенного в стороне от места погребения, в кургане найдены многочисленные куски бронзовых цепочек, трапециевидные подвески, обломки бляшек, спиральки, бусы, рубленый бисер. Рядом с погребением в насыпи обнаружены обломки лепного горшка и средневековой амфоры. Горшок не похож на известную славянскую керамику и имеет аналогии в посуде Восточной Литвы. Имеющиеся в погребении вещи датируют его IX — первой половиной X в.

СМОЛЕНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Д. А. Авдусин

Смоленская экспедиция продолжала раскопки на улице Соболева. Раскапывались строительные ярусы XII в. По-прежнему изучалась застройка и планировка исследуемого участка, характер открытых городских усадеб, мостовых и иных сооружений. В одном из вскрытых домов XII в. прослежен слой шлака и найдены крицы. Видимо, здесь была кузница. Открыт водоотвод XII в. Это первый в Смоленске древний водоотвод.

Найдено 1650 вещей (не считая керамики). Кроме обычных для Смоленска массовых находок, встречены две крупные серебряные привески с тисненым изображением зверя, кусающего себя за хвост; вставка перстня с контурным резным золоченым изображением всадника; поливные глиняные многоцветные ручки ножей, подобные найденным в 1957 г.; два перламутровых нательных крестика, видимо, византийской работы; носок, сплетенный из войлочной тесьмы; шпоры; обрывки кольчужного плетения.

Много точеной деревянной посуды и орнаментированных деревянных вещей. Встречены привозные стеклянные изделия.

Берестяных грамот найдено три. Две из них в обрывках, третья — сохранилась полностью. Она представляет собой синодик и содержит 16 имен, названных в родительном падеже. Всего в Смоленске открыто десять грамот.

Раскопки на улице Соболева пока не завершены.

В Гнездове у дер. Глущенки раскопано два кургана, содержавших остатки трупосожжений, произведенных на стороне. В одном кургане никаких вещей не было, в другом — инвентарь немногочислен.

РАБОТА ВЯЗНИКОВСКОГО ОТРЯДА

М. В. Седова

Вязниковский отряд Института археологии АН СССР совместно с Владимиро-Суздальским музеем-заповедником продолжал работы на Пировом городище (древнерусском городе Ярополче-Залесском). Это восьмой полевой сезон с начала работ на памятнике.

Раскоп 1968 г. площадью 104 кв. м заложен в юго-восточной части городища вблизи въездных ворот, непосредственно у раскопа 1967 г. Как и в предыдущем году, в верхней части культурного слоя обнаружено кладбище горожан, погибших при осаде города татаро-монголами в 1238 г. Вскрыто 29 погребений, совершенных по обряду трупоположения с юго-западной ориентировкой. Многие костяки имеют следы насильственной смерти. Вещей при погребении почти нет. Исключение составляет женское захоронение с восемью серебряными перстнеобразными височными кольцами на черепе и целым зеленым крученым стеклянным браслетом на правой руке. Находка целого стеклянного браслета—довольно редкое явление, несмотря на многие тысячи обломков этих изделий, известных во всех древнерусских городах.

В нижней части культурного слоя обнаружены остатки двух полуземляночных жилищ с печами-каменками и несколько хозяйственных ям. Интерес представляют два вложенных друг в друга железных стремени, найденных в одной из хозяйственных ям.

Культурный слой датируется XII—XIII вв. по находкам шиферных пряслиц, обломков стеклянных браслетов, золоченых стеклянных бус, креста-энколпиона и др.

Кроме работ на Пировом кладбище, было произведено обследование городища в с. Кляземский Городок Ковровского р-на Владимирской обл. Городище является остатками древнерусского города Стародуба. Собранный керамический материал позволяет датировать культурный слой XII—XV вв.

РАСКОПКИ КВЕТУНСКИХ КУРГАНОВ

В. А. Падин

Летом 1968 г. Трубчевский музей продолжал исследования Кветунского древнерусского могильника. С 1950 по 1968 г. раскопано 195 курганов. В настоящее время на территории могильника осталось 20 насыпей, часть из которых распахана. Основная масса исследованных курганов датируется X — XI вв., часть — XII — XIII вв., несколько — VIII — IX вв.

Могильник заметно делится на небольшие группы, состоящие из большого кургана, окруженного меньшими. Часть курганов, выделявшихся большими размерами, содержала скелеты пожилых людей, захороненных в ямах с деревянными сооружениями. Кости обожжены. Вещей нет. В двух случаях в больших курганах на горизонте похоронены женщины: одно трупосожжение сопровождают семилучевые височные кольца и желтый рубленый бисер, другое полусожжение — с желтым рубленым бисером и лепными горшками, поставленными на древней почве, причем один горшок накрывал другой. По находкам бисера и керамики эти захоронения датируются X в., возможно второй его половиной.

Два из больших курганов оказались более ранними. Под насыпью одного из них, на выровненной в древности площадке найдены остатки кострища и несколько захоронений по обряду трупоположения. Куски обожженного дерева остались от домовины. В слое кострища и над ним лежали обломки двух специально разбитых роменских сосудов. Кострище окружено кольцевой оградкой — валом из девяти куч темной земли, смешанной с золой, угольной пылью, сильно измельченными кальцинированными костями. Кучи перекрывались слоем суглинка толщиной 0,10—0,20 м и смыкались одна с другой. Они были куполообразными высотой 0,40 м. К кострищу с востока вел метровый проход. Некоторые кучи перекрывали кострище, что связано с очередностью захоронений. Под насыпью второго кургана найдено четыре захоронения, совершенные по обряду сожжения: одно — на горизонте, а три — в небольших ямах (диаметр 0,3—0,6 м, глубина 0,15 м). Три захоронения сопровождались обломками типичной роменской керамики, одно — обломками железного ножа и височным колечком диаметром 11 мм с заходящими концами, сделанным из тонкой бронзовой проволоки.

В насыпи встречено около 80 фрагментов роменской керамики, однако при шурфовке в районе исследований селище не найдено. В данном случае имел место обычай бить посуду, связанный с обрядом. По керамике курганы датируются VIII — IX вв.

Самый большой курган стоял в 100 м к югу от исследуемого могильника и находился, как и все большие насыпи, на естественной возвышенности. Верх уплощен. Курган возведен в два приема. Первоначальная насыпь высотой 2 м перекрывала 28-метровую площадку, окруженную рвом шириной 3,5 м, глубиной 1 м. По краю площадки, примыкая ко рву, шла кольцевая оградка-валик шириной 0,8 м, высотой 0,2 м, сложенная из лёсса, окружавшая остатки кострища диаметром 9—10 м, высотой 1,45 м. На площадке в материке прослежены четыре ямки от столбов диаметром 0,4—0,7 м, глубиной 0,3—0,6 м. Еще одна ямка глубиной 0,5, диаметром 0,6 м была заполнена темной землей с включением кальцинированных костей.

В материке найдены ямки от сгоревшей изгороди, подковообразно охватывавшей площадку (2×2,8 м) со входом с северо-северо-востока,

за которой горел небольшой костер. На всей подкурганной площадке — подсыпка из лёсса толщиной 8 см. Верх насыпи выровнен (диаметр 24 м). На ней находились остатки кострища овальной формы (10×14 м) высотой 1,8 м, окруженного оградкой-валом из примыкавших одна к другой куполообразных куч темной земли, перекрытой лёссом. Под кострищем — углистая прослойка толщиной 2—4 см, заметно отделявшаяся от кострища и перекрывавшая площадку диаметром около 13—14 м. Вторичная насыпь имела толщину 2,8 м. Из вещей в кургане найдена одна бронзовая пуговица. Датировать памятник затруднительно, но по аналогии его можно отнести к IX — X вв. Это явно культовое сооружение, связанное с эпохой язычества.

Оградка из восьми аналогичных описанных куч со входом с запада встречена в кургане с тремя неполными сожжениями. Здесь найдены вещи (бисер, бусы, привески, бубенчики, пластинчатый перстень с завязанными концами), датирующие памятник X в.

Кольцевой ров (2 м шириной, 0,4 глубиной) встречен в кургане с трупоположением на горизонте. Здесь же остатки домовины, сожженной на месте, следы огня на костях. Окруженная рвом площадка перекрыта глинистой подсыпкой, утолщавшейся во рву до 0,25 м.

Отмеченная пестрота погребального обряда всех исследованных курганов связана с городским характером могильника (найденный инвентарь явно городской: трехбусинные с зернью височные кольца, застежки от плаща, инструменты ремесленников, боевые топоры и др.).

Несомненно памятник является некрополем Трубчевска, который начинал свою историю в районе Кьетуни (на 12 км южнее современного Трубчевска).

РАСКОПКИ В СУЗДАЛЕ

В. В. Седов

Основной раскоп был заложен в юго-западной части суздальского детинца на Ивановской улице. Общая толщина культурных напластований здесь достигала 1,9—2,4 м, на долю древнерусского слоя приходилось 1—1,4 м. Установлено, что в домонгольское время исследуемый участок древнего города был почти свободен от построек. Обнаружены только следы одной наземной постройки и ограды-частокола, видимо, разграничивающего усадьбы. Зато в XIV в. этот участок был плотно застроен. Постройки располагались вдоль вала, отступая от него на 7—9 м. Все они наземные, по-видимому, бревенчатые, жилые — размерами 4×4—4×5,5 м с глинобитными печами, а хозяйственные — меньшие по площади, без печей.

Культурный слой содержал большое количество древнерусской керамики XI — XIV вв. В верхних горизонтах постоянно встречались фраг-

менты красной лощеной посуды болгарского типа, которая появляется в Суздале во второй половине XII в. Но в домонгольское время она составляет ничтожный процент в керамической коллекции. В слое XII в. найдено несколько обломков глиняной посуды, покрытой поливой. Среди вещевых находок преобладают железные: ножи, ножницы, зубило, сверло, шилья, скобы, пряжки, ключи, цепи, наконечник стрелы и др. Многочисленны и разнообразны обломки стеклянных браслетов. Обнаружены следы косторезного ремесла — опиленные кости и поблизости предметы из кости: гребень и рукоятка ножа, возможно, изделия местного мастера. Кроме того, найдены шиферные пряслица, предметы из бронзы, в том числе амулет в форме кинжальчика, миниатюрный каменный топорик, обломки кирпичей с фресковой росписью.

Второй раскоп заложен вне кремля, в юго-западной части города, там, где находился древнейший суздальский монастырь — Димитриевский (храм Димитрия к юго-западу от кремля, за рекой Каменкой, был срублен в конце XI в.). Культурный слой здесь весьма насыщен древнерусской керамикой и вещевыми находками (стеклянные браслеты, шиферные пряслица, ножи, ключи). К XII в. относится полуземлянка, открытая в процессе раскопок. Размеры ее котлована 3,5×3,5 м, глубина 0,5 м. По углам котлована прослежены ямки от столбов, видимо, опор крыши и плетневых стен. Вырез для входа располагался с западной стороны, развал глинобитной печи — с противоположной.

Около древнейших ворот суздальского детинца — Ильинских — при работе экскаватора был поврежден вал. Обследование привело к открытию дубовых конструкций. Внутренний склон вала был сильно прокален, а концы срубов обожжены без доступа воздуха. Прежние разрезы вала суздальского детинца (П. А. Раппопорт) не обнаружили внутренних деревянных конструкций, поэтому не исключено, что строения, открытые около Ильинских ворот, являются частью укреплений древнего въезда в детинец. В нижних горизонтах насыпи вала собрана гончарная керамика XI столетия, что, видимо, определяет время сооружения первоначального вала. Под насыпью вала прослежен незначительный слой X в.

Были продолжены раскопки курганов суздальского могильника, расположенного при впадении в Каменку речки Мжары. Все 11 раскопанных курганов заключали трупоположения в неглубоких грунтовых ямах. В некоторых курганах открыто по два-три захоронения, а в одном — четыре (два — в одной могильной яме, два — в соседней, впускные). Видимо, это — семейные усыпальницы. Ориентировка погребений западная. Большинство захоронений безынвентарные. Только в единичных женских захоронениях встречены перстнеобразные височные кольца и перстни. По данным раскопок 1967—1968 гг., суздальские курганы датируются XII — первой половиной XIII в.

Работы производились по инициативе и на средства Владимирско-Суздальского музея-заповедника.

ИССЛЕДОВАНИЕ СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ

В. П. Глазов

Продолжено исследование могильника на р. Мжаре близ Суздаля. В раскопках приняли участие студенты исторического факультета Московского государственного университета. Вскрыты пять курганов, в которых погребены жители Суздаля XII — XIII вв. Погребенные лежали в деревянных гробах, головами на запад с небольшим отклонением к северу и к югу. В насыпи курганов и заполнении могильных ям встречено много фрагментов славянской керамики (очевидно, следы тризны).

В кургане 1 найдены трехбусинные филигранные, украшенные зернью височные кольца, браслет эллипсоидного сечения с заходящими концами. Интересны находки налобных повязок в женском погребении кургана 2. Налобная повязка имеет вид ленты шириной 2 см, длиной 12 см. Лента соткана с применением золотой нити (вид парчи). В кургане 3 найдены узкие полоски из парчи, нашитые, видимо, по краю рукавов одежды. Мужские погребения были без находок.

Кроме раскопок могильника на р. Мжаре, велись разведочные работы на территории Суздальского Ополья в бассейнах рек Ирмези, Нерли, Рпени, Кестры и др. У с. Весь на Ирмези обнаружена группа курганов и рядом селище со славянской керамикой. Остатки городищ прослеживаются у современных деревень Кидекша, Новоселки, Якиманское, Васильки. На городищах встречены образцы древнеславянской керамики с линейным и волнистым орнаментом.

Очень интересен с археологической точки зрения район у с. Васильки — место неоднократных раскопок А. С. Уварова. Здесь среди подъемного материала много шлаков, керамики, рыболовных грузил, ножей, наконечников стрел и др.

Близ с. Горицы на высоком берегу Рпени выявлено дьяковское городище. Тут же, на территории городища, есть большой курган, очевидно, славянского времени. Высота кургана 7 м, диаметр 33 м.

РЯЗАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

А. Л. Монгайт

На Старорязанском городище были завершены раскопки участка, находящегося в западной его части, возвышающейся над поймой Оки (раскоп 7; руководитель работ В. П. Даркевич). Здесь ранее исследовалось большое здание дворцового типа, которое сгорело в 1237 г. Слой, лежащий ниже, содержал остатки оборонительных сооружений города, защищавших его со стороны реки. Они прослежены на протяжении

25 м. По кромке высокого края городища был насыпан вал из глины (с примесью культурного слоя). Землю брали на месте, в результате за насыпью образовался ров. Чтобы облегчить подступ обороняющим город к валу и возвышавшемуся на нем деревянному тыну, во рву была сделана боевая площадка, представлявшая собой сооружение из длинных горизонтально лежащих бревен, коротышей-контрфорсов и вертикально стоящих бревен. Это сооружение, вероятно, возводилось поспешно, и потому была применена более простая конструкция, чем сооружение обычных срубов — городен. Разрушение оборонительных сооружений, раскопанных в 1968 г., вероятно, относится к 1208 г., когда Рязань была взята войсками Всеволода III. После этого стены города со стороны реки не возобновлялись, а на выровненной площадке было построено упоминавшееся выше дворцовое здание.

В 100 м к юго-востоку от раскопа 7 была вскрыта усадьба XII в. с полуземляночным жилищем и наземными хозяйственными постройками (руководитель раскопа Г. Ф. Никитина). Неподалеку от жилища открыто кладбище, относящееся к раннему периоду существования Старой Рязани и датируемое XI в. Старорязанское городище буквально усеяно множеством отдельных погребений и кладбищ. Значительная часть захоронений относится ко времени татаро-монгольского разгрома. Погребения совершены по христианскому обряду и почти не содержат вещей, датировать их удается по находкам отдельных предметов, фрагментов одежды и т. п. Найденное в 1968 г. кладбище впервые обнаружило обряд, обычный для курганных погребений, но редко встречаемый в городах: в ногах каждого покойника стоял горшок. Найдены поясные пряжки, браслеты, перстни, трехбусинные височные кольца и т. д. Вне городища, за оврагом, по которому течет речка Серебрянка, найдено женское погребение, синхронное ранним слоям Старой Рязани, с S-видными и кольцевидными височными кольцами, бочковидными позолоченными бусами, витым браслетом и шумящими привесками. В этих украшениях обнаруживается смешение славянских и чудских черт.

Большие работы были проведены по вскрытию фундаментов Спасского собора (руководитель работ М. Б. Чернышев). Этот собор был раскопан в 1888 г., но опубликованный план вызывал сомнения. На нем были изображены пять полукруглых апсид и круглые столбы. Контрольные раскопки обнаружили, что план 1888 г. неверен. Столбы были крестчатыми, а боковые апсиды основного здания снаружи прямоугольные. Здание было украшено пучковыми лопатками и полуколонками. По размерам, всем деталям плана, размерам плинфы и даже клеймам на ней собор обнаруживает абсолютное сходство со смоленской церковью Михаила Архангела (Свирской).

Продолжались раскопки находящегося неподалеку от Старой Рязани Шатрищенского могильника II — VII вв. н. э. (руководитель работ Т. А. Кравченко). Вскрыты 73 погребения (59—131). Могильник рас-

положен на четырех мысах, образованных оврагом. Как выяснилось, обряд погребения и характер погребального инвентаря в разных частях могильника неодинаковы. Так, например, основная ориентировка погребений — головой на восток, но на мысу 4 все погребения совершены головой на север, и погребальный инвентарь отличается близостью к комплексам Борковского и Кузьминского могильников. На мысу 2 прослежены интересные черты погребального обряда. Вокруг каждой могильной ямы были сделаны оградки в виде тонких (диаметром 5 см) кольев. Между группой погребений находилось «жертвенное место» в виде круга из кольев и одного толстого столба — возможно, идола. Над некоторыми могилами разводили большой костер, оставивший след в виде углистой подушки толщиной 15—20 см. На мысу 1 могильных оградок и окруженных кольями жертвенных мест нет, но «ритуальным центром», возможно, служило место, на котором обнаружено большое кострище со столбом толщиной 60 см в центре.

Среди наиболее интересных находок следует назвать сохранившиеся фрагменты тканей, позволяющие реконструировать головной убор и рубаху женщины из погребения 110. В погребении 64 в ногах была положена кожаная сумка, а в ней — украшения накосника и нагрудная бляха. В горшке, поставленном в ногах мужчины (погребение?), был положен клад, состоящий из множества бус, бронзовых колечек и подвесок. Найдены фибулы балтского типа, височная подвеска с бипирамидальным грузиком, типичная для инвентаря мордовских могильников, пояса с серебряными накладками и пряжками готского типа. В мужских погребениях наряду с оружием — мечами, боевыми топорами — были найдены очень редкие в этом могильнике орудия труда: плотничьи топоры и скобель (VII — VIII вв. н. э.). Раскопки Шатрищенского могильника приближают нас к решению одной из важнейших проблем, стоящих перед Рязанской экспедицией,— выяснению вопроса о времени встречи и формах контактов славян и древнего местного населения в среднем течении Оки.

БИТЯГОВСКИЕ КУРГАНЫ

Р. Л. Розенфельдт

В курганной группе у с. Битягово Подольского р-на Московской обл. при обследовании ее в 1930 г. насчитывалось до 70 насыпей. В. А. Городцов, М. В. Городцов и А. П. Смирнов раскопали в ней 23 кургана. В 1967 г. в Битяговской группе во время полевой археологической практики студентов Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы было исследовано 18 курганов, в которых расчищено 9 мужских и 14 женских погребений. Большинство раскопанных погребений содер-

жали трупоположения на горизонте, есть погребения в ямах, вводные погребения несколько выше уровня основного погребения в насыпи.

Среди раскопанных курганов интересным оказался курган 5, расположенный на склоне к р. Рожае. На женском костяке, положенном на специально открытый горизонтальный уступ, было найдено ожерелье из 52 стеклянных бус и 22 бисерин. На правой руке был пластинчатый браслет, а на левой — два серебряных литых рубчатых браслета и два браслета из черного стекла с желтой оплеткой. На фаланге пальца той же руки был литой перстень с овальным щитком. Судя по костяку, это погребение девушки. Вятических височных колец при погребенной нет.

Представляется интересной находка в нескольких курганах этой группы в мужских погребениях сережек в виде проволочного колечка диаметром до 2 см с заходящими концами — по одной на погребение (курганы 3 и 17). Эти сережки, судя по расположению их в погребении, носили на левом ухе.

В кургане 6 во впускном женском погребении были найдены два редко встречающихся подзорчатых трехлопастных вятических височных кольца и два семилопастных с дополнительными орнаментами на лопастях.

Среди железных предметов в Битяговских курганах есть серп, овальное кресало, дужка от ведра, поясные кольца, ножи, цепочка.

В женском вводном погребении в кургане 18 встретилось самое крупное в земле вятичей ожерелье из сердоликовых бус. Оно состояло из 41 бипирамидальной бусины и 5 шаровидных с белыми полосами и колечками на поверхности. Из этого же погребения происходят два малых пятилопастных вятических височных кольца и трехбусинное серебряное височное кольцо киевского типа. В основном мужском погребении этого кургана найдены хорошо сохранившиеся остатки кожаной обуви.

Интересный материал собран по рисункам тамгообразного характера на пластинчатых браслетах и перстнях. Анализ позволит судить о родственных отношениях погребенных в группе.

РАСКОПКИ НА ОЗЕРЕ СЕЛИГЕР

А. В. Успенская

Селигерская экспедиция Государственного исторического музея продолжала работы в Осташковском р-не Калининской обл. Раскопки производились на Березовском городище, расположенном в западной части оз. Селигер на высоком холме восточного берега Березовского плеса близ дер. Залучье. Городище находилось в одном из перевалочных

пунктов Селигерского пути, в том месте, где начинается 2-километровый волок, связывающий Селигер с р. Щеберихой через небольшое озеро того же названия. Поселение Березовец известно из письменных источников (Новгородские писцовые книги 1495 г.) как усадьба Марфы Борецкой. Городище и рядом расположенный посад, насчитывавший в XV в. 45 дворов, являлись центром волости, в которую входило более 60 деревень.

В 1938 г. городище обследовано С. А. Тараканową. По ее предположению, укрепления городища были сооружены в XIV — XV вв.

В настоящее время бóльшая часть площадки городища занята развалинами церкви и кладбищем, на котором отдельные захоронения совершены еще в начале века. В текущем году раскопки производились в двух местах: на мысу городища за пределами церковной ограды в юго-западной части и вблизи вала.

Наиболее интересный материал обнаружен на раскопе II в восточной части городища.

Культурный слой, достигающий мощности 1 м, в отдельных квадратах был потревожен могильными ямами.

Здесь обнаружены остатки наземного жилища в виде развала, сооруженной из довольно крупных камней печи-каменки, обгоревших бревен и множества обломков оконной слюды. В жилище и около него найдены узколезвийные ножи, ключи от цилиндрических замков, обломок железного серпа, три рыболовных крючка и глиняные грузила от сети, глиняные и шиферные пряслица, железные наконечники стрел, пластинчатый медный перстень и половинка медного широкого пластинчатого браслета с геометрическим орнаментом. Керамика вся круговая. Верхняя часть сосудов украшена волнистыми линейным и ногтевым орнаментом, но есть и неорнаментированные. Судя по найденным предметам, жилище существовало в XII в. Часть встреченных на городище вещей датируется более поздним временем: длинные и короткие широколезвийные ножи с толстой спинкой и множество обломков керамики относятся к XIV — XV вв.

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

В. И. Матвеева

Ростовский отряд Верхневолжской экспедиции по инициативе Ярославского областного управления культуры провел археологические работы на территории древнего Ростова. Контуры древнейшей топографии Ростова сейчас почти стерты. Единственная точка, закрепляющая положение древнего города,— Успенский собор, стоящий на белокамен-

ных основаниях стен собора 1162 г. Это и обусловило место раскопок на древней территории города.

Раскопки велись между Княжьими теремами и Белой палатой, у церкви Иоанна Богослова, между церковью Воскресения и церковью Одигитрии в 40 м на север от Успенского собора. Общая площадь раскопов равна приблизительно 120 кв. м. Исследования, несмотря на их сравнительно небольшой объем, дали интересные результаты. Была прослежена четкая стратиграфия слоя, мощность которого достигает 4,5 м.

Культурный слой состоит из следующих напластований:

1) Слой современный до XVII в. с большим количеством остатков строительного мусора, хорошо датирующего ремонты и реставрации кремля в XVIII—XIX вв.

2) Слой XVI—XVII вв., имеющий два горизонта: верхний — с большим количеством большемерного кирпича, кирпичных деталей, строительного мусора, датируемый последней четвертью XVII в.— временем строительства резиденции митрополита; нижний — мощный слой темно-коричневой земли с большим количеством керамики, обрывков кожи, костей животных и других остатков, датируемый XVI—XVII вв. В слоях XVII в. открыты деревянный канал дренажной системы, действующей и поныне, фундамент галереи-перехода между Княжьими теремами и Белой палатой, состоящий из больших валунов, и нижняя часть поперечной стены галереи, выложенной из большемерного кирпича.

3) Слой XIII — середины XV в., богатый керамикой, изобилующий костями животных; в нем расчищены остатки деревянных сооружений хозяйственного назначения.

4) Мощный слой домонгольского времени, содержащий прекрасно сохранившиеся остатки деревянных сооружений: срубов, вымостки и деревянную мостовую. В нижней части слоя найдены небольшие обломки мерянской посуды, русская домонгольская керамика, кости животных, деревянные поделки. Прекрасная сохранность металла, дерева, бересты и других органических веществ обусловлена спецификой культурного слоя Ростова — его повышенной влажностью.

Значительная интенсивность грунтовых вод, их обилие крайне затрудняли работу; ежедневно раскопы на 80—100 см заливает вода.

Консервирующая особенность слоя ставит Ростов в один ряд с немногими древнерусскими городами, археологические раскопки которых очень трудоемки, но эффективны.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Н. С. Шелягина, В. И. Федоров

В связи с реставрационными работами музея Московского Кремля продолжали архитектурно-археологические исследования в Успенском соборе.

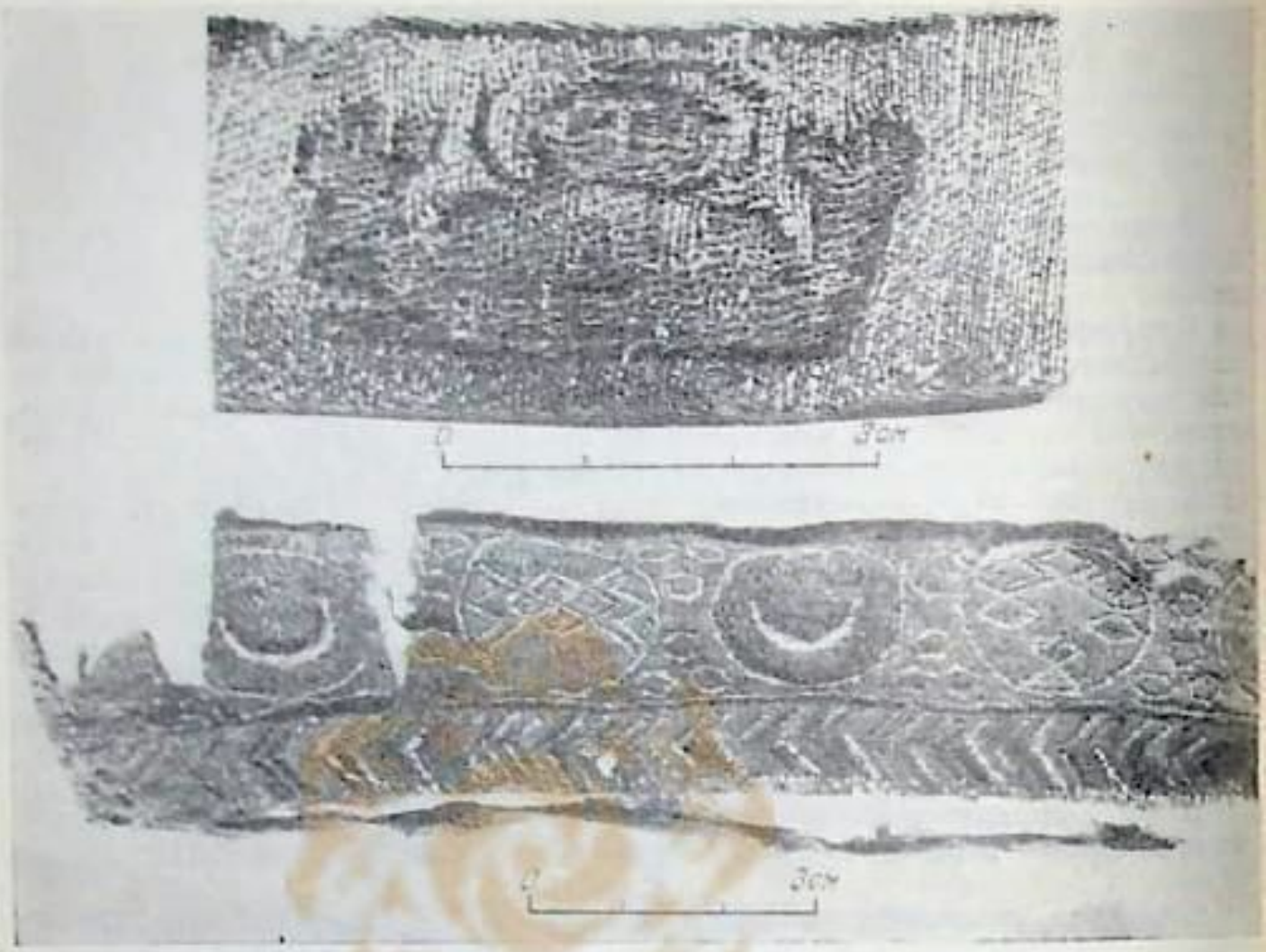
В шурфах, заложенных в центральном нефе, обнаружено основание квадратного в плане столба храма 1472—1474 гг. Кладка выполнена из гладкотесанных блоков белого камня размерами 40×46×60 см. В фундаментной части кладки использованы архитектурные обломы от разобранных ранее построек и блоки с остатками фресок XIV в.

К югу от северо-восточного столба собора 1475—1479 гг. были вскрыты фундамент и цокольная часть северной и восточной стен храма, заложенного Калитой в 1326 г. Можно предполагать, что на высоту трех рядов наземной кладки сохранился северо-западный угол западного притвора этой церкви. Размеры и характер обработки белокаменных блоков типичны для раннемосковской школы зодчества. В основании фундамента, представляющего собой забутовку под всей площадью постройки, грунт уплотнен сваями. У дверного проема в западной стене церкви сохранились остатки сгоревшего деревянного настила XIV в. Не позднее середины XV в. он был перекрыт кирпичной папертью. Размеры кирпича этой древнейшей московской кладки 3—3,7×16×30—32 см.

В шурфе к западу от северо-восточного столба собора 1475—1479 гг. были обнаружены фрагменты белокаменных кладок неизвестного ранее храма: фундамент и нижняя часть цоколя стены, имеющая трехчетвертную выкружку, фундамент и сохранившийся ряд наземной кладки квадратного в плане столба размерами 1,36×1,36 м. Техника кладки характерна для владимиро-суздальских построек.

Размеры грубообработанных теслом квадров нижнего ряда колеблются: длина от 30 до 50 см, высота от 15 до 30 см. К уступу в нижней части столба примыкал слой известковой подготовки пола. Фундамент постройки сложен из валунов и речной гальки, политой известковым раствором. В завалах каменных кладок обнаружены фрагменты квадратных керамических поливных плит пола. Цвета поливы — зеленый и желтый. Лабораторное исследование, произведенное Ю. Л. Щаповой, показало, что глазурное покрытие половых плит из кремлевских раскопок аналогично поливе бытовой и строительной керамики XII—XIV вв.

Большой интерес представляют архитектурные обломы, найденные в слое засыпки кладок. Это профилированные блоки и детали с фрагментами декоративной резьбы в технике высокого округлого рельефа.



Успенский собор Московского кремля. Остатки ткани из захоронения XII в.

Руины неизвестного ранее храма вскрыты ниже уровня дневной поверхности собора 1326 г., которая четко читается по фундаментному обрезу его стен. О хронологической последовательности строительных периодов свидетельствует стратиграфия слоев северного борта шурфа: остатки кладок столба и стен древней церкви перекрыты мощным слоем сколов и крошки известняка — отходами каменных работ 20-х годов XIV в. Не вызывает сомнения, что ко времени строительства 1326 г. храм — предшественник Успенского собора уже был разобран.

Датировку архитектурных остатков проверило и уточнило исследование захоронений нижней зоны многослойного некрополя XII — XIV вв., вскрытого под Успенским собором в тех же шурфах. Вытянутые на спине трупоположения углублены в материковый песок. Ориентировка костяков обычная — головой на запад. Прослежены остатки деревян-

ных долбленых гробов. В заполнении могильных ям обнаружены керамика курганного типа и несколько стеклянных браслетов.

В одном из женских захоронений на теменной и лобной костях черепа сохранились пять фрагментов шелковых тканей, представлявших собой кайму богатого головного убора и остатки покрывала из тончайшей материи. Ткань по шелковой основе расшита шелковыми нитями, скрученными вдвое. В орнаментике каймы — распространенный мотив правильно чередующихся кругов со вписанными в них лунницами и комбинациями из ромбов. Между ними помещен древовидный орнамент, геральдические лилии и глазчатый узор. Местами ткань сохранила первоначальный голубовато-зеленый цвет.

В области шейных позвонков скелета найдена лента из золотой материи, окаймлявшая квадратный вырез одежды — оплечье. Цвет материи коричнево-охристый. На фрагменте четко видны три клейма с изображением христианских святых. В центральном — Богоматерь-Оранта с молитвенно воздетыми, непропорционально большими руками. В боковых — лики святых, обращенные к центральной фигуре. Возможно, это летящие ангелы. Ткань византийская, близка к фрагменту ленты из владимирского клада XI — XII вв. Судя по находке двух бронзовых пуговиц в виде миниатюрных гирек, оплечье было пристяжным.

Высокохудожественным изделием городского ремесла является обнаруженный в погребении серебряный пластинчатый широкосрединный незамкнутый перстень, украшенный чеканным орнаментом. Деление щитка трехчастное. В центре — равноконечный крест, по бокам — распространенный мотив плетенки.

Стратиграфия и инвентарь датируют погребение нижнего горизонта некрополя XII в. Могильные ямы захоронений не нарушили слоя известковой подготовки под пол вновь открытого храма XII в. По всей вероятности, их нужно связывать с более ранним памятником — деревянной церковью.

Исследования в центральном нефе Успенского собора позволили выявить наиболее древнюю территорию многослойного городского кладбища в северной части современной Соборной площади. В отличие от бедных или безынвентарных захоронений окраины кладбища, прослеженной раскопками 1963—1966 гг. под зданием Крестовой — Патриаршей палат, погребения древнейшей части некрополя под Успенским собором принадлежали богатой, возможно княжеско-боярской верхушке общества.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В ДЕЛЬТЕ ДОНА

В. Е. Максименко

Второй отряд археологической экспедиции Ростовского университета продолжил исследование курганного могильника у пос. Койсуг, расположенного на левой надпойменной террасе Дона. Раскопаны два кургана —5 и 6, в них обнаружено 45 погребений, относящихся к различным периодам бронзового и раннего железного века.

Наиболее ранние погребения связаны с древнеямной культурой. К ним относятся погребения в ямах прямоугольной формы, в которых покойники лежали на спине головой на восток. Ноги подогнуты и обращены коленями вверх. Перекрытия ям сложены из деревянных бревен, поверх которых настилали камыш. Во всех погребениях отмечена обильная подсыпка из охры.

Несколько ранних погребений совершено в ямах с заплечиками. Эти могилы также имели деревянные перекрытия и настил из камыша. Погребенные были скорчены на левом боку головой на восток. В могилах отмечены следы огня, обильная подсыпка из мела и красной краски. Инвентарь довольно богат. Найдены небольшие лощеные сосуды северокавказского происхождения. В одном погребении оказался миниатюрный бронзовый ножичек лавролистной формы. В двух погребениях, одно из которых было парным, на покойниках сохранились украшения поясов из множества мелких перламутровых бисеринок.

Погребения в ямах с заплечиками впущены в насыпь позже погребений в прямоугольных ямах. Еще более позднюю группу составляют впускные ямные погребения, в которых покойники обращены головой на запад.

В трех могилах погребенные находились в сидячем положении. В них найдено очень много кремневых отщепов и кремневых орудий. В одном из погребений, кроме того, были три костяные проколки, медное шило и небольшой круглодонный сосудик плохого обжига с очень сильной примесью толченой ракушки. Встречено много красной краски

В погребениях катакомбной культуры почти во всех случаях умершие скорчены на правом боку. Ориентировка неустойчива. Инвентарь представлен сосудами различных типов. В одном из погребений найдены два небольших полированных изделия из кости в форме октаэдров, на гранях которых нанесены различные заштрихованные геометрические фигуры. Эти предметы похожи на игральные кости.

Погребения срубной культуры находились неглубоко в насыпи. Ритуал погребений обычен: покойники сильно скорчены на правом или левом боку, охры нет. Находки представлены сосудом баночной формы и костяной пряжкой.

Большой интерес представляют погребения раннего железного века, в которых умершие лежали на боку со слегка скорченными или вытянутыми ногами. В двух случаях они обращены головой на запад, в одном — на восток. В погребении с восточной ориентировкой найдены костяные поделки в виде коротких толстых гвоздиков с грибовидными шляпками, костяная четырехгранная стрела и стеклянная бусина, сохранились остатки напутственной пищи — кости барана.

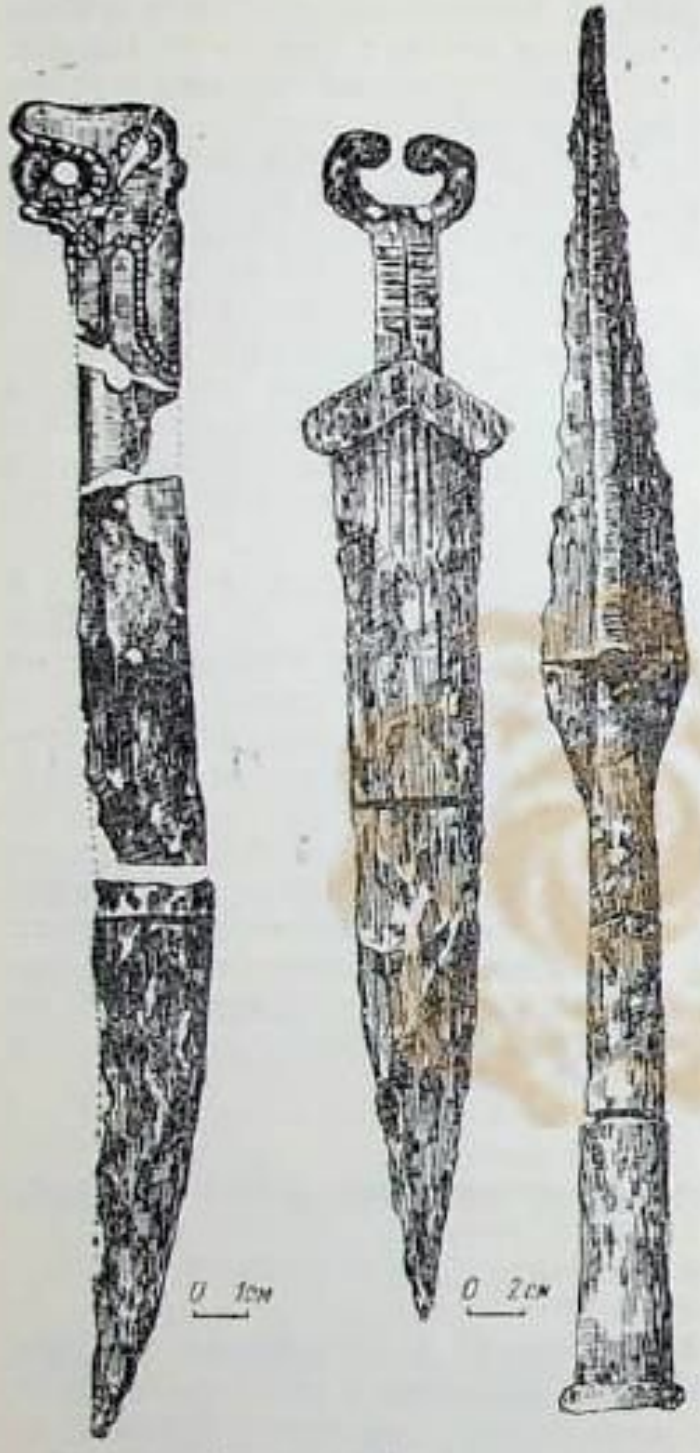
Погребения сарматской эпохи представлены могилами в подбоях и прямоугольных ямах. Умершие ориентированы на юг и на запад. Эти погребения, которые можно отнести к прохоровскому этапу развития сарматской культуры, содержат обычный для той эпохи материал. В могилах найдены мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием, трехлопастные втульчатые железные стрелы, пряслица, бронзовое зеркало, нож с горбатой спинкой и другие вещи.

В одном из погребений в деревянном гробу обнаружены остатки кожаного колчана с набором железных трехлопастных втульчатых стрел с окрашенными в красный цвет древками. На некоторых стрелах у конца древка сохранились полосы, нанесенные красной, белой и черной краской. Наружная часть колчана была украшена аппликацией из цветной кожи и бронзовыми бляшками. Орнамент геометрический.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

М. Х. Багаев, В. Б. Виноградов, С. Ц. Умаров

Три отряда Северо-Кавказской экспедиции вели полевые работы в Чечено-Ингушской АССР. Первый отряд продолжал раскопки одного из крупнейших раннесредневековых памятников Северного Кавказа — Алханкалинского городища. Вновь получены разнообразные керамические и остеологические материалы, всевозможные орудия труда и оружие, проливающие свет на хозяйственные занятия, историю и культуру аланов — основных обитателей этого большого населенного пункта в IX — XII вв. н. э.



Алероевский могильник в Чечено-Ингушетии. Оружие

Впервые на Алхан-Кале и вообще на аланских памятниках Центрального Предкавказья обнаружены остатки жилища типа юрты или шатра с глинобитным полом и следами деревянных столбов-опор. По соседству расчищена тщательно заглаженная глинобитная площадка шириной 1,5 м (прослежена в длину на 14 м) с бортиками по краям. Вдоль нее (с обеих сторон) через равные промежутки стояли столбы. Они, очевидно, поддерживали крышу над сооружением, пока что не имеющим на Северном Кавказе аналогий.

В Ханкальском ущелье (у г. Грозный) произведены раскопки городища и могильника. В могильнике исследовано 52 грунтовых захоронения, а на городище вскрыто 64 кв. м. Добытые материалы совершенно новы для предгорной Чечено-Ингушетии. Они свидетельствуют об обитании тут в V в. до н. э.— I в. н. э. носителей кобанской и каякентско-хорочоевской культур. Однако такие детали обряда, как вытянутое положение костяков в характерных позах, западная ориентировка, выразительные образцы посуды, оружия и украшений, свидетельствуют об усилении контактов со степным (сарматским) населением. Ханкальские могильник и городище имеют локальные особенности, выделяющие их из числа синхронных и соседних памятников Предкавказья.

Большие работы отряд провел в сел. Алерой. Раскопаны 42 погребения VI—V вв. до н. э. Захоронения (индивидуальные и кол-

лективные) совершены в грунтовых ямах и каменных гробницах. Преобладают скорченные на боку костяки, ориентированные на юг. Изредка умершие вытянуты на спине. В грунтовых могилах, как правило, погребения бедные, а в могилах с использованием камня (каменные ящики, засыпка булыжником) — богатые. В них, очевидно, похоронены представители богатой части местного общества. В погребальном инвентаре особенно многочисленны вещи позднекобанского облика — посуда, бронзовые и железные украшения, наконечники копий, бронзовые скульптурки животных и т. д., но наряду с ними встречаются (а в некоторых могилах — преобладают) выразительные предметы скифо-савроматского типа — наконечники стрел, железные ножи, костяная рукоять, украшенная изображением морды пантеры, и т. д., а также местные изделия, выполненные в подражание степным образцам,— железные акинаки, бронзовый псалий со схематичной головкой грифона и т. д. Некоторые сосуды близки керамике из могильников каякентско-хорочоевской культуры.

Алероевский могильник, находившийся в зоне стыка восточного варианта кобанской и западной периферии каякентско-хорочоевской культур, у выхода на равнину, необычайно важен для уяснения конкретных событий в истории Предкавказья скифского времени.

Кроме перечисленных стационарных работ, отряд провел разведки у селений Алерой, Агишбатой, Эрсеной. Выявлены многочисленные новые памятники — поселения, городища, могильники раннего железного века.

Второй отряд в высокогорном ауле Хой изучил своеобразные приземистые сакли, сложенные из грубо отесанного камня на глинистом растворе. Они сооружены без каких-либо деревянных конструкций. На уровне 1,3—1,6 м от пола стены их путем напуска камней постепенно сближаются к центру, тогда как с внешней стороны они поднимаются вертикально. На высоте 2,4—3 м внутри образуется свод, а сверху — плоская крыша.

Такие сакли, окружающие средневековые жилища и боевые башни, по конструкции чрезвычайно близки, а порой и тождественны средневековым склепам.

В боковых ущельях р. Чанты-Аргуна и в верховьях Шаро-Аргуна, а также в районах Нашахи и Акки замерены и описаны боевые и жилые башни, рядовые жилища. Отмечено, что боевые башни всей юго-восточной Чечни незначительным сужением кверху и отсутствием внутренних сводов отличаются от боевых башен центральных и западных районов Чечни и всей Ингушетии, и более близки к жилым башням.

В районах Нашахи, Галанчожа, Акки и Мержоя впервые выявлены и частично исследованы полуподземные склепы, уже известные в отдельных районах Чечни, а в Акки и Мержое зафиксированы также наземные склепы — прямоугольные в плане с двускатными крышами, башнеобразные с четырехскатной пирамидально-ступенчатой кровлей, круглые в плане. Установлено, что более древние (полуподземные) и

более поздние (наземные) склепы продолжали использоваться и в XIV — XVII вв.

Третий отряд сосредоточил работу на исследовании раннесредневекового могильника у сел. Хорочой Веденского района. Вскрыто 11 грунтовых могил и четыре каменных ящика с индивидуальными и коллективными захоронениями. Костяки были вытянуты на спине головой к западу с небольшими отклонениями к северу. Покойников сопровождали богатые наборы бронзовых и железных вещей (массивные бронзовые браслеты и ушные подвески с 14-гранником, шейные гривны, железные ножи и наконечники копий, фибулы), разнообразные бусы.

Обращают на себя внимание две золотые серьги из каменного ящика. Аналогичные серьги на Северном Кавказе датируются XIV — XVI вв. В комплексе вещей из могильника есть и плакетка из голубой пасты с изображением лежащего льва, датируемая III — V вв. н. э. Эти находки определяют хронологические рамки могильника. Могильник оставлен местной вайнахской этнической группой.

РАБОТЫ ТАМАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Н. И. Сокольский

Завершено многолетнее исследование некрополя Кеп (начальник отряда Н. П. Сорокина). Раскопаны три сильно разрушенных кургана. В кургане 14 открыты четыре разрушенные могилы II в. до н. э. и два антропоморфных надгробия. Одно из них относится к переходному типу надгробной скульптуры от антропоморфной стелы к статуе-полуфигуре. В кургане 15 открыты девять погребений I в. н. э., среди которых имеются склеп из сырцовых кирпичей и земляные ямы с деревянным перекрытием. Могилы датируются стеклянными и глиняными сосудами, а также монетами. В кургане 16 открыты центральный склеп, построенный из сырцовых кирпичей, и три сырцово-кирпичные впускные гробницы, относящиеся, как и склеп, к IV в. до н. э. Все гробницы ограблены. Тем не менее уцелели отдельные предметы некогда богатого инвентаря, дающие возможность датировать погребения (чернолаковый килик, расписные лекифы и др.). Исследование этих курганов принесло дополнительные материалы о топографии кепского некрополя, элементах погребального ритуала и экономике города.

Разведочные работы вдоль трассы Таманского водопровода позволили обнаружить ряд мелких и более значительных поселений сельскохозяйственного типа на внутренних участках Таманского полуострова. На трех из этих поселений проведены раскопки.

Наибольший интерес представляют поселения Водопроводное (начальник отряда Э. Я. Николаева), расположенное в 4,5 км к северу от станицы Вышестеблиевской.

Здесь, в небольшой долине непосредственно под пахотным слоем обнаружены остатки каменных фундаментов и вымосток. Фрагменты керамики позволяют заключить, что поселение существовало с середины I в. н. э. и весь II в. н. э. Среди находок следует отметить небольшой красноглиняный фигурный гуттус в виде Диониса.

Два другие поселения (начальник отряда Я. Б. Гейшерик) обнаружены к юго-западу от западного конца Ахтанизовского лимана. Одно из них, у овцеводческо-товарной фермы (ОТФ), судя по керамическим находкам, относится к V—III вв. до н. э. Оно занимало площадь около 6 га.

К северу от пос. Сенная, вблизи Кеп, выявлен небольшой могильник. Из восьми раскопанных могил одна относится к эллинистической эпохе, другая — к I в. н. э., а остальные — раннесредневековые.

Пос. Сенная. Надгробная статуя из земляного склепа. Полуфигура из известняка изображает синдянку

В пос. Сенная раскопан земляной склеп II в. до н. э. Особенностью его является каменный заклад дромоса, состоявший из двух надгробных женских статуй-полуфигур, антропоморфного надгробия и нескольких эсхар. По характеру статуи-полуфигуры относятся к разряду синдской скульптуры.

Значительные усилия экспедиции были направлены на исследование кургана, расположенного на южном побережье полуострова, рядом с соленым озером — Бугаз (начальник отряда Ю. Г. Виноградов). Это курган бронзового века высотой 6,25 м и диаметром 50 м. В нем обнаружено 25 могил различной степени сохранности. Одно погребение на вершине кургана, на глубине 1,25 м, судя по форме железных стремян, принадлежало печенежскому кочевнику VIII — X вв. н. э. Остальные 24 могилы относятся к первой половине II тысячелетия до н. э.

Инвентарь в могилах малочислен. В одной детской могиле обнаружен лепной горшок с орнаментом, а в другой — остатки двух бронзовых браслетов северокавказского типа. Погребения совершены в каменных ящиках, земляных могилах-ямах, перекрытых иногда камнями, но в основном — деревом. Одна из могил была обложена плетенкой из прутьев. Во всех могилах, кроме одной, костяки скорчены. Обязательным элементом обряда было применение красной краски. Характерной особенностью следует считать покрытие земляного дна в большинстве

могил циновкой. Исследование кургана имеет большое значение потому, что догреческий период истории Таманского полуострова до сего дня не изучен. Полученные за последние годы Таманской экспедицией материалы, подкрепленные раскопками кургана Бугазский, подтверждают уже высказанное нами суждение о том, что во II тысячелетии до н. э. этот район был плотно заселен. Бо́льшая часть имеющихся здесь курганов принадлежала местному населению догреческой поры.

РАСКОПКИ ФАНАГОРИИ

М. М. Кобылина

После двухлетнего перерыва были возобновлены раскопки Фанагории. Продолжены работы в центральной части городища на нижнем плато (Центральный раскоп), начатые в 1959 г. и прерванные вследствие необходимости срочных охранных работ на территории восточного некрополя и юго-восточной окраины городища.

Центральный раскоп находится в 92 м к югу от Северного раскопа 1940—1954 гг., ближе к верхнему плато городища и на более высоком месте, поэтому нижние культурные слои, залегающие на Северном раскопе ниже уровня моря, здесь более доступны для археологического исследования.

Под руководством С. А. Плетневой на площади 175 кв. м были продолжены раскопки верхних напластований, относящихся к городу средневекового периода. Здесь открыты хорошо сохранившиеся остатки города VIII в. н. э.: часть улицы, дом с оградой (в ограде — два пифоса) и другой дом с глиняным полом, а также части домов, уходящие в нераскопанный грунт.

Среди находок керамика салтово-маяцкого типа, клейменая черепица, жернова и пифосы, железный наконечник стрелы, железный замок, барабаны колонн вторичного использования. Под полом одного из домов открыто погребение болгарина того времени, когда Фанагория была столицей Болгарского царства.

Особенностью средневековых напластований Фанагории является обилие фрагментов античной керамики и сохранение античных традиций в послеантичный период. Античные слои исследованы на территории 100 кв. м в южной части Центрального раскопа под руководством В. И. Кузищина. Остатки сооружений на этой площади весьма фрагментарны. Наиболее значительными являются развалины сырцовой кладки со следами огня в слое III в. н. э. Они залегали в грунте с включениями золы, горелого дерева, шлаков стекла в виде крупных прозрачных сгустков зеленоватого цвета и обломков керамики с расплавившейся поливой. В грунте найдены монеты, железные гвозди, обломки поли-

ной керамики. По всей вероятности, здесь обнаружены остатки сооружения, связанного с производством стекла.

В слое I — II вв. н. э. был открыт развал черепичной крыши: черепица, разбившаяся на куски, залегала в три слоя. Между ними лежали части обугливших деревянных плах, некоторые из них длиной до 0,40 м, шириной 0,17 м. Найдено несколько разнородных по типу солен фанагорийской глины. Особенно необычны солены с метками мастера в виде параллельных полукругов, вдавленных пальцем; эти солены имеют небольшую курватуру.

Фанагория. Бронзовая подвеска конского убора

Строительные остатки эллинистического времени крайне фрагментарны — это вымостки улицы и двориков и куски кладок. В этом слое найдена разбитая на куски часть большой мраморной стелы и сколы с надписью, видимо надгробной, терракотовые статуэтки Афродиты, Эрота и актеров, светильники, фрагмент карниза терракотового алтарика с архитектурным орнаментом, напоминающим орнамент мраморных ионийских алтарей, но в несколько упрощенном виде, обломки мраморных лутериев, стенка большой мраморной чаши, а также фрагменты лощеной и лепной керамики и очень много монет.

Под руководством Г. И. Соколова производились охранные работы в прибрежной части городища, там, где берег особенно сильно разрушается. В самой высокой части обрыва (высота 5 м), близ раскопа 1936—1937 гг. (город А), внизу обнажились огромные нерегулярные камни. Здесь путем глубокой зачистки обнаружены остатки античных сооружений — каменных вымосток, водостоков, кладок; на глубине 4,60 м — кладки монументального сооружения, видимо, IV в. до н. э.; в прилегающем слое найдены фрагменты чернолаковой керамики IV в. до н. э., черепицы и амфор V — IV вв. до н. э., обломки камней, покрытых светлой штукатуркой розоватого цвета.

В другой части берега (на расстоянии 413 м к востоку от загородного колодца 1936 г.), там, где, по показаниям местного агронома, им было собрано на береговом плесе большое количество монет и обломков бронзовых предметов, обследованы морской песок (полоса длиной 40 м, шириной 6 м) и низ обрыва и произведены небольшие раскопки на краю обрыва (на территории 25 кв. м). Найдены монеты, терракотовые статуэтки, огромное количество обломков керамики, светильник с головой негра и множество мраморных облицовочных плиток, свидетельствующих о богатой насыщенности разрушенных напластований.

Особенно важна находка подвески конского убора скифского звериного стиля IV в. до н. э. Это — вторая вещь скифского стиля из культурного слоя Фанагории после части бронзового псалия с головой грифа V в. до н. э., найденной на раскопе А.

На восточной границе нижнего городища обнаружена огромная (1,09×0,80—0,85×0,18—0,20 м) плита песчаника с изображением профилированного диска, вероятно щита. Возможно, это надгробие. Плита была вывернута из грунта при распашке.

НОВЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

В. М. Котович

Второй горный отряд археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР вел поиски наскальных изображений в высокогорных Лакском, Дахадаевском, Гунибском и Левашинском р-нах республики.

В Лакском р-не продолжались работы близ сел. Кара, где в 1966—1967 гг. открыто 20 групп рисованых изображений, насчитывающих более 1 тыс. различных знаков. Выявлены три новые большие группы рисунков, на которых встречены новые сюжеты. Среди них изображения оленей с преувеличенно большими ветвистыми рогами и антропоморфные фигуры. По особенностям стиля и сюжета изображений их можно предварительно отнести к концу бронзового и раннему железному веку.

В том же районе, неподалеку от развалин сел. Варай, на южной границе Турчидагского плато, находится труднодоступный известняковый карниз с четырьмя неглубокими гротами, насыщенными разными изображениями, которые частично перекрывают друг друга. Помимо отдельных изображений диких и домашних животных, довольно часто встречаются многоэлементные композиции, представляющие собой различные ритуальные и бытовые сцены. Интересны группы заключенных в «картуши» знаков, напоминающих знаки письменности. Варайские

изображения явно разновременны и могут быть датированы периодом рубежа нашей эры вплоть до современности.

Группы рисованых изображений зафиксированы на сильно сглаженных песчаниковых скалах в окрестностях сел. Трисанчи Дахадаевского р-на. Здесь обращает на себя внимание большое количество точечных знаков. Сочетания точек иногда образуют и самостоятельные рисунки, но чаще сопровождают изображения животных, антропоморфных фигур и всадников. Эти изображения по стилю и тематике напоминают изображения у сел. Кара. Поэтому можно предполагать их хронологическую близость.

В Гунибском р-не обследованы группы рисованых изображений близ селений Ругуджа и Согратль.

Местонахождение Чувалхвалеб-нохо (близ сел. Ругуджа) замечательно древнейшими среди известных в Дагестане изображениями всадников в окружении многочисленных солярных символов, среди которых есть знак свастики. Изображения выполнены охрой различных оттенков — от темно-бордового до оранжево-желтого. Непосредственно под ними был найден кремневый черешковый наконечник стрелы. Совокупность тематических и стилистических особенностей данной группы изображений в сочетании с упомянутой находкой позволяет датировать ее временем не позднее середины II тысячелетия до н. э.

К несколько более позднему времени относятся две обширные группы рисованых изображений, обнаруженные близ хут. Анада (окрестности сел. Ругуджа). Среди многочисленных охотничьих сцен здесь любопытно изображение всадников с тремя точками над головами.

Стены труднодоступного грота в ущелье Чинна-Хитта (близ сел. Согратль) покрыты многочисленными и разнообразными солярными знаками, расположенными в определенной системе. Некоторые знаки четко разделены на равные участки, часть которых отмечена точками. Любопытно, что около одного из подобных знаков нарисованы козел и лук со стрелой. Среди многообразных солярных символов представлено несколько знаков свастики, что в сочетании с некоторыми стилистическими и сюжетными особенностями изображений этой группы дает основание считать ее несколько более ранней, чем изображения Чувалхвалеб-нохо.

В Левашинском р-не обследовано местонахождение резных изображений, расположенных на известняковой скале вблизи сел. Верхнее Лобко-Махи. Здесь обнаружены пять групп изображений. Внутри каждой группы выделяется несколько разновременных слоев, частично перекрывающих друг друга, в том числе современные рисунки и арабская надпись. Среди древних изображений можно выделить два пласта. К одному из них относятся фигуры животных, выполненные в «скифской» манере. Это изображения стремительно движущихся оленей и ланей. Научная значимость находки определяется тем, что это пока единственное в памятниках подобного рода на Кавказе изображение живот-

Верхнее Лобко-Махи. Группа наскальных изображений

ных, исполненное в скифском зверином стиле. Второй пласт изображений объединяет схематично переданные фигуры животных, преимущественно козлов. Стилистически к ним примыкают рисунки всадников в окружении изображений лука, стрел, височных подвесок с расходящимися концами и других предметов, хорошо известных по археологическим комплексам конца I тысячелетия до н. э.— начала I тысячелетия н. э. Весьма вероятно, что при последующем изучении здесь может быть выделен и третий хронологический слой — средневековый.

РАЗВЕДКА ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В ПРИКУБАНЬЕ

П. У. Аутлев

В результате разведок, проведенных Адыгейским научно-исследовательским институтом, получены дополнительные данные о Курджипском позднеашельском местонахождении в Майкопском р-не Адыгейской автономной обл. и обнаружена Тугупсская неолитическая стоянка в Апшеронском р-не Краснодарского края.

Курджипское местонахождение орудий палеолитического человека было открыто еще в 1963 г. (собраны ручные рубила, остроконечники, скребла, отщепы, пластины и нуклеусы). Теперь удалось выяснить, что кремневые изделия распространены по руслу р. Курджипс на протяжении 25 км, от станицы Курджипской до устья. Кроме того, установлена связь находок с левобережной террасой, которая сейчас возвышается над тальвегом Курджипса на 35—40 м. Об этой связи свидетельствует палеолитоносный пласт древнего галечника, сохранившийся на поверхности гор Панский бугор и Лутайка в окрестностях станицы Курджипской. В частности, на самой высокой точке Панского бугра, расположенного в 500 м к юго-западу от станицы, из древнегалечниковых отложений были извлечены нуклеусы и отщепы, аналогичные и одновременные находкам в русле реки.

В бассейне р. Пшехи Апшеронского р-на открыта новая стоянка неолита, до сих пор представленного одной Каменномостской пещерной стоянкой. Новая стоянка расположена на правом берегу р. Тугупс, на поляне Козяева, что находится в 6—7 км к западу от пос. Шпалорез. Место стоянки со всех сторон окружено высокими горами, служившими защитой от ветров. Небольшой пробный шурф, заложенный на западной окраине поляны, вскрыл культурный слой, состоящий из красновато-желтой глины мощностью 50 см. Он содержал около 30 кремневых предметов, среди которых ножевидные пластины, резцы на пластинах и массивных сколах, сколы с ретушированными краями, небольшой концевой скребок, треугольные отщепы, нуклеус со следами

отбитых пластин и отходы кремневого производства. Наличие в кремневом инвентаре резцов и миниатюрного скребка позволяет предварительно датировать эту стоянку неолитом. С такой датировкой согласуется и характер слоя.

РАБОТЫ ПРИАЗОВСКОГО НЕОЛИТИЧЕСКОГО ОТРЯДА

Л. Я. Крижевская

Приазовский неолитический отряд Ленинградского отделения Института археологии АН СССР провел раскопки неолитического поселения Матвеев Курган II, обнаруженного в 1960 г. экспедицией Таганрогского музея под руководством Н. Д. Праслова.

Поселение Матвеев Курган II, как и еще несколько неолитических стоянок, расположено на расстоянии 3 км от поселка Матвеев Курган, в пойме р. Миусс, на ее правобережье. Оно непосредственно примыкает к древнему руслу реки и занимает слегка возвышенные участки рельефа. Как выяснилось в результате исследований, площадь поселения составляла около 300 кв. м (из них раскопано 76 кв. м). На поселении сохранился мощный культурный слой — 0,8—0,85 м. Наибольшая концентрация находок, залегающих в плотных суглинках, прослеживается на глубине 0,4—0,6 м.

Сохранились жилищные остатки в виде очагов, представленных двумя типами: в специально вырытых ямах и на древней дневной поверхности. Очаг первого типа, открытый в квадрате 7, был крупных размеров: диаметр очажной ямы 1 м, глубина 0,5 м, ниже основания слоя. Очажная яма оказалась заполненной золой, большим количеством хорошо сохранившегося угля, костями животных, раковинами. Здесь же найдены кремневые орудия и изделия. Очаг второго типа, обнаруженный в квадрате 10, представлял собой темное углистое пятно с нечеткими контурами около 0,5 м в диаметре, заметное только в слое. У края этого очага наблюдалось сосредоточение нескольких крупных костей, среди которых челюсть крупного животного. Очевидно, характер каждого очага соответствовал его назначению — постоянному, длительному или временному, эпизодическому использованию.

Обращает на себя внимание значительная насыщенность слоя органическими остатками — большим количеством раковин, угля, золы, а также костями животных.

Инвентарь, найденный на поселении, представлен исключительно изделиями из камня, если не считать единичных поделок из кости и одного фрагмента керамики. Он характеризуется в основном выдержанным комплексом своеобразной пластинчатой индустрии, ведущей формой которой является, по-видимому, трапеция. Это орудие обнаружено

в серии варьирующих в деталях типов (высокие и плоские, с различно нанесенной ретушью). Кроме трапеций, орудия на пластинках представлены скребками, сверлами, проколками, ножами, многочисленными пластинками с ретушью и следами использования. Другую группу инвентаря составляют орудия из сланца, среди которых, помимо топоров и тесел, встречено несколько крупных экземпляров орудий с двусторонним приострением одного конца и небольшим просверленным отверстием в центре. Скорее всего это землекопный инструмент, хотя не исключено и другое его назначение.

Единственный керамический фрагмент, найденный на глубине 0,7 м (квадрат 12), столь миниатюрен, что не дает возможности для какой-либо характеристики. Важен в данном случае только сам факт наличия керамики.

Неолит Приазовья сейчас еще почти не изучен. Матвеев Курган II — первый раскопанный памятник в этом районе. Поэтому трудно определить его культурную принадлежность и хронологические рамки. Сопоставляя предварительно наш памятник с наиболее близко расположенным к нему поселением — Ракушечным Яром на Нижнем Дону, можно лишь отметить, что на первый взгляд выступают черты их различия, например в соотношении керамики с каменным инвентарем, в топографии и ряде других признаков.

Неолит Приазовья следует подвергнуть дальнейшему изучению.

ГРОБНИЦА МАЙКОПСКОГО ПЕРИОДА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

И. М. Чеченов

В юго-западном районе Нальчика возвышается овальный в плане курган (высота 9 м 63 см, диаметры 55 и 103 м). В 1966 г. при строительных работах на нем была частично разрушена стена монументальной гробницы, расположенной на уровне древнего горизонта в 20 м от центра кургана; из-под вывороченных экскаватором плит рабочие извлекли часть массивной антропоморфной стелы, крупный медный котел и обломки красноглиняного сосуда майкопского типа.

В 1968 г. гробница вскрыта полностью. Стены ее сооружены из вертикально закопанных в ряд туфовых плит размерами до 225×75×35 см. Судя по размерам перекрывающих плит, обвалившихся вовнутрь, крыша, вероятно, была двухскатной. Высота камеры гробницы 110 см, площадь 313×234 см. По длине она ориентирована с северо-востока на юго-запад. Дно ее устлано мелкой галькой, а стены с внешних сторон для прочности забутованы булыжником.

Нальчик. Общий вид гробницы

Для постройки гробницы вторично использованы ранее обработанные плиты-стелы из местного туфа, значительные запасы которого имеются в 4—5 км от памятника. Все они хорошо отшлифованы, и в десяти случаях на них отмечены желобковые узоры в виде волнистых и ломаных линий, вписанных ромбов, сетки и др. Четыре стелы антропоморфные, причем две из них установлены орнаментированными концами и головами вниз, а две перекрывали гробницу сверху. Более или менее четко у них подчеркнуты лишь плечи; шея и конечности совершенно не выражены, что сближает их с примитивными антропоморфными стелами древнеямного времени юга Украины.

Вдоль юго-западной стены гробницы выявлены два очень плохо сохранившихся, очевидно, женских костяка, придавленных обвалившимися плитами крыши. Они лежали рядом в скорченном положении головами на юго-восток.

Костяки, как и стены, пол и инвентарь гробницы, обильно окрашены красной краской. При одном из них вещей не обнаружено; при другом — найдены 263 мельчайшие бусинки, листовидные пластинки, массивные височные подвески и биконические бусины с насечками. Вдоль

изголовья погребенных, в южном углу, а также в восточном углу гробницы лежали две спирали длиной более 50 и 85 см, скрученные из пластинок. Все названные вещи золотые. В северной части гробницы обнаружены обломки глиняного сосуда и отпечатки дна медного котла, извлеченных отсюда в 1966 г., а также медные предметы — массивные топоры, четырехгранные шилья, желобчатое долото, тесло и кинжал с продольным валиком по центру. Ручки большинства из них украшены золотыми пластинками. Кроме того, в гробнице найдены костяные наконечники стрел с обкладкой из золотых пластинок, золотая пластинчатая обкладка ножен, 57 беспорядочно разбросанных золотых пластинок, кремневые ножевидные пластины и отщепы, обсидиановый наконечник стрелы и др. Имеются основания предполагать, что вдоль северо-западной стены гробницы, вблизи скопления медных предметов находился третий ограбленный и полностью разрушенный костяк — погребение (основное) вождя племени или рода. Погребения женщин от грабежа и разорения были спасены огромными плитами кровли, которые завалились и придавили их полностью до появления грабителей.

Некоторые черты погребального обряда и значительная часть инвентаря, датируемые концом III тысячелетия до н. э., сближают нальчикскую гробницу с памятниками новосвободненского этапа майкопской культуры. Но отдельные предметы, не имеющие прямых аналогий на Северном Кавказе (кинжал переднеазиатского типа, архаичные антропоморфные стелы, характерные для древнеямной культуры Северного Причерноморья и др.), свидетельствуют о связях Центрального Предкавказья в III тысячелетии до н. э. с южными и, что особенно примечательно, с северными районами. Это своеобразие в инвентаре наряду с конструктивными особенностями гробницы, отличающими ее от дольменов Северо-Западного Кавказа, позволяют отнести памятник к числу уникальных и весьма ценных.

ЗЕЛЕНОКУМСКИЙ КУРГАН

А. Л. Нечитайло

На левом берегу р. Кумы в 7 км к югу от г. Зеленокумска Советского р-на Ставропольского края при выборке глины из кургана для хозяйственных нужд обнаружен бронзовый котел скифского времени, раннесредневековые глиняные сосуды и другие вещи. О находках сообщили в Ставропольский музей. По словам рабочих, курган имел высоту около 5 м и диаметр 40—50 м. Мы срочно произвели доследование этого памятника. Курган входил в группу из 25—30 сильно распаханных насыпей. По словам жителей, он был среди них самым крупным.

В центре кургана по следам истлевшего камыша обнаружена грунтовая могила, основная в кургане. Толстый слой истлевшего камыша, перекрывавшего прямоугольную с закругленными углами яму, ориентированную с северо-востока на юго-запад, сохранился местами на уровне дневного горизонта. Длина ямы 2,5 м, ширина 1,5 м, глубина 1,7 м. Дно могилы по всей площади было посыпано мелом, а поверх — охрой.

На дне могилы был вытянут на спине мужской костяк головой на северо-восток. Под скелетом оказались древесные угли.

Помимо центральной могилы в кургане оказалось еще 12 впускных погребений различных культур.

1. Скорченные погребения головой на север или северо-восток в неглубоких овальных ямах с мелом, пятнами охры и углями на дне.

2. Одно расчлененное погребение, сопровождавшееся сероглиняным сосудом с ушками и маленьким ритуальным горшочком кирпичного цвета. Кости скелета и дно могилы были густо посыпаны охрой.

3. Два погребения в ямах с заплечиками: в одном костяк скорчен, в другом — вытянут; на дне — угли и охра. В могиле с вытянутым костяком оказался бараний череп.

4. Одно погребение с подогнутыми ногами в катакомбе. У изголовья погребенного лежала боковая часть крупного сосуда с углями, заменявшая курильницу.

Все перечисленные погребения относятся к разным стадиям бронзового века и датируются суммарно концом III—II тысячелетием до н. э.

В кургане оказались и более поздние могилы. В сохранившемся небольшом участке западной полы насыпи умерший был похоронен в вытянутом положении на спине, головой на юго-юго-запад. Грудь и плечи его покрывали мелкие золотые трубочки, которыми была расшита одежда. На правом плече лежала железная фибула с орнаментом из золотой проволоки с пятью золотыми вылуклинами. У запястья правой руки оказался браслет из толстой бронзовой проволоки в два оборота. В могиле найден разнообразный инвентарь: железные меч, нож, крюк, три стержня с костяными колпачками на концах, наконечники стрел, два глиняных сосуда с зооморфными ручками, горшочек с камешками для пращи. Судя по вещам и ритуалу, погребение относится к сарматскому времени.

ИССЛЕДОВАНИЕ КАВКАЗСКИХ ДОЛЬМЕНОВ

В. И. Марковин

Краснодарский отряд Северо-Кавказской экспедиции исследовал дольмены в трех пунктах: в бассейне р. Кизинки (между станицами Баговской, Баракаевской и Губской), в районе селений Солох-аул и Красная Поляна.

В бассейне р. Кизинки обследовано 553 дольмена. Они расположены по всхолмлениям четырех гор и образуют компактные группы. Среди этих дольменов преобладают составные, т. е. сложенные из отдельных плит, но встречаются и корытообразные сооружения, камеры которых высечены в монолитах светлого известняка. Дольмены образуют параллельные ряды, тянутся вдоль карстовых воронок, ориентированы передней частью преимущественно на восток, юг и юго-восток. Многие из местных дольменов разрушены в результате эрозийных процессов (построены они на скалах легко размываемого белого алебастра).

Произведены раскопки 12 дольменов. Эти работы позволили не только уточнить конструктивные особенности местных дольменов, но и собрать вещевой материал: керамику (в основном без орнамента или со штриховым узором), круглые височные подвески из бронзы, орудия из камня и кремня. Особенно характерны различные терочники и шлифовальные камни, служившие для пригонки дольменных плит (ими шлифовали узкие плиты гробниц, пазы боковых плит, перекрытий и пяточных камней). В дольменах обнаружены угольки и кости животных. Остатки человеческих костяков позволяют думать, что захоронения совершались в дольменах в сидячей позе. В четырех дольменах Кизинки обнаружены каменные втулки (пробки). Особенно интересна прямоугольная втулка из дольмена 112, передняя плита которого имела соответственно прямоугольное отверстие. Фасад дольмена украшен крупными горизонтальными плитами, образующими портал. В этом дольмене найдены целый сосуд и листовидный бронзовый нож. К сожалению, в средние века почти вся камера дольмена была очищена и в ней погребен костяк лошади.

В районе сел. Солох-аул (бассейн р. Шахе), помимо известных ранее девяти дольменов, обнаружены еще три: два корытообразных и один составной. Каждый из этих дольменов имеет свои особенности. Так, в одном из корытообразных дольменов отверстие пробито не в передней плите, а в боковой, и сдвинуто к задней стене гробницы. Возле составного дольмена обнаружен обломок скалы с чашевидным углублением и петроглифами в виде солярных знаков.

В Красной Поляне работы велись у подножия горы Ачишхо, где обнаружены остатки дольменов. Интересны находки, происходящие из них: керамика, покрытая штриховым узором, сердоликовые и пастовые бусины цилиндрической формы. Особого внимания заслуживает сердоликовая пронизка, имитирующая в камне подвески из зубов молодого оленя (напоминает подвески Мариупольского и Нальчикского могильников).

Собранный материал позволяет относить постройку дольменов к бронзовому веку (II тысячелетие до н. э.). Необходимо отметить, что керамика, характерная для дольменов, встречается и в могилах близкой конической формы, сложенных из мелких плит (такие могилы найдены в Красной Поляне краеведами Л. Н. Кольценко и Л. Л. Ситниковым).

Несомненно, что вопреки старым мнениям наибольшие дольменные группы расположены вдали от черноморского побережья, и здесь, в горах Адыгеи, нужно искать главные очаги дольменной культуры. Именно в Адыгее уже обнаружены поселения с керамикой дольменного типа.

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ

М. Г. Гаджиев

Первый горный отряд археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР исследовал поселения и могильники бронзового века в окрестностях сел. Гагатль Ботлихского р-на.

Поселение Галгалатли I находится в 2 км к востоку от сел. Гагатль на крутом горном склоне, обращенном на юго-запад. Здесь исследованы остатки круглых каменных жилищ диаметром около 6 м. Внутри жилищ вдоль стен сооружены каменные сиденья и лежанки. На полу имелись круглые очаги, вырытые в земле. Мощность культурного слоя достигала 1,5 м. В жилищах обнаружены зернотерки, терочники, костяные проколки, бронзовое тесло и большое количество раздавленных сосудов. Около очагов на полу, а также в глиняных сосудах найдено большое количество обуглившегося зерна — пшеницы и ячменя. В слое встречены обломки костей животных.

Керамика представлена большими хозяйственными сосудами для хранения зерна, горшками, мисками, баночными сосудами. Поверхность лощеная, реже заглаженная. Цвет поверхности розоватый, серый, бурый, черный. Некоторые сосуды орнаментированы налепным валиком с насечками или нарезными ромбами.

Материалы поселения Галгалатли I, в том числе и керамика, находят аналогии в памятниках Дагестана и Закавказья, относящихся к III тысячелетию до н. э. Галгалатли I является пока что единственным поселением оседлых земледельцев и скотоводов III тысячелетия до н. э. в высокогорном Дагестане.

Одновременный поселению могильник был найден в 1,5 км к северу от него, на горе Щебоха. Расчищен разрушенный круглый каменный склеп диаметром около 2 м. Внутри склепа найдены беспорядочно лежавшие человеческие кости, керамика и бронзовые спиральные пронизки. Керамика склепа близка найденной на поселении Галгалатли I.

Поселение Галгалатли II находится рядом с поселением Галгалатли I на восточном склоне горы. Здесь были вскрыты остатки двух жилищ полуземляночного типа четырехугольной формы с закругленными углами, местами обложенных камнями. Размеры жилищ в среднем

2,5×2,5 м. Толщина культурного слоя около 1 м. В жилищах найдены обломки каменных клиновидных топоров, костяные проколки, кости животных и небольшое количество обломков грубой керамики с обмазанной поверхностью. Судя по керамике, поселение Галгалатли II относится ко II тысячелетию до н. э. Видимо, оно служило сезонным поселком скотоводов.

Могильник Галгалатли находится в 100 м к югу от поселения Галгалатли II, на том же восточном склоне горы. Раскопан один круглый склеп диаметром 1,5 м и высотой до 0,8 м. Небольшие плиты, составившие в древности перекрытие склепа, лежали внутри него над погребениями. В склепе было девять захоронений. Большинство костей лежало в беспорядке. Некоторые скелеты находились в сильно скорченном или сидячем положении. Вместе с погребенными найдены сосуды и большое количество украшений. Сосуды представлены мисками в виде перевернутого усеченного конуса, горшками яйцевидной формы с двумя ручками, расположенными на выпуклой части тулова, банками с орнаментом в виде рельефного валика с защипами и частично обмазанным туловом. Поверхность сосудов в основном гладкая серого или розоватого цвета.

Украшения состоят из бронзовой булавки с роговидными завитками, браслетов в полтора-два оборота, круглых и пластинчатых височных подвесок в полтора оборота, круглых подвесок с ушком, бронзовых спиральных пронизок и трубочек, а также бусин из бронзы, сердолика, гагата, каспийских раковин и др. Кроме них, в склепе найдены костяное пряслице и бронзовые иглы с раскованными ушками.

Погребальное сооружение и инвентарь могильника Галгалатли находят аналогии в кругу памятников высокогорного Дагестана и горной Чечни, относящихся к середине II тысячелетия до н. э.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ В РОСТОВЕ-на-ДОНУ

А. И. Демченко

Ростовский отряд Южно-Донской экспедиции продолжал исследование курганного могильника, расположенного на западной окраине Ростова-на-Дону. Раскопано шесть курганов, в которых открыто 56 погребений: 47 — бронзового века; одно — IV в. до н. э.; пять — I—III вв. н. э.; три — позднекочевнические X—XII вв. н. э.

Погребения бронзового века в основном катакомбные. Значительно расширилась коллекция находок из специфических катакомбных погребений Нижнего Подонья; подтвердилось сосуществование на Дону ямных и катакомбных погребений; получила более четкое обоснование относительная последовательность различных групп катакомбных памят-

ников. Интересно отметить почти полное отсутствие в курганах погребений срубной культуры и основных погребений ямной культуры, а также возведение небольших насыпей над катакомбными погребениями, характерными для территории Нижнего Подонья.

Большой интерес представляют находки каменных топоров в комплексах с северодонецкой и североприазовской керамикой; каменного топора срубного типа и двух песчаниковых «выпрямителей» в ямном погребении; деревянных предметов и бронзовых ножей в погребении предкавказской катакомбной культуры.

ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА р. УРУХ

Л. Г. Нечаева, И. М. Мизиев

В нижнем течении р. Урух выходит на плоскость и протекает в пределах Кабардино-Балкарии, в 50 км к востоку от Нальчика. В сел. Урух II (правый берег р. Урух) для укладки водопроводных труб были вырыты две траншеи протяженностью 2—3 км и глубиной свыше 1 м. На южной окраине селения в траншее оказалось много обломков различной керамики.

В разрезе прослеживаются три слоя культурных напластований. Сразу же под дерном, на глубине 0,15 м, залегает слой керамики позднего средневековья, на глубине 0,40 м — керамика аланского времени. Ниже, на глубине 0,60 м, почти прямо на материковой гальке, встречаются обломки тонкостенных сосудов красноватого цвета с примесью в тесте слюды и толстостенных сосудов оранжевого цвета из чистой глины. У толстенных сосудов невысокий, утолщенный венчик; у тонкостенных — вертикальный или резко отогнутый. Сосуды слабо обожжены. Ближайшие аналогии известны в керамике поселений Долинское и Мешоко. В выбросе найдено несколько каменных орудий: кремневые вкладыши, у которых сработана одна из длинных сторон, небольшое каменное долото, орудие из гальки и кремневые отщепы.

У края террасы на глубине 0,70 м обнаружены остатки печи. Обломки ее пористых керамических конструкций имеют небольшую ошлакованность. В 10 м к северу от нее собраны небольшие обломки толстых керамических плиток с круглыми отверстиями; в другом месте найден обломок керамической очажной подставки (?).

Галечный материк террасы местами прерывается глинистыми линзами длиной до 8—9 м и глубиной до 1,40 м. Глинистое заполнение ям, прослеженное в профиле, включает кусочки обожженной обмазки, угольки, мелкие обломки сосудов красноватого и оранжевого цвета. Очевидно, траншея разрезала древние землянки. В разрезе можно насчитать до десяти землянок. В одной из них (в стенке траншеи) уцелел

красноглиняный сосуд, стоявший вертикально. Он имеет округлое тулово, слабо отогнутый венчик и плоское, слегка вогнутое дно.

Здесь же, на второй и третьей надпойменной террасах, много курганов. Некоторые — больших размеров, большинство же — невысокие и расплывшиеся. Это кабардинские курганы. Один из них разрезала траншея, обнажив погребение мужчины, зарубленного ударом сабли сзади, в колоде. При нем находился только железный нож в деревянных ножнах, прикреплявшийся к поясу небольшой железной пряжкой.

РАСКОПКИ КОНСТАНТИНОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В. Я. Киящко

Первый отряд археологической экспедиции Ростовского университета продолжил исследования поселения медного века на западной окраине г. Константиновск Ростовской обл. Вскрыт культурный слой на площади 120 кв. м.

Основную массу находок составил керамический и кремневый материал. Большинство сосудов изготовлено из теста со значительной ракушечной и растительной примесью. Преобладают формы с высоким прямым или слегка вздутым горлом, плавно переходящим в коническое остродонное тулово. Орнамент — пояса из косо штрихованных треугольников или параллельные ряды оттисков — покрывает верхнюю треть сосуда. Чаще других способов для нанесения орнамента использовались шнур и накольчатый штамп.

Некоторые сосуды имеют вертикальные, округлые в сечении ручки и уплощенное дно. Отдельную группу составляет керамика, изготовленная из тонкоотмученной оранжевой глины, после обжига которой поверхность черепка становится «пачкающей». Эти сосуды имеют узкое прямое горло, резко переходящее в шаровидное тулово с небольшим плоским дном. Орнамент на таких сосудах встречается редко и состоит обычно из прочерченных или каннелированных линий.

Большая серия кремневых изделий представлена крупными ромбическими наконечниками копий, асимметричными наконечниками стрел с выемчатым основанием и боковым шипом, скребками на округлых отщепах, вкладышами серпа и группой двусторонне обработанных орудий различного назначения. Имеются кремневые и сланцевые шлифованные топоры. На поселении встречены комочки металлического шлака и окиси меди.

Костный материал невелик. Кости диких (преобладает олень) и домашних (мелкий рогатый скот, собака) животных встречены примерно поровну.

Судя по расположению отдельных камней, зольных пятен и ямок в материке, можно предположительно очертить границы обширных

Константиновск Ростовской области. Прорись изображения на костяной обкладке из погребения раннего железного века

наземных жилищ древних поселенцев.

На одном из участков поселения неожиданно было обнаружено впущенное в энеолитический слой бескурганное погребение раннего железного века. На дне большой квадратной ямы (3×3 м, глубина 2,2 м), заполненной камнями и окруженной кольцевидным рвом, расчищено погребение мужчины. Костяк лежал на правом боку со слегка подогнутыми ногами, головой на запад. Самой интересной находкой в погребении оказалась костяная пластина (наиболее вероятное назначение — обкладка) с заточенным на конус одним концом и двумя отверстиями для крепления. По одной из сторон пластины нанесено гравированное изображение не менее десяти оленей и одного хищника из породы кошачьих, переплетенных в сложной композиции. На шее и крупе головного животного изображены солярные знаки, известные по другим памятникам звериного стиля той эпохи. Судя по особенностям ритуала и инвентаря (тризна с сосудом и бронзовым наконечником ножен), а также стиля изображения на пластине, погребение относится к немногочисленным памятникам переходной поры — рубежа VIII—VII вв. до н. э.

ГОРОДИЩЕ МЕОТО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ У хут. ДРУЖБА

Е. П. Алексеева

Хутор Дружба находится на левом берегу р. Кубани, в 3 км к югу от г. Черкесска, в Карачаево-Черкесской автономной обл. На южной окраине хутора, на выступах левого берега Кубани расположены два городища: I — северное; II — южное. На городище II проводила работы экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.

Городище II в плане представляет собой трапецию, широким основанием повернутую к западу. С западной, напольной стороны оно защищено рвом, с южной и северной — оврагами, с восточной — обрывом берега Кубани. Юго-восточная часть от остальной площади городища отделена рвом. Это — цитадель, подобная цитаделям меото-сарматских городищ Среднего Прикубанья.

Основные раскопки экспедиции велись на цитадели. Культурный слой достигает толщины 4 м. Обнаруженный материал датируется периодом от V—IV вв. до н. э. до II—III вв. н. э., бо́льшая его часть относится к I в. до н. э.— II в. н. э. В культурном слое найдены обломки глиняной обмазки от стен построек, иногда обгоревшие, куски печины, зола, уголь, кости животных (коровы, овцы, козы и др.), каменные молоты (в том числе недоделанные), жернова, зернотерки, песты, законченные и незаконченные поделки из кости и из рога оленя, глиняные пряслица, глиняные рыболовные грузила — пирамидальные и квадратные в плане. В другой части городища встречен разбитый пифос, наполненный такими грузилами, а также обломки железных предметов вооружения и бронзовых украшений V в. до н. э.— III в. н. э. (фрагменты фибул, браслетов и др.).

Глиняная посуда главным образом лепная, хотя в верхних слоях попадается и гончарная. Глина серая, поверхность серая и темно-серая, почти черная, часто с лощением. Орнамент резной геометрический, есть и рельефный (например, сосцевидные бугорки). Преобладают кувшины различных форм, в том числе с яйцевидным туловом. Много обломков мисок, часто с профилированным бортиком. В основном это формы, характерные для меотской культуры Среднего Прикубанья и Закубанья. В орнаменте и в некоторых формах (кружки) наблюдаются локальные особенности, характерные для Верхнего Прикубанья. Заметно влияние сарматской культуры. Так, имеются ручки в виде зверька, который иногда сильно стилизован, а иногда выполнен весьма реалистично.

Кроме вещей местного производства, встречены импортные предметы: обломки амфор, изделия из голубой египетской пасты — скарабеи

и рубчатые бусы, стеклянные разноцветные бусы — синие, золоченые и др.

Городище по облику принадлежит к числу памятников меотской культуры Северо-Западного Кавказа. Об этом свидетельствуют его планировка (выделение цитадели), земляные укрепления и турлучные постройки, отсутствие укреплений и построек из камня. Материал также в основном меотский, хотя имеются некоторые локальные особенности, характерные для Верхней Кубани, и отчетливо заметно влияние сарматской культуры.

РАСКОПКИ НА хут. РАССВЕТ

Ю. С. Крушкол

Экспедиция Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской продолжала исследования территории около античного здания конца II в. до н. э.— I в. н. э. на хут. Рассвет Анапского р-на.

Начато исследование территории к югу от здания: вскрыта до материка площадь 75 кв. м.

В середине раскопа обнаружены очаг и большая вымостка из мелких камней. Недалеко от очага встречены фрагменты светлоглиняных амфор и местного рыбного блюда. К востоку от очага найдено горло раздавленной амфоры I в. н. э. В западной части раскопа открыта вымостка из мелкого щебня. Здесь лежала часть зернотерки, выточенной из белого известняка, с отверстием для палки. Подобного рода зернотерки известны в Илурате и в Горгиппии.

К югу от здания с юго-запада на северо-восток шел развал массивной стены. Развал состоял из крупных блоков известняка и местного песчаника. Некоторые из них достигали в длину 75—80 см, а в ширину —50—60 см.

В западной части раскопа обнаружен колодец, выложенный снаружи и внутри небольшими камнями местного песчаника неправильной формы. Устье колодца почти квадратной формы с закругленными углами. Полностью, до дна, колодец, еще не раскопан.

Керамический материал состоял из фрагментов светлоглиняных амфор, пифосов, черной лощеной керамики, сделанной на гончарном круге, сероглиняной и черной лепной керамики и фрагментов боспорской черепицы, в том числе клейменой.

В верхнем перемешанном слое найдена родосская ручка с круглым клеймом и именем эргастериарха.

РАСКОПКИ ГЕРМОНАССЫ

И. Б. Зеест

Продолжались раскопки одного из центральных участков Таманского городища — Нагорного раскопа. Работы проводили Институт археологии АН СССР совместно с Государственным музеем изобразительных искусств. В раскопках участвовали студенты исторических факультетов педагогических институтов городов Красноярска и Иваново.

В 1967 г. на данном участке на глубине 6 м были открыты остатки двух помещений дома IV в. до н. э. Внешняя восточная стена этих помещений была облицована рустованными блоками. Западная, внутренняя стена открыта не полностью. Доследование и раскопки площади к западу от нее показали, что эта стена по устройству подпорная: она поддерживала террасу, вымощенную каменными отесанными плитами, поверхность которых возвышается на 0,80 м над основанием стены. Открыт юго-восточный угол этой террасы, ограниченный с юга стеной, уложенной вперевязку с западной стеной. На всем протяжении открытой части террасы длиной 8,5 м западная стена имеет только один, восточный фас. К югу же от террасы западная стена облицована вторым западным панцирем. Эта стена уходит в нераскопанный южный борт, в сторону не открытого еще третьего помещения.

На одном из участков раскопа исследованы слои, залегающие ниже уровня здания IV в. до н. э.

Как и на других раскопах Гермонассы, слои V и IV вв. до н. э. отличаются чрезвычайной мощностью и насыщенностью культурными остатками.

На глубине более 8 м встречены остатки поколений сырцовых построек второй половины VI в. до н. э., сложенные из мелкого известняка, и две хозяйственные ямы грушевидной формы.

Среди находок из слоев V и IV вв. до н. э. выделяются по численности обломки чернолаковой посуды, преимущественно килико в. Найдены фрагменты краснофигурных аттических ваз V в. до н. э. Особо следует упомянуть горло краснофигурного «ритона» с изображением мужской и двух женских фигур, несколько фрагментов краснофигурного кратера с изображением мужской фигуры, опирающейся на посох. Части того же кратера были найдены в предшествующем году на соседнем участке.

Многочисленны обломки остродонных амфор конца VI и V в. до н. э. Преобладают остатки хиосских амфор, а также лесбосских и со стаканообразными полыми ножками (аттических).

Среди прочих находок интересны почти целый керамический предмет конусообразной формы с одной вертикальной ручкой, служившей, вероятно, светильником, и сероглиняный черпак с длинной, круглой в сечении ручкой, имеющей на конце отверстие для подвешивания.

Гермонасса. Горло краснофигурного ритона

Наиболее ранние находки на данном участке относятся ко второй половине VI в. до н. э. Среди них обломок чернофигурного килика с изображением квадриги, два обломка клазоменских ваз, фрагменты открытых светильников и пр.

Велись работы с целью расширения площади раскопа. На прилегающих участках общей площадью 150 кв. м. были прослежены слои тмутараканского и раннесредневекового времени. На западном участке раскопки доведены до глубины 4,5 м, соответствующей уровню слоя I в. н. э.

РАСКОПКИ НА НИЖНЕМ ДОНУ

И. Б. Брашинский

Южно-Донская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР совместно с Ростовским областным музеем краеведения продолжала исследования в дельте Дона. Экспедиция работала в составе двух отрядов — Ростовского (начальник А. И. Демченко) и Елизаветовского.

Елизаветовский отряд сосредоточил свое внимание на Елизаветовском городище. Исследовалось ближайшее окружение большого полуземляночного здания, раскопанного в предыдущие годы. Здесь открыты хозяйственные комплексы, по-видимому, производственного назначения, относящиеся, по всей вероятности, к последнему периоду существования Елизаветовского поселения (III в. до н. э.). Многочисленные находки расширяют наше представление о развитии хозяйственной и культурной жизни обитателей Елизаветовского поселения, о его экономических связях с греческим миром.

Раскопки вновь подтвердили исключительно важное значение рыболовства и связанных с ним рыбообрабатывающих отраслей производства в хозяйственной жизни жителей Елизаветовского поселения. Если до сих пор об этом свидетельствовали скопления рыбьей чешуи, кости рыб, остатки рыболовных снастей, то в этом году на новом раскопе, заложенном за пределами вала городища («акрополя»), частично открыт большой хозяйственный комплекс, который по этнографическим параллелям скорее всего может быть истолкован как рыбокоптильня. Дальнейшие раскопки покажут, насколько обоснованным является это предположение.

Как обычно, наиболее многочисленной категорией находок на городище были обломки греческих остродонных винных амфор, многие из которых снабжены клеймами различных производственных центров. Этот материал показывает исключительно важное значение Елизаветовского поселения как центра торгового обмена между греками и скифами в V—III вв. до н. э. Находки лепной посуды весьма разнообразны и

многочисленны. Значительное место среди находок занимает и греческая импортная глиняная посуда. По обилию греческого импорта Елизаветовское городище резко выделяется среди всех прочих местных поселений Северного Причерноморья.

Среди подъемного материала, собранного на территории городища, имеются находки, правда немногочисленные, относящиеся к первым векам нашей эры, т. е. к периоду значительно более позднему, чем время существования Елизаветовского поселения. По-видимому, на месте покинутого в конце III или начале II в. до н. э. поселения периодически возникали временные стойбища или зимовья кочевников-скотоводов. Культурный слой этого времени пока нигде не обнаружен.

РАСКОПКИ ПАТРЕЯ

Н. И. Сокольский, Р. А. Стручалина

Силами отряда студентов Саратовского университета в составе Таманской экспедиции Института археологии АН СССР продолжено исследование городища, известного в литературе под названием Патрей. Городище состоит из небольшого холма «батарейки» и равнинной части.

Раскоп в 220 кв. м был разбит на западном краю холма, скрывающего под собой остатки крепости, в значительной степени разрушенной водами Таманского залива. Здесь, напротив крепостных ворот, обнаруженных в 1964 г. на восточном краю холма, открыта часть оборонительной стены, построенной из желтоглиняных сырцовых кирпичей. Сохранившаяся нижняя часть сырцово-кирпичной кладки имеет ширину 3,60 м. Обработка берегового обрыва на участке раскопа позволила выяснить, что в основании сырцово-кирпичной стены на этом участке не было каменного фундамента; вместо него на подрезанный материк насыпан вал высотой 2,60 м из глины из выемки рва, окружавшего крепость. Горизонтальное основание кирпичей кладки стены создано путем выравнивания верхних частей откосов вала сырцовыми кирпичами. Направление хода стены заставляет предполагать, что крепость не была прямоугольной.

С восточной стороны стены и вала, т. е. внутри крепости, была создана довольно мощная (толщиной свыше 1 м) глиняная субструкция, на горизонтальной поверхности которой располагались прямоугольные в плане помещения. Стены помещений сложены из сырцовых кирпичей размерами 0,52×0,52×0,07 м и покоились на фундаментах из неоднородного необработанного камня. В лучше сохранившемся пристенном помещении с двойными земляными полами, указывающими на длительность эксплуатации помещения, под завалом сырцово-кирпичной стены

обнаружены интересные находки I в. н. э. и в том числе два редких глиняных фигурных светильника в виде головы силена. Раскопками подтверждено, что крепость была возведена на грани I в. до н. э.— I в. н. э. В начале II в. н. э., видимо, после катастрофы, постигшей и другие крепости этого района, внутрикрепостные помещения перестраиваются, хотя и сохраняют в общем прежнюю планировку. Обнаружены остатки строений и II в. н. э., а поверх них — более значительные руины позднеантичных домов, по-прежнему сохранявших первоначальную ориентировку. Между разрушенными домами открыт дворик с утрамбованным полом и двумя хозяйственными ямами грушевидной формы. Позднеантичное поселение продолжало использовать еще возвышавшиеся стены ранее построенной крепости.

На Патрейском городище сохранились, хотя и в сильно разрушенном состоянии, остатки поселения VIII—X вв. н. э., располагавшегося поверх разрушенной к тому времени крепости. От этого периода обнаружены обрывки каменных фундаментов и кладовая из четырех очень больших пифосов.

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ТИРАМБЫ

А. К. Коровина

Работы в древней Тирамбе были ограничены раскопками некрополя. В них принимали участие научные сотрудники Музея изобразительных искусств, а также студенты исторического факультета Тамбовского педагогического института. Были продолжены исследования двух участков (Д и Е), а также пройден один квадрат на новом участке, расположенном в 48,5 м к востоку от раскопа В и названном $В_1$. На площади 275 кв. м открыто 46 погребений, из них 10 могил не имели инвентаря и поэтому не могут быть датированы. 36 могил по времени распределяются следующим образом: к концу VI—V в. до н. э. относятся 10 могил; ко II—I вв. до н. э.— 7; к I в. до н. э.— I в. н. э.— 10; ко II—III вв. до н. э.— 3.

Интересны погребения раннего периода (VI—V вв. до н. э.). Из десяти могил в четырех погребены дети. Впервые в этом некрополе встречены захоронения грудных младенцев в лепных корчагах. В могиле 95/1 похоронен воин с типичным для скифо-меотского мира мечом, имевшим брусковидное навершие и почковидное перекрестие (длина 0,52 м); меч лежал поперек костяка от правой руки к левому колену. Почти во всех могилах ранней группы некрополя Тирамбы, открытых прежде, мечи располагались так же. Подобное положение меча встречается в ряде некрополей Таманского полуострова, например в Гермонассе, на Тузле и т. д. В могилах ранней группы преобладает широтная ориентировка.

Но встречаются захоронения, ориентированные и на восток, и на запад, в отличие от некрополей западной части Таманского полуострова, где основная ориентировка восточная. Среди погребального инвентаря, кроме чернолаковых килико в, чаш и солонок, найдено несколько кувшинов.

На двух из них поверхность покрыта полосами белой и коричневой краски. Одни кувшины (например, из могил 95/1, 105/11, 106/12) скорее всего изготовлены в Фанагории; центры производства других неизвестны.

Из шести могил IV в. до н. э. интересно женское погребение 107/13. Костяк лежал с подогнутыми ногами. У ног его находились сероглиняное рыбное блюдо, краснофигурная пелика и пряслице. К сожалению, пелика фрагментирована и сохранилась лишь обратная сторона ее с изображением двух стоящих друг перед другом мужских фигур в плащах. В могиле 135/41 найден лекиф арибаллической формы, без росписи, изготовленный из фанагорийской глины. Подобные лекифы встречались в некрополе Фанагории вместе с краснофигурными чашками и аттическими сетчатыми лекифами, которые датируют их IV в. до н. э.

Из позднеэллинистических могил следует остановиться на двух: на склепе 126/32 и погребении с кремацией 129/35. Склеп имел небольшой открытый дромос и небольшую (1,35×1,80 м) камеру, в которой были обнаружены остатки шести скелетов. Камера и дромос ориентированы по оси восток — запад, причем дромос находится с западной стороны.

Склеп небогат. Его инвентарь состоял из трех флаконов, трех светильников кувшинчиковой формы, двуручного сосуда, покрытого красным лаком, и обломка черепицы с клеймом. Все эти предметы находились в восточной части камеры. По погребальному инвентарю склеп датируется II—I вв. до н. э.

Погребение 129/35 совершено по обряду кремации здесь же, на месте захоронения, при этом труп сгорел не полностью — от нижней части остался пепел, а верхняя часть и грудная клетка лишь обгорели.

Жженое пятно имело длину 1,55 м, ширину 0,70 м. Умерший был обращен головой на север. В головах стоял кувшин, а в ногах, около жженого пятна — лекана с крышкой, которые датируют погребение III—II вв. до н. э.

В могилах I в. до н. э.— I в. н. э. часто встречаются фибулы, бусы, монеты. Найдены костяные подвески — одна в виде рыбки, другая — в виде фигурки горлократа. Среди погребальных сооружений этого времени следует отметить земляной склеп 130/36 и могилу с подбоем 111/17.

Земляной склеп разрушен и, очевидно, разграблен при сооружении могилы II—III вв. н. э. (131/37).

РАСКОПКИ ГОРГИППИИ

И. Т. Кругликова, Т. М. Смирнова

Раскопки в Анапе велись на трех участках: в районе улицы Набережной, во дворе Горисполкома (раскоп Город), во дворе трикотажного цеха ткацкой фабрики (раскоп Кубанский II) и в районе Мориколы, где исследовался разрушенный склеп.

В западной части раскопа Город расчищались помещения домов, расположенных с северной и южной сторон широкой магистральной улицы, и часть поперечной улицы с водостоком, которая пересекает магистральную улицу с юга на север.

В северной части раскопа, на перекрестке улиц расчищалось одно помещение углового дома. В грунте, засыпавшем помещение, найдена

Горгиппия. Мраморная головка Афродиты

головка Афродиты высотой 8 см, датируемая, видимо, I или самым началом II в. н. э. Здесь же найдены обломки архитектурных деталей из мрамора и известняка. Эти находки позволяют предположить, что где-то поблизости было богатое здание. Из других находок в помещении обнаружены обломки бронзового сосуда с краном в виде головки Вакха, боспорские монеты II—III вв. н. э., обломки сосудов, жернова, куски терракот. Наиболее интересны терракотовые фигурки лошадок, сделанные от руки. Под полом помещения был зарыт клад из девяти монет. При постройке помещения начисто срыт более ранний слой IV—III вв. до н. э., о чем свидетельствуют находки ниже пола помещения обломков колпачковой амфоры и краснофигурных сосудов.

С южной стороны улицы исследовались помещения дома II—III вв. н. э., в которых кроме керамики, представленной обломками амфор, краснолаковых сосудов, краснолаковых рельефных блюд, сероглиняных сосудов, обломков курильниц, найдены монеты, маленький обломок мраморной плиты с надписью и обломки терракот. Интересна грубо сделанная терракотовая статуэтка крылатой женской фигуры, аналогий которой пока найти не удалось.

Раскоп Кубанский II позволил выявить остатки городского квартала, расположенного в южной части античного города. Из всех городских участков, исследовавшихся до настоящего времени, этот наиболее удален от моря.

Раскопки обнаружили часть двора III в. н. э., вымощенного каменными плитами, к которому примыкали помещения. В одном из помещений открыт большой пифос; в другом — несколько раздавленных сосудов, среди которых сероглиняные гончарные миски с черным лощением и лепные горшки. На этом же раскопе, в его северо-западной части обнаружены остатки средневековых строений с колодцем и двориками, которые перекрывали античный дом с завалившимися сырцовыми стенами. Открыта прекрасная каменная лестница, ведущая в помещение III—IV вв. н. э. В горелом слое, заполнявшем помещение, найдена черепица от упавшей черепичной кровли, глиняные пирамидальные грузила, обломки амфор, куски черлолаковых и расписных сосудов, античных кастрюль, обло́мки терракот, бронзовые монеты и т. д. Раскоп Кубанский II показал, что жилые кварталы античного города продолжались довольно далеко в глубь территории, что между берегом моря и южной границей города имелось не менее пяти рядов городских кварталов, разделенных параллельно тянувшимися улицами. По-видимому, южную оборонительную стену Горгиппии следует искать в районе современной Крепостной улицы. Найденные в слоях первых веков нашей эры обломки фасосских клейменых амфор и других сосудов V—IV вв. до н. э. показывают, что на данном участке можно надеяться найти слои, соответствующие наиболее раннему периоду существования античного города.

РАСКОПКИ В ТАНАИСЕ

Т. М. Арсеньева

Нижне-Донская экспедиция Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения продолжала исследовать Танаис. В раскопках принимали участие Московский и Ростовский университеты. Работы велись, как и в предыдущий год, на двух участках основного четырехугольника городища, вдоль его западной оборонительной

стены: в юго-западном углу (раскоп IV) и в центральной части (раскоп VI). На вскрытых участках исследована западная оборонительная линия города эллинистического и римского времени и городские кварталы, прилегающие к ней.

В центральной части городища доследованы помещения с подвалами и двориками, расчистка которых была начата в 1967 г., и открыты новое помещение и подвал II—III вв. н. э.

Особый интерес представляет небольшой, аккуратно выложенный из камня подвал. Он перестал использоваться по назначению незадолго до разгрома города в середине III в. н. э. Среди находок в подвале следует отметить кубовидной формы каменный алтарь с четырехугольным углублением в одной из сторон, около 20 краснолаковых сосудов в обломках, осколки стеклянных и алебастровых сосудов и фрагмент привозной пиксиды из слоновой кости с мифологическим сюжетом, прекрасно выполненным в низком рельефе. Из находок на других участках этого раскопа нужно упомянуть о двух обломках строительных надписей III в. н. э., обработанном оленьем роге, фибуле, монетах и глиняном грузиле с отпечатком античного ключа.

В юго-западном углу городища исследовались три помещения, примыкающие к оборонительной стене и погибшие во время разгрома города в середине III в. н. э. Самое северное из них раскопано лишь частично. Среди находок наибольший интерес представляют обломки светлоглиняных амфор первой половины III в. н. э. с темным осадком на внутренних стенках и донцах и с постоянно повторяющейся на них надписью, нанесенной красной краской на плечики или горло амфор. Таких обломков с надписью найдено больше 70. Химический анализ осадка показал, что в этих амфорах хранилась нефть. Анализ произведен в лаборатории на кафедре геологии и геохимии горючих ископаемых геологического факультета Московского государственного университета доцентом А. Н. Гусевым и кандидатом химических наук И. Е. Лебфманом. Интересно отметить соответствие надписи на амфорах с их содержимым.

Два других помещения соединялись между собой дверным проемом, находившимся в смежной стене. К моменту гибели помещений проход был завален целыми светлоглиняными амфорами. Более северное помещение в значительной степени повреждено старой раскопочной траншеей П. М. Леонтьева, так что о характере его судить трудно. В ненарушенной части помещения на полу стояли три красноглиняные широкогорлые амфоры, одна из которых была наполнена зерном; на горле ее оттиснуто прямоугольное греческое двустрочное клеймо. Тут же находились светлоглиняные амфоры, лепные и круговые сосуды и более 20 глиняных грузил вытянуто-пирамидальной формы. Наибольший интерес вызывают находки бронзовых сосудов: светильника, украшенного скульптурной головкой маски, ковша и ситечка. Эти находки пополнили

Танаис. Фрагмент пиксиды

коллекцию привозных бронзовых изделий, известных нам главным образом из дореволюционных раскопок Танаиса.

Самое широкое помещение сохранилось лучше других. В нем открыто больше 120 целых и разбитых светлоглиняных амфор первой половины III в. н. э. Всего в помещении, судя по ножкам, находилось больше 300 амфор этого типа и несколько красноглиняных. На нескольких светлоглиняных амфорах также имелась греческая надпись, и, как показал анализ, в них тоже хранилась нефть.

На полу помещения вдоль северной стены были расчищены семь небольших ям круглой или овальной формы со скелетами баранов.

Бóльшую часть помещения занимал подвал. Сверху он был завален сырцовыми кирпичами. При зачистке кирпичей открыто еще десять скелетов баранов.

Из находок в помещении нужно отметить пять глиняных светильников первых веков нашей эры и две монеты.

Экспедиция доследовала разрушенное погребение на южном склоне Чупекской балки, в 2—3 км к западо-северо-западу от Танаиса. Здесь найдены золотое украшение полихромного стиля с гранатовыми и стеклянными вставками, мелкие золотые бляшки в виде розеток и лунницы, две золотые бусины, бусы из стекла, янтаря и коралла, обломки красно-лакового блюда I—III вв. н. э.

НИЖНЕ-ДЖУЛАТСКИЙ МОГИЛЬНИК

М. П. Абрамова

Продолжались раскопки Нижне-Джулатского могильника, расположенного около г. Майский Кабардино-Балкарской АССР. В дополнение к 47 могилам, открытым ранее, исследовано еще 33 погребения.

Впервые на территории Нижне-Джулатского могильника найдены погребения северокавказской культуры бронзового века: четыре грунтовые могилы и две катакомбы с плохо прослеживаемой конструкцией, так как обе они были перерезаны раннесаланской катакомбой. Входные ямы в обоих случаях прослеживаются плохо. Грунтовые могилы содержали по одному костяку (лишь в одной было парное погребение взрослого и ребенка), лежащему в вытянутом положении на спине головой на северо-восток. Катакомбы также содержали по одному костяку, лежащему на спине головой либо на север, либо на юг с отклонением к востоку или юго-юго-востоку. Все погребения сопровождались глиняными сосудами (от одного до трех в каждой могиле), стоящими большей частью в головах погребенных.

Как и в предыдущие годы, бо́льшая часть могил относилась к рубежу нашей эры (I в. до н. э.— I в. н. э.). Кроме того, впервые здесь найдены погребения II—III вв. н. э., что говорит о непрерывном использовании этого могильника от рубежа нашей эры по VII в. н. э. включительно. Могилы I—III вв. н. э. представлены грунтовыми погребениями и катакомбами, последние преобладают. Катакомбы служили семейными склепами, в них встречаются от двух-трех до шести-восьми костяков.

Все погребения этого времени не ограблены и содержат большое количество инвентаря: глиняную посуду, бусы, многие из которых, по-видимому, местного северокавказского производства, оружие (мечи с кольцевым и серповидным навершиями, черешковые и втульчатые наконечники стрел, копья), бронзовые зеркала, бляшки, фибулы, спиральные привески и т. д. Подавляющее большинство украшений и другого инвентаря местных северокавказских форм.

Следующая группа могил представлена четырьмя аланскими катакомбами IV—VII вв. н. э. По устройству они аналогичны ранее открытым здесь катакомбам того же времени. Все катакомбы ограблены.

В одной из них найдена фибула IV—V вв. н. э. Еще одна катакомба (погребение 55) относится, судя по поясным наконечникам, к VI—VII вв. н. э. Она выделялась среди других размерами. Длина ее входной ямы 3,70 м, глубина 5,45 м от поверхности материка. Противоположная от камеры стена входной ямы сооружена в виде высоких и узких ступеней. В засыпке входной ямы найдены костяки целого скелета лошади. В камере, на дне ее, покрытом плотным слоем угля, лежали обломки трех глиняных сосудов, бусины, в том числе одна крупная янтарная, костяная пластина с бронзовыми заклепками, бронзовые пряжки и

поясные наконечники и обломки других предметов. В катакомбе был погребен, по-видимому, знатный мужчина.

Группа аланских катакомб IV—VII вв. н. э. значительно отличается по устройству и инвентарю от более ранних катакомб (I—III вв. н. э.) могильника. Это свидетельствует о существенных изменениях внутри аланского общества, произошедших, по-видимому, в IV в. н. э.

РАСКОПКИ В КУЛИНСКОМ РАЙОНЕ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

В. Г. Котович, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев

Горная археологическая экспедиция Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР занималась изучением древних бытовых и погребальных памятников, обнаруженных в предшествующем сезоне в высокогорном Кулинском р-не. Раскопки производились на Цыйшинском городище и могильнике и на Вихлинском поселении.

Цыйшинское городище занимает участок мыса, ограниченного с трех сторон труднопреодолимыми каньонообразными руслами горных речек. Территория городища достигает 35—40 га. В северной его части находится небольшая возвышенность неправильной формы — может быть, цитадель. Ее склоны и основания покрыты крупными кучами строительного камня, отмечающими, вероятно, развалы древних построек, подпорных и оборонительных стен. Крупные скопления камня аналогичного происхождения прослеживаются также по западному и южному краям городища. Бо́льшая часть территории городища, покрытая древними земледельческими террасами (о чем можно судить по весьма архаической кладке их подпорных стен), очевидно, служила сельскохозяйственной округой. По характеру и взаиморасположению сохранившихся развалов камня трудно составить целостное представление о размерах и планировке застроенных в древности участков и тем самым очертить площадь населенного пункта.

Здесь было заложено два небольших раскопа: у основания и на вершине предполагаемой цитадели. Одним из них вскрыт участок опоясывавшей цитадель крепостной стены. Исследованный отрезок длиной около 8 м, шириной 1,1—1,2 м возведен на скальном основании из массивных известняковых плит и блоков. Среди обнаруженного материала представляют интерес фрагменты черно- и серолощеных сосудов, известных в Дагестане среди материалов рубежа и первых веков нашей эры.

Другим раскопом вскрыт участок культурного слоя в углу какой-то постройки, стены которой (шириной 0,35—0,4 м) были сложены из небольших каменных плит. Культурный слой мощностью 0,25—0,35 м насыщен остатками, преимущественно обломками грубой кухонной посуды, среди которых имеются также образцы, аналогичные найденным на первом раскопе.

В Цыйшинском могильнике, расположенном севернее городища, вскрыт участок площадью около 80 кв. м, где обнаружено не менее 25 человеческих и конских захоронений. В большинстве своем они оказались разрушенными. Погребальный обряд характеризуется одиночными погребениями в каменных гробницах и грунтовых могилах. Костяки вытянуты на спине, с согнутыми в локтях руками, иногда — с перекрещенными голенями. Исключение составляет одна примыкавшая непосредственно к стене каменной гробницы грунтовая могила, содержавшая костяки трех взрослых, погребенных одновременно. Судя по отсутствию погребального инвентаря, здесь могло иметь место человеческое жертвоприношение (рабов или военнопленных), сопровождавшее захоронение представителя знати. Конские захоронения находятся в грунтовых ямах, обложенных камнями.

Погребальный инвентарь включает фрагменты керамики, в основном аналогичной найденной на городище, металлические украшения и предметы туалета, пастовые, стеклянные и каменные бусы, предметы вооружения, железные удила и др. Большинство находок датируется I—III вв. н. э. Однако двупластинчатая фибула и височная подвеска в виде кольца с 14-гранной бусиной указывают, что могильник, как, вероятно, и городище, существовали также в IV и, может быть, V в. н. э.

В 3 км к северо-северо-западу от этих памятников находится Вихлинское поселение. Раскоп площадью около 100 кв. м открыл остатки трех ступенчато расположенных построек и смежный с ними отрезок узкого переулка. Найденные здесь обломки каменных поделок и керамика относятся к средневековому (IX—XII вв. н. э.) и позднеантичному (I—V вв. н. э.) времени.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА НИЖНЕМ ДОНУ

В. С. Флеров

Отряд археологической экспедиции Ростовского университета совместно с Новочеркасским музеем исследовал поселение салтово-маяцкой культуры, расположенное на правом берегу Дона, в 8 км к юго-западу от станицы Богоявленской. Поселение расположено на возвышенном месте между двумя рукавами старого русла р. Кагальник. С напольной

стороны поселения рукава соединял широкий ров, наполнявшийся водой. В результате поселение, окруженное с трех сторон водой и расположенное в сильно заболоченной местности, оказывалось хорошо защищенным и не нуждалось в других оборонительных сооружениях.

В настоящее время поселение разрушается строительством рыборазводных прудов. При наблюдении за этими работами нам удалось исследовать два жилища, несколько хозяйственных ям и захоронение животных.

Жилище 1 — полуземлянка прямоугольной в плане формы, углубленная на 0,9 м от древней дневной поверхности. Размеры жилища 2,5×3 м. Пол глинобитный, плотно утрамбованный. В северном углу, в небольшой выемке — прямоугольная печь-каменка с толстым слоем золы. Стенки печи выложены из двух рядов вертикально поставленных плит ракушечника. В печи сохранились обломки славянского широкогорлого грубого лепного кухонного горшка. В западном углу — небольшое углубление, врезанное в стену жилища — кладовая. В нем найдены тщательно выточенное биконическое каменное пряслице, обломки лепного сосуда, кости домашних животных. Посредине всех сторон полуземлянки в полу заметны ямки (0,15—0,20 м) от столбов перекрытия.

Жилище 2 — полуземлянка, аналогичная первой. Судя по большому количеству углей и золы в заполнениях, оба жилища погибли в результате пожара.

В 2 м к западу от жилища 2 обнаружено ритуальное захоронение животных, совершенное в большой яме неправильных очертаний. На глубине 0,55 м лежали целые костяки коровы и собаки. Задняя нога коровы зажата челюстями собаки. На глубине 1,15 м, на дне, находился костяк второй коровы. Рядом с собакой обнаружены десять отполированных пястных косточек мелкого животного и маленький отшлифованный прямоугольный камешек — амулеты. Аналогичные погребения известны в могильнике Саркела. В заполнении жилищ и погребения обнаружены фрагменты керамики и костей животных. В состав стада на поселении входили корова, овца, лошадь.

В большом количестве представлены кости рыб, в основном осетровых пород.

Керамика делится на четыре основных типа: большие лепные славянские горшки с широким горлом и пальцевыми вдавлениями по краю венчика; круговые горшки, покрытые линейным и волнистым орнаментом; лощеная посуда — корчаги, кувшины, кружки; амфоры.

Поселение датируется по материалу IX в. н. э. и относится к кругу салтово-маяцких поселений, окружавших Саркел. Ближайшая аналогия ему — поселение у хут. Ближняя Мельница, исследованное И. И. Ляпушкиным.

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ГИЛЯЧ

Т. М. Минаева

По поручению Ставропольского краеведческого музея производились раскопки городища, расположенного в ущелье р. Гиляч, левого верхнего притока р. Кубани, в 13 км к югу от г. Карачаевска. Исследования на этом памятнике проводились в течение многих лет. В 1968 г. стояла задача доследования могильников, окружающих городище, и раскопок жилищ на поселении.

В могильнике 1, вблизи святилища, раскопано пять каменных гробниц. Четыре из них оказались начисто ограбленными, одна содержала непотревоженное погребение. В ней на тонкой плитке, устилавшей дно гробницы, лежал костяк подростка. Судя по инвентарю, это была девочка. Возле черепа найдены серьги из тонкого золотого прута с заходящими друг на друга концами и некоторое количество бус. У ног погребенной стояли глиняные сосуды одного типа с теми, которые находились и в других гробницах данного могильника. В северо-западном углу, вплотную к стенке могилы, лежало деревянное блюдо с просом. Тут же оказалось горлышко небольшого деревянного сосудика. Деревянная посуда в этом могильнике встретилась нам впервые. Впервые найдено и просо. Эти находки выделяют могилу из числа исследованных ранее. Отличается она и по ориентировке. В то время как все другие могилы ориентированы по линии восток — запад (иногда с незначительными отклонениями), эта могила располагалась по линии север — юг. Костяк лежал головой на юг.

Западнее могильника 1, по крутому скалистому склону к речке Малый Гиляч, разбросаны полуподземные склепы. Рядом с ними, иногда даже в одном и том же выступе скалы, имелись наскальные пещерные могилы.

Возле некоторых «пещерок» сохранились небольшие искусственно выдолбленные ниши, по-видимому, служившие для поминальных приношений. Как полуподземные склепы, так и наскальные «пещерки» оказались разрушенными.

Производились раскопки и жилых строений городища, датируемого VIII—XII вв. н. э. В наши задачи входило и исследование ремесленного участка городища. Мы надеялись отыскать следы обработки железной руды. Однако в пяти раскопанных жилищах, размещавшихся в ряд по южной окраине городища, мы не обнаружили явных признаков железоделательного ремесла (горнов), хотя внутри жилищ и за их стенами встречались железные шлаки. Характер расположения этих жилищ, их размеры, отсутствие каких бы то ни было хозяйственных пристроек к ним, говорит о том, что этот участок был заселен ремесленниками, а не скотоводами-земледельцами, жилища которых, сопровождаемые загонами для скота и небольшими пристройками хозяйственного значения,

занимают большую площадь по горному кряжу с правой стороны Малого Гиляча.

Из вещевых находок, кроме керамики и костей животных, могут быть отмечены медная монета, к сожалению, сильно окисленная и пока неопределенная, крупная скульптура барана (голова отбита), большая ножная ступа и некоторые мелкие бытовые предметы. Так как поселение было оставлено жителями в мирное время, вещей на нем встречается очень мало и среди них преобладают такие, которые было трудно унести,— жернова и ступы.

ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

В. Б. Ковалевская, Ю. Н. Воронов, Ф. Е. Михайличенко

Причерноморский отряд Сарматской экспедиции Института археологии АН СССР совместно с краеведческими музеями Сочи и Геленджика и краеведческим кружком геленджикской школы 3 проводил исследования средневековых памятников в окрестностях Геленджика и Сочи.

В бассейне р. Жанэ (12 км от Геленджика в сторону Туапсе) находится один из наиболее крупных курганных могильников Северо-Западного Кавказа. В настоящее время насчитывается около 500 курганов, диаметр которых колеблется от 4 до 16 м, а высота — от 1 до 3 м. Материал из курганов, хранящийся в Геленджикском музее, датируется X—XII вв. н. э. Для раскопок выбраны два оплывших кургана средних размеров, расположенные недалеко от группы дольменов. Оба они по погребальному обряду, конструкциям и инвентарю оказались удивительно схожи.

В результате раскопок можно следующим образом реконструировать погребальный обряд адыго-черкесского населения конца I — начала II тысячелетия н. э. Вначале на врезанной в склон горизонтальной площадке был погребен на боку, мордой на восток, возможно со спутанными ногами, взнузданный и оседланный конь. С ним было положено оружие и личные вещи его хозяина — сабля, пояс, кольчуга и амфора, датирующаяся VIII—IX вв. н. э. и свидетельствующая об экономических связях с Таматархой — Тьмутараканью. Затем над погребением коня был насыпан невысокий (20—30 см) курган из грунта, привезенного из береговых осыпей р. Жанэ, и поставлена кольцевая каменная ограда. В изголовье коня установили керамическую урну с остатками кремации человека, после чего уже насыпали курган в его окончательном виде.

Обследование раннесредневековых крепостей и позднесредневековых курганов произведено экспедицией в долинах рек Хосты, Мзымты и

Ангби. Особый интерес представляет в районе Красной Поляны комплекс раннесредневековых крепостей, датирующихся по керамическому материалу V—X вв. н. э. По ряду приемов строительной техники и типам керамики крепости в окрестностях Красной Поляны имеют близкие аналогии среди крепостей Абхазии (например, Анакопийская крепость).

В долине Мзымты к югу от Красной Поляны (недалеко от сел. Монастырь) на высоком хребте исследован монастырский комплекс. Высокая крепостная стена из необработанного камня на известняковом растворе (сохранилась на высоту 4—5 м) окружает ряд зданий, среди которых центральным является одноапсидный храм, размерами 8,40 м по длинной оси и 4,90 м — по короткой, при толщине стен 1 м. По керамическому материалу (стенки пифосов и фрагменты черепицы и кирпичей) можно датировать этот комплекс началом II тысячелетия н. э.

В долине р. Ангби раскопан позднесредневековый курган, оставленный адыго-черкесским населением, и обследован ряд селищ развитого средневековья (XII—XIV вв. н. э.).

МОГИЛЬНИК КУРНАЯТ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

И. М. Мизиев

Могильник Курнаят располагается в верховьях р. Черек на горе Курнаят, возвышающейся с юго-восточной стороны над сел. Верхняя Балкария Кабардино-Балкарской АССР.

В могильнике вскрыто 26 погребений, которые делятся на две группы. В первую входят 11 каменных ящиков, ничем не обозначенных на поверхности земли. Размеры их рассчитаны на одиночные захоронения. Однако в них обнаружено от одного до пяти костяков, причем при неоднократных захоронениях кости предыдущих сдвигались в кучу, к изголовью. Покойника обычно клали в вытянутом положении головой на запад. Руки погребенных либо опущены вдоль туловища, либо одна из них лежит на тазовых костях или у пояса.

Бронзовые серьги в виде знака вопроса, заканчивающиеся виноградной или гроздью ажурными подвесками, костяные пряслица, пастовые бусы с цветными глазками и полосками, бронзовые бубенчики-пуговицы, наперстки и прочий инвентарь датируют эту группу XIII—XIV вв. н. э. по аналогии со многими памятниками Северного Кавказа (Байрым, Верхний Какадой, Шатоевские пещеры и др.). Групповые погребения свидетельствуют о пережиточной традиции раннесредневекового обряда V—VII вв. н. э.

Погребения второй группы обозначены на поверхности овальными каменными выкладками и невысокой (до 30 см) забутовкой камней. По удалению забутовки обычно обнаруживается цельная массивная плита,

перекрывающая каменный ящик, почти аналогичный описанным выше. Но костяки в них лежат на деревянной доске или в деревянной колоде, скрепленной железными скобами.

Погребения всегда одиночные. Костяки лежат на спине в вытянутом положении с опущенными вдоль тулова руками, головой на северо-северо-запад.

Почти во всех погребениях находились железные ножи, реже встречались бусы, бисер, обрывки тканей. В погребении 26 у черепа обнаружены четыре бронзовые пластинки длиной 18,3 см каждая. На концах их имеется по два отверстия, посредством которых их пришивали к головному убору. Пластинки украшены орнаментом из штампованных точек, образующих ломаные и пересекающиеся линии. Инвентарь и погребальный обряд позволяют отнести эту часть могильника к XIV—XVI вв. Над одной из могил сооружен наземный прямоугольный склеп с двускатной крышей.

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В. И. Мамонтов

Приволжский отряд экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Волгоградского областного управления культуры проводил охранные раскопки. Было доследовано сарматское погребение Заканального могильника, разрушенное грабителями. В засыпи его обнаружены фрагменты массивной железной пряжки с поперечным язычком, бронзовая фигурка козла, аналогии которой встречены на навершиях и котлах I в. н. э.

На дне погребения встретились мелкие золотые нашивные бляшки и пронизки, а у стенки ямы обнаружены уникальные золотые височные подвески. Каждая подвеска представляет собой золотую основу в виде сосудика, ко дну которого с помощью колец прикреплены десять плетеных цепочек (сохранились не все). На концах каждой цепочки подвешены золотой и серебряный шарик. К «тулову» сосуда по бокам прикреплены стилизованные фигурки грифонов (?), крылья которых инкрустированы вставкой из пасты. Подвески крепились на голове с помощью незамкнутых серебряных колец. Находка золотых подвесок говорит о торговых связях волжских сарматских племен с ремесленными центрами Причерноморья.

Отряд исследовал совершенно разрушенную водами р. Мокрой Мечетки стоянку Орловку. Шурфовка, а затем и тщательное вскрытие оставшейся поверхности стоянки дали ряд интересных находок позднего неолита — времени, которое крайне скудно исследовано в Нижнем Поволжье. На стоянке собраны фрагменты керамики толстостенных сосудов большого диаметра. Тесто темное с обильным включением толченой ракушки. Верхняя часть тулова сосуда, а также узкая полоса у венчика изнутри покрыты орнаментом, выполненным способом «отступающего острия» или «лопаточки». Дно сосудов плоское, орнаментированное тем же приемом. Кроме фрагментов керамики, на территории разрушенной

стоянки найдены кремневые ножевидные пластинки, трапециевидный вкладыш со струганой спинкой, наконечник стрелы, скребки. Обилен остеологический материал. Это фрагменты костей крупного рогатого скота (бык, корова), лошади, мелкого рогатого скота, свиньи, собаки.

Отряд провел охранные раскопки двух курганных могильников в Новоаннинском р-не Волгоградской обл. Могильник Новоаннинский состоял из четырех курганных насыпей. Здесь, впервые в северных районах Волгоградской обл., встречены следы обитания племен катакомбной культуры. Погребение катакомбной культуры, совершенное под индивидуальной насыпью, было разрушено грабителями, но в засыпи ямы удалось собрать, а затем и восстановить сосуд, орнаментированный рядами завитков (ракушек) и «елочкой», выполненной мелкозубчатым штампом. Аналогии сосуду известны в материалах из погребений катакомбной культуры донских районов.

В том же могильнике обнаружена интересная конструкция срубного погребения. Умершего положили на подстилку из куги без ямы, на уровне горизонта. Рядом поместили баночный сосуд, бронзовые наконечники копья листовидной формы и шильце. Над погребенным соорудили деревянный сруб из крупных бревен, перекрытых сверху толстыми плахами. Позднее над этим деревянным склепом был насыпан курган.

Могильник Березовский состоял из 18 курганных насыпей, из которых раскопано 17. Бо́льшая часть погребений ограблена и разрушена. Почти все погребения относятся к бронзовому веку, к срубной и катакомбной культурам. Находятся они под индивидуальными насыпями.

Погребения катакомбной культуры совершены в квадратных ямах. Керамика их характерна для воронежского варианта культуры. Она представлена орнаментированными сосудами и их отдельными фрагментами, курильницами на крестовидной ножке.

Исключительный интерес представляет погребение 1 кургана 10, совершенное в подбое и перекрытое плахами. На ступеньке перед входом в подбой были положены кости жертвенного животного. В подбое на правом боку головой на север похоронена молодая женщина, на правой руке которой лежал скелет грудного ребенка.

По всей площади подбоя было разбросано более 100 альчиков. Здесь же находились курильница на высокой крестовидной ножке, фрагмент сосуда, который использовался в качестве жаровни, и глиняный жертвенник, впервые встреченный в катакомбном погребении. Жертвенник имеет вид глубокой овальной чаши, орнаментированной валиком и штампом типа «личинки». На дне чаши, по ее углам — четыре прямоугольные ножки.

По материалу Березовского могильника можно судить о глубоком проникновении племен катакомбной культуры в междуречье Волги и Дона. Кроме того, ряд признаков говорит о большом взаимном влиянии местных племен бронзового века и пришельцев — носителей катакомбной культуры.

РАЗВЕДКА В БАССЕЙНЕ ИЛОВЛИ

А. С. Скрипкин

По инициативе Волгоградского совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры была проведена разведка археологических памятников по р. Иловле. Маршрут проходил по правому берегу от станции Иловлинской вверх до с. Лебяжьего. В результате разведки на карту нанесены семь курганных групп, около двух десятков одиночных курганов и поселение бронзового века.

Курганные группы в основном расположены по краю надпойменной террасы и насчитывают от 10 до 15 (у сел Писаревка, Сучки-Кондраши, Александровка) или от 5 до 8 курганов (у сел Каменный Брод, Гусевка, Соломатино, Лебяжье). Курганы небольшой величины, по внешнему виду напоминают курганы сарматского или позднекочевнического времени. В одном из курганов группы, расположенной в 8—10 км к западу от с. Александровка, найдены кальцинированные кости животного, фрагменты тонкостенной сероглиняной лощеной керамики и ручка от красноглиняного кувшина. Аналогичная керамика известна в сарматских памятниках первых веков нашей эры.

В глубь степи от реки по водоразделам по всему маршруту отмечены одиночные курганы значительно бо́льших размеров (некоторые из них достигают 2—3 м в высоту). Обычно северная пола этих курганов круче, чем южная, что характерно для большинства курганов бронзового века степной полосы.

В 1 км к юго-востоку от хут. Ютаевки в излучине р. Иловли обнаружены следы небольшого поселения срубной культуры. На пахоте собраны кости животных, фрагменты сосудов баночной формы, изредка орнаментированных по краю прорезными косыми линиями или вдавлениями, отщепы кремня.

ИССЛЕДОВАНИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ю. В. Деревягин

По заданию Саратовской областной детской экскурсионно-туристской станции школьные туристско-краеведческие группы продолжали археологические исследования на территории Саратовской обл.

Школьники целинного совхоза Дергачевский Дергачевского р-на на берегах р. Алтата от с. Дергачи до устья реки выявили 18 селищ срубной культуры (II тысячелетие до н. э.) и на одном из них произвели небольшие раскопки. Все поселения бронзового века расположены вдоль берега на расстоянии от 0,5 до 1 км друг от друга. Культурные остатки

встречаются как на поверхности, так и в обрывах. На поселениях собрано большое количество фрагментов плоскодонной лепной посуды, орнаментированной продолговатыми ямочными вдавлениями, оттисками веревочки, нарезками, зубчатым штампом, бороздами, проведенными зубчатым штампом. Найдены обломки бронзовых изделий, глиняное пряслице, костяные проколки, костяное лощило, точильные камни, кварцитовые орудия и отщепы. Открыта неолитическая стоянка, расположенная на правом глинистом берегу р. Алтата, в 2 км к северо-востоку от с. Алтата. На поверхности и в обрывах собрано более 400 кварцитовых отщепов, кремневых и кварцитовых орудий (наконечники стрел, скребки, проколки, ножевидные пластинки).

В с. Александров-Гай Новоузенского р-на школьники нашли в глиняном карьере железную кольчугу.

Близ с. Осинов-Гай Ершовского р-на на правом берегу р. Большой Узень выявлено селище раннего бронзового века. Вещевой материал состоит из обломков лепной посуды, кремневых и кварцитовых орудий и отщепов.

В с. Старое Привольное Энгельского р-на на берегу Волги обнаружено частично разрушенное погребение срубной культуры (вторая половина II тысячелетия до н. э.). Костяк был скорчен на левом боку головой на северо-восток. В погребении находились два глиняных горшка ручной лепки и обломки бронзовых украшений. На берегу подобрано еще шесть горшков баночной и остроребериой формы из разрушенных погребений срубной культуры.

В бассейне р. Саратовка туристы лагеря Дружба собрали на ранее открытых Среднесаратовском и Верхнесаратовском селищах бронзового века большое количество фрагментов глиняной посуды баночной формы, с различными орнаментами. Керамика аналогична посуде известного Покровского могильника, расположенного в нескольких километрах от этих селищ.

В бассейне р. Большой Караман близ с. Новолиповка Советского р-на вскрыто семь погребений бронзового века. Наибольший интерес представляет погребение мужчины: костяк лежал на левом боку в скорченном положении головой на северо-восток. За спиной находился бронзовый изогнутый однолезвийный нож в деревянном футляре и глиняный колоколовидный горшок с плоским дном. Поверхность горшка сглажена зубчатым штампом. В глине большая примесь толченой ракушки. Инвентарь остальных погребений состоит из глиняных сосудов баночной и остроребериой форм, имеющих аналогии в срубных погребениях Нижнего Поволжья. На левом берегу р. Нахойка, близ впадения ее в Большой Караман, обнаружено селище бронзового века.

В бассейне р. Медведица близ с. Нижняя Красавка произведены частичные раскопки еще одного селища бронзового века. На правом берегу р. Большой Колышлей около с. Барановка Аткарского р-на выявлены два селища срубной культуры (вторая половина II тысячелетия до н. э.).

На берегу Волги близ с. Девичьи Горки Вольского р-на на горе с таким же названием Д. С. Худяковым собрана керамика ручной лепки с псевдорогожным орнаментом. Аналогичная керамика найдена им на правом берегу Волги, напротив г. Маркс. Оба памятника относятся к городецкой культуре (I тысячелетие до н. э.).

РАБОТЫ В ЗОНЕ КУЙБЫШЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Р. С. Габяшев, Е. П. Казаков, П. Н. Старостин

Сотрудники Казанского института языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова АН СССР провели обследование ряда памятников в зоне Куйбышевского водохранилища по нижнему течению Камы. Большинство из них, как показали итоги обследования, разрушено, верхний слой смыт, и лишь на материковой поверхности удавалось собрать вещевой материал и зафиксировать остатки хозяйственных и жилищных построек.

Среди ранних памятников выделяются поселения вблизи пос. Алексеевского и с. Измери по левому берегу Камы. На поверхности последнего собраны крупные грубой выделки патинизированные кремневые скребла, нуклеусы и отщепы, близкие по форме и технике изготовления находкам на стоянках Девичий городок и Курган и относящиеся к мезолиту. На стоянке у пос. Алексеевского собрано большое количество фрагментов лепной керамики камского неолитического облика, а также обнаружены кремневые наконечники стрел, скребки, проколки, ножи и другие орудия труда. Кроме того, на поверхности зафиксированы остатки жилищ в виде больших земляных котлованов.

Из памятников бронзового века интерес представляет стоянка, расположенная на большой дюне вблизи находившейся здесь раньше дер. Нижний Марьян на левом берегу Камы. На поверхности дюны сохранилось девять крупных впадин от жилищ. На размытой площади стоянки собрано большое количество керамики и кремневого инвентаря приказанской культуры.

Примечательны остатки позднепьяноборского могильника близ с. Именьково Лаишевского р-на. Костный материал не сохранился, однако вещи весьма выразительны. Они представлены обломками эполетообразных застежек позднего облика, наконечниками копий, обрывками удил, кусками спекшихся железных кольчуг, привесками, обломками женских пластинчатых нагрудников с бусами и пронизками, ножами, гривнами, пряжками и др.

Интересными памятниками болгарской культуры оказались селища около бывшего местоположения дер. Семеновка Куйбышевского р-на на левом берегу Камы, а также у с. Именькова, г. Лаишева, у бывшего

местоположения с. Карташиха Лаишевского р-на на левом берегу Волги. На поверхности этих селищ собран подъемный материал, состоящий из лепной и круговой болгарской посуды, замков, серпов, кос-горбуш, топоров, наконечников стрел, рыболовных крючков и острог, украшений и принадлежностей костюма. На селище Чакма вблизи г. Лаишева зафиксированы следы сильно вытянутого котлована, по-видимому, от большой хозяйственной постройки. На поверхности этого поселения собраны домонгольские и золотоордынские монеты. На селище вблизи с. Именькова и бывшего местоположения дер. Богородицкой Лаишевского р-на на правом берегу Камы выявлено большое количество болгарских жилищ полуземляночного типа.

РАСКОПКИ НА УРЖУМКИНСКОМ КОМПЛЕКСЕ

Г. А. Архипов

Марийская археологическая экспедиция начала раскопки Уржумкинского комплекса в Звениговском р-не Марийской АССР. Расположенный на песчаных дюнах у старицы Волги комплекс содержит три разновременных памятника: стоянку бронзового века, могильник III—VI вв. н. э. азелинского типа и древнемарийское поселение второй половины I тысячелетия н. э.

На поверхности заметны семь впадин округлой формы диаметром от 5,6 до 11 м. При осмотре они были определены как жилищные впадины. Раскоп был заложен с расчетом вскрыть одну из них, расположенную у края террасы. Сначала был снят слой с древнемарийским материалом (10—15 см); в нем никаких сооружений не найдено. Затем шел слой поселения бронзового века; стерильная прослойка между двумя слоями незаметна. В заполнении впадины никаких следов конструкции не оказалось. Но сразу под слоем погребенной почвы на светлом материковом песке стали появляться ямы диаметром от 40 до 70 см и глубиной от 20 до 70 см. Ямы округлых очертаний были вырыты в материковом песке, стены их утрамбованы и при расчистке не обваливались. Поверх некоторых ям были глиняные плоскодонные горшки типа сосудов приказанской культуры. По данным анализа, произведенного Марийской зональной агрохимической лабораторией, заполнение ям состоит в основном из золы (от 98,9 до 99,5%) и незначительного количества гумуса (от 0,22 до 0,62%, по Тюрину). По-видимому, эти ямы являются остатками кострищ. В пределах впадины диаметром около 11 м оказалось 46 таких кострищ. Назначение их остается неясным. Для выяснения характера памятника необходимы дополнительные раскопки.

Материал стоянки состоит из керамических изделий (сосудов, пряслиц, грузил, обломков тигля), многочисленных кремневых орудий (скреб-

ков, сколов и отщепов). Стоянка относится к приказанской культуре бронзового века.

На том же месте в III—VI вв. н. э. находился могильник азелинского типа. Вскрыто пять погребений. Могильные ямы были вырыты между впадинами бронзового века. Очертания могильных ям незаметны, лишь вокруг костяков прослеживаются гумированные пятна. Костяки обращены головой на север. Один костяк (погребение 2) лежал на правом боку с полусогнутыми ногами. На черепе был глиняный сосуд. Кроме сосуда, покойника сопровождали железные нож и пряжка. В остальных четырех погребениях костяки вытянуты на спине. Инвентарь погребений небогат: железные нож, втульчатый топор, копье, пряжка, скобель; из украшений — бусы, халцедоновые диски, перстни. Особо отметим богатое погребение (4) с остатками ожерелья из бус, височным кольцом с узелками, нагрудными украшениями из продолговатой ажурной планки, двух халцедоновых дисков и арочной ажурной подвески. На руках были браслеты и перстни, а кожаная обувь украшена прямоугольными накладками с двумя лапчатыми привесками.

Уржумкинский могильник — самый западный из кладбищ азелинского типа.

Древнемарийское поселение характеризуется обломками глиняных плоскодонных горшков без орнамента, глиняных тиглей, небольшим количеством медных изделий. Ранее при разведке был найден железный черешковый наконечник стрелы с вытянуто-ромбовидным пером. Находки типичны для марийцев I тысячелетия н. э. В 400—500 м от этого поселения в лесу был обнаружен культурный слой мощностью до 30 см, содержащий аналогичный материал.

РАБОТЫ НА СЕВЕРЕ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

В. П. Денисов, В. Ю. Лещенко

Камская археологическая экспедиция Пермского университета продолжила исследования в Чердынском р-не Пермской обл. Чердынский отряд сосредоточил работы на древних памятниках р. Колвы (в зоне будущего Бобыкинского водохранилища) и в низовьях р. Вишеры.

На правом берегу Колвы у дер. Корепино начаты раскопки Корепинской стоянки. Стоянка располагалась вдоль края I надпойменной террасы, на высоте 7—8 м над уровнем реки. Разрушающийся край стоянки подвергнут раскопкам. Культурный слой прослеживается вдоль берега на протяжении 88 м, а общая площадь его распространения не превышает 120 кв. м. При расширении раскопа в южной части памятника на месте овальной впадины (6×7 м) вскрыто прямоугольное жилище-полуземлянка размерами 4,2×5 м. В центральной части жилища, почти у самого дна, находился округлый грунтовый очаг диаметром около 1,5 м.

С поверхностью жилище соединялось небольшим углубленным выходом. По устройству и размерам это жилище напоминало многочисленные полуземлянки турбинского типа в Среднем Прикамье. Внутри жилища и за его пределами встречены немногочисленные фрагменты керамики, кремневые и каменные орудия, а также отщепы.

Керамика представлена небольшими фрагментами полуяйцевидных сосудов с прямыми или чуть отогнутыми наружу стенками и округло-коническими днищами. Наружная поверхность их украшена горизонтальными рядами вертикальных или наклонных отпечатков, различными зигзагами, треугольниками или флажками, выполненными при помощи зубчатого штампа и неглубоких ямочных вдавлений. Сосуды изготовлены из глины, к которой добавляли песок или шамот, а в некоторых случаях — органические примеси. По орнаменту, характеру обработки поверхности сосудов и примесям керамика разделяется на два комплекса, которые встречаются в Среднем Прикамье на памятниках борского и новоильинского типа (третья четверть II тысячелетия до н. э.).

Из кремневых орудий, встреченных на стоянке, следует отметить небольшие наконечники стрел преимущественно листовидной или ланцетовидной формы, концевые и округлые скребки, изготовленные на отщепах, проколки и ножи, а из каменных орудий — топор, тесла, грузила и шлифовальные плитки. Подобные орудия, как и керамика, обычно встречаются на памятниках Верхнего и Среднего Прикамья, относящихся к началу второй половины II тысячелетия до н. э. Этим же временем можно датировать Корепинскую стоянку. Рядом с ней найдена вторая стоянка, предварительно датированная серединой II тысячелетия до н. э.

В разное время в дер. Аниковской были найдены древние сосуды, два клада серебряной утвари восточного происхождения, один клад восточных монет и серебряных шейных гривен. Удалось установить, что большинство кладов связано с тремя селищами раннего этапа родановской культуры, обнаруженными в дер. Больше-Аниковской на берегу р. Усть-Шугор. На одном из селищ проведены небольшие раскопки. В слое найдены керамика, шлаки, кости животных, бусы, медная серьга, бронзовая пряжка, железные ножи и серебряный саманидский дирхем Насра ибн Ахмада, чеканенный в Шаше в 915/16 г. Селище датируется X в.

Небольшие раскопки проведены на Редикорском городище. Обнаружено несколько очагов, хозяйственных ям и три погребения (одно одиночное и два парных), совершенных в культурном слое. Одно из погребений датируется XIV в. Дата остальных не определена, так как вещей в них не было. Культурный слой в северной части городища датируется второй половиной XIII—XIV в., а все городище — IX—XIV вв.

В 300 м к югу от Редикорского городища у дер. Горбуновой на берегу р. Вишеры обнаружено селище, которое относится к раннему этапу родановской культуры (IX—XII вв.). Рядом с селищем в 1949 г. был найден большой клад дирхемов X в. (216 монет), поступивший в Чердынский краеведческий музей.

РАЗВЕДКИ В ПРЕДКАМЬЕ

Р. Г. Фахрутдинов

Сплошное обследование территории Татарии, ставящее целью создание археологической карты республики, было продолжено в Западном Предкамье, наименее изученном районе. Исследованы бассейны правобережных притоков Камы: Бетьки, Урайки и Суши. Здесь выявлены 22 памятника различного времени: поселения и местонахождения мезолита, бронзового века, I тысячелетия н. э. и раннего средневековья.

Преобладающая часть памятников (14) относится к болгарской культуре, причем большинство из них находятся в бассейне Бетьки и лишь два — в бассейне Суши. Памятники представлены селищами, расположенными на надлуговых террасах рек, или отдельными местонахождениями керамических изделий. Основным датирующим материалом поселений служит раннеболгарская гончарная лощеная (редко — нелощеная) керамика желтого, коричневого, желто-красного, серого и бурого цвета из глины с примесью мелкого песка. Орнамент сосудов из линейных, волнистых и ямочных узоров характерен для домонгольской болгарской керамики. Ранние формы венчиков корчаг, ручки со стилизованными изображениями животных, крышки сосудов с вертикальными ручками, растительная примесь теста также свидетельствуют о домонгольской дате памятников. Собрано немного раннеболгарской лепной посуды серого цвета из глины с примесью толченой раковины и растительности. В нижних слоях Рыбной Слободы обнаружена так называемая кашинная поливная керамика золотоордынского времени. Металлические вещи представлены железными наконечниками стрел, ножами, обломками медных котлов.

Результаты разведки позволяют предварительно предположить, что болгары в домонгольский период заселяли не только правый берег Камы, но и более северную зону Предкамья.

РАБОТЫ ТАТАРСКОГО ОТРЯДА НИЖНЕ-КАМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

А. Х. Халиков, Р. С. Габяшев, Е. П. Казаков, М. Г. Косменко, П. Н. Старостин

Главное внимание Татарского отряда Нижне-Камской экспедиции было уделено исследованию памятников в районе г. Набережные Челны по обоим берегам Камы и у с. Деуково в низовьях р. Ик, левого притока Камы. Основными открытиями экспедиции следует считать Деуковскую мезолитическую стоянку и Набережно-Челнинский и Деуковские

могильники бронзового и раннего железного века. Продолжены также раскопки ранее известных памятников — Кумысской и Деуковской стоянок бронзового века. Кроме того, проведены широкие дополнительные разведки в Челнинском и Мензелинском р-нах. Мезолитическое поселение у с. Деуково Мензелинского р-на находится на левом берегу р. Ик. Культурный слой стоянки залегал в плотной супеси на глубине 25—65 см от поверхности. На 30—40 см глубже, в суглинке, встречены остатки трех жилищ, представлявшие собой пятна культурного слоя, насыщенные углем, костями и кремневыми изделиями. Встречены также очажные пятна внутри и вне жилищ.

На стоянке найдены разнообразные кремневые орудия, комплекс которых характеризуется сочетанием боковых и срединных резцов и орудий позднемезолитических типов: широколезвийных скребков на пластинах и отщепах, топоровидного орудия, обработанного с обеих сторон грубыми сколами, наконечников на мелких пластинах с подправленным ретушью краем. Благодаря хорошим условиям сохранности, в жилищных пятнах найдены наконечники из трубчатых костей и орудие типа долота из трубчатой кости с зашлифованным краем.

Имея аналогии на мезолитических памятниках Поволжья и Прикамья, комплекс орудий стоянки своеобразен и значительно расширяет представление о поздних этапах мезолита Нижнего Прикамья.

Раскопки Деуковской стоянки дали новый интересный материал. В культурном слое вскрыты остатки столбовых и хозяйственных ям. Основную массу находок составляют обломки лепных плоскодонных сосудов с примесями песка, дресвы, шамота и (очень редко) толченых раковин. Большинство сосудов горшковидной формы с прямым или немного отогнутым краем. Встречены также сосуды баночной формы. Поверхность сосудов, как правило, орнаментирована оттисками мелкозубчатого штампа или гребенки, а также прочерченными линиями. Характер орнаментации сосудов довольно разнообразен: косые и равнобедренные треугольники, ряды параллельных каннелюр и зигзагообразных линий, заштрихованные ромбы, вертикальная и горизонтальная «елочка», меандровидные полосы, поперечно заштрихованные, и т. д. Кроме фрагментов сосудов, на поверхности стоянки встречены кружки и заготовки пряслиц.

Основная часть керамики Деуковской стоянки находит широкие параллели в материалах местных памятников Приуралья. Другая часть керамики аналогична посуде срубной культуры.

Интересен Набережно-Челнинский могильник, расположенный в 1,5 км к юго-юго-востоку от г. Набережные Челны на одном из мысов левого коренного берега Камы и частично разрушенный строителями. Раскопками вскрыты восемь погребений и пять ям неопределенного назначения. Все захоронения Набережно-Челнинского могильника совершены в прямоугольных ямах глубиной от 0,4 до 0,9 м. Из восьми захоронений пять детские. Костяки обычно были скорчены на левом боку головой на север или северо-запад и сопровождались лепными сосудами

срубного облика баночной и горшковидной форм. Разрушения, причиненные бульдозером, затрудняют определение характера могильника. Однако радиальность в расположении могил позволяет предполагать, что здесь была группа погребений под одной курганной насыпью.

Раскопками на Кумысской стоянке в одноименном поселке на правом берегу Камы выявлены остатки жилищ земляночного типа, кострища и столбовые ямы, а также собрано большое количество керамики приказанского облика. Здесь же, на территории стоянки, вскрыто коллективное вторичное захоронение позднеприказанского облика, датируемое IX—VIII вв. до н. э.

В 3 км к северо-востоку от с. Деуково на левом берегу р. Ик выявлены два пьяноборских могильника. При раскопках одного из них, названного нами Деуковским II, исследовано 45 погребений. Могильные ямы погребений, глубина которых от 0,3 до 0,7 м, обычно имели нечеткие очертания. В засыпях их встречены угли, а над двумя из погребений — остатки кострищ. В основном умершие вытянуты на спине головой на юго-восток. Часть погребений ограблена в древности. Из обнаруженных вещей можно отметить эполетообразные застежки с одним или тремя жгутами, височные вопросовидные привески, одинарные и двучастные полушария и плоские монетовидные накладки, застежки с неподвижным язычком, ажурные нагрудные бляхи, мелкие железные и костяные трехлопастные и трехгранные наконечники стрел и др. В погребениях женщин нередко встречаются шаровидные, цилиндрические и биконические бусы из синего стекла. Примечательны серебряные штампованные накладки с изображением головок баранов. В одном из погребений обнаружен лепной круглодонный сосуд с примесью толченых раковин в тесте.

Хронологически весь комплекс находок Деуковского II могильника укладывается в III—I вв. до н. э.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАШКИРИИ

Г. И. Матвеева

Археологическая экспедиция Башкирского университета проводила исследования в центральных районах Башкирской АССР. Разведочным отрядом экспедиции были обследованы реки Уршак, Турсугали, Аургаза и Меселька. Открыто 26 памятников, среди которых преобладают поселения срубной культуры.

Наиболее значительные работы были сосредоточены на Улукулевском селище в Кармаскалинском р-не на р. Белой. Культурный слой селища насыщен золой и изобилует находками. Найдено огромное количество фрагментов керамики, железный топор бахмутинского типа, мо-

тыга, жернов, стремя, наконечники стрел, многочисленные пряслица, глиняные бусы, бронзовая и перламутровая подвески.

Сосуды, сформованные из глины с примесью песка и мелкой дресвы, имели высокие прямые или отогнутые наружу шейки, округлые или удлиненные яйцевидные тулова. Большинство сосудов не орнаментировано. Сосуды Улукулевского селища находят аналогии в керамике могильников турбаслинской культуры, особенно близки они сосудам Шареевского могильника, расположенного в 10 км от селища. Шареевский могильник относится к VI—VIII вв. н. э., тем же временем может быть датировано Улукулевское селище. Вещи, происходящие с селища, подтверждают эту датировку.

Материалы раскопок свидетельствуют о том, что кочевые племена турбаслинской культуры, появившиеся в начале V в. н. э. на территории лесной и лесостепной Башкирии, под влиянием местного земледельческого населения перешли к оседлости и познакомились с земледелием. Этот вывод подтверждается результатами возобновленных в текущем сезоне раскопок Имендяшского городища.

На Имендяшском городище исследованы открытые очаги в виде скоплений золы и линз прокаленной глины под ними. Среди вещей, найденных на городище,— серп, ножи, пряслица, костяные наконечники стрел, бронзовые подвески.

Керамика подразделяется на две группы. К первой группе относятся чаши с шейками и без шеек. В глиняном тесте чаш — примесь очень мелкого песка. Часть сосудов орнаментирована треугольными вдавлениями по плечикам или резными ломаными линиями по шейкам. Посуда этого типа была распространена в среднем течении Белой в III—V вв. н. э. Ко второй группе относятся сосуды турбаслинского типа, находящие аналогии в керамике памятников VI—VIII вв. н. э. Улукулевского селища и Шареевского могильника.

Имендяшское городище первоначально было заселено местным земледельческим населением, в среду которого впоследствии влились племена турбаслинской культуры.

Продолжены исследования селищ, расположенных у дер. Романовка близ Уфы. На Романовском VIII селище вскрыто несколько хозяйственных ям. Основную массу вещественного материала составляла плоскодонная керамика с обильной примесью шамота в глиняном тесте, очень близкая к керамике именьковской культуры Поволжья. Имеются единичные фрагменты тонкостенных сосудов с изящным орнаментом, относящихся к кушнаренковскому типу.

На Романовском селище заложен разведочный раскоп и собрана небольшая коллекция пьяноборской керамики с примесью толченой раковины. Чашевидные сосуды орнаментированы круглыми ямками по шейкам.

Вскрыто три кургана Петряевского могильника на р. Уршак. Курганы низкие, оплывшие. Под каждым курганом было от одного до трех

погребений. Костяки лежали в скорченном положении на боку, взрослые — головами на северо-восток, младенцы — на восток. Все погребения, за исключением одного — парного, одиночные. Рядом с костяками стояло по одному или несколько глиняных сосудов горшковидной формы. Погребальный обряд и характер керамики позволяют отнести Петряевский могильник к памятникам бельского варианта срубной культуры.

Произведено исследование единственного уцелевшего от вспашки холма у лесоучастка Убалар в Гафурийском р-не. Холм состоял из золы, в которой встречались фрагменты керамики и кости животных. Найдены глиняное пряслице и сильно сработанное орудие из кости крупного животного, применявшееся для обработки кож. На площадке, где разбросаны холмы, были заложены шурфы, в которых встречались единичные фрагменты керамики. Керамика из холмов и из культурного слоя аналогична керамике Магашского селища и Охлебининского могильника — памятников первых веков нашей эры, представляющих поздний южный вариант кара-абызской культуры. Холм близ лесоучастка Убалар возник, видимо, у большого селища, обитатели которого, согласно своим ритуальным обычаям, золу, разбитую посуду, сломанные или вышедшие из употребления вещи выбрасывали в определенных местах, вследствие чего и образовались холмы.

РАСКОПКИ В НИЗОВЬЯХ БЕЛОЙ

С. М. Васюткин, Н. А. Мажитов, Г. И. Матвеева, А. Х. Пшеничнюк, В. С. Стоколос

Башкирский отряд Нижнекамской экспедиции Института археологии АН СССР начал охранные раскопки памятников, расположенных в зоне затопления Нижнекамской ГЭС.

Были исследованы поселения бронзового века Старокабаново I и II. На первом памятнике в шурфах собрано несколько курмантауских черепков. На втором памятнике вскрыт участок межземляночной площади. Основные находки — керамика. Орнамент помещен в верхней части горшков и состоит из прочерченных или резных треугольников, зигзагов, «елочки», оттисков шнура, косых насечек, ромбов. Иногда по краю или горлу сосуда проходит треугольный в сечении валик. Керамика поселения Старокабаново II сходна с позднесрубной и отчасти с замараевской (черкаскульской).

На селище Какры-Куль исследована часть большого жилища полуземляночного типа с очагом на полу. В одной из стен обнаружен коридорообразный выход, соединявшийся, очевидно, с другим подобным жилищем. В заполнении жилища найдено большое количество керамики,

которая делится на две группы. К первой группе относятся сосуды с высокой прямой шейкой и округлым туловом, которые орнаментированы насечками в виде зигзагов и флажков, а также круглыми ямками. Эти сосуды могут быть отнесены к курмантауской культуре конца бронзового века. Вторая группа представлена невысокими круглодонными сосудами, украшенными по шейке круглыми ямками (пьяноборский тип). На некоторых сосудах ямки сочетаются с оттисками веревочного орнамента, иногда имеется слабо выраженный воротничок. Эта группа относится к ананьинской культуре.

Значительным раскопкам подверглись Уяндыкские I и II могильники и городище, относящиеся к пьяноборской культуре. В могильнике вскрыто 40 погребений очень плохой сохранности. Могилы мелкие, простой конструкции, костяки вытянуты на спине, ориентировка неустойчивая. В могилах найдены наконечники стрел преимущественно из бронзы, височные подвески пьяноборского типа, эполетообразные застежки с одним жгутом, пряжки с неподвижным крючком и другие украшения, датирующиеся ранним периодом пьяноборской культуры. Второй могильник аналогичен первому. В бедном культурном слое городища собрана небольшая коллекция керамики с примесью раковины и круглоямочным орнаментом по шейке.

В Старокабановском могильнике вскрыто 13 погребений. Погребальный обряд и инвентарь этих погребений типичны для могильников раннебахмутинской культуры. Погребенные лежат на дне простых ям в вытянутом положении головами на запад с небольшим отклонением на север. В одной могиле найдены взрослый и детский костяки. В другой могиле в изголовье встречен жертвенный комплекс (гривна и височные подвески). Почти во всех погребениях обнаружены остатки поясных ремней, протянутых вдоль костяков. Кроме того, найдены железные ножи, наконечники копий, проушной топор, наконечники стрел, бронзовый пинцет, бусы и другие вещи. Вблизи могильника осмотрено одноименное городище, которое, судя по керамике, относится к ананьинской и пьяноборской культурам.

Были продолжены раскопки Манякского могильника. Исследовано около 20 погребений, расположенных на значительном удалении друг от друга. Создается впечатление, что над могилами сначала были невысокие земляные насыпи, впоследствии полностью разрушенные при ежегодной распашке. Но полной уверенности в этом нет. Могилы простой конструкции, мелкие. Большинство погребенных лежит головами на север. Материал из могил небогат и представлен главным образом глиняными сосудами кушнаренковского типа. Интересно, что в отдельных погребениях бывает по два-три таких сосуда. Из металлических находок можно выделить поясные наборы, хорошо датирующиеся VII—может быть, началом VIII в. н. э. На основании материалов раскопок мы предполагаем, что могильник оставлен тюркоязычными башкирскими племенами.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮЖНЫХ РАЙОНАХ БАШКИРИИ

А. Х. Пшеничнюх

Продолжая работы по созданию археологической карты Южного Урала, отряд археологов Института истории, языка и литературы Башкирского ФАН СССР основное внимание уделил выявлению и разведочным раскопкам новых и малоизученных памятников. Сплошному маршрутному обследованию подвергнуты территория междуречья Белой и Карламанки в Кармаскалинском р-не, речки Сухайля и частично Меселька в Стерлитамакском р-не, р. Юлатырь в пределах Башкирской АССР. В результате этих обследований выявлено 43 памятника: 31 курганный могильник и 12 селищ срубной культуры.

В пяти вновь выявленных и трех уже известных курганных могильниках произведены небольшие раскопки.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет раннесарматский курганный могильник в Кармаскалинском р-не. Он состоит из 23 земляных насыпей диаметром 18—30 м, высотой 40—80 см и узкой полосой тянется на протяжении более 1 км по верхней распахиваемой террасе левого берега р. Карламанки. Под тремя курганами (2, 3 и 11) выявлено 30 погребений. В расположении могил прослеживается определенная закономерность: в центре кургана одно-два разграбленных погребения, а остальные расположены по кругу вокруг центрального. Могильные ямы, как правило, узкие, глубокие, в нескольких случаях по длинным стенкам четко прослеживаются ступеньки-заплечики шириной 15—20 см с остатками деревянных перекрытий. Костяки вытянуты на спине головой к югу с отклонениями на восток и запад. Сопровождающий инвентарь состоит из глиняных сосудов, костей животных (барана), железных ножей, оружия (железные мечи и кинжалы с серповидным навершием и прямым перекрестием, бронзовые и железные трехлопастные наконечники стрел), украшений (височные кольца, бусы, бронзовые зеркала).

Погребальный обряд и вещевой материал типичны для раннесарматских могильников Южного Урала.

Три сарматских кургана вскрыто в Стерлитамакском р-не: два — в курганной группе у хут. Веселого и один — возле дер. Веденовки. Под каждой насыпью оказалось по одному погребению с очень бедным инвентарем.

В Кумертауском р-не также вскрыто три сарматских погребения: два в кургане 1 Якуповского могильника и одно впускное погребение в Ново-Мурапталовском I могильнике. Вещевой материал также очень беден.

Несколько исследованных курганов относится к срубной культуре. В Стерлитамакском р-не раскопано по одному кургану в Ишпарсовском и Пестровском могильниках. Под большими земляными насыпями (18—26 м) оказалось по одному погребению со скорченными костяками и с

глиняными сосудами срубного типа. Возможно, к срубной культуре относится основное разграбленное погребение в кургане Ново-Мурапталовского I могильника. Судя по сохранившимся в анатомическом порядке костям ног ниже колен, покойник был погребен в скорченном положении на правом боку головой на восток. Кости обильно посыпаны красной охрой. Вещей нет.

В Кумертауском же р-не раскопан один из двух курганов возле дер. Максимовки. Под небольшой (6 м) насыпью оказалось одно погребение. Могила вытянутой формы по дну обложена деревом (сруб в один венец?). Костяк лежал на спине, ноги подогнуты в левую сторону, голова обращена на север. Из вещей найдена лишь одна маленькая бронзовая розетка.

ЮЖНО-УРАЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Г. Н. Матюшин, С. В. Ошибкина,
В. С. Стоколос, Э. А. Федорова-Давыдова

Четыре отряда экспедиции, организованной Институтом археологии АН СССР и Челябинским краеведческим музеем, работали на территории Башкирской АССР, Челябинской, Курганской и Кустанайской областей.

На территории Челябинской обл. обследовано высокогорное оз. Зюрат-Куль. Зажатое со всех сторон хребтами Уреньги, Москальчик, Зюрат-Куль и Нургуш, озеро лежит в труднодоступном горном районе в центре Южного Урала. В 30—40 км от Зюрат-Куля берут начало почти все крупные реки Южного Урала — Урал, Белая, Юрюзань, Ай. Из озера вытекает и приток Ая Большая Сатка. На берегах Зюрат-Куля на высоте более 720 м от уровня моря обнаружено девять стоянок. На мысу Долгий Ельник раскопки выявили остатки мезолитической стоянки. Находки залегают в суглинке. Найдена серия геометрических микролитов. Преобладают трапеции асимметричной формы с боковыми выемками, вытянутые треугольники, острия, резцы и другие изделия. Несмотря на своеобразие отдельных микролитов, в целом они идентичны материалам янгельской мезолитической культуры Южного Урала и сходны с геометрическими микролитами раннемезолитических памятников Прикаспия. Здесь же, на обнажившемся после спуска воды дне озера, обнаружены остатки неолитического поселения. Найдены скопления керамики, скребки, топоры, тесла, наконечники стрел и копий с двусторонней обработкой, нуклеусы, ножевидные пластины. В некоторых местах обнаружены скопления крупных каменных грузил, свидетельствующих о ловле рыбы в неолите большими сетями.

Редкой для Урала находкой является серия наконечников стрел кельтеминарского типа.

Шлифованные каменные топоры, тесла, двусторонне обработанные орудия из яшмы вместе с керамикой позднеолитического облика найдены при раскопках на каменном мысу Зюрат-Куля. Гребенчатый орнамент на сосудах здесь в отличие от керамики Долгого Ельника образует более сложные геометрические композиции. В слое позднего бронзового века обнаружена кладка из камня, ограничивающая прямоугольные площадки (жилища?). На поверхности найдены обломки керамики андроновского типа.

Большинство изделий на стоянках Зюрат-Куля изготовлено из многоцветной, преимущественно сургучно-зеленой яшмы. В районе оз. Зюрат-Куль выходов яшм нет. Вероятно, сырье для изготовления орудий доставляли сюда за сотни километров из зоны яшмового пояса. Интересно, что изделия из яшмы, распространяясь далеко на восток, север и юг, почти не проникают в Западное Приуралье. Судя по распространению изделий из яшмы, граница между племенами восточного и западного склонов Урала в неолите проходила в верховьях Белой (стоянки Кага и Бельская) и в среднем течении Ая, причем по Аю они продвигались дальше, чем где-либо на западном склоне Урала. Даже в низовьях Ая встречаются поселения, где около 20% орудий изготовлено из яшмы. Возможно, что это объясняется прямой связью оз. Зюрат-Куль с р. Ай.

В зоне яшмового пояса продолжались раскопки поселений каменного века на оз. Суртанды (Щучье) вблизи Магнитогорска. На поселении Суртанды 7 удалось проследить довольно четкое стратиграфическое чередование памятников каменного века. Внизу, в суглинке, найдены геометрические микролиты и другие изделия мезолитического облика. Выше залегал слой неолитического времени с прочерченной керамикой. Его перекрывал слой с изделиями из камня с двусторонней обработкой и гребенчатой керамикой.

На поселении Суртанды 8 одним раскопом площадью в 418 кв. м впервые вскрыт почти полностью весь поселок позднего неолита. Он состоял из шести жилищ. Одно из них — землянка с тамбуром, вырубленная в камне до глубины 1,5—1,7 м, с остатками столбовых ям диаметром до 40—50 см. В глубине землянки замечены следы долговременного очага (мощный зольник), а у входа — менее мощных очагов. Два жилища служили мастерскими. В центре их были крупные наковальни, а вокруг них — много заготовок орудий и отходов производства. Три жилища незначительно углублены в землю и сохранили следы очагов. По-видимому, они представляют собой остатки сезонно обитаемых (летних) жилищ.

В пространстве между жилищами скальные выходы образуют относительно ровную, возможно, преднамеренно сглаженную каменистую площадку. Находки в пространстве между жилищами очень редки, в то время как в отдельных жилищах их число доходит до 10—16 тыс. Преобладающая часть инвентаря на поселении — орудия из яшмы и кремня и отходы их производства. Судя по керамике и другим материалам, все

жилища поселка относительно одновременны. В жилищах встречены кости крупного рогатого скота, лошади, лося.

На оз. Карабалыкты вскрыта вторая часть поселения Мысовое. Поселение неолитического времени состояло из двух жилищ площадью около 100 кв. м каждое. Одно из них долговременное (основное) жилище с мастерской (в жилище найдено более 35 тыс. изделий из камня и керамики), а другое, судя по меньшему количеству находок (около 5,5 тыс. экз. на ту же площадь), аморфным очертаниям, отсутствию долговременных очагов и т. п., было более кратковременным, сезонным (летним?). Состав находок в обоих жилищах идентичен.

Исследование поселений Суртанды 8 и Мысовое впервые дает представление о полном комплексе жилищ в период развитого и позднего неолита. Впервые удалось проследить три различных типа жилищ: землянки, мастерские и легкие сооружения (летние жилища).

РАБОТЫ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

С. А. Попов

Экспедиция Оренбургского областного музея проводила исследования на территории совхоза имени Свердлова (р. Бузулук, Тоцкий р-н). Разведками предшествующих лет были зарегистрированы две курганные группы и следы обжигательной печи. Экспедиция раскопала четыре кургана в группе 1, расположенной на выгоне, рядом с усадьбой совхоза, и остатки обжигательной печи. В раскопанных курганах оказалось 11 погребений: одно — ямной культуры, остальные — сарматские, прохоровского и позднесарматского времени.

Ямное погребение было основным в массивном кургане (высота 1,50 м, диаметр 28 м). Оно было совершено в глубокой прямоугольной яме, ориентированной в широтном направлении (глубина могилы 4,75 м). На дне могилы лежал на спине костяк пожилого человека головой на восток, с подогнутыми в коленях ногами, упавшими в правую сторону. На костях, особенно в области груди, таза, бедренных костей, на кистях рук сохранились следы красной охры. На мизинце левой руки находилось костяное кольцо. С правой стороны около колен лежала нижняя челюсть барана (?).

Среди сарматских погребений преобладали детские и женские. Два погребения (детское и женское) были совершены в катакомбах. Один женский костяк лежал в своеобразном гробу из продольных и поперечных плах. Погребение в гробу было покрыто древесной корой. Могильный инвентарь сарматских погребений беден и малочислен. Заслуживают внимания две находки: подвеска-амулетик из голубоватой смальты с изображением лежащего льва, найденная в могиле девочки-подростка,

и глиняный сосуд, изготовленный на гончарном круге, вероятно хорезмийского происхождения, найденный в другой женской могиле.

Обжигательная печь была сооружена в вырытой в обрыве старицы Бузулука яме из крупных плоских обожженных кирпичей размерами 6×30×30; 6×15×30; 6×12×30 см. Она имела сводчатое строение. Высота свода от пода печи составляла 1,40—1,50 м; внутренние размеры печи — 2,50×5,20 м. Внутреннее пространство печи разделялось продольной стенкой. Стенки сохранились почти на высоту 0,40—1 м. В двух продольных стенках заметны следы узких продушин или колосников для выхода дыма. Никаких вещей при раскопках не обнаружено.

В курганной группе 2 имеются три курганных возвышения, поверхность которых сплошь покрыта обломками обожженного кирпича такого же типа, из каких сложена печь. Сообщение оренбургского историка XVIII в. П. И. Рычкова об остатках «развалившихся мечетей» по Бузулуку позволяет отнести исследованную печь к ногайскому или даже позднезолотоордынскому времени (XV—XVI вв.).

СЕВЕРНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

О. Н. Бадер

В составе северной палеолитической экспедиции работали два отряда: Уральский и Жигулевский. Одновременно с основными задачами экспедиция выполняла задания Пермского областного управления культуры, Куйбышевского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Куйбышевского областного музея краеведения.

На Урале работы экспедиции сосредоточились в северо-восточных районах Пермской обл. и в Южной Башкирии. Были продолжены начатые Е. П. Близнецовым обследования пещер по Чаньве и Яйве. В пещерах Тайн, Черные Кости и Стадника (Пещера подземных охотников) были произведены рекогносцировочные раскопки. Явные следы палеолита, исключая обильные остатки плейстоценовой фауны, не обнаружены.

В гроте Близнецова на Чаньве вскрыта площадь 52 кв. м в самом гроте, между крупными блоками известняка, обвалившегося в свое время с потолка, а также в рекогносцировочной траншее, с помощью которой была сделана попытка подойти к культурному слою стоянки со стороны склона перед пещерой; эту попытку нельзя считать удачной. Культурный слой в гроте располагается на различных уровнях каменистого пола, заваленного крупными камнями. Зафиксированы отдельные скопления углей от кострищ. Во время раскопок определены кости мамонта, зубра, дикой лошади, северного оленя, песца.

Кремневый инвентарь насчитывает около 300 предметов, среди которых имеется серия одноплощадочных и косоплощадочных нуклеусов, скребки и резцы. В целом кремневый инвентарь имеет хорошо выраженный верхнепалеолитический облик.

Закончены раскопки грота Столбового на Усьве. Кремневые предметы единичны, но коллекция фауны пополнена значительно. Выяснилось, что в период первого заселения грота он имел значительно меньшую площадь. Постепенное расширение площади грота можно связать с крупными климатическими колебаниями, происходившими на протяжении верхнего плейстоцена.

На р. Большой Ик в Башкирии продолжены раскопки Мурадымовской пещеры, давшие очень незначительный материал.

Поиски палеолита в пещерах Жигулей имеют цель хотя бы частично ликвидировать белое пятно на карте палеолитических памятников на Средней Волге. Помимо рекогносцировочных работ произведены пробные раскопки двух пещер. В одной из них, находящейся у дер. Шелехметь, раскопки доведены до глубины 2,5 м и оставлены до будущего года из-за оказавшихся на дне раскопа больших каменных блоков.

В средней из трех пещер братьев Греве на Сокольских горах вскрыта площадь 64 кв. м и доведена до глубины 6 м, но скалистое дно пещеры все еще не обнаружено. Интересная и сложная стратиграфия отложений этой пещеры позволяет ориентироваться в отложениях жигулевских пещер вообще и в частности связать с определенным горизонтом слоев в этой пещере отложения на дне грота Шелехметь.

Во втором слое пещеры Греве, состоящем из коричневого пещерного суглинка, в яме, вырытой в третьем слое белой известняковой крошки, на глубине около 1,5 м от поверхности обнаружены три очажных горизонта с хорошо сохранившимся углем и немного костей животных. Плейстоценовый возраст этих остатков, в котором вряд ли можно сомневаться, будет проверен радиокарбоновым анализом образцов угля.

СТОЯНКИ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. Ф. Каховский

В среднем течении р. Большой Цивиль в Чувашской АССР открыты стоянки неолитического времени.

Стоянка Челкасы I расположена на восточной окраине одноименной деревни, занимает склон поля, спускающегося к влажной низине. Площадь поселения определяется по собранному подъемному материалу в пределах 100×150 м.

В центральной части стоянки заложены два раскопа по 100 кв. м. Открыты две полуземлянки прямоугольной формы, опущенные в мате-

рик на 60—70 см. Одна из землянок имела размеры 5,60×5,00 м, другая — 3×4 м. По углам жилищ замечены следы массивных столбов, которые поддерживали крышу. В центре полуземлянок находились очаги. Обе полуземлянки были связаны общим крытым переходом, от которого сохранились следы в виде полос древесного тлена.

При раскопках на поселении найдены обломки толстостенных сосудов с примесью толченой раковины и растительной трухи в тесте, кремневые отщепы, наконечники стрел, нуклеусы. Разнообразный орнамент посуды выполнен гребенчатым штампом, образующим зигзаги и пересекающиеся линии, овальными ямками и коротким зубчатым штампом.

На холме, расположенном восточнее стоянки, открыт могильник того же времени. Костяки лежали в вытянутом положении в неглубоких ямах головой на восток с небольшим отклонением к северу, лицом вверх. В погребениях найдены медные пластинки, браслеты, один круглодонный сосуд, орнаментированный овальными ямками (погребение 3), кремневые ножи (погребение 1).

Стоянка и могильник могут быть отнесены к волосовской культуре (толстостенные круглодонные сосуды с гребенчатым штампом; полуземлянки прямоугольной формы, связанные общими проходами; погребальный обряд) и датированы концом III — началом II тысячелетия до н. э.

В этом же районе разведками открыты еще две стоянки волосовской эпохи.

Стоянка Челкасы II расположена на берегу оз. Рагш, в 2 км к востоку от первой стоянки. Площадь ее 100×120 м. На распахиваемой поверхности поля найдены многочисленные обломки толстостенной посуды, покрытой гребенчатым штампом, а также кремневые отщепы.

Стоянка Юндаба расположена на левом берегу р. Большой Цивиль, в 2 км к востоку от дер. Кушар Юндаба (Вурнарский р-н). Площадь стоянки, занимающей плато мыса, составляет около 3000 кв. м. На поверхности найдены кремневые отщепы, обломки лепной толстостенной посуды с примесью растительной трухи и толченой ракозины в тесте.

РАБОТЫ АСТРАХАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

А. Н. Мелентьев

Прикаспийский отряд Астраханской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР совместно с Волгоградским областным отделом культуры и Астраханским областным краеведческим

музеем продолжал обследование северного и северо-восточного Прикаспия в пределах Астраханской и Гурьевской областей.

Маршруты отряда прошли от низовьев Волги по южной половине пустыни «Рын-пески», по степным и полупустынным районам Урало-Эмбинского междуречья в направлении Гурьев — Доссор — сухая дельта р. Сагиз и далее за р. Эмбу через поселки Кульсары и Косчагыл вдоль кромки западного чинка плато Усть-Юрт до песков Сам. Одной из целей обследования являлось установление зависимости в размещении памятников от орографических условий Северного Прикаспия и особенно выявление локальной топографии памятников неолита — бронзового века в зоне пустыни.

Наиболее результативные исследования произведены с западной стороны пустыни «Рын-пески» в урочищах Шошкалы и Ессикей и близ соленых озер Кубек и Байга-Сор; с южной — в урочище Сазды, у оз. Ата-Куль и в локальных песках к северу от колхоза имени Кирова; с восточной — неподалеку от сора Асан-бай в урочище Комбукта; в междуречье Урала и Эмбы — на стоянке Бекбеке I и III, на плато Усть-Юрт — в песках Сам около пос. Сам I и на барханной гряде, расположенной между поселками Сам 2 и Бейнау.

Разведкой открыты памятники почти всех периодов от раннего неолита до позднего средневековья. Наиболее полно и выразительно представлены материалы по неолиту. Значительное количество находок собрано в барханных и бугристых песках по котловинам выдувания и на обнаженных участках коренных пород. Обнаружены однослойные комплексы.

Предварительно можно наметить разделение территории Северного и Северо-Восточного Прикаспия в неолите на две зоны. В Урало-Эмбинском междуречье и в песках Сам встречаются преимущественно находки кельтеминарского типа. Однако в отличие от культуры Кызылкумов керамика включает орнаментированные горшки с четко оформленным плоским днищем. К западу от р. Урал распространены памятники, для кремневого инвентаря которых характерны геометрические микролиты (небольшие сегменты) с двусторонней обработкой и реже трапеции. В ареал этих памятников входят вся территория Волго-Уральского междуречья, Нижнее Поволжье и степные районы Предкавказья. Помимо этого в междуречье Волги и Урала намечается еще одна группа неолитических памятников с иной традицией в обработке и формах кремневых орудий. Хронологическое соотношение той и другой группы памятников пока недостаточно ясно.

Бронзовый век представлен в основном находками керамики на местах поселений. В целом глиняная посуда этого периода характеризуется разнообразием форм, размеров и орнаментации, что затрудняет ее типологическую классификацию. Более четко выделяются лишь небольшие серии сосудов, близких к сосудам древнеямной и срубной культур и к керамике полтавкинского типа. Разведка минувшего сезона уточнила

западный предел алакульской культуры (алакульский этап андроновской культуры): керамика этого типа встречена только к востоку от р. Урал в дельте Сагиза и в песках Сам на плато Усть-Юрт. Неожиданной была находка фрагментированных сосудов, близких керамике карасукской культуры Енисея и посуде Тагискена. Они встречены в двух пунктах: у зимника Караузек и оз. Ата-Куль и приволжской части пустыни «Рын-пески».

Подавляющее большинство памятников неолита и бронзового века приурочено к берегам соров, представляющих собой, по-видимому, остатки крупных пресных водоемов, соединенных в древности русловыми протоками в сложную разветвленную водную систему. Характерно, что отдельные памятники неолита — раннего бронзового века покрыты отложениями новокаспийской трансгрессии.

РАБОТЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

В. С. Стоколос

Полевые работы Башкирского ФАН СССР в Зауралье шли на территории Башкирии и Челябинской обл. Разведка охватила правобережье р. Урал от с. Янгельского до с. Богдановского и берега р. Зингейки — притока Урала. Открыто 36 памятников разного времени — от каменного века до железного. Это стоянки с каменным инвентарем (некоторые без керамики), поселения бронзового века, курганные группы и одиночные курганы.

На р. Зингейке интересна стоянка Заря с каменным инвентарем (отщепы, пластины) и отчетливо видными жилищными впадинами. Она находится в 100 км к востоку от ближайших из открытых Г. Н. Матюшиным озерных стоянок каменного века. Наиболее южными по отношению к последним памятникам оказались две стоянки с каменным инвентарем (отщепы, скребки, пластины, нуклеусы) на правобережье р. Урал у с. Богдановского. Район, где встречаются памятники каменного века в Зауралье, значительно расширился.

Поселения бронзового века по Уралу и Зингейке имеют по нескольку жилищных впадин до 20 м в поперечнике, богатый, как правило, культурный слой с алакульской или срубно-алакульской керамикой и костями животных. Отметим поселение Кизыльское (р. Урал) на берегу старичного озерка. Древний поселок с несколькими жилищными впадинами имеет опоясывающий его невысокий (до 20 см) расплывшийся вал шириной 4—5 м.

Раскопки велись на поселении Лебединое II (р. Бахта, бассейн р. Урал) и расположенном рядом курганном могильнике. Вскрыт уча-

сток межземляночной площади с материалами позднего бронзового века и три кургана с 16 погребениями того же времени. Культурная принадлежность курганов и поселения предварительно устанавливается как срубно-алакульская.

В предгорьях Урала на р. Малый Кизыл у с. Туишево раскопаны шесть курганов Туишевского могильника. Под насыпями найдено 25 могил срубной культуры. Погребенные ориентированы преимущественно на север иногда с отклонениями. Керамика имеет характерные черты посуды срубной культуры, иногда алакульские признаки. Некоторые погребения обложены крупными камнями. Кольцевые кладки из крупных глыб есть и на нескольких нераскопанных курганах этого могильника.

ПО ДРЕВНЕУРАЛЬСКИМ РУДНИКАМ

Е. Н. Черных

Группа по обследованию древних уральских рудников продолжала рекогносцировочные исследования медных месторождений. Маршрут начинался от юго-востока Оренбургской обл., проходил по всему Зауралью вплоть до Нижнего Тагила на севере и Златоуста на западе. Основной целью группы по-прежнему был сбор окисленных медных минералов и их спектральный анализ для определения геохимической картины руд. Кроме того, выборочно проводились археологические разведки в окрестностях некоторых месторождений, безусловно эксплуатировавшихся в древности (Таш-Казган, Никольское, Поляковка в верховьях р. Уй).

Всего было обследовано более десяти месторождений, из которых упомянем Еленовское, Таш-Казган, Никольское, Поляковку, Кичигинское, Медногорское, Соймоновское, Сугурское, Гумешевское и Медноруднянское. Ряд месторождений, упомянутых в архивах в качестве медных и к тому же разрабатывавшихся до прихода на Урал русских (Свято-Чудовское, Пышминское, Зюзельское), пришлось исключить из списка таковых. Они не содержали достаточного количества окисленных медных минералов.

Рекогносцировочно обследовано место древних плавилен на горе Думной рядом с известнейшим Гумешевским месторождением. Собрана богатая коллекция образцов меди, шлаков и руд, которая позволит изучить технологию древнего металлургического процесса на Среднем Урале.

ИССЛЕДОВАНИЯ АНДРОНОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

В. Ф. Генинг, Е. И. Морев, Т. Н. Чебахова

В Южном Зауралье Челябинский отряд экспедиции Уральского университета продолжал исследования районов строительства гидротехнических сооружений. На р. Синташта в Брединском р-не обнаружены два поселения каменного века и два поселения с типичной андроновской керамикой, а также две курганные группы. В Октябрьском р-не на левом берегу р. Уй между поселками Березовский и Петровский открыты три андроновских поселения и, по-видимому, могильник, частично размытый рекой. На осыпи здесь найдено несколько андроновских сосудов и прекрасный вислообушный топор с высокой шишкой на обухе.

У с. Сарафанова Чебаркульского р-на раскопано андроновское поселение со сравнительно небогатым культурным слоем. Обнаружено несколько хозяйственных ям. Среди находок можно отметить заготовки талькового камня для литейных форм, капельки и литничкн меди.

У с. Миасского в Красноармейском р-не начаты раскопки могильника, частично уже разрушенного строительными работами. Пока не удалось установить, были ли над захоронениями курганные насыпи. Раскопом вскрыта площадь в 360 кв. м, на которой обнаружено 24 погребения. Все захоронения находятся в ямах прямоугольной формы, различных размеров и с разной ориентировкой. В нескольких могилах четко прослеживались трупоположения, скорченные на левом боку. Кое-где еще сохранились остатки древесной обкладки по краям могильных ям.

В двух погребениях найдены украшения: два желобчатых браслета, одна пластинчатая и одна очковидная подвески. Чаще встречались произки и бусы из меди и пасты. В могильных ямах обычно стоит от одного до четырех сосудов.

В целом, судя по керамике, могильник может быть отнесен к алакульскому этапу андроновской культуры.

У с. Миасского раскопан курган, по-видимому, раннего железного века. Под насыпью обнаружены остатки трех погребений. Погребение 1 было сильно разрушено грабителями, в нем не сохранилось никаких вещей. В погребении 2 костяк был вытянут на спине головой на северо-запад, по краям могилы сохранился древесный тлен. В погребении 3 умерший находился в деревянной колоде и лежал в вытянутом положении на спине головой на север.

За колодой у ног погребенного найдены глиняный горшок и остатки черепа человека. Возможно, это связано с каким-то обрядом человеческих жертвоприношений.

МОГИЛЬНИК ФЕДОРОВСКОГО ТИПА ТУКТУБАЕВО

Е. Е. Кузьмина

Среди нерешенных проблем археологии бронзового века евразийской степи одной из основных является установление хронологической позиции памятников федоровского типа. Они не содержат датирующих металлических изделий или импортных вещей, поселения с вертикальной стратиграфией неизвестны, а подсчеты процентного соотношения типов керамики на разных поселениях или по глубинам и внутри жилищ на одном поселении допускают различную интерпретацию полученных данных. В этих условиях первостепенное значение приобретает попытка датировать федоровские памятники радиоуглеродным методом. Поэтому Еленовский отряд поставил задачу найти образцы дерева в федоровских погребениях.

Нами и Е. И. Моревым было произведено обследование местоположения известных федоровских могильников и установлено, что сотни курганов челябинской группы уничтожены, в том числе могильники Федоров I, II, Сосновка I, II, III, Черняки I, II, III, IV, V, Кулукаево, Байгазино, Бишкиль. Уточнена топография раскопанных в 1906—1924 гг. могильников Смолино I, II, III и установлено, что все адроновские курганы были окружены каменным кольцом и иногда содержали по два погребения, о чем в литературе сведений нет.

Отряд произвел раскопки шести сооружений в могильнике Туктубаево Сосновского р-на Челябинской обл. Могильник находится на правом берегу р. Миасс, выше впадения р. Бишкиль, и состоит из 33 курганов, из которых 19 имеют диаметр 8—16 м и высоту 0,15—0,3 м, а остальные отличаются большими размерами: диаметр 18—40 м, высота обычно более 1 м. Все курганы имеют земляную насыпь с плоской вершиной и крутым северным склоном и часто вытянуты с запада на восток. Под насыпью всегда расчищается каменное кольцо, сооруженное разными способами: 1) плиты вкапывались на ребро, и внутри кольца возводилась насыпь; 2) камни выкладывались в несколько рядов по подошве уже возведенного кургана. Открыты неизвестные ранее в Приуралье типы намогильных сооружений: в кургане 11 — сплошная плоская каменная вымостка внутри вытянутого с запада на восток кольца, в кургане 26 — сложная конструкция пристройки дополнительных колец и подсыпки насыпи над четырьмя последовательно совершенными захоронениями, основное из которых окружено кольцом цистовой кладки. Раскопаны два малых кургана с одиночными погребениями и четыре больших, из которых один содержит одну могильную яму, один — две, один — три и один — четыре. Ямы грунтовые размером от 1,6×1 м до 2,3×2 м, ориентированы на запад, перекрыты деревянным накатом и часто укреплены деревянными плахами. В кургане 33 открыт каменный ящик цистовой кладки, скрепленной деревянным срубом в один венец.

Все погребения совершены по обряду трупосожжения, иногда неполного. Инвентарь могил крайне беден: в западной части стоит по одному-два горшка, в юго-восточной части в четырех могилах — глиняные блюда (одно — с пеплом), иногда ребро лошади или барана.

Керамика федоровского типа представлена горшками с округлым плечиком, иногда с поддоном и наплывом под венчиком, обычно по плечику нанесен орнамент сложных раппортов, а по венчику — косые треугольники, выполненные зубчатым штампом. Встречены также горшки с каннелюрами и более грубые сосуды с елочным узором и поперечно заштрихованным зигзагом гладкого штампа. Совместные находки в единых погребальных комплексах керамики разных типов доказывают относительную синхронность всех исследованных погребений.

Чтобы определить точное время, когда были совершены захоронения в могильнике Туктубаево, дерево из раскопок передано для анализа по C_{14} в несколько лабораторий, что позволит прокорректировать полученные серии дат.

ПАМЯТНИК АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОРДОВИИ

П. Д. Степанов

Археологическая экспедиция Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР продолжала изучение памятников у с. Старое Ардатово Ардатовского р-на. Был раскопан курган 2, расположенный в непосредственной близости от кургана 1. Диаметр его 32 м, высота 0,7 м.

Раскопки велись при помощи бульдозера с последующей зачисткой. Насыпь кургана состояла из чернозема. В насыпи ничего не обнаружено.

После снятия насыпи в центре кургана выявилось темное пятно могилы длиной 6 м и шириной 2 м. По краям пятна были обнаружены слабые следы глиняного выкида. Под пятном оказалась неглубокая — 0,56 м от уровня погребенной почвы — могила прямоугольной формы, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад. Отмечены следы лубяного перекрытия.

На дне могилы оказались остатки семи погребенных, обращенных головами к юго-востоку. Умершие были положены на спину, ноги свалились налево. Сохранились только некоторые крупные кости ног, от верхней же части туловища остались желтые бесформенные пятна.

У пяти умерших в ногах обнаружены раздавленные сосуды, у одного сосуд лежал на уровне плеча. У трех костяков найдены бронзовые поделки: спиральные колечки и браслет.

Обломки сосудов настолько мелкие, что почти не поддаются склейке. У четырех сосудов невысокая шейка отогнута наружу. Днища круг-

лые или уплощенные. На трех сосудах по краю нанесен орнамент — подобие защипов. На шейках — елочный орнамент, переходящий иногда на плечики. В одном случае на плечиках встречен орнамент типа канелюр, ниже которого зигзаг из двух параллельных линий и мелкие ямки. Большой интерес представляет небольшой сосудик с лощеной поверхностью, имевший две ручки, с елочным орнаментом на шейке и на плечиках.

Толщина стенок сосудов колеблется в зависимости от их величины. Но у всех сосудов шейка и плечики более толстые, а бока и придонная часть более тонкие.

Состав глиняного теста однообразен — с примесью шамота или толченой раковины. Обжиг варьирует от темно-коричневого до светло-коричневого цвета снаружи; внутри — черный. Обжиг слабый, и черепок непрочный.

Вся найденная керамика по форме, обжигу, составу теста, орнаменту должна быть отнесена к абашевской культуре бронзового века. Ближайшие аналогии можно указать в курганах Чувашии (Алгаши, Тауш-Касы, Пикшик). Аналогии к сосудику с ручками мы пока не обнаружили.

Характерны для абашевской культуры также тип захоронения, ориентировка умерших, глубина могилы. Бронзовые поделки имеют полные аналогии во многих погребениях абашевской культуры.

Раскопанный курган является самым южным по отношению к центрам абашевской культуры на правобережье Волги.

Погребение в кургане напоминает погребение Пепкинского кургана, раскопанного А. Х. Халиковым в Марийской АССР, где также было коллективное захоронение воинов. Судя по отсутствию «мужских» вещей в могиле, можно думать, что в ней были захоронены женщины. Два погребения принадлежали подросткам с молочными зубами.

Датировка правобережных абашевских памятников предложена А. Х. Халиковым. Он говорит о конце XV и начале XIV в. до н. э. Эта дата соответствует и исследованному памятнику.

НОВО-ЛИПОВСКИЕ КУРГАНЫ

Е. К. Максимов

Экспедиция Саратовского областного музея краеведения проводила исследования в Заволжье, в бассейне р. Большой Караман. Основные работы были сосредоточены на раскопках курганной группы у с. Ново-Липовка Советского р-на Саратовской обл. Группа расположена на правом коренном берегу Большого Карамана в 1 км к северо-востоку от села. Часть курганов находится на пахотном поле, где еще заметны отдельные насыпи, другая — на выгоне, на котором раскопано 29 кур-

танов, кроме господствующего над группой большого кургана диаметром 45 м и высотой до 3 м. Остальные насыпи небольшие, расплывшиеся по направлению к югу, в большинстве диаметром 18—20 м при высоте 0,20—0,40 м.

Самые древние в распаханных курганах погребения относятся к срубной культуре. Эти погребения послужили основой курганной группы.

Наиболее многочисленны памятники сарматской культуры. Для сарматских погребений характерны прямоугольные и квадратные подбойные могильные ямы. Несколько погребений встречено в насыпи. Почти половина сарматских погребений оказалась разрушенной в древности. Особенно жестоко пострадали захоронения в квадратных ямах.

Из 32 сарматских погребений 15 находились в квадратных могильных ямах. Обряд захоронения в этих могилах довольно устойчив: мощное деревянное перекрытие, интенсивная меловая посыпка дна ямы, положение погребенного по диагонали могилы головой преимущественно на юго-запад.

Погребальный инвентарь диагональных погребений довольно разнообразен и гораздо богаче, нежели в погребениях других типов. Оружие представлено кинжалами с кольцевидным навершием и железными трехлопастными черешковыми наконечниками стрел. Значительную часть находок составляет импортная керамика: красноглиняные и серолощеные кувшины типа ойнохой, чернолощеные кринкообразные кувшины с ручкой, шаровидные сосуды с небольшими петлевидными ручками и другие. Вся эта керамика хорошо известна в сарматских памятниках Нижнего Поволжья и Украины, куда она попадала из северопричерноморских городских ремесленных центров. Найдены кубкообразные кувшинчики с ручками, особенно характерные для меотских захоронений Прикубанья. Лепная керамика в основном состоит из больших цилиндрических и маленьких курильниц.

Обнаружены разнообразные по форме и объему мраморные туалетные сосудики и флаконы. Особенно интересен один из них с зооморфной ручкой. В состав бытовых предметов и украшений входят бронзовые зеркала, пряслица из глины и мрамора, стеклянные пастовые и хрустальные бусы и т. д.

Обряд захоронения и могильный инвентарь диагональных погребений позволяют выделить их в отдельную группу, возможно и этническую, стоящую значительно выше в социально-экономическом отношении по сравнению с общим сарматским массивом.

Исследованы обычные сарматские подбойные могилы. В некоторых могилах дно подбоя вырыто ниже дна входной ямы. Иногда в яме вдоль длинной стенки устроена ступенька. Наблюдается меловая посыпка дна могилы, положение частей барана в качестве заупокойной пищи. Ориентировка погребенных южная и юго-восточная. Могильный инвентарь довольно беден. Предметы вооружения — кинжалы, наконечники стрел —

представлены единичными находками. Из керамики найдены два сосуда и одна чернолощеная миска. Из остальных предметов интересно бронзовое массивное зеркало с валиком по краю и умбоном в центре диска. На штырь рукояти надета костяная орнаментированная ручка тщательной выделки.

Сарматских захоронений в могилах прямоугольной формы раскопано несколько. Ямы, как правило, перекрыты деревом. Положение в могилу кусков мела или его посыпка не прослежены. Погребенные обычно вытянуты на спине головой к югу, реже к юго-западу. Инвентарь представлен главным образом глиняными лепными сосудами местного производства.

Ново-Липовка Саратовской области. Бронзовое зеркало с костяной ручкой из сарматского погребения

Несколько отличается по инвентарю полностью разрушенное погребение в широкой прямоугольной яме, в засыпи которой попались мелкие обломки римского кованого котелка с железным ободом по краю и золотое украшение, сделанное из витой проволоки, оброненное, видимо, грабителями.

Следует отметить в ново-липовских сарматских погребениях лепные сосуды, крашенные красно-оранжевым ангобом или краской. Появление такой керамики у сарматов Поволжья скорее всего объясняется их связями с населением Средней Азии.

По обряду захоронений, керамике, бронзовым зеркалам и другим находкам сарматские погребения в курганах у с. Ново-Липовки можно датировать первыми веками нашей эры.

В одном кургане в узкой и глубокой прямоугольной яме обнаружено погребение кочевника XIII—XIV вв.

НОВЫЕ РАСКОПКИ ПЬЯНОБОРСКОГО МОГИЛЬНИКА НЫРГЫНДА II

В. Ф. Генинг, В. В. Одинцов

Удмуртский отряд Нижне-Камской экспедиции, организованный Уральским университетом, исследовал в нынешнем сезоне памятники ананьинского и пьяноборского времени в зоне затопления Нижне-Камской ГЭС.

Наиболее крупные работы проведены на пьяноборском могильнике Ныргында II у одноименной деревни Каранулинского р-на Удмуртской АССР. В 1898 г. А. А. Спицын вскрыл здесь 36 погребений, а в 1954 г. Удмуртская экспедиция под руководством В. Ф. Генинга — еще 34. Новыми раскопками продолжено вскрытие площади в южной части могильника.

На площадке могильника вновь собраны предметы позднего бронзового века. Это преимущественно обломки плоскодонных горшков с «воротничками» и валиками по шейке и узорами в виде флажков, «елочек», зигзагов. Найдены кремневый наконечник стрелы и скребок.

Погребения могильника находились в могильных ямах прямоугольной и реже овальной формы на глубине от 25 до 110 см. Но глубокие захоронения все же единичны.

Костяки были вытянуты на спине головой на восток, часто на востоко-северо-восток. Руки обычно вытянуты вдоль тела, но иногда согнуты в локтях. Сохранность костяков очень плохая.

Из 40 исследованных погребений в 16 не было вещей. Во многих могилах вещи единичны. К числу богатых можно отнести не более четырех-пяти погребений. Как и в других пьяноборских могильниках, преобладают различные украшения и принадлежности костюма: эполетообразные застежки, височные подвески, обувные кольцевые застежки, различные круглые и ажурные накладки и подвески. Найдено несколько кокошников, гривен и перстней.

Крайне бедны мужские погребения. Лишь в одном обнаружен железный однолезвийный меч с медным навершием на рукояти, и в другом — железные удила; в остальных находилось по две-три вещи: пряжки, застежки, бляшки, ножи.

Судя по вещам, исследованные погребения относятся в основном к средней стадии пьяноборской культуры, но некоторые могут быть датированы ранней или поздней стадиями. Интересно отметить новую деталь в размещении погребений — они сконцентрированы. Пока что полностью исследована лишь одна юго-восточная группа, содержавшая 28 погребений. Но у края площадки часть погребений, очевидно, разрушена. Возможно, что подобные группы принадлежат прямым потомкам одной парной семьи. Поэтому не удивительно, что внутри такой группы могил встречаются как ранние, так и поздние погребения. Даль-

нейшие исследования позволят, по-видимому, получить новые материалы по структуре пьяноборского общества.

Недалеко от исследованного могильника, в 0,5 км от дер. Дубровка, во время пахоты найдено большое количество вещей. Школьники ныргындинской школы собрали здесь 218 предметов, среди которых две эполетообразные застежки (одна — очень позднего облика, редко встречаемая в погребении), три пластинчатые нагрудные бляхи, массивная гривна со стилизованными звериными головками на концах, множество бляшек-накладок, подвесок и пронизок. Большинство вещей относится к самой поздней стадии пьяноборской культуры. Вероятно, вещи происходят из могильника. Здесь же найден листовидный нож с перехватом, относящийся к бронзовому веку.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНЕЙШЕЙ МОРДВЫ

М. Р. Полесских

Селикса-Трофимовский могильник находится в 20 км к востоку от Пензы. За два последних сезона здесь раскопано 66 погребений с трупоположениями, кроме одного, где обнаружено трупосожжение в могильной яме. Погребенные были вытянуты на спине головой на северо-восток, руки сложены на животе. Ямы имеют овально-вытянутую, иногда прямоугольную форму. В них (в засыпи и на дне) часто встречаются угли, зубы лошади. Нередки вторичные захоронения, изредка встречаются и парные.

Некоторые погребения содержат богатые комплексы вещей, в которых легко различаются местные и привнесенные элементы. Предметами степного юга следует считать мечи сарматского типа (погребения 8, 41, 48) — обоюдоострые, без перекрестий (один стальной), кольчугу (погребение 50), некоторые пряжки и поясные наборы, зеркальце, римскую провинциальную фибулу, стеклянные бусы. Часто встречаются вещи прикамских культур. Таковы круглые пластинчатые с выступами по краю броши, наборные пояса с полусферическими бляхами мазунинского типа, плоские железные и бронзовые гривны со стилизованным изображением змеи, витая гривна, халцедоновый диск-подвеска, обувные наборы, состоящие из бронзовых пряжек с круглоконечной обоймой и орнаментированных шарнирных подвесок.

Впервые в ранних пензенских могильниках встречены гривны — бронзовые или железные, снабженные обмоткой из медной проволоки и с напущенными бронзовыми бусами. Интересна бронзовая гривна с напущенными красными инкрустированными бусами (погребение 15). Некоторые украшения, известные по материалам из ранних могильников, подверглись характерным изменениям. Так, на круглых пластинчатых

бляхах сохранился циркульный орнамент, но утрачена прорезь и появилась диаметральная фигурная накладка. Часты широко распространенные в то время кольцевые застежки с завернутыми концами, иногда орнаментированные, бусы красные стекловидные, нередко инкрустированные, некоторые подвески из бронзы.

К специфически местному инвентарю относятся височные подвески с грузиком и спиралькой на концах. Грузик то биконический — селиксенского типа, то бипирамидальный — армиевского типа. К местным образцам относятся баночные глиняные сосуды со слегка вогнутым краем, некоторые виды бус.

Среди вещей отметим также железные втульчатые топоры, наконечники копий, шилья, ножи, пряслица, спиральные перстни, браслеты, удила (в мужских и женских погребениях). Большой интерес представляют пряжка с глазком из сердолика в золотом ободке, припаянном на серебряную обойму (погребение 8), серебряная рукоять плетки (там же), бусина с шахматным узором (погребение 12), некоторые массивные серебряные и бронзовые поясные пряжки и наконечники.

Вещевые комплексы, хорошо датированные по южным и камским вещам, указывают на IV в. н. э. Селикса-Трофимовский могильник близок Тезиковскому на р. Мокше в Пензенской обл. и Сергачскому второму могильникам. Возможно, люди, оставившие Селикса-Трофимовский могильник, были пришельцами с Волго-Окского междуречья, вошедшими в мирное соприкосновение с древними селиксенцами и в дальнейшем, по-видимому, с ними слившиеся.

ИССЛЕДОВАНИЯ АХМЫЛОВСКОГО КОМПЛЕКСА

Г. А. Архипов, В. С. Патрушев,
А. Х. Халиков, Н. Л. Членова

Марийская экспедиция продолжала раскопки Ахмыловского комплекса. В двух раскопах, расположенных к западу и востоку от раскопа 1967 г. и примыкающих с севера к раскопам 1965 (раскоп II) и 1966 (раскоп I) годов, вскрыта площадь в 720 кв. м. Выявлено и расчищено 51 погребение Старшего и два погребения Младшего Ахмыловских могильников.

Могильные ямы Старшего Ахмыловского могильника выявлены непосредственно под пахотным слоем на глубине 25—35 см в погребенной почве. Захоронения все грунтовые, в прямоугольных ямах, вытянутых с северо-востока на юго-запад с небольшими отклонениями. Глубина ям 40—75 см от поверхности. Два погребения были окружены бревенчатыми прямоугольными оградами. Прослежены остатки сгоревшего перекрытия могилы, на котором лежали два кельта ананьинского и

акозинско-меларского типов. Их сочетание в одном комплексе обнаружено впервые.

Погребения одиночные. Одно захоронение было в округлой яме (60×45 см) на глубине 40 см от дневного уровня. Там найден набор конской узды (кольчатые удила, два двукольчатых с чуть загнутыми концами, две бляшки-тройнички).

Погребальный инвентарь представлен орудиями труда, оружием и украшениями. Много кельтов меларского и акозинско-меларского типов. Найдены железные наконечники копий, бронзовые бляхи, железные ножи и др. Уникальным является однолезвийный нож-кинжал с бронзовым прямоугольным перекрестьем и круглой рукоятью, орнаментированными поперечными выпуклыми линиями; длина лезвия 18 см, рукояти — 9 см. Этот нож-кинжал был в комплексе с железным копьем, кельтом меларского типа и железным ножом.

Интерес представляет богатое погребение с бронзовыми стреловидными удилами и деревянными псалиями, бронзовым бубенчиком, кельтом меларско-акозинского типа и железным копьем. Все это находилось на помосте, который опирался на какую-то, видимо плетеную, основу, вкопанную в грунт.

Бронзовая гривна диаметром 20 см из круглого дрота с одним расплющенным концом и винтовой нарезкой была в комплексе с двумя кельтами меларского типа.

Следует отметить бронзовую круглую бляху с четырехлучевым солярным знаком и жгутовой окантовкой по краю.

Все железные ножи — с выпуклой спинкой с остатками деревянной или костяной рукояти; железные наконечники стрел — черешковой формы.

Найдены бронзовые трехгранные втульчатые наконечники стрел с шипами и без шипов.

Находки подтвердили прежние выводы о длительном существовании Старшего Ахмыловского могильника — с VIII по V в. до н. э. и об интенсивных связях оставившего его населения с племенами южных и юго-западных областей.

Два захоронения Младшего Ахмыловского могильника располагались недалеко друг от друга. Оба погребения были совершены по обряду кремации. Пережженные кости размещались двумя кучами в прямоугольных ямах размерами около 2 м в длину и 60—70 см в ширину. Глубина захоронений 35 и 60 см. Погребенные обращены головой на север.

Погребальный инвентарь небольшой. В одном погребении была лишь железная гривна с обмоткой из медного жгута, близкая по типу гривнам Окских могильников. В другой могиле были железные пряжки, бляшка, нож и каменное неолитическое долото, используемое, по-видимому, не по назначению.

РАСКОПКИ НЕВОЛИНСКОГО МОГИЛЬНИКА В ПРИКАМЬЕ

Р. Д. Голдина

Кунгурский отряд археологической экспедиции Уральского университета исследовал известный Неволинский могильник. Памятник был обнаружен в 1921 г., в 1926—1927 гг. здесь проводил раскопки А. В. Шмидт, вскрывший около 50 погребений, а в 1950 г.— О. Н. Бадер и В. Ф. Генинг, которые раскопали еще 20 захоронений.

Памятник расположен в 7 км к югу от г. Кунгура Пермской обл., на правом берегу р. Ирень, напротив с. Неволино. Могильник занимает возвышение береговой террасы высотой 6—7 м, вытянутое в направлении север — юг. Размеры холма 70×50 м.

Раскопом нынешнего года исследована часть могильника, примыкающая к старому раскопу и продолжающаяся в глубь террасы.

На площади 420 кв. м исследовано 58 погребений, располагавшихся рядами, ориентированными в направлении запад — восток, северо-северо-запад — юго-юго-восток и север — юг. Наблюдавшаяся ранее стройность рядов оказалась существенным образом нарушена. Часть погребений размещена без видимого порядка.

Погребения грунтовые. Могильные ямы прямоугольные длиной около 2 м и шириной 60—70 см. Глубина захоронений варьирует от 50 до 110 см. Преобладают погребения на уровне 70—80 см. В некоторых могилах обнаружены фрагменты хорошо сохранившихся деревянных колод и перекрытий. Почти все погребения не ограблены.

Сопровождающий инвентарь свидетельствует о значительной имущественной дифференциации. Несколько погребений выделяется богатством инвентаря, а другие, напротив, бедны. К последним относится около десятка захоронений, в которых обнаружены сосуды и железные ножи. Эти погребения образуют особый ряд. В наиболее богатых могилах встречаются роскошные поясные наборы с массивными кожаными привесками, большим количеством бронзовых накладок, наконечниками поясов и пряжками, бронзовые и серебряные височные кольца, низки стеклянных, пастовых, сердоликовых и хрустальных бус, бронзовые браслеты, коньковые, ажурные трапециевидные подвески и перстни. Из железных вещей в этих захоронениях найдены ножи, наконечники стрел, топоры, детали конской сбруи — удила, стремена и пряжки, положенные, как правило, у ног погребенных. У изголовья костяков стояли глиняные сосуды, в некоторых случаях число их достигает трех. В четырех погребениях среди других вещей обнаружены сасанидские монеты. Около 40 погребений содержат многие из перечисленных вещей, за исключением поясных наборов.

В отдельных захоронениях хорошо сохранились органические остатки. По-видимому, дно колод выстилали войлоком. Погребенные были одеты в платье из грубой ткани и верхнюю меховую одежду.

На территории могильника между погребениями довольно часто встречаются остатки поминальных тризн в виде черепов лошадей, углей, сосудов и отдельных фрагментов керамики.

По составу вещевого материала могильник датируется VII—VIII вв. н. э.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮЖНОЙ БАШКИРИИ

Н. А. Мажитов

Отряд археологической экспедиции Башкирского филиала АН СССР провел разведку в Кугарчинском и Зианчуринском р-нах Башкирской АССР. Обследовано все побережье р. Большой Ик на участке Мраково — Исянгулово, побережья притоков Большого Ика — Ургенки, Малой Сурени, Большой Сурени, Ямашлы, правых притоков р. Сакмара — Годяшки, Касмарки, Большого Сыка и Курукола. Кроме того, обследовались и водоразделы — отроги Уральских гор. Выявлено более 40 памятников, преобладающую часть которых составляют курганные могильники. Большинство открытых курганов маленьких размеров, сложены из камней. Они располагаются по одному — трем на вершинах гор или возвышенностей. На одном раскопанном кургане, расположенном вблизи дер. Назаркино Кугарчинского р-на, найдены две каменные бабы — скульптурные фигуры человека (примерно IX—X вв.). В этом кургане, кроме того, прослежены остатки человеческого захоронения и обломки нескольких конских черепов.

Отряд раскопал два небольших кургана с земляной насыпью вблизи дер. Башкирское Беркутово того же района. Курганы принадлежат к числу очень редких памятников с захоронениями в деревянных колодах. Сохранность колод, костяков и находок очень хорошая. В колодах проделаны отверстия — ушки для продевания веревки. В одном из погребений найдены сапоги, стремя, кресало и несколько бусин. В другом, вероятно женском, погребении лежали серебряное зеркало, берестяная трубочка, служившая, может быть, накосником, серьги, куски ткани. Погребенные захоронены в вытянутом положении головами на запад. Интересно отметить, что донья обеих колод были посыпаны толстым слоем золы. Курганы предварительно можно датировать XI—XII вв. н. э. и связать с тюркоязычными (башкирскими) племенами.

Интересными были раскопки средневекового мавзолея близ Максютова. Мавзолей вначале представлял собой земляной курган высотой около 3 м, диаметром примерно 25 м. После снятия первого штыка на вершине кургана обнаружились обломки кирпичей, а дальше — кирпичные стены. Раскопками обнажены стены прямоугольного сооружения размерами примерно 8×9 м при высоте 1,5—1,70 м и вход, расположен-

ный в южной стенке. Мавзолей имел сводчатый купол, возвышающийся над стенами на 2 м. Купол весь провалился, и его кирпичи заполняют внутреннюю погребальную камеру. Вход имеет форму маленькой комнаты, в правой ее стенке, у дверей в погребальную камеру, имеется глухая ниша в виде окна. Стены мавзолея сооружены из кирпичей размерами 30×30 и 30×15 см при толщине 5 см. Среди этих кирпичей есть и саманные, использовавшиеся для кладки пола у входа и, кажется, внутреннего ряда стен. Для сооружения использовались кирпичи разных геометрических форм. Мавзолей может быть отнесен к XII—XIV вв. н. э.

Доследовано разрушенное центральное погребение в одном из курганов, расположенных на левом берегу р. Большой Ик у дер. Русская Тангаровка. В могиле размерами около 4×2 м найдены остатки деревянного сруба, обломки глиняного сосуда с меандровым орнаментом. Три бронзовых долота, бронзовое шило, кусок яшмы (сырье) и пять наконечников стрел из этого же материала. Погребение было парным. Судя по находкам, оно датируется бронзовым веком.

РАСКОПКИ КРЮКОВО-КУЖНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Р. Ф. Воронина

Раскопки Крюково-Кужновского могильника Моршанского р-на Тамбовской обл. проведены на средства Моршанского районного краеведческого музея. Могильник расположен на правом берегу р. Цны к востоку от с. Крюково и в 200 м к северо-западу от Крюковского кордона, на песчаной дюне. Он был открыт во время земляных работ в 1929 г. и исследован в 1929—1933 гг. директором Моршанского районного краеведческого музея П. П. Ивановым, вскрывшим 586 погребений. В 1958 г. могильник исследовала сотрудница Исторического музея Т. Б. Попова, раскопавшая 28 погребений. Мы вскрыли на площади 112 кв. м 20 погребений.

Основным обрядом погребений было трупоположение (19 погребений из 20). Покойники лежали в вытянутом положении на спине. Чаще всего одна рука костяка вытянута вдоль туловища, другая, слегка согнутая в локте, покоится в области таза. Череп повернут вправо или влево. Подавляющее большинство умерших обращено головой на восток с небольшим отклонением к северу или югу, лишь один — на юг и три — на северо-восток.

Характерной особенностью всех погребений с восточной ориентировкой является кострище над погребением или около него. Кострище содержит фрагменты лепных сосудов, обгорелые кости (зубы лошади или коровы), нередко на краю костра поставлены лепные сосуды. Иногда в кострище встречаются удила или стремена и оружие.

Почти все мужские погребения содержат наконечники копий, лежащие у головы или ног костяка, а также боевые топорики и наконечники стрел. У головы костяка обычно находится одна или две серьги в виде незамкнутого кольца или незамкнутого кольца со стержнем из нескольких шариков. Постоянно встречаются бронзовые сульгамы, на тазовых костях — кожаные пояса с бронзовыми или серебряными поясными бляшками. Все подобные пояса украшены кистями из бронзовых пронизок, нанизанных на ремешок, оканчивающийся различными привесками: костыликами, бубенчиками, колокольчиками, нередко когтем или фалангой медведя (очевидно, амулет). К подобной кисти очень часто бывает подвешен нож. К поясу же, очевидно, привязывали кожаные или сделанные из ткани сумочки, в которых обычны находки фитильных трубочек и кремней. У мужских костяков остатки подобных сумочек находят между бедренных костей.

Среди мужских погребений особенно интересным оказалось погребение 4. Здесь был похоронен подросток — вероятно, конный воин, о чем свидетельствуют находки в кострище над погребением конских удил. Костяк лежал головой на восток и был обмотан лубом. В области груди обнаружены остатки кольчужницы, сплетенной из тонкой проволоки.

На груди на лубе лежит женский костюм и головной убор в виде покрывала, обшитого по краю бронзовыми трапециевидными привесками, бронзовый венчик, височные привески с бипирамидальным грузиком, пластинчатые гривны, браслеты, остатки обуви, украшенной бронзовыми сердцевидными бляшками. Весь этот костюм, очевидно, был положен вдовой. Обычай класть в могилу мужа украшения жены встречен и в другом погребении — 7. Судя по материалу и дневникам П. П. Иванова, подобные находки не единичны. Аналогичные случаи отмечены не только в Крюково-Кужновском могильнике, но и в ряде других могильников того же времени на Цне.

Женские погребения, как и мужские, содержат лепные сосуды, очевидно, с напутственной пищей. Для всех женских погребений характерно большое количество шумящих привесок, гривен, браслетов (колец), перстней. В ряде случаев встречены остатки накосников, головных уборов, аналогичных головному убору, найденному в погребении 4. Интересна находка в одном из таких погребений обор — ножного украшения, характерного для женского костюма соседних муромских племен. Эта находка говорит о тесных связях между племенами.

Постоянные находки как в мужских, так и в женских погребениях южных, салтовских вещей — серег, перстней, поясных наборов — свидетельствуют о довольно тесных связях со степью.

Обращает на себя внимание тот факт, что погребения со сходным погребальным обрядом располагаются рядом, как бы образуя единую группу. Возможно, они представляют собой захоронения какой-то единой родовой группы или патриархальной семьи. Судя по видам, погребения датируются VIII—XI вв. н. э.

РАБОТЫ В ДОЛИНЕ МОКШИ

А. В. Циркин

Археологическая экспедиция Мордовского университета продолжила начатые в прошлом году раскопки Шокшинского могильника VI—X вв. н. э. Памятник расположен у пос. Коммуна Теньгушевского р-на, на стыке Мордовии с Горьковской и Рязанской областями, на высоком мысу надлуговой террасы правого берега р. Шокши.

Основной обряд захоронения — трупоположение. Могильные ямы в большинстве случаев были прямоугольными в плане с закругленными краями, реже — близкие к овалу. В одной могильной яме слева имелся подбой, вероятно, предназначенный для ритуального горшка. Длина большинства могильных ям 170—180 см, ширина 60—80 см, глубина 70—80 см. 30% исследованных могильных ям слегка суживались ко дну.

В засыпной земле часто встречаются фрагменты керамики, древесные угли, кости животных. Дно могильных ям ровное и хорошо зачищенное. В 40 погребениях прослежены лубяные подстилки, в 26 — остатки ткани. В 22 захоронениях найдены глиняные сосуды, положенные, как правило, у ног и реже — у головы. В двух захоронениях сосуды располагались у пояса.

Ориентировка погребений неустойчива. В 71 захоронении раннего периода костяки обращены головой на северо-восток, в 50 захоронениях позднего периода — на юго-восток. Как правило, костяки вытянуты на спине, руки — вдоль туловища, очень редко согнуты в локтях и положены на тазовые кости. В трех могилах погребенные лежали на правом боку. Песчаный грунт плохо сохранил костяки.

Зарегистрировано 17 погребений с трупосожжениями, произведенными на стороне. В могильной яме при этом сохранялся порядок расположения вещей, принятый при обычном трупоположении. В погребениях 197 и 206 вещи лежали в беспорядке и несли следы огня.

Могильный инвентарь разнороден. Его анализ показал, что на кладбище хоронили в течение 400 лет. Первый хронологический период охватывает VI — начало VIII в. н. э.; второй — середину VIII—X в. н. э.

Инвентарь могил раннего периода представлен налобными венчиками, состоящими из спиралек и обоймиц с луновидными подвесками, височными кольцами с тупыми несомкнутыми концами, красными пастовыми бусами, нагрудными пластинчатыми бляхами с перекрестием, сюльгамами с завернутыми в трубочку концами и насечкой по лицевой стороне и пластинчатыми браслетами. Все эти вещи находят прямые аналогии в рязано-окских могильниках (стадия С-I, датируемая П. П. Ефименко VI в. н. э.).

Инвентарь могил позднего периода (VIII—X вв. н. э.) представлен такими вещами, как налобные венчики, состоящие из трубчатых секций и соединительных пластин, украшенных орнаментом, височные кольца

муромского типа, спиральные браслеты в шесть — восемь оборотов, спиральные перстни, четырехгранные браслеты с концами в виде шляпки гвоздя, пластинчатые нагрудные бляхи с крышечкой, втульчатые топоры-кельты, копья, сабли, стрелы и т. д. Весь этот инвентарь имел широкое распространение в мордовских древностях второй половины I тысячелетия н. э.

Если погребения ранней стадии близки по составу инвентаря и обряду захоронения рязано-окским могильникам, то погребения позднего периода несут в себе культурные элементы других этнических групп.

Территория нижнего течения р. Мокши была контактной зоной. Вещевой материал могильника включает предметы и украшения, характерные для мордвы и муромы. Часть украшений проникала с юга (р. Цна) и с низовьев Камы. Однако преобладание южной и юго-восточной ориентировки и находки специфических мордовских вещей не позволяют считать могильник муромским. В то же время значительное количество муромских украшений позволяет выделять его из ряда известных мордовских могильников.

ТАНКЕЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Е. А. Халихова, Е. П. Казахов

В Куйбышевском р-не Татарской АССР продолжено исследование Танкеевского могильника, относящегося ко времени сложения Волжской Болгарии. В раскопках приняли участие сотрудники Казанского института языка, литературы и истории АН СССР, Государственного музея Татарии и студенты Казанского педагогического института. На площади 486 кв. м (раскоп XIV) изучено 96 погребений и выяснены северо-западные пределы памятника. В общей сложности за истекшие годы систематических раскопок на площади 4119 кв. м исследовано 878 захоронений, однако изучение могильника далеко еще от окончания.

В верхних слоях памятника над погребениями или между ними встречены единичные лепные сосуды и челюсти коров и овец, связанные с поминальным обрядом. В отличие от предыдущих лет этих находок немного. В остальном погребальный обряд обычен для могильника. Преобладают одиночные захоронения. Погребенные вытянуты на спине в простых могильных ямах с отвесными стенками головой на запад с небольшими отклонениями. Восточная ориентировка отмечена в одном случае. Зафиксированы фрагменты деревянных гробовищ.

В 15 могилах найдены остатки мясной погребальной пищи — лопатки, ребра и другие кости домашних животных. Около трети погребений сопровождались глиняными сосудами — гончарными или лепными одноручными кувшинами, лепными круглодонными, редко плоскодонными горшками и чашами. В четырех могилах обнаружены обломки серебря-

ных личин-масок. В 11 мужских захоронениях встречены характерные погребальные комплексы — черепа и кости ног верховых лошадей, лежавшие непосредственно на дне могил, обычно в ногах у погребенных.

Вещевой инвентарь, несмотря на то, что три четверти могил ограблены в древности, довольно обилен. В мужских погребениях — наконечники стрел, боевые топоры, кресала, трубицы от грута и кремешки, части конской сбруи, ножи, пряслица, височные кольца, перстни, пояса с накладками и пряжками. В могиле 825 найдена сабля в деревянных ножнах. В женских захоронениях — серьги (в основном салтовского облика с напускными бусами), накладки головных уборов, бусы, подвески (в том числе шумящие), перстни и браслеты, поясные наборы, ножи и напряслa. В детских могилах — бусы, подвески, бубенчики, амулеты из зубов хищников. В погребениях мальчиков — ножи, бараньи астрагалы.

В целом вещевой материал 1968 г. не отличается от материала из раскопок предыдущих лет. Вещи новых типов единичны. К ним относится кресало с бронзовой рукоятью в виде фигурки лошади, несколько экземпляров удил с эсовидными костяными псалиями и некоторые накладки на ремень.

Вскрытые погребения датируются рубежом IX—X вв. н. э., занимая промежуточное по времени положение между наиболее ранними (середина IX в. н. э.) и наболее поздними (конец X — начало XI вв. н. э.) погребениями, изученными ранее. Полученные материалы подтверждают мнение о том, что население, оставившее могильник и имевшее, судя по погребальному обряду, составу керамики и другим вещевым материалам, разное происхождение, было уже в достаточной степени смешанным ко времени появления памятника.

СЕЛИЩЕ БОЛГАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ЧУВАШИИ

А. П. Смирнов, В. Ф. Каховский

Близ дер. Челкасы в Вурнарском р-не, на холме овальной формы размерами в основании 150×90 м расположено поселение. Селище раскопано почти полностью, вскрыто 1184 кв. м площади.

На селище открыты остатки девяти наземных бревенчатых жилищ с подпольями, расположенных без строгой планировки. В центре поселения находился большой дом, служивший, по-видимому, общественным зданием. Вокруг жилищ расположены ямы-хранилища, в том числе зерновые, стенки которых обложены деревом. В двух из них обнаружены обгорелые зерна злаковых (пшеницы и полбы). Подобные ямы широко распространены на болгарских поселениях X—XII вв. н. э. в Поволжье.

В деревенском ремесле важное место занимало кузнечное дело. Открытые сыродутные горны ямного типа и находки многочисленных криц

и шлаков говорят о местной выплавке железа из болотной руды. Найдены различные кузнечные изделия: ножи, долото, топор, цилиндрические замки, гвозди, цепи, удила, коса-горбуша и др. Население занималось земледелием и скотоводством. При раскопках найдены кости домашних животных (коров, лошадей, овец, свиней, собаки) и птиц.

В культурном слое встречены обломки посуды позднегородецкого типа и болгарская керамика. Лепная позднегородецкая керамика составляет 72,5% (черная — 3,5; серая — 34; желтая — 35). Остальная керамика — гончарная болгарская (желтая — 7%; красная — 10%; коричневая — 2% и серая — 8,5%).

Культурный комплекс исследуемого памятника свидетельствует о том, что пришлые болгарские племена осели на позднегородецком поселении. Культурные остатки болгарского времени найдены также в верхних слоях позднегородецких городищ Тури-Выла, Иванкино, Досаево, Малахай, расположенных в Северной Чувашии. Болгарские селища располагались, как правило, на черноземных полях вблизи водоемов и лугов.

Болгарские поселения в центральных и западных районах Чувашии находились вдали от городских центров и в стороне от магистральных торговых путей, что наложило определенный отпечаток на местную культуру. В материалах болгарских памятников Чувашии мы не находим предметов роскоши и ювелирных изделий, распространенных в болгарских городах на Волге. Не было здесь монументальных каменных построек, не получила распространение резьба по камню.

Археологические данные свидетельствуют о том, что в X—XII вв. н. э. в процессе укрепления хозяйственных и этнокультурных связей между пришлыми тюркоязычными болгарскими племенами и финноязычным аборигенным населением и их смешения в северо-западной Чувашии шло формирование этнической группы верховых чуваш (вирьял).

ИССЛЕДОВАНИЯ БИЛЯРА

А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Р. Г. Фахрутдинов

Татарская археологическая экспедиция продолжала изучение Биляр-ского городища — остатков летописного Великого города, столицы домонгольской Болгарии. Раскопы, заложенные в центральной части внутреннего города (кремля), в восточной зоне внешних валов и в юго-восточном проезде внутренней линии обороны, дали новый интересный материал. Удалось установить, что раскоп V, начатый в прошлом году в центре кремля, пришелся на район ремесленных мастерских. Выявлены остатки двух деревянных домов с небольшими глинобитными печами и обычным для болгар инвентарем. Около жилищ вскрыта целая система сыродутных горнов и кузнечных печей для производства железных изделий и предметов из цветного металла. Судя по остаткам, над некоторыми

горнами были устроены навесы. Вещевой материал раскопа представлен крицами, кусками шлака, обломками тиглей, льячек, железными замками, ножами и другими металлическими изделиями. Бо́льшую часть находок составляет болгарская гончарная лощеная керамика, разнообразная по орнаменту, по цвету. Есть и поливная посуда. Встречены обломки лепных круглодонных сосудов из глины с примесью толченой раковины и орнаментом в виде оттисков шнура по шейке и насечек по краю сосуда. Обнаружены сероглиняные сфероконусы с орнаментом и знаками. Есть основание связывать эти находки с местным ремеслом.

Раскопки в восточной части внешних укреплений позволили установить, что эти защитные сооружения неоднократно перестраивались. Первоначально здесь для обороны города была использована долина речки Елшанки с дополнительным искусственным рвом по краю террасы. Затем были возведены два невысоких земляных вала и, наконец, к XII в. насыпан мощный вал из суглинка и пестроцвета. В валу были устроены легкие деревянные городни. Надваловые конструкции представлены остатками сгоревшего деревянного тына.

Рекогносцировочный раскоп, заложенный в юго-восточных проездах кремля, дал основание предположить, что последние имели сложную деревянную конструкцию. Перед воротами города были глубокий ров, над которым, по-видимому, устраивались подъемные мосты. Культурный слой раскопа выявил различные железные детали конструкции: скобы, штыри, гвозди. Здесь же обнаружены железные наконечники стрел.

Небольшой раскоп, заложенный в центральных районах кремля, вскрыл завалы какого-то каменного здания и остатки, связанные со строительно-ремонтными работами: раствор в яме и ящик-носилки.

На всей распаханной площади городища (около 360 га) были проведены разведывательно-топографические работы. Выявлено и нанесено на карту более 1200 следов древних сооружений, в том числе 29 кирпичных и каменных зданий. Основная часть последних (24) приходится на долю внутреннего города. Попутно на всей распаханной территории городища собран разнообразный подъемный материал, относящийся в основном к домонгольскому, частично к золотоордынскому периодам.

ПОВОЛЖСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Н. Д. Ахсенова, Ю. А. Краснов,
А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова

В Болгарах продолжались работы по изучению архитектурных памятников городища, установлению их даты. Было заложено три раскопа, из которых один (28) — к северо-востоку от церкви. Здесь продолжено изучение оборонительных сооружений раннего домонгольского города.

Прослежены слои современной и русской деревни XVI—XIX вв. Залегавший ниже золотоордынский слой удалось разделить на два горизонта: ранний — второй половины XII в. и поздний — XIV в. Ниже прослежен домонгольский слой, отделявшийся от золотоордынского слоем угля. Слой угля встречается на многих участках городища и хорошо сопоставляется с разгромом города в 1236 г.

При вскрытии культурного слоя обнаружены жилые и хозяйственные сооружения всех периодов. Все эти постройки принадлежат к типам, хорошо известным по раскопкам прежних лет.

Особую ценность представляют остатки рва. Они прослежены на глубине 205 см. Этот ров нарушен рядом сооружений золотоордынского времени, возникших на этом место после ликвидации рва. Прослежено направление рва, идущего к северо-северо-западу и юго-юго-востоку с отклонением на 20° к западу. В отдельных местах открыто дно. На дне, на глубине 400—420 см, наблюдались смывы глины и песка с включением угля. Выше залегали завалы глины и песка, которыми был засыпан ров. На уровне 100—140 см прослежены слои, связанные с нивелировкой местности. Установлена ширина (5 м) и глубина (2,6 от древнего уровня) рва. Характер заполнения рва, датировка сооружений (12,14) раннего золотоордынского времени, открытых у восточного края и около рва, дают основание полагать, что ров, существовавший в домонгольский период, был засыпан в раннезолотоордынскую эпоху. По топографическим условиям он должен быть отнесен к ранним укреплениям города. Открыты ямы от столбов диаметром около 70 см и глубиной до 1 м, являвшихся опорами деревянной стены. Расстояние между столбами 2 м. Это пространство забиралось горизонтальными бревнами. Стена такого же типа укрепляла город в XIV в. с западной стороны городища.

Другой раскоп (27) заложен к востоку от Малого минарета, рядом с раскопом 17 1967 г., где был открыт глинобитный дом. В культурном слое обнаружено несколько сооружений и 19 погребений. Все погребения мусульманского типа, в гробах или колодах. Костяки лежали на спине или слегка повернутые на правый бок, головой на запад, лицом к югу. У некоторых костяков правая рука согнута, и кисть лежит около плеча. Установлена последовательность открытых объектов. Наиболее ранним является глинобитный дом, за ним следует яма с художественным стеклом, открытая в 1967 г., затем могильник и хозяйственные ямы, датируемые поздним золотоордынским периодом. Последним был сооружен Малый минарет. В процессе раскопок найдено 40 монет, которые располагались на разных горизонтах культурного слоя. Этот нумизматический материал позволит уточнить время и глинобитного дома, и Малого минарета, и Ханской усыпальницы, культурные слои около которой хорошо сопоставляются с горизонтами слоя раскопа 27.

Завершено изучение глинобитного дома. Раскрыта его северная часть с двумя каналами подпольного отопления, которые переходят в каналы, открытые в предшествующем году. Открыты два канала, слу-

жившие сифоном, создававшим тягу и соединявшимся с каналом отопления перед выходом в вертикальную трубу, заключенную в южной стене дома. Эти каналы проложены параллельно каналам отопления.

Обнаружена печь с топкой, открывавшейся вне дома с восточной стороны. Печь сложена из нерегулярных камней на глиняном растворе. Ее сводчатое завершение сохранилось только частично. Размеры печи 110×106 см при высоте 100 см. Чело обложено сырцовым кирпичом, толщина стенок 20—30 см. На поду печи и в завале найдены монеты, дающие возможность установить время функционирования дома. Перед печью находилось помещение в виде ямы (170×180 см) со стенами, облицованными плахами, откуда шла топка. В завале предпечья найдено 11 золотоордынских монет. У западной стены печи открыта камера, назначение которой осталось невыясненным. Два канала, проходящие под глинобитным полом дома и обогревавшие весь дом, сложены из сырцовых кирпичей. Внутренняя поверхность их сильно прокалена. Они были покрыты нерегулярными песчаниковыми плитами и сверху обмазаны слоем глины, образующим пол. В глине имеется примесь соломы и травы. Открыты столбы, составляющие основную конструкцию дома. Размеры дома 10×10 м.

Раскопки у Ханской усыпальницы (раскоп 26) имели целью установить время ее постройки. Кроме того, расчищались фундаменты ее западной и восточной пристроек.

Удалось установить, что центральное здание усыпальницы сооружалось во второй половине XIV в. Выделены этапы строительства. После сооружения фундамента и начала кладки стен строительство было прервано, недостроенное здание частично разрушено, а вокруг него образовался мощный слой пожарища. Это может быть связано с разрушением города Булак-Тимуром в 1361 г. После короткого перерыва строительство было возобновлено, причем здание перепланировали. Так, вход, первоначально устроенный в северной стороне, был заложен, а новый проделан в южной стене. Одновременно возводилась малая западная пристройка, фундамент и стены которой сложены вперевязь с основным зданием усыпальницы. Немного позднее была сооружена восточная пристройка. Вход в нее, оформленный пилонами, находился с северной стороны. Выявлены две пристройки: небольшая усыпальница с северо-востока и большое, лишь частично изученное здание с северо-запада.

Комплекс сооружений Ханской усыпальницы возводился на месте, которое с начала золотоордынского периода было аристократическим районом городского кладбища. К северу от усыпальницы вскрыт ряд погребений, относящихся к золотоордынскому времени. Некоторые из них совершены в кирпичных гробницах различной конструкции. Вскрыты остатки мавзолея размерами около 4,5×4,5 м, построенного до сооружения Ханской усыпальницы. Все погребения совершены по мусульманскому обряду, однако обращает внимание большое разнообразие в положении рук погребенных. Слоя домонгольского времени здесь не

обнаружено. Среди находок — фрагменты архитектурных украшений, обломки монохромных и полихромных поливных изразцов, фрагменты поливной посуды и художественного стекла, изделия из кости, железа и бронзы.

В раскопках принимали участие аспиранты Мордовского университета и Научно-исследовательского института, студенты Казанского педагогического института, учащиеся школ г. Куйбышева.

РАСКОПКИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Н. М. Булатов, И. С. Вайнер, Л. Л. Галкин, В. Л. Егоров, А. Г. Мухаммадиев, Г. А. Федоров-Давыдов

Продолжались работы Ахтубинской экспедиции, входящей в состав Поволжской экспедиции АН СССР, на трех городищах: Царевском (Новый Сарай), Селитренном (Сарай) и Водянском. Раскопки были организованы Московским государственным университетом, Институтом археологии АН СССР, Казанским университетом и Волгоградским управлением культуры.

На Царевском городище продолжались исследования усадьбы XIV в. в юго-восточной части города. Здесь сейчас полностью исследован центральный дом усадьбы. Открыто большое здание дворцового типа с 12 комнатами, углубленным порталом и двумя угловыми башенками на фасаде. Здание сложено из жженого кирпича, стены были в три-четыре ряда кирпичей.

Это здание стояло на развалинах более раннего большого здания тоже XIV в. со стенами из сырцового кирпича, большими суфами и полами, выложенными жженым кирпичами. У входа в этот дом имелся выложенный кирпичом айван.

Вдоль стен этой усадьбы, как показали раскопки прошлых лет, тянулись ряды домов зависимых людей. Исследовано два больших многокомнатных сырцовых дома, включенных в эти ряды построек по периметру усадьбы. Дома имели стены в три-четыре ряда сырцовых кирпичей и представляли собой помещения одинаковой планировки с отдельными выходами, открывавшимися во двор усадьбы. Можно сделать предварительное предположение, что это дома усадебной администрации или воинов-нукеров, живших при усадьбе и составлявших дружину ее владельца.

Как известно, Новый Сарай в 1360-х годах был окружен рвом и валом. Ров и вал прошли через исследуемую усадьбу, разрушив край одного из открытых домов, расположенных вдоль границ усадьбы. Это говорит о том, что власти города (вероятно, ханская власть), которые

проводили фортификационные работы, были во враждебных отношениях с владельцем этой богатой аристократической усадьбы.

Продолжались работы в восточных пригородах города. Здесь исследована мастерская золотых дел мастера — вторая на этом участке. Обнаружены тигли с остатками золота, инструменты мастера, несколько готовых золотых изделий и полуфабрикатов.

Среди других находок на Царевском городище следует отметить фрагменты резных накладок на колчан, бронзовую монету западноевропейской чеканки, бронзовый штемпель с зеркальной врезной надписью арабскими буквами (возможно, это штемпель для чеканки монет или каких-либо блях).

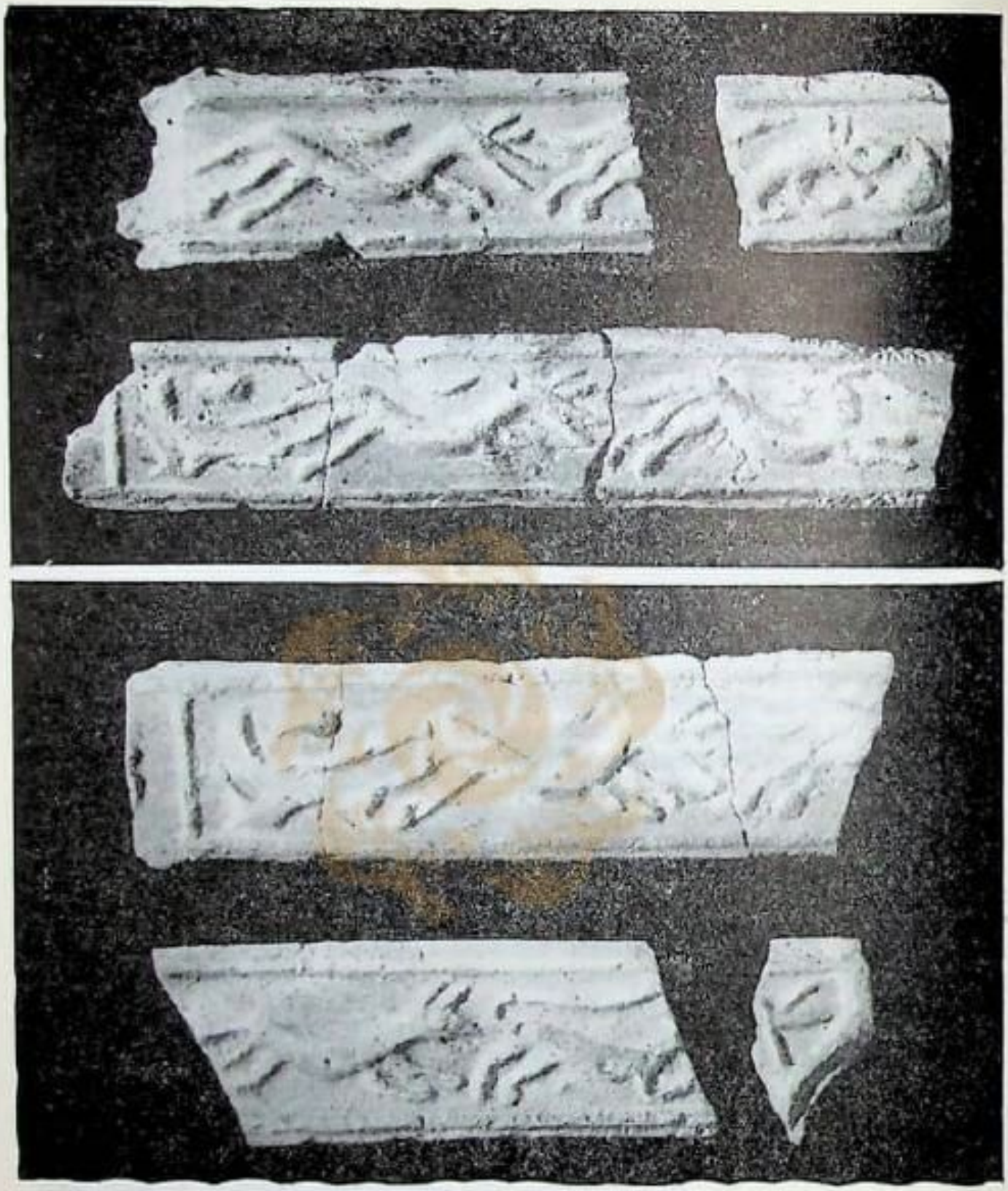
На Селитренном городище продолжались раскопки золотоордынской гончарной мастерской. Были вскрыты печи для обжига поливной керамики, главным образом кашинной. Около горнов обнаружена землянка более раннего времени. Сама землянка имела три строительных периода. Отложения последнего периода жизни землянки перекрывались выкидами из керамической мастерской. В отложениях раннего периода найдено оружие: кинжал, костяное кольцо для натягивания лука, нож. После прекращения деятельности мастерской на этой территории было мусульманское кладбище.

При обследовании береговых обрывов на территории городища обнаружено погребение, разрушившее золотоордынский дом. Погребение, вероятно, относится к концу XIV в. Над погребением возвышалось саманное сооружение типа мазара. Среди развалов здания найдены фрагменты штампованного алебастрового фриза с изображением бегущих вправо животных.

На городище произведена разведка магнитометром. Были зафиксированы характерные сигналы магнитных аномалий над керамическими печами.

На Водянском городище продолжено исследование многокомнатного золотоордынского дома с подпольным отоплением и мощными стенами, цоколи которых сложены из рваного камня. Вскрыты две комнаты этого здания, которые имели подпольную отопительную систему столбовой конструкции. Рядом со зданием проходил канал для стока нечистот, вырубленный в материке и облицованный каменными плитами. Неподалеку от здания начато исследование рядового жилого дома, имевшего деревянные стены, установленные на каменном цоколе. Здесь же обнаружена зерновая яма грушевидной формы глубиной 4,9 м.

На окраине городища, в районе большого скопления русской керамики, исследовано русское кладбище золотоордынской эпохи. Захоронения совершены в неглубоких ямах. В некоторых могилах сохранились остатки деревянных сооружений решетчатой конструкции. Все скелеты ориентированы по линии запад—восток, головой на запад. Вещей при погребенных не было.



Городище Селитренное. Штампованный алебастровый фриз
с изображениями животных

ДОМНИЦА XVII в.

А. П. Смирнов, В. Ф. Каховский

В Чувашии близ с. Сугут-Торбякова в Вурнарском р-не открыто поселение под названием Сават-Ту (Завод-Гора), расположенное на правом берегу старого русла р. Большой Цивиль. Чувашский отряд Поволжской экспедиции провел исследование этого памятника; в его центральной части были заложены пять раскопов общей площадью 582 кв. м. Раскопками открыто 15 сооружений (остатки жилищ-срубов с подпольями, сыродутный горн и хозяйственные ямы), относящихся к трем строительным периодам.

Особый интерес представляет домница, датируемая второй половиной XVII в. Как известно, царское правительство, напуганное нарастающим крестьянским движением, запрещало народам Поволжья добывать железо и производить из него изделия. Так, в наказе царя Алексея Михайловича, данном в 1649 г. казанским воеводам боярину Г. И. Морозову и окольничьему князю И. А. Хилкову, сказано: «Смотрити и беречи накрепко, чтоб... кузнечного и серебреного дела чюваша и черемиса не делали, и кузнечные и серебреные снасти ни у кого б в чюваше и в черемисе и в вотяках не было, а у кого в чюваше и в черемисе и в вотяках кузнечную и серебреную снасть проведают, им того чювашу и черемису и вотяков с тою серебреною и с кузнечною снастью велеть приходити в Казань и, распрашивая их, велети им чинити наказанье, смотря по вине» (ЦГАДА, ф. 16, д. 709, л. 11 и об.). Подобный наказ воеводам давали и последующие цари. Однако местное население продолжало заниматься кузнечным делом.

Сыродутный горн был наземного типа. Стены глиняные. Дно диаметром 1 м слегка углублено в материк. С южной стороны горна проведена канава прямоугольной формы для сопла меха, с противоположной стороны находилась предгорновая яма диаметром 1,20 м, углубляющаяся в материк на 32 см. Горн находился внутри деревянного строения, имевшего размеры, судя по сохранившемуся нижнему венцу, 5,80×7,20 м. Внутри домницы располагалась кузнечная печь и наковальня для обработки криц. К восточной стенке домницы снаружи пристроено помещение для хранения древесного угля. Внутри и вокруг домницы обнаружены многочисленные куски шлака и товарные крицы весом до 3 кг. При раскопках найдены разнообразные кузнечные изделия: ножи, гвозди, долота, шилья, цепи, пробои, удила, горбуши, копья, кинжал и др., а также орудия кузнеца: зубила и пробойники разных размеров.

В формах сосудов, орнаментации и оформлении ручек прослеживаются болгарские традиции.

РАСКОПКИ У ГОРЫ ТЕПСЕЙ НА ЕНИСЕЕ

М. П. Грязнов, М. Н. Комарова

Едва заметные на поверхности памятники разного вида и разных эпох расположены на узкой надпойменной террасе Енисея, прислоненной к крутому склону горы Тепсей, на скалах которой во множестве сохранились древние рисунки и тюркские надписи. Здесь работали три отряда Красноярской экспедиции. Раннетагарский отряд исследовал серию курганов подгорновского этапа и некоторых других периодов. Каменский отряд копировал высеченные на скалах рисунки и надписи. Карасукский отряд сосредоточил основное внимание на раскопках могильника таштыкской культуры и, кроме того, исследовал серию памятников других эпох. В общем на участке надпойменной террасы протяженностью в 500 м исследованы многочисленные могилы 11 последовательных периодов, а на краю примыкающей луговой террасы — остатки поселений двух эпох.

Раскопками круглой каменной ограды афанасьевской культуры в пункте Тепсей VII обнаружено две могилы — коллективная и индивидуальная, обычные по устройству могильных сооружений, по погребальному обряду и инвентарю: яйцевидные горшки и декоративные роговые гвоздики. Новое дали раскопки стоянки в пункте Тепсей X. Культурный слой залегает на глубине 2,5 м почти прямо на галечнике. На площади в 90 кв. м вскрыты два очага и несколько кострищ. Найдены типично афанасьевские черепки, кости домашних животных (корова, овца, лошадь), каменный утюжок и шлифованный топор. Очаги представляют собой как бы углубленную в землю чашу диаметром около 1 м, глубиной 20 см, выложенную по стенкам каменными плитками. Такого рода очаги связаны с приготовлением пищи не на огне, а в горячей золе с песком, чему соответствует и остродонная форма сосудов.

Четыре оградки карасукской культуры в пункте Тепсай VIII интересны по стратиграфическим наблюдениям. Все они ограблены, спустя много лет после захоронения (после полного разложения трупов), а затем был сооружен курган сарагашенского этапа, ограда которого по-

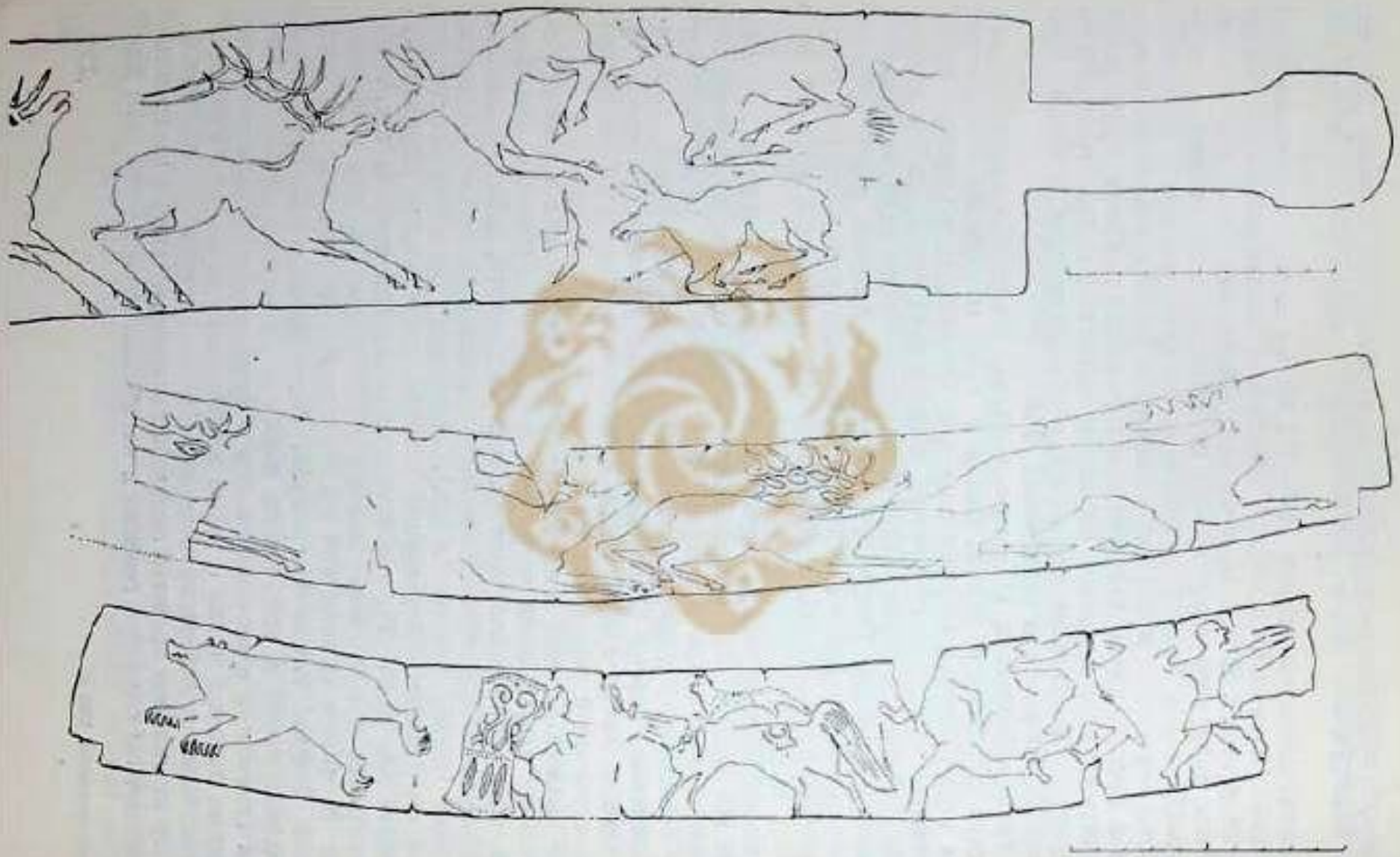
ставлена поверх нарушенного грабителями покрытия могилы. Значит, ограбление карасукских могил произведено в древности, в XI—V вв. до н. э.

Курган сарагашенского этапа (IV—III вв. до н. э.), так называемый восьмикаменный, содержал в центре две коллективные могилы и вокруг них несколько детских. В 3 и 15 м от него обнаружено еще две коллективные могилы сарагашенского этапа, не имевшие намогильных сооружений. В одной из них были погребены кости трех человек — не трупы, а кости. Кости взрослого мужчины уложены в могилу в анатомическом порядке, но с несколькими допущенными ошибками. Кости двух детей четырех- и пятилетнего возраста сложены в две кучки. Все трое убиты ударами в голову бронзовым чеканом и четырехгранным острием. При мужчине найдены горшок и бронзовый нож.

Могилы тесинского этапа (II—I вв. до н. э.) встречены как впускные в кургане сарагашенского этапа, так и в виде отдельных грунтовых могил. Одна из последних обнаружена под оградой таштыкского склепа и прислоненной к ней грунтовой таштыкской могилой. Это подтверждает хронологическую последовательность этапов сарагаш—тесь—таштык. Могила в пункте Тепсей VII интересна находкой в ней бронзовых застежек с изображением головы сайги, ажурной и других блях, железного кинжала в ножнах, покрытых черным лаком с красной полоской.

Кыргызский чаатас и серия кыргызских каменных могил в пунктах Тепсей XI и III содержали обычный материал. Интересны погребения воинов с оседланным конем и могила, где в одной ямке погребен пепел сожженного человека, в другой — пепел коня. Полностью раскопан небольшой могильник Тепсей II предмонгольского времени (XI—XII вв. н. э.). Его девять могил с керамикой и железными вещами освещают крайне слабоизученный период на Енисее.

Наиболее разнообразный и новый материал дал комплекс памятников в могильнике таштыкской культуры Тепсей III. Раскопан большой склеп (50 кв. м), содержавший захоронения нескольких десятков людей. Склеп сгорел. Кроме обычных бронзовых и железных вещей (пряжки, парные головки коней, цепочки и др.), керамики, гипсовых бюстовых масок, в нем сохранились берестяной кошель, деревянные обугленные корыта, бочонок для вина (?), две большие статуэтки оленей, части деревянных шкатулок и сосудиков, планки с рисунками на них и разные другие вещи. В малом склепе (16 кв. м) также находились гипсовые маски, разной формы глиняная посуда, берестяной туес, бронзовые пряжки и головки коней и, кроме того, много бараньих астрагалов и коровьих пяток (таранная и пяточная кости в сочленении). Около склепов раскопана серия детских могил с такой же керамикой, как и в склепах, иногда с железными и роговыми вещами. Среди могил и на отдельной площади к югу от склепов вскрыто большое количество ямок с поминальными приношениями: один-два горшка и несколько кусков говядины или



Тепсей III. Рисунки на обугленных планках из таштыкского склепа (по полевой зарисовке)

Тепсей III. Рисунок на обугленной планке из таштыкского склепа

баранины. Наконец, на краю луговой террасы исследован культурный слой поселения.

Совершенно новым явилось открытие в большом склепе обугленных планок с сохранившимися на них многофигурными композициями. Планки длиной до 1 м, шириной 6—12 см, с ручкой на одном конце, покрыты едва заметными тонкими рисунками, вырезанными острием ножа. На одной стороне планки изображены обычно бегущие олени, лоси, медведь, волк и другие звери, на другой — композиции на темы, по-видимому, героического эпоса и исторических повестей. Изображены всадники и пешие воины с луком и стрелами, иногда в боевых доспехах. Они бегут, стреляют, мчатся на конях, падают раненые. Представлены картины битвы, угона добычи, погони, сражения на лодке и другие, большей частью пока нами не понятые. Сохранившиеся на планках рисунки представляют собой, несомненно, лишь контуры бывших здесь полихромных изображений. Это древнейшие в Азии миниатюры (II—VI вв. н. э.), стилистически совершенно своеобразные. Они оставлены обществом, не имевшим еще ни государственности, ни письменности, в то время как все известные нам древние миниатюры и стенные росписи на героические темы создавались в государствах с классовым обществом, с развитой письменностью и литературой.

ЕНИСЕЙСКИЕ ПИСАНИЦЫ

Я. А. Шер, Н. Л. Подольский,
И. Н. Медведовская, Н. М. Калашникова

Заключительный сезон работ Красноярской экспедиции Каменский отряд целиком посвятил полевому исследованию наскальных изображений. Основное внимание было уделено обследованию новых комплексов и ликвидации сомнений, появившихся при обработке материалов собранных в предыдущие годы. В ходе этих работ была изучена северная часть комплекса Оглахты I, ранее недоступная ввиду высокого уровня воды в Енисее, Были обнаружены комплексы Оглахты III, Тепсей III, Тепсей IV, Усть-Туба VI. На юго-западном склоне горы Тепсей найдена неизвестная ранее древнетюркская руническая надпись длиной в 36 знаков, копия которой передана для изучения в Институт народов Азии АН СССР.

Большое внимание уделялось совершенствованию методики полевого исследования писаниц. Копия, снятая со скалы на кальку, после проверки, здесь же, заливалась тушью и наклеивалась на листы стандартного формата, которые впоследствии в уменьшенном масштабе монтировались в соответствии с расположением на скале. Словесное описание в силу возможных субъективных представлений производилось под контролем второго лица. Для целей классификации была выработана шкала вариантов техники выбивки, в которой предусмотрены различные виды следов инструмента и их размеров. Фотографирование производилось на различных черно-белых и цветных материалах при естественном и искусственном освещении. В увеличенном масштабе фотографировались образцы различной техники выбивки. Наконец, с наиболее интересных рисунков и надписей снимались пластмассовые слепки. Это было особенно важно для сложных случаев перекрывания одного рисунка другим, для плохо читаемых надписей и для последующего изучения образцов техники выбивки рисунков. С этой же целью отдельные фрагменты скальных граней с рисунками или их частями были вывезены в Ленинград.

Всего в 1968 г. скопировано, проверено и сфотографировано более 2000 рисунков.

На основе предварительных наблюдений уже сейчас можно выделить в первом приближении некоторые крупные хронологические группы писаниц.

По-видимому, наиболее древними являются изображения лосей, медведей, оленей, кабанов и некоторых антропоморфных существ, удивительно похожие на рисунки с берегов Ангары, изученные и опубликованные А. П. Окладниковым. Их принадлежность к неолиту требует специальных доказательств. К окуневскому времени относится большое ко-

Енисейская писаница

личество рисунков, имеющих прямые аналогии с рисунками на плитах из окуневских могил на р. Черновой и в дер. Сыда и на окуневских стелах. Значительная группа рисунков животных может быть условно отнесена к эпохе начала и расцвета пастушеского скотоводства, но более четкое их разграничение по культурам (афанасьевской, андроновской, карасукской) еще встретится с большими трудностями. По изображениям в металле, дереве, кости и войлоке, известным из раскопок, легко «опознается» скифо-тагарская группа петроглифов. Среди них есть и разрозненные рисунки и большие сюжетные композиции.

Весьма сложной оказалась «привязка» каких-либо петроглифов к таштыкской эпохе, зато изображения древнехакасской эпохи выделяются довольно четко, и не только благодаря надписям и тамгам, но и по своим собственным особенностям.

Таким образом, Красноярской экспедицией собран большой и чрезвычайно интересный материал по искусству древних жителей Енисея. Если удастся преодолеть большие методические трудности его исследования, он раскроет малоизученный мир психологии творчества, эстети-

ческих представлений и художественных средств познания окружающего мира древними охотниками и скотоводами Енисея на протяжении нескольких тысячелетий.

О РАБОТАХ ЧЕРНОВСКОГО ОТРЯДА

Г. А. Максименков

Черновский отряд продолжал работы на севере Хакасской автономной области у оз. Сухого. В течение полевого сезона изучены памятники андроновского и карасукского времени. Всего раскопано 59 курганов, содержащих 118 могил.

На оз. Сухом имеется несколько курганов, выделяющихся размерами (наиболее крупные — диаметром больше 30 м, высотой более 2 м). Раскопано два таких кургана. На поверхности их прослеживались торцы плит от могильных ящиков. Раскопы были заложены вокруг видимых плит. В результате выявлены особые, ранее неизвестные варианты конструкции могил андроновского времени. Могилы были сооружены из вертикально поставленных на древнюю поверхность почвы плит, а с внешней стороны укреплены положенными плашмя крупными обломками плиток. В одном из этих курганов впервые на Енисее встречены рисунки с внутренней стороны могильных плит. Они представляли собой начерченную сетку квадратов. Похожие рисунки найдены и в другом андроновском кургане, где также с внутренней стороны плиты были начерчены косоугольная сетка и «елочка». Наиболее интересной оказалась могила 2 кургана 442: ее внутреннее пространство было свободно от земли. Здесь в цисте погребены два молодых человека, лежавших по енисейскому обычаю на левом боку, один за спиной другого. В головах первого скелета стоял горшок, покрытый деревянной крышкой, а рядом с горшком лежала деревянная колотушка. Среди вещей андроновских могил обращают на себя внимание впервые найденная золотая серьга с раструбом (эти серьги редки в енисейских могилах) и кольцо из золотой проволоки, свернутой в два оборота. Из других могил происходят значительная серия керамики и бронзовые пронизки из свернутых в трубочку бронзовых листиков.

Нужно отметить также редко встречающиеся в андроновских могилах костяной игольник, сделанный из трубчатой кости птицы, бронзовое шило и крупную бронзовую бляху, близкую алакульским бляхам западных районов андроновской культуры.

Основная масса раскопанных курганов относилась к карасукскому времени. Карасукские курганы оказались обычными по конструкции и содержанию могил. В них найдена значительная серия керамики. Среди горшков было довольно много орнаментированных, причем орнаменты

ведут свое происхождение от андроновской посуды. Один из них инкрустирован белой пастой. В могилах оказались вещи, которые обычно встречаются редко. Наиболее интересными надо считать костяные гребни. Два из них найдены в этом году, а всего их известно пять. В прошлом году впервые в карасукских могилах были найдены проволочные шейные гривны; их обломки оказались в нескольких могилах и в этом году. Кроме того, из карасукских могил происходит серия бронзовых бляшек, обломков ножей, тонких пластинчатых браслетов и других вещей. Работы дали дополнительный материал, позволяющий лучше и полнее судить об андроновской и карасукской эпохах Минусинской котловины.

РАБОТЫ РАННЕТАГАРСКОГО ОТРЯДА

М. П. Завитухина

Раннетагарский отряд Красноярской экспедиции произвел раскопки на правом берегу Енисея у горы Тепсей, в 50 км к северу от Минусинска. Силами отряда исследованы памятники Тепсей IX, VIII и VII.

Могильник Тепсей IX расположен по северо-западному склону горы Тепсей. Он состоит из 12 плоских «четырехкаменных» курганов с высокими камнями на углах ограды. Один из этих курганов имел камни также посредине сторон.

Раскопано семь курганов, содержащих 18 могил. В оградах обычно находились две могилы — мужская и женская. На дне грунтовых ям установлены невысокие срубы, обставленные с боков каменными плитами. Иногда стены могильной ямы укреплены плитами до дна. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении головой на юго-запад или в обратном положении. Могилы ограблены. В них обычно бывают глиняные сосуды и миска. Сосуды украшены рядом выпуклостей (бугорков) по верхнему краю, иногда в сочетании с кривой прочерченной линией и овальными вдавлениями. Кроме керамики, в могилах найдены костяные и бронзовые ножи, шилья, чекан, предметы украшения. Все курганы однородны. По конструкции, погребальному обряду и инвентарю их следует датировать концом подгорновского этапа тагарской культуры.

Дюнное всхолмление Тепсей VIII расположено параллельно могильнику Тепсей IX, вблизи от него. Оно служило местом погребения умерших в различные исторические периоды. Могилы расположены плотно, часто более ранние погребения нарушены последующими или перекрыты ими.

Раскопано восемь тагарских курганов с 32 могилами в них. Взрослые погребены в срубах, обставленных каменными плитами, реже в камен-

ных ящиках, дети — в каменных ящиках. Преобладают одиночные погребения, совершенные по обычному обряду. В нарушенных грабителями могилах сохранилась глиняная посуда, украшенная выпуклостями, орнаментом из желобков и резных линий. Кроме того, найдены бронзовые чекан и втоки, наконечники стрел, зеркало, украшения в виде бляшел, пронизок, бус.

Детские погребения обычно совершены в каменных ящиках, без инвентаря, в углах оград или по сторонам от основных могил. Исключением явилась одна детская могилка в миниатюрной прямоугольной оградке из небольших плиток с каменными столбиками на углах. Ребенок в возрасте двух лет похоронен в центре оградки в каменном ящике. Он положен на спину головой на северо-восток. Погребение сопровождалось двумя маленькими глиняными сосудами, один из которых украшен прочерченными горизонтальными бороздками.

Один курган этого могильника с восемью высокими камнями в ограде, в двух могилах которого похоронено по четыре человека, относится к раннему варианту памятников сарагашенского этапа, остальные курганы датируются подгорновским этапом.

В могильнике Тепсей VII раскопаны один курган подгорновского этапа и три могилы тесинского этапа.

Кроме тагарских курганов, раскопаны погребения других периодов. В числе их одна могила окуневской культуры. Девочка-подросток похоронена в каменном ящике, на спине, с поднятыми вверх коленями, сложенными на груди руками, головой на юго-восток. Обнаружены баночный орнаментированный сосудик, костяной игольник с костяной иглой, бронзовое шило, каменные фигурные пронизки и каменный бисер.

Раскопаны два каменных ящика в отдельных смежных оградах предтагарского времени, шесть могил, относящихся по предварительным данным к позднему варианту тесинского этапа. Из них две могилы с трупосожжением. Инвентарь: биконический глиняный сосуд и сосуд на поддоне, костяные головные булавки, железные ножи и пряжки, наконечник стрелы и другие предметы.

Обнаружены три погребения — парное, тройное и одиночное, не нарушенные грабителями, но без инвентаря. Их культурная принадлежность не определена.

На основе работ прежних исследователей и раскопок Красноярской экспедиции выясняется, что в правобережном районе Енисея мало памятников начала тагарской эпохи. Если левобережье поражает обилием погребений в каменных ящиках, то правобережье бедно погребениями этого рода. Именно эти погребения независимо от места их расположения содержат глиняную посуду с характерно утолщенным верхним краем, украшенную широкими горизонтальными желобками.

Исследованный материал позволит по-иному поставить некоторые вопросы о распространении памятников тагарской культуры и ее носителей в Хакасско-Минусинских степях.

РАБОТЫ ТАШТЫКСКОГО ОТРЯДА

Э. Б. Вадецкая

Таштыкский отряд Красноярской экспедиции производил раскопки памятников таштыкского времени в Новоселковском р-не Красноярского края на горе, над бывшей дер. Аешка. Здесь нами зафиксированы четыре склепа и около 100 грунтовых могил. Раскопаны все склепы и 33 могилы.

Могилы представляют собой четырехугольные грунтовые ямы глубиной от 0,9 до 2 м. На дне ям поставлены срубы размерами 2×2,5; 2,5×3 м при высоте 50—70 см. Срубы покрыты широкими плахами и берестой. Помимо срубов встречаются могилы, вырубленные в скальной породе. В могилах лежали кучки пепла сожженных на стороне людей, человеческие скелеты и аккуратно сложенные кучки человеческих костей. Скелеты вытянуты на спине головой на юго-запад. Инвентарь могил бедный, представлен преимущественно баночными плоскодонными и кубковидными сосудами, найдены также костяные булавки или проколки, бронзовое колечко, кусочки золотой фольги, обрывки шерстяной ткани, обломки железных предметов и глиняных погребальных масок.

Все четыре склепа имеют четырехугольную ограду, сложенную из плитняка, но внутренняя конструкция склепов различна. Они представляют собой неглубокие четырехугольные ямы, обложенные с внутренних сторон тонкими, поставленными на ребро плитами и срубом в один венец. В трех склепах сохранились основания деревянных столбиков, вероятно, поддерживающих кровлю. В одном случае столбики находились за внешними стенками ямы, в других — следы столбиков обнаружены внутри самой могильной ямы. Три склепа имели с восточной или западной стороны вход в виде коридора, обложенного продольными бревнами, дромоса, сложенного из плит, или просто большой плиты. Срубы обугленные, сохранность дерева плохая. Все склепы сильно и, вероятно, неоднократно граблены. В них лежали кучки человеческого пепла, четыре полных человеческих скелета и обугленные кости от пятого скелета. Из вещей найдены глиняные сосуды, бронзовая накладка с двумя стилизованными конскими головками, обломки погребальных масок, а также кости коровы и барана.

Заложен сплошной раскоп у края могильника, где на поверхности в разных местах виднелись сильно задернованные камни. В результате раскопок обнаружены две группы вертикальных камней, поставленных по линии север—юг. Между камнями и рядом с ними найдены кости баранов и сосуд таштыкского времени. Кости были зарыты в землю перед плитами. Сосуд поставлен в специальном ящике из мелких плит у основания одного из камней. Это поминальные камни, относящиеся к тому же времени, что и могильник.

Кладбище бедно вещами, но представляет интерес новыми чертами в конструкции могил и обряде погребения. Впервые стали известны захоронения таштыкского времени не только в срубах, но и в могилах, сооруженных в скальной породе. Важно сочетание трех обрядов погребения: сожжение трупов на стороне, погребение трупов в лежащем и полусидячем положении и вторичное захоронение человеческих костей с черепами. Особое научное значение имеют впервые раскопанные поминальные камни, связь которых с таштыкским кладбищем несомненна.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ТУВЕ

А. Д. Грач

Саяно-Тувинская экспедиция Института археологии АН СССР продолжала исследования на территориях Тувинской АССР и юга Красноярского края — в зоне будущего водохранилища Саянской ГЭС.

Уверенно продолжает наращивать материалы по каменному веку Центральной Азии отряд С. Н. Астахова. Обнаружено особенно много пунктов архаичного, леваллуа-мустьерского типа.

Продолжались исследования, целью которых является разрешение монгун-тайгинской проблемы — вопросов хронологии и этнокультурной принадлежности курганов монгун-тайгинского типа, оставленных древним населением, обитавшим в Туве, Северо-Западной и Северной Монголии по крайней мере с бронзового века до скифского времени включительно.

Раскопками были охвачены курганные комплексы скифского времени — объекты VII—VI и V—III вв. до н. э. В разных точках зоны начато исследование разнотипных памятников — погребальных комплексов, относящихся к периоду, переходному от скифского к гуно-сарматскому времени. Продолжалось изучение родовых кладбищ сарматского времени (первые века до нашей эры — первые века нашей эры).

Исследовались памятники древнетюркского времени (VI—X вв. н. э.) — эпохи оформления первоначальных этнических контуров народов, говорящих на тюркских языках, эпохи создания могущественных империй кочевников Центральной и Средней Азии.

В истекшем полевом сезоне значительно расширено исследование наскальных изображений Центральной Тувы.

Первый отряд Саяно-Тувинской экспедиции главные исследования проводил на правобережье р. Улуг-Хем (Верхний Енисей).

В могильнике Алды-Бель I раскопан комплекс курганов VII—VI вв. до н. э. Вскрыта серия камер-срубов, некогда содержавших одиночные погребения. Здесь же раскопано погребение с трупосожжением, примыкавшее к кургану скифского времени.

Полностью завершены раскопки группы курганов в могильнике Куйлуг-Хем I. Здесь наблюдались случаи перекрывания курганов монгун-тайгинского типа курганом скифского времени. Исследован курган скифского времени, содержавший три погребения с датирующим материалом и залегавший южной полой на объекте монгун-тайгинского типа. В итоге раскопок этой группы получена ценная информация по абсолютной и относительной хронологии комплексов монгун-тайгинского типа.

До начала основного полевого сезона были проведены работы в долине Саглы. Основные работы поставлены на одном из наиболее крупных курганов скифского времени Тувы — Улуг-Хорум. Выявлена сложная конструкция этого комплекса — центральное каменное наземное сооружение (диаметр по крепиде 23 м), окруженное кольцом (диаметр 63 м) с отходящими от него к центру радиальными перемычками (общее число 32). Центральное сооружение обрамлено крепидой, на камнях которой открыта серия изображений скифского времени. Общий объем центрального наземного сооружения составил 630 куб. м, вес 1540 тонн. В центральном сооружении открыты три впускных погребения: древнетюркское с конем, древнекыргызское и погребение монгольского времени. На горизонте — следы человеческого жертвоприношения.

В могильнике Саглы-Бажи IV раскопано два неограбленных кургана с камерами-срубами, содержавшими погребения, относящиеся к периоду, переходному от скифского к гунно-сарматскому времени.

Группа сотрудников под руководством М. А. Дэвлет проводила работу по исследованию и фиксации уникального местонахождения петроглифов на левобережье р. Куйлуг-Хем. Основная масса изображений прочно датируется скифским временем и включает ряд изображений предметов прикладного искусства. Имеются надежные основания и для установления относительной хронологии — изображения скифского времени на нескольких скальных участках перекрыты рисунками гунно-сарматского времени, нанесенными линеарной техникой.

На местонахождениях Чинге и Мугур-Саргол продолжалось исследование и фиксация петроглифов, значительная часть которых относится к бронзовому веку и скифскому времени.

Предпринята дальняя разведка Саянской «трубы». Маршрут разведки: Карабей — устье р. Хемчик — пороги Сарыг-Хая — Кургол — Староверский — Усть-Уса. На плато у впадения Хемчика в Енисей наземным осмотром были обработаны данные проведенной в предыдущие сезоны авиаразведки. Зафиксированы могильники скифского времени (курганы с камерами-срубами пазырыкского типа). На Хемчике и Чинге найдены курганы VII—VI вв. до н. э. типа алды-бельских комплексов. Курганный могильник обнаружен и на глубинном отрезке Саянской «трубы» — в районе Староверского порога. Разведывательный маршрут позволил приступить к составлению перспективного плана археологического освоения Саянской «трубы».

ИЗУЧЕНИЕ КАМЕННОГО ВЕКА В ТУВЕ

С. Н. Астахов

Третьим (палеолитическим) отрядом Саяно-Тувинской экспедиции сравнительно полно обследованы два района и совершен один рекогносцировочный маршрут.

Первый охваченный район — левый борт долины р. Саглы от Саглы-Бажи до р. Мугур (включительно) — всего около 25 км. В этих местах палеолит был известен главным образом по сборам Л. Р. Кызласова и А. Д. Грача. В нынешнем сезоне открыто 28 новых пунктов, из них шесть можно отнести к позднему палеолиту, три пункта дали материал, недостаточный для датировки, и 19 — материал архаичного (некоторые — леваллуа-мустьерский) по облику типа. Пункты располагались группами: в Саглы-Бажи — два, на возвышенности Красная горка — восемь у выхода ручья Терактиг — один, на правом берегу р. Саглы — один, на террасе Саглы перед Мугуром — семь, по р. Мугур — девять. Отщепы, нуклеусы и орудия залегали на поверхности террас или на краях конусов выноса разных уровней: в верховьях — 8—12 м, в средней части долины — до 30 м. Минимальное количество обработанных предметов на пункте 10—15 экз.

Вопрос о возрасте архаичных по облику изделий еще не решен. Судя по расположению остатков стоянок, они могут быть датированы временем от Каргинского межледниковья до начала Сартанского оледенения. Это позволяет отнести их к концу среднего — началу позднего палеолита, но не исключено, что они могут оказаться моложе.

Пункты с инвентарем позднего облика предварительно, на основании полевых впечатлений, можно отнести ко второй половине и к концу позднего палеолита.

Второй обследованный район — левый берег широкой долины р. Шагонар и левобережье р. Улуг-Хем вниз по течению от устья р. Шагонар. В этом месте к указанным рекам подходят невысокие горы Аргалыкты. На террасах и грядах, примыкающих к ним и к реке, обнаружено 15 новых пунктов. Из них один (ТШ-4а-г) архаичного облика, аналогичен саглынским материалам и пункту Чинге-Даг-Ужу на р. Чадана. Он расположен на левом берегу р. Шагонар, в 12 км к югу от устья, на скалистом мысу высотой 14—16 м. Находок много: галечные нуклеусы, чопперы, отщепы, крупные пластины и др. Рядом, на краю мыса и у его подножия,— два пункта с инвентарем позднепалеолитического облика. Там, где лежали архаичные изделия, примеси поздних практически не было. Эти три пункта относятся к палеолитическому времени; остальные 12, видимо, к разным этапам от самого конца палеолита до неолита. На восточных склонах хребта Аргалыкты, на грядах и седловинах, приуроченных к выходам ныне сухих русел, довольно далеко от современной долины р. Шагонар, обнаружено пять пунктов с инвентарем, в котором

основную массу составляют расколотые микропластинки, скребочки, нуклеусы. Вероятно, эти памятники относятся ко времени, когда климат был более влажным, и принадлежат охотничьим общинам мезолитического или раннеолитического времени.

У подножия северных склонов тех же гор обнаружено семь пунктов. Они расположены на присклонной плоской террасе и конусах выноса, налегающих на нее. Возраст их еще не определен (видимо, неолит). Один пункт, расположенный у старичного озерка с уже открытой Ю. И. Трифоновым в 1967 г. неолитической стоянкой, можно датировать тем же временем.

Кроме обследования этих двух районов, был сделан рекогносцировочный маршрут Кызыл — оз. Чедер. — оз. Чагытай — с. Балгазик. Южнее оз. Чедер осмотрена стоянка Ангачи и собран новый материал по неолиту, у оз. Чагытай (южный берег) открыта стоянка, возраст которой по материалу, полученному из небольшого шурфа, определить трудно (предварительно — от конца позднего палеолита до неолита). Существенно, что это первая из обнаруженных нами стоянка, где находки перекрыты небольшим (5—8 см) слоем почвы.

Всего за сезон отрядом открыто 44 новых памятника. Из них 20— предположительно конца среднего — начала позднего палеолита, 8 — позднепалеолитического возраста, несколько пунктов еще не могут быть датированы и остальные — мезолитического (?) и неолитического возраста.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА АЙМЫРЛЫГ И ГОРОДИЩА БАЖЫН-АЛАК

А. М. Мандельштам

Полевые исследования второго отряда Саяно-Тувинской экспедиции были сконцентрированы на памятниках, расположенных в пойме низовьев рек Чаа-Холь и Урбюн (левобережные притоки Енисея) и ближайших ее окрестностях. Раскопки сравнительно больших масштабов производились на территории могильника Аймырлыг и городище Бажын-Алак.

Могильник Аймырлыг находится на террасе, ограничивающей пойму с севера. Он насчитывает более 300 погребальных сооружений, составляющих несколько довольно четко разграниченных групп. Большинство групп тяготеет к краю террасы, но некоторые располагаются сравнительно далеко от него. Наряду с курганами различных типов здесь имеются многочисленные квадратные западины, каменные ящики, грунтовые могилы и квадратные выкладки. Частичным раскопкам были подвергнуты пять групп, составляющих северную часть памятника: всего здесь

исследовано около 100 объектов. В числе их имеются пять срубов скифского времени, датируемых в пределах V—III вв. до н. э. Особенностью конструкций этих сооружений является сужение камеры в верхней части. Сопровождающий инвентарь состоит из глиняных сосудов, бронзовых клевцов и наконечников стрел, бронзовых и железных кинжалов, различных украшений, зеркал и т. д. Сопоставление находок в неограбленных и ограбленных срубах показало, что последние сохраняют значительную часть первоначального инвентаря.

Весьма многочисленны каменные ящики. Часто они прослеживаются по выступающим плитам над поверхностью земли, но обычно скрыты наносами. Все ящики прямоугольные с выложенным плитами дном. Перекрытие состоит из нескольких рядов плит, уложенных поперек длинной оси ящика, в некоторых случаях под перекрытием располагались опорные горизонтальные плиты, лежавшие продольно по стенкам. В ящиках обнаружены погребения взрослых и детей. Инвентарь в целом сходен с инвентарем срубов, но, видимо, относится главным образом к позднему периоду указанного промежутка времени. Специального внимания заслуживает найденная в ящиках керамика: она характеризуется несколькими своеобразными формами, не характерными для скифского времени.

Грунтовые ямы сравнительно немногочисленны, обычно с перекрытием того же типа, что и у ящиков, и с плитами на дне. Погребения в них как одиночные, так и коллективные; есть случаи многоярусного захоронения. Дата их пока остается не вполне ясной.

Случаи, когда каменные ящики впущены в западины срубов, позволяют предполагать, что дальнейшие работы дадут возможность разработать более подробную хронологию.

Упоминавшиеся выше каменные ограды располагаются обособленно, иногда компактными группами, вытянутыми с юга на север. Раскопки одной из таких групп показали, что они относятся к тюркскому времени и в основных чертах повторяют ранее исследованные памятники этого типа.

Могильник Аймырлыг следует считать весьма перспективным памятником, поскольку здесь несомненно имеются погребения, относящиеся к переходному периоду от скифского к гуно-сарматскому времени. Внимания заслуживают некоторые находки (пряжки и др.), близкие предметам, характерным для племен сарматского круга.

На городище Бажын-Алак продолжалось раскрытие северо-западной части. Раскрыты две землянки, вытянутые с запада на восток. Одна из них (северная) длиной около 14 м при ширине до 2 м, другая (южная) длиной около 9 м при той же ширине. Дополнительных устройств (лежанок и т. д.) не имеется. Находки в обеих землянках состоят главным образом из костей животных и обломков керамики. Немногочисленны обломки каких-то изделий из кости и фрагменты железных предметов. Назначение этих «коридорообразных» землянок пока остается не вполне

ясным. Следует отметить, что они расположены на естественном возвышении, лежащем вблизи от северной стены городища. Последняя была раскрыта на значительном участке с целью подойти в дальнейшем к ближайшей башне.

Заложен раскоп в центральной части городища, где расположено несколько всхолмлений. Здесь, рядом с участком, исследованным в свое время С. И. Вайнштейном, раскрыто прямоугольное помещение (4,5××3,8 м) наземной постройки. Стены его ориентированы по странам света, сохранились на высоту до 0,6 м. Вход расположен в южной части.

Севернее и западнее помещения находится землянка весьма сложной формы. Раскопанная часть имеет несколько «отсеков» и углублений различной конфигурации и глубины. Вход в землянку — пологий пандус — находится в южной части. Находки состоят главным образом из костей животных и обломков керамики.

Раскопки на городище показывают, что это весьма своеобразный памятник, для понимания которого потребуется еще много усилий.

РАБОТЫ НА ОРТАА-ХЕМЕ

И. У. Самбу

Четвертый отряд Саяно-Тувинской экспедиции продолжал работы в низовьях р. Ортаа-Хем — на правобережье Енисея. Раскопано восемь объектов скифского и гунно-сарматского времени.

Курганы с погребениями скифского времени по многим признакам близки комплексам могильника Куйлуг-Хем I. Под единым каменным сооружением, обрамленным крепидой, — до трех могильных ям, погребения в каменных ящиках или деревянном обрамлении. Инвентарь многочислен: ножи, зеркала, шилья, бляхи, предметы конского убора, наконечники боевых стрел, золотые серьги.

Погребения гунно-сарматского времени, раскопанные на Ортаа-Хеме, являются ценным дополнением к серии памятников этой эпохи в Центральной Туве. Обряд традиционен: погребения в гробах или каменном обрамлении; положение погребенных — вытянутое на спине; ориентировка — головой на северо-запад; в головах часты каменные подушки. Инвентарь: керамические сосуды с арочным орнаментом, железные ножи, шилья, булавки с шаровидными навершиями, бронзовые и костяные украшения.

В курганах Ортаа-Хема вновь проводилось исследование позднейших ритуальных дополнений к древним наземным сооружениям. Внутри каменных кладок обнаружены жернова, серпы, мотыги.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКОВ АРГАЛЫКТЫ I И КАРА-ТАЛ IV

Ю. И. Трифонов

Работа пятого отряда Саяно-Тувинской экспедиции в зоне будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС проводилась на левобережье Енисея в районе г. Шагонар и пос. Чаа-Холь. Были продолжены раскопки могильников Аргалыкты I.

Могильники Аргалыкты I и Кара-Тал IV состоят из курганов разных эпох. К изученным ранее сооружениям скифского, гунно-сарматского, древнетюркского времени, памятникам монгун-тайгинского типа и позднейшим впускным захоронениям могильника Аргалыкты I теперь добавились два своеобразных кургана, представляющих собой новый, до сих пор неизвестный в Туве тип памятников. Хронологическая принадлежность их определена пока в рамках IV—II вв. до н. э.

В могильнике Кара-Тал IV, раскопки которого почти полностью завершены, помимо двух курганов древнетюркского времени, изучено еще два аналогичных памятника той же эпохи, а также восемь сооружений гунно-сарматского периода.

Памятники гунно-сарматского времени представлены как поминальными (3), так и погребальными (5) сооружениями, сконцентрированными в двух группах. В первой из них — три примыкающих один к другому кургана с неодинаковым количеством погребений в каждом (курган 3 — семь погребений, курган 4 — два, курган 5 — одно). Непосредственно к ним примыкают два объекта древнетюркского времени (курганы 1, 2). Во второй группе — пять смежных курганов, три из которых (8, 9, 11) — поминальные, а два (10, 11) — погребальные (по одному погребению в каждом кургане).

После расчистки погребальные и поминальные памятники представляют собой сплошные образования преимущественно из мелких обломков горных пород. По отдельным, хорошо сохранившимся частям основ сооружения можно предположить, что в некоторых случаях (курганы 4, 5, 10) их первоначальная конструкция была тождественна конструкции ранее изученных памятников. В этих объектах в основе сооружений, по-видимому, лежали постройки, близкие прямоугольным или овальным в плане, из плотно прилегающих обломков, ориентированные по той же оси, что и находящиеся под ними в центре неглубокие узкие погребальные ямы. Погребения в них традиционные одиночные; положение погребенных — вытянутое на спине; ориентировка — головой на северо-запад с отклонением к северу или западу. Инвентарь в основном состоит из железных изделий: наконечников стрел, ножей, пряжек и т. д., а также из керамических сосудов (в головах).

Встречены и более сложные конструкции. Любопытно, что в каждом из этих сооружений есть правильные по форме круги из довольно мас-

сивных камней. В отдельных случаях в пределах таких кругов или поблизости от них найдены керамические сосуды в углублении, под плитой. Горшки распространенных в Туве гунно-сарматского времени форм украшены характерным арочным орнаментом.

Третью группу в могильнике составляют памятники древнетюркского времени — курганы 6 и 7, различные по масштабу. В обоих случаях выявлены основы сооружений. В кургане 6 — это небольшой круг (2,1××2,3 м), составленный из нескольких массивных камней, ограничивающих его контур, и мелких обломков, являющихся внутренним заполнением площади круга. Основу сооружения кургана 1, по-видимому, составляло кольцо (средняя ширина 1 м).

Погребальный обряд обоих курганов отражает известный ритуал древних тюрок — погребение с конем. Ямы в плане трапециевидны, основаниями ориентированы на север и юг (с небольшим отклонением к северо-востоку и юго-западу), неглубокие. В северной половине — погребение человека, в южной — коня. Разделительных стенок нет (в кургане 7 — один большой, вертикально стоящий камень). Погребенные вытянуты на спине головой на восток. В кургане 6 лошадь положена на одном уровне с человеком, в кургане 7 — человек на возвышении (30 см). Лошадь обращена головой в противоположную от человека сторону.

Состав инвентаря свидетельствует о принадлежности погребенных к рядовым слоям древнетюркского общества.

Необычным и имеющим пока единственную аналогию среди памятников Тувы является курган 17 (могильник Аргалыкты I). Конструкция его почти полностью повторяет конструкцию смежного с ним объекта (кургана 16). Та же цилиндрической формы постройка из горизонтально уложенных плитовых камней, почти та же высота (несколько больше 1 м), то же подобие ворот или входа с юго-восточной стороны, сверху. Пол этого «склепа» вымощен сравнительно тонким плитняком. Все сооружение находится в земле. Явных следов перекрытия сооружения, как в соседнем кургане, здесь нет. Очевидно, это объясняется тем, что на его площади было потревоженное впускное погребение. Погребение одиночное. Костяк вытянут, очевидно, на спине и обращен головой на юг. При нем найдены сосуд баночной формы и костяная бусина.

Основное погребение парное. Оба скелета лежат в западной половине сооружения (один — в ногах другого); в восточной — кости овцы. Погребенные скорчены на правом боку. Один обращен головой на север, другой — на запад. Черепа — на каменных подушках. В головах одного из погребенных стоит сосуд. Другой сосуд помещен в восточной половине, в нем — остатки мясной пищи (кости овцы).

По погребальному обряду и некоторым категориям вещей (керамика, ножи и др.) курган близок памятникам скифского круга, однако относится он к переходному этапу от скифского к гунно-сарматскому времени.

РАБОТЫ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ОТРЯДА МГУ

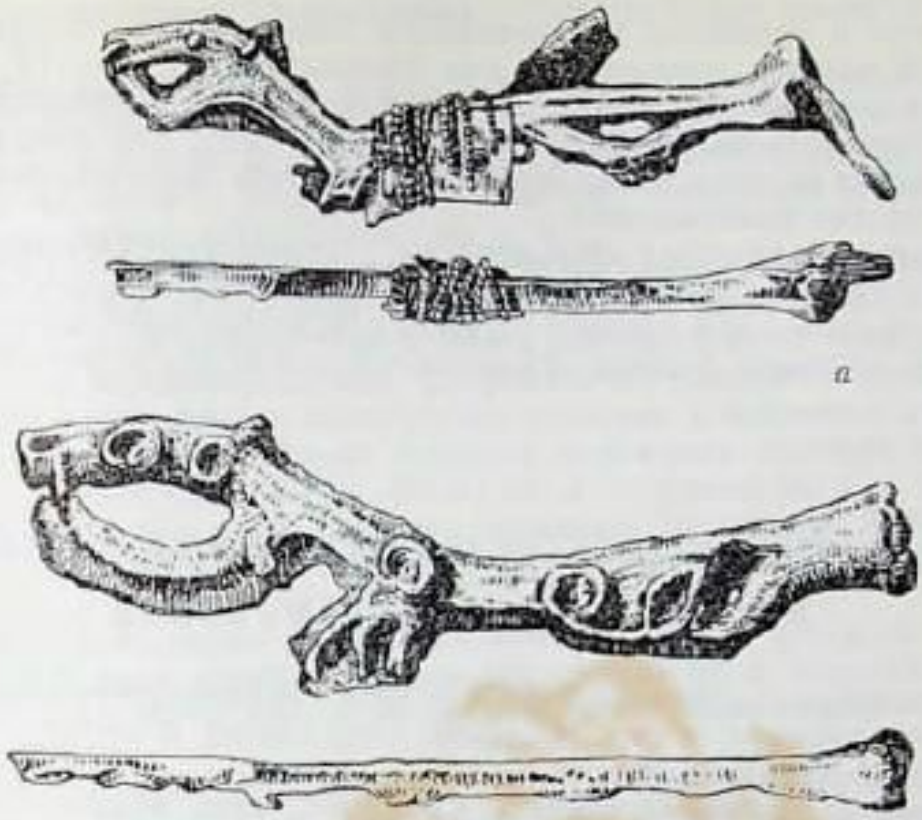
В. Ф. Старков

Западносибирский отряд МГУ провел исследования на территории Свердловской и Тюменской областей. В Салдинском р-не Свердловской обл. произведены разведочные работы на оз. Моршининском и продолжены раскопки Кокшаровской I стоянки.

Разведочный раскоп площадью 12 кв. м, заложенный на Моршининской стоянке, дал незначительный материал (160 предметов): керамику и изделия из камня. Основное место в комплексе принадлежит керамике липчинского типа с узорами, нанесенными способом «ложного шнура». Другая часть керамики украшена оттисками гребенчатого штампа и орнаментом, выполненным отступающей палочкой. Среди каменных изделий есть несколько шлифовальных плит, скребков и наконечников стрел. Дата этого памятника — конец III — начало II тысячелетия до н. э.

Раскопки Кокшаровской I стоянки вскрыли часть стоянки площадью 120 кв. м, непосредственно примыкающую к краю берега. Здесь выявлено несколько культурных слоев: позднего неолита, раннего и развитого бронзового века с керамикой черкаскульского типа. Слои бронзового века по мере приближения к озеру постепенно выклиниваются; здесь преобладает материал позднего неолита. На материке обнаружены два разрушенных погребальных комплекса в виде развалов камней, среди которых находились отдельные угли и обломки двух толстостенных чаш на поддоне. Аналогичная чаша встречена здесь ранее в непотревоженном погребении. Погребение относится к черкаскульскому времени. Хронологические рамки памятника — конец III — вторая половина II тысячелетия до н. э.

В Тюменской обл. работы отряда были сосредоточены на территории Березовского р-на близ с. Сарапауль, где произведены частичные исследования уже известного в литературе неолитического поселения Чэс-тый-яг. Топографическое исследование памятника обнаружило здесь 18 землянночных углублений прямоугольной формы, окруженных по периметру земляными валиками. Размеры землянок варьируют от сравнительно небольших (56 кв. м) до огромных (305 кв. м). Глубина их достигает 2 и более метров. Как показали раскопки одной из землянок, жилище было расположено на месте ранее существовавшего поселения, о чем свидетельствует полоса культурного слоя мощностью 20 см, отделяющаяся от земляночного заполнения слоем стерильного песка в 20—50 см. Происхождение этого стерильного слоя пока неясно, так как находки в обоих культурных слоях практически не отличаются друг от друга. Заполнение землянки представлено слоем кострища толщиной 25—80 см, содержащего керамику периода позднего неолита, украшенную оттисками гребенчатого штампа, и каменные орудия. Большинство



Поселение Чэс-тый-яг. Бронзовые фигурки из клада

изделий из камня выполнено техникой шлифовки. На дне землянки удалось обнаружить остатки строительных сооружений в виде угольных пятен: две перекрещивающиеся балки и глубоко врытый в землю центральный столб. Время существования землянки — конец III тысячелетия до н. э.

В 2,5 км от поселения Чэс-тый-яг был обнаружен еще один памятник, расположенный, как и первый, на останце террасы р. Ляпин, на берегу озера (старица Ляпина) с хантыйским названием Вуграсян-вад. Бо́льшая часть памятника была распахана. На оставшейся территории обнаружено четыре земляночных углубления, площадью в среднем около 50 кв. м. Исследования одной из землянок обнаружили здесь остатки двух очагов, скопление костей животных и несколько изделий из железа и камня.

Интересные находки были на краю поселения, на распашке. Найден клад, состоящий из 92 бронзовых фигурок животных. Две фигурки объемного литья, остальные — плоского. Изделия после литья не очищены, за исключением двух фигурок, у которых обрублены литниковые чаши. Среди всего комплекса вещей нет ни одного повторяющегося изображения. Часть фигурок довольно реалистична. Здесь можно видеть некоторых пушных зверей, волка или собаку, бобра (?). Большинство же

фигурок дано в условном, стилизованном изображении—в виде зверей с разинутой пастью, прыгающих или галопирующих. На 13 фигурках сохранились остатки перевитого шнура, которым были привязаны фрагменты бляшек усть-полуйского типа. Судя по тому, что вокруг многих фигурок имелся остаток тлена, подобная перевязь была сделана на всех или большинстве изображений.

Этот комплекс наряду с Лозьвинским, Мурлинским, Нетяцким и другими, известными на этой территории, должен быть, по-видимому, отнесен к культовым местам древних угров, а найденные здесь же фрагменты керамики и обломки бляшек позволяют связать его с усть-полуйской культурой.

РАБОТЫ В ТОМСКОЙ И ОМСКОЙ ОБЛАСТЯХ

В. И. Матющенко, Л. Н. Чиндина

Археологическая экспедиция Томского университета продолжала раскопки могильника у дер. Ростовка близ Омска и могильников I, II у дер. Еловка Томской обл.

Во время раскопок могильника у дер. Ростовка вскрыта значительная площадь, которая не содержала могил. Здесь собран инвентарь, постоянно встречающийся вне могил: каменные наконечники стрел и дротиков, каменные ножи, скребки, скребла и отщепы, а также довольно многочисленные фрагменты керамики.

Установлено, что могилы, раскопанные в 1966 и 1967 гг., составляли первую группу захоронений. Вторая группа могил была начата исследованиями в прошедшем сезоне. Она отделена от первой площадью, свободной от могил. Из второй группы вскрыто четыре могилы. Здесь же среди этих могил открыта яма, где жгли умерших. Эта яма была обильно насыщена углями, жженой землей и жженными костями. В заполнении могил собрано небольшое число фрагментов керамики.

Из четырех могил, раскопанных прошедшим летом, наиболее интересны 33 и 34. Могила 33 содержала захоронение воина в костяных латах. Среди находок следует отметить бронзовый наконечник копья с ромбическим стержнем, два золотых височных кольца, каменные наконечники стрел.

Могила 34 содержала захоронение человека, снабженного бронзовым пластинчатым ножом, бронзовым втульчатым наконечником копья с багром, двумя золотыми височными кольцами и двумя бронзовыми шильями с костяными рукоятями.

Раскопкам в могильнике I у дер. Еловка подверглись четыре кургана, в которых было 17 могил. Среди погребального инвентаря первое место принадлежит керамике, которая типологически близка керамике Елов-

ского поселения (раннего комплекса, относящегося к концу II тысячелетия до н. э.).

Раскопки могильника II у дер. Еловка вскрыли 58 могил, в которых найдены андроновская керамика и керамика томской культуры. Многие из умерших были обильно снабжены бронзовыми вещами (ножи, шилья, пуговицы, нашивки). Весь облик инвентаря позволяет датировать эту группу могильника XIII—XII вв. до н. э.

Экспедиция Томского университета прошедшим летом произвела раскопки на территории бывшего Томского острога, на так называемой Воскресенской горе в Томске. Здесь обнаружены остатки трех деревянных строений типа бревенчатых изб. Сохранность строений позволяет достаточно точно восстановить планировку, площадь и основные приемы возведения сооружений. Собрана большая коллекция русской керамики и других предметов быта XVII—XVIII вв. н. э. Кроме того, в нижнем горизонте культурного слоя найдена керамика дорусского населения, известная по материалам могильников у Басандайки, Таянова городка и в других местах и датируемая XIV—XVI вв.

Отрядом экспедиции была проведена разведка по р. Васюгану от устья р. Нюрольки (правый приток Васюгана) до р. Варе-Игай (левый приток). Обнаружено девять археологических памятников — городищ и поселений.

На трех поселениях собран характерный материал. Шкаринское поселение (у дер. Шкарино) состоит из трех больших земляночных углублений четырехугольной формы с четко обозначенными выходами в северной стене. Вокруг землянок хорошо прослеживаются ямы, из которых брали землю для насыпи. В шурфе обнаружен круглодонный сосуд кинтусовского типа (по В. Н. Чернецову). Орнамент гребенчатый в виде поясов из «елочек».

Керамика с орнаментом найдена на Степановских поселениях I и II (в 6 км к востоку от пос. Средний Васюган). Сосуды были украшены рядами ямок и бугорков в сочетании с многорядной «уточкой». Поселения, вероятно, относятся ко второй половине I тысячелетия н. э.

Значительный интерес представляет памятник на Лисьем мысу (в 3 км от пос. Средний Васюган) на берегу р. Варен-Игай. Здесь сохранились остатки сильно разрушенного поселения. На поверхности собраны керамика, кремневые отщепы, скребок, ножевидная пластинка. Фрагменты керамики происходят от толстостенных сосудов, орнаментированных гребенчатым и ромбическим штампами, характерных для памятников раннего бронзового века. Рядом с древним поселением находятся земляночные углубления конца I тысячелетия н. э. Керамика орнаментирована «уточкой», гребенчатым и змейчатым штампами. На этом месте школьники нашли бронзовую бляху с личиной человека. Изображение типично западносибирское (например, типа личин из Колуяновых юрт на р. Оби, из дер. Ишимки у г. Ачинска и т. д.).

РАЗВЕДКА В ПРИИШИМЬЕ

В. Волошин

Территория Центрального Казахстана в археологическом отношении изучена крайне неравномерно. В Целиноградской обл. и в прилегающих районах Кустанайской каменный век известен лишь по единичным случайным находкам. Для восполнения этих пробелов осуществлена разведка в верховьях рек Ишима и Терсаккана, а также в районе Ерементауских гор. Открыто 22 памятника.

На западных склонах Ерементауских гор обнаружен немногочисленный инвентарь позднепалеолитического памятника Беймен.

В бассейне р. Терсаккана встречено 14 памятников. Как правило, они расположены у родников. Среди них имеются большие местонахождения с количеством находок по нескольку сот на каждом. Находки представлены нуклеусами, ножевидными пластинками и их сечениями, скребками на отщепах и (в очень незначительном количестве) на пластинах, наконечниками стрел и дротиков, изготовленными из сливного песчаника, кремня и яшмы. Возраст инвентаря десяти памятников — неолитический; четыре памятника — бронзового века.

По берегам Ишима у сел. Вишневка открыты четыре местонахождения. Три из них неолитические. Богатый инвентарь этих памятников представлен призматическими и коническими нуклеусами, пластинками, отщепами, скребками. На четвертом — палеолитическом местонахождении (Вишневка I) — встречены желваки породы со следами снятия единичных сколов, дисковидный нуклеус, крупные отщепы. На некоторых из них прослеживается вторичная обработка острых краев.

ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ У дер. ЧЕРНООЗЕРЬЕ НА ИРТЫШЕ

В. Ф. Генинг

Омский отряд экспедиции Уральского университета продолжал раскопки комплекса памятников у дер. Черноозерье Саргатского р-на. Подтвердилось предположение о палеолитическом поселении (стоянка Черноозерье II), на котором вскрыто около 200 кв. м. На глубине 2,5—3 м фиксируются три культурные прослойки, но наиболее насыщена остатками лишь самая нижняя, где обнаружено несколько незначительных временных кострищ и одна мощная линза прокала, перекрытая толстым слоем костного угля. Рядом с этим очагом находились две мешкообразные ямы и скопление кварцитовых отщепов (83 экз.). Инвентарь, собранный в остальной части стоянки, пока небогат, всего около десятка орудий

(скребок, проколка, обломки пластин с ретушью) и около 60 отщепов и пластин преимущественно из кварцита, в то время как большинство орудий сделано из кремня. Фауна стоянки небогата, отметим отсутствие мамонта и носорога. Стоянка Черноозерье II имеет поразительное сходство со стоянкой Красный Яр на Ангаре, относящейся к концу позднего палеолита.

Мезолитическое время представлено на стоянке Черноозерье VIa, где четко прослежено скопление микропластин на ограниченном участке раскопа стоянки бронзового века.

Многочисленные материалы собраны на памятниках бронзового века. Раннебронзовая стоянка Черноозерье III содержала остатки трех кремнеобрабатывающих мастерских. Это обычно небольшое углубление, в одной стороне которого скопление сотен мелких отщепов и пластин. Около одного скопления обнаружена ямка, по форме похожая на остродонный сосуд, обмазанная толстым слоем глины и сильно обожженная.

На стоянке Черноозерье VI, богатой остатками домашних животных, продолжено вскрытие глубокой длинной канавы, назначение которой пока не совсем ясно. Зафиксировано много столбовых ям, возможно от наземных жилищ, и очаги-кострища.

Могильник Черноозерье I, расположенный на площади стоянок II и III, за два года исследован на две трети всей площади (всего вскрыто около 100 погребений). Собрано большое количество бронзовых вещей: однолезвийных ножей, наконечников копий (типа так называемых ножей срубного типа), но особенно многочисленны украшения — широкий рамчатый браслет с умбонами на концах и решетчатыми треугольниками в середине, желобчатые браслеты, рожковые и в полтора оборота височные кольца. Выделяются богатые погребения: в одном — ожерелье-воротник из 19 медных трапециевидных пластин и зубов-резцов жвачных, в другом — ожерелье из зубов и 12 пластинчатых височных колец, в третьем — ножные браслеты из медных бус и др. Во многих погребениях стояли глиняные плоскодонные горшки, сплошь покрытые гребенчато-накольчатым орнаментом.

Хорошо прослежена конструкция могильной камеры в виде рамы из поставленных на ребро плах, перекрытой сверху одной—тремя плахами. Собраны большой краниологический материал и остатки древесины для радиокарбонного анализа.

Несколько в стороне от первого могильника вскрыто еще два разграбленных захоронения с андроновской керамикой (могильник Черноозерье II).

На стоянке Черноозерье I, где уже было вскрыто два андроновских жилища, вскрыто еще одно жилище, но с более ранней керамикой. К андроновскому же времени относится глубокая канава, заполненная толстым слоем золы, костями и керамикой, во многом сходной с керамикой на стоянке Черноозерье VI.

В самой дер. Черноозерье обследована стоянка VII с керамикой андроновско-карасукского облика, где несколько лет назад был найден бронзовый наконечник копья с полукруглыми вырезами на пере.

На площади могильника Черноозерье I были исследованы остатки двух распаханных курганов раннего железного века. Захоронения находились в глубоких могильных ямах, но все они совершенно разграблены.

РАСКОПКИ В ТУВИНСКОЙ АССР

М. Х. Маннай-Оол

Археологическая экспедиция Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории проводила исследования памятников разных эпох в высокогорной и наиболее труднодоступной долине р. Хут, расположенной на стыке территорий юга Красноярского края и северной части Тувинской АССР, а также у поселков Эрбек и Сесерлиг Пий Хемского р-на. Всего раскопано 14 объектов: курган уюкской культуры (VII—III вв. до н. э.), два кургана древнетюркского времени (VI—VIII вв. н. э.) и 11 поминально-ритуальных курганов, большинство которых по вещественному инвентарю датируется древнекыргызским периодом (IX—XII вв. н. э.).

Курган, относящийся к уюкской культуре, расположен на правом берегу р. Хут, имеет округлую форму с глубокой впадиной посредине; состоит из земли и камней. Диаметр его 20 м, высота 2 м. Под насыпью обнаружены четыре погребения. Основное погребение в центральной части кургана было ограблено в древности. В других погребениях найдены одиночные скелеты на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад и север. В них обнаружены бронзовый чекан, наконечники стрел разных типов, ножи (пластинчатые и с кольцом), каменный оселок и другие предметы, датирующиеся ранним этапом уюкской культуры, т. е. VII—VI вв. до н. э.

В двух древнетюркских курганах обнаружены одиночные погребения без захоронения коней, характерного для погребального обряда древних тюрок. При покойниках найден бедный инвентарь: железные наконечники стрел, стремена, пряжки, костяные накладки от колчана.

Под насыпями каменных поминально-ритуальных курганов в неглубоких ямах встречены остатки поминальных тризн: крестцы (от одного до пяти), грудные кости, позвонки, ребра и лопатки баранов. В этих ямах, кроме остатков жертвенной пищи, положенной для «духа умершего», были найдены железные ножи, наконечники стрел, фигурные бляшки, сосуды из дерева, глины, серебра и др.

Все эти вещи не носят никаких следов воздействия огня. Среди этих предметов большой интерес представляют серебряная кружка с боко-

вой орнаментированной ручкой на низком поддоне исключительно хорошей сохранности и великолепная кыргызская ваза со сложным геометрическим орнаментом, сделанная на гончарном круге.

Во время маршрутной разведки, совершенной нами по территории Дзун-Хемчикского р-на, были открыты и зафиксированы самые различные археологические памятники. Это древние могильники из округлых каменных и больших земляных курганов, каменные изваяния, оленный камень, писаницы.

РАБОТЫ НОВОСИБИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Т. Н. Троицкая

Новосибирская экспедиция проводила работы тремя отрядами. Омский отряд продолжил разведки на р. Оми у дер. Старая Преображенка Чановского р-на. Обнаружены две новые курганные группы и поселение начала II тысячелетия н. э. В курганном могильнике Преображенка 3 раскопано пять насыпей. В четырех небольших курганах выявлены расположенные на уровне материка потревоженные погребения позднего бронзового века, сопровождаемые кострищами-тризнами. Под насыпью пятого кургана находилось восемь могил и одна яма с конскими черепами. Три андроновских захоронения совершены в неглубоких могилах и сопровождались сосудами. Скелеты лежали в скорченном положении на левом боку головой на северо-восток и юго-запад. Одно погребение на уровне материка относилось к позднему бронзовому веку. Остальные погребения разграблены, в одном из них обнаружено скопление конских бабок. В насыпи найдено большое количество обломков доандроновской керамики.

Вахрушевский отряд проводил охранные раскопки застраиваемой территории андроновского могильника. Раскопано два кургана диаметром более 10 м. В одном обнаружены три грунтовые могилы с трупосожжениями, вытянутые с юго-запада на северо-восток. В них найдены прах, бронзовые бусы и 12 сосудов. Сосуды стояли у северо-восточной стенки и по всем углам могилы. Второй курган содержал могилу со скелетом, лежащим на подстилке в скорченном положении головой на северо-восток, и два сосуда.

Уеньский отряд возобновил работы на р. Уень у дер. Черный Мыс Колыванского р-на. Продолжены раскопки на городище Черный Мыс 2. Вскрыта землянка начала I тысячелетия н. э. В ее центре находился материковый выступ. Собрано значительное количество керамики одинцовского типа.

На территории могильника Каменный Мыс раскопана часть кургана, имевшего вид вала длиной около 50 м. В насыпи и на уровне мате-

рика выявлены три впускные могилы начала I тысячелетия н. э. с костяками, обращенными головами на северо-запад и восток. С ними найдены сосуды, костяной гребень, наконечники стрел и другие находки. Два погребения III—II вв. до н. э. были совершены в глубоких могилах с бревенчатым накатом. Площадь одного из накатов достигала 4,04×2,40 м. Могила под ним не потревожена. Мужской скелет лежал в вытянутом положении головой на северо-северо-запад. С ним найдено оружие (железный наконечник копья, бронзовый кельт, бронзовые и костяные наконечники стрел, гарпуны), украшения (бронзовые гривна, браслет, головная повязка-лента, серебряные серьги, бронзовые и стеклянные позолоченные бусы и т. д.), железные удила, костяные псалии, глиняные сосуды и другие предметы. Всего в этой могиле найдено 110 вещей. Стеклянные позолоченные бусы, бронзовый кельт западносибирского типа, керамика, характерная для березовского этапа большереченской культуры, датируют могилу III—II вв. до н. э.

В урочище Березовый остров в разграбленном могильнике раскопан единственный целый курган. Под сдвоенной насыпью найдены три неглубокие могилы, датирующиеся по инвентарю IX—X вв. н. э. Скелеты обращены головами на северо-восток. В одном детском погребении скелет, завернутый в бересту, полностью истлел, в другом — найдены бусы и ажурная бронзовая подвеска. С мужчиной положены меч длиною около 1 м, железный топор, наконечники стрел и т. д.

Близ дер. Черный Мыс открыты три городища, одно поселение и остатки неолитической стоянки. На Обском море у с. Завьялово в устье р. Каракан выявлены затопленная неолитическая стоянка, поселение VII—VI вв. до н. э., три городища, два поздних поселения и одна курганная группа.

РАЗВЕДКА В СРЕДНЕМ И НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ ЗЕИ

Б. Сапунов

Отряд археологической разведки Сибирского отделения АН СССР под руководством А. П. Окладникова совместно с Амурским областным музеем краеведения провел разведку в среднем и нижнем течении р. Зеи.

В 1 км ниже с. Кухтерин Луг на I надпойменной террасе выявлен большой могильник. В обрезе песчаного берега четко прослеживаются темные пятна могильных ям, в заполнении которых встречаются древесные угольки, кости человека плохой сохранности, свиные челюсти, зубы лошади. Керамика, собранная в могильнике, вся лепная, плоскодонная с отогнутым книзу налепным валиком. По тулову сосудов идет

не очень четкий сетчатый орнамент, на отдельных фрагментах прослеживается пунктирный орнамент. Судя по находкам, этот могильник предварительно можно отнести к племенам мохэ и датировать V—VI вв. н. э.

Археологический комплекс расположен на месте бывшего с. Горного на левом берегу Зеи, выше впадения в нее притока Анго. Берег в этом месте интенсивно размывается рекой ввиду того, что ранее работавшая здесь драга изменила русло реки: в настоящее время смыто около 70 м береговой террасы, вероятно, с культурным слоем, так как подъемный материал уходит далеко в воду.

В обрезе берега четко прослеживаются следующие одна за другой три западины древних жилищ, в две из которых входят мощные, до 30 см, раковинные кучи. Третий пласт раковин длиной около 5 м и толщиной до 25 см обнаружен рядом с одной из западин в линзообразной яме, находящейся на горизонте дневной поверхности жилищ.

В разрезе этой раковинной кучи обнаружены фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, плоскодонных, сделанных вручную, с типично мохэскими венчиками, отщепы, кости животных.

При зачистке обреза берега оказалось, что более поздние жилища раннего железного века прорезают неолитический слой, что подтверждается находками в выбросе значительного количества отщепов, двусторонне ретушированного наконечника стрелы и обломков сосудов с явно неолитическим орнаментом.

Жилища горели, о чем говорят обильный древесный уголь и сильно прокаленные участки земли. Вероятно, жилища имели деревянный пол и деревянную крышу, так как над слоем угля на дне жилища (пол?) прослеживается другой слой, идущий ломаной линией в 5—20 см над предполагаемым полом.

По краям котлована и ниже в темно-серой супеси встречаются отщепы и фрагменты неолитических сосудов со шнуровым орнаментом. В полосе бичевника собрана большая коллекция каменных орудий, скребки, наконечники стрел, тесла, плечиковый топор, песты-терочники, наконечник листовидного двусторонне ретушированного копья, обломки сосудов со шнуровым и гребенчатым орнаментом и венчики сосудов с налепными рассеченными валиками осиноозерского типа.

Находки на месте бывшего с. Горного говорят о двух разновременных культурах на данном участке: раннего железного века и неолитической. Ввиду интенсивного разрушения террасы памятник требует скорейших раскопок.

В устье ключа Журкан отрядом найден леваллуаский нуклеус. В поселке Чагоян собран небольшой, но яркий неолитический материал: скребок, тесло, обломок мотыжки, отщепы.

В нижнем по течению реки конце села на глубине 1,20 м выявлен неолитический слой с большим количеством халцедоновых и кремневых отщепов.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ УСТЬ-ИЛИМСКОЙ ГЭС

Р. С. Васильевский

В 1967—1968 гг. при Дальневосточной археологической экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР был организован специальный Илимский отряд, который работал в зоне затопления строящейся Усть-Илимской ГЭС. В 1968 г. эти исследования продолжались. Основным объектом работ было многослойное поселение, расположенное в устье р. Илима, открытое А. П. Окладниковым еще в 1937 г.

Поселение это расположено на восьмиметровой террасе правого берега Илима, примерно в 800 м от его впадения в р. Ангару. Оно занимает довольно обширную территорию. Во время осмотра и зачистки обнажений террасы фрагменты глиняных сосудов, относящиеся к различным эпохам — от неолита до железного века, встречались на протяжении почти 2 км. В глубь террасы культурный слой прослеживался на 12—13 км.

Принимая во внимание, что часть террасы разрушена в недавнее время, можно полагать, что в прошлом поселение тянулось вдоль берега Илима полосой в 20—30 м.

Работы велись на трех раскопах общей площадью около 350 кв. м. В разрезе террасы на раскопе 1 наблюдалась следующая стратиграфия: 1) маломощный, слабо задернованный слой толщиной 3—4 см; 2) гумированный почвенный слой темно-серого цвета толщиной от 15 до 35 см; 3) слой буро-желтого неслоистого песка с легким красноватым оттенком мощностью 35—45 см; 4) слой желтого песка с заметной горизонтальной слоистостью и линзами супеси, окрашенными в темный цвет включениями детрита, который прослеживался на глубину до 5 м.

Сходная стратиграфия наблюдалась и на двух других раскопах, но характер и положение слоев там имели некоторые особенности. Например, на раскопе 3 гумированный слой распадался как бы на два четких горизонта: верхний — более светлый, нижний — интенсивно темный. Слои эти не разделяются стерильными прослойками.

В верхней части гумированного слоя содержались находки железного века. Вместе с кусками криц, шлаков, ошлакованных обломков воздуходувных трубок здесь были обнаружены и готовые изделия из железа: ножи, наконечники стрел, различные поковки, а также фрагменты керамики как гладкие, так и орнаментированные овальными вдавлениями, косыми насечками, защипами, рельефными линиями, узкими налепными валиками. Найдено, кроме того, несколько фрагментов сосудов с ушками, ушки украшены рядами насечек. Заслуживает внимания находка

почти целого круглодонного сосуда с отстойником. Высота его 18 см, диаметр в средней части около 14 см. На расстоянии 12 см от венчика от тулова сосуда отходит отвод длиной 3,7 см. Внешняя поверхность сосуда тщательно орнаментирована узкими налепными валиками. Назначение его пока не установлено, возможно, его использовали для варки браги.

О значительном развитии железоплавильного производства свидетельствуют железоплавильные ямы и очаги.

В самом основании гумированного слоя были встречены культурные остатки, которые по аналогиям с материалом Прибайкалья могут быть отнесены к бронзовому веку. Они были немногочисленными и располагались отдельными пятнами, в основном вдоль края береговой террасы. Здесь найдены фрагменты керамики с характерными для бронзового века глубоко вдавленными желобками, нанесенными штампом-лопаточкой, аргиллитовые ножи листовидной формы, наконечники стрел, скребки, нуклеусы и т. п. Изделий из металла мало. Найдены небольшой обломок бронзового (медного) однолезвийного ножичка и тонкая бронзовая пластинка.

С буро-желтым слоем связаны находки неолита. В основании слоя расчищены каменные кольцевые очажные кладки и отдельные скопления крупных камней и речных галек. Вокруг них концентрировались различные изделия из кремня, кварцита, халцедона, диабаза, аргиллита, а также черепки глиняных сосудов и многочисленные отщепы. Среди каменных орудий преобладают ножи разнообразных форм: листовидные, треугольные, треугольные с выпуклым лезвием, двусторонне ретушированные ножи-вкладыши. Большую группу составляют скребки, в том числе концевые и клювовидные наконечники стрел, в основном треугольные с прямым и симметрично вогнутым основанием. Имеются также комбинированные орудия типа нож-скребок, скребок-проколка, скобель-скребок. Много ножевидных пластин, часто встречаются пластинки с выемкой на поперечном крае, обработанные ретушью. Помимо этого найдены топоры с ушками, долотовидные орудия, тесла, лощила — выпрямители стрел, каменные грузила для сетей, стерженьки рыболовных крючков китойского типа, призматические и уплощенно-конические нуклеусы и др.

Сосуды в основном были тонкостенными круглодонными, орнаментированными оттисками отступающей лопаточки, отпечатками гусенично-гребенчатой формы, отпечатками шнура, рядами ямок.

В целом полученный материал, хотя и имеет много общего с инвентарем верхнеангарских поселений позднесеровского и китойского времени, в значительной степени своеобразен. В каменном инвентаре и керамике Усть-Илима прослеживается ряд параллелей с материалами неолитических культур Енисея и Алдана.

Вторым объектом работ был могильник у дер. Карапчанка. Исследовались погребения неолита и железного века. Кроме того, проведена

разведка по Ангаре на участке Усть-Илимск — Ершовский порог. Выяснено состояние находящихся здесь памятников и возможность их дальнейшего исследования.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ВИЛЮЯ

Н. Д. Архипов

Археолого-этнографический отряд Якутского университета проводил разведку таежных озер в Кобяйском и Вилюйском р-нах Якутской АССР. Исследованы разновременные памятники от неолита до XVII—XVIII вв. Маршрут длиной более 1,5 тыс. км преодолен на лошадях.

В Кобяйском р-не исследованы памятники, обнаруженные на террасах озер Джикимдэ и Екучи. В первом пункте, находящемся в 7 км к юго-западу от с. Мукучу, раскопано несколько жилищ четырехугольных форм. Находки представлены разнотипной керамикой и черешковыми железными ножами. Изучение остатков жилищ позволяет восстановить их первоначальную форму. По-видимому, они имели коническую форму и были покрыты сверху толстым слоем земли. Рядом заложено четыре раскопа, на которых найдена керамика позднего бронзового или раннего железного века.

В Вилюйском р-не большой площадью раскопана стоянка Сыралта I, обследованная нами еще в 1967 г. Вследствие частых изменений водного режима озера место стоянки периодически затапливалось, что привело к нарушению культурного слоя. Керамика стоянки исключительно разнообразна по формам и орнаментам. Памятник по характеру найденных орудий и керамики относится к неолиту и раннему бронзовому веку.

К этому же времени относится стоянка Хоту Туулаах с большим керамическим материалом. Изучение ее усложнилось тем, что она подвергается естественным разрушениям в результате частых наводнений озера.

Другим типом памятников в этом районе являются жилища позднего средневековья, исследованные в местности Хоту Туулаах, Эмис Туулаах, Сайылык, Мунгурдаах и Элэнии. Большинство из них в древности принадлежало кузнецам, которые помимо выделки железных предметов были знакомы и с литейным делом. Об этом свидетельствуют обломки льячек, найденные в одном из жилищ (Элэнии).

Якутские захоронения XVII—XVIII вв., обнаруженные и исследованные вокруг озер Одунда, Мастах, Дагдакыыт, Быалакаан и Кыбыгыджан, разделяются по обряду на два типа: 1) захоронение покойников в могильной яме; 2) наземные захоронения типа арангас. По конструктивным особенностям погребальные сооружения разделяются на ряд типов. Разнообразие этих типов говорит об оживленных этногенетических процессах, происходивших на этой территории в средние века.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭВЕНКИИ

Г. И. Андреев, С. В. Студзицкая

Нижнеенисейский отряд Института археологии АН СССР продолжал исследования на Верхней и Нижней Тунгусках, сочетая разведочные работы с раскопками.

Сотрудница нашего отряда М. П. Карлова собрала интересный материал на известных уже стоянках в Куюмбе, Тураме, Байките, Усть-Камо. Она же открыла три новые стоянки: две расположены в районе фактории Куюмбы (одна на левом берегу р. Подкаменной Тунгуски, напротив поселка; другая на 8 км ниже, у Шиверы), а третья — на 10 км выше районного центра Эвенкийского национального округа — пос. Байкит, неподалеку от устья р. Чуни.

На Нижней Тунгуске осмотрен участок реки между пос. Тура и устьем р. Таймуры протяженностью около 180 км. При этом обнаружены остатки стоянок в пос. Нидым (в 25 км ниже пос. Туры) и при устье р. Ямбукан.

Раскопки, как и в предшествующие годы, были сосредоточены в пос. Тура и ее окрестностях.

При работах на ручье Гремучем (левый берег р. Кочечумо) установлено, что основная площадь древней стоянки располагалась ближе к ручью и в значительной части нами уже исследована. Подтверждены наблюдения прошлых лет: участок террасы у ручья Гремучего заселялся неоднократно, но в какой-то один исторический период.

Произведены небольшие работы в пункте на р. Кочечумо и на одной из стоянок на р. Нижней Тунгуске.

Шурфовка подножия террасы у нижнего ручья на левом берегу Нижней Тунгуски напротив пос. Тура (пункт 7) оказалась не очень успешной. Вероятно, либо стоянка здесь была очень кратковременной, либо находки, обнаруженные в шурфах, сползли сверху, с террасы, где, видимо, и следует искать культурный слой.

Начаты раскопки неподалеку от пункта А на р. Кочечумо. В небольшом раскопе (36 кв. м) обнаружен культурный слой, содержавший каменные орудия, отщепы, пластины, кости животных. Предстоит выяснить, является ли этот участок самостоятельной стоянкой или составляет одно целое со стоянкой в пункте А.

Расширяя площадь раскопок в пункте А, мы одновременно старались как можно больше углубиться для выяснения мощности культурных напластований. Эта задача решена лишь частично, так как при оттаивании мерзлоты происходили бесконечные обвалы стенок, что крайне затрудняло работы. Судя по всему, культурные остатки на вскрытом участке полностью не исчерпаны, поэтому исследования здесь должны быть продолжены. Как и в прошлые годы, при раскопках вскрыто множество очагов, обложенных галькой и без нее. Около очагов обычно

располагались орудия из камня и огромное количество отходов, связанных с их производством (отщепов, пластин, расколотых галек, нуклеусов).

Удалось расчистить несколько рабочих площадок, являвшихся своеобразными мастерскими. Так, на одном из участков близко друг от друга обнаружено несколько десятков расколотых халцедоновых галек, а рядом — масса отщепов, пластин и уже готовых изделий из халцедона.

Иной характер имела другая рабочая площадка, обнаруженная несколько дальше от берега: основную массу заполнения культурного слоя здесь составляло дерево. Среди бесчисленных обломков дерева мы нашли и целые деревянные предметы, видимо, поплавки от сетей. Среди обломков деревянных предметов находилось множество отщепов, пластин, встречались нуклеусы и наконечники стрел. Расположение слоев над этой рабочей площадкой позволяет говорить о том, что обнаруженные остатки находятся in situ.

Анализ взятых образцов дерева и угля поможет установить породы дерева, которые применялись для поддержания огня и изготовления деревянных предметов и позволит уточнить абсолютный возраст слоя, к которому приурочены эти остатки.

На этой же рабочей площадке обнаружено большое количество кусочков бересты различной величины. Некоторые из них орнаментированы. Орнаментированными оказались и обломки каких-то костяных предметов, в большинстве, правда, обгоревших. Из необожженных предметов дошел лишь игольник, сделанный из кости птицы, но он, к сожалению, не орнаментирован.

Кость сохраняется, как правило, хорошо. В 1968 г. наряду с костями и зубами северного оленя, соболя, собаки или волка, найдены, наконец, кости рыб. Если раньше мы лишь предполагали о развитии рыболовства на основании косвенных данных, то теперь можем говорить об этом уверенно. Большой интерес представляет находка круглой уплощенной гальки, на одной из поверхностей которой охрой нанесен рисунок.

РАСКОПКИ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ У с. КРОУНОВКА В ПРИМОРЬЕ

А. П. Окладников, Д. Л. Бродянский

Экспедиция Сибирского отделения АН СССР и Дальневосточного университета вела широкие раскопки на р. Чапигоу, в 4 км от с. Кроуновка. Вскрыто около 1000 кв. м в южной части большого многослойного поселения, занимавшего четырехметровую надпойменную террасу. Выявлены три культурных горизонта.

Верхний принадлежит культуре раннего железного века — культуре Чапигоу. Поселение этого периода занимало площадь 12 000 кв. м и состояло из прямоугольных полуземлянок, обращенных торцом к реке (площадь их от 50 до 100 кв. м), и наземных помещений. В одной из полуземлянок прослежены основания столбов центрального ряда, поставленных на расстоянии 2,5 м друг от друга. По горизонтальной оси дома расположены три очага в виде мощных напластований красной прокаленной глины. Здесь же, у задней стены дома, находился вытянутый очаг — ящик из каменных плит. Такие каменные очаги длиной до 2 м найдены во всех жилищах, наземных и полуподземных. Это непосредственные предшественники канов. В жилищах 8а и 9 каменные очаги имели Г-образные очертания. В полуземлянках имелись земляные нары.

Между жилищами располагались амбары на сваях, обнаружены каменные базы столбов.

На полу и в заполнении жилищ найдены: своеобразные плечиковые каменные топоры-колуны и железные орудия: кельты, ножи двух типов и небольшие тесла. Обращает внимание отсутствие зернотерок, обычных в приморских поселениях с III тысячелетия до н. э. Найдены костяные орудия: кинжал, игла, шилья; украшения: керамические бусины и кольца, крупные клыки дикого кабана, сверленые резцы оленя. Широко и разнообразно представлена керамика: высокие сосуды усеченно-конической формы с ручками-«пеньками», амфоровидные вазы, узкогорлые горшки с яйцевидно-выпуклым туловом, сосуды с широким венчиком-раструбом, чаши-пиалы и чаши на высоком коническом поддоне, сосуд с решетчатым дном — для варки пищи на пару. Вся посуда изготовлена от руки методом ленточного налепа с последующей выбивкой, изломы приходятся часто на стык лент. Поверхность сосудов слегка залощена, внутри хорошо сохраняются следы заглаживания лопаточкой или травой.

Найдены два фрагмента крашеной керамики с простейшим узором из параллельных линий и спирального завитка, нанесенных коричневой краской на светло-кирпичном фоне. Как и на других поселениях культуры Чапигоу, есть сосуды с намеренно пробитым дном. Из стенок сосудов изготовлялись глиняные кружки-шашки (подобные изделия из мягкого камня есть в Пхусуне).

Чапигоуские жилища содержали обильный остеологический материал. Представлены свинья, собака, корова, лошадь, из диких — кабан, зубр (определение Н. Д. Оводова).

В глубине террасы, в 10—12 м от современного ее края, позади основного ряда чапигоуских домов и ниже пола наземных сооружений обнаружены основания еще трех полуземлянок. Почти квадратные (площадь около 70 кв. м), эти полуземлянки отличны от чапигоуских по форме, ориентировке, а также цвету и характеру заполнения. В них найдены многочисленные остатки обработки шифера и изделия из него: короткий кинжал с Т-образным навершием, наконечники стрел и дротиков,

жатвенные ножи, а также маленькие кружки-бляшки с отверстием в центре.

Здесь же найдены каменные тесла, прямоугольные в поперечном сечении, костяные острия и носки гарпунов, совершенно аналогичные орудиям из поселения на п-ве Песчаном. Близка к сидеминской и керамика: чаши-пиалы и горшки с выпуклым туловом, невысокой шейкой и отогнутым венчиком. Плечики таких горшков украшены одним-двумя налепными валиками. Эти жилища континентального варианта культуры Сидеми представляют второй культурный горизонт поселения на р. Чапигоу.

Третий горизонт связан со слоем легкого суглинка черного цвета мощностью 8—10 см. Сверху он перекрыт мощным стерильным слоем желтой супеси (30—40 см). Там, где находились землянки верхних горизонтов, оба эти слоя прорезаны их котлованами. В черном суглинке найдены овальные в сечении топоры, односторонне выпуклые тесла, мотыги, отбойники, украшение типа магатама, но в целом изделий из камня мало. Обильно представлена керамика двух типов. Первый тип объединяет большие, относительно толстостенные сосуды с грубой поверхностью, украшенной широким поясом из прочерченных вертикальных зигзагов и налепным валиком, имитирующим витой шнурок и оформляющим венчик. Для сосудов второго типа характерны очень тонкие (2—4 мм), тщательно лощеные стенки и узкий орнаментальный пояс из меандровых узоров. Обычно это глубокие чаши-пиалы или небольшие горшочки. Весь этот комплекс близок к культуре Гладкая I — неолит Майхэ I.

Кроме стационарных раскопок, проведена разведка новых памятников. На древней поверхности Шуфанского плато, в долине р. Чапигоу открыта размытая мезолитическая стоянка. Здесь найдены тесловидное орудие из оббитой с двух сторон гальки, заготовки нуклеусов, обсидиановая пожевидная микропластинка, отщепы. В районе сел Крауновка, Яконовка, Корсаковка обнаружены три новых поселения культуры Чапигоу.

У южной окраины с. Раздольное, на оконечности мыса найдены западины землянок и собран неолитический материал. Интересное поселение конца II тысячелетия до н. э. обнаружено в районе г. Уссурийска, у с. Воздвиженка. В с. Синий Гай Черниговского р-на на крутом южном склоне сопки обнаружено двуслойное поселение (неолит, мохэ). Более 30 жилищ буквально врезаны в склон. При строительстве мохэских домов использовалась циклопическая кладка.

Результаты раскопок у с. Крауновка и разведок показали, что Ханкайская равнина и ее окрестности были интенсивно заселены и освоены как район древнего земледелия не позднее, чем в III тысячелетии до н. э.

РИСУНКИ НА СКАЛАХ В УСТЬЕ ОНЕНИ

А. И. Мазин

Амурским областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Амурским областным музеем краеведения за последние два года выявлено около 30 памятников наскальной живописи в Амурской обл.

Наиболее интересным объектом, открытым в 1968 г., является памятник наскальной живописи, расположенный в 70 км ниже пос. Усть-Уркима в устье р. Онени на скалах правого берега р. Нюкжа. Писаница состоит из 16 композиций, которые занимают площадь примерно 120 кв. м. Все рисунки нанесены красной охрой на естественные плоскости скалы. Сохранность рисунков очень плохая и с течением времени, в

Правый берег р. Нюкжи. Наскальная живопись.
Группа первая, композиция 4 (магическое убиение зверя)

результате выветривания и разрушения скалы, много рисунков погибло. По стилю исполнения рисунки можно разделить на две группы.

Первая и наиболее древняя группа рисунков расположена на высоте от 4 до 8 м. Рисунки нанесены темно-красной охрой и по контуру полностью залиты. Здесь с большим реализмом изображены одни лоси. Древний человек с удивительным мастерством передал общие очертания грузных тел лосей с крутым горбом, с тяжелым массивным брюхом и длинной горбоносой мордой. Животные явно находятся в движении. Композиции рисунков первой группы очень просты, некоторые состоят из одного животного. На них изображено спаривание, размножение и магическое убиение животных.

Вторая группа рисунков расположена на высоте 2—4 м. Рисунки нанесены сплошными контурными линиями. Охра, которой они выполнены, светлее, чем в первой группе. Композиции второй группы рисунков сложнее и сюжеты их разнообразнее. Кроме спаривания, размножения, маги-

ческого убиения животных, появляются такие картины, как сцены охоты, ритуальные обряды и изображение зооморфных многоликих существ. Животные изображены гораздо схематичнее, с клинообразными и эллипсовидными головами, короткими туловищами, с как бы обрубленным задом. Движения в телах животных не наблюдается, они скованы и застыли в определенной позе.

При сравнении писаниц в устье р. Онеги с очень близкими и датированными писаницами Ангары, Лены, Забайкалья напрашивается вывод, что первую группу описанных писаниц можно отнести к позднему неолиту, а вторую — к бронзовому веку.

Петроглифы Амурской обл. близки писаницам лесной полосы, которые тянутся от Северо-Восточной Европы до Якутии и являются самыми восточными писаницами этой группы.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА ЕНИСЕЯ

З. А. Абрамова

Палеолитический отряд Красноярской экспедиции производил раскопки палеолитических поселений Новоселовской группы, залегающих на высоких террасах в районе с. Новоселово-Старое, ныне скрытого водами Красноярского моря. На всем протяжении берегов Красноярского водохранилища эти поселения остались единственными доступными для изучения.

С. Новоселово-Старое было расположено на левом берегу Енисея в 210 км выше г. Красноярска. В 1,5 км к северу от береговой линии возвышалась серия высоких террас, где в 1960 г. были обнаружены первые палеолитические остатки. В последующие годы окрестности с. Новоселово-Старое подвергались систематическому осмотру, было выявлено 11 различных местонахождений как в слое, так и на поверхности; часть из них в настоящее время также затоплена. Раскопки производились в двух пунктах: Новоселово-Старое VI и VII.

Стоянка Новоселово-Старое VI залегает в отложениях террасы высотой около 23—26 м. Терраса прорезана узким и глубоким оврагом, в восточном борту которого заложен раскоп площадью 200 кв. м, примерно в 250 м от современного берега, интенсивно разрушающегося под напором волн. Стратиграфия северной стенки раскопа (по С. М. Цейтлину): 1) почвенный слой: а) дерн —3 см, б) темно-серая пылевая супесь, пронизанная корнями растений —32 см; 2) супесь палево-серая, тонкая, пористая, слабо карбонатная, видимо, лёссовидная — 77 см; 3) супесь, несколько более темная и песчанистая, менее пористая; на глубине 40 см от кровли залегает культурный слой, выделяющийся по находкам, но по цвету не отличимый от содержащей его супеси —80 см; 4) супесь бо-

лее песчанистая, с очень неясной слоистостью, видимая мощность до 20 см; мощность культурного слоя не более 20 см; он густо насыщен осколками костей животных, главным образом северного оленя, и расщепленным камнем. Наряду с крупными галечными нуклеусами представлены клиновидные нуклеусы различных форм. Большой процент составляют орудия, изготовленные из пластин и пластинчатых отщепов: остроконечники, ножи, резцы. Имеются скребла с овальным рабочим краем, скребки из довольно крупных отщепов. Обработанная кость плохой сохранности: обломки наконечников копий с пазами, игловидный наконечник, обломок иглы. Из украшений найдена плоская бусинка из светло-зеленого мягкого камня правильной округлой формы диаметром 1 см с отверстием в центре диаметром 3 мм. Бесспорно, наиболее интересной находкой, учитывая крайнюю редкость костей человека на палеолитических стоянках Сибири, является обломок нижней челюсти взрослой особи.

Для характеристики культурного слоя необходимо упомянуть, что на самом краю оврага в раскопе был обнаружен очаг, частично разрушенный, но по размерам и конструкции совершенно аналогичный очагам из стоянки Кокорево I.

На расстоянии 40 м к востоку от раскопа I на мысу, образованном неглубоким ложком и дорожной выемкой, был заложен раскоп II площадью 56 кв. м, культурный слой которого по залеганию, характеру и материалу аналогичен культурному слою раскопа I.

Стоянка Новоселово-Старое VII залегает в отложениях террасы высотой 30—35 м и находится к востоку от предыдущей стоянки на правом берегу речки Поповки. Здесь, по обе стороны от старой бульдозерной траншеи, заложены два раскопа общей площадью 90 кв. м. Стратиграфия западной стенки (по С. М. Цейтлину): 1) почвенный слой: а) дерн — 2 см, б) черная пылеватая супесь, мелкокомковатая, пронизанная корнями растений, с остатками культуры железного века — 18 см, в) серо-коричневатая пылеватая супесь — 15 см; 2) беловато-серая пылеватая супесь, в верхней части слабо карбонатная. На глубине 30 см от кровли слоя залегают отдельные обломки костей и отщепы. Основной культурный слой залегает на глубине 70—80 см от кровли слоя. Слой 2 мощностью 85 см постепенно переходит в слой 3 — супесь тонкую, песчанистую, почти не пористую, видимая мощность которой 30 см.

Характер культурного слоя и каменного материала свидетельствует о большой близости этого памятника к поселению Новоселово-Старое VI, несмотря на разницу в высотах террас, и, что еще более удивительно, к поселению Кокорево I. Не исключено, что обе новоселовские стоянки залегают в одном делювиальном шлейфе, по всей вероятности более молодом, чем отложения, в которых заключены многочисленные слои стоянки Кокорево I. Сходство же в каменном материале этих стоянок очень велико. Напрашивается предположение, что они были оставлены одной общиной. Следовательно, важным результатом работ 1968 г.

является бесспорное отнесение новоселовских стоянок к кокоревской культуре, что не только подтверждает правильность выделения этой культуры в палеолите Енисея, но и расширяет ее характеристику на более позднем этапе.

НОВАЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ю. А. Мочанов

Приленская археологическая экспедиция Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР исследовала обнаруженные в среднем течении Алдана палеолитические памятники: Дюктайскую пещеру и стоянки открытого типа Усть-Дюктай I, Усть-Билир II, Усть-Миль III. Наиболее полно обследована Дюктайская пещера, расположенная на правом берегу р. Дюктай, в 110 м от ее впадения в Алдан. В самой пещере и на прилегающей к ней открытой площадке вскрыто около 250 кв. м площади стоянки. На отдельных участках мощность отложений, вмещающих культурные остатки, достигала 4 м. Во время раскопок обнаружено около 10 тыс. обработанных человеком кремней и свыше 15 тыс. костей животных. На стоянке Усть-Дюктай I контрольными шурфами и траншеями вскрыто около 15 кв. м, на стоянке Усть — Билир II — около 100 кв. м и на стоянке Усть-Миль III — около 50 кв. м. Материалы этих стоянок аналогичны материалам из Дюктайской пещеры. Приуроченность культурных остатков как Дюктайской пещеры, так и стоянок открытого типа к отложениям пойменной фации аллювия I и II подпойменных террас Алдана и обнаруженная вместе с изделиями человека фауна (мамонт, бизон, лошадь, овцебык, копытный лемминг и т. д.) позволяют отнести их к верхнему плейстоцену — Сартанскому времени.

Как правило, эти стоянки перекрываются отложениями, содержащими остатки сумнагинской культуры, время существования которой на основании многочисленных абсолютных дат определяется VIII—V тысячелетиями до н. э.

Для перечисленных верхнепалеолитических стоянок характерны двусторонне обработанные кремневые наконечники ножей и ножи удлиненно-треугольной и овальной форм; дисковидные, леваллуаские и клиновидные нуклеусы; многофасеточные резцы срединного и бокового типов; полулунные скребла и концевые скребки на пластинах. Помимо этого, встречаются односторонне обработанные кремневые овальные ножи-скребла, удлиненно-треугольные плоские наконечники ножей из отщепов бивней мамонта и массивные кремневые пластины с выемкой в основании. Своеобразие культурных остатков Дюктайской пещеры, Усть-Дюктая I, Усть-Бимира II и Усть-Миля III и их резкое отличие от син-

хронных им памятников Сибири, очевидно, свидетельствуют, что они относятся к особой верхнепалеолитической культуре Северо-Восточной Азии. Для нее можно предложить название «дюктайская культура». Происхождение верхнепалеолитической дюктайской культуры, видимо, следует связывать со среднепалеолитической культурой Центральной Азии, для которой характерна мустье-леваллуаская техника раскалывания камня и широкое употребление бифасов (ашельская традиция). Памятники этой культуры хорошо известны в Восточном Казахстане (стоянки Сары-Арка).

Открытие дюктайской культуры имеет огромное значение не только для древнейшей истории Сибири, но и для решения проблемы заселения Америки. Впервые в Северо-Восточной Азии, считавшейся, исходя из палеогеографических соображений, исходной областью первоначального заселения Нового Света, обнаружены в плейстоценовых отложениях вместе с мамонтовой фауной бифасы, которые имеют близкое генетическое сходство, с одной стороны, со среднепалеолитическими бифасами, с другой — с палеоиндейскими бифасами типа Сандиа — Иловис — Лерма.

РАСКОПКИ У с. УСТИНОВКА НА р. ТАДУШИ

А. П. Окладников

Древнее поселение у с. Устиновка, обнаруженное геологом В. Ф. Петрунь в 1953 г., раскапывалось отрядом Дальневосточной археологической экспедиции Сибирского отделения АН СССР под руководством автора данного сообщения в 1963 г. Позднее на нем произвел геологическую рекогносцировку Г. И. Худяков и произвела шурфовку в широком масштабе Ж. В. Андреева.

В 1968 г. работа на этом поселении шла в двух пунктах. Раскоп первый, заложенный рядом с нашим раскопом 1963 г., дал весьма четкую картину стратиграфии поселения каменного века. На нем выявлено два культурных горизонта, разделенных прослойкой без находок. Верхний горизонт связан с серым гумированным суглинком, залегающим под дерновым покровом. В слое залегало множество отщепов, часто весьма крупных, с большими превосходно выраженными выпуклыми ударными бугорками. Такие отщепы снимались с желваков вулканического туфа. Там же найдены нуклеусы характерного облика со скошенными ударными площадками. По характеру техники отщепления пластин они принадлежат к так называемым эпилеваллуаским нуклеусам. Там же встречены нуклеусы, близкие к призматическим, но всегда односторонние. Есть также нуклеусы, которые уже получили в литературе наименование «копытовидных». Существенно, что среди мелких изделий здесь

встречены и двусторонне ретушированные листовидные клинки, по функции — наконечники метательного оружия или ножи. Этот признак, видимо, является определяющим для датировки всего комплекса верхнего слоя. Его следует отнести к позднемезолитическому времени.

Второй культурный горизонт содержал еще более выразительную серию каменных изделий. Она открывается крупными, великолепно оформленными одно- и двухплощадочными нуклеусами эпилеваллуаского облика. Среди них есть и такие образцы, которые как бы продолжают линию эволюции нуклеусов, начатую в более раннее время осиновскими загадочными «нуклеусами-рубилами». Однако в этом слое отсутствуют характерные для нижнего горизонта архаические бифасы с галечной коркой на одном конце — на «пятке». Определяющее значение для характеристики вещевого комплекса второго слоя имеют такие вещи, как нуклеусы, получившие наименование «гобийских». По функции это скорее всего резцы или скобели-рубанки, близкие к рабо верхнего палеолита Западной Европы. Там же имеются превосходные резцы, изготовленные из крупных и широких пластин леваллуаского типа, оформленные круговой ретушью, подобно известным ориньякским скребкам. Резцовые сколы у них наносились с одного края, наискось, и при этом так, что резцовая грань не прямая, а слегка выпуклая.

По резцам такого рода и гобийским нуклеусам инвентарь второго слоя должен рассматриваться в связи с памятниками типа Верхоленская гора на Ангаре, Хере-уул в Монголии и с самыми распространенными на Японских островах поселениями докерамического типа.

Судя по радиокарбоновым датировкам, возраст докерамических памятников Японии превосходит 10—12 тыс. лет. Та же техника отщепления пластин, которая характерна для второго слоя в поселении мастерской на р. Тадуши, появляется много позднее. Так, несомненно, было и на нашем Дальнем Востоке.

При исследовании второго культурного горизонта Устиновки впервые обнаружены остатки полуподземного жилища, самого древнего в этой части Дальнего Востока. Существенно, что именно в этом раскопе обнаружены самые лучшие каменные изделия. Здесь же найдены изделия не только из основного материала мастерской — вулканического туфа, но также из превосходного кремня и обсидиана, являвшихся редким и наиболее ценным сырьем, принесенным издалека.

Стратиграфия второго раскопа отличается большей мощностью наслоений. В верхнем пласту наблюдается обычное чередование слоев суглинка: более темного — вверху и более светлого — внизу. Нижний пласт имеет совсем иной облик. В нем причудливо чередуются линзы, а также разорванные ленты серой плотной вязкой глины и как бы обволакивающие их прослойки охристо-желтого цвета. При этом серые линзы обнаруживают характерную чашевидную структуру.

Существенно для сопоставления и датировки находок из первого и второго горизонтов Устиновского поселения, что второй горизонт перво-

го раскопа непосредственно налегает на базальный галечник речной террасы, возможно, вюрмского, по европейским масштабам, возраста. И этот же галечник подстилает описанную выше толщу второго раскопа мощностью до 2 м, которая состоит из чередующихся желтых и голубовато-серых прослоек-линз. Отсюда следует, что невозможно резко разделить толщи обоих раскопов, нижнего и верхнего, содержащие обработанный камень, что в любом случае они близки по времени.

РАСКОПКИ НА ТАЙМЫРЕ

Л. П. Хлобыстин

Лабретка — украшение, типичное для древних обитателей Северной Америки, найденная на одной из стоянок, открытых в 1967 г. близ устья р. Маймече, в комплексе со своеобразной сетчатой керамикой и набором каменных орудий, имеющих восточносибирские аналогии, позволила впервые заговорить о существовании на Таймыре одного из вариантов палеоэскимосских культур. Продолжавшиеся раскопки стоянки Маймече I пополнили комплекс каменных орудий и керамики новыми образцами. Существенным вкладом в выделение этой новой культуры палеоэскимосского типа были раскопки стоянки Маймече IV. Находки украшений редки на стоянках, тем поразительнее набор изделий из стеатита, который составляют обломок кольца, грибовидная подвеска, пуговица с ушком и еще одна лабретка. Стеатит, употреблявшийся для изготовления этих украшений, добывался в верховьях р. Маймече, у гор Путорана. Круглодонные сосуды с сетчатой поверхностью и характерным утолщенным венчиком, изредка украшенные прочерченным орнаментом, сопровождались на этой стоянке богатым каменным инвентарем: наконечниками стрел и копий, скребками, вкладышами, ножами, проколками и т. д. Основным поделочным материалом для мелких предметов служил халцедон. На стоянке была мастерская по выделке прямоугольных в сечении тесел ленского типа. Памятники выделяемой нами культуры Маймече, по-видимому, следует связывать с древним населением Таймыра, по фольклорным сведениям, уничтоженным последующими пришельцами. Открытие культуры Маймече позволяет объяснить многие сложные вопросы древних связей циркумполярных культур.

Завершение раскопок стоянки Тагенар VI позволило уточнить характер напластований, под которыми в 1,5 м от поверхности залегали остатки стоянки бескерамической культуры позднемезолитического или раннеолитического облика — древнейшей из открытых в столь высоких широтах.

Практически полностью раскопана стоянка Абылаах I. Раскоп занял 125 кв. м ровной площадки мысовидного участка высокого берега.

Добыто большое количество каменных орудий, среди которых преобладают скребки. Основная масса находок свидетельствует о принадлежности раскопанного поселения охотникам за северными оленями, создавшим в конце II тысячелетия до н. э. в Сибирской Арктике культуру, простершуюся от р. Лены до р. Хеты на Таймыре. Находки орудий из ножевидных пластин, лежавшие в основании культурного слоя, позволяют высказать предположение о существовании на месте стоянки Абылаах I более раннего поселения.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ, НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ И ПЕЩЕРА В НИЗОВЬЯХ ПЕГТЫМЕЛИ

Н. Н. Дикова

Перед археологической экспедицией Северо-Восточного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР стояла задача завершить исследования пегтымельских петроглифов возле ручья Кайкууль, произвести поиски новых местонахождений петроглифов в долине р. Пегтымель, обнаружить и исследовать связанные с петроглифами стоянки Чукотки.

Вблизи ручья Кайкууль мы нашли большое количество петроглифов на не подвергавшихся ранее обследованию нижних ярусах обрыва. Были четко определены границы памятника древнего искусства и уточнено представление о его этнической принадлежности и структуре. Все наскальные рисунки эстампированы и сфотографированы.

Низовья р. Пегтымель. Фрагмент композиции петроглифов

На вершине обрыва, в непосредственной близости от петроглифов (на скалах II и VIII), мы обнаружили и раскопали две неолитические стоянки. Там мы нашли кремневые двусторонне обработанные ножи листовидной формы, ретушированные с двух сторон отжимной ретушью наконечники стрел, большое количество расколотых оленьих костей, много обломков белого кварца, которые, очевидно, и употреблялись в качестве инструментов наскального творчества.

В культурном слое пещеры, оказавшейся в скале IV на высоте 15 м, мы раскопали возле очага кремневый наконечник стрелы, изделия из кости, моржового клыка и оленьего рога (в частности, фрагменты пайцирных пластин), расколотые оленьи кости и все те же куски кварца. Стены этой пещеры разрисованы петроглифами двух типов: в виде выбитых силуэтных изображений оленей, собак и антропоморфных фигур и более поздних, тонко процарапанных линейных рисунков.

Новое местонахождение петроглифов оказалось еще севернее кайкуульского, в 10 км ниже по течению р. Пегтымель на одиночной скале, с правой стороны реки.

Скала необычайно эффектна, она вздымается совершенно отвесно на высоту более 25 м. На середине ее высоты, на самом видном месте, на широкой скальной плоскости под карнизом выбита большая композиция из нескольких крупных силуэтных фигур и других знаков. Это все та же поколка оленей весной с собакой по насту и осенью на плавях. Однако выражен этот сюжет необычайно своеобразно и необычно.

Три оленя плывут направо — впереди (один под другим), два поменьше и позади крупный (около 40 см длиной), а за ним — маленькая лодка. Сидящий в лодке охотник держит двулопастное весло и пику, нацеливаясь в оленя. Ниже этой лодки за оленем следы его копыт; выше лодки силуэт преследующей оленя собаки. И, наконец, самое интересное: позади собаки выбита длинная цепочка ее следов — пять раз по четыре следа; между каждой четверкой следов — интервал. А на другом конце этой цепочки — грубо и схематично высечена фигура идущего по этим следам человека с палкой. Человек изображен в профиль, сбоку. Очевидно, он идет по собачьему следу на лыжах, возможно на коротких, типа чукотских «вороньих лапок», и поэтому лыжи у него особо не обозначены. Возможно также, что лыжи на рисунке просто стерлись. Кстати надо заметить, что сохранность этих интереснейших петроглифов весьма неудовлетворительна во многих местах, особенно поверх средней части композиции имеются большие натеки птичьего помета. Птицы обосновались на этой неприступной скале прочно и, видимо, давно; их гнезда устроены в трещинах карниза над рисунками, а также в глубокой щели слева от них, где накопились мощные отложения птичьих капролитов. Эта щель, глубокая и просторная, могла служить для охотников прекрасным тайником. Однако мы не нашли там никаких вещей.

Остатки охотничьего стойбища мы заметили на вершине скалы, на пологой мелкощебнистой площадке. Собранный здесь подъемный материал состоял преимущественно из кремневых отщепов, нередко ретушированных и могущих служить орудиями. Наиболее же замечательными находками были здесь две вещи: обломок обсидиановой призматической ножевидной пластинки и совершенно целый обработанный с двух сторон кремневый листовидный нож. Он точно такой же, как и те, что в обломках попадались нам на камнях II и VIII. Это позволяет отнести все три памятника к одной культуре.

МАКАРОВО II — МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК НА ВЕРХНЕЙ ЛЕНЕ

М. П. Аксенов

Иркутский областной музей краеведения обследовал многослойный памятник Макарово II, обнаруженный в 1967 г. С. М. Цейтлиным. Он расположен в непосредственной близости от известной стоянки Макарово (80—100 м по прямой) и отделен от последней руслом сухого ручья. Своеобразие стратиграфии и различия в культуре заставляют рассматривать известную ранее и новую стоянку как два различных местонахождения. Оба памятника расположены на участках I надпойменной террасы и разделены древним конусом выноса, щебнисто-гравийная линза которого внедряется языками в верхи аллювиальной толщи террасы. Новый памятник расположен в пришовной части останца террасы, на 1,5—2 м выше, чем Макарово I. На стоянке Макарово II выделены четыре культурных горизонта: I — энеолитический, II — мезолитический, III и IV — позднепалеолитические.

В современной почве (мощность 25—40 см) заключены очень редкие находки слоя I: галечные отщепы, расколотая галька, фрагменты керамики с орнаментом сетки-плетенки и налепным валиком.

Под почвой залегает толща лёссовидной палево-серой супеси мощностью 80—190 см, вмещающая четыре погребенных почвы. Четкость их проявления различна. Две верхние почвы маломощны и слабо развиты. С верхней из них мощностью 10—20 см, залегающей на глубине от 40 до 120 см, связаны остатки культурного слоя II. Комплекс орудий, тяготеющий к кострищу, частично вскрытому раскопом, аналогичен инвентарному комплексу мезолита Верхоленской горы. Его характеризуют боковые резцы верхоленского типа, клиновидные микронуклеусы, скребки «с ушками» и на конце призматических пластинок, обломок двустороннего листовидного наконечника, ножи из пластинчатых отщепов, обломок плоского насада с насечками вкладышевого костяного орудия. Сходство с Верхоленской горой усиливается за счет необычного для верхней Лены поделочного материала. Значительная часть орудий и подавляющее большинство микропластинок, отщепов и призматических пластинок слоя II изготовлены из аргиллита, ближайшие выходы которого находятся в районе Верхоленской горы под Иркутском. Культурные остатки залегают в верхнем горизонте погребенной почвы. Из нижнего карбонатизированного ее горизонта заложена система морозобойных трещин, разрывающих все нижележащие делювиальные отложения и уходящих вершинами в аллювий террасы. Ниже первой погребенной почвы на 10—20 см залегает маломощная (до 3 см) гумированная почвенная прослойка без культурных остатков. Две нижние погребенные почвы развиты хорошо. В каждой из них в разрезе четко прослеживается по три генетических горизонта. В верхних гумированных го-

ризонтах почв заключены культурные остатки верхнего палеолита. Оба слоя сходны не только по характеру залегания в погребенных почвах, но и по облику инвентаря, поделочному материалу, распространению по площади раскопа.

Основную массу находок в слоях III и IV составляют нуклеусы — от галечных до клиновидных, отражающие последовательные технологические ряды. Бо́льшая часть нуклеусов имеет сильно скошенную базу. В обоих слоях найдены ножи из крупных пластинчатых отщепов, крупные и чаще грубые призматические пластинки. Очень мало микропластинок. В слое III найдены боковой резец из пластины, снятой с галечного нуклеуса, близкий резцам верхоленского типа, и скребки с высоким и крутым рабочим краем. В слое IV обнаружен обломок ножа-острия из крупной призматической пластины аргиллита, весьма близкий орудиям такого рода с Верхоленской горы. Эти орудия сближают нижние слои Макарова II с поздними верхнепалеолитическими и ранними мезолитическими культурами Ангары (Красный Яр, Верхоленская гора). Нуклеусы, количественно преобладающие и создающие основной фон, находят аналогии в кокоревской культуре Енисея и некоторых верхнепалеолитических памятниках Забайкалья. Характерны для слоев III и IV кострища и большое количество древесного угля.

Макарово I и Макарово II взаимно дополняют друг друга. Четкая стратиграфическая привязка культурных остатков позволяет наметить последовательность развития древних культур в верховьях Лены от палеолита до железного века. Сходство стратиграфически различных комплексов Макарова с определенными культурами Приангарья, долины Енисея и Забайкалья позволяет привлекать материалы этого опорного памятника верхней Лены для довольно обширных исторических сравнений.

РАБОТЫ НА РЕКЕ ОЛЕНЕК

И. В. Константинов

Оленекский отряд Приленской археологической экспедиции Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР предпринял разведку по р. Оленек, от пос. Оленек до пос. Таймылыр (в 90 км от моря Лаптевых). На протяжении около 1500 км более чем в 20 пунктах открыты древние стоянки различного возраста.

Обнаруженные стоянки в основном приурочены к двум террасам, которые в среднем и нижнем течении р. Оленек выражены довольно четко. Более низкая, высотой 10—14 м, видимо, является I надпойменной, которая, по мнению геологов, только недавно вышла из-под уровня весенних паводков. Другая терраса, высотой 18—25 м, является II надпойменной. В нижнем течении р. Оленек она сохранилась в виде останцов.

Стоянки, обнаруженные на этой террасе, имеют смешанный археологический материал. Зная многослойные стоянки Алдана, хорошо датированные памятники Лены и Вилюя, мы можем выделить ранний, средний и поздний этапы неолита на р. Оленек.

Для раннего неолита р. Оленек опорными памятниками являются стоянка Абыналах и отдельный комплекс материалов стоянки Хорбусуонка I (около 70° северной широты).

Законченные изделия стоянки Абыналах представлены наконечниками стрел и угловыми резцами на ножевидных пластинах, плоским двусторонне обработанным наконечником стрелы треугольной формы с асимметричными жальцами.

Эти изделия найдены вместе с фрагментами керамики с сетчатыми оттисками.

Хорбусуонка I является, судя по всему, стоянкой со смешанным материалом. Здесь обнаружены фрагменты сетчатой, шнуровой и вафельной керамики. Каменный инвентарь также изобилует разнообразием форм и типов. К раннему неолиту вместе с сетчатой керамикой, по-видимому, следует отнести некоторые экземпляры из большой серии угловых резцов, концевых скребков на ножевидных пластинах, наконечники стрел и проколки на ножевидных пластинах.

К среднему неолиту относятся стоянки Оленек I (около пос. Оленек), Нижне-Талоудская, Хорбусуонка I, Бороллуолаах и др.

Каменный инвентарь стоянки Оленек I представлен одно- и двуплощадочными призматическими нуклеусами, угловыми резцами на пластинах, треугольным плоским ножом, шлифованным ступенчатым теслом, двусторонне обработанным плоским наконечником стрелы с коротким прямоугольным черешком, а также большой серией трехгранных заготовок.

Интересно отметить, что большая серия трехгранных заготовок собрана и на стоянке Хорбусуонка I. Они, видимо, были заготовками нуклеусов.

На стоянке Нижне-Талоудская обнаружено маленькое шлифованное ступенчатое тесло, а также многофасеточный резец с уплощенным треугольным основанием, двусторонне обработанный плоский наконечник стрелы со скошенным основанием, обломки костей и рога с надрезами при помощи резцов.

Поздний неолит представлен стоянками Мэрчимэн 1, 2 и 3, Хорбусуонка I, Бороллуолаах, Эсэгэлээх и др. Для этих стоянок характерны вафельная и гладкостенная керамики, многофасеточные резцы с нуклевидными трехгранными рукоятками, двусторонне обработанные плоские наконечники стрел с прямым основанием, двусторонне обработанные вкладыши, трехгранные напильниковидные наконечники стрел и др.

На этих стоянках нет угловых и боковых резцов, а также концевых скребков на ножевидных пластинах.

Кроме неолитических, открыты более поздние стоянки, свидетельствующие о раннем появлении обработки железа на далеком севере. На стоянке Бороллуолаах в одном шурфе обнаружены куски шлака. Однако готовые изделия местных металлургов не найдены.

Ранний, средний и поздний неолит р. Оленек, по-видимому, датируется теми же хронологическими рубежами, что и памятники Лены, Алдана и Вилюя. Культура неолитического населения р. Оленек проявляет самые близкие черты с синхронными культурами Приленского края. Все это, должно быть, свидетельствует о культурной общности и этнической близости населения бассейна р. Оленек с населением древней Лены.

ПЕРВЫЙ ЫМЫЯХТАХСКИЙ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК НА СРЕДНЕЙ ЛЕНЕ

С. А. Федосеева

Орджоникидзеевский отряд Приленской археологической экспедиции Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР производил раскопки Чучур-Муранского могильника, случайно открытого при земляных работах на территории пионерского лагеря в окрестностях Якутска.

Могильник приурочен ко II ленской террасе, которую рассекает старичная протока, вытянутая вдоль правого коренного берега Лены в районе горы Чучур-Муран. На территории могильника раскопками вскрыта площадь 1224 кв. м.

Могильник насчитывает шесть групповых погребений, не имеющих наземных признаков. Могильные ямы прослеживались непосредственно под дерном на глубине около 5 см от дневной поверхности. Они не имели четких контуров и представляли собой большие пятна обожженной красноватой супеси с включениями древесных угольков в слое желтого среднезернистого речного песка.

Скелеты появились на глубине от 15 до 30 см от дневной поверхности. Погребальные ямы в песчаном грунте не прослеживались. Сохранность костяков плохая.

Пять погребений из шести представляют собой групповые захоронения, насчитывающие от двух до пяти скелетов в каждом (всего вскрыто 16 скелетов).

Исключение составляет погребение 5, в погребальной яме которого находилось кострище с мелкими обожженными фрагментами трубчатых костей, голенью человека, кремневыми заготовками и изделиями из кремня, аналогичными по форме и способам обработки изделиям из остальных погребений могильника.

Все погребения вытянуты вдоль протоки, в северо-восточном направлении. Как правило, скелеты лежат на спине, ноги и руки их вытянуты вдоль туловища, кисти рук сложены в нижней части живота. Лишь два взрослых костяка в погребении 2 захоронены с согнутыми в коленях ногами.

В каждом погребении между двумя взрослыми скелетами на уровне таза лежит детский скелет. Детские черепа сплющены, кости не сохранились за исключением плечевых, бедренных и голенных. Детские погребения лишены инвентаря.

Инвентарь взрослых погребений богат и выразителен. Обращает на себя внимание тождественность изделий, сопровождающих разные костяки. Обязательной принадлежностью каждого погребения являются плоские удлиненно-треугольные наконечники стрел с пильчатыми краями, вогнутыми, прямыми и скошенными основаниями.

Не менее часто в погребениях встречаются трехгранные и четырехгранные напильниковидные наконечники стрел. Все наконечники тщательно выструганы плоской ретушью, имеющей диагонально направленные фасетки.

Во всех погребениях встречаются также треугольные и листовидные двусторонне ретушированные ножи или их заготовки, многофасеточные нуклевидные резцы, плоские двусторонне ретушированные вкладыши прямоугольной формы. Встречаются отщепы, ножевидные пластины, призматические нуклеусы и их заготовки, шлифованные топорики, отщепы с крупных шлифованных орудий, один из которых снят с нефритового изделия, точильные камни из песчаника, фрагменты игловидных костяных стрел и т. д.

В погребении 3 под голенью первого костяка обнаружен фрагмент привенчиковой части ымыяхтахского вафельного сосуда с прямоугольными ячейками. Поверх вафельных отпечатков на керамике нанесен типичный для этого типа сосудов прямолинейный резной орнамент из трех веерообразно расходящихся линий. В изломе фрагмента насчитываются три слоя глиняного теста, что также типично для ымыяхтахской керамики.

Весь облик кремневых изделий и керамика Чучур-Муранского могильника характерны для позднеолитической ымыяхтахской культуры II тысячелетия до н. э., выделенной Ю. А. Мочановым на ряде многослойных памятников р. Алдан (Белькачи I, Усть-Тимптон, Сумнагин I и т. д.) и прослеженной им на огромных пространствах Северо-Восточной Сибири от бассейна р. Оленек до бассейна р. Колымы и от долины р. Витим до побережья Ледовитого океана.

Значение Чучур-Муранского могильника состоит в том, что впервые приоткрывается завеса над духовной и социальной историей ымыяхтахцев, игравших, судя по распространению памятников, немалую роль в эпоху позднего неолита Северо-Восточной Азии.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У с. КУКЕЛЕВО

А. П. Деревянко

Продолжались работы по раскопкам поселений раннего железного века в районе с. Кукелево Еврейской автономной обл. Раскопки проводились на двух поселениях, относящихся к самому раннему этапу железного века — урильской культуре.

Первое поселение расположено на пятиметровой террасе в 2 км от села вверх по речке Кочковатке. Оно состоит более чем из 40 круглых западин — остатков древних жилищ различных размеров. Поперечник одних западин не превышал 7—8 м, других — достигал 12—15 м. На этом поселении раскопаны три жилища полуподземного типа. Котлован первого жилища глубиной 0,5—0,7 м имел прямоугольную в плане форму со сторонами 6 и 7 м. Пол в центре жилища был несколько приподнят и образовывал прямоугольную площадку, на которой располагался очаг. Вокруг этой площадки замечены ямы от столбиков, поддерживавших верхние концы перекрытия. У стен котлована проходил второй ряд ям от столбиков, к которым крепились нижние концы перекрытия. Эти столбики служили также и основой стен самого жилища. Между столбовыми ямами находились большие хозяйственные ямы, в заполнении которых часто встречались кости животных, фрагменты керамики, а в одной хозяйственной яме на боку лежал большой амфоровидный сосуд, окрашенный малиновой краской.

Два других жилища были значительно бо́льших размеров — около 150 кв. м. В их конструкции нет принципиальных отличий. Находки из всех трех жилищ также идентичны и нет никаких сомнений в том, что это жилища одного времени.

Второе поселение располагается в 5 км от с. Кукелево, на берегу большого озера. Поселение довольно большое и состоит более чем из 30 круглых западин диаметром 6—8 м и глубиной до 1 м. Раскопано одно жилище прямоугольное в плане, площадью около 40 кв. м. По конструкции оно было таким же, как и небольшое жилище первого поселения.

Все раскопанные нами жилища относятся к одной культуре. Наиболее массовым материалом в них была керамика. Среди сосудов можно выделить несколько типов: краснолощеные шаровидные и амфоровидные сосуды с небольшим прямым или отогнутым венчиком, нередко украшенные налепными валиками, горшковидные, баночные, ситулообразные. Орнаментировались сосуды в основном различными комбинациями и сочетаниями налепных валиков и прочерченных линий.

В одном жилище найдены две керамические модели — игрушки, имитирующие колыбели, точно такие же, как найденные при раскопках в 1959 г. в Амурском санатории под Хабаровском. Эти модели очень

похожи на колыбели тунгусов XVIII—XIX вв. Много найдено маленьких детских игрушечных сосудиков, которые повторяют по форме большие сосуды.

Среди каменных изделий преобладали шлифованные орудия: наконечники стрел и копий, ножи обычного типа с прямым лезвием и жатвенные, полулунные в плане. Все эти орудия изготовлены из черного плотного сланца. Встречались в небольшом количестве и двусторонне ретушированные наконечники стрел из кремня и халцедона. Из рубящих орудий найдено около десятка хорошо зашлифованных прямоугольных в поперечном сечении тесел.

В жилищах обнаружено более десяти мотыг, куранты, песты и зернотерки. Все это свидетельствует о большом значении земледелия в хозяйстве местных племен. Из железных орудий на поселениях найдены фрагмент кельта и заготовка какого-то орудия.

Урильская культура, к которой относятся оба поселения, близка к сидеминской культуре Приморья, являясь ее континентальным вариантом, и датировать обе культуры нужно одним временем. Пока нет единого мнения о датировке этих культур. Но радиоуглеродный анализ позволяет провести их нижнюю границу на рубеже II—I тысячелетий до н. э.

ИНТЕРЕСНЫЙ ПАМЯТНИК ПРИМОРЬЯ

А. В. Гарковик

В небольшой живописной бухте Евстафия на восточном побережье Приморья расположена серия стоянок дюнного типа. Одна из них — Евстафий I была подвергнута раскопкам. Культурный слой оказался непотревоженным и в нем собран многочисленный и чрезвычайно интересный материал. Изделия из камня, обработанные техникой отжимной ретуши, сочетаются с крупными массивными орудиями, изготовленными из галек путем оббивки. Комплекс с подобным сочетанием встречен в Приморье впервые.

Стоянка находится в юго-западной части побережья бухты на третьем прибойно-намывном валу, метрах в 200 к югу от небольшой речушки, впадающей в бухту. Поверхность, поросшая редкой травой, сильно разрушена выдувами, что и позволило в предыдущие годы собрать многочисленный подъемный материал.

Юго-восточная часть стоянки разрушена меньше. Здесь был заложен раскоп.

Культурный слой представляет собой гумированный песок, более темный в верхней части и постепенно светлеющий к нижней. Начинается он сразу от поверхности и глубина его колеблется от 20 до 70 см. Мате-

рик — ярко-желтый морской песок. На поверхности, в культурном слое и материке часто встречаются крупные морские гальки. В светлом материковом песке хорошо прослеживались многочисленные неглубокие ямки диаметром около 20 см. Они могли быть оставлены столбами от наземных сооружений.

Монолитность комплекса особенно ярко проявилась в керамическом материале. Посуда — лепная, тонкостенная, с большим количеством примесей в тесте. Обжиг слабый, внутренняя и внешняя поверхности желтобурого цвета, внешняя — слегка заглажена. Многочисленная посуда представлена всего двумя формами: небольшие слабо профилированные горшки с широким горлом и миски. Украшали лишь верхнюю часть сосуда — внешнюю сторону венчика, особенно в тех случаях, когда венчик по форме напоминал воротничковый. Ногтевые оттиски были почти единственным узором: пояски горизонтальных оттисков, наклонные или перекрещивающиеся.

Мелкие ретушированные орудия представлены несколькими видами (ножи, наконечники стрел, скребки, проколки, сверла). Все они изготовлены на отщепах цветного галечникового кремня и халцедона. Наиболее многочисленны и разнообразны из них по форме ножи и наконечники стрел.

Ножи преимущественно треугольных очертаний. Одни из них с закругленными углами, выпуклым лезвием и овальной спинкой, тогда как другие — с прямой спинкой и идущим к ней под углом закругленным лезвием.

Наконечники стрел треугольной формы имели прямое основание или небольшую выемку в основании и асимметричные жальца. Приближались к ним по форме наконечники стрел, верхняя часть которых имела треугольные очертания, боковые грани были почти параллельны друг другу, основание прямое. Часть наконечников имела удлиненную форму и закругленное основание.

Крупные орудия сделаны из галек или валунчиков фильзита, андезита и сине-серого роговика. Рабочий край их оформлен обычно несколькими крупными сколами. По форме и назначению эта группа орудий делится на рубящие и скребловидные. Количество крупных отщепов из названных выше пород значительно больше, чем отщепов кремнистых пород.

Одной из характерных особенностей данной стоянки является большое количество грузил из галек, которые порой достигают значительных размеров.

Характер расположения этого интересного памятника и состав инвентаря (наличие большого количества грузил, ножей, скребков, наконечников стрел) — все свидетельствует о том, что это сезонное поселение охотников-рыболовов. Это первая стоянка дюнного типа, раскопанная в Приморье, где оказался непотревоженный культурный слой и очень своеобразный, обильный и выдержанный комплекс.

ИССЛЕДОВАНИЯ В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ

В. А. Могильников

Иртышский отряд Западносибирской экспедиции совместно с Омским педагогическим институтом и краеведческим музеем проводил в лесостепи Западной Сибири, на Иртыше, к северу от Омска изучение памятников раннего железного века, относящихся к еще мало известной саргатской культуре.

Около дер. Горная Бития на некрополе, насчитывающем пять курганов, вскрыто три. Два из них диаметрами 13 и 14 при высоте до 0,5 м содержали в центре парные захоронения в прямоугольных могильных ямах, углублявшихся в материк на 0,3 и 0,7 м и перекрытых сверху бревенчатым накатом. Костяки были обращены головами на север. Под полами курганов, в погребенном черноземе располагалось по три впускных погребения. Часть захоронений сопровождалась мелкими угольками и кусочками меловой подсыпки. Необычны впускное погребение со скорченным скелетом в кургане 3 и отдельное захоронение двух черепов в кургане 1. Один из черепов был пробит на лбу и темени. Среди погребального инвентаря в курганах встречены круглодонные глиняные горшковидные сосуды с резным и ямочным орнаментом, костяные втульчатые и черешковые наконечники стрел, бронзовый предмет в форме лопаточки и короткий железный меч, лежавший у бедренной кости в центральном погребении кургана 3.

В самом большом кургане диаметром 16 м и высотой 0,8 м находилось шесть погребений. Под бревенчатым накатом центральной могилы обнаружены остатки четырех скелетов — трех взрослых и ребенка. Череп одного из погребенных имел ромбическое отверстие, образованное, возможно, ударом клевца. Из вещей в погребении сохранились костяные и мелкие железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, крупная зеленоватая стеклянная бусина с белыми глазками, фрагменты глиняного сосуда, а в одном из впускных захоронений — бронзовый крючок от колчана. Погребения в курганах у дер. Горная Бития датируются III—II вв. до н. э.

Ко II—I вв. до н. э. принадлежит курган с десятью погребениями, раскопанный у дер. Богдановка. Большой интерес представляет впускное погребение воина, вместе с которым находились длинный железный меч с прямым бронзовым перекрестьем, копье, кинжал, железные трехлопастные черешковые и костяные наконечники стрел, накладки сложного лука, бронзовые гривна и пряжки с неподвижными шленьками, бронзовый котел и два глиняных сосуда — лепной и гончарный, который, видимо, попал в Омское Прииртышье из Средней Азии в результате обменных связей. В Западной Сибири этот сосуд — самая северная находка импортной среднеазиатской керамики конца I тысячелетия до н. э.

Накладки сложного лука свидетельствуют об относительно раннем появлении этого оружия у племен западносибирской лесостепи. Население, оставившее курганы, проживало на лежащих вблизи городищах, о чем говорит тождество отдельных типов керамики Богдановского и Горнобитинского городищ с керамикой из курганов.

Разведками последних лет открыто много поселений саргатской культуры по обоим берегам Иртыша от Тары до Ачаира, а также по нижнему и среднему течению Оми вверх до г. Куйбышева. Среди укрепленных поселений этой культуры преобладают городища, расположенные на мысах и защищенные с напольной стороны одним или несколькими валами.

Исследованные на этих городищах жилища представляют собой прямоугольные наземные дома с очагом в центре. Найденный материал датирует памятники саргатской культуры временем с V—IV вв. до н. э. по II—III вв. н. э.

К другому времени и иной культуре относятся грубые плоскодонные горшковидные сосуды с насечками по венчику, найденные в верхнем слое городища у дер. Горная Бития. Они имеют аналогии среди керамики из тюркских памятников VII—IX вв. н. э. Северо-Восточного Казахстана и Верхнего Приобья. Присутствие такой керамики в лесостепном Прииртышье свидетельствует о проникновении сюда с юго-востока тюрок и, по-видимому, знаменует начало постепенной тюркизации относительно небольшой группы скорее всего угорского населения, продвинувшегося в лесостепь с севера около середины I тысячелетия н. э. на смену оттесненным в эпоху переселения народов главным образом на запад саргатским племенам.

Раскопки курганов на р. Таре около дер. Окунево дали материал VI—V вв. до н. э. Найденный здесь бронзовый нож аналогичен ножу из сакского могильника Аламышек на Тянь-Шане. Эта находка служит подтверждением традиционности связей лесостепного Прииртышья с югом и в частности со Средней Азией.

РАСКОПКИ НА УЙБАТЕ

Н. В. Леонтьев

На краю I надпойменной террасы р. Уйбат, у устья его правого притока речки Тибик, Минусинским музеем имени Н. М. Мартьянова были исследованы два кургана, расположенных на северо-западной окраине небольшого могильника татарской эпохи.

Оба кургана отличаются от остальных отсутствием по углам оград из высоких камней.

Первый курган имел большую прямоугольную ограду из валунообразных обломков скальных пород, уложенных в один ряд, внутри которой находился многослойный каменный завал. В дерновом слое между камнями встречались обломки глиняных сосудов таштыкской эпохи и фрагменты костей животных. Кратковременная стоянка на месте кургана появилась уже к тому времени, когда он приобрел в основном современный вид. Под камнями завала выявлены пятна четырех грунтовых ям и ровик глубиной 30—45 см, окаймляющий стены ограды с внутренней стороны. В слое погребенной почвы, как и в заполнении ровика, встречались фрагменты глиняных сосудов афанасьевского и окуневского типов.

Наблюдения позволяют предполагать, что первоначально над каждой могилой имелись какие-то большие каменные выкладки. Впоследствии в результате неоднократной деятельности грабителей они подверглись почти полному разрушению и приобрели вид беспорядочного завала.

Одна из грунтовых ям не содержала признаков погребения; в трех других, заполненных до самого дна обломками скальных пород, встречены разрозненные обломки человеческих костей, залегавших на разных уровнях заполнения могильных ям.

В могиле 1 найдены 37 подвесок из костей животных (нижние челюсти соболя, клыки марала, резцы сурка, грифельные кости косули, резец лося, нижние части цевок птиц), мелкие каменные бусы и обломки плоскодонного баночного сосуда, орнаментированного параллельными горизонтальными рядами мелкозубчатого гребенчатого штампа — типичного для окуневской культуры орнамента. На северо-восточном борту этой могилы лежали четыре каменных толстых диска неизвестного назначения.

В другой могиле найден обломок бронзовой пластинки (очевидно, ножа). В заполнении двух могил встречены кости коровы, овцы и козы, что служит еще одним подтверждением довольно развитого скотоводства у окуневцев.

В кургане 2 с расплывшейся, едва заметной земляной насыпью и прямоугольной оградой из обломков скальных пород находились две грунтовые могильные ямы. Первоначально над ними были устроены большие каменные выкладки, покоившиеся на бревнах наката, но в результате деятельности грабителей оба сооружения оказались разрушенными.

Кости погребенных в обеих могилах залегали в беспорядке. Среди них найдены обломки нескольких глиняных сосудов баночных форм, датируемых подгорновским этапом тагарской культуры, шесть костяных черешковых наконечников стрел, бронзовые округлые выпуклые бляшки и сердоликовая бусина.

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ МЕТАЛЛУРГОВ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Я. И. Сунчугашев

Археологическая экспедиция Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории продолжала изучение памятников древней металлургии меди в Темире (Усть-Абаканский р-н) и Узун-Жуле (Аскизский р-н).

В Темире изучен древний медный шлаковый отвал тагарской культуры (VII—V вв. до н. э.), имеющий насыпь объемом более 80 куб. м. По нашим подсчетам, отвал содержит шлак приблизительно от 10400 плавок. Рядом с отвалом раскопаны две медеплавильни. Первая плавильня имеет вид продолговатой ямы длиной 2,3 м, шириной 0,58 м при глубине 0,35 м от древней поверхности. Вокруг плавильни найдены два медных слитка, обломки глиняных воздуходувных сопел, тигля и горшков. Вторая плавильня сохранилась в хорошем состоянии и является оригинальным памятником древней металлургии меди. Плавильная печь была сооружена в специально выкопанной овальной яме длиной 2,85 м, шириной 1,2 м и глубиной 0,7 м от древней поверхности.

Верх печи перекрыт гранитной плитой, под которой оказалось четырехугольная топка длиной 1 м, шириной 0,4 м при высоте 0,35 м. Топка заполнена медными шлаками и незначительным количеством древесного угля. Подача воздуха в топку производилась с северной стороны мехом, соединенным с глиняным соплом длиной 25 см. Воздуходувный канал сопла 4,6 мм. Около медеплавилен, кроме слитков меди и обломков горшков, найдены обломки медной руды (азурит, малахит), зернотерок, кости коровы и овцы.

У горы Темир-Даг (в 1,5 км к западу от горы Посельщик) рядом с зафиксированными в 1967 г. древними шлаковыми отвалами начато обследование поселения металлургов. Вскрыта площадь 50 кв. м. В культурном слое найдены обломки литейных форм, пестов, зернотерок, куски малахита, кости овцы. По керамике памятник датируется VII—VI вв. до н. э. На древнем горизонте зафиксированы два очага и ямки от столбов и жердей или кольев. Жилища на поселении напоминали по типу хакасские алачых или ат-ноб.

Материалы Темира позволяют установить не только относительно точные хронологические данные о древнейшем медном руднике Хакасии, но и весь сложный технологический процесс получения меди из руды.

В 1,5 км к западу от улуса Нижний Узун-Жуль мы обнаружили в двух местах ранее неизвестные древние медные шлаковые отвалы. Полностью раскопан один отвал. По керамическому материалу он датируется VI—V вв. до н. э.

В 7 км к востоку от Нижнего Узун-Жуля открыты новые памятники древней металлургии меди.

ПЕРВАЯ НАХОДКА ДРЕВНЕГО ДЕРЕВЯННОГО КОЛОДЦА В ПРИМОРЬЕ

Ж. В. Андреева

Поселение Синие Скалы (V—VIII вв. н. э.) расположено на вершине гряды скал, выходящих в долину р. Аввакумовки, одной из крупных рек Восточного Приморья. У подножия Синих Скал с западной стороны лежит старица р. Аввакумовки, а с восточной стороны — ручей, питающийся за счет родников. Некогда жилища этого поселения строились на склонах, идущих амфитеатром. Большая сырость послужила консервирующей средой для деревянного сооружения — колодца, сохранившегося внизу, в центральной части амфитеатра.

Культурный слой в этом месте достигал мощности 90—95 см и покоился на ровной скальной площадке, несколько повышающейся в северо-западном направлении. На каменной площадке и было обнаружено водосборное сооружение.

На северо-западной границе площадки лежала деревянная плаха длиной 1,5 м, обернутая берестой. Ширина ее превышала 20 см. Плаха стояла на ребре выпуклой стороной к верхней части склона. Со всех сторон она была обложена обломками скалы и крупной галькой. Эта плаха как бы защищала основное водосборное сооружение — колодец, который находился в 40 см к юго-востоку от плахи.

Четырехугольный в плане колодец занимает площадь 1×0,8 м и состоит из двух венцов. Снаружи он был обернут в два слоя крупными кусками бересты и укреплен обломками скалы и крупной галькой. Все это было затянуто черным гумусным слоем с серыми и зеленоватыми илистыми прослойками. Вокруг колодца прослеживались углистые прослойки. Стенки были сделаны из горбылей, поставленных на ребро выпуклой стороной наружу. Внутренняя сторона сравнительно хорошо затесана. Длина горбылей от 60 до 70 см, толщина в самой широкой части до 10 см. На заостренных концах плах хорошо видны следы затесов. Для крепления горбылей друг с другом на некотором расстоянии от их концов были сделаны глубокие трапециевидные выемки. Для колодца было выбрано место естественного водостока.

Эта находка позволяет судить об уровне строительной техники вообще и деревянного строительства в частности; при раскопках поселения лишь в некоторых жилищах удается проследить обугленные остатки деревянной обшивки стен.

Синие Скалы — двуслойное поселение. При раскопках колодца ранний материал присутствовал в незначительном количестве и почти весь находился в переотложенном состоянии. Остальной материал подтверждал прежде установленную дату поселения. В колодце и около него были найдены фрагменты керамики, в том числе и гончарной, характерные для этого поселения. А в нескольких метрах от колодца, в нижней

части культурного слоя, при окончательной зачистке найден обломок монеты, чеканенной в начале VII в. н. э. Никаких находок или других следов деятельности человека какого-либо иного времени в этой части поселения не наблюдалось.

Находка остатков водосборного сооружения хорошей сохранности позволяет рассматривать это поселение как большой хозяйственный комплекс.

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ И ГОРОДИЩЕ НА ГОРЕ САХЮРТЭ

П. П. Хороших

Отрядом Ангаро-Байкальской археологической экспедиции Иркутского университета были обследованы древние наскальные рисунки и городище на горе Сахюртэ, расположенной на левом берегу р. Анги (приток оз. Байкал), примерно в 5 км к северо-востоку от пос. Еланцы Ольхонского р-на Иркутской обл.

Наскальные рисунки на горе Сахюртэ высечены на гладкой поверхности белого, серого и розового мраморовидного известняка и имеют различную давность. Они расположены в четырех местах.

Первая, наиболее древняя группа рисунков находится около вершины горы, на огромной скале, сложенной из белого мраморовидного известняка, на высоте более 100 м над уровнем р. Анги. Рисунки занимают площадь около 10 кв. м и выполнены глубоким сплошным высеканием фигур. Размер рисунков от 10 до 35 см. Первобытные художники пробивали верхнюю корку мраморовидного известняка и доходили до нетронутого нормально-белого цвета этой горной породы, отчего высеченные фигуры заметно выделяются белизной на потемневшем от времени фоне скалы.

Центральное место в этой группе рисунков занимает прекрасно переданная сцена охоты на коз, маралов и лосей с помощью собак-лаек. Фигуры бегущих животных, высеченные в профиль, изображены вполне натурально с соблюдением характерных особенностей в строении их тела. Охотники вооружены луками со стрелами. Один из охотников показан идущим на лыжах, позади его изображена убитая коза. Ниже сцены охоты на скале неглубоко высечен ламайский вачир. На левой половине этой же скалы высечены маралы, лоси, козы, быки, лошади и борющиеся антропоморфные фигуры. Часть фигур животных не закончена. Судя по стилю, технике высекания, а также и по аналогии с другими наскальными рисунками Прибайкалья, первая группа рисунков может быть датирована ранней порой железного века (примерно V—III вв. до н. э.).

Гора Сахюрта. Наскальные рисунки

Высеченный на скале ламайский вачир относится к более позднему времени. Он, вероятно, был высечен первыми ламами, прибывшими на Байкал в первой половине XVIII в. н. э. Об этом свидетельствует и более новый вид этого знака.

Вторая группа рисунков, неглубоко вырезанных по контуру, сохранилась на гладкой поверхности серого мраморовидного известняка в 150 м к западу от первой группы. Эти рисунки изображают фигуру всадника на лошади, стреляющего из лука, отдельные фигуры косуль, маралов, яка, собак, медведя. Размер рисунков от 15 до 25 см. Рисунки относятся к древнетюркским изображениям курыканского времени (VI—X вв. н. э.). Подобные рисунки известны на курыканских писаницах Ангары, Лены, Унги, Осы и Куды.

Третья группа наскальных изображений находится в 160 м к северо-востоку от первой. Здесь на выступе серого мраморовидного известняка легкой резьбой нанесен неправильный шестиугольник с линиями внутри. Это начертание, по-видимому, служило каким-то условным знаком. Оно напоминает некоторые курыканские начертания, известные в Прибайкалье.

Четвертая группа рисунков сохранилась на гладкой поверхности большой, прямо стоящей плиты из светло-розового мраморовидного известняка, расположенной у самой подошвы горы Сахюртэ. На плите сплошным высеканием изображены фигуры сохатых, маралов, горных баранов, коров, быков, спокойно идущих друг за другом. Эта группа рисунков, вероятно, одновременна рисункам первой группы. По словам местных жителей, у подошвы горы Сахюртэ на выходах розового мрамора ранее находились рисунки, изображающие сцену облавной охоты на коз, маралов и лосей. Однако в 1913 г., во время разработок мрамора, эти рисунки были разрушены.

Около вершины горы Сахюртэ сохранились остатки курыканского городища, обнесенного каменной стеной, сложенной из плоских плит гранита и известняка. Кладка стен проводилась без какого-либо скрепляющего материала. В стенах городища видны проходы. К сожалению, значительная часть каменных стен в данное время обвалилась. Внутри городища находились жилища, обложенные у основания каменными плитами. Около этих жилищ местное бурятское население ранее находило трехперые железные наконечники стрел, куски кремня для добывания огня кресалом.

На более возвышенном месте городища находилась сторожевая сигнальная вышка, сложенная из плит гранита. С таких вышек, как известно, древние обитатели городищ подавали огневые и дымовые сигналы на соседние городища при приближении неприятеля. Подобные городища и сторожевые вышки были обнаружены также на о-ве Ольхон и на западном побережье оз. Байкал.

РАСКОПКИ МОХЭСКОГО ГОРОДИЩА У с. МИХАЙЛОВКА

Е. И. Деревянко

В 1966 г. школьники михайловской средней школы открыли городище на р. Завитой в 25 км от с. Михайловка Амурской обл. Городище располагается на высокой (60—70 м) террасе, довольно круто опускающейся к пойме. Площадь, окруженная рвом и валом, достигает более 6000 кв. м. Все это пространство заполнено круглыми западинами диаметром 5—8 м и глубиной до 1 м. Значительная часть городища была уничтожена пожаром. Раскопки поселения дали новый и исключительно интересный материал.

Всего на поселении раскопано восемь одинаковых жилищ. При строительстве вначале рыли прямоугольный в плане котлован площадью 20—25 кв. м. На расстоянии 20—40 см от стен земляного котлована по углам на глубину до 1 м вкапывали четыре опорных столба диаметром

25—30 см. На эти столбы клали балки — внешнюю обвязку жилища. С внешней стороны к этим балкам вплотную друг к другу вертикально ставили плахи толщиной 5—10 см и шириной 10—40 см. Нижние концы плах крепились нижней обвязкой, которой служили толстые жерди, положенные на пол с внешней стороны опорных столбов. Плахи, образующие стенку жилища, не имели специального крепления, а придавливались землей к обвязкам при засыпке пространства между стеной котлована и стеной жилища. В одном из раскопанных жилищ удалось проследить все четыре обуглившиеся стены на высоту до 60 см. В центре жилища также ставили четыре столба, которые связывали вверху внутренней обвязкой. На эту обвязку ложились верхние концы перекрытия, а нижние концы лежали на внешней обвязке. В центре жилища находился очаг, обложенный деревянными плахами, обмазанными глиной. В жилищах удалось проследить два входа и выхода: через коридор-тоннель и в отверстие для выхода дыма по специально сделанному для этих целей бревну с вырубленными ступеньками. Городище подвергалось пожару, по-видимому, несколько раз: отдельные жилища построены на месте сгоревших. Нет никаких свидетельств нападения какого-то враждебного племени.

При раскопках найдено много керамики — как целые сосуды, так и фрагменты.

Сосуды типично мохэские: небольших размеров, хорошо профилированные, с налепным валиком-карнизиком по венчику. Украшены они налепным валиком по шейке или плечикам сосуда, а также шахматно-шашечным штампом.

Из орудий труда найдены наконечники стрел, ножи, иглы, шилья, проколки, топоры, рыболовные крючки. Материалом для изготовления почти всех орудий труда служило железо. Из кости изготовляли латные пластинки, украшения, иглы. Особенно часто применялся для различных поделок рог оленя. Почти в каждом жилище найдены клады оленьих рогов. Много костей домашней козы и свиньи.

Население городища занималось в основном скотоводством, охотой и рыболовством. Об особой роли свиньи свидетельствует тот факт, что под каждый угол дома были положены челюсти или черепа свиньи. В одном из жилищ, неподалеку от очага, найдены шесть черепов, сложенные в кучу.

О занятии земледелием не было почти никаких свидетельств за исключением находок нескольких терочников и плит типа зернотерок, тогда как в летописях о мохэцах сообщается как о земледельцах и скотоводах.

О времени существования этого городища говорить пока трудно, хотя подобные поселения известны в Приамурье и Приморье, от Шилки до Тихого океана, от рубежа до VIII в. н. э. По некоторым аналогиям в предшествующих культурах раннего железного века городище можно ориентировочно относить к первым векам нашей эры.

ГОРОДИЩЕ В ДОЛИНАХ РЕК КЕНЦУХЕ И ТАДУШИ

В. Медведев

Археологическая экспедиция Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР под руководством А. П. Окладникова провела разведку в бассейнах рек Тадуши и Кенцухе. На небольшом участке удалось обследовать два средневековых городища, одно из которых было открыто А. П. Окладниковым еще в 1963 г.

Первое городище-убежище (Кенцухе I) находится на правом берегу р. Кенцухе, в поселке с одноименным названием. Оно занимает наиболее высокую точку террасовидного уступа, сложенного из базальтов, высота которого равна примерно 25 м над уровнем долины Кенцухе. Вал городища опоясывает ровную площадку, ограниченную с севера и запада небольшими оврагами. В плане городище приближается к прямоугольнику со сторонами 38 и 20 м. Сейчас вал сильно оплыл, максимальная высота его 1,5—2 м. Сверху он довольно плотно обложен камнями. За валом прослеживается ров.

Около обрыва обнаружены остатки вала или какой-то выкладки из каменных плит. Вдоль края площадки, сразу под дерном, находился слой углистой земли мощностью до 16 см. В нем найдены два железных наконечника стрел. Один из них плоский ромбовидный, другой трехлопастный. На Дальнем Востоке в Приморье такой наконечник найден впервые.

В желтом суглинке около вала под углистым слоем обнаружены и крупные фрагменты двух сосудов. Сосуды имели высокую прямую шейку с узором, близким орнаменту сосудов культуры раковинных куч. Здесь же встречены две тщательно ретушированные заготовки ножей из вулканического туфа.

Второе городище (Кенцухе II) располагается на возвышенности на левом берегу р. Тадуши в 3 км от пос. Кенцухе. К югу обращен крутой известняковый обрыв. Валы и рвы местами тянутся в три ряда, создавая целую систему укреплений. Валы, выложенные из камня, внушительно выглядят и в настоящее время. Высота их в отдельных местах достигает 3 м. Форма городища неправильная. Длина сторон достигает 60 м. На территории городища местами прослеживаются небольшие углубления — следы сооружений.

Обнаруженная на городище керамика представлена фрагментами сосудов серого цвета, изготовленных на гончарном круге, с тисненым орнаментом и круто отогнутым венчиком. Кроме керамики, в темном углистом слое на глубине 25 см найдена железная кованая подкова с сохранившимися в ней гвоздями.

Находки на Кенцухинском городище проливают новый свет на проблему возникновения сидеминской культуры — «культуры раковинных куч», интересны и материалы средневековой эпохи.

РАБОТЫ КОПЕНСКОГО ОТРЯДА

Л. П. Зяблин

Копенский отряд в составе Красноярской экспедиции продолжал исследования поселения около дер. Унюк в Краснотуранском р-не и курганов на Перевозинском чаатасе в Боградском р-не. Уровень воды в Енисее позволил осуществить обширные раскопки поселения на площади 720 кв. м.

Работы иногда осложнялись колебанием грунтовых вод и не на всех участках могли быть закончены. Еще в прошлом году установлен двуслойный характер культурных напластований: верхний слой — таштыкский, нижний — неолитический.

Неолитический слой содержал обильный керамический и каменный инвентарь. Выявлены также скопления неолитической керамики, выходившие в обрыве берега. Черепков местами встречалось так много, что их брали монолитами, а это дает надежду восстановить точную форму неолитического сосуда. Среди каменных орудий прежде всего нужно упомянуть тесло из зеленого нефрита, целую песчаниковую плитку для распиловки этого необычайно крепкого камня, кирку, целые и в обломках топоры, наконечники стрел, различные вкладыши и скребки.

Таштыкский слой содержал массовый материал и остатки некоторых сооружений (печи, очагов). Высокие грунтовые воды помешали открыть жилища, а на некоторых участках даже исчерпать культурный слой до материка.

О земледельческом характере таштыкской культуры свидетельствуют многочисленные зернотерки. Некоторые наблюдения позволяют утверждать, что в то время начали появляться вращающиеся ручные жернова.

Позже раскапывались курганы на Перевозинском чаатасе. Кроме обычного для чаатасов типа курганов, мы раскопали четыре малых кургана на южной окраине могильника, где в 1967 г. встретилось погребение с конем. Здесь оказались курганы с подбоями для захоронения человека, а перед входом лежали скелеты коней, в одном случае — овцы. Вещи датируют погребения IX в. н. э.

Подобные могилы в Хакасско-Минусинской котловине встречаются весьма редко.

Произведены поиски неолитических местонахождений. Еще в 1961—1965 гг. мы собрали подъемный материал на дюне около Копен. Теперь можно утверждать, что найденные там черепки и некоторые каменные изделия являются неолитическими.

Неолитическое поселение оказалось и на Перевозинском чаатасе, у края коренной скалистой террасы, о чем свидетельствуют кремневые поделки и отщепы, а также керамика.

Пять лет тому назад около дер. Кандырла в верховьях Абакана было найдено тесло из зеленого нефрита. В минувшем году мы обнаружили около этой деревни обширное и разновременное поселение. Ветер и дожди великолепно расчистили некоторые объекты: кремневую неолитическую мастерскую, несколько домов тагарского или таштыкского времени и т. д. Найдено несколько зернотерок.

При посещении известной Таз-Хазы установлено, что на ее месте ранее существовало неолитическое поселение. Кремневые отщепы и поделки найдены в самой ограде и за ее пределами.

Поиски неолита на верхнем Енисее показали, что поселения этого времени здесь не так уж редки.

РАСКОПКИ НА ШАЙГИНСКОМ ГОРОДИЩЕ

Э. В. Шавкунов

Отряд сектора археологии Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР продолжал раскопки Шайгинского городища на юге Приморского края. В работах отряда приняли участие студенты Дальневосточного университета и учащиеся средних школ Владивостока.

Шайгинское городище представляет собой остатки сравнительно крупного торгово-ремесленного центра Золотой империи (Ай-синьгурунь) чжурчжэней — предков современных нанайцев, удэгейцев и орочей. Построенный в начале второй половины XII в. н. э. этот город в начале XIII в. был взят штурмом, разграблен и предан огню монгольскими полчищами.

За предыдущие годы раскопками на Шайгинском городище были вскрыты остатки двух зданий дворцового типа, пяти мастерских по плавке и обработке цветных и черных металлов, а также остатки 27 жилищ.

В 1968 г. раскопками открыты остатки еще 13 жилищ и редута, расположенного в юго-восточной части городища. Подобные редуты, представляющие собой обнесенные земляным валом небольшие, квадратные в плане укрепления, довольно часто встречаются и на других городищах того же времени, однако их назначение до сих пор было не совсем ясно. Данные, полученные при раскопках редута на Шайгинском городище, позволяют высказать предположение, что здесь находилась ставка командующего войсками местного гарнизона.

В жилище 28 в каждом очаге и даже внутри каменной ступы находились бронебойные наконечники стрел, причем их положение ясно указывало на то, что они были впущены сюда с большой силой, т. е. выстрелом из лука. В очаге правого колена кана рядом с бронебойным наконечни-

ком стрелы у основания дымоходных каналов лежал еще наконечник пешни. Еще две пешни были воткнуты в эту же очажную яму сверху. Кроме того, в хозяйственной яме, расположенной рядом с очагом левого колена кана, находился воткнутый вертикально в дно ланцетовидный наконечник копья. Очень похоже, что в этом жилище имел место акт изгнания злых духов шаманом, который стрелял из лука, метал копья и пешни в места, где, по его представлению, должны были обитать духи. Косвенным подтверждением могут служить обнаруженные внутри жилища и во дворе конусовидные железные подвески от шаманского пояса. Подобный обычай еще сравнительно недавно можно было наблюдать у многих народов Дальнего Востока.

Из других находок, обнаруженных в жилище 28, следует назвать клад железных изделий, состоящий из сложенных стопкой 25 ножей-косарей, чугунной втулки от колеса, остатков колчана в виде двух ушек для его подвешивания, двух узких железных оковочных полос с целым рядом торчащих из них мелких четырехгранных гвоздей, еще двух узких небольших обкладок от днища колчана и двух широких обкладок от верхней части того же колчана. На всех этих деталях сохранились пропитанные ржавчиной отчетливые следы древесины. Вероятно, колчан был выдолблен из цельного куска дерева и обшит снаружи толстой кожей, скрепленной железными обкладками. Недалеко от колчана были обнаружены четыре наконечника стрел. Размеры остатков колчана позволяют заключить, что длина стрел была около 70—75 см. Клад находился перед входом в жилище в специальной приступке.

Определенный интерес представляет также находка в жилище 31 небольшого глиняного горшочка, внутри которого находились обуглившиеся зерна пшеницы и обломки железного пинцета. Горшочек был окрашен снаружи красной краской, а на его боках имелись симметрично расположенные два выколотых иглой и два тонко прочерченных знака большого чжурчжэньского письма. Судя по всему, это был горшочек для приготовления жертвенной пищи духам. Письменные знаки на горшочке представляли собой, по-видимому, какие-то заклинания.

К другим интересным находкам, обнаруженным на Шайгинском городище, следует отнести два бронзовых календаря с двенадцатеричным звериным циклом, бронзовый накладной наконечник пояса и хомуток с изображением цветка хризантемы, бронзовое плоское кольцо с выгравированным на нем «амурским» спиральным орнаментом, бронзовая «именная» печать, фрагмент льячки с капельками серебра, замок с ключом, фрагмент рашпиля, лопату, кузнечные клещи, два боевых топорика, а также различные ножницы, керамику, орнаментированные бронзовые поясные пряжки и хомутки. Весь этот материал позволяет существенно расширить наши представления о быте, хозяйстве, культуре, мировоззрении и истории чжурчжэней — прямых предков нанайцев, удэгейцев и орочей.

РАСКОПКИ РЕДУТА НА ШАЙГИНСКОМ ГОРОДИЩЕ

О. С. Галактионов

Почти на всех чжурчжэньских городищах Приморья встречаются внутренние укрепления, обнесенные валом, а иногда и рвом,— так называемые редуты. До настоящего времени назначение этих редутов оставалось неясным, так как до сих пор раскопки на их территории не производились. В 1968 г. начались раскопки редута на Шайгинском городище с тем, чтобы выяснить назначение внутригородских укреплений подобного рода.

Редут расположен в юго-восточной части городища, вблизи южных ворот. С его территории хорошо видны основные наблюдательные посты городища. В плане укрепление представляет собой квадрат размерами 24×24 м, расположенный на пологом склоне и обнесенный валом высотой до 2,5 м. В середине западного вала имеется заметное углубление, по-видимому, остатки ворот. Внутри укрепления хорошо заметны две террасы, идущие параллельно друг другу по направлению с юга на север и как бы разделяющие укрепление на две половины — верхнюю и нижнюю. На нижней террасе еще до раскопок слева и справа от ворот были видны остатки двух жилищ, обращенных входами друг к другу. Непосредственно от ворот между жилищами идет пандус по направлению ко входу в третье жилище, расположенное в центре верхней террасы. К двум боковым стенам верхнего центрального жилища примыкают небольшие площадки.

При вскрытии жилищ установлено, что в общем они имеют одинаковую конструкцию. В них найдены хорошо сохранившиеся Г-образные каны с тремя дымоходами и по одному выложенному камнем очагу. Некоторые особенности имеет верхнее жилище, у которого, в частности, примыкающая к валу стенка укреплена рядом крупных речных галек, а пол забутован камнем. Обращает на себя внимание исключительно тщательная выкладка кана верхнего жилища.

Обнаружено довольно много находок. Основная часть их найдена в проходе между жилищами, расположенными на нижней террасе, и в самих жилищах. Так, в проходе найдена основная масса керамики, ножи-косари, гвозди, железные пряжки, связка в десять северосунских монет, несколько обломков точил.

В правом жилище обнаружены два серпа-горбуши, пешня, массивный железный предмет, напоминающий булаву, игла для починки сетей, наконечники копий, бронебойные наконечники стрел и огромное количество панцирных пластин.

Находки в левом жилище таковы: ножи-косари, часть дверного замка, дужка от ведра, ножницы, гвозди, глиняный сосуд, обломки стеклянных колец от сложных ушных украшений, монету «Да Гуань тун-бао»

с четырьмя просверленными отверстиями, употреблявшуюся как нашивное украшение, каменную ступу.

В заполнении очагов обоих нижних жилищ очень много жженых костей, а каменная выкладка в результате длительного воздействия огня сильно потрескалась и приобрела яркий красно-оранжевый цвет.

В верхнем жилище находок меньше. Это несколько фрагментов керамики от одного сосуда, ключ от дверного замка, гвозди, несколько одинаковых железных пряжек, часть бронзовой пряжки, топор-колун и бронебойные наконечники стрел. В заполнении очага костей нет, а камни, выстилающие его дно, носят слабые следы воздействия огня.

При вскрытии площадок по бокам центрального жилища не было найдено ничего, кроме беспорядочно разбросанных крупных галек.

Если принять во внимание выгодность стратегического положения, занимаемого редутом, и наличие валов, то можно предположить, что в нем располагался двор какого-то чиновника, имевшего отношение к охране ворот, а возможно, и всего городища. Расположение жилищ внутри редута относительно друг друга, некоторые особенности в конструкции верхнего жилища и характер находок во всех трех жилищах позволяют предполагать, что в верхнем центральном жилище жил сам чиновник, тогда как в нижних, вероятнее всего, жила прислуга.

Вскрытие ворот показало, что они были, по всей вероятности, деревянными, так как здесь найдено значительное количество угля и железных гвоздей. Пол входа был вымощен крупными камнями. При раскопках ворот найден довольно большой железный пробой, а неподалеку от ворот, рядом с валом — лопата, утерянная, вероятно, при сооружении укрепления.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПЛАХОТНЮКИНСКОМ ГОРОДИЩЕ

В. Д. Леньхов

Плахотнюкинское городище находится в 0,5 км от дер. Плахотнюки Чугуевского р-на Приморского края. На территории Плахотнюкинского городища проводил работы отряд сектора археологии Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР.

Плахотнюкинское городище, состоящее из двух обособленных частей — внешнего и внутреннего городов,— расположено на горном мысу, северная и восточная части которого представляют собой скальный обрыв к р. Нотто. Вдоль западной части городища протекает небольшой ключ, который впадает в реку. Вся территория городища ограничена оборонительным валом общей протяженностью 2703 м. Северо-восточная часть городища, поскольку здесь очень крутой скальный обрыв к реке, оконтурена небольшим по высоте валом высотой до 30—50 см.

Юго-западная сторона городища, выходящая в долину р. Нотто, имеет более внушительные оборонительные укрепления. Помимо высоких оборонительных валов здесь дополнительно сооружены четыре башни. Особенно мощные укрепления возведены с южной стороны внутреннего города. Здесь прямая крепостная стена высотой до 8 м дополнительно укреплена четырьмя башнями. В центре крепостной стены сделаны большие въездные ворота, защищенные мощным земляным траверсом. Для того чтобы сделать городище еще более неприступным, перед крепостными воротами и на протяжении всего южного вала дополнительно выкопаны два глубоких рва.

На территории внутреннего и внешнего городов можно проследить небольшие террасовидные площадки с остатками жилищ. К настоящему времени на территории городища раскопаны два жилища и часть редута. Исследования остатков жилищ показали, что они отапливались при помощи кана, который имел П-образную форму в одном из жилищ и Г-образную — в другом.

По устройству и планировке жилища Плахотнюкинского городища не имеют существенных отличий от известных по раскопкам других чжурчжэньских городищ конца XII — начала XIII в. н. э.

На территории Плахотнюкинского городища частично раскопано небольшое (20×20 м) квадратное укрепление-редут, расположенное в юго-западной части внутреннего города. Редут имеет земляной вал строго квадратной формы, внутри которого ясно видны три невысокие платформы. Интересно отметить, что точно такие же укрепления-редуты обнаружены на некоторых других чжурчжэньских городищах конца XII в.

Внутри редута раскопками исследована одна из платформ. На ней обнаружен прямой трехканальный кан с одним очагом. Дымоходы кана аккуратно выложены сверху речной галькой и плоским камнем. Кроме этого кана, на платформе имеется еще один автономный очаг с одним дымоходом, также выложенный камнем. Назначение редута в целом пока не совсем ясно. Возможно, здесь находились какие-нибудь административные службы города.

Материал, собранный во время раскопок Плахотнюкинского городища, представлен фрагментами керамических сосудов, стеклянной бусиной, несколькими железными и бронзовыми изделиями и 18 северосунскими монетами XI—XII вв. н. э.

Керамика представлена фрагментами станковой посуды оранжевого, серого и черного цвета. Профили венчиков и форма сосудов очень характерны для чжурчжэньских сосудов, в частности, для керамики Шайгинского городища конца XII в. н. э.

Железные вещи, обнаруженные на территории Плахотнюкинского городища, немногочисленны. Это два черешковых наконечника стрел шайгинского типа, нож клиновидного сечения с прямой спинкой и криволинейным лезвием, обломок напильника с однорядными насечками,

часть железной пряжки шайгинского типа, железное кольцо, железная подвеска, гвозди и другие мелкие предметы из железа.

Бронзовые изделия представлены обломком браслета и календарем с двенадцатеричным звериным кругом (циклом). Точно такой же календарь найден на Шайгинском городище в жилище 34. Единственное их отличие друг от друга в том, что календарь с Плахотнюкинского городища имеет одно ушко в верхней части, тогда как на календаре Шайгинского городища два ушка, вверху и внизу. На оборотной стороне календарей мифологическая сценка: изображены журавль и черепаха — символы и пожелания долголетия у восточных народов.

Таким образом, характер постройки городища, конструкция и планировка жилищ, а также находки, обнаруженные при раскопках, дают возможность датировать Плахотнюкинское городище концом XII — началом XIII в. н. э., т. е. временем наивысшего расцвета империи чжурчжэней.

ДРЕВНИЕ КРЕПОСТИ ХАКАСИИ

Л. Р. Кызласов

На территории Хакасии работала археологическая экспедиция Московского государственного университета. Продолжая исследования, начатые в 1950 г., экспедиция изучала памятники средневековых хакасов. Неизвестными оставались поселения, городища и крепости (по-хакасски — «све»), о которых сообщали средневековые письменные источники. Например, арабский географ ал-Идриси (XII в.) писал о четырех городах Хакасии, окруженных мощными укреплениями.

Десять лет назад наша экспедиция провела разведочные работы на территории большой древней крепости, расположенной в 40 км ниже г. Абакана на левом берегу Енисея. Это укрепление находится на горах Оглах-тах, выгнутых подковой в сторону степи и обрывающихся скалами в Енисей. Здесь на протяжении 25 км по отвесному краю гор проходит длинная стена, сложенная из плит девонского песчаника. В логах, разделяющих горы, перед стеной вырыты широкие рвы, а сама она усилена четырехугольными каменными бастионами. Стена имеет острые зигзагообразные выступы, а кое-где в ней устроены проходы. В древности эти сооружения были укреплены палисадами из вертикально врытых заостренных бревен.

Таким образом, жившие здесь люди, создали мощный укрепленный район, отгороженный от степных просторов. Внутри его расположены межгорные плодородные долины и сопки, покрытые березовыми рощами по северным склонам. Здесь было вдоволь пастбищных и пахотных земель и три спуска к водам бурного Енисея. В случае военной опасности

за крепостными стенами могли укрыться на долгий срок жители десятков селений и многотысячные стада различного скота.

Экспедиция приступила к раскопкам пристенных укреплений, расположенных возле каменных курганов, относящихся к одному периоду. Они не образуют обычных могильников, как в других местах, а расположены поодиночке цепочкой вдоль всей линии стен, всегда внутри укрепления.

Такое расположение могил, вероятно, свидетельствует, что 1) умерших здесь нельзя и некогда было отвозить на родовые кладбища, расположенные где-то вблизи поселения; 2) внутри укрепления хоронили скорее всего защитников крепости; 3) вблизи стен, очевидно, совершали погребение погибших во время военных действий, 4) курганы сооружались поодиночке вблизи места гибели того или иного человека.

Произведенные раскопки позволили установить, что «длинные» стены Оглахтинского укрепленного района начали сооружаться в конце X — начале XI в. н. э., а все крепостное сооружение функционировало в XI—XII вв., очевидно, вплоть до начала XIII в. н. э., когда средневековая Хакасия подверглась монгольскому завоеванию. В «бастионе», сооруженном в стене, при раскопках обнаружены следы пребывания там гарнизона: остатки очага, обломки костей животных и черепки кухонной посуды, характерной для XI—XII вв. н. э.

Раскопанные 22 кургана относятся к тому же периоду от конца X до конца XII в. н. э. Все они (за исключением двух) содержали погребения по древнехакасскому обряду трупосожжения. Это были могилы воинов-конников, с которыми на погребальный костер укладывали наборные узды и украшенные накладками с серебряной инкрустацией седла, но без стремян.

С пережженными косточками человека на горизонте находятся наконечники стрел, втоки от копий, украшенные рельефом или инкрустацией бляшки, накладки, обоймы, пряжки, наременные наконечники, подвески, «султанчики» для кистей, обивки, петли, вертлюги и т. п.

От одежды воинов сохранились детали наборных поясов, крючья для колчанов, наборы походных инструментов, носимых в сумочках (кресала для высекания огня, подпилки, ножички, тесла-топорики, инструменты коновала, амулеты и т. п.).

Впервые обнаружены курганы женщин — защитниц крепости. В их могилах много украшений: бус из стекла, пасты и сердолика (в том числе бипирамидальных), пинцетов для выщипывания волос, железных булавок с оригинальными головками, а также пряслиц, сделанных из фрагментов сосудов и ваз. В каждый женский курган было положено по бронзовой монете X—XI вв. н. э. В двух курганах обнаружены мужские погребения, совершенные по обряду трупоположения в ямах. Судя по отсутствию инвентаря и особому обряду, это были погребения чужеземцев, вероятно, хакасских кыштымов-данников или пленников-рабов.

От кого же оборонялись в X—XII вв. н. э. древние хакасы, сооружая в центре Хакасии значительные укрепленные районы и замки с каменными стенами? Ведь в этот период времени границы древнехакасского государства охватывали Туву, Северо-Западную Монголию, Алтай (вплоть до среднего течения Иртыша); на севере они простирались до устьев рек Томи и Ангары, а на востоке — почти до оз. Байкал. В письменных источниках есть указания на то, что в XI—XII вв. н. э. хакасы имели стычки с найманами и опасались кимаков. Но все это происходило на далеких границах государства. Откуда же значительное количество крепостей и замков с каменными стенами, которые обнаружены на многих сопках по всей Хакасии?

Разгадка, очевидно, заключается в следующем. Общественное развитие в древнехакасском государстве, возникшем в VI в. н. э., шло по линии становления феодальных отношений, которые оформились к IX—X вв. н. э. В XI—XII вв. н. э. в Хакасии существовала феодальная раздробленность, стали обособляться княжества и владения отдельных феодалов. Тогда велись изнурительные для народа феодальные междоусобицы, приведшие в конечном счете к гибели ослабленного древнехакасского государства в начале XIII в. под натиском монгольских полчищ. Крепости-убежища и замки сооружались по велению древнехакасских феодалов, боровшихся между собой за землю, власть и богатства. Обнаруженные в различных районах Хакасии, они свидетельствуют о периоде феодальной раздробленности в истории Хакасии.

Таков важнейший результат открытий Хакасской археологической экспедиции МГУ. Нельзя не упомянуть открытых нами в горах Оглахтах редчайших на Енисее памятников, относящихся к неолиту. Долгое время археологи не знали, где искать такие памятники. На Оглахтинских горах обнаружены стоянки неолитических охотников со своеобразной глиняной посудой, каменными наконечниками стрел и другими изделиями из разных пород камня (ножами, скребками, нуклеусами, скреблами, сколами и т. п.).

РАСКОПКИ ДРЕВНЕЙ МАНГАЗЕИ

М. И. Белов, О. В. Овсянников

В задачи Мангазейской комплексной историко-географической экспедиции Арктического и антарктического научно-исследовательского института, ГУГМС при Совете Министров СССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, начавшей работы на городище древней Мангазеи, входило археологическое исследование памятника, а также палеоклиматические, геоморфологические и мерзлотные наблюдения в районе древнего поселения.

Археологические работы явились по существу первым исследованием не только этого уникального позднесредневекового русского города, сыгравшего в XVII в. роль форпоста в освоении севера и северо-востока Сибири, но и вообще первым широким археологическим изучением русских сибирских городов XVII в. Впервые была сделана инструментальная топографическая съемка памятника.

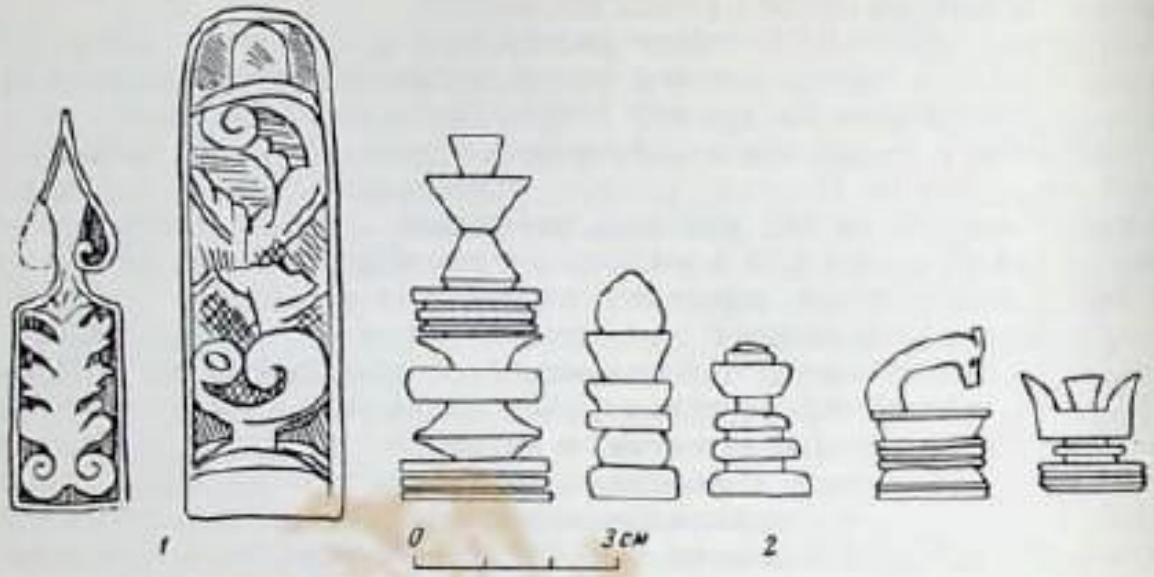
Городище древней Мангазеи находится в нижнем течении р. Таз, на правом высоком берегу, и имеет типичное для позднесредневековых русских городов деление на кремль (город) и посад. Разрушение памятника, связанное с размывом и оползанием берегов, активно продолжается в настоящее время. Поэтому работы, охватившие город и посад, велись в первую очередь на тех участках поселения, которые находятся уже в процессе разрушения или погибнут в ближайшее время. Во время работ были исследованы городские укрепления и вскрыто почти 20 построек — административных, культовых, жилых и хозяйственных как в городе, так и на посаде (общая вскрытая площадь около 1000 кв. м).

Кремль (город) представлял собой небольшую, около 4000 кв. м, трапециевидную в плане деревянную крепость с четырьмя глухими и одной проезжей башнями. Городская стена и две угловые башни, стоящие по берегу р. Таз, не сохранились. Основания городских стен, две напольные и проезжая башни на трех остальных сторонах в процессе раскопок были выявлены, несмотря на плохую сохранность дерева на прилегающих к тундре участках. Город не имел земляных укреплений в виде рва и вала, но наряду с городской стеной в виде клетей (городен) на некоторых участках хорошо прослеживается тын. Есть основания полагать, что это — сохранившаяся часть острога начала XVII в., который предшествовал постройке города (разница между постройкой острога и города составляла пять-шесть лет: острог возник в 1600—1601 гг., город «зарублен» в 1607 г.).

Внутри города, в юго-западном его углу был открыт двуслойный сложный комплекс жилых и хозяйственных построек (максимальная толщина культурного слоя на поселении 1,4 м). Нижний и верхний строительные горизонты состоят из нескольких жилых и хозяйственных построек, обнесенных оградами из бревен, забранных в вертикально стоящие столбы. Постройки нижнего горизонта погибли во время пожара (пожар 1642 г. уничтожил бо́льшую часть Мангазеи), постройки верхнего горизонта относятся к застройке после пожара. Общая планировка строительных горизонтов во многом совпадает. Значительные размеры комплексов, их архитектурный облик, характер находок позволяют считать их дворами мангазейских воевод. Удалось зафиксировать, что большой воеводский двор нижнего горизонта был разделен на две половины: в Мангазею посылались, как правило, по два воеводы, которые не всегда ладили друг с другом.

На посаде наиболее значительным объектом явился жилищно-ремесленный комплекс, состоящий из большого жилого дома (постройка

имела трехчастное деление клеть — сени — клеть), небольших хозяйственных построек, примыкающих к дому, и пристройки с производственной печью. Печь сложена из булыжников на глине, около печи большое скопление гари, шлаков со следами меди, около десятка тиглей.



Мангазея. Находки из культурного слоя посада

1 — костяные накладки с гравированным узором; *2* — деревянные и костяные шахматы

В одном из подклетов жилого дома находилась такая же печь, но с припечным столбом. Здесь были найдены тигли. Подклет горел и имеет следы перестройки. Жилищно-ремесленный комплекс принадлежал ремесленнику, связанному с медно- или бронзолитейным производством.

Характер культурного слоя — повышенная влажность, мерзлотные явления — обеспечил хорошую, как правило, сохранность деревянных архитектурных сооружений, в особенности в нижних частях (строительные горизонты, связанные с пожаром 1642 г.), а также тканей, деревянных бытовых вещей, кожи. Великолепно сохранились подписные вещи (часть ларца с надписью «Устин», дно берестяного туеса с надписью «Карп кабальный», орнаментированная доска с надписью «Андрей Димин»). Характер находок — деревянный и железный хозяйственно-бытовой инвентарь, орудия охоты и рыболовства, средства транспорта (лыжи, сани, остатки судов-кочей), предметы прикладного искусства, костяные и деревянные шахматы, шахматные доски — раскрывает облик Мангазеи как типичного позднесредневекового русского северного города, хотя и имеющего целый ряд специфических «арктических» черт. Начатые археологические исследования несомненно являются перспективными, так как значительно изменяют наши знания о планировке, архитектурном и социально-культурном облике русского сибирского города XVII в.

II. УКРАИНСКАЯ ССР

КРЫМСКАЯ ОХРАННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

А. А. Щепинский

Охранно-археологическая экспедиция Крымской организации Украинского общества охраны памятников и культуры, созданная в 1967 г., продолжала исследования охранного характера на территории всего полуострова. Охвачены все географические зоны Крыма: степная, горная и южный берег.

Древнейшие памятники, обследованные экспедицией, относятся к эпохам мезолита или раннего неолита — это следы стоянок у с. Трудолюбова и близ Алушты. Последний пункт представляет особенно большой интерес, так как на южном берегу стоянки этого времени еще не изучались.

К энеолиту и ранней бронзе III — начала II тысячелетий до н. э. относятся кеми-обинские стоянки, обследованные около сел Скалистого, Верхоречье и Крымской астрофизической обсерватории. Судя по подъемному материалу, в предгорной и горной части полуострова стоянки этой культуры нередко занимают довольно большую площадь. Их инвентарь представлен главным образом кремневыми изделиями (нуклеусы, отщепы, пожевидные пластинки, вкладыши серпов, наконечники стрел, геометрические орудия) и тонкостенной лепной керамикой коричневато-серого цвета с лощеной или сглаженной неорнаментированной поверхностью. Находки располагаются как бы пятнами диаметром до 25—30 м, на расстоянии 100 и более метров друг от друга. Очевидно, эти открытые, незащищенные стоянки состояли из отдельных небольших жилищ. С этой же культурой связаны тщательно изготовленные погребальные каменные ящики, доследованные экспедицией в разрушенных курганах у Симферополя и с. Богатого. В одном случае ящик был украшен высеченным геометрическим орнаментом. В Крыму это второй случай орнаментации погребального ящика, выполненной в подобной технике. За пределами Крыма он известен в дольменах III—II тысячелетий до н. э. Кавказа и в культурах энеолита и ранней бронзы Западной

Европы. Однако это еще не свидетельствует о единстве культуры или даже о ее локальных группах.

В Северном Присивашье у сел Вишневки и Ново-Александровки изучены два кургана, в которых выявлено более 30 погребений, главным образом ямной и катакомбной культур (руководитель работ Е. Н. Черепанова). Основные погребения, в которых покойники лежат на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, относятся к первому (древнейшему) этапу развития этой культуры в Крыму. Остальные ямные погребения относятся к более позднему времени, это хорошо подтверждается как стратиграфией курганов, так и погребальным обрядом. Все захоронения катакомбной культуры впускные: они совершены в катакомбах, которые располагались по краям курганов.

Наибольший интерес представляет захоронение в небольшой округлой могиле. Здесь находились целые и расчлененные скелеты взрослых людей. Глазницы одного черепа были замазаны глиной и закрашены красной охрой.

Такие погребения встречаются в Крыму редко. Они, очевидно, связаны с очень сложными культовыми обрядами.

У пос. Кирпичного на окраине Симферополя исследовано пять небольших расположенных рядом курганов, которые насыпаны на месте стоянки катакомбного времени. Под их насыпями открыто 14 захоронений, из них пять не датируются, пять относятся к эпохе развитой бронзы, три — к кизил-кобинской культуре (I тысячелетие до н. э.) и два — к средневековому времени.

В с. Пионерском выявлен новый могильник и зачищен таврский каменный ящик. Такой же ящик раскопан на Таш-Джоргоне у с. Чистенькая.

На окраине с. Скалистого выявлено новое таврское поселение, на котором заложен небольшой раскоп (руководитель И. Ф. Ушатый).

Изучение памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа подтвердило ранее высказанное предположение о том, что таврские и кизил-кобинские памятники принадлежат не к разным этапам одной культуры, а к двум самостоятельным культурам. Для тавров характерны бескурганные погребения в каменных ящиках, скорченные костяки и неорнаментированная керамика (Таш-Джорган, Пионерское). Для кизил-кобинской культуры типичны подкурганные захоронения с вытянутыми трупоположениями и орнаментированная резным узором лепная керамика (Кирпичный и Скалистое).

Очень интересные результаты получены и при изучении памятников ранних скифов. Под насыпями трех курганов у с. Ново-Александровки и одного кургана у с. Акимовка выявлены большие склепы, вырытые в суглинке. Они содержали богатые скифские захоронения. Эти находки коренным образом изменили наши представления о населении Северного Присивашья в V—IV вв. до н. э. Очевидно, с позднескифской культурой следует связать склеп у с. Плодового.

РАБОТЫ КРАСНОЗНАМЕНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Е. В. Черненко

В зоне строительства второй очереди Краснознаменской оросительной системы начала работу Краснознаменская новостроечная экспедиция Института археологии АН УССР.

Были проведены раскопки двух курганных групп у с. Широкое Скадовского р-на Херсонской обл.

В 25 раскопанных экспедицией курганах было исследовано более 70 погребений, относящихся к различным периодам. Курганы небольшие — до 2 м высоты при диаметре до 35 м. Некоторые полностью разрушены при вспашке. Древнеямных погребений немного. Интересна серия катакомбных и раннесрубных погребений. Следует отметить курган, содержавший три погребения поздней бронзы, тождественные погребениям бескурганного могильника, находящегося у южной окраины с. Широкое. Погребенные лежали в скорченном положении головой на юг.

В этом кургане найдены шаровидный сосуд с цилиндрическим горлом и бронзовые проволочные подвески.

Большинство курганов насыпано над скифскими погребениями. Погребальные сооружения представляют собой неглубокие подбойные могилы, ориентированные широтно, и небольшие катакомбы. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении головой на запад. Многие могилы подверглись опустошительному ограблению. В женских погребениях найдены бронзовые зеркала, проволочные браслеты, кольца, серьги из бронзы и серебра, глиняные и свинцовые пряслица, амфора, чернолаковый канфар, разнообразные бусы и серебряные ручки от унесенного грабителями килика. Иногда в могилах женщин встречались наконечники стрел.

Во всех мужских погребениях найдено оружие. Среди него отметим два железных топора, молоток, наконечники копий и дротиков, боевой пояс с бронзовым набором, наконечники стрел, точильные камни.

Большой интерес представляет найденная в скифских погребениях лепная керамика — горшки, небольшая миска. На одном из горшков имеется прочерченное на стенке еще до обжига изображение. К сожалению, часть изображения разрушена и ничего определенного о его характере сказать нельзя.

Все скифские курганы относятся к IV—III вв. до н. э. Работы в зоне строительства Краснознаменской оросительной системы будут продолжены.

РАСКОПКИ КУРГАНОВ НА ИНГУЛЬЦЕ

Н. Г. Елагина, В. Г. Петренко

Ингулецкая экспедиция Института археологии АН СССР и МГУ производила раскопки курганов в окрестностях Снегиревки Николаевской обл. В двух курганных группах (с. Баратовка и совхоз «Прогресс») вскрыто 13 насыпей. Три из них относятся к эпохе бронзы, остальные — скифского времени.

Все три кургана эпохи бронзы сооружены в древнеямный период. Каждый из них представляет кладбище какой-то части рода. Об этом свидетельствует близость погребальных сооружений и обряда.

Интересен курган 1 у с. Баратовка. Его высота около 5 м. Сооружался он постепенно и насчитывает не менее четырех досыпок. Наиболее ранние погребения, относящиеся к первой, второй и третьей насыпям, расположены в центральной части и представляют захоронения в каменных ящиках. Один из них можно рассматривать как склеп, которым пользовались неоднократно. Судя по количеству черепов, он содержал не менее шести захоронений. Два скелета лежали непотревоженными, от остальных сохранилась груда костей в задней части ящика. Единственная вещественная находка в этом погребении — терочник из плотного комка красной охры. Один ящик выделяется высоким качеством изготовления. Стены ящика сделаны из известняковых плит, они тщательно отесаны, швы между ними промазаны глинистым раствором. На внутренней стороне двух плит имеются изображения: на одной вырезан косой крест, на другой выбиты фигурки животных и волнистые линии. В ящике одиночное захоронение, сопровождавшееся терочником.

Большинство погребений этого кургана (всего их вскрыто 35) расположено в полах насыпи. Это грунтовые ямы, перекрытые каменными плитами, реже деревянными плахами. В одном погребении для закладки использованы три антропоморфные стелы. Некоторые из погребений содержат инвентарь: ожерелья из костяных пронизей, бус и клыков, молоточковидные костяные булавки, медную ромбовидную подвеску, два медных шила, керамику. Вещественный материал позволяет относить эти погребения к позднему периоду ямной культуры.

Самыми поздними в кургане 1 являются шесть погребений катакомбной культуры. По характеру погребальных сооружений они близки катакомбам днепровского левобережья. Сопровождающий инвентарь состоит из двух каменных топоров и булавы, кремневых наконечников стрел, медного ножа и шила.

Два других кургана эпохи бронзы, раскопанные экспедицией, при некоторых отличиях дают в целом ту же картину. Они содержали 53 погребения, большинство из которых принадлежит древнеямной культуре. Вещественный материал в этих захоронениях представлен преимущественно керамикой. Два погребения в катакомбах сопровождались типичны-

ми для развитой катакомбной культуры сосудами. При двух погребениях в насыпи обнаружены сосуды срубной культуры.

Курганы эпохи бронзы на правобережье нижнего Днепра изучены еще сравнительно мало. Раскопки Ингулецкой экспедиции дают дополнительный материал для характеристики древнеямной культуры этого района и ее взаимоотношений с культурой катакомбной.

Десять насыпей содержали погребения скифского времени. В двух случаях скифские погребения были впущены в курган эпохи бронзы, в остальных курганы насыпаны над погребениями скифского времени.

Только два кургана содержали по одному погребению. Один из этих курганов в основании имел ровик диаметром 15 м четырехугольной формы, шириной 0,6 и глубиной 0,4 м с двумя входами с западной и восточной стороны, в центре которого была вырыта катакомба.

Остальные курганы содержали по две-три могилы. Все погребения совершены в катакомбах первого и второго типа, по классификации Б. Н. Гракова. Входы в них заложены массивными известняковыми плитами и камнями. Входные ямы и камеры ориентированы с востока на запад, иногда с отклонениями к северу или югу. Покойники были положены, как правило, головой на запад, иногда с некоторым отклонением к северу или югу, с вытянутыми руками и ногами. Лишь в одном случае погребенная лежала на правом боку с подогнутыми ногами. Встречаются как одиночные, так и парные погребения. Все детские погребения — одиночные.

Большинство погребений ограблено. Четыре неограбленные могилы принадлежали рядовым членам общества. Обязательной принадлежностью каждой могилы является наличие напутственной пищи в головах с воткнутым в нее железным ножом с костяной рукояткой.

Интересно нетронутое погребение ребенка. В правом ухе у него была проволочная серьга, на шее — серебряная гривна, в области груди — две костяные подвески и одна крупная глазчатая бусина, у правого плеча — два бронзовых наконечника стрел и один — у левого колена, в головах — бок коровы с железным ножом с костяной рукояткой.

Фрагменты амфор, бронзовые наконечники стрел, украшения, найденные в погребениях, позволяют отнести их к IV—III вв. до н. э.

РАСКОПКИ КАХОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

А. М. Лесков

Каховская экспедиция создана в Институте археологии АН УССР в связи со строительством Каховской оросительной системы. Задача экспедиции состоит в проведении раскопок памятников, попадающих в зону строительства (канал Каховка — Мелитополь и орошение земель к югу от канала, вплоть до Сиваша и Азовского побережья). Разведками

установлено, что в зону строительства попадают около 1000 курганов, несколько стоянок каменного века и поселений эпохи бронзы. Каховская экспедиция вела раскопки курганов, расположенных в двух километрах к северо-востоку от с. Любимовки. Всего исследовано 53 кургана, в которых обнаружено около 200 погребений, начиная с III тысячелетия до н. э. и вплоть до XII—XIII вв. н. э. Старейшие погребения относятся к ямной культуре. Обряд погребения и инвентарь, обнаруженный в ямных могилах, в целом характерны для юга Херсонщины и уже известны по раскопкам в этих районах. Вместе с тем любимовские курганы отличаются широким использованием камня в курганах ямного времени.

Любимовка. Сосудик из курганов

Камень служил для устройства перекрытий, закладов, ящиков. Особенно интересен пятиметровый курган 14. Раскопки его показали, что слой земли имел высоту около двух метров, а вся остальная насыпь состояла из дикарного камня разного размера. Этот каменный курган диаметром 25 м был окружен оградой из крупных каменных плит, поставленных на ребро. Основное погребение, предшествующее позднеямному, с сосудом яйцевидной формы, было совершено в каменном ящике. На верхней плите ящика обнаружены обломки подлощенного сосуда с примесью в тесте толченой раковины, напоминающего крымскую керамику кемиобинского типа.

В основном погребении кургана 7, перекрытом каменной плитой, при погребенном оказался округлый сосуд с едва уплощенным дном и прямым коротким венчиком-раструбом. По форме этот сосуд имеет ближние аналогии среди керамики майкопской культуры. Во впускном позднеямном погребении этого кургана оказался миниатюрный остродонный сосуд. В кургане 19 центральное погребение в каменном ящике также предшествовало нескольким типично ямным погребениям. Эти находки подтверждают мнение о том, что в степях, непосредственно при-

мыкающих к Черному морю, как и в Крыму, влияние синхронных культур Кавказа ощущается сильнее, чем в более северных районах. Кроме того, стратиграфические наблюдения за наиболее древними из Любимовских курганов показывают, что, по-видимому, лучше всего связи с Кавказом ощущаются во время, предшествующее появлению позднеямных впускных погребений. Привлекает внимание находка в кургане 23 усатовского сосудика из отмученной глины с сетчатым орнаментом, нанесенным черной краской. Это первая находка позднетрипольской, усатовской керамики на днепровском левобережье. Находки в изучаемом районе разнокультурных материалов, относящихся к одному и тому же времени (майкопская, ямная, усатовская керамика), делают раскопки здесь весьма перспективными.

Из материалов бронзового века отметим несколько погребений белозерского этапа позднесрубной культуры. В этих могилах обычно встречается керамика (лощеные кубки, небольшие кухонные горшки). В одной из могил оказался бронзовый черешковый кинжальчик с параллельными лезвиями — находка, очень важная для датировки. Такие кинжальчики уже встречались в белозерских памятниках и в ряде синхронных памятников соседних культур (бондарихинская, раннечерноле сская, фракийский гальштат), что позволяет датировать обнаруженные нами погребения IX — началом VIII в. до н. э.

Большое место в раскопках экспедиции заняли также скифские курганы IV—III вв. до н. э. и курганы с кочевническими погребениями X—XIII вв. н. э.

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В НИЗОВЬЯХ ДНЕСТРА

Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков

Днестро-Дунайской археологической экспедицией АН УССР и Одесского археологического музея на левобережье нижнего Днестра, в Беляевском и Овидиопольском районах Одесской области было раскопано 20 курганов.

Древнейшими в курганах оказались захоронения усатовского типа, с характерным устройством погребальной ямы и значительным количеством погребального инвентаря (сосуды, орудия труда). Находки усатовских погребений в качестве основных подтверждают мнение некоторых исследователей о большей древности этих памятников сравнительно с погребениями ямной культуры на этой территории. Следует отметить особую роль в погребальном ритуале позднетрипольских племен степной полосы Северо-Западного Причерноморья устройства тризн (остатки кострищ с костями животных и обломками керамики, жертвенные приношения домашних животных).

Большинство обнаруженных погребений в курганах относится к ямной культуре. Характерным признаком их является захоронение умерших во впускных ямах прямоугольной формы, положение костяка на спине с согнутыми ногами и обращенными вверх коленями и обильная посыпка красной охрой. Особый интерес представляет погребение ямной культуры, обнаруженное у с. Маяки, где найдены впервые на Юго-Западе СССР остатки четырехколесной повозки. Необходимо отметить длительность существования племен ямной культуры в степной части северо-западного Причерноморья. Это нашло отражение в своеобразии их материальной культуры и культурно-исторических связях с племенами катакомбной культуры, культур шнуровой керамики и среднебронзового века Подунавья.

Впускные погребения эпохи поздней бронзы в курганах характеризуются обычным для того времени положением костяка в сильно скорченном виде с редкими находками сосудов сабатиновского типа.

Среди находок в курганах следует отметить редкое для этого района впускное погребение кочевника раннежелезного века, сопровождаемое лощеным сосудом с цилиндрическим горлом, украшенным резным геометрическим орнаментом. Последняя находка подтверждает слова Геродота о пребывании киммерийских племен в устье Днестра.

В одном из курганов у с. Ефимовка обнаружено впускное погребение скифского времени, в котором найдены греческая амфора, расписной чернолаковый лекиф, железный нож и наконечник копья.

О проникновении позднесарматских племен на запад свидетельствует погребение с типичным сарматским инвентарем I—II вв. н. э. (бронзовое зеркало, краснолаковая римская тарелка, бусы, лепной сосуд).

Наиболее поздним погребением, обнаруженным в одном из курганов у с. Мирное, является погребение воина-печенега, в котором найдены набор конской сбруи и золотые украшения.

Раскопки курганов в устье Днестра существенно дополняют ранее известные материалы по древней истории Юго-Запада СССР и подтверждают особую значимость этого района в исторических связях и судьбах племен и народов балкано-дунайских цивилизаций и степной полосы Восточной Европы.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮЖНОМ БУГЕ

П. И. Хавлюк

Совместной экспедицией Винницкого педагогического института и краеведческого музея изучались памятники, охватывающие период с III в. до н. э. до VI в. н. э.: «позднескифское» поселение у с. Сороки Ильинецкого р-на, зарубинецкое поселение и могильник у с. Рахны Соболовые Гайсинского р-на, а также черняховский могильник возле

с. Заявички Шаргородского р-на и антское селище у с. Голиков Ильинецкого р-на.

Большое скифское городище обнаружено у с. Сорока на берегу р. Собь, с восточной стороны сохранились остатки вала. Исследованию подвергалось большое жилище-полуземлянка со стенами из жердей, обмазанных глиной.

Над жилищем и в его заполнении найдены обломки лепной и гончарной посуды, эллинистических амфор IV—III вв. до н. э., чернолаковой керамики и сосудов со штампованным орнаментом, обломки светильника, глиняные пряслица, железный пробой, несколько обломков стеклянных глазчатых бусин, железные булавки и бронзовый браслет с завитыми в кольцо концами и наконечником стрелы. Эти находки позволяют датировать памятник второй половиной III в. до н. э.

На зарубинецком поселении у с. Рахны Собовые в одном из жилищ найдены обломки горшков с насечкой по краю венчика, глиняные диски-сковородки, фрагменты красноглиняных амфор и одночленная фибула с плоским орнаментированным корпусом.

Рядом с поселением обнаружен могильник. Были раскопаны два групповых и одиночное погребение. В первом случае в ямке размером 2,00×1,50 м и на глубине 0,20 м ниже пахотного слоя на сожженных костях обнаружено три горшка. Среди костей были найдены стеклянные бусы, бронзовые спиральные и трубчатые пронизки, пряслице. В трупосожжении 2 найдена сероглиняная миска с загнутыми внутрь краями.

В трупосожжении 3 обнаружены обломки сосудов, костей, три крупные рифленые бусины, около двух десятков пастовых бусин, пряслице, обломки двух проволочных браслетов и двух глазчатых фибул с плоским корпусом. Ниже стоял небольшой горшочек, прикрытый каменной плиткой, и было скопление кальцинированных костей. Рядом стояла черная лощеная ваза на высоком коническом поддоне и миска, перевернутая вверх дном. Среди костей найдено больше десятка бусин, два пряслица, трубчатые пронизки, обломки плетеного из проволоки браслета или гривны и две фибулы: одна с плоским орнаментированным корпусом, одночленная, от другой сохранился плоский корпус с тремя рельефными выпуклинами, окруженными точечными углублениями. Обломки ее напоминают зарубинецкие одночленные среднелатенские фибулы. Исследованные погребения датируются I в. до н. э. — I в. н. э.

В черняховском могильнике, обнаруженном в черте с. Заявички, раскопано 15 погребений, из них четыре нарушены или уничтожены поздними ямами. Из 11 целых погребений пять ориентированы головой на запад, одно на юг и шесть на север.

Некоторые погребения сопровождались богатым инвентарем. Например, детское погребение 3, ориентированное головой на север, сопровождалось семью сосудами, гребнем, бусами, бронзовыми пряжкой, ножиком, иглой и арбалетной фибулой. На биконическом пряслице обнаружены знаки, возможно, буквы.

Погребение 9 — женщины среднего возраста, ростом 1,85 м — сопровождалось 10 сосудами, шкатулкой, окованной бронзовыми пластинками. У пояса возле пряжки висел хорошо сохранившийся кожаный чехол, в котором хранились ножницы и две бронзовые иглы. У колен лежал костяной гребень. В головах был положен маленький поросенок, а в миске несколько куриных яиц. На селище рядом с могильником найден римский денарий Александра Севера. Дата могильника III—IV вв. н. э.

На поселении VI—VIII вв. н. э. у с. Голики открыты полуземлянка с каменной печью и три хозяйственные сооружения.

На поселении обнаружены обломки лепной керамики, в том числе сковороды и сосуды с реберчатым туловом. Среди найденных вещей отметим железный серп, обломки бронзовой шейной гривны, льячку для плавки металла, кольцо из бронзовой согнутой булавки и несколько пряслиц.

НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПАЛЕОЛИТА КРЫМА

Е. А. Векилова, В. М. Муратов, Э. О. Фриденберг

Крым, несмотря на значительное количество первоклассных многослойных пещерных памятников, до последнего времени оставался вне пристального внимания геологов-четвертичников. Лишь в 1964 г. был совершен объезд опорных памятников полуострова группой геологов в составе А. А. Величко, И. К. Ивановой, М. В. Муратова и В. М. Муратова. Группу возглавил С. Н. Бибиков. В ее работах принял участие Н. Д. Праслов. Были осмотрены пещеры Кик-коба, Волчий грот, Чокурча, Шайтан-коба, Сюреньские навесы и мезолитические стоянки Байдарской долины. Работы группы свелись к беглому осмотру общего вида и местоположения перечисленных стоянок.

В 1968 г. группа комплексного исследования крымских пещер Институтов археологии и географии АН СССР приступила к изучению геологических условий залегания культурных остатков, стратиграфии напластований, литологии и генезиса пещерных отложений палеолитических стоянок Крыма. В качестве первоочередных объектов были выбраны Сюреньские навесы и грот Кик-коба — памятники, отложения и археологический материал которых охватывают максимальный отрезок времени палеолита Крыма. Пещеры Сюрень I и Сюрень II являются немногими в Крыму, где отложения вскрыты до дна, и единственными, на скальном дне которых была обнаружена прослойка аллювия. Зачистка полных разрезов Сюрени I и Сюрени II, изучение литологии и стратиграфии отложений, включающих культурные остатки и нижних слоев их до аллювия, создает возможность для сопоставления разрезов обоих памятников. Однако наши попытки шурфовки первой сюреньской пеще-

ры в этом году не были удачными по техническим причинам. Шурф на кв. 15 с-д быстро заклинился из-за наличия крупных блоков скалы; шурф на кв. 13 г-д был оставлен под угрозой обвала.

В Сюренн II была освобождена от завала западная половина шурфа, поставленного в центре пещеры (кв. 33—34 г-д) в 1955 г. В этом шурфе значительно ниже слоя с геометрическими микролитами, на глубине 2,20—5,10 м был вскрыт обвальный слой, состоящий из крупных глыб известняка толщиной до 70 см. Ниже слоя обвала был зачищен аллювиальный горизонт, мощностью 10—15 см, вклинивающийся в глубь навеса. Аллювий представлен плохо окатанной галькой, гравием и округленными обломками местных известняков. Были встречены и гальки с прекрасной окатанностью. Аллювий принадлежит второй речной террасе. Последнее заключение весьма существенно, так как на сегодняшний день в Крымско-Кавказской области неизвестны другие позднепалеолитические стоянки, залегающие в столь четких стратиграфических условиях.

В пещере Кнык-коба была расчищена юго-западная стенка контрольного участка (кв. 40—36), оставленного Г. А. Бонч-Осмоловским. Изучение этого разреза подтвердило существование всех геологических слоев, выделенных исследователем грота. Удалось, помимо того, выявить трансгрессивное (с размывом) залегание нижнего культурного слоя (VI). Несмотря на сокращенную мощность разреза, основные слои Кнык-кобы хорошо сопоставляются по литологическому облику со слоями западнокавказских пещер (Ахштырская, Малая Воронцовская). Это сходство литологии свидетельствует об общности важнейших климатических ритмов позднего антропогена в обширной Крымско-Кавказской области. Продолжение и расширение работ создадут реальные возможности для создания единой геохронологической схемы отложений палеолитических пещер Крыма и Кавказа.

НОВЫЕ РАБОТЫ В ВОЛЧЬЕМ ГРОТЕ

Н. О. Бадер

Основные работы Крымского палеолитического отряда были сосредоточены на многослойной мустьерской стоянке в Волчьем гроте. Кроме того, обследовано несколько памятников каменного века в Бахчисарайском р-не, в том числе Бахчисарайская мустьерская стоянка, открытая Д. А. Крайновым.

Волчий грот — первый мустьерский памятник, найденный в Восточной Европе. В 1879—1888 гг. его исследовал К. С. Мережковский. Работы были продолжены в 1938—1939 гг. экспедицией Института антропологии МГУ под руководством О. Н. Бадера. Раскопки показали, что

стоянка не ограничивалась самим гротом, а занимала всю площадь большого скального амфитеатра, примыкающего к нему с севера. Три культурных слоя, датированные развитым мустье, поздним мустье и, по-видимому, началом верхнего палеолита, привлекли внимание исследователей в связи с проблемой становления верхнепалеолитической культуры. Особый интерес вызвал средний слой. Здесь обнаружен редкий для Крыма комплекс микро-мустье, имеющий близкие аналогии в верхнем слое Кик-кобы. Новые раскопки имели целью проследить далее планировку поселения, сделать дополнительные наблюдения над стратиграфией, собрать новые материалы для датировки каждого слоя, пополнить коллекцию кремневых орудий.

Несколько зондажей на периферийной части стоянки и основной (около 60 кв. м) раскоп этого года, непосредственно примыкающий с севера к ранее вскрытой площади, подтвердили, что центральная часть стоянки в древности перекрывалась навесом. Его контур хорошо восстанавливается по мощному каменистому завалу, образованному осыпями с плато. Он вытянулся параллельно внутренней стенке амфитеатра на расстоянии 5—7 м от нее и идет со скального дна навеса до поверхности, образуя мощный вал. Культурный слой залегает на его внутреннем склоне и на небольшой площадке между ним и стенкой навеса.

Современный пол навеса, взорванного в начале 20-х годов, перекрыт сейчас осыпями известкового щебня мощностью до четырех метров. Его скальное дно на внутренних участках стоянки еще ниже более чем на три метра. Заполняющие отложения сложены известковой щебенкой с примесями супеси, суглинка и крупных известковых глыб, местами сцементированы. При стратиграфических наблюдениях особенно важен повсеместно прослеженный слой цементированного суглинка со щебнем, хорошо расчленяющий культурные остатки на два горизонта. Образцы на радиокарбон, взятые из зольников верхнего слоя, серия образцов для пыльцевого анализа и значительная коллекция раковин и мелких костей грызунов, собранная во время контрольных промывок из всех слоев, надо думать, позволят уточнить относительную и абсолютную датировку памятника.

В раскопе этого года не встречено верхнепалеолитического слоя. В верхней части отложений найдены лишь отдельные тонкие ножевидные пластинки позднепалеолитического облика. Находки мустьерского времени залегают линзами, которые, однако, могут быть разделены на две группы. Верхняя приурочена к поверхности и верхней части описанного выше слоя суглинка, нижняя лежит между ним и скальным дном навеса. На внутренних участках навеса верхний мустьерский слой находится на глубине около двух метров, нижний — на 50—100 см ниже.

Раскопками 1939 г. в позднемустьерском слое вскрыто большое скопление костей. В этом году выявлена их северная граница. Скопление образовано многими десятками костей крупных животных, по преимуществу мамонта. Бивни, кости конечностей, челюсти, зубы, ребра мамон-

та, масса мелких обломков расщепленных костей образуют сплошной, в несколько слоев, завал. Зольники и скопления костей продолжаются на еще не вскрытых северо-восточных участках навеса. Однако границы наиболее интенсивного распространения костей достаточно четки. Скопления крупных костей встречены и в нижнем культурном слое.

К верхнему культурному слою из находок этого года могут быть отнесены лишь несколько тонких ножевидных пластин. Бо́льшая часть коллекции кремня была приурочена к поверхности суглинистого слоя. Здесь найдено несколько десятков остроконечников и скребел на маленьких отщепах, мелкие неретушированные отщепы, много кремневых чешуек. В нижнем костеносном слое обнаружено несколько орудий близких форм и размеров, в том числе один тщательно ретушированный мустьерский остроконечник большого размера, изготовленный на массивном отщепе. Представляется, что тезис о культурной близости верхнего мустьерского слоя Волчьего грота и верхнего слоя Кик-кобы найдет подтверждение в новых материалах. Коллекция, собранная в нижнем слое, к сожалению, слишком мала.

Из-за непредвиденно большой мощности отложений в этом году удалось до конца вскрыть немногим больше половины расчищенной от осыпей площади, причем в значительной части на периферийных квадратах. Вполне вероятно, что не исследованные еще участки в глубине навеса скрывают один из центров этой большой стоянки.

СЛЕДЫ ПАЛЕОЛИТА НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

В. Н. Станко

В Нижнем Поднепровье самые ранние археологические памятники, относящиеся к мезолитическому времени, были выявлены в 1957 году Д. Я. Телегиным. Более ранние памятники до настоящего времени оставались неизвестными, хотя учитывая большое количество исследованных палеолитических местонахождений на севере — в Надпорожье, и на юге — в Крыму, можно было допустить что и степи Нижнего Поднепровья были обжиты человеком несколько раньше, чем это подтверждалось археологическими находками.

Проведенные в этом году разведки по берегу Каховского моря в районе сел Любимовка и Софиевка Каховского района Херсонской области в некоторой мере подтвердили это предположение. Здесь на небольшом участке абразионного берега моря выявлено три позднепалеолитических местонахождения.

Первое из них открыто в селе Любимовка. Здесь на южной окраине сельского пляжа на невысоком террасовидном уступе и прямо в лёссовых размывах берега моря были собраны 142 обработанных кремня.

Среди них микропластинка, обработанная отлогой ретушью по краям, четыре концевых скребка, два небольших боковых резца, два резцовых скола, четыре неправильно призматических нуклеуса, отщепы, осколки, нуклевидные обломки кремня. Заложенные на террасовидном уступе шурфы показали, что культурный слой in situ на стоянке не сохранился. Отдельные находки залегали в лёссе на глубине от 0,4 до 1,0 м.

Второе местонахождение выявлено на правом берегу Сомовой балки в месте ее впадения в Каховское море, где в лёссовых размывах и в воде среди песка было собрано 124 кремня, в том числе три микропластинки с затупленным краем, четыре концевых скребка, ножевидные пластины с ретушью по краю, резцовые сколы, отщепы и осколки кремня. На обследованной площади, преимущественно в галечнике, наряду с материалами позднепалеолитического облика встречались кремни, относящиеся к более позднему времени, видимо, к неолиту: симметричный топорик, изготовленный техникой двусторонней оббивки, сильно сработанные округлые скребки, оформленные грубой ступенчатой ретушью.

Несомненные признаки позднепалеолитической стоянки прослежены на левом берегу Велывольской балки, впадающей справа в Каховское море между с. Любимовка и Софиевка. В лёссовых размывах берега на участке, отстоящем от моря примерно на 100—150 м, найдены два боковых резца на длинных массивных пластинках, концевой скребок, массивный осколок кремня, один край которого обработан крупной отлогой ретушью и небольшое количество отщепов.

К сожалению, стационарные исследования описанных местонахождений нельзя практически осуществить. Систематический осмотр абразионных берегов Каховского моря, возможно, позволит открыть здесь новые памятники палеолитического времени, крайне важные для изучения палеолита степей Северного Причерноморья.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КУЛЫЧИВКА

В. П. Савич

Стоянка расположена в западной части г. Кременец Тернопольской обл. УССР на мысу, известном под названием «Гора Кулычивка» и представляющем собой террасообразный выступ северного склона Кременецкой возвышенности. Западная часть мыса с остатками стоянки разрушена земляными работами мелового карьера.

Стоянка была открыта М. И. Островским в 1938 г. В 1968 г. она впервые исследовалась на большой площади экспедицией Львовского Института общественных наук под руководством автора.

Раскоп 30,0×8,0 м был заложен в западной части мыса, у восточного края карьера. Исследовано 236 кв. м площади на глубине 2,4 м. Раскопки показали, что стоянка принадлежит к группе многослойных археологических памятников. В верхних слоях серой почвы открыты культурные остатки поселений бронзового и раннежелезного веков, а в суглинковых отложениях — два слоя поселений позднепалеолитического времени. Верхние слои почвы были сняты бульдозером на 0,5 м.

Верхний позднепалеолитический слой находился в темно-коричневых комовых суглинках на глубине 0,48—1,15 м от поверхности. Культурные остатки залегали с понижением в северном направлении. В этом слое обнаружено много кремневых изделий, остатки фауны (мамонт, северный олень), куски красной и желтой охры, каменные плитки, древесный уголь и остатки небольшого кострища с тонкой углистой линзой.

Кремневые изделия состоят из черного мелового кремня, покрытого интенсивной молочной и голубой патиной. Коллекция кремневых орудий большая, состоит из скребков (обыкновенные и высокой формы), резцов (угловые, срединные, боковые), острий разного типа, скреблообразных орудий, пластин и отщепов с краевой ретушью и краевыми выемками и других предметов. Большинство орудий изготовлено на пластинах и обломках пластин, много на отщепах. Некоторые орудия на массивных отщепах и пластинах. Нуклеусы в основном призматической и неправильно призматической формы. Несколько нуклеусов близки к дискообразному типу, попадались массивные нуклеусы.

Материалы верхнего позднепалеолитического слоя имеют архаические черты и очень близки к материалам стоянок Липа I, Молдова V (седьмой слой), Пушкари I и другим домадленским памятникам. Это позволяет датировать верхний слой стоянки Кулычивка поздней фазой ориньяко-солютрейской поры.

Остатки поселения нижнего позднепалеолитического слоя на стоянке Кулычивка прослежены в светло-коричневых суглинках на глубине 1,93—2,19 м от поверхности. Этот слой менее интенсивно насыщен культурными остатками. Большое количество находок прослежено только в центральной части раскопа: кремневые изделия и орудия, каменные плитки, обломки костей животных (мамонт, северный олень), куски красной и желтой охры, угольки и остатки одного кострища.

Кремневый инвентарь аналогичен инвентарю верхнего слоя, но в меньшей степени патинизирован (голубая патина). Много кремневых изделий этого слоя непатинизировано. Коллекция орудий нижнего слоя состоит из таких же категорий орудий, как и в верхнем слое, но более архаична. В серии орудий встречены типично ориньякские скребки, резцы и другие орудия. Следует отметить, что в этом слое обнаружено несколько отщепов позднемустьерского типа.

Учитывая стратиграфическое положение и архаичность кремневого инвентаря, нижний слой стоянки Кулычивка можно отнести к раннему периоду ориньяко-солютрейской поры позднего палеолита.

РАСКОПКИ ПАЛЕОЛИТА ПОД ОДЕССОЙ

П. И. Борисковский, В. И. Красковский

В степях Северного Причерноморья известно очень мало палеолитических стоянок. Поэтому открытие здесь каждого нового палеолитического памятника представляет большой интерес. В 1964 г. В. И. Красковский во время разведок обнаружил в 45 км к северо-западу от Одессы, на левом берегу речки Барабоя новую позднепалеолитическую стоянку Каменка. Стоянка эта раскапывалась в 1968 г. палеолитическим отрядом Днестро-Дунайской экспедиции, организованным Ленинградским отделением Института археологии АН СССР, Институтом археологии АН УССР и Одесским археологическим музеем. Раскопки, охватившие всю территорию стоянки, показали, что непотревоженный палеолитический культурный слой здесь не сохранился. Но в то же время получен многочисленный кремневый инвентарь, позволяющий составить о стоянке достаточно полное представление. Из примерно 1060 кремней, составляющих коллекцию, наиболее обширную группу изделий представляют призматические нуклеусы (96 экз.). Среди орудий доминируют скребки (27 экз.) — концевые, двойные и округлые. Кремневый инвентарь Каменки резко отличается от инвентаря известной позднепалеолитической стоянки Большая Аккаржа, расположенной в нескольких десятках километров. В Большой Аккарже доминируют резцы и миниатюрные пластинки и острия с затупленным краем, в Каменке же обнаружено резцов только три экземпляра, а пластинок с затупленным краем — семь, причем они плохо выражены и не образуют устойчивой серии.

Можно полагать, что в какой-то мере различия кремневых орудий Каменки и Большой Аккаржи объясняются бо́льшей древностью первых.

Но только ли в этом причина различий, сказать пока трудно. Во всяком случае, в результате полевых работ 1968 г. перед нами новый выразительный позднепалеолитический комплекс на Одесщине, существенно отличающийся от других, ранее известных.

Отрядом было проведено также новое обследование мезолитической тарденуазской стоянки Казанка, открытой в 1966 г. на севере Николаевской области, в бассейне правых притоков Днепра. Обследование доставило новый многочисленный кремневый инвентарь. Теперь в общей сложности, из Казанки происходит около 1500 кремней, в том числе 32 миниатюрные тарденуазские трапеции (11 целых и 21 обломок), 70 маленьких округлых скребков и 13 маленьких призматических нуклеусов.

В результате Казанка, наряду с Гребениками и Гиржево, входит в число наиболее выразительных тарденуазских стоянок Правобережной Украины.

НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ НА ТЕРНОПОЛЬЩИНЕ

И. П. Герета

Разведками автора (Тернопольский краеведческий музей) открыты две палеолитические стоянки у с. Малашивцы Зборовского р-на и палеолитическое местонахождение у с. Старый Вишневец Збаражского р-на.

Стоянка Малашивцы 1 расположена на овальном мысе в урочище Ставки, на 800 м севернее с. Малашивцы. От р. Серет она отдалена примерно на 900 м. Южный и восточный склоны мыса примыкают к долине, в которой протекает ручеек. Палеолитические находки концентрируются в средней и западной частях мыса в местах наиболее открытых пахотой суглинков, а также на его южном склоне. На поверхности собраны изделия и отходы из черного и черного со светлыми прослойками мелового кремня местного происхождения, покрытого интенсивной молочной патиной. Среди них — нуклеусы, из которых один — неправильно призматический с двумя косыми ударными площадками, один — неправильно призматический с одной косой ударной площадкой, один — плоский с ровной ударной площадкой и один — аморфный. На поверхности нуклеусов сохранились негативы пластин и отщепов. Имеются также два скола ударных площадок нуклеусов от оживлений нуклеуса. В коллекции — семь целых и 32 обломка пластин. Они преимущественно короткие, тонкие, некоторые из них хорошо ограненые. Отщепы в большинстве мелкие — удлиненные и овальные. Есть несколько массивных. Орудия труда представлены угловым и срединным резцами, а также сколом с крутой концевой ретушной подправкой. Резцы изготовлены на пластинках.

На мысе обнаружены культурные остатки, относящиеся к другим археологическим периодам. Среди них преобладают предметы раннежелезного периода и черняховской культуры.

Стоянка Малашивцы 2 расположена на удлиненном овальном мысе в урочище Могила, на 1500 м северо-восточнее села. От р. Серет отдалена примерно на 2000 м. Подъемный материал концентрируется на вершине мыса и на восточных его склонах. Центр мыса уничтожен каменным карьером. Материал собран преимущественно на восточном склоне мыса, а также из карьерных отбросов. Кремневые изделия изготовлены из того же кремня, что и на стоянке Малашивцы 1. Среди них четыре нуклеуса, из которых один — неправильно призматический с одной косой ударной площадкой, два — плоских с ровными ударными площадками и один в начальной стадии расщепления. Кроме того, в коллекции кремневого инвентаря имеется отбойник из использованного нуклеуса. Среди пластинок — пять целых и 15 обломков. Пластинки, а также отщепы аналогичны найденным на стоянке Малашивцы 1. Орудия труда представлены тремя резцами (два угловых и один срединный). Есть также отщеп с краевой ретушью. Из фауны обнаружены фрагменты двух зубов взрос-

лого мамонта. На восточном склоне обнаружены также находки, относящиеся к фракийскому гальштату, черняховской и другим культурам.

Палеолитические находки обнаружены на 800 м южнее с. Старый Вишневец на северном склоне мыса в урочище Кругляк. На дне яра эрозийного происхождения на глубине 7—8 м выявлено несколько кремневых отщепов и большое скреблообразное орудие труда. В западной стенке яра найдено два бивня взрослого мамонта и часть челюсти мамонта с хорошо сохранившимся зубом, а в восточной — бивень молодого мамонта и челюсть носорога. На дне яра найден зуб дикой лошади. Шурфовкой культурный слой в этом месте пока не выявлен.

По характеру кремневого материала и остатков фауны, обнаруженных на стоянках Малашивцы 1 и Малашивцы 2, а также в Старом Вишневце, эти местонахождения очень близки к точно датированным стоянкам Молодова V (мадленский слой), Липа VI, Мезин и др. Это позволяет предположительно отнести их к мадленскому периоду позднего палеолита.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОСЕЛИВКЕ НА ДНЕСТРЕ

А. П. Черныш

Днестровская палеолитическая экспедиция Института общественных наук (г. Львов) продолжала исследования многослойной стоянки Оселивка 1 (Кишла Неджимова), расположенной на правом берегу Днестра, северо-западнее с. Оселивка Кельменецкого р-на Черновицкой обл. После раскопок 1968 г. общая площадь, на которой были изучены остатки поселений верхнего и второго слоев, достигла 340 кв. м, а третьего — 90 кв. м.

На прирезанном в 1968 г. к раскопу прошлых лет участке с остатками верхнего слоя, относящегося к мезолитическому времени (глубина 0,8—0,9 м от поверхности), были прослежены остатки костей северного оленя и лошади, ракушки Helix, терки и отбойники из песчаника, плитки, остатки краски, а также кремневые изделия: нуклеусы, пластины, отщепы, боковые и срединные резцы на пластинах, отщепах и обломках, небольшие скребки на пластинах и отщепах с полукруглым, скошенным, боковым и выемчатым рабочим краем, пластины с притупленным краем, острия со скошенным краем, мелкие острия, сегментообразные орудия, пластинки с краевой ретушью по брюшку, орудия типа треугольника, ретушер и другие изделия.

Поселение второго слоя (глубина 1,35—1,65 м от поверхности) было исследовано на площади 168 кв. м. Здесь встречены остатки шести кострищ, обломки костей мамонта, северного оленя, лошади, а также терки, отбойники, кремневые изделия, окружавшие очажные пятна.

Среди кремневых изделий второго слоя следует отметить нуклеусы, пластины и орудия труда. Последние состоят из нуклевидных резцов, угловых и срединных резцов на пластинах и сколах, ножевидных орудий, пластинок с притупленным краем, скребков с полуокруглым рабочим краем, изделий с двусторонней обработкой, острия Гравет, удлиненного листовидного острия. Поселение относится к домадленскому времени позднего палеолита.

Поселение третьего слоя на стоянке Оселивка 1 было изучено на участке в 35 кв. м. На этой площади в коричневых суглинках на глубине 2,35—2,6 м было встречено небольшое количество культурных остатков, состоящих из обломков костей ископаемых животных, терок, отбойников, а также кремневых изделий. Среди последних особый интерес вызывают находки обломков от двух листовидных плоских наконечников солютрейского облика со сплошной обработкой плоской ретушью с двух сторон, свидетельствующих о распространенности в данном районе Поднестровья отжимной техники изготовления наконечников метательного оружия. Поселение третьего слоя относится к ранней поре позднего палеолита.

Вторым объектом работ была стоянка Оселивка 3, расположенная на первой надпойменной террасе правого берега Днестра, возле устья оврага, где течет ручей Кринички в урочище Глинище. Здесь на площади 32 кв. м были произведены разведочные раскопки остатков поселения, наблюдавшегося в нижней части бурых суглинков (подпочва Б) на глубине 0,7—0,8 м от поверхности.

Во время расчистки слоя были обнаружены остатки раздробленных костей северного оленя, лошади, остатки ракушек Helix, многочисленные плитки песчаника, употреблявшиеся в качестве наковален, терки, песты и отбойники из галек, а также кремневые изделия, состоящие из нуклеусов, отщепов, пластин, отбросов производства и орудий труда. Среди последних — резцы на отщепах, обломках и пластинах, скребки с полуокруглым рабочим краем на отщепах и коротких пластинах, пластины со скошенным краем, небольшие острия, острия Граветт, ретушер, сегментообразное изделие, пластины и отщепы с выемками и различные другие изделия.

Материалы этого поселения имеют определенные аналогии с такими мезолитическими поселениями Поднестровья, как Атаки 6, верхний слой Оселивки 1, с мезолитическим слоем Молодова 1, но больше всего с верхними раннемезолитическими слоями Молодова V, что дает убедительное основание отнести Оселивку 3 к ранней поре мезолита Среднего Поднестровья.

Кроме раскопок в данном районе были произведены также разведочные работы, позволившие открыть несколько новых палеолитических стоянок, а также обследовать ряд ранее известных пунктов. Так, в частности, была открыта новая стоянка у с. Малиновцы, обследованы стоянки у с. Баламутовка, а также пещера возле этого села с остатками древних рисунков мезолитического времени.

РАБОТЫ КЕРЧЕНСКОЙ ПЕРВОБЫТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Л. Г. Мацхевой

Керченская первобытная экспедиция, организованная Ленинградским отделением Института археологии АН СССР совместно с Феодосийским краеведческим музеем, провела свой седьмой полевой сезон. Основные работы производились в Ленинском районе Крымской области.

В районе с. Лугового продолжены раскопки стоянки Луговое 1, работы на которой производились в 1965—1967 гг. Эта стоянка является пока единственным открытым мезолитическим памятником Крыма, который расположен на высоте менее 3 м от современного уровня речки или тальвега балки. Обычно превышение известных нам мезолитических стоянок над уровнем водоема колеблется от 8 до 20 м. В этом сезоне главной целью исследований было уточнение стратиграфического положения культурных слоев стоянки на большой площади. Заложены раскоп 2 и восемь шурфов общей площадью в 43 кв. м. Работы позволили проследить два культурных слоя стоянки, залегающих в почвенных горизонтах «А» и «АБ». Слои датируются мезолитом и неолитом. Горизонт почвы «АБ», в котором был отмечен слой эпохи мезолита — неолита, залегает всего на уровне около 2 м от тальвега пересыхающей Луговской речки. Видимо, таким незначительным уровнем и объясняется отсутствие нижнего мезолитического слоя в раскопе 1968 г. Этот слой прослежен в 1966 г. в горизонте «Б» мощностью около 50 см. Интересно, что раскоп 1 расположен более чем на 2 метра выше раскопа 2. Согласно данным В. М. Муратова и Э. О. Фриденберг (Институт географии АН СССР), принимавших участие в работах экспедиции, слой эпохи мезолита—неолита стоянки находится на первой надпойменной голоценовой террасе, возраст которой не менее 10—11 тыс. лет. Археологические находки, выявленные на стоянке, отнесены к группе микролитических комплексов, для которых характерно почти полное отсутствие геометрических форм.

В районе с. Луговое открыто еще два новых месторождения — Луговое 3 в 1,5 км и Луговое 4 в 1 км на юго-восток от с. Луговое. Шурфы (14 кв. м) дают основания предполагать наличие культурных слоев на этих пунктах. Местонахождения датированы мезолитом — неолитом.

Вторым районом работ экспедиции явилось с. Ленинское. Здесь были продолжены начатые в 1966 г. раскопки стоянки Ленинское 1. Если в 1966 г. стратиграфия раскопа была в отдельных местах нарушена средневековыми ямами и захоронением, то в 1968 г. вскрыты непотревоженные участки. Это позволило проследить мезолитический и неолитический слои и констатировать, что только самый верхний культурный слой, датируемый поздним неолитом—энеолитом, переотложен в результате вспашки. Стоянка относится к группе микролитических памятников Кры-

ма, для которых характерны из геометрических микролитов только трапеции.

Открыто два новых местонахождения — Ленинское 2 в 3,5 км и Ленинское 3 в 4,5 км на юго-восток от с. Ленинское. Шурфы (4 кв. м), заложенные на местонахождениях, позволили утверждать наличие на Ленинском 3 культурного слоя. Местонахождения условно датированы мезолитом—неолитом.

В центре г. Керчи на горе Митридат на территории античного города Пантикапей членами экспедиции и краеведами неоднократно производились сборы кремневых изделий. Из орудий среди находок нам известны скребки и пластинки с ретушью. Некоторые изделия с патиной и микролитического облика. Эти материалы позволяют датировать древнейшее поселение на горе Митридат эпохой мезолита—неолита.

В период разведочных работ произведены обследования стоянок Луговое 2, Тасуново, Горностаевка 1 и Горностаевка 2, Алексеевка.

В 1 км на юго-восток от с. Ленинское открыто поселение, предварительно датированное эпохой бронзы.

РАСКОПКИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ У г. БЕРЕГОВО ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. А. Пелещишин

Закарпатская археологическая экспедиция Института общественных наук (г. Львов) производила раскопки поселения энеолитического времени у г. Берегово в Закарпатье. Поселение было открыто А. П. Чернышем осенью 1967 г. Оно расположено на северо-западной окраине города, на южном невысоком склоне р. Вирка (левый приток Латорицы). Поселение занимало около 100×70 м. Культурный слой на всей площади до глубины 0,5 м разрушен земляными работами и глубокой вспашкой.

На исследованной площади (около 200 кв. м) были открыты два жилища полуземляночного типа и три хозяйственные ямы. Жилища сравнительно небольшие, состоят из нескольких ям разной величины. Жилище I состояло из двух ям, одна из них довольно большая, приблизительно прямоугольная с почти прямыми стенками и ровным дном (длина 3,5 м, ширина 1,3—2 м, наибольшая глубина 1,2 м). К ее юго-западному углу примыкала небольшая округлая яма (диаметр 1,1 м, глубина 1,4 м), в значительной мере заполненная развалом глиняной печи, сооруженной, по всей вероятности, над ямой или вблизи от нее на деревянном каркасе. В заполнении жилища, особенно возле южной стенки, прослеживались прослойки мелкого древесного угля, являющегося, возможно, остатками сгоревшей наземной деревянной части жилища.

В жилище, особенно в приямной яме, найдено свыше двух тысяч фрагментов керамики, около 50 преимущественно миниатюрных кремне-

вых скребков, около 20 каменных ножей и скребков, семь зернотерок, пять топоров, а также отдельные орудия из обсидиана. С этим жилищем, возможно, были связаны упомянутые хозяйственные ямы, находившиеся в непосредственной близости от него; они представляли собой небольшие углубления овальной формы.

Жилище II состояло из трех ям. Общая его длина составляла 5,5 м, ширина 1,8—2,2 м, наибольшая глубина около 1 м. Вход в жилище находился с северо-восточной стороны, где прослеживались три ступеньки. В заполнении жилища, особенно в небольшой яме, примыкавшей к южной стенке, находились остатки разрушенной глиняной печи, по своей конструкции не отличавшейся от предыдущей. В жилище найдены фрагменты керамики, а также отдельные кремневые, каменные и обсидиановые ножи и скребки, каменные зернотерки и топоры. Интересными находками являются глиняная женская статуэтка со схематическим изображением головы, а также несколько других схематических фигурок, глиняная бусина. Следует подчеркнуть, что на поселении не встречено изделий из кости и костей животных.

Керамика разнообразна по технике изготовления, формам и орнаментации. По технике изготовления она подразделяется на две группы. Керамика первой (основной) группы изготовлена с примесью небольшого количества песка, шамота и сравнительно слабо обожжена; хорошо сглаженная поверхность нередко покрыта темно-красным ангобом. Очень характерны миски и сосуды других форм на высоких расширенных книзу полых подставках, конические миски, реже горшки и амфоры. Типичен пластический орнамент в виде конических и другой формы выступов, украшенных углублениями. Значительная часть сосудов, преимущественно миски, украшена темно-коричневым или черным орнаментом в виде косых линий и других мотивов. Часто встречаются также миниатюрные сосуды разных форм. Керамика второй группы изготовлена из чистой глины, тонкостенная, цвет ее светло-коричневый, розовый, иногда белый, орнамент не прослеживается, преобладают миски на подставках.

Комплекс керамики поселения не имеет близких аналогий среди других энеолитических памятников Закарпатья. В то же время отдельные сосуды по своей форме и деталям орнамента имеют довольно близкие аналогии в керамике целого ряда позднеолитических и энеолитических культур Центральной Европы, принадлежащих к так называемому лендельскому культурному комплексу. Некоторые черты сходства в формах и деталях орнамента керамика исследованного поселения имеет с керамическими комплексами различных памятников позднеленточной керамики севернее Карпат. Все это дает основание предварительно отнести поселение у г. Берегово к энеолитическому времени. Более сложным является вопрос о культурной принадлежности поселения. Можно предположить, что оно принадлежит к малоизученной локальной группе памятников с расписной керамикой, распространенной в верхнем течении р. Тисса и, возможно, северо-восточных районах Румынии.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЙ ВЫСОЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Л. Крушельницкая

Серьезным недостатком в изучении высоцкой культуры до сих пор являлось отсутствие исследованных поселений. С целью их изучения раннежелезный отряд Волынской археологической экспедиции Львовского Института общественных наук провел раскопки около сел Ясенив, Шкло, Терновица Львовской области.

Небольшие раскопки на двух поселениях и двух могильниках у с. Ясенив были проведены К. Гадачеком в 1904 г., но опубликовал он о них только короткое сообщение, а из собранных тогда материалов в настоящее время сохранилось лишь несколько предметов. Исследования 1968 г. производились нами на поселении в урочище Корчунок на круглом мысу северного склона Воронякских гор. Открытое сооружение — большая прямоугольная полуземлянка (7,2×6 м, глубина 0,6 м) с развалом глиняной обмазки на полу (вероятно, остатки печи).

Поселения в с. Шкло и Терновица расположены на окруженных болотистыми лугами песчаных возвышенностях. В нижней части культурных отложений (0,4—0,5 м от поверхности) обнаружены остатки двух полуземлянок и пяти хозяйственных ям. Полуземлянки большие, приблизительно прямоугольной формы (в среднем 7×5,8 м) с круглыми или неправильной формы очагами. Ямы неглубокие (0,8—1 м) неправильной формы, иногда со ступеньками.

При раскопках найдены орудия труда: каменные терочки, кремневые серпы, скребки, резцы, отбойники, глиняные пряслица и значительное количество обломков посуды.

Из форм керамики наиболее широко представлены тюльпановидные горшки, украшенные проколами, ямками или налепными валиками и миски разных форм и размеров. Встречаются также баночные, биконические горшки, горшки с выпуклым телом и отогнутым наружу венчиком, черпаки и миниатюрные сосудики. Найдены глиняные ложки и фигурки птичек.

Все эти вещи находят широкие аналогии в могильниках высоцкой культуры (Ясенив, Высоцко, Луговое, Золочив), которые датируются VIII—VII вв. до н. э.

Впервые исследованные жилища высоцкой культуры и собранный на поселениях материал дают возможность сравнительного изучения комплексов поселений и могильников, что расширяет наше представление о культуре в целом.

БЕРЕЗАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

К. С. Горбунова

Основные работы производились на участке Г, где в 1967 году был частично открыт каменный подвал начала V в. до н. э. Стремление выяснить планировку домов и особенно какие-то элементы планировки поселения в целом, заставляет нас продолжать изыскания на этом участке, несмотря на чрезвычайно затрудняющий поиски мощный средневековый, чаще всего аморфный слой. В средневековом слое не выявлено никаких жилых или хозяйственных остатков X—XII вв. Золистый слой был насыщен находками и толщина его в отдельных местах доходила до 1,70 м.

Античный же слой здесь едва достигает 1,00 м, считая и углубления в материк. В ходе раскопок этого года открыт очень интересный комплекс с яркой картиной последовательных перестроек и разрушений. Центральную часть в этом комплексе занимает каменный подвал. Его стены сохранили высоту около 1 м, местами она снижается до 0,60 м. Особенно важны сохранность лестницы, ведущей в подвал из наземного помещения, и остатки дверной коробки из плоских, поставленных на ребро плит.

Подвал был разрушен где-то в первой половине V в. до н. э., и на месте дома, в который входил подвал, возник какой-то новый комплекс. Сначала здесь был вырыт колодец обычной округлой формы с диаметром около 1 м. При сооружении колодца ступени лестницы и плиты дверного проема были срублены. Однако и колодец вскоре был засыпан, и в последней четверти V в. до н. э. здесь сооружается каменная грушевидная цистерна и яма — хранилище для тары. По-видимому, в цистерне хранилось вино, а для розлива его предназначались найденные в яме девять гераклейских амфор с энглифическими клеймами, аккуратно уложенные в яму, причем семь амфор были перевернуты донышками вверх, а две были поставлены в вырубленные в скале углубления. Последовательность всех перестроек на этом небольшом участке легко устанавливается благодаря разрушениям, которые производили строители каждого последующего сооружения. Плотность застройки, интенсивность перестроек и их близость по времени (все они произведены здесь менее чем за 78 лет) являются характерной особенностью жизни на Березани в VI—V вв. до н. э. К этому следует добавить, что на этой же площади имеются также остатки архаического слоя и архаических ям.

Из других работ экспедиции наиболее важным можно считать своеобразные охранные раскопки, которые производились в юго-восточной части острова, за пределами признанной границы поселения.

Обнаруженная при зачистке склона зольная яма, вернее, ее остатки, по своим размерам (сохранившийся диаметр — 2,60 м) и глубине расположения дна (около 3 м от дневной поверхности), расположению

по отношению к поселению и по набору вещей заставляет предположить культовое ее назначение. В яме найдены чернофигурные мелкофигурные аттические килики, родосский килик, остатки родосской амфоры и фрагмент лепного сосуда, имитирующий облик плетеной корзинки. Сохранность всех находок (крупные фрагменты и почти целые частицы) заставляет думать, что до разрушения ямы (она на $^4/_5$ обрушилась в море) все они были целыми.

Проводились также работы на некрополе (открыто 3 безынвентарных погребения) и разведочные исследования в непосредственной близости от рва турецкой крепости.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО БЕЛЬСКИХ ГОРОДИЩ

Б. А. Шрамко

Экспедиция Харьковского государственного университета продолжала исследования комплекса Бельских городищ в Полтавской области, начатые еще в 1958 г.

На Западном Бельском городище в раскопе, имевшем площадь 474 кв. м, удалось вскрыть зольник 19 и часть окружающей его территории. Зольник и связанные с ним строительные остатки оказались одним из самых архаических комплексов городища. Он датируется второй половиной VII — началом VI в. до н. э. Под зольником было обнаружено шесть хозяйственных ям различных форм и размеров, а также остатки наземных построек с глинобитными печами. В двух хозяйственных ямах найдено большое количество обуглившихся зерен пшеницы с примесью ячменя, ржи, гороха и сорных растений. Из сельскохозяйственных орудий найдены кварцитовые терочники, зернотерки и костяное трепало. Встречаются обуглившиеся кусочки скорлупы лесных орехов.

Из двух глинобитных печей одна оказалась сравнительно небольшой и использовалась, видимо, для приготовления пищи. Вторая печь гораздо больше. Диаметр пода ее достигает 3,50 м. Каркас, на котором сооружался глиняный свод, опирался здесь не на один, как у обычных кухонных печей, а на два опорных столбика. Очевидно, эта печь имела какое-то производственное назначение. Расположенная вблизи яма 3 в верхней части была заполнена слоем почвы с большим количеством кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Эти куски также являются обломками свода какой-то большой производственной печи. С внутренней стороны куски обмазки очень сильно обожжены и даже ошлакованы. Возможно, эти остатки связаны с местным бронзолитейным производством. Во всяком случае, в раскопе найдены убедительные признаки деятельности ремесленников-бронзолитейщиков: куски бронзового

шлака, обломки плавильных тиглей, обломки глиняной литейной формы для отливки небольшого браслета или височного кольца и полуфабрикат в виде бронзовой гвоздевидной булавки с несиятыми заусеницами литейного шва.

Во всех слоях зольника, начиная с самых верхних, помимо простой местной керамики бурого цвета встречается большое количество чернолощеных сосудов, часто украшенных геометрическим орнаментом с инкрустацией белой пастой. Формы лощеных сосудов очень разнообразны. Это — простые горшки, корчаги, черпаки, миски, сосуды типа Виллановa. Некоторые чернолощеные сосуды орнаментированы желобками, налепными валиками, выступами, полукруглыми каннелюрами и т. п. Среди простых бурых горшков имеются экземпляры, которые украшены валиками с защипами не только у венчика, но и на туловище. Иногда конец валика опущен вниз. Обломки античных амфор очень редки и обнаружены только в самых верхних слоях зольника. Архаичность зольника 19 подчеркивается еще тем, что здесь найдены каменный наконечник булавы, как в жаботинском кургане 524, кусок реальгара, большое количество костяных изделий (пулевидный наконечник стрелы, разминальники и скребок для обработки кожи, костяная подвеска и пр.), но совершенно не обнаружено вещей из железа, которое, видимо, очень ценилось.

Из других важных находок следует отметить оригинальный даухгорлый сосуд с ручкой, бронзовые гвоздевидные булавки, небольшие бронзовые височные кольца, бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы и два массивных ромбических двухлопастных наконечника стрел из бронзы, аналогичных наконечникам из курганов Малая Цимбалка, 406 в урочище Горячево и 524 у Жаботина. Оба ромбических наконечника найдены в яме 3, которая является одной из ранних в этом комплексе. В этой же яме найдены обломки глиняного жертвенника, украшенного рельефным орнаментом.

За пределами зольника 19 насыщенность культурного слоя резко падает. Из находок здесь можно отметить лишь поломанный железный топор, напоминающий топоры из кургана Старшая Могила у Аксютинцев.

На Восточном Бельском городище в раскопе XVI, который сомкнулся с раскопом XV, была вскрыта площадь, равная 417 кв. м. Из строительных остатков обнаружено шесть хозяйственных ям и остатки глиняной каркасной печки наземного жилища. На одном из участков удалось проследить остатки вертикального ткацкого станка в виде двух столбовых ям, между которыми на расстоянии 1,35 м были по одной линии расположены глиняные грузила и их обломки (12 шт.). В другом месте найдено уникальное орудие в виде бронзовой матрицы для штамповки на свинцовых подкладках трех круглых золотых бляшек скифского типа. Матрица найдена рядом с бронзовым наконечником стрелы, характерным для IV в. до н. э. и относится, видимо, к тому же времени. Эта интересная находка не только позволяет уточнить некоторые детали техники

данного производства, но и свидетельствует о том, что такие бляшки изготавливались лесостепными мастерами.

В целом Бельское городище все более четко выступает как крупный ремесленный, торговый и, видимо, политический центр лесостепной Скифии, сложившийся уже в архаическую эпоху. Не исключено, что это городище представляет остатки города Гелона.

РАСКОПКИ ГОРОДИЩ У сел КАМЕНКА И СОСЕНКА

А. А. Моруженко

Скифская лесостепная экспедиция Донецкого государственного университета начала исследование оборонительных сооружений городищ раннего железного века в бассейне Ворсклы. Раскопки были проведены на городищах у сел Каменка и Сосенка Сумской обл.

Каменское городище, имеющее наиболее совершенную по планировке систему укреплений, расположено на образованном оврагами мысу правого берега р. Боромли, состоит из главного двора и трех предградий. Площадь главного двора со всех сторон окружена валом, ширина его 9,5 м, высота 3 м. Исследованию был подвергнут вал главного двора в его западной части, недалеко от входа. Здесь был сделан поперечный разрез, а также заложена траншея вдоль вала. Четко прослеживаются два строительных периода. Первоначально на уровне погребенной почвы были построены две параллельные друг другу стены. Расстояние между ними 0,95 м. Их основу составляли вкопанные в землю столбы. В профиле видны две столбовые ямки (диаметр вверху — 0,5 и 0,45 м, внизу — 0,15 и 0,1 м, глубина 0,35 м). Промежуток между стенами был, видимо, заполнен землей. После пожара остатки стены и забутовка развалились (в разрезе вала наблюдается слой перемешанной почвы с кусочками обожженной глины и обуглившегося дерева). Позже на этом же месте вновь были сооружены какие-то деревянные земляные укрепления, также погибшие во время пожара. Об этом свидетельствует участок обожженной глины, древесного угля и золы. На противоположной, южной стенке раскопа слой обожженной глины значительно меньше. Возможно, остатки, зафиксированные нами в северной стенке раскопа, — это следы какой-то постройки у входа (башни?), также сгоревшей.

В раскопе, заложенном вдоль вала главного двора на глубине 0,40 м от поверхности, были обнаружены две столбовые ямки (диаметр 0,3 и 0,35 м, глубина 0,7 м, расстояние между ними — 4,9 м). В слое земли и в заполнении ям в большом количестве встречаются кусочки обуглившегося дерева. Очевидно, это остатки стены, построенной на гребне вала.

Близки по своему устройству и укрепления городища у с. Сосенка. Поперечным разрезом был исследован вал главного двора. Ширина вала 19 м, высота — 3,8 м. Здесь удалось выявить три строительных периода. Первоначальная деревянная стена, построенная на уровне погребенной почвы, была, видимо, значительно бóльших размеров, нежели на Каменском городище. Следы пожара видны и здесь. Сгоревшая стена развалилась, а глина, подсыпанная к ней с внешней стороны, перекрыла мощный слой обуглившегося дерева и золы и превратилась в обожженную массу значительных размеров. Впоследствии вдоль вала вновь была построена стена. Столбовая ямка от нее хорошо видна в разрезе. К этому же строительному периоду относится и неглубокий ров на склоне мыса, занятого городищем. Позже вал был досыпан и на нем могли быть вновь сооружены какие-то деревянные укрепления. Ров второго строительного периода был засыпан, а новый, более глубокий, расположен ниже по склону.

Материалы, полученные экспедицией Донецкого государственного университета, позволяют говорить о несомненно высоком уровне техники строительства фортификационных сооружений в бассейне Ворсклы в скифскую эпоху.

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ КОШАРСКОГО ГОРОДИЩА

Э. И. Диамант

Один из отрядов экспедиции Одесского археологического общества продолжал начатые в 1967 г. раскопки некрополя Кошарского городища IV—III вв. до н. э., расположенного на высоком правом берегу Тилигульского лимана, в 700 м от берега моря.

Некрополь находится к северу от городища, в местности с небольшим понижением в сторону лимана, огражденной с запада неглубокой в этом месте балкой. Здесь, на протяжении 350 м с юга на север и 100 м с востока на запад, на пахотном поле просматриваются округлые пятна светлого грунта с обломками керамики на поверхности. Некоторые из них образуют невысокие всхолмления.

На одном из пятен, в 300 м от северо-восточного угла городища, найдена верхняя часть надгробной мраморной плиты с двустрочной древнегреческой надписью III в. до н. э.

На месте находки надгробия раскрыто культовое сооружение из стесанных известняковых блоков, огражденное с запада стеной (загородкой) из необработанных камней. Основание сооружения находится на глубине 0,9 м. Длина его с северо-востока на юго-запад — 2,7 м, ширина — 1,3 м. Сооружение состоит из двух основных блоков, один из которых представляет собой правильный параллелепипед (0,4×0,4×

Кошарское городище. Фрагмент плиты с надписью

×0,6 м). Основание восточной части последнего находится ниже древней дневной поверхности и не имеет следов обработки. Очевидно, обтеска блоков производилась после их установления.

По всей ширине скошенного блока вытесан широкий (0,2 м) полукруглый валик высотой 0,05 м. На уровне его основания скошенный блок с трех сторон огражден плоскими морскими голышами размером 0,15—0,2 м, поставленными на ребро. В восточной части сооружения по обе стороны скошенного блока расположены два небольших продолговатых блока (0,6×0,5×0,2 м). Западная часть сооружения имеет небольшой угол подъема и состоит из известняковых плит и ряда выносток, лежащих на глине. На расстоянии 0,7 м от крайней плиты, вдоль ее западной стороны, находится ограждающая сооружение с запада каменная стена (загородка). Основание ее лежит на глубине 0,35 м, длина с юго-запада на северо-восток 3,1 м, ширина до 0,3 м. Сохранившаяся стена состоит из одного ряда камней.

У восточной стороны скошенного блока, по центру, вровень с основаниями боковых блоков сооружения, поставлено вверх устьем горло амфоры. Отсюда же начинается плотный слой измельченных керамических обломков со следами пребывания в огне. Среди обломков керамики найдены пережженные кости молодого барашка. Этот слой, по-видимому, жертвенных остатков, глубиной 0,2 м, имеет форму вытянутого

с запада на восток овала (4,7×3,3 м). Среди жертвенных остатков, заключенных в границах этого овала, отсутствуют следы кострища и обломки амфор. Последние сосредоточены на небольшом участке в обожженном грунте у северо-восточной границы овала.

В 1,8 м от юго-восточного угла культового сооружения, у южной границы слоя с жертвенными остатками, раскрыта могила с двойным погребением. В нее ведет общий впускной колодец размером 2,4×1,3 м и глубиной 3 м. В его засыпи встречаются обломки керамики, очевидно, брошенные в засыпь при его заполнении.

На глубине 1,7 м от древней дневной поверхности, в восточной стене колодца выбита нишеобразная могила (1,6×1,2×0,65 м), огражденная закладом из крупных необработанных известняковых плит. У внешнего края ниши найдены: обломки тонкостенного красноглиняного горшка и сероглиняной мисочки с загнутым внутрь краем, мелкие обломки тонкостенной сероглиняной посуды, обломок чернолакового сосуда. Они попали в нишу при засыпке насыпи. В глубине ниши лежал плохо сохранившийся скелет ребенка, около которого найдены два овечьих астрагала.

В западной стене колодца на глубине 2,37 м от древней поверхности сооружен земляной склеп. Полукруглый вход в погребальную камеру со стороны колодца был заложен закладом из подтесанных известняковых камней, за которыми находилась стена из хорошо отесанных известняковых блоков, выложенных на глине в три ряда высотой 0,5 м. Погребальная камера высечена в материковой глине (2,4×2,8×1,2 м). Потолок камеры имеет форму сферического свода и плавно закругляется к стенам. У входа в склеп, на переходе от свода к северной стене камеры, сохранилась часть росписи в виде широкой неровной полосы, нанесенной темной краской.

В склепе — захоронение воина в деревянном гробу, поставленном на глиняном полу камеры ближе к ее южной стене, головой на восток, с вытянутой вдоль туловища правой рукой. Левая рука согнута в локте. Под черепом сохранились остатки подстилки из камки. Внутри гроба, у кисти левой руки найдено одиннадцать бронзовых трехгранных наконечников стрел IV—III вв. до н. э. За пределами гроба, выше левого локтя, на боку, устьем к черепу, лежал чернолаковый килик конца IV в. до н. э. Возле него — клинок железного ножа. В юго-западном углу камеры, в ногах погребенного, к стенке прислонена амфора IV—III вв. до н. э.

На полу склепа остался четкий след гроба. Он представлял собой широкий, суживающийся к ногам погребенного пятиугольный деревянный ящик, укрепленный железными скрепами. Наибольшая ширина гроба 1,05 м, наименьшая — 0,95 м, длина 2,05 м. Передняя часть гроба выступает углом. В ногах погребенного стенка гроба слегка закругляется.

Раскопки некрополя Кошарского городища, расположенного на далекой западной периферии Ольвии, свидетельствуют о существовании этого поселения в III в. до н. э. и отчасти способствуют изучению обстановки, сложившейся в Северо-Западном Причерноморье незадолго до появления сарматов.

РАСКОПКИ СКИФСКИХ МОГИЛЬНИКОВ IV—III вв. до н. э.

А. И. Мелюкова

Западно-Скифская экспедиция Института археологии АН СССР продолжала исследования могильника IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка Овидиопольского р-на Одесской обл., принадлежавшего земледельческому скифскому населению, и начала раскопки курганов кочевых скифов близ этого же села.

В могильнике было открыто 27 новых грунтовых погребений. Количество всех известных здесь погребений равняется 70. Раскопки подтвердили предположение о групповом расположении могил и существовании свободных участков между группами погребений площадью часто более 100—150 кв. м. Количество погребений в группах колеблется от двух-трех до 20. Внутри групп погребения находились на близком расстоянии друг от друга, составляя неправильные ряды, или размещались по неправильному кругу. Группа из 18 погребений, расположенных по кругу в два или три ряда (в центре оставлена свободная площадь), были открыты на участке в 480 кв. м. В нее входили мужские, женские и детские погребения, так же как и в группы, открытые ранее. Все погребения, кроме трех, находившихся в подбойных могилах, были помещены в простых прямоугольных или овальных ямах, ориентированных с востока на запад или с небольшим отклонением этой оси. Две могилы отличаются от остальных большими размерами (4×1,2×2,3 и 2,8×1,1×2 м). Сверху они были отмечены закладом из огромных необработанных плит известняка. Одна из них, по-видимому, принадлежавшая мужчине — воину, была ограблена (открыта в 1965 г.). Во второй была погребена женщина. В этой могиле обнаружены золотые серьги и бронзовые украшения, амфора, чернолаковый канфар, чашка и бронзовый киаф. В ногах погребенной была положена передняя часть коровы с воткнутым в нее железным ножом с костяной ручкой.

Остальные могилы в этой группе имели меньшие размеры. Сверху некоторые из них также были отмечены каменными закладами, но менее массивными, чем два отмеченных выше. Часть могильных ям была ограблена в древности, но среди неограбленных преобладали бедные инвентарем и безынвентарные погребения (девять). Такими же бедными (два погребения) или безынвентарными (одно погребение) были и те,

которые находились в подбойных погребальных сооружениях. Это следует подчеркнуть потому, что в большинстве подбойных могил, открытых нами в 1965—1966 гг., были найдены сравнительно богатые погребения.

Все погребения совершены по обряду трупоположения. Покойников хоронили на спине в вытянутом положении, редко с согнутыми ногами и поставленными вверх коленями, головой на восток, северо- или юго-восток. Изредка встречается западная ориентировка. Лишь одно мужское погребение было открыто головой на запад. Оно несколько необычно и по составу инвентаря. Помимо колчана со скифскими стрелами, с этим покойником были положены еще железный двулезвийный топор и копье с железным наконечником, имевшим длинную втулку и короткое ромбическое перо. Оба предмета не имеют аналогий в скифском вооружении.

Среди бедных и безынвентарных встречаются одиночные, парные и коллективные (до 4-х) погребения.

Существование относительно богатых, бедных и безынвентарных погребений в могильнике позволяет предполагать значительную имущественную дифференциацию среди населения, оставившего памятник.

Нахождение в одной группе всех этих категорий погребений дает основание предполагать, что на одном и том же участке часто хоронили членов семьи или родственных семей, среди которых были более зажиточные и обедневшие родственники, а, может быть, и зависимые лица.

Курганы, которые, очевидно, принадлежали кочевому скифскому населению, расположены на открытом плато, к востоку от северной окраины с. Николаевка. Насыпи их сильно распаханы и едва заметны на современной поверхности.

Экспедицией было раскопано три таких кургана. В одном из них открыта хорошо сохранившаяся обширная катакомба, относящаяся, по классификации Б. Н. Гракова, ко второму типу скифских степных катакомб IV—III вв. до н. э. Входная яма размером 2,55×1,4×2,8 м была ориентирована с востока на запад. В западной стене ее находились ступени, в восточной — аркообразный вход в катакомбу высотой 1,3 м. Катакомба была сделана в плотном лёссе. В плане она грушевидная, ориентирована с востока на запад. Длина ее — 2,35 м, наибольшая ширина — 2,1 м, глубина — 3,3 м. Свод катакомбы дуговидный, высота — 1,65 м. Вход в катакомбу заложен камнями, которые во время ограбления попали в засыпь входной ямы. Грабители унесли все содержимое могилы, не осталось даже человеческих костей. Курган с погребальным сооружением может быть датирован серединой — второй половиной IV в. до н. э. по находке в насыпи четырех фрагментов ручек синопских амфор с клеймами.

В двух курганах открыты простые могильные ямы, близкие к раскопанным в грунтовом могильнике. Обе могилы ограблены, но в одной осталась часть железного чешуйчатого скифского панциря.

НОВЫЙ ГЕТО-ДАКИЙСКИЙ МОГИЛЬНИК В НИЖНЕМ ПОДУНАВЬЕ

Р. Д. Бондарь

В феврале 1968 г. в Одесский археологический музей поступило сообщение о том, что в с. Орловке во время работ на глиняном карьере найдены урны, содержащие пережженные кости.

В результате охранных раскопок обнаружен и частично исследован гето-дакийский некрополь. Он находится в 500 м западнее с. Орловка и занимает восточную часть плато между селом и Каменной горой (местное название пункта, где расположено городище VIII в. до н. э.—III в. н. э.).

В ходе работ вскрыта площадь около 1500 кв. м. Раскопки и случайные находки выявили 23 погребения.

Обрядом захоронения на исследованном участке могильника являлось исключительно трупосожжение, причем в двух вариантах: 1) погребения в урне (два захоронения), 2) погребения без урны (21 захоронение) — умершего после сожжения помещали в небольшую яму. И в том, и в другом случае умерших сжигали, вероятно, на погребальном кострище, сооруженном в каком-то другом месте.

Могильные ямы прослеживаются лишь в материке, на глубине 0,7—1 м от современной поверхности. Ямы, круглые в плане, изредка овальные, ко дну слегка расширяются. В некоторых случаях в стенах ям находятся неглубокие подбои, обычно содержащие погребальный инвентарь. Диаметр ям в среднем 1,2—1,4 м, глубина 0,3—0,6 м.

Погребения располагались без определенной системы; одно из них перекрыло и частично разрушило другое.

Заполнение насыщено золой, в нем встречаются: целые сосуды или чаще всего их фрагменты, металлические изделия, обожженные и закопченные камни, куски глины, угли, сильно пережженные кости (не во всех погребениях), кости животных без следов пребывания в огне (кости свиньи, крупного рогатого скота, птицы). Инвентарь погребений в большинстве случаев очень беден.

Резко выделяется среди них своим богатством лишь одно, содержавшее, кроме обычных находок — обломков лепной керамики, костей животных и человеческих кальцинированных костей — целую амфору и фрагменты по крайней мере еще четырех — IV—III вв. до н. э.

Керамика разделяется на две основные группы: лепная и гончарная посуда местного изготовления и привозная керамика, представленная в основном амфорной тарой эллинистических и римских центров производства, краснолаковой керамикой.

На раскопанном участке могильника встречены только захоронения в ямах без урны. Обе урны (одна из них — большой лепной двуусечен-

ноконический сосуд, характерный для конца эпохи раннего железа, вторая — красноглиняный горшок с двумя ручками, покрытый красно-лаковой миской II—III вв. н. э.) происходят из разрушенной части могильника.

Находка скопления обломков керамики вне погребений, на уровне древней поверхности, свидетельствует, возможно, о происходившей здесь тризне.

Судя по погребальному обряду и инвентарю захоронений, могильник существовал длительный период, почти совпадающий со временем обитания Каменной горы, и принадлежал местному гето-дакийскому населению.

Его дальнейшее исследование внесет значительный вклад в изучение локального варианта этой культуры.

РАСКОПКИ ЗАПАДНОГО РАЙОНА ОЛЬВИИ

Ю. И. Козуб

В этом сезоне продолжалось исследование территории к западу от Заячьей балки, где в предыдущие годы были обнаружены комплексы жилого квартала конца VI—V в. до н. э. и участок некрополя I—II вв. н. э.

Особенно много нового дали раскопки объектов, относящихся к древнейшей странице истории этого района.

Вновь открыты четыре землянки и несколько хозяйственных сооружений. Все землянки прямоугольные, одокамерные, опущенные в материк на 1—1,5 м. Наилучшей сохранности была землянка 6 (размеры 2,5×2 м).

В южной стене жилища сохранился дверной проем высотой 0,8 м, значительно расширявшийся кверху. У входа в землянку, видимо, была небольшая «прихожая», от которой сохранилась лишь овальная яма (1,9×1,7 м), врезанная в материк на 0,6 м. Напротив двери, у северной стены, находилась сводчатая печь со следами сильной обожженности. Сохранившаяся высота свода — 0,3 м, диаметр пода — 0,7 м. Перед печью устроена земляная приступка во всю длину стены. Вдоль восточной стенки расположена материковая лежанка. Ее длина — 1,85 м, ширина — 0,5 м. Юго-восточный угол землянки занимала четырехугольная глинобитная площадка, поверхность которой была покрыта тонким слоем извести. Ее размеры — 0,8×0,77 м, высота от пола — 0,4 м. Глиняные площадки внутри помещений встречались в этом районе и раньше. Это сходные между собой площадки святилища конца VI — первой половины V в. до н. э. (раскопки 1964 г.) и землянки 5 (1967 г.). По-видимому, они имели культовое назначение.

Рядом с землянкой открыто помещение для хранения продуктов. Это четырехугольное сооружение (1,8×1,6 м), опущенное в материк на 0,44 м. Во всю длину восточной стены вырезаны ступени входа. Здесь in situ лежало не менее 14 амфор различных центров: хиосские пухлогорлые конца VI—V в. до н. э., лесбосская со стаканообразным днищем V в. до н. э. Среди амфор стоял сероглиняный кувшин с высокой ручкой. Хранилище такого рода открыто здесь впервые.

Кроме того, были открыты три хозяйственные ямы грушевидной формы. Яма 1 (диаметры — 1,7 и 2,3 м, глубина — 1,22 м) оказалась забитой мелким углем и раковинами мидий. Здесь найдены фрагменты амфор, внутри которых и вокруг них лежало много рыбьих костей и чешуи. Яма 3 (диаметр — 1,35 м, глубина — 1 м), по-видимому, использовалась для хранения зерна.

Возле землянок 7 и 9 на древнем уровне дневной поверхности были обнаружены остатки печей. Наблюдения этого года позволяют высказать предположение, что неоднократно встречавшиеся печи на этом горизонте относятся к жилищам классической эпохи и использовались для приготовления пищи в теплое время года.

Погребальные комплексы I—II вв. н. э. представлены захоронениями в простых грунтовых могилах и земляных склепах. Было закончено исследование земляного склепа 8, раскопки которого были начаты в 1967 г. Тогда была открыта круглая камера с парным захоронением конца I—II в. н. э. В этом сезоне был раскопан ступенчатый дромос (длина — 5,63 м, ширина — 1,2 м), в западной стене которого находилась сводчатая ниша — подбой с захоронением женщины и маленького ребенка у ее ног. Сохранились остатки деревянного гроба, окрашенного снаружи в малиновый, а внутри в белый цвет, а также стеклянный бальзамарий, кувшин серой глины, мисочка, бронзовое зеркальце, кусочки розовой краски.

Особый интерес представляет первая в Ольвии находка детского амфорного захоронения I в. н. э., произведенного несколько иным способом, чем в раннее время: костяк ребенка, головой к северу, лежал под двумя половинками перепиленной пополам амфоры. Погребение безынвентарное, в овальной яме с плоским дном. Датируется на основании формы амфоры.

Наряду с обрядом трупоположения представлена и кремация — погребение 5, находившееся в круглой яме (диаметр — 0,8 м). Кальцинированные кости находились в специальной урне горшковидной формы, перевернутой вверх дном. Рядом стояли сероглиняный лощеный кувшин, тонкостенный кубок и миска из красной глины, в которой находились бронзовая пряжка и лезвие железного ножа.

Полученные результаты дают возможность уточнить даты существования разнохарактерных комплексов этой территории, дополняют представления о планировке и плотности заселения жилого района, об особенностях погребального обряда поздней Ольвии.

РАСКОПКИ В ХЕРСОНЕСЕ

Г. Д. Белов

Экспедиция Государственного Эрмитажа продолжала раскопки в северном районе Херсонеса. Дополнительные работы на участке 1967 г. дали большое количество материалов, относящихся к стеклоделию: глыбы стекломассы, нити, капли, осколки тонкостенной посуды и плоского листового стекла. На внутренних стенках печи оказался толстый слой наплыва и накипи стекла.

На другом участке, в соседнем квартале, продолжены раскопки на Продольной улице. На углу ее и Поперечной улицы открыт небольшой храм с могилами: одна внутри храма, другая — с северной его стороны. Обе были заполнены массой костей, лежавших в беспорядке, черепа находились в разных местах могилы в случайном положении, нижние челюсти отсутствовали или оказывались брошенными отдельно от черепов. В могилах обнаружены в небольшом количестве длинные кости ног и рук, мелкие же части скелетов не найдены. В одной могиле оказалось около 30 черепов, в другой — 43 целых, кроме того, множество в обломках, среди них детские черепа.

При расчистке наружной могилы на глубину до 1,0 м были найдены: стеклянный браслет, медный перстень с монограммой на щитке, медное кольцо, сердоликовая вставка. Характер захоронений и малое число предметов подтверждают прежние наблюдения, сделанные при раскопках подобных храмов-усыпальниц: в них переносили кости после того как трупы истлевали на кладбище, этим объясняются беспорядочное положение останков и отсутствие массы мелких костей.

При раскопках внутри храма найдены: серебряный крест из тонкой пластинки, украшенный рельефными кружочками, глиняный кувшин с носиком и с узором в виде валиков с ямками на них и гравированной волной, амфора в обломках со сферическим корпусом, с желобками, на ручках граффити. На полу храма лежал слой сажи, а кости верхнего слоя в могиле перегорели и рассыпались на мелкие куски — храм погиб от пожара.

В апсиде храма в качестве престола стоял фрагмент мраморной колонны, а среди плит, перекрывавших наружную могилу, оказалась большая мраморная плита с овами по краю. Часть колонны и плиты взята, несомненно, из соседней погибшей базилики (раскопанной в 1932 г.). Конструктивной особенностью храма является поперечная стена, разделяющая апсиду от основной его части. Дверной проем в северной стене заложен камнями: по-видимому, вследствие повышения уровня подошвы переулка и в результате перестройки дверной проем был устроен выше, но не сохранился.

Внутри храма и на Продольной улице лежала масса кровельных черепиц, некоторые из них удалось собрать полностью. На черепицах

имеются метки мастеров в виде букв, знаков и изображений птиц и животных, среди клейм встретились и новые, неизвестные до сих пор.

Храм был сооружен не ранее XII в. и погиб одновременно с разрушением города в конце XIV в.

Одновременно начаты раскопки соседнего участка с большим зданием, частично открытым раскопками 1907 и 1926 гг. Произведена расчистка здания от дерна и современных наслоений, включавших и погребения карантинного кладбища (конец XVIII — начало XIX в.).

В слое, перекрывающем пол здания, найдена византийская золотая монета — солид императора Тиберия II Константина (578—582 гг.).

КЛАД ХЕРСОНЕССКИХ МОНЕТ IV—II вв. до н. э.

А. М. Гилевич

В марте 1968 г. во время постройки гаражей в районе Камышовой бухты в г. Севастополе был найден раздавленный сосуд с бронзовыми и серебряными херсонесскими монетами. Монеты были переданы в Херсонесский музей, а обломки сосуда пропали. Место находки было обследовано автором и А. Н. Щегловым, произведшими здесь зачистки и обмеры.

Установлено, что клад был зарыт на участке клера 28 (по нумерации С. Ф. Стржелецкого), на стыке древнего виноградного и садового плантажей, в углу между двумя оградами, разделявшими участки надела.

Сосуд с монетами лежал на скале. Кроме собранных находчиком монет, при зачистке участка были найдены три серебряных и 12 бронзовых монет. Всего же из клада в музей поступило 128 монет, в том числе шесть серебряных и 122 бронзовых. Около 10 бронзовых монет разошлось по рукам и собрать их не удалось.

Серебряные монеты клада представлены драхмами и дидрахмами одного типа — с головой Геракла на лицевой стороне, и дают новые варианты штемпелей лицевой и оборотной сторон. Бронзовые монеты нескольких типов: грифон — Дева, Дева — грифон, Дева, поражающая лань, бодающий бык. Несмотря на значительную потертость бронзовых монет, тщательное изучение их, возможно, позволит определить последовательность штемпелей для старших номиналов.

Хронологические рамки клада — последняя четверть IV — начало II в. до н. э.

Камышовский клад 1968 г. — третий клад подобного рода, найденный на Гераклейском полуострове, на территории земельных наделов ближайшей городской сельской округи Херсонеса. Вместе с тем состав его несколько отличен от двух найденных ранее, что при дальнейшем исследовании позволит уточнить хронологию отдельных выпусков херсонес-

ских монет IV—II вв. до н. э. В этом заключается его особенное значение для нумизматики Херсонеса. Это пока первый и единственный клад, место находки которого точно зафиксировано, и который связывается с определенным хозяйственным комплексом — клером. Интересно, что на клере, где была сделана находка, следов античной сельской усадьбы не обнаружено.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОРТОВОЙ ЧАСТИ ХЕРСОНЕСА

В. И. Кадеев

Исследования были продолжением раскопок, которые ведет в портовой части Херсонеса экспедиция Харьковского государственного университета в составе объединенной экспедиции Харьковского и Уральского университетов и Херсонесского музея с 1964 года.

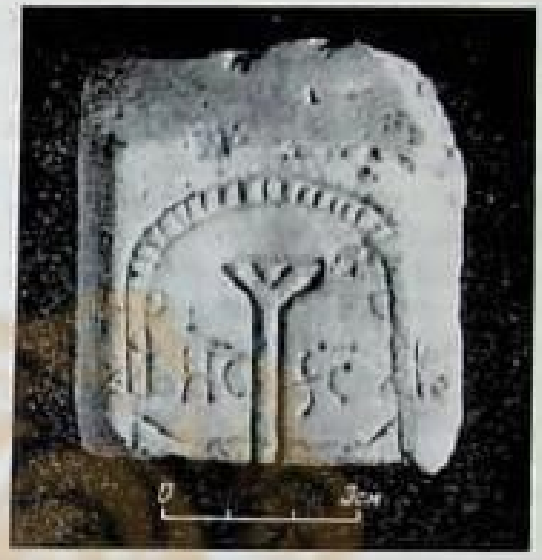
Основное внимание было сосредоточено на так называемой «площади» в центре квартала с ямами, заполненными строительным мусором и пищевыми отбросами, и на участках к югу и западу от «площади». Раскапывался слой второй половины IX—X в. н. э.

Раскопки одной из наиболее крупных ям в центре «площади» выявили крупное помещение (5,7×4,6 м), сложенное из подтесанных каменных блоков, от стен которого сохранились четыре — пять рядов кладки. Вдоль юго-западной стены помещения в большом количестве встречались следы горения. Примерно в центре этого крупного помещения обнаружены остатки небольшого почти квадратного в плане (1,8×1,95 м) каменного сооружения с обломками круглых колонн в западном и северном углах. Внутри сооружение почти полностью было заполнено горелой землей со значительным количеством железных шлаков. Следов воздействия огня на стенах сооружения не оказалось. С западной стороны между кусками колонн обнаружено углубление, в заполнении которого выявлены чередующиеся слои древесного угля и железных шлаков. Сооружение безусловно имело какое-то отношение к производству железа. Однако для окончательного установления характера выявленного комплекса потребуются дополнительные исследования.

К юго-западу от описанного помещения, почти у самой его стены, обнаружен каменный водосток. Длина сохранившейся части водостока достигает 6 м. Дно водостока каменное, а местами выложено черепицей. У западного угла помещения к водостоку под прямым углом подходит канал другого водостока. Последний сохранился на протяжении около 2 м. Остальная его часть погибла при сооружении жилой усадьбы (усадьба 4), возникшей здесь примерно в XII в.

Раскопки на месте одного из помещений этой усадьбы (помещения 44) выявили западный угол большой прямоугольной рыбозасолоч-

ной цистерны с цементированным дном и стенами. В цистерне в большом количестве встречались обломки амфор IX—X вв., кувшинов с плоскими ручками (пять кувшинов найдены целыми), черепицы. В засыпи цистерны прослежены прослойки известняковой крошки и перегнившей рыбы (хамсы). Найдено несколько десятков херсоно-византийских монет: Василия I, Льва VI, Романа I, Константина VII, Романа II. Все эти находки позволяют датировать засыпь цистерны последней третью IX—X в., а цистерну отнести к числу сравнительно немногих средневековых сооружений этого рода в Херсонесе.



Херсонес. Обломок мраморной плиты

Раскопки на месте другой жилой усадьбы (усадьба 5) к северо-западу от «площади» позволили открыть еще один каменный водосток, который сохранился очень плохо. В качестве плиты перекрытия этого водостока, вероятно, относящегося к X в., был использован фрагмент мраморной стелы с остатками очень интересного херсонесского декрета античного времени. Фрагмент имеет следующие размеры: высота — 0,32 м, ширина — 0,28 м, толщина — 0,09 м. Это левый нижний угол стелы с остатками рельефного обрамления, на котором сохранилось 11 строк надписи и две буквы от 12-й строки. За редким исключением буквы хорошей сохранности, их высота колеблется в разных строках от 1,7 до 1,9 см. Судя по начертанию букв, декрет можно датировать II в. н. э.

Из других находок следует отметить половинку мраморной плитки со скошенным верхним краем (0,065×0,055×0,02 м) и изображением мальтийского креста с греческой надписью НС ХС (Иисус Христос) в орнаментальном обрамлении; небольшой бронзовый замочек, вероятно, от шкатулки, в виде конька; обломок железной драги для добычи устриц.

РАСКОПКИ РИМСКОЙ ЦИТАДЕЛИ В ХЕРСОНЕСЕ

В. В. Борисова

Продолжались работы в юго-восточном районе Херсонеса, получившем название цитадели в связи с тем, что здесь в первые века нашей эры был размещен римский гарнизон, состоящий из сухопутных и морских сил.

Экспедиция Херсонесского музея при участии студентов-историков Ленинградского государственного университета закончила исследование большого археологического комплекса, главное место в котором занимает здание, служившее, видимо, казармой для римских солдат. Здание в плане имело форму вытянутого прямоугольника. Открыто семь помещений и коридор. Вход в него шел со стороны одной из улиц и со стороны двора. Установлено, что здание функционировало со II по IV в. н. э. и имело два строительных периода. Построенное во II в. н. э., оно фундаментально перестраивалось в III в. н. э., при этом в течение всего периода неоднократно ремонтировалось. Здание сооружено из бутового камня с включением архитектурных деталей от более ранних построек. На внутренних стенах отдельных помещений сохранилась штукатурка и следы многочисленных побелок. Полы были земляные, хорошо утрамбованные. Фундаменты здания первого строительного периода в настоящее время перекрыты грунтовыми водами. Смежные помещения внутри здания соединялись между собой дверями. Крыши римских казарм покрывались черепицей. Черепица изготовлялась в мастерских, принадлежащих римским легионам, о чем свидетельствуют клейма на ней. Основную массу черепиц с клеймами римских легионов находят здесь, на территории цитадели. Вероятно, черепица, изготовленная в мастерских легионов, шла не на продажу, а на удовлетворение собственных нужд.

Здание было разрушено в IV в., видимо, после ухода римских войск с территории Херсонеса. На его развалинах возникла печь для выжигания извести, необходимой для ремонтно-строительных работ, проводимых главным образом на городских оборонительных сооружениях.

Зданию предшествовала небольшая печь для обжига терракот. При расчистке печи найдены глиняные формы для изготовления терракот и целая терракота. Здесь изготовлялись культовые терракоты. Другая печь служила также для обжига культовых терракот. Она возникла неподалеку, вскоре после разрушения здания, и была выше предшествующей на 1,35—1,40 м.

Произведена расчистка канала большого водостока, протяженностью в 33 м, начинавшегося у оборонительной башни XVI и идущего вдоль продольной и поперечной улиц. Канал был заполнен плотной илистой землей с малым включением керамики. Борта его выложены из плоских камней высотой 0,35—0,40 м у истока и до 1 м — у порога калитки, в

18 куртине при выходе с территории цитадели. Сверху водосток был перекрыт плоскими камнями, среди которых попадались плиты правильной формы.

В засыпи здания, на улице и в канале водостока собрано большое количество керамики, обычной для позднеантичного времени. Найдены также металлические, стеклянные и костяные изделия. Большая часть монет относится ко II—IV вв. н. э.

ПОИСКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ СЕВАСТОПОЛЯ

О. Я. Савеля

Херсонесский историко-археологический музей продолжал разведки на Мекензиевых горах и в районе Килен-балки.

На Мекензиевых горах обнаружено семь скоплений керамики первых веков н. э.: севернее г. Ташлык на бывшем чаире Абду-Вели-Мурадшаха; северо-западнее г. Ташлык на трассе газопровода; в урочище Шуланда; в верховьях Первомайской (Гайтанской) и Мартыновской балок и два скопления — по дороге Терек-кол от урочища Шуланда к бывшему Екатерининскому шоссе. Обломки позднеантичной керамики найдены также близ пещеры Кара-коба, в Кара-кобинской долине.

Результаты разведок 1968 г. подтверждают вывод о густой заселенности Мекензиевых гор по крайней мере в позднеантичное время. Намечаются определенные закономерности в топографии подъемного материала, что, возможно, позволит в дальнейшем заранее определять наиболее вероятное местонахождение поселений в данном районе. Вместе с тем очевидно, что только более совершенные методы разведок в горно-лесистой местности могут дать более конкретные результаты.

На восточном склоне Килен-балки, близ слияния ее с Микрюковой балкой, проводились разведки могильника. Доследован склеп, обнаруженный севастопольскими школьниками в августе 1968 г. Погребальная камера склепа неправильной четырехугольной формы вырублена в известняке, вход заложен известняковой плитой. Дромос выкопан в натечном грунте и лишь слегка впущен в материковую скалу.

По сообщениям школьников, в погребальной камере находился один плохо сохранившийся костяк, ориентированный головой на северо-запад. Слева у костяка лежал длинный железный меч. У ног, справа от погребенного, находились красноглиняный и несколько краснолаковых кувшинов, блюда, тарелки, чашки и несколько стеклянных кубков. Большая часть вещей поступила в Херсонесский музей.

При доследовании склепа в погребальной камере найдены: обломок меча, железные гвозди со следами дерева от гроба, кожи, несколько бусин, медные перстень, кольцо и три монеты времени Константина Вели-

кого (307—335 гг.). Две из них чеканены 5-ой и 6-ой мастерскими константинопольского монетного двора.

В засыпи дромоса обнаружены следы тризны: обломки двух красноглиняных амфор и краснолакового блюда, а также два разбитых краснолаковых кувшина, тарелка и фрагменты стеклянных кубков. Один краснолаковый кувшин был положен под закладную плиту. Подавляющая часть керамики — херсонесского производства.

Кроме вышеуказанного склепа, обследовано 10 аналогичных по конструкции и размерам склепов, разграбленных в новое время. Общая протяженность могильника по склону Килен-балки свыше 1 км.

Таким образом, на Гераклейском полуострове открыт уже второй крупный позднеантичный могильник, представляющий несомненный интерес для изучения Херсонеса и его округи этого времени. Некоторые данные позволяют думать, что могильник существовал и в раннесредневековое время.

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ И ЗАЧИСТКИ НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

А. Н. Щеглов

Херсонесский музей проводил охранные раскопки и зачистки в зонах строительства, осуществлявшегося в окрестностях Севастополя.

На городище «старого» Херсонеса, местоположение которого на перешейке Маячного полуострова установлено благодаря описанию Страбона (VII, 4,2), траншеей для фундамента ограды было перерезано помещение дома III — II вв. до н. э. Зачистками установлено, что здание погибло во время пожара, который, судя по комплексу керамических материалов, произошел в конце II или на рубеже II — I вв. до н. э. Таким образом, получено еще одно доказательство, подтверждающее достоверность сообщения Страбона о том, что к его времени «старый» Херсонес лежал в развалинах. Гибель его, очевидно, можно связывать с наиболее напряженным периодом скифо-херсонесских войн.

Среди находок помещения: синопская черепица, обломки синопского пифоса, амфоры — в основном синопского, херсонесского и родосского производства, двуручная плоская фляга, обломки кувшинов и другой посуды. Особого внимания заслуживает сильно поврежденный — обгоревший и расколотый — вотивный рельеф из известняка с изображением стоящего Диониса. Несмотря на плохую сохранность памятника, в композиции и пропорциях фигуры, в моделировке кое-где уцелевших складок одежды чувствуется рука умелого местного мастера. Рельеф представляет собой хороший оригинал III — II вв. до н. э., воспроизводящий распространенный в эллинистической пластике тип стоящего

Диониса. На территории страбоновского «старого» Херсонеса это вторая находка эллинистического рельефа. Оба памятника связаны с культами Геракла и Диониса, особенно почитавшимися на территории Херсонесского государства.

При оборудовании городского пляжа на южном берегу Круглой бухты был обнаружен склеп, который доследован сотрудниками музея. Склеп, ориентированный входом на восток, впущен в суглинистый материк и целиком сложен из рваного камня на прочном известковом растворе. Погребальная камера в плане прямоугольная, с тремя лежанками по сторонам, перекрыта цилиндрическим сводом и оштукатурена. В склепе находилось 37 костяков, в том числе пять детских. Среди 13 сохранившихся черепов — пять с искусственной деформацией. Характерной особенностью погребального обряда является полное отсутствие инвентаря, западная и южная (на поперечной лежанке) ориентация погребенных, обычай подкладывать под голову плоские камни или куски черепицы. Погребальный обряд, находки внутри склепа обломков черепицы и крупного фрагмента плоскодонного кувшинчика в дромосе позволяют отнести склеп к раннему средневековью.

Склеп находился на пригородной сельскохозяйственной территории раннесредневекового Херсонеса; он, по-видимому, принадлежал фамилии владельца одной из загородных усадеб. Это первый памятник подобного рода, открытый на Гераклейском полуострове. Не исключено, что в нем хоронили лиц, постоянно живших в усадьбе и обслуживавших ее и земельный участок.

Исследования в районе обнаружения склепа позволили провести ряд наблюдений иного плана. Комплекс археологических и гидрологических факторов позволяет аргументировать предположение, что в античную эпоху уровень моря у берегов Гераклейского полуострова был, по крайней мере, на 3—4 м ниже современного и Круглой бухты практически не существовало. Образовалась она в результате современной трансгрессии, ускорившейся, по-видимому, не раньше IX — X вв. Этим еще раз подтверждается достоверность географического описания побережья у Страбона, в котором он сообщает только о трех бухтах, лежащих между Херсонесом и мысом Парфений.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЫМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

И. В. Яценко

Крымская экспедиция Московского государственного университета продолжала изучение скифского периода на городище Чайка, расположенном на окраине Евпатории. Кроме того, экспедиция начала исследование курганного могильника, находившегося на расстоянии около одного километра к северо-западу от городища, вела небольшие раз-

ведки в окрестностях изучаемых памятников и по берегам Сасыкского озера.

На памятнике Чайка работы были сосредоточены в южном квартале скифского поселения и предполагаемом его акрополе. Раскопки южного квартала дали новую серию наземных и полуподвальных помещений II в. до н. э. — I в. н. э., связанных с различными строительными периодами, установленными для Чайки в предшествующие полевые сезоны. Раскопки строительных остатков южного квартала показали, что он имел более сложную планировку, чем исследованный ранее восточный квартал. Южный квартал занимал значительно большую площадь и фактически состоял из двух кварталов или жилых массивов, отделенных друг от друга не улицей, а монументальной стеной. Таким образом, к югу от предполагаемого акрополя располагались два квартала — сначала находился квартал Юг—1; к ограничивавшей его с юга стене примыкал следующий массив жилых комплексов, или квартал Юг — 2. Жилые комплексы квартала Юг—1, как и восточного, были объединены двумя длинными стенами. Северная стена квартала Юг—1 отделяла его от южной улицы поселения, южная стена — от следующего квартала. (Возможно, что первоначально последняя стена являлась границей поселения.) В целом, по размерам и планировке жилищно-хозяйственных комплексов, квартал Юг—1 близок к восточному. От последнего отличается он худшей сохранностью строительных остатков и наметившимся нарушением планировки в открытой его западной части. Эта часть попадает в центр поселения, и нарушение обычной планировки квартала может быть связано с устройством здесь каких-либо сооружений общественного характера. Пока еще нельзя говорить о планировке квартала Юг—2 из-за плохой сохранности его строений. Трудность исследования квартала Юг—2 усугубляется тем, что на его территории существовало поселение IX — X вв. н. э., жители которого частично разрушали, частично перестраивали на свой лад строения этого квартала.

Изучение небольшой укрепленной центральной части поселения — предполагаемого акрополя может быть завершено в будущем полевом сезоне. Пока же можно сказать, что отдельные части этого комплекса в различные периоды имели разное назначение. Восточную часть его составляло большое, разделенное на множество очень небольших помещений, строение, бытовавшее в I—II строительные периоды и представляющее собой, по-видимому, какое-то хранилище. В третий строительный период территория предполагаемого акрополя была занята построенными здесь жилыми помещениями. Одна из раскопанных в этом году комнат рассматриваемого комплекса имела глиняную печь, расположенную у ее восточной, к сожалению, выбранной стены. На полу помещения в горелом слое, образовавшемся в результате действия сильного пожара, обнаружено большое количество фрагментов гончарных и лепных глиняных сосудов. Целый ряд экземпляров собирается почти целиком. Среди находок присутствуют остродонные амфоры с дву-

Городище Чайка. Краснолаковый кубок

ствольными ручками, плоскодонные амфоры, миски, горшки и т. д. Самая же интересная вещь в этом комплексе — краснолаковый кубок с рельефным растительным орнаментом, датирующийся I в. до н. э. — I в. н. э. В целом находки на памятнике обычны.

Следует отметить, что средневековая керамика встречается в значительном количестве в южной части поселения, где определенно прослеживается средневековый слой. Довольно часто обнаруживается она и в северной части его, в слоях, перекрывающих предполагаемый акрополь. Среди рядового вещественного материала попадаются и отдельные любопытные находки — фрагменты керамики с многострочными граффити, красноглиняные ручки с оттисками, напоминающими отпечатки гемм, обломок амфорной ручки с латинским клеймом и т. д.

Наиболее важным результатом разведок явилось открытие античного поселения, или вернее усадьбы, относящейся, судя по подъемному материалу, к IV — III вв. до н. э., на северо-восточном берегу Сасык-

ского озера. Остатки поселения обнаружены в шести километрах к юго-западу от деревни Гаршино (бывшей Кучук-Актачи). В настоящее время это самое восточное среди известных херсонесских поселений в Северо-Западном Крыму и самое удаленное от морского побережья.

РАСКОПКИ КУРГАНОВ БЛИЗ ГОРОДИЩА ЧАЙКА

А. А. Коновалов

Наряду с исследованиями на городище Чайка близ Евпатории Крымская экспедиция Московского государственного университета произвела раскопки курганов у д. Заозерное, находящейся в 1,5 км от городища. Могильник насчитывает 42 насыпи, представляющие две компактные группы, отстоящие друг от друга на 70 м. В первой группе (западной) —35 курганов, во второй (восточной) — семь. В целях выяснения времени существования могильника в различных его частях было раскопано пять курганов: четыре (2, 3, 4, 5) — в первой группе; один (6) — во второй. Все раскопанные курганы, за исключением 4, были ограблены в древности.

Покойники в основном были погребены в могильных ямах, углубленных в скальную породу или в предскальную крошку. Скелеты лежали иногда на спине (два случая) головой на север с небольшим отклонением на восток (курган 3, погребение 1) и на северо-восток (курган 4, погребение 1), иногда на боку с подогнутыми ногами (два случая), головой на северо-восток (курган 4, погребение 2) и на юго-восток (курган 3, погребение 2); в одном погребении покойник лежал в скорченном положении головой на запад (курган 3, погребение 3). Найденные многочисленные фрагменты керамической посуды и целые экземпляры (три амфоры и один килик) дают нам возможность датировать курганную группу IV — III вв. до н. э.

Наибольший интерес представляет курган 3. Диаметр кургана — 13,6 м, высота —0,48 м. Под слоем дерна у края насыпи по всему кургану было обнаружено кольцо (ширина 2—2,5 м), сложенное из камней, средний размер которых 20—30 см. В центре кургана находилась могильная яма (глубина 20—25 см). Погребение ограблено, лишь в южной части могилы сохранились две берцовые кости ног, а также гераклейская амфора с клеймом и чернолаковый килик, поставленные в ноги покойника. К северу от центрального погребения под слоем камней была обнаружена вторая гераклейская амфора с клеймом, к западу от которой на расстоянии 1 м находился жертвенник (?), сложенный из четырех плоских камней (внеш. 60×50 см, внутр. 45×20 см) с круглым отверстием в центре южного камня. К востоку от амфоры на расстоянии 0,85 м при разборке каменного кольца была обнаружена еще одна мо-

тильная яма (погребение 2). Скелет лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на северо-восток. Никаких вещей при нем не обнаружено. К югу от центрального погребения на предскальной крошке был обнаружен скорченный костяк, лежащий на правом боку головой на запад. При нем обнаружено точило и железный предмет.

По-видимому, после того, как над центральным погребением был насыпан курган, у края насыпи были совершены еще два погребения и поставлен жертвенник, после чего сооружено каменное кольцо, которое перекрыло эти могилы и жертвенник. Интересно отметить, что местонахождение центральной могилы на поверхности курганной насыпи было отмечено выкладкой камней. Спустя некоторое время в восточной поле кургана внутри кольца был сооружен каменный ящик, в котором было произведено погребение, позднее полностью ограбленное. По форме каменного ящика мы можем предположить, что покойник был ориентирован так же, как и в центральном погребении.

На основании находок гераклейских амфор с клеймами и чернолакового килика можно датировать время сооружения этого кургана второй половиной IV в. до н. э.

За каменным кольцом восточной полы кургана была обнаружена небольшая «каменоломня» (около 44 кв. м) со следами от выборки камней. В ней найдены амфора и большое количество фрагментов керамики, которые дают возможность отнести эту «каменоломню» ко времени сооружения кургана. Возможно, что добытый в этой «каменоломне» камень пошел на сооружение кольца вокруг кургана.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В пос. МЕЖВОДНОЕ

Т. Н. Высотская

Отряд Института археологии АН УССР провел разведочные раскопки в поселке Межводное Черноморского района, на месте находки в 1967 г. рельефа с изображением отдыхающего Геракла.

Частично раскрыт жилой дом с великолепно сохранившимися на высоту 1,40 м основаниями стен толщиной 0,7—0,8 м (внешних) и 0,5 (внутренних). Дом ориентирован с северо-запада на юго-восток. К одному из его прямоугольных помещений размером 5,80×6,20 м примыкал, по-видимому, крытый, мощенный плитами дворик размером 6,20×3,60 м. В центре его находился очаг.

Судя по многочисленным обломкам черепицы, в том числе с херсонесскими и синопскими клеймами, кровля дома была черепичной. Пол глинобитный. На нем обнаружено большое количество посуды: обломки красноглиняных херсонесских амфор с именами астиномов на клеймах, фрагменты чернолаковой посуды: миски, канфары, блюда, несколько

обломков расписных херсонесских кувшинов, фляг, бронзовая херсонесская монета IV — III вв. до н. э., обломки пифоса со знаками на венчике.

На полу помещения обнаружена терракотовая голова Диониса (фрагмент фигуры, высота —7 см), известняковая мужская фигурка (высота —15 см) и миниатюрная известняковая герма с примитивным изображением человеческого лица (высота —7 см). Вероятно, все эти

Межводное. Терракотовая голова Диониса

изображения входили в аксессуар внутреннего убранства дома. В эллинистическое время в связи с развитием виноградарства и виноделия в Северном Причерноморье культ Диониса имел широкое распространение. Проникает он и на северо-западное побережье Крыма, где в IV — III вв. до н. э. возникают греческие усадьбы — хора Херсонеса. Одна из таких усадеб была на месте современного поселка Межводное. Судя по найденному материалу — клеймам на амфорах и черепице, херсонесской монете — усадьба существовала в IV—II вв. до н. э. Следы пожара в верхнем слое свидетельствуют о внезапной гибели усадьбы во II в. до н. э. Возможно, последнее было связано с захватом греческих поселений северо-западного берега скифами. После этого жизнь здесь не возрождается.

Новое древнегреческое поселение на северо-западном берегу Крыма дополняет сведения о хоре Херсонеса и о взаимоотношениях греческого населения северо-западного побережья Крыма со скифами.

Дальнейшие раскопки в пос. Межводное, несомненно, дадут много ценного материала для истории северной окраины хоры Херсонеса.

ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

О. Д. Дашевская

Работы Донузлавской экспедиции Института археологии АН СССР и Евпаторийского музея были сосредоточены на городищах Южно-Донузлавском и Беляус и в Беляусском могильнике.

На Южно-Донузлавском городище значительно доследован и расширен основной, северо-восточный раскоп, в сложной стратиграфии которого прослеживаются греческие и скифские напластования. Здесь раскопано северное помещение большого греческого здания III в. до н. э., частично перекрытое строением II в. до н. э. Обнаружены остатки еще трех разновременных зданий II в. до н. э. — I в. н. э., а также девять хозяйственных ям. Одна из них была засыпана кухонными отбросами — печиной, рыбьими костями, битой посудой. Из обломков полностью восстановлены синопская амфора, краснолаковые чаши, лепной горшок, большая миска с ручками-упорами и пр. В кладке стены подвала I в. н. э. выявлен один вторично использованный квадр с пазом для дверного засова.

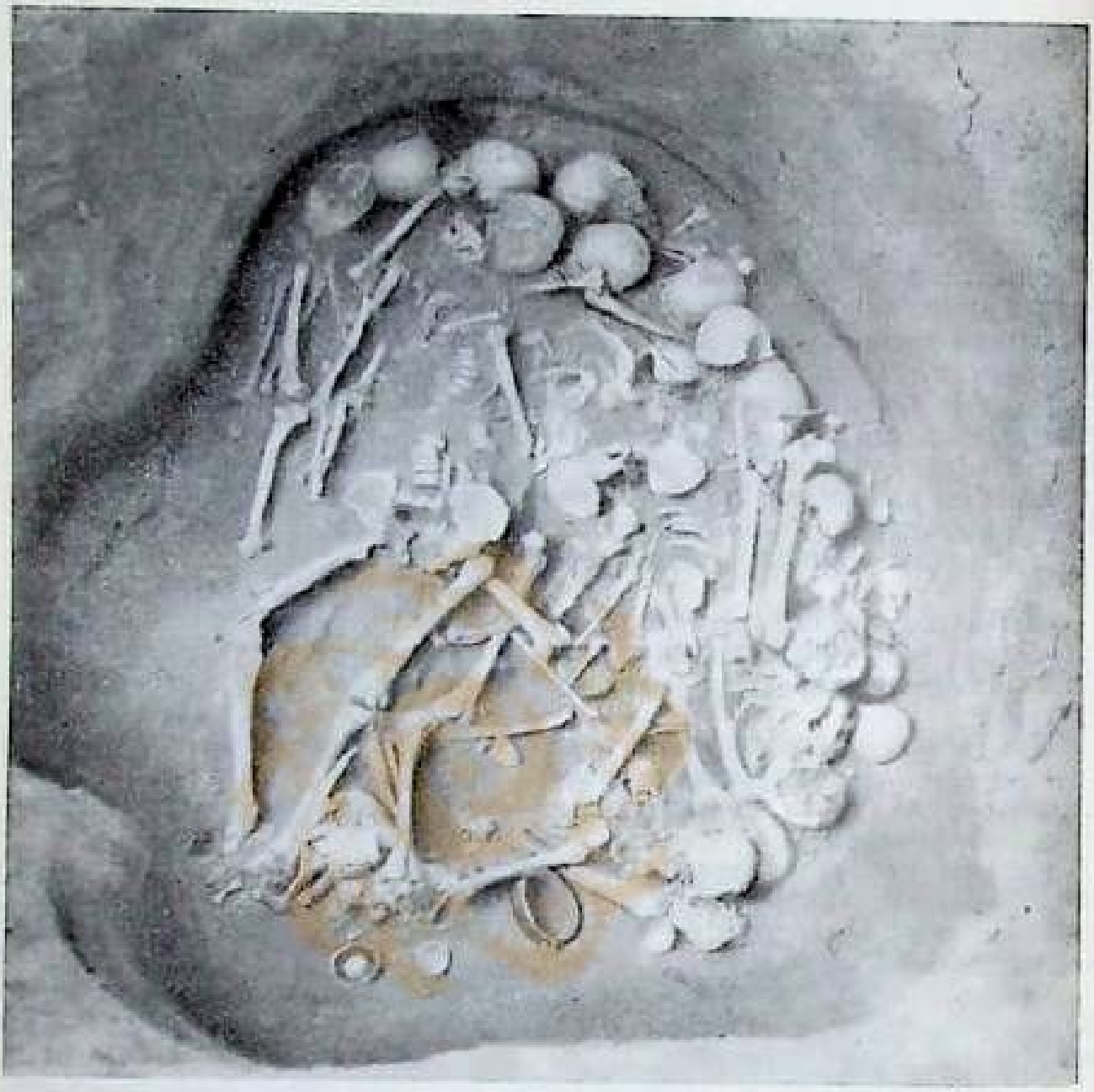
Почти полное тождество его с квадром в беляусской башне подтверждает наше предположение о том, что Южно-Донузлавское городище с самого начала было укреплено основавшими его херсонесскими греками.

Продолжалось исследование скифских оборонительных сооружений II в. до н. э., отличающихся хорошей сохранностью. Каменная облицовка вала и рва, как и на ранее раскрытом отрезке, сохранилась в высоту до четырех метров.

На юго-восточном раскопе, находящемся вне скифских укреплений, доследовались два здания рубежа нашей эры. Рядом с ними обнаружено еще одно здание того же времени. Поблизости оказалось захоронение младенца в амфоре.

Небольшие по объему работы, проведенные в поисках южной линии обороны городища на третьем, южном раскопе, показали насыщенность его строительными остатками.

На городище Беляус продолжались раскопки около башни — к востоку и западу от нее. На восточном участке доследовалось большое здание II в. до н. э. В одном из его помещений найдены четыре сосуда. Здесь же раскопаны две хозяйственные ямы I в. н. э. На западном участке раскапывалась греческая оборонительная стена II периода. Раскрыты четыре пристроенные к ней небольшие хозяйственные помещения. В одном из них стоял пифос, в другом — ступа. Выявляемая планировка городища все более убеждает в том, что перед нами — укрепленная усадьба типа херсонесских усадеб Гераклейского полуострова. Следует отметить находку на Беляусе известняковой плиты с фрагментом греческой надписи.



Беляусский могильник. Северная катакомба

В Беляусском могильнике раскопаны каменный склеп и земляная могила. Склеп, сложенный из превосходно отесанных плит, аналогичен двум, исследованным в прошлом году. Он также оказался разграбленным. В нем обнаружены остатки восьми скелетов и погребального инвентаря I в. н. э. Судя по тому, что грабители оставили 11 золотых нашивных бляшек, захоронения были достаточно богатыми.

Особенно интересные результаты дали раскопки земляной могилы, имевшей две катакомбы. В них находилось в общей сложности 50 скелетов, скопившихся в процессе повторных захоронений. Почти все кости и черепа были сдвинуты к стенкам катакомб, и лишь несколько скелетов лежало в анатомическом порядке, с широтной ориентировкой. Положенные с покойниками предметы оказались в большинстве случаев смещенными. Здесь были черполаковые блюдца и блюдо, красполаковый горшочек, скифские лепные сосуды, пряслица, железные ножи, копье, железные и бронзовые стрелы, серебряные серьги с позолотой, височные кольца, бронзовые фибулы, зеркала, пинцет, наглазники, булавки, бляшки, кольца, ручные и ножные браслеты и пр. Собрана масса разнообразных бус и пронизей, среди которых выделяется фигурка уточки из голубого египетского стекла. Инвентарь датируется III — I вв. до н. э. Наиболее ранние погребения заслуживают пристального внимания как первое бесспорное свидетельство о пребывании оседлого скифского населения в Северо-Западном Крыму уже в III в. до н. э. Предметы II и главным образом I в. до н. э. (пряжки, браслеты, подвески, бусы, курильница) находят точные аналогии в некрополе Неаполя скифского. Культурная близость обоих памятников соответствует выводу, сделанному нами на основании письменных источников, о политическом единстве скифов Северо-Западного и Центрального Крыма при Скилуре и Палаке.

Раскопки Беляусского могильника заполняют существенный пробел в археологическом изучении Северо-Западного Крыма, где до сих пор раскапывались только городища, и значительно продвигают решение вопроса о населении этого района в античную эпоху.

НИМФЕЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Н. Л. Грач

Нимфейская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа при участии студентов-практикантов Горьковского государственного университета продолжала исследования площади боспорского города Нимфея.

Работы производились на территории акрополя, где изучалась площадь с городскими кварталами по северную сторону главной улицы.

Кроме того, в центральной части городища, где находится повышенный рельеф местности, подсказывавший наличие развалин каменных сооружений, был заложен новый раскоп (50 кв. м).

Наиболее интересным является открытие остатков строительного комплекса эллинистического времени (II в. до н. э.). Его датируют такие керамические материалы, как клейменые ручки родосских амфор первой половины II в. н. э. и обломки мегарских сосудов с рельефными изображениями. Выявлена часть большого здания, состоящего из нескольких помещений, необычная ориентировка которых (северо-запад—юго-восток) даст совершенно новые представления о планировке города в указанный период. В этой связи необходимо отметить, что обычно здания VI—V вв. до н. э., а также первых веков нашей эры имеют правильную ориентировку север—юг. Теперь становится ясно, что обнаруженный в прошлом году водосток с цистерной-водосборником, имеющий необычное направление, относится к вновь открытому комплексу.

Несмотря на очень плохую сохранность, что вообще характерно для всех нимфейских построек, в углу одного из помещений было расчищено любопытное сооружение — ограда из поставленных на ребро плит, внутреннее пространство которой заполнено плотной чистой глиной, а в ее массу вмонтирован хорошо обработанный камень четырехугольной формы с выдолбленным углублением в верхней части. На глине и камне обнаружены следы огня.

Назначение этой конструкции определить пока не представляется возможным из-за отсутствия прямых аналогий, а также ввиду того, что само помещение открыто только частично. Тем не менее, имеющиеся данные подсказывают, что скорее всего сооружение имело культовый характер.

Другим интересным объектом является лестница из семи ступеней с каменными стенами по сторонам, ведущая в подвальное помещение, вырытое в материке. Следует отметить, что это уже второе подвальное помещение, обнаруженное в эллинистических комплексах Нимфея. Раскопки его предстоит закончить в следующем году.

Новый раскоп «Г» дал интересный по насыщенности материалом культурный слой первых веков нашей эры, что говорит о заселенности этой части города в римский период. Под мощным слоем золы, свидетельствующим о пожарах, оказались развалины дома — открыты помещение и часть вымощенного плитами двора. Обнаружены следы перестроек здания, последний период жизни которого относится к III в. н. э. Исследование этого участка будет продолжено в следующем сезоне.

В результате проведенных в Нимфее работ собран большой интересный материал, главным образом керамический, охватывающий период с VI в. до н. э. по III в. н. э.

Отдельные образцы керамики и терракотовых статуэток заслуживают специального изучения.

РАСКОПКИ ПАНТИКАПЕЯ

И. Д. Марченко

За последние два года археологической экспедицией Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина вскрыто около 450 кв. м площади в северо-восточной части Ново-Эспланадного раскопа на северном склоне горы Митридат. Главной задачей экспедиции являлось исследование территории, прилежащей к общественному зданию II в. до н. э. типа пританея, расположенному на пятой, считая с южного борта Ново-Эспланадного раскопа, террасе.

Выяснилось, что с запада и с севера терраса поддерживалась большой подпорной стеной, прослеженной в северной части на длину 19 м. По-видимому, высота стены была не менее 3 м, поскольку подошва ее лежит на следующей к северу террасе и расположена ниже построек пятой террасы на 2,7—2,25 м. Эта северная подпорная стена пятой террасы является одной из наиболее мощных подпорных стен древнего города. Сложена она из блоков и плитовых камней и местами сохранилась на высоту четырех рядов камней.

На шестой террасе под слоем оплывшей насыпи располагаются остатки зданий, некогда раскрытых К. Е. Думбергом и описанных М. И. Ростовцевым.

В результате соединения северной границы Ново-Эспланадного раскопа, где исследовано около 3 900 кв. м, с южной границей котлована К. Е. Думберга, оказалась раскопанной значительная часть Пантикапея, лежащая к северу от акрополя.

К востоку от здания II в. до н. э. открыта улица длиной 12 м, идущая с юга на восток. С нее был вход в пританей. Открыто место входа, огражденное с юга стеной. Улица функционировала с конца VI в. до н. э. Первоначально это был довольно крутой спуск по склону горы, затем в I в. до н. э. улица сместилась к западу и превратилась в узкий — до двух метров ширины — переулок, огражденный каменными стенками с вымосткой, под которой проходил водосток.

К югу от улицы, на уровне четвертой террасы, открыты сооружения архаической поры — дом (шестнадцатый по числу открытых на Ново-Эспланадном раскопе), стена от постройки и хозяйственная яма. В последней обнаружены: расписная керамика конца VI — начала V в. до н. э., чернофигурные килики с растительным орнаментом и со сфинксами и фрагменты великолепной аттической амфоры конца VI в. до н. э. со сценой выезда. Сохранились фрагменты колесницы и лошадей, прыгающий мальчик перед ними, голова Аполлона и возницы и части женской и мужской фигур.

Дом имел прямоугольные очертания и состоял из двух помещений — западного и восточного, площадью около 25 кв. м. Своими размерами он выделяется из остальных домов Пантикапея этого времени. Каменные

Пантикапей. Расписная керамика

1 — фрагмент аттического чернофигурного килика начала V в. до н. э.; *2* — донце аттического краснофигурного килика V в. до н. э.

цоколи его стен сохранились выше метра. В центре восточного помещения обнаружены остатки большой печи диаметром 1,8 м с обвалившимся округлым верхом. Внутри ее оказалась фрагментированная керамика: амфоры из Малой Азии, Хиоса, Самоса, две подставки для светильников, миски и т. д.

После гибели архаического дома на его южной стене в IV в. до н. э. была построена гончарная обжигательная печь диаметром 1,6 м — с подпорным столбом в центре. У нее сохранилась топочная и часть обжигательной камер. При расчистке пода печи найдены в обломках 26 кувшинов, восемь мисок с кольцевой ручкой на краю, несколько светильников открытого типа.

На самой южной площади, в районе дома с подвалом V в., открытого в 1956 г., обнаружена небольшая стена от постройки V в. до н. э. У стены найден фрагмент килика первой половины V в. до н. э. с изображением мужчины в венке, совершающего возлияние, над которым помещена надпись.

Этот фрагмент относится к ряду самых лучших образцов аттической вазописи, обнаруженных в Пантикапее.

В том же участке под слоем зольника III в. н. э. открыта стена II в. н. э., идущая с юго-востока. Ниже ее оказались остатки какой-то большой постройки IV в. до н. э., исследование которой отнесено на следующий год.

При раскопках найдено значительное количество клейм, монет, встречены редкие виды керамики (например, фрагменты италийской амфоры I в. до н. э.) и новые типы черепиц.

РАСКОПКИ ПОРФМИЯ

А. И. Болтунова

На городище, которое было открыто 20 лет назад В. В. Веселовским на холме в 600 м от современной ж.-д. переправы через Керченский пролив и которое он убедительно отождествил с χώμη Πορθμίον (Anonym., § 69 и 117), в 1953 г. производились раскопки Боспорской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Городище занимает площадь около 6000 кв. м. Общая площадь раскопа 1953 г. — 625 кв. м.

Было установлено, что поселение возникло в конце VI в. до н. э., во второй половине III в. до н. э. оно подверглось значительной перестройке и было окружено мощными крепостными стенами, а в первой половине I в. до н. э. прекратило существование.

За истекшие 15 лет раскрытые строительные остатки оказались разобранными на камень. Задачей работ 1968 г. было исследование

слоев, лежащих ниже горизонта эллинистического времени. Работы были сосредоточены на среднем участке раскопа 1953 г. на площади 75 кв. м, в западной части которой раскоп был теперь доведен до материка (предскальный щебень и местами выходы скалы). На этой площади расчищены три ямы эллинистического времени, в засыпи которых найдены куски обгорелого сырцового кирпича, зола, фрагменты рельефных и позднечернолаковых сосудов, терракотовые статуэтки. Установлен уклон поверхности материковой скалы в направлении к востоку.

Остатки построек более раннего времени найдены в очень фрагментарном виде, но все же удалось установить, что их планировка и ориентация стен зданий не совпадали с планировкой эллинистического времени. В западной части раскопа сохранился маленький отрезок стены конца IV — начала III в. до н. э., построенный поверх руин здания IV в. до н. э., стены которого были возведены из сырцового кирпича на каменном фундаменте. Гибель этого здания была вызвана сильным пожаром. Ко времени существования этого здания относятся две ямы, в одной из которых найдены два красноглиняных кувшина. Ниже этого здания обнаружены каменные основания стен и глинобитный пол здания IV в. до н. э.

В восточной части раскопа 1968 г., где материк залегает значительно ниже, внутри помещения IV в. раскрыты остатки открытого очага, сооруженного из трех стоящих на ребре плит, и яма, на дне которой найдены четыре амфоры из круга фасосских IV и начала V в. до н. э. и днище чернофигурного скифоса V в. до н. э. Дно ямы лежало на вымостке двора более раннего времени.

Раскрытие этих более ранних строительных остатков составляет задачу работ следующего года.

Ранняя дата возникновения этого греческого поселения возле самого узкого места пролива, у переправы, и интенсивная торговая деятельность в течение всего времени его существования, отраженная в обилии импортной керамики и многочисленных находках монет, свидетельствуют о той большой экономической роли, которую играли связи между греческими поселенцами Керченского и Таманского полуостровов с самого раннего периода греческой колонизации Боспора, еще до начала объединения боспорских городов в едином государстве. Факт значительных разрушений и пожаров, имевших место в течение V, IV и в начале III в. до н. э., указывает на постоянно возраставшую опасность нападения на боспорские поселения. Это обстоятельство и обусловило необходимость постройки крепостных стен во второй половине III в. до н. э.

Гибель Порфмия, как и ряда других боспорских поселений, совпадающая с событиями, которыми завершилась эпопея Митридата Евпатора, дает дополнительные материалы для освещения периода его правления на Боспоре.

РАСКОПКИ ИЛУРАТА

И. Г. Шургая

В текущем полевом сезоне продолжались раскопки Илурата. Работы велись в городском квартале, примыкающем к юго-западной оборонительной стене.

Раскопаны два больших помещения, являвшиеся частью дома-усадьбы, соседнего с зданием, изученным в прошлом сезоне. Одно из помещений, вымощенное плитами мшанкового известняка, было, по-видимому, жилым. Площадь его достаточно велика (6,60×4,60 м). При зачистке вымостки обнаружены фрагменты цветной штукатурки и пласты камки от рухнувшей кровли. От соседнего помещения оно отгораживалось толстой стеной, позднее дополнительно укрепленной с внутренней стороны более тонкой стенкой. Толщина стены, состоящей из двух поясов, превышала 1 м.

Через проем в стене во второе помещение, находящееся на 40 см ниже первого, вели вниз три ступени. Это помещение изобилует различного типа хозяйственными сооружениями, сложенными из плит. Примерно посредине оно поделено на две части загородкой из двух рядов плоских плит, впущенных в землю. Та часть помещения, где размещаются хозяйственные постройки, имела глинобитный пол. Вторая половина — вымощена плитами.

Загородки из двух рядов плоских плит, как правило, служили для засыпки корма скоту. Отдельные плиты имеют отверстия — коновязи. Однако при расчистке загородки выяснилось, что она использовалась как хранилище припасов. Небольшие плитки, опирающиеся на специально вытесанные с внутренней стороны выступы, перекрывали ее до половины. В средней части была вкопана амфора, найденная в обломках на дне загородки. Возле амфоры загородка перегорожена поперечной плитой и, таким образом, делилась на две секции. Это свидетельствует о том, что подобные плитовые загородки, столь характерные для Илурата, могли использоваться в качестве своеобразных закромов.

В северном углу помещения сохранилось ограждение из невысоких стоящих на ребре плит, в центре которого в глинобитном полу открыто небольшое прямоугольное углубление, выложенное плитами.

Перечисленные сооружения указывают на сугубо хозяйственное назначение описанного помещения, использовавшегося как складское и, видимо, как помещение для скота. В его мощеной части найдена большая известняковая кормушка.

Стены помещений, раскрытых в этом году, сильно разрушены. И несмотря на то, что в этом месте наблюдается заметное снижение склона илуратского холма, их перекрывал толстый слой земляной насыпи с обилием бутового камня. Заметных следов пожара, бушевавшего в соседнем здании, не обнаружено. Фрагменты керамики, в основном

части амфор, лепной посуды и небольшого числа обломков краснолаковых чашек, а также кости животных, извлеченные при расчистке помещений, огнем не тронуты.

В числе находок наибольший интерес вызывает фрагментированная терракотовая статуэтка. Она изображает мужчину с резко очерченными крупными скулами, широко поставленными выпуклыми глазами и выступающим вперед квадратным подбородком. Короткие волосы начесаны на лоб. Руки статуэтки отбиты, непомерно длинное туловище заканчивается внизу резким изгибом в торцовой части, где можно видеть остатки железного стержня, вмазанного в корпус статуэтки. Статуэтка, видимо, была ручкой какого-то сосуда, возможно, культового, и металлическим стержнем крепилась к его тулову. Несохранившиеся руки терракоты скорее всего упирались в венчик сосуда. Статуэтка обладает известными чертами индивидуализации.

РАСКОПКИ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА У с. МИХАЙЛОВКИ

Б. Г. Петерс, Г. М. Ефимова

Михайловский отряд Института археологии АН СССР, продолжал раскопки поселения античного времени в 20 км западнее Керчи.

Работы велись в юго-западной части цитадели. В результате раскопок удалось выявить внутренний пацирь западной и южной оборонительных стен и определить площадь укрепленной части городища (около 562 кв. м).

Продолжалась расчистка зданий, погибших в пожаре в начале II в. н. э. В западной части городища обнаружена вымостка из хорошо обработанных плит известняка, идущая с севера на юг. На уровне вымостки найдены многочисленные фрагменты краснолаковой керамики, терракотовая маска актера, бронзовое кольцо, а также медная монета Боспорского царства — сестерций Котия II (123—132 гг. н. э.).

В южной части городища обнаружена зооморфная статуя из известняка, около нее каменная чаша с двумя круглыми отверстиями на разных уровнях для слива жидкости, глазурованные округлые предметы, железный нож. Можно предположить культовое назначение этих находок. На соседних квадратах найдены куски красной штукатурки.

В центральной части городища прослеживается слой пожарища начала II в. н. э. с многочисленными фрагментами амфор, лепной керамики, стеклянных сосудов и черепицы.

Продолжались исследования южного, западного и северного зольников. В южном зольнике обнаружены остатки фундаментов, здесь найдены краснолаковая миска, фрагмент горла амфоры римского времени с греческой надписью, выполненной красной краской.

На западном зольнике выявлены кладки стен, а также найдены медная монета Боспорского царства — асс Митридата III (39—45 гг. н. э.), фрагмент горла сосуда с граффити, фрагменты терракотовых масок и статуэток. На северном зольнике обнаружены бронзовая фибула и фрагмент глиняного лутерия со сливом.

В процессе работ постоянно проводилась частичная реставрация оборонительных стен и других сооружений.

РАСКОПКИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

И. Т. Круглікова

Керченский отряд Анапско-Керченской экспедиции Института археологии АН СССР проводил раскопки трех поселений: Андреевка Южная (V—III вв. до н. э.), Андреевка Северная (I—III вв. н. э.) и Ново-Отрадное (III в. до н. э. — III в. н. э.).

Поселение Андреевка Южная расположено примерно в 13 км к западу от Пантикапея, по-видимому, в пределах хоры этого города. Оно расположено на небольшой возвышенности. На восточном ее склоне встречаются обломки лепных сосудов и кремневые орудия, свидетельствующие о заселении этих мест еще в эпоху бронзы. Наиболее ранние строительные сооружения, открытые на поселении, относятся к концу VI—V в. до н. э. Это остатки небольших домов со стенами из плохо обожженного кирпича, лежащими на каменных цоколях. Среди находок преобладают обломки пухлогорлых хиосских амфор VI—V вв. до н. э., а также обломки фасосских и ранних типов гераклейских амфор. Встречаются обломки столовой и кухонной гончарной посуды и небольшое количество обломков лепных сосудов. В IV в. до н. э. на месте отдельных изолированных домов была построена большая усадьба, в которой в одном комплексе объединялись помещения хозяйственного назначения, стойла для скота и жилые помещения. Все они концентрировались вокруг большого внутреннего двора. Комплекс крупных зерновых ям, расположенных поблизости от усадьбы, свидетельствует о земледельческом профиле, а наличие нескольких помещений для скота (овчарен) говорит о животноводческо-зерновом характере хозяйства владельца усадьбы. Находки терракотовых статуэток Деметры, Коры, Кибелы, граффити с именем Деметры на чернолаковом канфаре, а также преобладание греческих типов керамики убеждают в том, что усадьба принадлежала боспорскому греку. Раскопки позволили проследить процесс укрупнения сельскохозяйственных усадеб, связанный, вероятно, с укрупнением земельной собственности и с вытеснением мелких землевладельцев. Были обнаружены остатки жилищ V в. до н. э. со стенами, сложен-

ными из плохо обожженного кирпича размером около 0,08×0,4×0,4 м. В одном из помещений V в. до н. э. вместе с чернофигурным киликом найден боспорский кувшинчик с раздробленными костями и с небольшой змейкой, сделанной из серебряной проволоки, скрученной спиралью, и с головкой из золотой пластинки. Среди находок много обломков амфор: пухлогорлых хиосских, гераклейских, фасосских, в том числе клейменых, есть фрагменты боспорских амфор и амфор других неизвестных нам центров.

Поселение Андреевка Северная расположено в 1,5 км от поселения Андреевка Южная. Оно возникло после гибели поселения Андреевка Южная, т. е. после конца III — начала II в. до н. э. В отличие от раннего поселения оно расположено на высоком холме, на искусственно

Андреевка Южная. Змейка из серебряной проволоки

сделанных террасах. В 1968 г. продолжались работы по расчищению одного из помещений III в. н. э., погибшего в пожаре. Открыта глинобитная печь интересной конструкции. Под полом помещения обнаружены слои I — II вв. н. э. и большая зерновая яма. Большие зольники, материал, заполнявший помещения, местоположение на высоком холме сближает данное поселение с раскопанным ранее у дер. Семеновки, расположенным на берегу Азовского моря.

Раскопки поселения у дер. Ново-Отрадное, находящегося на берегу Азовского моря, были начаты еще в 1953 г. Позднее был открыт его некрополь с несколькими десятками погребений, датированных I — III вв. н. э. В 1968 г. продолжались раскопки на вершине холма, где находилась укрепленная мощными каменными стенами постройка, вероятно, сельская усадьба первых веков н. э. Были раскрыты помещения III в. н. э., погибшие в пожаре, о чем свидетельствует мощный горелый слой на их полу. В помещениях найдены ямы для вкапывания пифосов,

большое количество амфор и других сосудов. Были выявлены слои, соответствующие различным периодам жизни поселения. Наиболее поздние предположительно можно отнести к периоду после «готского» нашествия. Жилые постройки перестраивались несколько раз, в том числе в III в. н. э. не менее двух раз. Хорошо прослеживаются глинобитные полы, перекрывающие слои пожариц и мусорных свалок. Интересно сочетание в постройках глинобитных стен с каменными кладками.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ В ВЕРХОВЬЯХ ЗОЛОТОЙ ЛИПЫ

В. Н. Цымбалюк

Липицким отрядом Днестровской раннеславянской археологической экспедиции Института общественных наук (Львов) продолжены раскопки поселения у с. Ремезовцы Золочевского р-на Львовской обл.

Для определения границ поселения здесь была проложена траншея и заложен небольшой раскоп. На вскрытой площади исследовано два жилища, хозяйственная яма и два очага, расположенные вблизи жилищ.

Углубленное в землю первое жилище имело почти четырехугольную форму с немного закругленными северо-западным и юго-западным углами. Вырезанные в материке стенки — отвесные, дно ровное, утрамбованное. В юго-восточной части дна находилась подпольная яма диаметром 2,4 м. Глубина ямы 1,12 м от уровня дна. Под стенками жилища находились два материковых возвышения, одно из которых представляло собой ступени. Размеры жилища 4,45×4,65 м, глубина 1,3 м от современной поверхности. В гумусном заполнении жилища найдено значительное количество лепной и немного гончарной керамики, а также отдельные находки (пряслица, железные ножи, шила).

Второе жилище слегка углублено в землю. Оно имело четырехугольную в плане форму, стенки почти отвесные, дно ровное, в юго-западной части находился очаг — выложенная из камней и подмазанная глиной площадка размером 0,45×0,56 м. В очаге прослежены остатки углей, пепла, возле находилась предочажная яма.

В северо-восточной части жилища находилась подпольная яма размером 1,8×2,25 м, глубиной 1,45 м от уровня дна. Под северо-восточной стенкой жилища и частично за его пределами прослежено значительное скопление глиняной обмазки с оттисками деревянных конструкций, в том числе четырехугольных столбов. Размеры жилища 4,8×5,65 м, глубина 0,66 м от современной поверхности.

Кроме керамического материала в заполнении жилища найдена железная шпора с большим коническим шипом.

Яма имела почти округлую форму, стенки книзу суженные, дно ровное. Нижняя часть стенок была немного обожжена. Размеры ямы 2,88×3 м, глубина 2,05 м от современной поверхности. Над заполнением по краям ямы залегал слой глиняной обмазки с оттисками дерева, которая, возможно, осталась от стен наземной надстройки.

В заполнении объектов найдено значительное количество лепной и немного гончарной керамики. Кроме керамики, типичной для липицкой культуры (горшки с шероховатой поверхностью, орнаментированные расчлененным валиком, конические плошки с массивными ручками, гончарные горшки, кувшины, чаши на высокой ножке), в этих же самых объектах выступает зарубинецкая керамика (шероховатые горшки с нарезами по венчикам, лощеные горшки с дужками — «подковками», лощеные ребристые миски и т. п.).

На основании керамики, бронзовых фибул и других находок, поселение датируется рубежом — концом II в. н. эры.

Проведены также небольшие раскопки на поселении возле с. Майдан-Гологирский этого же района. Здесь открыты две хозяйственные ямы диаметром 1—1,5 м, глубиной 1,5 м от современной поверхности и один очаг. Найденная в заполнении и поблизости керамика аналогична керамике с поселения в Ремезивцах и синхронна ей.

На этом же поселении открыта разрушенная печь с керамикой XII — XIII вв.

ИЗУЧЕНИЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОЛТАВЩИНЕ

В. В. Кропоткин

Кременчугский отряд Приднепровской экспедиции приступил к археологическому исследованию могильника черняховского типа III — IV вв. н. э. в бассейне р. Сулы, в урочище Рудка близ с. Вовчик Лубенского р-на Полтавской обл. Могильник был обнаружен случайно при строительстве новой дороги на Ромодан в 1954 г. При земляных работах найдено несколько трупоположений с типичной черняховской керамикой, с костяным гребнем и бусами. В школьном музее сохранилось девять сосудов (чернолощеный полуовальный кубок с вертикальными каннелюрами и орнаментом, горшки и миски). Все сосуды изготовлены на гончарном круге.

Там же находятся обломки многочастного костяного гребня с полукруглым выступом на спинке и одна синяя стеклянная бусина.

Во время раскопок обнаружено шесть черняховских погребений: три трупосожжения в неглубоких округлых ямках и три трупоположения с северной ориентировкой костяка.

В погребении 2 на глубине 0,35 м найдено скопление кальцинированных костей и фрагменты большой миски с плоским венчиком. Размеры ямки 0,25×0,3 м.

В погребении 4 открыт женский костяк, лежавший вытянуто на спине, головой на север, левая рука согнута в локте и кисть положена на пояс. Около раздавленного черепа найдено ожерелье из сердоликовых, янтарных и коралловых бус, около костей ног — обломки донца лепного сосуда.

В погребении 5 обнаружен костяк, лежавший головой на север в вытянутом положении. Вещей в могиле не обнаружено.

Два погребения (6 и 8) относятся к эпохе бронзы и, очевидно, связаны с распаханным курганом, который прослеживается в профиле раскопа. Оба костяка лежали в скорченном положении на правом боку, ноги согнуты и прижаты к туловищу, кисти рук были подведены к подбородку.

В погребении 8 около черепа найдена небольшая бронзовая игла.

В пахотном слое на площади могильника встречаются обломки черняховской керамики и кальцинированные кости из разрушенных трупосожжений.

Еще один могильник черняховского типа случайно обнаружен при земляных работах у с. Клепачи Хорольского р-на Полтавской области. В Лубенский краеведческий музей поступили три сосуда из разрушенного погребения: горшок, миска и полуовальный лощеный кубок.

Оба могильника на основании вещевых находок могут быть датированы III — IV вв. н. э.

УНИКАЛЬНАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ НАХОДКА В РАЙОНЕ г. КОДЫМЫ

Э. А. Симонович

Студенты Одесского государственного университета произвели самостоятельные обследования в районе г. Кодымы Одесской обл. (бассейн Южного Буга). Собранные ими материалы переданы в Одесский археологический музей. На одном из шести осмотренных черняховских поселений, среди многочисленных и типичных находок керамики позднеримского времени, был обнаружен черепок с необычным для культуры полей погребений изображением. Он был частью желтоватого сосуда, изготовленного на круге. Глиняное тесто тонкое, поверхность лощеная, размер 5,2×4,6 см. Поверхность черепка украшена параллельными пунктирными линиями, под ними находится изображение птицы, выполненное с помощью зубчатого колесика. О ритмическом повторении орна-

ментального сюжета свидетельствуют концы пунктирных линий справа от изображения птицы. Скорее всего сосуд представлял собой кувшин с орнаментированной верхней частью округлого бочка, при чем изображения птиц оказывались по отношению к зрителю в перевернутом виде, обращены ногами к горлу кувшина. Контур птицы прорисован несколькими смелыми движениями зубчатого колесика, в результате чего изображение носит несколько схематический характер. Хотя ноги птицы показаны шагающими, движение передано недостаточно и изображение представляется статичным. На ногах отчетливо видна ступня с

Кодыма Одесской области. Черепок с изображением птицы

тремя пальцами, что в сочетании с общими пропорциями, позволяет усматривать в изображении петуха или курицу. Схематически изображенный клюв получился слегка длиноватым, но заметны следы обломанного вместе с черепком хохла и полукругом изогнутый хвост, о чем свидетельствует след пунктирной линии справа от изображения, видимо, принадлежавший соседнему аналогичному сюжету. Это подтверждает, что на плечиках сосуда были изображены скорее всего петухи или куры.

Размеры изображений, заключая по сохранившемуся фрагменту, — 2×2,5 см.

Редчайшая по своей орнаментации находка части сосуда из района г. Кодымы еще раз свидетельствует о тонком мастерстве ремесленников-гончаров культуры полей погребений.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕРНЯХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ВЕРХНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

Ю. М. Смишко

Весной 1968 г. из частично разрушенного погребения при сооружении забора в урочище Масек, находящемся в 3 км северо-западнее с. Островец Городенковского р-на Ивано-Франковской обл., добыто четыре гончарных сосуда, бронзовая поясная пряжка и несколько человеческих костей. На этом месте в июне — июле этого же года были произведены раскопки экспедицией Института общественных наук Львовского государственного университета, в результате которых на площади 460 кв. м вскрыто 16 погребений, из них 5 трупоположений и 11 трупосожжений.

Могильник расположен на небольшой естественной площадке северо-западного склона возвышенности, полого опускающейся к северу и западу. Погребения с трупоположениями находились на глубине от 0,33 до 0,52 м. Очертания прямоугольных могильных ям удалось точнее определить только в двух случаях. Все скелеты лежали в вытянутом положении на спине, головой к северу и сопровождались вещевым инвентарем, главным образом керамикой. Самым богатым в этом отношении являлось погребение XVI, в котором было найдено десять круговых сосудов, бронзовая поясная пряжка и костяной гребень. В других трупоположениях выявлено по два — четыре сосуда, а в одном (IX) — только одна бронзовая фибула.

Погребения с трупосожжениями представлены двумя типами: погребения в урнах и в ямах. Как и трупоположения, они находились на различной глубине (0,19—0,75 м) и сопровождались керамикой и отдельными другими предметами.

Во всех случаях в эти погребения складывались очищенные от остатков костра кости.

В восьми из одиннадцати вскрытых нами трупосожжений кальцинированные кости помещены в урнах. Примером могут служить погребение VII, в котором сожженные кости находились в гончарном горшке средних размеров, под которым стояла миниатюрная мисочка, а рядом с ней стеклянная бусина, и погребение XV, где небольшое количество кальцинированных костей обнаружено среди фрагментов раздавленного сосуда, а рядом с ним стоял горшок средних размеров с тонкостенным воронковидным кубком внутри.

Среди погребений с трупосожжением в ямах можно выделить два варианта. Первый представлен обычным ямным погребением V, в котором сожженные кости помещены непосредственно в ямке и сверху прикрыты большими фрагментами нескольких сосудов. Ко второму варианту следует отнести два других погребения, где в яме стояли в ряд с севера на юг четыре (погребение XIV) или пять (погребение I) сосу-

дов; кальцинированные же кости были обнаружены в земле, в первом из них — у крайнего южного сосуда, а во втором — у крайнего северного.

Керамика исследованного могильника состоит в основном из сосудов, сделанных на гончарном круге из отмученной или с большой примесью песка и шамота глины, весьма разнообразных по форме, типам и размерам (горшки, миски, кувшины, чашки, большая трехручная ваза).

Только в одном погребении (III) нашлась часть лепного шероховатого горшка с выпуклым телом и незначительно утолщенным венчиком.

Керамический комплекс данного могильника по фактуре, формам и орнаментике несомненно черняховский.

По находкам таких предметов, как массивная Т-образная двухчленная фибула с фигурным щитком над пружиной, бронзовая поясная пряжка с удлиненной трехугольной обоймицей для ремня и костяной гребень с колоколовидной спинкой, исследованную часть Островецкого могильника следует отнести к IV в. н. э.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОГО ТИПА ДЕМЬЯНОВ-II

В. Д. Баран

Днестро-Волынской экспедицией Львовского государственного университета были произведены раскопки поселения черняховского времени у с. Демьянов Галицкого р-на Ивано-Франковской обл. Оно расположено на западной окраине села в урочище Росохи. С юга его обрамляет узкая долина, по которой протекает безымянный ручей, впадающий в р. Гнилую Липу — левый приток Днестра, на востоке оно подходит к небольшому пруду, на северо-западе граничит с урочищем Средние Горбы.

Поселение открыто автором в 1957 г. Оно вместе с другими четырьмя открытыми нами поселениями в этом районе составляет определенную группу селищ черняховского времени, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. В отличие от некоторых других поселений этой группы (Бовшев II, Бовшев III, Коростовычи), на которых имеются как более ранние, так и более поздние культурные отложения, в том числе и славянские материалы VI—VII вв., это поселение, как показали раскопки, однослойное, что позволяет использовать добытые на нем материалы в качестве эталона при изучении памятников черняховского типа на территории Верхнего Поднестровья в целом.

На поселении Демьянов II вскрытая площадь составляет около 700 кв. м. Культурный слой довольно хорошей сохранности, его мощ-

ность на участках, где не было углубленных построек, доходит до 0,50—0,60 м. В процессе раскопок открыты остатки четырех полуземляночных жилищ, одна хозяйственная яма и несколько очагов, расположенных вблизи жилищных сооружений.

Все выявленные жилища находятся приблизительно на одной линии вдоль по склону. Они четырехугольные в плане и ориентированы стенами довольно строго по странам света. Наиболее отчетливо сохранилась нижняя часть полуземлянок, врезанная в материк. Пол хорошо утрамбован, стенки вертикальные, книзу несколько сужены. В одном из жилищ расчищен вдоль северной стенки материковый выступ — прилавок, несколько возвышающийся над уровнем пола. Во всех полуземлянках имелись ямы от столбов, расположенные по углам жилища, а в двух полуземлянках, кроме того, расчищены столбовые ямы и посредине двух противоположных стенок. Размеры жилищ колеблются от 3,47×5,28 до 4,04×5,38 м, глубина 1,18—1,28 м от современной поверхности. Открыты очаги, и лишь в одном жилище имелась печь, вырезанная в материковом борту полуземлянки.

В гумусированном заполнении построек, в большинстве случаев очень насыщенном золой, собрано значительное количество керамики, изделий из железа и бронзы, костей животных.

Обращает на себя внимание значительное количество лепной посуды, которая в некоторых жилищах преобладала над гончарной, что является характерной чертой поселений черняховского типа Верхнего Поднестровья.

Основная форма лепной керамики — горшок средней величины с бугристой поверхностью, несколько отогнутым венчиком, выпуклыми стенками и плоским дном.

Лепные плошки на поддоне, обычные для памятников черняховского типа в этом районе, на нашем поселении встречены в очень ограниченном количестве.

Гончарная керамика представлена фрагментами сосудов, изготовленных как из отмученной глины (миски, кувшины, некоторые горшки), так и из глины со значительными примесями песка (горшки, пифосообразные сосуды с широким горизонтальным венчиком).

Импортная посуда представлена всего несколькими экземплярами амфорной тары.

В культурных отложениях имеется много шлаков и сравнительно большое количество железных изделий, что, при наличии в этой долине болотной руды, позволяет надеяться на открытие более выразительных следов плавки и обработки железа.

На поселении найдено восемь фибул, позволяющих датировать его предварительно в пределах конца II—IV вв. н. э.

СТЕЛА НОВОГО ТИПА НА ЮГЕ УКРАИНЫ

Д. Я. Телегин, В. Ф. Пешанов

Осенью 1967 г. при осмотре курганной группы севернее с. Григорьевка Запорожского р-на Запорожской обл. В. Ф. Пешановым была обнаружена каменная стела. В 1968 г. находка обследована авторами.

Стела находилась на маленьком, сильно распаханном кургане, высотой 25—30 см, в 65 м северо-западнее от наибольшего в группе кургана с вышкой, который носит название Попова могила. Стела, по-видимому, была вывернута плугом и лежала в небольшом бесформенном углублении лицевой частью головы вниз.

Стела была перевезена на северный склон Поповой могилы, где находится и сейчас.

Ее высота 1,8 м, наибольшая ширина в нижней части — 1 м, толщина 0,3 м. Материал — грубый известняк. У стелы хорошо выделена голова и перехват на месте талии; протертой канавкой (глубина 2 см и ширина 4,5 см) четко выделены руки. В области лица поверхность головы хорошо выровнена, но черты лица не прослеживаются. На передней стороне стелы в различных местах имеется несколько небольших чашевидных углублений. В ее средней части видны два вертикальных залома в камне, которые, как и углубления, очевидно, имеют естественное происхождение.

На поверхности кургана, на котором обнаружена стела, и вблизи от него отмечен еще один большой (поперечником до 0,7 м) и два поменьше бесформенных камня той же породы.

Касаясь вопроса хронологии Григорьевской стелы, следует сразу подчеркнуть ее значительное типологическое отличие как от энеолитических стел, теперь уже довольно хорошо известных на юге Украины, типа, например, Белогрудовских, Натальевской, Первомаевских, Ново-Филипповской и многих других, так и от стел (каменных «баб») скифского времени этой территории. Она, конечно, не имеет ничего общего и с многочисленными в этом районе каменными «бабами» кочевников раннего средневековья.

Круг наиболее близких аналогий этой стеле весьма ограничен. Это прежде всего стела, обследованная Т. М. Минаевой на городище Гиляч в верховьях Кубани (см. Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, 1951, № 23, рис. 4). Общим для стел Григорьевской и Гилячской является способ формирования головы, ее относительно большие размеры, манера передачи рук и т. д.

По общему облику к указанным стелам приближается также каменная статуя человека из Красногорки на Нижнем Днестре, найденная давно, но оставшаяся до сих пор никем не интерпретированной. На стеле из Красногорки детали тела, в частности лица, проработаны, однако, с большей тщательностью, чем на фигуре из Григорьевки, а между рук

намечены контуры еще одной маленькой человеческой фигурки, возможно ребенка у груди матери (см. И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 31, рис. 10).

Стела из р. Гиляч на Кубани по материалам городища, где она была обнаружена, относится к III—V вв. н. э. Такую датировку, вероятно, следует принять и для стел Украины — Григорьевской и Красногорской.

Открытие новой стелы у с. Григорьевки позволяет предполагать наличие в степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа, кроме известных каменных изваяний энеолитического, скифского и раннекочевнического времени, еще одной новой типологической группы стел типа описанных, которые в хронологическом ряде станут между «бабами» скифов и кочевников раннего средневековья.

ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЙБИЩ СКОТОВОДОВ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ОРЕЛИ

Л. М. Рутковская

В связи со строительством Северо-Донецкого канала на левом низком берегу Орели (Днепропетровская обл.) Институтом археологии АН УССР была предпринята разведка с целью выявления археологических памятников, попадающих в зону новостройки. Наряду с памятниками эпохи неолита и бронзы экспедиция изучала и памятники средневековые. Они располагались в нижней затопляемой пойме на песчаных островах, окруженных болотами, и на коренном берегу реки — на первой надпойменной террасе.

Два пойменных поселения обнаружены у с. Сорочино. Первое — на берегу современного канала. На дюнах собран керамический материал, кое-где видны следы очагов в виде обожженной черной земли. Другое — в 300 м от оз. Чуприннно. Кроме того, остатки таких же поселений обнаружены в с. Шульговка, в части поймы, носящей название Плавней. Здесь, на краю песчаных кучугур эолового происхождения, обнаружен песчаный выдув. В темном гумусированном песке его найдено несколько фрагментов средневековой керамики. Выше по реке они были обнаружены на склоне песчаного берега оз. Гречаного, на о-ве Дубовом (Белые горы), на р. Грякувате, на Довбневом о-ве, на Большом Казацком лимане в с. Гупаловке, а также в урочище Волчья яма в 5 км от Котовска.

На коренном берегу реки экспедиция обследовала два поселения. Одно — у Краснопольского лимана, другое — у с. Осиповка (урочище Старая Слобода). В прежние годы два поселения такого типа были открыты в с. Михайловке и в Цибульковке И. Ф. Ковалевой.

Все поселения, как пойменные болотно-островные, так и располагавшиеся на коренном берегу, находились на местах поселений эпохи бронзы

и неолита. Раннесредневековая керамика представлена фрагментами лепной толстостенной посуды, изготовленной из грубой глины (часто комковатой) с примесями крупного шамота, иногда песка, выступающими на поверхности сосудов в виде бугорков. Найдены фрагменты стенок, слабо отогнутых наружу венчиков и плоских донъев. Хотя формы сосудов не восстанавливаются, но есть основание предположить, что это преимущественно крупные горшки. Особо следует упомянуть находки фрагментов небольших лепных горшков с отогнутым венчиком и валиком под ним (Краснопольский лиман, Довбнев о-в). Один аналогичный фрагмент лепного сосуда на внутренней стороне имеет следы правки на круге (Старая Слобода), изготовлен из комковатой глины со значительными примесями песка. Для всех поселений характерен значительный процент обломков амфор VII—IX вв. Это, во-первых, стенки византийских амфор кирпично-красного цвета с крупными примесями песка, во-вторых, амфор с примесью крупного шамота и, в-третьих, группа фрагментов из плотной серо-розоватой глины. Наряду с амфорами для датировки представляет интерес находка на поселении у Старой Слободы фрагмента донышка серолощеного сосуда типа аланских кувшинов и серолощеного днища, напоминающего черняховские сосуды. Что касается датировки грубых лепных сосудов из глины с крупными примесями шамота, выступающими на поверхности, то в Степном Поднепровье мы впервые обнаружили их на поселении конца IV — первой половины V в. в с. Капуловке. Там такие сосуды также имеют бугристую поверхность, но стенки их тоньше, а обжиг равномерней. В памятниках же типа Пеньковки у этой категории сосудов более толстые стенки, неравномерный обжиг, комковатая глина. Описанные выше фрагменты грубой лепной посуды, найденной на Орели, принадлежат ко второй пеньковской группе, и мы склонны датировать их VI—VIII вв. н. э. В пользу этой даты говорят также фрагменты амфор и донышко аланского сосуда.

Выявленные на р. Орели памятники были, очевидно, временными стойбищами скотоводов. Постоянные поселения этих скотоводов находились на коренном берегу. До последнего времени этот вид комплексного земледельческо-скотоводческо-рыболовческого хозяйства был свойственным району Днепровских плавней, где села находились на коренном берегу, а стойбища пастухов — в болотистых плавнях. Находки этого года позволяют развить высказанную мною в предыдущих работах мысль, что после гуннского завоевания, когда в северную часть степи продвинулись вытесненные гуннами из Причерноморья кочевники-скотоводы и инфильтрировались в среде местного земледельческого населения, здесь развилось комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство с пастушеским отгонным скотоводством и оседлым бытом. Находки на Орели увеличивают количество известных памятников. Исторически связанной и синхронной с нашими памятниками параллелью комплексного хозяйства, сочетающего оседлый быт с полукочевым (отгонным) скотоводством, является хозяйство народов Хазарского каганата.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

М. А. Фронджуло

Судакский отряд Крымской экспедиции Института археологии АН УССР совместно с Феодосийским краеведческим музеем вел работу в Судаке и на побережье Юго-Восточного Крыма.

В пос. Судак продолжались раскопки приморского укрепления VI в. н. э., открытого в 1966 г. на южном склоне крепостной горы в порту (нижнем городе) Сугден (Сурожа).

Раскопан северо-восточный угол укрепления (сохранившаяся высота — 1,5—3 м). Толщина восточной стены — 1,5 м, северной — 1 м. Кордонная кладка (известняк) внешней облицовки стен сочетается с кладкой «в елку» (песчаник) с внутренней стороны. Кордонная кладка сложена на хорошем известковом растворе. Пространство между облицовкой забутовано на аналогичном растворе. В кладке «в елку» имеется примесь цемянки.

Внутри укрепления на отдельных участках сохранился пол, сложенный из двух рядов плит песчаника. Нижний ряд лежит на материке (сланец), в некоторых местах — на подсыпке (желтая глина) или известковом растворе, покрывающих углубления в сланце. Плиты нижнего слоя пола покрыты известковым раствором, на котором лежит верхний ряд — тонкие плиты песчаника. У северо-восточного угла укрепления обнаружена вымостка — обломки сланца, перекрытые слоем желтой глины, по-видимому, для отвода ливневых вод.

Выяснилось, что с востока и севера к укреплению не было пристроено оборонительных стен или стен жилых и хозяйственных построек.

Руины укрепления перекрыты различными постройками IX—XIII вв. В связи с необходимостью более обстоятельного исследования, часть этих, ранее изученных построек была разобрана: небольшой одноапсидный храм (размером 3×4 м) и помещение (4,5×6 м), дома XII—XIII вв. со стенами, сложенными на глине и земляном растворе. На освободившейся площади доследован дом XI в. (4×5 м) с печью в северо-западном углу и ниже его северная часть дома IX—X вв., стены которого сложены на глине «в елку».

На западном участке (внутри укрепления) доследован дом с двумя помещениями X—XI вв. (4×8 м). В одном помещении округлая в плане печь стояла в северо-западном углу, во втором — остатки печи обнаружены в северо-восточном углу. Выяснилось, что каменные полы у северной стены укрепления были разобраны в X в. Очевидно, приморское укрепление VI в. было построено византийцами.

На рубеже VIII—IX вв. укрепление было разрушено, вероятно, это связано со взятием Сурожа русским князем Бравлином во время его похода в Таврику.

В результате разведки и систематического наблюдения за земляными работами на побережье Юго-Восточного Крыма обнаружены новые сред-

Сугдея (Сурож). Приморское укрепление II в. н. э. Внутренняя облицовка северной стены (кладка «в елку»)

невековые памятники. В с. Уютном открыто два могильника. В одном из них (могильник IV), к западу от стен Генуэзской крепости, доследована одна плитовая могила с коллективным погребением (15 костяков) XIV—XV вв., в другом (могильник V) — у восточной окраины с. Уютное — раскопана одна плитовая могила с двумя костяками (разрушена более поздним погребением в грунтовой яме). В с. Каменка открыто поселение VIII—IX вв., здесь раскопано два пифоса — один реберчатый, другой — с гладкими стенками.

У с. Планерского (на реке Еланчик) при установке столбов для линии электропередачи работники винсовхоза «Коктебель» нашли кладовую с пятью пифосами, характерными для приморских поселений Юго-Восточного Крыма VIII—IX вв.

В Судакской бухте аквалангисты подняли на поверхность в 1967 г. фрагменты античных (III—II вв. до н. э. — рубеж н. э.) и средневековых (V—XV вв.) амфор.

По-видимому, у восточного склона крепостной горы в античное (тавро-скифский Афинеон?) и средневековое время была пристань.

В горах у Судака на площади гончарного центра VIII—IX вв. (открытого в 1967 г. у с. Лесное), с помощью магнитометра М-23 (Институт геофизики АН УССР) обнаружено три больших гончарных печи. Судя по многочисленному подъемному материалу, здесь обжигали причерноморские амфоры и черепицу.

В окрестностях города уже известны гончарные печи в Новом Свете, Морском, Чабан-Куле, Приветном, Канакской балке.

Открытие нового гончарного центра подтверждает ранее выдвинутое предположение, что город Сугдея (Сурож) в VIII—IX вв. был крупным центром гончарного ремесла.

РАСКОПКИ НА БАКЛИНСКОМ ГОРОДИЩЕ

Д. Л. Талис

Экспедиция ГИМа продолжала раскопки территории внутри цитадели и начала исследования некоторых участков вне ее. В цитадели, на расстоянии 3 м от обрыва плато, на котором стояла цитадель, параллельно этому обрыву шла кладка, сохранившаяся на длину 8 м. Кладка эта, облицованная лишь с наружной, т. е. обращенной к обрыву, стороны, являлась, очевидно, бруствером, защищавшим доступ в цитадель в месте сильного понижения обрыва. Эта кладка, многократно перестраивавшаяся, в последний период своего существования перекрывала слой, соответствующий слою разрушения жилых и хозяйственных помещений, открытых раскопками предыдущих лет. Так как последние погибли в XIII—XIV вв., то сооружение кладки датируется более поздним временем. Кладка дает представление об обороне городища после уничтожения крепостных стен и башен цитадели. Последние были разрушены в XII—XIII вв., т. е. еще до гибели жилых и хозяйственных сооружений. Хронология же наиболее позднего периода жизни укрепления, представленного стеной-бруствером, определяется немногочисленными находками обломков фаянсовой керамики XVI в.

В нынешнем году было завершено исследование объекта, связанного с обороной цитадели. Это — ступенчатый спуск из цитадели в каземат, откуда, в свою очередь, через тоннель, высеченный в скале, можно было выйти за боевые стены. Спустя какое-то время после сооружения каземата внутри него были произведены перестройки, в частности, поднят уровень пола на 60 см. В результате, первоначальная высота каземата (2,2 м) соответственно уменьшилась.

На участке, расположенном на наиболее возвышенном месте цитадели, примерно совпадающем с центром плато, выявлена стена большого

здания длиной в 11 м, сложенная из некрупных камней на глинистом растворе. Здание это погибло во время сильного пожара. При разрушении здания сосуды, хранившиеся на втором этаже, упали на вымостку, примыкавшую к стене здания. Поэтому многие обломки керамики, лежавшие в слое пожарища на этой вымостке, восстанавливаются в целые сосуды. Здесь найдены обычные для верхнего слоя Баклинского городища белоглиняные и красноглиняные поливные сосуды, кувшины-ойнохои, горшки, украшенные по плечу врезной волнистой линией. Керамика эта датируется XIII—XIV вв. Большой интерес представляют найденные в этом же слое сельскохозяйственные орудия: топор-кайло, сошник, плужный нож.

Вне цитадели, к сезеру от некрополя, где велись раскопки 1966 г., обнаружена кладка из массивных, небрежно обработанных блоков толщиной 1,5 м. Вероятно, это кладка стены, защищавшей христианский храм с примыкавшим к нему некрополем. Они были расположены вне боевых стен и потому нуждались в отдельной защите.

Раскопки жилого дома, расположенного к северо-востоку от цитадели, показали, что стены дома в последний период его существования были сложены из разномерных, в основном некрупных камней «в елочку». В слое, в котором залегал фундамент дома, были обнаружены массивные, хорошо обработанные блоки известняка. Эти блоки не имеют отношения к кладке дома и, безусловно, принадлежали боевой стене. Этот факт указывает на то, что жизнь на городище продолжалась и после разрушения боевой стены в XII—XIII вв. Следовательно, постройка дома произведена не раньше этого времени.

Керамический комплекс позднесредневекового времени из раскопанных вне цитадели объектов несколько отличен от синхронного комплекса в цитадели. Здесь прежде всего значительно меньше поливных сосудов, а тесто сосудов неполивных более рыхлое, пористое, примеси в нем грубее. Дальнейшее исследование территории городища, примыкавшей к цитадели, покажет, носят ли эти отличия повсеместный характер, иными словами, обусловлены ли они различием в социально-экономическом положении обитателей цитадели и остальной части городища.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГОНЧАРНАЯ ПЕЧЬ В БЕЛГОРОДЕ-ДНЕСТРОВСКОМ

А. А. Кравченко

Тирская экспедиция Одесского археологического музея (руководитель И. Б. Клейман) проводила исследования городища Белгорода — Тиры. Работы были сосредоточены на раскопе «В», расположенном на юго-восток от главных ворот Белгород-Днестровской крепости.

Под хорошо сохранившимися глинобитными полами и печами-тандырами, каменными вымостками и развалами стен, относящимися к золотоордынскому городу XIV в., было выявлено большое здание конца II—III в. н. э., стены которого сложены из крупных каменных блоков. Судя по клеймам на обломках упавшей черепичной кровли, это здание принадлежало отряду I-го Италийского легиона в Тире.

Под остатками XIV в. обнаружен комплекс двух обжигательных печей, впущенных в заполнение римского здания.

Печи отличаются от открытых до сих пор редкой сохранностью и дают наиболее полное представление о конструкции подобных печей, остатки которых были найдены в Херсонесе, Молдавии, на Кавказе, в Болгарии и т. д. В Белгороде-Днестровском такие печи выявлены впервые.

Обе печи прямоугольной формы, построены на одной общей оси, которая совпадает со строительной осью здания. Размеры их почти одинаковые: северная — 3,10×2,70 м, южная — 2,60×2,70 м. Между печами имеется перемычка толщиной 30 см, состоящая из утрамбованной зеленой глины.

Печи соединены общим топочным каналом, завершающимся в южной стене южной печи устьем грушевидной формы высотой 90 см, шириной у основания — 75 см, в верхней части — 20 см.

Стены печей сложены из сырцового кирпича (28×30×8 см) в один ряд. С внутренней стороны они обмазаны глиняным раствором в два слоя (1—1,5 см).

Наиболее полное представление о конструкции дает северная печь. Нижняя топочная камера сохранилась полностью и состоит из системы жаропроводных каналов: одного центрального, продольного (шириной 50 см, высотой 65 см), и пяти поперечных (шириной 40 см), идущих с запада на восток. Стены между каналами (их четыре) сложены из сырцовых кирпичей, чередующихся с плоскими хорошо обожженными кирпичами. Толщина стен — 35—40 см. Каналы завершаются прочными перекрытиями с толстым слоем обмазки. В кладках стен и особенно в арках щели между кирпичами заложены римской черепицей. Высота нижней камеры от 95 см до 1,20 м в зависимости от глубины каналов.

Нижняя камера перекрыта сырцовыми кирпичами, уложенными в один ряд, которые составляют основание пода верхней обжигательной камеры. Далее идет жесткий слой, состоящий из красной глины с примесью извести и мелких камней толщиной 10 см. Глиняная обмазка пода светло-желтого и красного цвета, толщиной 8—10 см. В поду было 80 жаропроводных отверстий-продухов, идущих рядами (сохранилось 60).

Высота сохранившихся стен верхней обжигательной камеры около 1 м.

С внутренней стороны камера имеет закругленные углы, что достигнуто путем обмазки. Обмазка положена в два слоя (1—1,5 см). Во всех стенах, кроме северной, на разных уровнях имеются пять углублений (8—10 см шириной, 12—15 см глубиной), служившие, очевидно, для укрепления упоров при загрузке печи. В северной стене, в средней ее

части, на высоте 25 см от пода имеется загрузочное окно, стенки которого также обмазаны. У основания оно расширено (65 см), в верхней части сужено (60 см). В южной печи сохранилась полностью только нижняя топочная камера. Вокруг обеих печей, на уровне стен нижней топочной камеры выявлены многослойные трамбовки, которые вместе с заполнением и стенами римского здания составляли теплоизоляционный кожух печей. Обжигательная камера была заполнена до уровня сохранившихся стен пережженными кирпичами и глиной. Под был устлан между продухами окатанными стенками амфор и кусками римской черепицы.

Стратиграфическое положение печей и находки позволяют датировать их концом XIII — началом XIV в.

ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕСЛАВЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ВОЛЫНИ

И. П. Русанова

Волынская экспедиция проводила раскопки поселений, открытых во время разведок предшествующих лет. Работы велись в северо-западных районах Украины (Ковельский и Новоград-Волынский р-ны), там, где до сих пор раннеславянские поселения не изучались.

Около с. Подриже Ковельского р-на на реке Стоход были продолжены раскопки многослойного поселения, начатые в 1967 г. Нижний слой этого поселения относится к первым векам нашей эры. Он насыщен обломками лепной керамики с черной или желтой лощеной поверхностью, иногда с остатками меандрового орнамента, а также обломками сосудов с грубой хроноватой поверхностью, на которой изредка встречаются пальцевые расчесы. К этому периоду относится несколько хозяйственных ям, вырытых в материке, и остатки углубленных в землю жилищ. Жилища имеют овальные очертания, в них сохранились следы вертикально стоявших столбов и остатки глиняных очагов.

К следующему периоду относится одно жилище (7), часть которого, к сожалению, испорчена военным окопом. Это прямоугольное жилище (5,60×3,20 м) углублено в материк на 1 м. В его северо-западном углу находилась печь, сложенная на деревянном каркасе из глиняных вальков и с глинобитным подом. Лепная керамика из этого жилища принадлежит типу Корчак (пражскому), что дает возможность датировать его VI — началом VII в. н. э. По составу находок (керамика, глиняные пряслица и «хлебцы», железный нож) и по конструкции стен это жилище находит полную аналогию на поселениях около с. Корчак Житомирской обл. Своеобразной является только печь, сложенная из глиняных вальков, но возведена она по тому же принципу, что и печи-каменки на поселениях Житомирщины и на других раннеславянских памятниках. В рай-

ное поселения по берегам реки Стоход совершенно нет выходов камня, поэтому жители вынуждены были пользоваться глиной, но при этом они стремились следовать при устройстве печи общеславянским традициям.

Жилище 7 в последующее время было засыпано песком и серой смешанной землей с включением культурных остатков раннего периода и частично перекрыто более поздним жилищем (5). Жилище 5 прямоугольной формы (5,40×5,70 м) имело горизонтальный пол, но в связи с общей покатостью материка на данном участке его южная часть углублена в материк на 50 см, а северная почти наземная. В жилище сохранились следы угловых столбов, остатки обгоревших бревен вдоль стен и деревянной обкладки печи. Печь, в отличие от более ранней печи жилища 7, целиком глинобитная, подковообразной формы. Керамический материал этого жилища по аналогиям с другими памятниками может быть отнесен к VII—VIII вв. Он включает в себя в небольшом количестве обломки сосудов типа Корчак, но в массе состоит из обломков лепных сосудов более поздних типов — сосудов с грубым тестом и шершавой поверхностью, с отогнутым венчиком, иногда украшенным по срезу ямочными вдавлениями.

Еще к более позднему времени относится жилище 6 на этом же поселении. Оно также прямоугольное (3,40×4,30 м), с глинобитной печью в северо-западном углу и углублено в материк на 40 см. Здесь найдены обломки поздней лепной керамики того же типа, что и в жилище 5, и в небольшом количестве обломки ранней гончарной посуды, украшенной волнистым узором. В целом керамика этого жилища принадлежит к типу Луки-Райковецкой и может быть датирована VIII—IX вв.

Около с. Гульск Новоград-Волынского р-на, на правом берегу р. Случь открыто несколько раннеславянских поселений. Они занимают небольшие мысы коренного берега, возвышающегося над водой на 6 м. На поселении 1 открыто четыре жилища и хозяйственные ямы, относящиеся к VII—IX вв. Все жилища прямоугольные, с остатками вертикальных столбов вдоль стен и с печами-каменками в северо-восточном углу (камней в этом районе очень много). Жилища 1, 3, 4 очень небольшие (жилище 3 имеет размеры 2,80×2,40 м), углублены в материк на 25—50 см. Гораздо большим оказалось самое позднее жилище (5,30×4,50 м, глубина в материке — 1 м). Жилища располагаются по одной линии, с северо-запада на юго-восток вдоль края оврага и одинаково ориентированы, кроме жилища 2, которое было врезано позднее среди более ранних жилищ. Керамический материал на поселении представлен лепными сосудами развитых типов и несколькими обломками ранней гончарной посуды.

На соседнем мысу, на поселении Гульск-II, заложен небольшой раскоп, который выявил здесь ранние напластования, относящиеся к I тысячелетию до н. э., а также часть раннеславянского жилища с печью-каменкой VIII—IX вв. н. э. На этом же поселении открыты две небольшие ямы с остатками лепных сосудов и мелкими пережженными косточками.

Селище у с. Гульск на Волыни. Жилище

Кроме западных районов, были проведены небольшие исследования на поселении у с. Буки Житомирской обл., расположенном в 10 км западнее с. Корчак. При шурфовке этого поселения найден обломок бронзового пластинчатого браслета VIII—IX вв. Раскопками вскрыто жилище, погибшее при сильном пожаре. Сохранились обгоревшие бревна сруба до четырех венцов, доски пола и развалы глиняной посуды. Типологически керамика этого жилища полностью соответствует дате найденного на этом поселении браслета (лепные сосуды поздних типов и в небольшом количестве ранняя гончарная посуда). Размеры жилища 3,50×3,30 м, глубина в материке до 35 см. Развал печи-каменки находится в северо-восточном углу жилища, так же, как и в более ранних жилищах у с. Корчак.

Исследования этого года подтвердили существование единой раннеславянской культуры на территории Северо-Западной Украины, непосредственно примыкающей к западнославянским землям, где эта культура хорошо известна.

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ЗАПАДНОМ БУГЕ

В. В. Аулих

Славянская экспедиция Института общественных наук (Львов) провела полевые исследования древнерусского поселения у с. Ромош Сокальского р-на Львовской обл. Этот памятник расположен в урочище Дымыница, находящемся на плато высокого коренного берега Западного Буга. В ходе работ раскрыто около 400 кв. м площади. Естественные напластования почвы состояли из дернового слоя (0,2 м), слоя чернозема (0,6—1,0 м) и песчанистого переходного слоя (0,3—0,4 м). Ниже залегал плотный желтый материковый песок. Культурный слой достигал 0,6—1,5 м. Находки представлены преимущественно обломками керамики, отдельными орудиями труда и предметами быта, относящимися к разным хронологическим периодам, начиная с бронзового века и кончая периодом древней Руси. Все исследованные объекты относятся только к древнерусскому времени: это два жилища и несколько ям.

Контуры жилища 1 обнаружены на глубине 1,0 м от современной дневной поверхности. Оно имело почти правильную четырехугольную форму, размеры 5,46×4,65 м и было ориентировано углами по странам света. Дно жилища неровное, залегало на глубине 1,14—1,26 м, т. е. жилище представляло собой полуземлянку. В восточном углу полуземлянки на расстоянии 0,7—0,8 м от ее стенок находились остатки печи. Она была сооружена из желтой глины без деревянного каркаса. Глиняные стенки имели толщину 0,25—0,30 м и сохранились на высоту 0,25 м. Под печи был вылеплен из глины и имел толщину 0,05—0,08 м. На нем залегал почти сплошной слой керамических фрагментов.

Керамический материал из заполнения жилища (в том числе и керамика из пода печи) представлен обломками разной величины горшков, изготовленных на медленном ручном круге из глины с примесью песка. Цвет серый или коричнево-серый, поверхность шероховатая, стенки толстые. Горшки имели преимущественно вытянутую форму, но встречено также несколько выпуклобоких горшков с высоко поднятыми плечиками. Венчики всех сосудов высокие, с косо или вертикально срезанным краем, донья плоские, не выделенные в профиле сосудов. Орнамент линейно-волнистый. В отдельных случаях украшен также внутренний край венчика. Керамический материал этого жилища довольно близкий ко второму комплексу керамики Рипневского селища, к керамике жилища 7 городища Плеснеско, датированных VII—VIII вв., но типологически более развит и, вероятно, более поздний. По нашему мнению, полуземлянку 1 из Ромоша следует датировать VIII—IX вв.

Контуры жилища 2 четко прослежены на глубине 0,9 м от современной дневной поверхности. Оно имело неправильную четырехугольную форму с закругленными восточным и южным углами, его размеры 5,3×4,9 м. Стенки были немного наклонены, ровное дно залегало на глубине 1,5 м и только в южной части сооружения углублялось еще на 0,2 м. Исходя из глубины, и это жилище можно считать полуземляночным. В северо-западной стенке полуземлянки прослежены следы входа в жилище шириной около 1,0 м, уничтоженного поздней ямой. Печь в северном углу сооружения была построена на песчанистом полу из светлой глины. Она имела вид массивного прямоугольного блока размером 1,15×1,55 м с устьем с юга. Под был овальной формы и состоял из двух горизонтов, разделенных тонкой прослойкой пепла. Стенки печи толщиной 0,25—0,40 м куполообразно наклонены внутрь и сохранились на высоту 0,55—0,60 м.

Инвентарь полуземлянки представлен обломками тонкостенных сосудов, изготовленных на круге из хорошо очищенной глины с примесью мелкого песка. По форме это горшки с высоко поднятыми плечиками, выделенной в профиле шейкой и высоким, отогнутым наружу венчиком. Край венчика утонченный с ровиком или валиком на верхней внутренней грани. Плечики сосудов иногда украшены орнаментом из широких, мелких прямолинейных желобков. Керамику такого типа из Червеня-Чермна и Плеснеска исследователи датируют XI—XII вв.

Кроме полуземляночных жилищ, исследовано несколько ям древнерусского времени, большинство из которых бедно материалами. Среди них выделяется одна большая (3,30×2,50 м), по-видимому, мусорная яма, в заполнении которой обнаружено свыше тысячи обломков горшков, изготовленных на круге из глины с примесью песка. Преобладающая часть сосудов имела высокий венчик с отогнутым наружу трехгранным краем. На плечиках иногда встречается орнамент из прямых горизонтальных желобков. Аналогичная керамика из Плеснеска, Рипнева I и

Судовой Вишни датируется X—XI вв., таким же временем следует датировать и нашу яму.

Исследованный памятник является еще одним источником для изучения материальной культуры и истории летописного племени бужан — волынян.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО БЕЛГОРОДА КИЕВСКОГО

Г. Г. Мезенцева

Древний Белгород, игравший значительную роль в истории нашей страны и часто упоминавшийся в летописях, до сих пор остается одним из мало исследованных городов Древней Руси.

На протяжении трех последних лет (1966—1968) кафедра археологии и музееведения Киевского государственного университета проводила исследования в с. Белгородке Киево-Святошинского р-на. Составлен новый топографический план детинца, получены материалы о его ранней планировке и последующем затем в X в. расширении.

Летом 1966 г., совместно с кафедрой истории искусств Киевского художественного института, были вскрыты остатки храма 12 апостолов, не полностью выявленные в свое время. В. В. Хвойкой, уточнен его план, изучены фундаменты, стены, полы, строительные детали и собраны материалы для его реконструкции.

В 1967 г. продолжалось исследование этого храма, в частности, его купола. Одновременно начато было изучение территории детинца у городских ворот. Заложенный здесь раскоп помог установить наличие въездной башни. От нее сохранился только пол площадью около 10 кв. м. Вдоль вала шел городской квартал, состоявший из жилищ ремесленников, примыкавших к валу. Это были полуземлянки размерами 12—14 кв. м с круглыми глинобитными печами диаметром немного более 1 м. Инвентарь жилищ составляли бытовые предметы: посуда, ножики, пряслица и другие, аналогичные таким же находкам из жилищ Киева, Чернигова, Родня и других древнерусских городов.

В 1968 г. эти раскопки были продолжены. В верхних слоях оказались жилища XVII—XVIII вв. с характерной для них поливной посудой, кафелями и кирпичами. Ниже их выявилось жилище 7, в котором была керамика переходных типов, относящаяся, по-видимому, к XIII—XIV вв.: венчики со слабо отогнутым грубым манжетовидным краем, аналогичные посуде из с. Комаровка. От жилища сохранились остатки глинобитного пола и частично печь, сложенная из глиняных валков. Печь была прямоугольной формы (1,80×1,10 м). В печи была выемка диаметром 0,80 м.

Впервые за все годы исследования Белгорода начаты были раскопки посада. В южной его стороне, недалеко от въезда, был заложен раскоп в

направлении с севера на юг, давший возможность получить разрез этой части посада и установить характер его заселенности. На площади 370 кв. м выявлено семь жилищ, несколько хозяйственных помещений и ям. Их размещение свидетельствует о том, что центральная часть посада была густо заселена, а вблизи валов жилищ не было.

Все открытые на посаде жилища представляли собою полуземлянки размерами примерно 4,20×3 м, 4,35×3,30 м, углубленные на 50—60 см. В углах жилищ обычно находились глинобитные печи круглой формы. В некоторых жилищах сохранились лежанки, вырезанные из материкового грунта.

Одно из открытых помещений (прямоугольной формы, несколько бо́льших, чем жилища, размеров) представляло собой, очевидно, мастерскую. Здесь около печи был найден горшок с железной рудой, много кусков шлаков, крицы и различные железные изделия.

Основную массу находок на посаде составляла посуда X—XIII вв.: фрагментированные горшки, корчаги, кувшины, корчажки, сковородки и т. п. Часто эта посуда орнаментирована линейным и волнистым орнаментом. Интересно отметить, что встречается и своеобразный орнамент, повторяющий орнамент на поливных плитках из малого храма в Белгороде и не встречающийся больше нигде. Уникальной была находка миниатюрного светильничка (детской игрушки) на высокой ножке, имитирующего большой. На верхнем блюдечке его прочерчен огневой знак. Кроме посуды, на посаде были найдены обломки сельскохозяйственных орудий труда (серпов, кос, оковок лопат), железные пожики, клямки, гвозди, шиферные пряслица, медные крестики, стеклянные браслеты и костяные изделия.

Все находки свидетельствуют, что посад Белгорода был заселен начиная с X в. вплоть до XIII в. Более поздних памятников здесь не найдено.

Раскопки Белгорода будут систематически продолжаться в последующие годы.

РАСКОПКИ В БЕЛГОРОДЕ КИЕВСКОМ

Б. А. Рыбаков

Белгород в 23 км на юго-запад от Киева (на Ирпени) основан в 991 г. Владимиром Святым. Это — огромная крепость, служившая для размещения тысячного войска во время особенно напряженной войны против печенегов. Уже в X в. Белгород стал епархиальным центром (епископом белгородский был викарием митрополита), а в XII в. был, кроме того, резиденцией соправителей великих князей киевских.

Широко известны раскопки, проводившиеся в 1909—1911 гг. В. В. Хвойкой; позднее здесь вел работы Д. И. Блифельд. В настоящее

время работы ведутся Киевским государственным университетом (Г. Г. Мезенцева), а с 1968 г. и Институтом археологии АН СССР (Б. А. Рыбаков).

Раскопки Института археологии проводились на небольшом всхолмлении в центральной части детинца (в усадьбе М. О. Хомченко) в 20 м на юго-юго-запад от «большого храма», открытого В. В. Хвойкой. Здесь до 1941 г. стояла деревянная церковь, вокруг которой Хвойка вел зондажные работы, позволившие ему открыть следы древнего «малого храма» (как ему казалось, 10×15 м). Наши работы обнаружили остатки нескольких храмов, последовательно сменявших друг друга.

Древнейшей постройкой была маленькая дубовая церковка (ширина около 5 м) с майоликовым полом, лежавшим на массивной известковой подушке. Поливные плитки могут быть датированы XII в. Часть плиток, очевидно, украшала стены здания.

К этому же слою относится размещенная на запад от церковки небольшая дубовая постройка с печью. Внутри этого домика, у стены, противоположной печи, оказался белокаменный саркофаг, ориентированный строго по стенам постройки. Тотчас же после пожара, уничтожившего оба деревянных сооружения, был построен большой кирпичный храм конца XII в. (примерно 14,5×20,2 м), накрывший собою обе необычные деревянные постройки, и часовенку с майоликой и домик с саркофагом. Создается впечатление, что храм был специально поставлен так, чтобы накрыть собою оба комплекса. Алтарь нового храма оказался на месте часовни, а саркофаг поместился совсем необычно, наискось врезаясь в западную стену новой постройки.

Раскопки храма не доведены до конца. Предварительно можно сказать о нем следующее: храм был четырехстолпным с одной очень большой апсидой. Боковые апсиды были, по всей вероятности, внутренними и на восточном фасаде не выступали. Судя по профилированному кирпичу, здание было украшено пилястрами. Пол был покрыт большими поливными плитками худшего качества, чем в деревянной церкви.

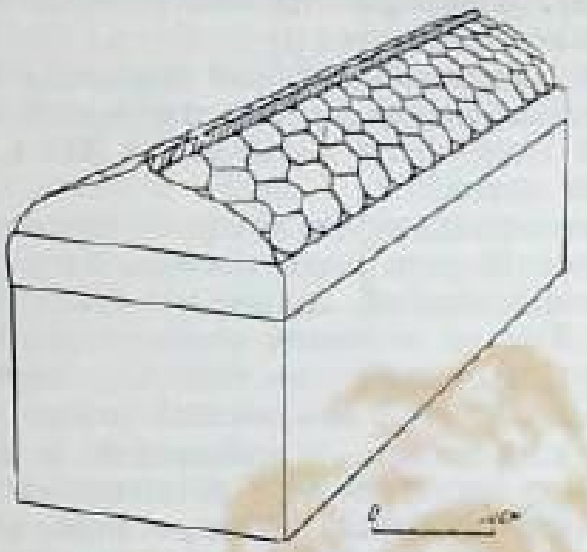
Кладка фундамента сохранилась частично; в большинстве случаев прослежены лишь рвы фундамента. Храм находит аналогии в зодчестве Северо-Западной Руси конца XII — начала XIII в. (Смоленск, Полоцк, Витебск).

Саркофаг сделан из белого камня. Внутри у головы покойника высечен голгофский крест в формах XII в. Крышка саркофага, судя по уцелевшим остаткам, была килевидной и воспроизводила кровлю, крытую или черепицей или деревянным лемехом тоже килевидной формы. Погребение было ограблено и подверглось пожару. В саркофаге был погребен старик около 70 лет в одеянии, расшитом золотом. Можно думать, что здесь погребен один из белгородских епископов конца XII в.

Одного из епископов Белгорода летопись называет «блаженным», т. е. особо чтимым. Это — епископ Максим, умерший в 1189 г.

Вполне возможно, что обе деревянные постройки были связаны с ним: в келье он жил (здесь была поставлена потом и его гробница), а часовня, расположенная в 10 шагах от кельи, была его личной молельней.

Строителем каменного храма-усыпальницы над всем епископским комплексом надо считать одного из князей Ростиславичей, владевших в это время Белгородом.



Белгород. Каменный саркофаг

Время постройки может определяться большим землетрясением 12 марта 1197 г., когда «потрясеся земля по всей области Киевьской и по Кыеву: церькви каменныя и деревяныя колебахуся...»

Возможно, что с этим землетрясением связано дополнительное утолщение северо-восточного пилона, сделанное строителями уже после настила майоликою пола.

Раскопки храма будут продолжены.

РАННЕСЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У г. ГОРОДОК

И. С. Винокур, О. М. Приходнюк

Славянский отряд экспедиции Каменец-Подольского педагогического института закончил исследования на раннеславянском поселении VI—VII вв. н. э. у г. Городок Хмельницкой обл. Поселение исследовалось с 1966 по 1968 год. За это время вскрыта площадь около 2800 кв. м, на которой обнаружены 27 жилищ, пять хозяйственных сооружений, 13 хозяйственных ям и культовая площадка.

В 1968 г. раскопками вскрыта площадь 1100 кв. м и обнаружено 10 раннеславянских жилищ, хозяйственное сооружение и древнерусская полуземлянка.

Исследованное поселение расположено на возвышенности правого берега р. Смотрич (притока Днестра) и занимает площадь 240×100 м. Раскопки показали, что жилые и хозяйственные комплексы располагались тремя группами. Установлено, что не все жилища функционировали одновременно. Из 27 исследованных полуземлянок лишь 12 использовались до момента гибели поселения в огне. Все они отличаются сравнительно большим количеством находок.

В каждой из полуземлянок в одном из углов обнаружены печи-каменки. В нескольких случаях частично сохранился и свод печей. Печи сооружались на уровне пола или на невысоком материковом останце из больших и мелких необтесанных камней. В жилищах 19 и 26 находились не печи, а открытые очаги, выложенные из мелких камней.

В заполнении жилищ чаще всего встречается лепная керамика (горшки, сковородки). Лишь в отдельных случаях попадается керамика, изготовленная на примитивном гончарном круге. Кроме керамики, найдено большое количество костей животных. Другие находки представлены костяными лощилами и проколками, биконическими и округлыми глиняными пряслицами, железными гвоздями, ножами, наконечниками стрел и дротиков, фрагментом железного наральника, шашкой из стекловидной пасты, стеклянной бусиной, фрагментом каменной литейной формочки и т. п.

В жилище 25, в его юго-западном углу обнаружена линзовидная хозяйственная яма диаметром 1,2 м и глубиной 0,25 м. Яма была выложена тонкими плахами и хворостом, обмазана глиной, тщательно сглажена и обожжена. В яме найдена большая раздавленная корчага с четырьмя ручками. Под ее обломками находились остатки муки. В трех метрах к югу от указанной полуземлянки обнаружено прямоугольное в плане наземное хозяйственное сооружение.

В юго-западной части поселения раскопана прямоугольная в плане древнерусская полуземлянка XII—XIII вв. Она ориентирована по странам света размером 3,7×2,8 м и углублена на 0,6 м от современного уровня. Почти в центре жилища находился глинобитный овальный очаг диаметром 1,4 м. В заполнении постройки найдены древнерусская керамика, обломок круглого каменного жернова диаметром 0,7 м, фрагмент стеклянного браслета и кости животных. Можно предполагать, что указанная постройка была местом временного обитания, так как других объектов древнерусского времени на селище не обнаружено.

Неподалеку от селища VI—VII вв. н. э., на противоположном берегу р. Смотрич, на полях соседнего с. Лисогорка были произведены разведывательные работы на черняховском поселении. Здесь обнаружены остатки наземных построек, собрана керамика и другие типичные для черняховской культуры находки.

Интересным объектом на этом поселении был гончарный горн. Он был частично врезан в материковую основу берегового склона и обращен своим устьем к реке. Основание горна имело в плане ладьевидную форму. Горн суживался к устью и расширялся в тыльной части. По продольной оси печи расчищен хорошо обожженный стояк из глины (опорная стенка). Эта стенка делит нижнюю часть горна на две половины и удерживает на себе свод сооружения. Длина горна — 2,4 м, ширина 1,7—1,9 м, ширина стояка (толщина опорной стенки) — 0,45 м.

В восточной части горна под сводами расчищены обломки черняховской керамики. У устья печи находилась предпечная яма. Гончарная печь из Лисогорки имеет прямые конструктивные параллели в горнах Луки-Врублевецкой.

РАСКОПКИ В ЗВЕНИГОРОДЕ НА БЕЛКЕ

А. А. Ратич

Звенигородская экспедиция Львовского государственного университета продолжала раскопки на городище летописного Звенигорода под Львовом.

К сложным вопросам древнего Звенигорода принадлежит его историческая топография. К востоку от детинца на территории окольного города вскрыт участок древнего рва, который вместе со рвом, обнаруженным в 1954—1955 гг. в северо-восточной части окольного города, свидетельствует о существовании в раннем периоде древнего Звенигорода на этих участках двух валов и рвов, в настоящее время совершенно разрушенных.

В 1966 и 1968 гг. в центре городища на расстоянии 2,5 м к югу от вскрытой здесь церкви XIII в. прослежены рвы от фундамента еще одного прямоугольного каменного сооружения, размером 7×3,60 м с закругленными восточными углами, ориентированного, как и церковь, по линии запад — восток. Рвы разные по размерам и глубине, что, видимо, связано с ремонтом и существующим здесь наклоном рельефа местности. Камни из рвов выбраны, так же как и из рвов церкви, еще в древности. Строение имело, видимо, также культовое назначение.

В 1968 г. был полностью исследован столб (2×1,80 м), вскрытый еще в 1966 г. на расстоянии 6 м к востоку от центральной абсиды церкви, сохранившийся на высоту 1,50 м. В процессе исследований предполагалось, что это остатки столба в юго-западном углу большого здания. Столб, сложенный из частично обтесанных кусков белого камня, сцементирован сверху раствором из песка, извести и битого кирпича. Яма для столба выкопана в переходном суглинке, в плане близкая к квадрату, размерами 3×3 м. В юго-западном углу столба, на самом

дне ямы, обнаружены два раздавленных человеческих черепа, ориентированных теменем на запад. В растворе, у внешней стенки столба, находился обломок древнерусского горшка XII—XIII вв. Столб не разобран. На площади, к востоку и северу от столба, не отмечено следов рвов и фундаментов, которые можно бы связать со столбом. Назначение столба пока не выяснено. Остатки каменных построек обнаружены в культурном слое XII—XIII вв.

Во время раскопок на городище древнего Звенигорода вскрыты пять жилищ: два из них — наземного типа и три — полуземлянки. Жилища сохранились сравнительно хорошо на разных глубинах (от 0,60 до 1,30 м от современной поверхности). Они прямоугольные или квадратные в плане, площадью около 20 кв. м. В одном наземном жилище находилась припечная яма. В культурном слое древнего Звенигорода найдено значительное количество мелких кусков камней. Они происходят из разрушенных монументальных зданий и жилищ горожан.

На вскрытой площади выявлено большое количество находок. Из них особого внимания заслуживают орудия ювелирного производства (два тигелька), значительный ассортимент металлических изделий бытового и воинского назначения и изделия из кости (гребни). Все они свидетельствуют о высоком развитии ремесел в древнем Звенигороде. Раскопки в Звенигороде будут продолжаться.

ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОРОДИЩЕ ГАЛИЦА В СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЕ

Б. А. Тимощук

Объединенная экспедиция Черновицкого государственного университета и краеведческого музея продолжала изучение оборонительных валов на древнерусских городищах среднего Днестра (Ломачинцы, Ленковцы, Перебыковцы, Кулишовка). Наиболее интересным из них оказалось городище у с. Ломачинцы Сокирянского р-на, в урочище Галица. Оно расположено на высоком мысу правого берега р. Каютын, в двух километрах от ее впадения в р. Днестр.

Площадка городища диаметром 50 м окружена массивным земляным валом высотой 2,5 м, который в плане имеет форму подковы. Оборонительный вал, как показали раскопки, был насыпан в XI в. на месте деревянных стен крепости VIII—X вв. Истлевшие (местами сгоревшие) дубовые стены первоначальной крепости сохранились в толще земляной насыпи вала на высоту до 1 м. Во время раскопок они были прослежены по периметру длиной 9 м.

Оборонительные сооружения крепости VIII—X вв. складывались из двух параллельно идущих на расстоянии 2,5 м одна от другой бревен-

чатых стен столбовой конструкции. Последние были сложены из горизонтальных дубовых плах, концы которых были зажаты в пазе вертикальных столбов (следы врубки сохранились на одном из опорных столбов). Такую же конструкцию имели и поперечные стены. Передняя стена, которая была подсыпана с наружной стороны земляным валом высотой до 1 м, была дополнительно скреплена вертикально стоящими плахами, вкопанными в землю. Последние располагались как с внешней, так и с внутренней стороны стены. За валом шириной 1,5 м начинался ров шириной 6 м, глубиной 1,9 м. Помещения внутри оборонительных стен не засыпались землей, а были приспособлены под жилища и мастерские. На земляном полу раскопанного жилища обнаружены куски глиняного пода печи и культурный слой толщиной 5—10 см. Здесь найдены неопределенные железные предметы; две костяные проколки и сравнительно большое количество лепной славянской керамики. Эти находки и некоторые другие наблюдения позволяют отнести время сооружения деревянной крепости к VIII в. Также раскопано помещение удлиненно-прямоугольной формы, размером 3,5×2,5 м, в котором находилась железообрабатывающая мастерская. В нем найдены остатки кузнечного горна (обломки сопел и глиняных стенок) и много железных шлаков.

На территории внутреннего двора крепости VIII—X вв. не обнаружено следов застройки этого времени. По-видимому, это была сторожевая славянская крепость, внутренний двор которой служил убежищем на случай опасности для населения окружающих сел. Одно из них располагалось у стен крепости, занимая площадь около 10 га. На территории селища прослежены жилища VIII—XI вв. полуземляночного типа с печами-каменками.

Во время реконструкции крепости в XI в. на месте оборонительного рва и деревянных стен насыпали земляной вал шириной до 7 м. При этом строители нового укрепления использовали деревянные конструкции старой крепости для укрепления земляного вала. На этот раз с внутренней стороны вала были построены деревянные срубы шириной до 6 м. Их помещения также были приспособлены под жилища и для хозяйственных нужд. В конструкцию жилищ входили большие подвальные помещения. Территория внутреннего двора крепости во время реконструкции была несколько расширена за счет пологого склона к северной части городища. Теперь деревянные постройки наземного типа располагались и во внутреннем дворе крепости, оставляя небольшую свободную площадку в центре.

Городище с открытым поселением возле него функционировало до середины XIII в., после чего постепенно запустело. Следует отметить, что в урочище Галица есть еще одно древнерусское городище, расположенное на берегу Днестра, у с. Непоротово. К нему примыкает большое древнерусское поселение, которое также расположено на высоком берегу Днестра, протянувшись вдоль него почти на два километра.

Здесь же, в скалистом берегу Днестра, расположен древний пещерный монастырь. Вполне возможно, что древнерусские памятники урочища Галица являются остатками города Кучелмин, который упоминается Ипатьевской летописью под 1159 и 1213 гг.

РАСКОПКИ В ДАНИЛОВЕ

М. И. Островский, К. В. Павлова, П. А. Раппопорт

Отряд по изучению жилищ провел раскопки на горе Троица (Шумский р-н Тернопольской обл.), где в XIII в. находился древнерусский город Данилов. На городище было заложено пять раскопов общей площадью 220 кв. м. Культурный слой на городище тонкий, не более 60 см, насыщенный значительным количеством керамики и костей животных.

В раскопах удалось обнаружить несколько жилищ. Все они наземного типа, прямоугольные (близкие к квадрату), со сторонами приблизительно 4,2—4,9 м. Судя по найденным кускам глиняной обмазки с отпечатками бревен, стены жилищ были деревянными, обмазанными глиной. Столбовых ям в жилищах не обнаружено. Полы были, вероятно, дощатыми. Печи глинобитные, круглые, расположенные в углах жилищ. Диаметр печей — около 1,1—1,4 м. В жилищах и рядом с ними открыто несколько хозяйственных ям.

Среди находок, связанных с жилыми комплексами, много фрагментов керамики и костей животных, железные ножи, ключи, цилиндрический замок, наконечники стрел, стеклянные браслеты, височные кольца, глиняное пряслице, кремневые огнива, оселки и пр. Особый интерес представляет каменная двусторонняя формочка для отливки перстней и подвесок. Найдены фрагменты керамики с зеленой поливой. Обращает внимание полное отсутствие импортной амфорной керамики.

При раскопках найдены керамические плитки с поливой желтого, зеленого и коричневого цветов. Плитки, по-видимому, происходят от пола древней церкви г. Данилова, расположенной на том месте, где теперь стоит Троицкая церковь. Судя по тому, что на городище не найдено никаких следов древних строительных материалов, церковь XIII в. была, очевидно, деревянной.

Весь археологический материал, найденный при раскопках в Данилове, целиком относится к XIII в., что полностью соответствует сведениям об этом городе, сообщаемым русской летописью.

К северо-востоку от горы Троица, в долине обнаружено русское поселение X—XI вв., а также многочисленные фрагменты керамики и каменные орудия, относящиеся к эпохе бронзы.

III. БЕЛОРУССКАЯ ССР

НОВОЕ О ДРЕВНЕМ ПОЛЕСЬЕ

В. Ф. Исаенко

Уже несколько лет специальная группа сектора Института истории АН БССР изучает древности Полесья. В настоящее время здесь известно около 190 памятников мезолита и неолита.

Впервые в западной части Полесья были осуществлены крупные раскопки на неолитическом поселении Камень у р. Бобрик в Пинском р-не. Здесь вскрыта площадь в 572 кв. м. Наличие ракушечной прослойки не только способствовало известкованию и сохранению костных остатков, но и позволяет стратифицировать полученный материал, выделив раннеолитические древности. Последние относятся к культуре «гребенчатой» керамики, обладая в то же время некоторыми чертами Эртебелле. Поздний неолит представлен в основном материалами типа Лысой горы (Понеманье).

В инвентаре имеется много грубооббитых рубящих орудий, частично сохранивших мезолитический облик, несколько десятков топоров, тесел, долот из кости и рога, наконечники стрел, боковые и угловые резцы, ножи, скребки, скобели, в том числе концевые.

Остеологические материалы представлены костями лошади, кабана, лося, бобра, зубра, барсука, медведя, косули, оленя благородного и быка домашнего. Большие размеры костей лошади, быть может, свидетельствуют о ее одомашнивании. Кости часто служили поделочным материалом. Таким образом, в позднем неолите, по крайней мере в западной части Полесья, уже занимались скотоводством.

Культурные остатки, залегающие ниже слоя, насыщенного раковинами, могут датироваться временем до увлажнения климата, т. е. V тысячелетием до н. э.

В низовьях Припяти раскапывалось поселение Литвин-3 на северном берегу одноименного озера у д. Юревичи Калинковичского р-на. Был вскрыт центр памятника, получены новые материалы, которые характеризуют IV этап культуры гребенчато-накольчатой керамики.

При обследованиях в верховьях Припятского бассейна было выявлено девять неизвестных памятников IV—III тысячелетий до н. э. Собраны обильные, в том числе и ранненеолитические, материалы. Среди находок на поселении Сеньчицы имеется кремневая фигурка.

РАБОТЫ НА КРИВИНСКОМ ТОРФЯНИКЕ

М. М. Чернявский

Продолжались археологические работы на Кривинском торфянике, которые здесь проводятся на протяжении ряда лет (К. М. Поликарпович, П. А. Прибытким, Е. Г. Красковская, М. М. Чернявский). В этом году был раскопан новый участок площадью в 74 кв. м на поселении Асавец II.

Получено множество фрагментов керамики, относящейся в основном к обычным для поселений Кривинского торфяника двум типам, орудий труда и предметов обихода из кости, рога, кремня и дерева, янтарных и других украшений и т. д.

При исследовании культурного слоя были обнаружены остатки каких-то деревянных конструкций в виде лежащих и вертикально вбитых в материк кольев диаметром в среднем 10—15 см. В их расположении не удалось обнаружить определенной системы. В одном из квадратов находились остатки слегка углубленного в материк очага, содержащего скопление древесного угля. Повсеместно в культурном слое встречалась скорлупа лесного и водяного ореха, желудей, а также кости животных.

Из костяных орудий наиболее богато представлены наконечники стрел вытянутой формы с плоским скальпелевидным черешком и обычно слегка выраженным перехватом в средней части. Наконечник шигирского типа встречен лишь один. Довольно много найдено и различных проколок и игл из тонких костей и стенок трубчатых костей. Из рога были изготовлены два долота и топор.

Раскопки дали ряд новых доказательств большого значения для местного населения рыбной ловли. Найдены односторонний двухзубчатый гарпун и фрагменты двух других, изящный рыболовный крючок и обломок такого же крючка; семь грузил бочковидной формы, залегающих в самом основании культурного слоя недалеко друг от друга, а также берестяной поплавок.

Каменные и кремневые изделия представлены обычными для лесной зоны Европейской части СССР формами.

За время раскопок увеличилась также и коллекция украшений. Всего найдено семь янтарных изделий и их фрагментов, которые состоят из

подвесок и одной небольшой прямоугольной пуговицы с V-образным отверстием. Несколько подвесок было изготовлено из зубов лося, медведя и других животных. К украшениям принадлежит и костяное кольцо с насечками, иногда образующими мелкие зубчики по краю, а также изделие странной формы с косыми насечками по поверхности.

Группу близких между собой находок составляют и пластинки изогнутой формы из кабаньих клыков. Назначение почти всех их представляется неясным. Возможно, они применялись в качестве режущих инструментов, например, при разделывании рыбы. Одна из таких пластинок оформлена как проколка. Из подобного же материала было вырезано и изображение, напоминающее птицу при взлете.

Из деревянных изделий найдено лишь несколько неопределенных фрагментов и обломок тонкостенной миски или ковша.

В этом году, так же как и во время раскопок 1966 г., в культурном слое были обнаружены мелкие осколки расколотого черепа человека. Возможно, это свидетельство какого-то магического обряда.

Характер полученного материала и особенно состав керамики, а также сравнение с соседними торфяниковыми памятниками говорят о том, что данное поселение по времени относится к эпохе позднего неолита и ранней бронзы и принадлежит к кругу памятников лесной полосы Европейской части СССР.

СРЕДНЕДНЕПРОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

И. И. Артеменко

Среднеднепровская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР исследовала памятники эпохи неолита и бронзы Восточной Белоруссии. В работе экспедиции принимали участие Могилевский и Гомельский областные краеведческие музеи.

Проведены разведки по р. Друть (правый приток Днепра), на участке от дер. Лубяны Белыничского р-на до районного центра Чечевичи Могилевской обл. У дер. Лубяны в урочище Круча на развеянных песках встречаются кремневые наконечники стрел, отщепы кремня и фрагменты керамики железного века. На участке со стороны реки обнаружены два погребения с трупосожжениями, расположенные друг от друга на расстоянии 35 м. В могилах овальной формы (длина 0,9 м, ширина 0,75 м) обнаружено скопление мелких обломков кальцинированных костей. В одном из погребений найдено серебряное височное кольцо и обломок второго кольца. У южной окраины дер. Угольщина, на распаханной песчаной возвышенности обследовано неолитическое поселение. Собрана коллекция кремневых орудий и фрагментов керамики. К югу от деревни, в сосновом лесу, вдоль высокого берега

Друти расположен большой курганный могильник, вероятно, XI—XIII вв.

На Соже неолитические поселения обследованы у дер. Кремянка (урочище Подберезки) и в шести пунктах между дер. Клины и дер. Старая Каменка Славгородского р-на Могилевской обл. Рекогносцировочные раскопки неолитических поселений производились против дер. Рудня в урочище Гривка, у дер. Клины, на берегу оз. Святого близ дер. Дубно Славгородского р-на Могилевской обл. и в урочище Беседки против г. Гомеля. Получена интересная коллекция кремневых орудий и фрагментов неолитической керамики.

Между деревнями Клины и Дубно Славгородского р-на обнаружена курганная группа, состоящая из 10 насыпей. Курганы расположены цепочкой на протяжении 1,5 км. В дер. Клины раскопан один курган с расплывшейся насыпью (высота 0,7 м, диаметр—12 м). В насыпи кургана найдены несколько фрагментов керамики бронзового века и отщепы кремня. Под курганом, в центре на древнем горизонте обнаружены остатки скелета (остатки черепа, пять позвонков, кости рук и ног) очень плохой сохранности; умерший был положен головой на юг, на боку в скорченном положении. Вещей нет.

Значительный интерес представляют раскопки трех курганов у западной окраины дер. Дубно. В насыпи кургана 1 (высота 0,6 м, диаметр 10 м) встречались кремневые орудия, отщепы кремня, фрагменты неолитической керамики и керамики бронзового века. Под курганом находилось восемь могильных ям овальной и округлой формы. Хорошо прослеживались следы перекрытия могил деревом, а на дне одной из могил найдена обожженная жердь длиной около 1 м от перекрытия могилы. Каких-либо следов скелетов не обнаружено. В одной из могил найдены лишь две костяные подвески, в остальных могилах вещей не было. В насыпи второго кургана (высота 0,25 м, диаметр 10 м) найдено несколько фрагментов керамики бронзового века. Под курганом, в центре, на древнем горизонте обнаружены остатки скелета (обломки тазовых и бедренных костей) со следами сожжения и три могильные ямы. В одной из могил (погребение 2) найдены пять обожженных трубчатых костей, сложенных на специальном возвышении (ступеньке), на 20 см выше дна могилы. У края могилы, в специально вырытой в желтом песке ямке, обнаружено 74 отщепа и куска кремня. Во второй могиле (погребение 3) найден лишь один обожженный обломок трубчатой кости, а у края могилы, также в специально вырытой ямке,—45 кусков кремня. В третьей могиле ничего не обнаружено. Под третьим курганом погребение было обнаружено в центре, на древнем горизонте. Кости скелета обожжены и беспорядочно сложены на зольной подсыпке (длина 0,95 м, ширина 0,65 м), ориентированной по длинной оси с юга на север. Вещей нет.

Судя по форме курганов и обряду погребения, можно предполагать, что Среднеднепровской экспедиции впервые удалось обнаружить в

Восточной Белоруссии курганы с погребениями бронзового века второй половины II тысячелетия до н. э. Дальнейшие раскопки курганов между деревнями Клины и Дубно позволят, вероятно, уточнить их датировку и культурную принадлежность.

У дер. Себровичи Чечерского р-на Гомельской обл., в урочище Липовый Брод продолжались начатые в 1965 г. раскопки неолитического поселения и расположенного на нем грунтового могильника среднеднепровской культуры. С раскопанной площади в 600 кв. м получена интересная коллекция фрагментов неолитической керамики и кремневых орудий. Обнаружено 26 погребений бронзового века с трупосожжением. Могилы овальной формы, ориентированы по длине юг — север — восемь могил, юг-юго-запад — север-северо-восток — две, восток — запад — четыре, юго-юго-запад — север-востоко-восток — одна, юго-восток — северо-запад — пять, юго-запад — северо-восток — три могилы. Погребальный инвентарь: глиняные сосуды, каменный топор, кремневые клиновидные топоры, стрелы, копья и отщепы кремня — обнаружен лишь в девяти погребениях.

В урочище Борок у дер. Лобковичи Кричевского р-на Могилевской обл. найдены фрагменты керамики и кремневые наконечники стрел бронзового века второй половины II тысячелетия до н. э., а также фрагменты посуды культуры штрихованной керамики. Поселение культуры штрихованной керамики обследовано к югу от дер. Рудня Славгородского р-на Могилевской обл. В обрезе высокого берега Сожа хорошо виден разрез четырех землянок глубиной до 1,5 м. Собрана коллекция фрагментов керамики.

На берегу оз. Святого у дер. Дубно обнаружена курганная группа, насчитывающая восемь насыпей. Раскопано три кургана, в которых находилось пять славянских погребений. Умершие были положены на спине в вытянутом положении, головой на запад. В трех погребениях найдены сердоликовые и стеклянные бусы, оловянные височные кольца и медные перстни.

ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ ГОРОДИЩ СЕВЕРНОЙ БЕЛОРУССИИ

К. П. Шут

Основные работы Северобелорусского отряда были сосредоточены в Ушачском и Городокском р-нах Витебской обл.

На Ушачщине, кроме стационарных раскопок на городище у дер. Кубличи, были обследованы и частично раскопаны три вновь открытых городища около дер. Чемеричино, Лисичино и Беляковщина, расположенных в 2—3 км от Кубличского.

За четыре полевых сезона на Кубличском однослойном городище на площади 774 кв. м, что составляет половину всего поселения, выяснена планировка и характерные особенности жилых и хозяйственных строений. Удлиненные дома имеют столбовую конструкцию и составляют в целом радиально-кольцевую систему застройки по краю городища. Каждое отдельное жилище располагает внутри каменным очагом диаметром 0,7—1 м, чаще подковообразной формы. Постройки хозяйственно-производственного назначения имели также столбовую конструкцию и вписывались в общую систему кольцевой застройки. Об этом свидетельствует основание сыродутной домницы, вскрытой в северо-восточной части городища. В момент существования домницы на этом месте (ранее кольцевой застройки) не обнаружено следов жилищ. Этот комплекс располагался между жилищами. Центр городища, за редким исключением, был свободен от построек.

Интересные сведения получены по керамике. Наряду с гладкостенной (90%) и штрихованной (10%) на Кубличском городище найдено около 10 обломков сетчатой керамики от трех сосудов. Сетчатая керамика найдена также и на городище у дер. Беляковщина. В результате граница распространения сетчатой керамики значительно отодвинулась на юг. Кубличи и Беляковщина — пока самые крайние ее точки.

Большой интерес представляют два фрагмента от штрихованных сосудов, найденные на городище у дер. Чемеричино. По характеру нанесения штрихов, по тесту, обжигу и фактуре они очень близки с керамикой из стоянок Крипина и Осовец Сенненского р-на Витебской обл.

Таким образом, высказанное ранее предположение о происхождении штрихованной керамики на территории Белоруссии от культур бронзового века находит свое подтверждение в материалах древних городищ.

Из других находок следует отметить датирующие предметы. Кроме железного топора, на Кубличском городище найдена железная стрела с раздвоенным черешком (шипом), относящаяся к скифскому периоду. Нижняя дата городища определяется также бронзовым браслетом с насечками (VI—V вв. до н. э.). С открытием городищ у дер. Чемеричино, Лисичино и Беляковщина изменились наши представления о плотности населения этого района в эпоху раннего железа.

В Городокском р-не исследовалось городище Бураково. Кроме площадки, были изучены оборонительные сооружения, расположенные на более пологих склонах (северо-западный и юго-восточный). Оборонительная система представляет собой два земляных вала и рвы. Основные работы по ее возведению были произведены в начальный период существования поселения.

В северо-западной части городища открыты еще два кузнечных комплекса непосредственно на площадке и основание (фундамент) сыродутной домницы на краю ближайшего к площадке рва. Кузницы устроены в специально вырытых углублениях, идущих параллельно друг другу и большей оси городища.

Первое углубление, проходящее в двух метрах от северо-восточного края площадки, имеет ширину 3 м и глубину в материке 0,3—0,4 м. Длина пока не установлена, потому что оно выходит за пределы раскопа. В углублении найдено два неизвестных по назначению камня с дырками в центре, два каменных молота с перехватом, наковальня и горн, состоящий из глиняного овального бортика размером 0,8×1 м. С северной стороны горна находились две кучи камней, вероятно, для крепления меха.

Второе углубление расположено в четырех метрах от первого и в двух метрах от юго-западного края площадки. Оно врезалось в материк на 0,7—0,8 м и занимало в ширину 4 м. Здесь, как и в первом углублении, в самом нижнем слое открыт аналогичный по форме и размерам кузнечный горн. В дальнейшем это углубление было освоено под жилье. Об этом свидетельствуют четыре каменных очага, перекрывавших горн. Судя по стратиграфии, жилища размещались не в углублении, а на ровной, заполненной культурным слоем, поверхности. Местом же для обработки железа в это время стало служить первое углубление.

Богатый сравнительный керамический материал из городища Северной Белоруссии позволяет с полным основанием указать на тождество форм сосудов трех видов керамики: гладкостенной, штрихованной и сетчатой. Вся найденная керамика относится к слабопрофилированным и баночным сосудам, т. е. к тем основным формам, которые характерны для гладкостенной керамики древних городищ Северной Белоруссии, Смоленщины и других соседних территорий.

МОГИЛЬНИК В с. ГУЩА

Д. А. Остапюк

Бескурганный могильник в с. Гуща Любомльского р-на Волынской обл. был открыт в 1967 г. Полесским отрядом Института археологии АН СССР. Расположен могильник на песчаной возвышенности в урочище Додатки, на восточной окраине села. Южная часть этой возвышенности сильно разрушена песчаным карьером. Во время первичного обследования в карьере обнаружены остатки погребения с трупосожжением, содержавшим небольшое количество обломков пережженных костей, несколько небольших обломков глиняных лепных сосудов и золу.

На основании этого предполагалось, что могильник в Гуще относится к тому же типу, что и могильник в соседнем г. Любомле (II—IV вв. н. э.).

Однако в дальнейшем, во время охранных раскопок, произведенных мною осенью 1967 г., и контрольных раскопок Ю. В. Кухаренко в 1968 г.

оказалось, что этот могильник более древний. Нами в могильнике, в местах разрушаемых карьером, было вскрыто пять погребений с трупосожжением и четыре ямы, заполненные золою. Захоронения производились в небольших овальных ямах глубиною около 0,80 м. На дне этих ям находились зола, обломки пережженных человеческих костей и обломки глиняных лепных сосудов, характерных для поморской культуры.

В погребениях было от одного до четырех сосудов, но ни один не собирается полностью. Некоторые сосуды вторично обожжены. В одном из погребений, кроме глиняных сосудов, были обнаружены и два обломка бронзового пластинчатого браслета.

Помимо погребений в могильнике встречаются и небольшие округлые ямы, заполненные золою. В этих ямах попадались обломки глиняных сосудов того же типа, что и сосуды из погребений. В толще песка вне погребений и ям изредка встречаются обломки таких же сосудов, а также отдельные обломки пережженных человеческих костей.

На основании вещей, найденных в погребениях, могильник в с. Гуща следует датировать IV—II вв. до н. э. и относить к поморской культуре (группа подклешевых погребений).

ТАЙМАНАВА

Л. Д. Поболь

Археологический памятник в Тайманаве Быховского р-на Могилевской обл. представляет определенный интерес для решения вопроса о взаимосвязи племен позднего этапа зарубинецкой культуры (II—V вв. н. э.) с населением, оставившим памятники типа Чаплина, и с раннесредневековыми древностями третьей четверти I тысячелетия н. э. Белорусского Поднепровья.

В 1968 г. были произведены большие раскопки на селище и начаты работы в обнаруженном бескурганном могильнике. На поселении исследования велись в двух местах. В центральной части было заложено шесть раскопов площадью в 2036 кв. м, а в восточной — около 200 кв. м. Культурный слой имеет мощность от 0,2 до 1 м. Выявлены остатки хорошо сохранившихся двенадцати полуземлянок почти квадратных в плане с разной ориентировкой — по странам света и несколько смещенных на северо-восток. Их площадь — 10—20 кв. м. На поселении обнаружено большое количество столбовых ям от наземных и немного углубленных в землю жилищ столбовой конструкции, различных хозяйственных построек, остатки разрушенных при распашке и слегка углубленных в землю каменных очагов и огромное количество различных предметов материальной культуры.

Анализ найденных вещей позволяет сделать вывод, что на изученной части селище существовало беспрерывно от II до VII—VIII вв. Кроме того, в восточной его части было поселение эпохи Киевской Руси. На селище выявлено много разнообразных изделий из железа, бронзы и стекла. Одной из интересных находок является бронзовая фибула IV—V вв. н. э. Обнаружено огромное количество груболепной керамики, которая может быть разделена на три группы: гладкостенная, с прочесами и лощеная. Первая группа представлена несколькими типами. Она является характерной для всего времени существования селища. Вторая и третья группы сосудов были типичными для первой половины I тысячелетия н. э. Наблюдается непрерывность развития всех форм (удалось реставрировать около двадцати сосудов). Самая ранняя лощеная керамика обнаружена в полуземлянке 6, которая находилась в восточной части селища. Эта керамика абсолютно идентична лощеным горшкам и ребристым мискам Чаплинского могильника, которые были найдены вместе с поздними вариантами позднелатенских фибул. Связь с Чаплином хорошо прослеживается в Тайманаве на основных категориях находок.

В нескольких десятках метров на север от селища располагается бескурганный могильник с трупосожжениями. В нем всего вскрыто 85 погребений, одновременных поселению. Многие из них не содержали никаких находок. Однако в части из них найдены разнообразные типы предметов и лепных сосудов.

В нескольких захоронениях сожженные кости были ссыпаны в горшки. Погребения произведены в круглых и удлиненных ямах, таких как и на Чаплинском могильнике.

Сравнение материалов Тайманавы с Чаплином дает основание считать, что жизнь племен зарубинецкой культуры в Белорусском Подне-провье прекратилась на городищах не позднее II в. н. э. На позднем этапе зарубинецкой культуры и в третьей четверти I тысячелетия н. э. на территории Белорусского Поднепровья продолжалась жизнь на открытых поселениях. Это было прослежено на селище в Абидне и подтверждено также в Тайманаве.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ГРОДНЕНСКОМ ПОНЕМАНЬЕ

В. В. Седов

В археологической литературе о Белорусском Понеманье числится значительная группа могильников, содержащих, наряду с полусферическими, длинные курганные насыпи. Обследование этих пунктов было начато в 1962 г., продолжено в 1966 г. и закончено в 1968 г. Оказалось, что в большинстве случаев прежними исследователями за длинные кур-

ганы были приняты валообразные и овальные насыпи природного, чаще дюнного происхождения. Бесспорные длинные курганы в бассейне верхнего Немана встречаются исключительно редко.

Среди них интересен длинный курган (размерами 29×14 м, при высоте 1,5 м), открытый при дер. Кошели в Зельвенском р-не Гродненской обл.

Насыпь задернована, но в ряде мест на склонах сквозь дерн проступает вымостка из небольших камней, идентичная покрову ятвяжских курганов той же территории. Курган расположен в группе с круглыми насыпями, из которых сохранилось три (высотой 1,5—2,5 м, диаметры оснований 9—15 м), остальные уничтожены. Раскопками двух курганов установлено, что под дерном находилась вымостка, покрывавшая не всю насыпь, а только ее склоны с одной или двух сторон. При сооружении курганов использовался песок с гравием и многочисленные камни, в том числе довольно крупные.

Первоначально насыпалась нижняя часть курганов (на высоту 0,8—1,2 м) с горизонтальной площадкой сверху. С одной или двух сторон склоны выкладывались мелкими и средними камнями. Плотная каменная вымостка продолжалась и за пределами курганных оснований (два — четыре метра), образуя языкообразные выступы, что делало общие контуры насыпей удлиненными. В середине таких насыпей вырывалась могильная яма, которая заполнялась золой с мелкими кальцинированными косточками. Зола с сожженными костями, видимо, приносилась с погребальных костров, находящихся где-то на стороне. В заполнении могильных ям и над ними зафиксированы многочисленные камни.

После захоронений остатков трупосожжений курган досыпался до полусферической формы. Вещей в курганах не встречено.

По общему облику кошелинские курганы относятся к ятвяжским памятникам и приблизительно могут быть датированы второй половиной I тысячелетия н. э. Некоторое своеобразие в их устройстве (односторонние каменные вымостки и языкообразные выступы), скорей всего, объясняются племенной дифференциацией ятвягов. Присутствие среди ятвяжских курганов длинной насыпи отмечается впервые.

В 0,3—0,5 км от курганов открыты городище и селище. Городище устроено на вершине холма (свыше 20 м высотой). С одной стороны оно защищено искусственным рвом, с остальных — очень крутыми склонами. Размеры овальной площадки городища — 65×40 м. Культурный слой сохранился только по краям городища. Собрана лепная и гончарная керамика, позволяющая датировать последние IX—XII вв. По облику городище близко к ятвяжским памятникам Сувалкии. Селище, расположенное на берегу ныне высохшей р. Барсучинки, оказалось уже полностью распаханным. Найдена гончарная керамика XI—XII вв.

Еще два городища обследованы в северной части Гродненской обл. Одно из них расположено на р. Остринке при дер. Кульчицы, второе —

на р. Костеневке около одноименной деревни. Оба городища находятся на плоской местности и имеют округлую форму, не зависимую от конфигурации рельефа. В плане они круглые (диаметры внутренних площадок — 45 и 70 м) и обнесены кольцеобразными валами высотой до 3,5 м с напольной стороны и до 2 м с противоположной. С напольной стороны, кроме того, прослеживаются заплывшие рвы. Кульчицкое городище имело еще со стороны реки внутренний дугообразный ров. Керамический материал позволяет датировать городище XI—XIII вв. По всей вероятности, Кульчицкое и Костеневское городища были северными пограничными пунктами Черной Руси. С усилением Литовского государства в XIII в. они оказались разгромленными.

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

Г. В. Штыхов

Полоцкий отряд Белорусской археологической экспедиции Института истории АН БССР производил обследование городов Полоцкой земли с целью выяснения их исторической топографии, перспектив дальнейших археологических раскопок и уточнения зон охраны.

В Заславле (летописный Изяславль) на участке, предназначенном для нивелировки в связи с благоустройством двора возле нового здания школы, исследована площадь в 180 кв. м. Толщина культурного слоя в среднем составляла 50 см. В материке обнаружены ямы, вероятно, связанные с производственными постройками. Найдено огромное количество керамики X—XII вв. и другие вещи этого времени. В итоге окончательно установлено местонахождение посада древнерусского города.

В детинце совместно с сотрудниками научно-реставрационных мастерских Министерства культуры БССР производилось обследование фундаментов Спасо-Преображенской церкви. Установлено, что роль фундамента у этого здания выполняли стены немного более ранней постройки, которые уходят в землю на 4 м и сложены из брусчатого кирпича в технике смешанной готическо-ренессансной кладки. Фундаменты этого первоначального сооружения прорезают культурный слой домонгольского времени мощностью более 1,3 м, который залегает у восточной стены на глубине 4 м от современной дневной поверхности и перекрыт тремя мощными насыпными слоями песка. Стены первоначальной постройки были засыпаны в короткий срок в конце XVI или начале XVII в. в связи с грандиозной перепланировкой детинца и выравниванием его поверхности. В этих стенах были устроены сводчатые подвалы ныне существующей постройки.

В Лукомле на городище вскрыта площадь в 112 кв. м при мощности слоя в 2,2—2,5 м. Найдено большое количество вещей X—XIII вв., сре-

ди них золотая бусина XII—XIII вв. и загадочная ажурная костяная пластинка X в. размером 5,6×2,5 см с абстрактными изображениями.

Производилось обследование полоцких городов Логойска, Копыси, Борисова с учетом их исторических планов и данных топонимики.

С 1928 г., после разысканий А. Н. Лявданского было принято считать, что Борисов основан полоцким князем Борисом в XII в. на острове р. Березины (площадь шесть га), вокруг которого развивался посад

Лукомль. Костяная накладка X в.

на территории современного города. Однако никаких материалов домонгольского времени здесь ни в 1928, ни в 1968 г. найдено не было. Тогда обратили внимание на названия: Новый Борисов, Борисов и Старый Борисов. Наконец, в совхозе Старо-Борисов в пяти км от города на левом берегу Березины было найдено овальное городище площадью до одного га и возле него селище домонгольского времени. По всей вероятности, Борисов был основан здесь и затем перенесен на теперешнее свое место.

Во время разведки на крайнем севере Белоруссии в Россонском р-не в курганной группе Повалишино Янковичского сельсовета раскопан удлиненный курган (12×7×0,6 м), насыпанный в два приема. В насыпи обнаружены трупосожжения в урнах, схожих с керамикой верхнего слоя Тушемли на Смоленщине и некоторых памятников Белоруссии. Есть сосуды гладкостенные и покрытые прочесами.

РАСКОПКИ В СЛОНИМЕ

Я. Г. Зверуго

Верхненеманский отряд Белорусской археологической экспедиции проводил раскопки в одном из древнейших городов Понеманья — Слониме.

Первое упоминание о Слониме в Ипатьевской летописи относится к середине XIII в. Однако уже в результате разведочных раскопок 1959 года (руководитель Г. И. Пех) было установлено, что возникновение города следует относить к более раннему времени.

Раскопки 1968 г. велись в пределах древнейшей части города, где, по свидетельству польских хронистов, находился укрепленный замок. Этот квартал города, ограниченный улицами Первомайской, Советской, им. Энгельса, им. Маяковского, среди старожилов и поныне известен под названием Замчища. Раскоп площадью 168 кв. м был заложен в восточной части Замчища, вплотную к ул. Энгельса. Мощность культурного слоя здесь достигает пяти и более м. Характерной особенностью культурного слоя является повышенная влажность, обеспечивающая хорошую сохранность дерева, кожи и вообще всех органических веществ.

Под полутораметровым слоем XVIII—XIX вв., обильно насыщенным крупными валунными камнями (в восточной части раскопа и кирпичом), обнаружился слой желтого песка, ниже которого шел слой XI—XV вв.

В этом слое отлично сохранились настилы мостовых из тонких бревен и плах. Одна улица шириной пять — шесть метров проходила с севера на юг, другая, более узкая (ширина — три — четыре метра) шла в направлении с северо-запада на юго-восток и примыкала к первой с запада. Основу первой мостовой составляли продольные деревянные лаги, располагавшиеся на массивных поперечных плахах. Продольные лаги другой улицы лежали на поперечных бревнах, концы которых покоились на продольных плахах.

По обе стороны мостовых сохранились остатки жилых и хозяйственных построек. Размеры их самые разнообразные: от маленьких хозяйственных построек размером 2,2×1,8 м до сравнительно больших жилых домов площадью около 20 кв. м. Большинство построек — срубные, из хвойных (реже — лиственных) пород. Все они рублены «в обло». Обнаружены и сооружения столбовой конструкции, которые, по-видимому, имели преимущественно хозяйственное назначение. Печи в жилых постройках располагались в одном из углов, чаще всего сразу же у входа. Сохранились основания печей, ограниченные уложенными на ребро досками, концы которых входят под прямым углом в пазы массивного столба (другие концы досок примыкают к стенкам).

Раскопки обнаружили большое количество разнообразных по назначению предметов из железа, цветных металлов, стекла, дерева, кости, кожи и тканей

В слое второй половины XII—XIII вв. найдено большое количество стеклянных браслетов. Зато обломков красноглиняных рифленых амфор киевского типа в домонгольских слоях Слонима встречено сравнительно мало.

Среди металлических находок следует выделить бронзовую фибулу с утолщенными концами, монетовидную орнаментированную привеску, медный кувшинчик изящной формы.

Найдены обломки шпор, скребница для чистки лошадей, наконечник дротика, наконечники стрел, железный шлем с наносником. Следует отметить, однако, что предметы вооружения в слонимской коллекции весьма немногочисленны.

Обнаружено большое количество деревянных изделий: гребни, миски, лопаты, детские мечи, застежки к одежде, клепки и днища от ведер и т. д. Встречено много разнообразных изделий из кожи (всевозможная обувь, футляры, ножны). Найдены обрывки шерстяных и льняных тканей.

Среди других находок отметим костяной кружок с изображением каких-то животных и шиферное пряслице с процарапанными знаками в виде креста и полумесяцев.

Раскопки убедительно свидетельствуют о том, что уже во второй половине XII в. Слоним являлся богатым и благоустроенным городом: широкие мостовые, добротные бревенчатые дома, высокая материальная культура, значительное развитие ремесла и торговли. Однако о времени основания города пока нельзя сказать ничего определенного. Не исключено, что Слоним, как и соседний с ним Волковыск, возник в начале XI в.

РАСКОПКИ СЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ XI—XII вв. В ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Г. Ф. Соловьева

Радимичская экспедиция Института археологии АН СССР продолжала свою работу в Гомельской обл. Были исследованы курганы близ с. Юдичи и Шапчицы, продолжались раскопки Заборовского городища, начатые в 1967 г.

На территории городища было заложено два раскопа (10×10 м), примыкающих к раскопам 1967 г. Так же как и в прошлых раскопках, было обнаружено последовательное напластование трех культурных слоев: милоградского, штрихованной керамики и эпохи Киевской Руси.

Найдено значительное количество керамики, различные железные поделки и др.

Курганная группа у с. Шапчицы расположена в двух километрах юго-западнее села и состоит из двух групп, включающих соответственно три и шесть курганов.

Раскопаны все курганы второй группы. Выявлен характерный для радимичей обряд погребения: умерший погребен на горизонте на выжженном слое, по основанию кургана идет зольное кольцо. Ориентировка преимущественно западная, но встречается и восточная. В одном случае обнаружено парное погребение (мужчины и женщины).

Инвентарь женских погребений состоит из различного рода украшений: серебряных семилучевых и проволочных браслетообразных височных колец, великолепных бронзовых звериноголовых браслетов, монетовидных привесок, лунниц, привесок в виде крестиков круглоконечных и прямоконечных (на последних имеется изображение фигуры Христа) и др.

На пальцах рук найдены перстни. В области шеи найдено значительное количество стеклянных и сердоликовых бус и бисера. Инвентарь мужских погребений обычно состоит из ножа, кресала и подковообразных фибул.

Обнаруженная в курганах керамика позволяет датировать курганы XI в.

К северу от группы, на расстоянии около двух километров на высоком берегу старицы р. Днепра расположено городище, ограниченное с напольной стороны валом. Культурный слой городища крайне беден. Подъемный материал позволяет отнести его к эпохе раннего железа (милоградского типа).

Курганная группа Юдичи расположена к северу от шоссе Москва — Брест в хвойном лесу и насчитывает 150 курганов. Курганы имеют высоту 1—3 м и диаметр 6—20 м, большей частью заросли деревьями. Можно было проследить, что вокруг каждого крупного кургана расположено кольцо более мелких (как показали раскопки, эти мелкие курганы, как правило, были женскими захоронениями).

Обряд погребений тот же, что и в предыдущей группе (трупоположения на горизонте, на слое золы, с огненным кругом по основанию кургана). Здесь также найдены семилучевые височные кольца и проволочные перстнеобразные, различного рода привески, перстни и браслеты.

Из отдельных находок следует упомянуть янтарные бусы (крупные, бипирамидальной формы) и великолепные костяные резные фигурки коней, украшающие сумку одной из умерших.

Один из курганов, по-видимому, относится к значительно более раннему периоду (эпохе бронзы). Здесь были обнаружены обломки горшка, который имеет аналогии в памятниках эпохи ранней бронзы на этой территории.

НОВОГРУДСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Ф. Д. Гуревич, М. В. Малевская,
К. В. Павлова, Т. С. Пономарева,
Е. В. Шолохова

Основным объектом работ экспедиции был детинец древнего Новогрудка. В его северной части в 1967 году был заложен раскоп площадью 320 кв. м и снят верхний культурный слой на глубину до 70—80 см.

Юго-западная часть раскопа была занята остатками нескольких разновременных построек из кирпича и камня. Они тесно примыкают друг к другу, занимая площадь около 100 кв. м. Большая часть этих сооружений уходит в южную и западную стенки раскопа, поэтому ни одной постройки полностью открыть не удалось. В раскопе сохранились в основном лишь фундаменты, обнаруженные на глубине 50—80 см от дневной поверхности.

Наиболее ранней постройкой была церковь, от которой открыты часть фундамента северной стены, северная половина апсиды, часть северо-восточного крестчатого столба с округленными углами и кирпичный пол около него. Фундамент церкви сложен из валунных камней, пространство между которыми заполнено мелким булыжником и битым кирпичом. Связующий раствор — известь с примесью мелкой гальки. В верхней части фундамента, по его внешнему краю, встречается брусчатый кирпич, иногда с желобками, размером 27—28×12—13×6,5—8 см. Толщина фундамента — 1,8—2 м. Глубина его залегания еще не определена.

Остальные сооружения пристроены к фундаментам церкви в основном уже после ее разрушения. Так, южная половина апсиды была разобрана при сооружении кирпичной постройки со сводчатым подвальным помещением, пол которого лежит на глубине 2,5 м. Стена другой постройки, примыкающей к церкви с востока, перекрывает частично фундамент плечика апсиды. От стен этой постройки толщиной 1,2 м сохранилось три-четыре ряда кирпичной кладки на несколько более широком фундаменте из кирпича с включением мелкого булыжника. Размер кирпича 30×15×7—8 см. Фундамент еще одной постройки перпендикулярно примыкает к северной стене церкви.

В культурном слое, окружающем сооружения, обнаружено большое количество строительного материала: обломки разнообразных лекальных кирпичей, фрагменты полукруглой в сечении кровельной черепицы и куски штукатурки с белой поверхностью. В этом же слое найдены фрагменты керамики XIV—XV вв., арбалетные стрелы и другие предметы этого же времени. В шурфах около фундамента церкви встречается и более ранний материал.

На основании стратиграфических данных и данных строительной техники остатки архитектурных сооружений можно предварительно отнести к XIV—XV вв.

При строительстве архитектурных сооружений на прилежащих к ним участках, вероятно, был частично нарушен культурный слой предшествующего времени. Лишь в северной, и особенно в северо-восточной части раскопа, ближе к валу, слой домонгольской поры пострадал меньше. Здесь на глубине 0,60—1,20 м обнаружены остатки нескольких сгоревших деревянных построек, однако установить размеры и очертить их границы не удалось. Судя по направлению остатков дерева, все открытые раскопками постройки были ориентированы с северо-запада на юго-восток. По комплексам найденных вещей (керамика, обломки амфор, изделия из железа, стеклянные браслеты) их можно датировать XII—XIII вв.

Среди изделий из стекла найдена часть венчика стеклянного бокала. Аналогичные бокалы хорошо известны по материалам окольного города Новогрудка. Они привезены из Сирии и датируются XIII в. Значительный интерес представляют остатки хозяйственных построек. Лучше других сохранилась постройка 9, от которой под слоем золы, сажи, обожженной глины и прокаленной земли сохранился обгоревший деревянный настил размером 4,60×4,60 м из толстых досок шириной 18—25 см, покрытых берестой. Под настилом, у северо-западной и юго-восточной границ развала постройки, прослежены четыре обгоревших лаги диаметром 20—24 см, которые лежали попарно на расстоянии 50—60 см одна от другой. Под досками местами прослежен слой обгоревшей пшеницы толщиной 2—3 см. Раскопать остатки этой постройки до конца не было возможности.

Над южной частью постройки 9 открыта еще одна, более поздняя хозяйственная постройка. На обгоревших досках ее пола обнаружено много гороха и ржи. Еще в одной постройке, уходившей под северную стенку раскопа, найдено скопление обуглившихся зерен мака.

Наряду с работами на детинце продолжались раскопки курганного могильника у дер. Бретяпка. Исследовано девять курганов. В двух курганах обнаружены погребения по обряду трупосожжения без вещей. В шести курганах вскрыты погребения по обряду трупоположения с бедным инвентарем (обломки керамики, ножи, наконечники стрел, единичные бусы), который позволяет датировать эти курганы XI в.

РАСКОПКИ РУИН ЦЕРКВИ БЛАГОВЕЩЕНИЯ В ВИТЕБСКЕ

М. К. Каргер

Церковь Благовещения в Витебске, выстроенная в первой половине XII в., является выдающимся памятником древнерусского зодчества. По своим архитектурно-техническим и художественным особенностям она принадлежит к полоцкой школе архитектуры, что объясняется тем, что Витебск в начале XII в. входил в состав древнейших городов Полоцкой земли.

В 1961 г. церкви Благовещения был нанесен тяжелый ущерб, едва не приведший к полному разрушению этого древнейшего исторического памятника Белоруссии. Однако и сохранившиеся фрагменты представляют огромный исторический интерес.

Архитектурно-археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии под моим руководством в течение июля — начала августа 1968 г. провела исследования руин церкви Благовещения. Во время раскопок были открыты и исследованы нижние части стен, хорошо сохранившиеся под поздними напластованиями почвы, изучены основные конструкции фундаментов здания, обнаружены новые, ранее неизвестные архитектурные особенности здания, в частности, древние притворы, примыкавшие к храму с северной и южной сторон, найдены фрагменты древней фресковой живописи храма. Результаты архитектурно-археологического исследования памятника позволили в настоящее время приступить к разработке проекта консервации руин церкви Благовещения.

IV. ЛИТОВСКАЯ ССР

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ В ЖЕМАЙТИИ

М. М. Михельбертас

Институт истории АН Литовской ССР продолжал раскопки погребальных памятников в Акменяй Кяльмеского р-на. Здесь исследовано два кургана. Курган III имел сравнительно хорошо сохранившуюся насыпь высотой 1—1,2 м. По краям насыпи в кургане открыт круглый каменный венец, внутренний диаметр которого составлял 7,3—7,5 м. С северной стороны венца была пристройка в форме полукруга, размеры которой полностью установить не удалось. Пристройка увеличивала погребальную площадь кургана. Покойники похоронены как в середине круглого каменного венца, так и в пристройке.

В кургане обнаружено четыре погребения с трупоположениями: в трех — женщины, в одном — мужчина. Глубина захоронений от 0,7 до 1,4 м. Все костяки лежали в вытянутом положении, на спине. Мужчина ориентирован головой на юго-восток, а женщины — на запад. В мужском погребении обнаружены два железных втульчатых наконечника копий, втульчатый топор и нож-косарь; в женских — железные ножи-косари, шилья, бронзовые ленточные браслеты, ожерелья из бронзовых и эмалевых бус. В погребении 12 на лобных костях черепа обнаружена бронзовая булавка с головкой в форме катушки. Вокруг булавки найдены остатки кожи, наверняка — головного убора, который к волосам был прикреплен булавкой. Интересно, что к кольцу булавки привязана тонкая веревка, часть которой хорошо сохранилась. Часто такие булавки носили парами, они соединялись между собой бронзовыми цепочками. Все перечисленные погребения кургана III относятся ко II—III вв. н. э.

Кроме них, в кургане обнаружено еще 16 поздних впускных погребений первой половины XVI в. Многие из них датируются монетами. Покойников хоронили в деревянных гробах, в вытянутом положении, преимущественно головами на запад. В погребальных обрядах заметны языческие традиции. Кроме предметов, принадлежащих к комплексу одежды (янтарные бусины, бронзовые кольца, бронзовые и серебряные

подвески, бронзовые подковообразные и круглые пластинчатые фибулы, железные ножи), обнаружены и такие вещи, которые покойникам клали специально для пользования в загробной жизни. В мужском погребении 13 лежали железный широколезвийный боевой топор и точильный камень, в мужском погребении 9 — железные шпоры с зубчатыми колесиками на концах. В погребении 20 сохранились два бронзовых кольца и следы деревянного гроба. Над гробом в могильную яму было набросано более 100 камней разной величины. Они образовали четырехугольную «мостовую» площадью 2,4×0,8 м. По-видимому, это было вызвано страхом перед мертвыми.

Насыпь кургана V в Акменяй почти не сохранилась. Каменный венец, составленный из довольно крупных камней, имел форму неправильного круга. Размеры его по внутренней стороне 9,4×10,5 м. Курган был разрушен при совершении погребений XVIII—XIX вв. В нем обнаружено лишь одно полуразрушенное мужское погребение V—VI вв., инвентарь которого составляли железные втульчатый топор, втульчатый наконечник копья, нож, бронзовая шейная гривна с двойной дужкой и браслет с утолщенными концами. В насыпи кургана собрано свыше 20 предметов из разрушенных погребений III—IV вв., в том числе железные втульчатые топоры и наконечники копий, бронзовые ленточные браслеты, арбалетные фибулы с подогнутой ножкой, перекладчатые фибулы, спиральные кольца.

Раскопан и другой курганный могильник — в Пяркунишке Кяльмеского р-на, около 1 км к северу от группы курганов в Акменяй. В Пяркунишке исследовано два кургана. Высота насыпи кургана I в центре достигала 0,9 м. Каменный венец имел форму неправильного круга. В кургане обнаружено пять погребений, которые можно датировать II — началом III в. н. э. Костяки очень плохой сохранности. Покойники погребены в вытянутом положении как на горизонте, так и на 20—30 см глубже каменного венца. Ориентировка разнообразная: головами на восток, север, северо-запад. В мужских погребениях 1,3 и 4 обнаружены железные втульчатые топоры, втульчатые наконечники копий, ножи-косари, бронзовые шейные гривны с грибковидными концами, сильно профилированные фибулы, булавки с колесообразными головками. В детских погребениях 2 и 5 встречены железные ножи и шилья, бронзовые бусины и подвески, шейные гривны с грибковидными концами, фибулы с треугольной ножкой.

Курган II в Пяркунишке полностью разрушен кладоискателями. Нами были найдены лишь бронзовая булавка с катушкообразной головкой и несколько фрагментов человеческих костей. Каменный венец кургана имел форму неправильного круга с внутренними диаметрами 8,4—9,6 м.

Судя по погребальному обряду и инвентарю, курганы в Акменяй и Пяркунишке были сооружены племенем жемайтов.

РАСКОПКИ ГОРОДИЩ БЛИЗ г. КАПСУКАС

В. Даугудис

Институт истории АН Литовской ССР совместно с Научно-методическим советом по охране памятников культуры Министерства культуры Литовской ССР производил раскопки двух городищ и селищ в окрестностях г. Капсукас, в районе строящейся ГЭС. Оба городища расположены на левом берегу р. Шешупе, на расстоянии около 2 км один от другого. Они сильно разрушены рекой и перекопами разного времени.

Одно из этих городищ расположено около 1,5 км к югу от г. Капсукас, на полях дер. Кумялионис. Сохранился лишь его вал и узкая полоса (6,3×38 м) площадки вдоль вала. Высота вала с напольной стороны — 4,5 м, со стороны площадки — 3 м. У подножия вала с напольной стороны обнаружен ров шириной 6 м и глубиной 1,3 м.

Во время исследований городища был сделан разрез вала (5×2,5 м) и заложены два раскопа (2×9 и 3×10 м) на сохранившейся части площадки. Культурный слой на площадке около вала достигал 0,6—0,8 м толщины. На городище выделены три основных горизонта культурного слоя.

Начало заселения городища относится к первым векам нашей эры. Площадка его в то время была почти на $^1/_3$ меньше, чем в самый поздний этап его использования. С напольной стороны городище защищалось небольшим валом высотой 0,6 м и шириной у основания 1,7 м. Вал был дополнительно укреплен несложной деревянной конструкцией. Культурный слой того времени состоял из супесчаной земли темного цвета и достигал 15—20 см толщины. Находок в нем мало. Это в основном небольшое количество лепной керамики, среди которой представлены ранний тип шероховатой, небольшое количество гладкостенной, черной лощеной и штрихованной. Облик и количество найденной здесь штрихованной керамики позволяют предполагать, что она в южной части Литвы появилась и исчезла раньше, чем в более северных ее районах.

Средний горизонт культурного слоя городища датируется примерно с III—IV по VIII—IX вв. н. э. Он состоял из красной глины, смешанной с серой землей. На площадке городища он сильно разрушен, и остатков построек здесь почти не сохранилось. Вал того времени достиг уже 2,2 м высоты и 10,5 м ширины у основания. Он состоял из глины, скрепленной положенными вдоль и поперек бревнами и камнями. На валу обнаружены остатки сгоревшей деревянной ограды. На протяжении этого периода вал укреплялся 8—9 раз, что свидетельствует об участившихся межплеменных столкновениях. В это же время был вырыт и ров с напольной стороны вала, который позднее расширялся и углублялся.

Основной находкой этого горизонта является также лепная керамика, главным образом с шероховатой поверхностью. Многие сосуды этого рода по венчику украшены вдавлениями либо защипами, что особенно

характерно в указанное время для южных, отчасти западных районов Литвы и для соседней с ними территории Калининградской области.

Верхний горизонт культурного слоя также сильно разрушен. Найденные в нем железные наконечники стрел, бронзовые украшения и керамика позволяют датировать его X—XI вв. В числе других находок в этом слое имеются также обугленные зерна бобовых культур, которые довольно часто встречаются на одновременных городищах южной части Литвы.

Вал городища того времени достиг 4,5 м высоты и 15 м ширины у основания. На нем также обнаружены остатки сгоревших деревянных укреплений. Внешняя сторона вала была вымощена камнями, что характерно для городищ южных и отчасти западных районов Литвы того времени.

Селище расположено около 100 м юго-западнее городища, на небольшой возвышенности и занимает площадь около 1,5 га. Там было вскрыто 50 кв. м площади, где обнаружен культурный слой толщиной 30—40 см. Основные находки — фрагменты глиняных тигельков, шероховатая, черная лощеная, гладкостенная и гончарная керамика — говорят о том, что селище использовалось примерно с III—IV по X—XI вв. Кроме того, здесь были обнаружены ямы хозяйственного назначения и следы железоплавильных печей, относящиеся главным образом к середине и второй половине I тысячелетия н. э.

Остатки другого городища — Мяшкучяй-Капсукас — расположены в юго-западной части города. Сохранилась лишь часть северного его склона. Всю остальную часть снесла река. К северу от городища, на поле, обнаружены следы селища площадью около 1,5 га. Зондажи остатков городища и раскоп около 10 кв. м на селище показали, что эти памятники, а также и археологические находки на них очень сходны с вышеописанными. Установлено, что городище и селище Мяшкучяй-Капсукас использовались в основном в I тысячелетии н. э. и были оставлены несколько раньше городища Кумялионис.

Большая часть вещей, особенно шероховатая керамика и архитектура оборонительных сооружений исследованных городищ, говорят о том, что они были заселены ятвягами.

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ ПАМУСИС

О. В. Кунцене

Курганы Памусис (Варенайский р-н) находятся в Памусской пуще, в 80 км юго-западнее г. Вильнюса, на правом берегу речки Муссе. К моменту раскопок сохранилось 70 курганов.

В 1889 г. Вольтер исследовал здесь 22 кургана, в 1889, 1890 и 1893 гг. В. Шукевичем было исследовано еще 12 курганов с погребениями трупосожжений.

В 1968 г. раскопки проводились археологами Института истории АН Литовской ССР; исследовано 13 курганов.

Курганы расположены одной группой, расстояния между ними 3—8 м. Некоторые насыпи очень низкие, многие испорчены ямами. Курганы сооружались из песка и имели форму сплющенного полушария. Диаметр их 6—12 м. Высота большинства курганов 0,7—0,8 м, а некоторых (пять курганов) даже до 1,5 м. У подножия этих высоких курганов имелись следы рвов.

В насыпях курганов часто встречались отдельные, по-видимому случайно попавшие, угольки, а у оснований их — слой черной земли с углями толщиной 5—10 см.

Среди 13 исследованных курганов два (1 и 2) имели округлые каменные венцы из камней средней величины (20×25, 35×40, 40×45 см), сложенных в два ряда. В кургане 2, в северной его части, каменный венец отсутствовал — оставлен как будто вход в центр кургана. В этих курганах в центре насыпи на глубине 15—20 см от поверхности земли имелось по одному погребению с трупосожжениями, лишенными погребального инвентаря.

В остальных курганах погребения с трупосожжением обнаружены в разных местах насыпи на той же глубине. Сожженные кости с остатками поврежденного огнем погребального инвентаря занимали площадь различной величины (70×60, 50×60, 120×150, 150×170 см).

В шести курганах обнаружено по одному погребению, в двух — по два и в двух — по шести. Большинство погребений концентрировалось у края насыпи.

Погребальный инвентарь очень поврежден огнем. Его составляли орудия труда и украшения. Орудия труда представлены железными шильями, железными маленькими ножами и глиняными пряслицами в форме двойного усеченного конуса или цилиндра. Некоторые из них прекрасно орнаментированы. Среди украшений имеются бронзовые спиральные конусовидные бусы, стеклянные бусы (одна из них орнаментирована цветной эмалью), бронзовые маленькие спирали, фрагменты бронзовых шейных витых гривен, фрагменты бронзовых ленточных браслетов, браслеты с утолщенными концами и браслеты с ребристым выступом посредине (ленточные браслеты орнаментированы геометрическим рисунком), бронзовые спиральные перстни с расширенной средней частью, железные пряжки от пояса. Найдены также черепки лепных горшков. В погребении 3 кургана 10 обнаружены черепки трех сосудов. Черепки сосудов имелись и в других курганах. Сосуды, судя по черепкам, были небольших размеров, незначительно профилированные, с ровной поверхностью.

Курганы Памусис, судя по их структуре, погребальному обряду и погребальному инвентарю, следует датировать VI—XI вв. и отнести к восточнолитовскому типу курганов.

РУСЕЙНЯЙСКИЙ МОГИЛЬНИК

В. Урбанавичюс

Русейняйский могильник находится в центральной части Литвы в 11 км от пос. Иосвайняй. Он исследовался еще в 1939 г. Материалы этих исследований опубликованы не были, отдельные авторы датировали их по-разному.

В 1968 г. Институт истории АН Литовской ССР продолжил его исследования. Было вскрыто 21 погребение с трупоположением, 43 погребения с трупосожжением и 47 погребений коней.

По характеру захоронения и инвентарю погребения с трупоположениями можно разделить на две группы: погребения конца XIV—XVI в. и погребения XVII в. и более поздние.

По данным письменных источников, до введения христианства, т. е. до самого конца XIV в., в Литве господствовал обычай трупосожжения. После введения христианства этот обычай был запрещен и стал исчезать. Часть Русейняйских погребений с трупоположением можно датировать как раз периодом сразу после введения христианства. Покойники похоронены в них еще без гробов, о чем свидетельствует их положение в ямах. Например, в женском погребении 8 костяк лежал на спине, с далеко от туловища отведенными руками. В погребениях 11, 12, 16 костяки лежали на боку. Эти погребения отличаются от более поздних и разнообразием ориентировки: часть из них ориентирована на север и северо-запад, в то время как более поздние ориентированы на запад. Глубина ям не превышает 80 см. Погребальный инвентарь довольно богат. В мужских погребениях этого периода найдены топоры, наконечники копий и т. д., в женских преобладают украшения — пластинчатые круглые и подковообразные фибулы, бубенчики и др. В нескольких женских погребениях обнаружены пряслица. Ножи, перстни, птичьи кости встречены и в женских, и в мужских погребениях. В погребении 7 найдена монета конца XIV в., в погребениях 27 и 28 — монеты XVI в., а в погребении 9 — монета XVII в. Начиная с XVI в. умерших уже хоронили в гробах; глубина ям достигает 2 м.

Для погребений с трупосожжением выкапывались ямы (чаще всего овальные) величиной до 100×220 см. В таких ямах найдены куски угля, пепел, фрагменты сожженных костей и остатки вещей. Все это составляет слой толщиной до 40 см. Вещи идентичны с теми, которые найдены в погребениях с трупоположением XIV—XV вв., что указывает на их хронологическое сходство. Часть погребений с трупоположением (погребения 1, 7, 10, 12) была полуразрушена при выкапывании ям для погребений с трупосожжением. Это обстоятельство указывает на то, что последние являются более поздними и должны датироваться уже XV в.

В погребениях коней насчитывается иногда до пяти лошадиных скелетов. Чаще всего они лежали на животе, головой на запад. В коллек-

тивных погребениях костяки лежали один на других. Всего в 66 погребениях найдено 103 скелета коней.

Почти все кони были взнузданы. Многие уздечки украшены орнаментированными бронзовыми пластинками или розетками. Некоторые удила имели костяные или бронзовые псалии. В погребениях 33, 36 и в других головы лошадей были украшены многочисленными бубенчиками.

В погребениях 21, 22 прямо на костях коней найдены погребения с трупосожжением. Это подтверждает мнение некоторых авторов, что несожженные кони являются собственностью сожженных людей. Только в одних случаях кони похоронены с хозяином вместе, а в других — отдельно. В таком случае погребения коней, как и погребения с трупосожжением, должны датироваться концом XIV—XV в.

Русейняйский могильник практически исследован полностью. Неисследованной осталась только та его часть, которую покрывает территория нового кладбища.

V. ЛАТВИЙСКАЯ ССР

РАСКОПКИ У оз. ЭЖУ

Л. Ванкина, И. Цимермане

Музей истории Латвийской ССР проводил раскопки на территории Восточной Латвии в дер. Юркова Эзернекского сельсовета Краславского р-на. Здесь на 10-метровом песчаном холме, расположенном на восточном берегу оз. Эжу, в карьере было обнаружено несколько разновременных памятников. Холм, окруженный с трех сторон низиной и озером, образует полуостров.

На юго-западном склоне находился неолитический могильник. Вскрыто одно женское погребение в сидячем положении, ноги погребенной были согнуты в коленях. Могильная яма (1×0,8 м) имела овальную форму и была ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Темная земля с остатками углей под скелетом свидетельствует о погребальных обрядах, произведенных в могильной яме еще до захоронения. В могиле найдено 19 привесок — амулетов из зубов бобра и лося.

На западном склоне холма в одной могильной яме (240×80—110 см) вскрыто четыре погребения: одно — взрослого человека и три — детских. Костяки лежали на спине, в вытянутом положении, головой на восток. Кости плохо сохранились. Лучше сохранился детский скелет (длина около 90 см) в северной части могильной ямы. Скелет в южной части могильной ямы был покрыт охрой. Кажется, что ему принадлежал найденный вблизи фрагмент кости руки, покрытый охрой, а также девять привесок — зубов лося. На груди среднего детского скелета найден камень. Над ямой обнаружено два очага со штрихованной керамикой первой половины I тысячелетия.

На вершине холма вскрыт неолитический очаг, где обнаружены остатки кальцинированных костей и четыре кремневых орудия. Остальная часть неолитического памятника уничтожена карьером.

На холме исследовалось также селище I тысячелетия, где обнаружено 42 очага. Культурный слой в селище сохранился только в естественных углублениях. Найдены (в основном в очагах) лепная керамика со штри-

хованной, гладкой и облитой поверхностью, остеологический материал, железное шило, бронзовая трапециевидная подвеска, зернотерка, шлифовальный камень, оселок и др.

В XIII—XVI вв. холм был использован для грунтового могильника латгалов. Вскрыто четыре погребения этого времени, остальные уничтожены карьером. Костяки лежали на спине, в вытянутом положении, мужчины головой на восток, женщины — на запад. В мужских погребениях найдены железные топоры, ножи, бронзовая подкововидная фибула, спиралевидный перстень и монета; в женских — шерстяные платки с бронзовыми колечками («виллайнес»), бронзовые перстни и фибулы.

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА И СТОЯНКИ КАМЕННОГО ВЕКА ЗВЕЙНИЕКИ

Ф. Загорскис

Институт истории АН Латвийской ССР третий сезон продолжал исследования археологического комплекса каменного века в Звейниеки. На территории могильника в 1968 г. открыто 47 погребений (общее число исследованных погребений — 170). По сравнению с предыдущими, новые раскопки внесли большую ясность в определение продолжительности использования могильника.

Можно выделить три группы погребений. К первой относятся погребения, сильно засыпанные красной охрой и не имеющие строго определенной ориентировки. Исследовано семь погребений этой группы, ориентированных головой на запад (два погребения), на юг (три погребения), на север (два погребения). В могильном инвентаре преобладают подвески из зубов животных и птичьих косточек; в погребении 128 найдена ножевидная пластинка. По аналогии с другими сходными находками эти погребения можно датировать поздним мезолитом, т. е. V—IV тысячелетиями до н. э.

Ко второй группе относятся погребения, засыпанные охрой лишь частично — только головы, изредка руки и ноги. Исследовано 12 погребений этой группы. В ориентации преобладают два направления — головой на восток (четыре погребения) или на запад (три погребения), в одном случае констатировано положение умершего головой на юг и в одном — на юго-запад. Остальные три погребения были сильно разрушены и не поддавались определению. В погребальном инвентаре встречались подвески из зубов животных, в основном мелких хищников, а также косточки бобра, птиц и рыб. Привески концентрировались у черепа — очевидно, это украшения головного убора. Найдены также ножи из клыков кабана, костяное долото, шилья, разные проколки, костяная фигурка птицы, осколки кремня. Для определения хронологии и культурной принад-

лежности важны найденные при погребении 164 16 костяных наконечников копий длиной в 11,5—29,5 см. Четыре из них орнаментированы короткими насечками или тонкими линиями, образующими ромбы. Погребения этой группы можно датировать промежуточным временем между поздним мезолитом и ранним мезолитом или началом раннего неолита.

К третьей группе относится 27 погребений, в которых не обнаружено следов засыпки красной охрой. Костяки в основном были ориентированы в них головой на восток (16 погребений), в меньшей мере — на запад (пять погребений), в двух случаях — на юг, в одном — на север и в одном — на юго-запад. Погребальный инвентарь встречался редко и в небольшом количестве — отдельные подвески из зубов животных и др. В погребении 158 найден наконечник копья, аналогичный наконечникам из погребения 164. По-видимому, эти погребения относятся к тому же периоду, что и предыдущая группа, или несколько более позднему.

Можно заключить, что древнейшие погребения обнаружены на более возвышенной северо-западной части могильника. Территория могильника пролегает узкой полосой на протяжении более 300 м и примыкает с юго-восточной стороны к стоянке.

Стоянка, расположенная на правом берегу старого русла р. Руя, в литературе была известна по находкам типичной гребенчато-ямочной керамики и кремневого инвентаря.

При раскопках 1966 и 1968 гг. было найдено несколько характерных предметов эпохи мезолита — фрагменты наконечников гарпунов кундского типа, наконечники копий, каменные долота, кремневые пластинки, вкладыши и др. Культурный слой мощностью 0,6—0,8 м имел черную окраску и был сильно перепахан. Мезолитические находки встречались по всей толще культурного слоя. На стоянке в небольшом количестве найдена также неорнаментированная раннеолитическая керамика нарвского типа. Основную массу находок составили типичная гребенчато-ямочная керамика и мелкие кремневые изделия.

РАБОТЫ ЛУБАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

И. Лозе

Работы Лубанской экспедиции в основном были сконцентрированы на стоянке Лагажа. Данный памятник, исследовавшийся в 1965—1966 гг., представляет значительный интерес при изучении культур позднего неолита и ранней бронзы на территории Латвии.

В ходе раскопок на стоянке Лагажа были раскрыты остатки двух жилищ, частично раскопанные еще в 1966 г. Эти жилища, расположенные рядом, судя по размещению следов столбов и кольев в материковом грунте, имели прямоугольные контуры. Наряду с нижними частями столбов

и кольев прослеживались также завалы отдельных бревен и столбов в горизонтальном положении. Очевидно, при дальнейших исследованиях это поможет не только уточнить высоту жилищ, но и выявить некоторые конструктивные особенности.

Открытие строительных остатков жилищ позволяет отнести стоянку Лагажа к кругу памятников, имеющих первостепенное значение при изучении истоков домостроительства Восточной Прибалтики.

Материал, полученный при исследовании стоянки, состоит из кремневых наконечников стрел, преимущественно треугольной формы, кремневых скребков, роговых долот, костяных наконечников стрел и гарпунов, сланцевых долот, каменных топоров с высверлинами, янтарными украшениями. Обнаружена также поделка в виде шиферного кольца с четырехугольным поперечным сечением. Интерес вызывают находки предметов искусства. Особое внимание привлекает головка человека из кости. Не менее интересна роговая пластинка с нарезным орнаментом в виде полукругов. Третий предмет, также изготовленный из кости, представляет собою скульптурку щуки.

Керамика представлена двумя видами: черепками грубой массы с примесью толченого гранита и черепками пористой массы. Сосуды плоскодонные, имеют прямые или слабо профилированные стенки. Керамика первой группы сплошь покрыта орнаментом — узорами из отпечатков гребенки, перевитого шнура, линейными вдавлениями, оттисками шнура и ямочными вдавлениями. Вторая группа керамики орнаментирована более слабо (оттисками перевитого шнура, гребенки, линейными вдавлениями и ямками). Сравнительно значительную часть среди пористой керамики занимают черепки текстильной керамики.

Судя по комплексу вещей, найденных на стоянке, памятник датируется временем не позже, чем вторая половина II тысячелетия до н. э.

Лубанской экспедицией были предприняты также работы на стоянке Звейсалас. Эта стоянка, расположенная на земляном бугре, является типичным памятником культуры гребенчато-ямочной керамики на территории Восточной Прибалтики. Судя по характеру керамики, памятник должен быть отнесен к III тысячелетию до н. э.

РАСКОПКИ В САЛАСПИЛС ЛАУКСКОЛА

А. Э. Зариня

Продолжались раскопки в Саласпилс Лаукскола — на территории поселения и могильника периода раннего феодализма.

Территория поселения простирается вдоль берега Даугавы в виде полосы до 70 м шириной, напротив городища Даугмале, расположенного на другом, левом берегу. Культурный слой сильно поврежден вспашкой,

сохранились лишь места, углубленные в материк. Начальная дата селища относится к первой половине I тысячелетия н. э. Обнаружены места двух построек и семи отдельных очагов. Углубленные на 50 см в материк, постройки имели размеры 2—3×2—3 м, в их центре находился очаг диаметром 1,5 м и глубиной до 0,6 м. Найдены осколки лепной (гладкостенной, штрихованной, облитой и немного текстильной) керамики, железная булавка с посоховидной головкой, зернотерка. Гораздо интенсивнее это место было заселено в X—XII вв., когда здесь находилось ливское селище. Обнаружены отдельные группы построек, находящиеся на расстоянии 8—12 м друг от друга. Здесь обследованы остатки построек, 42 очага и 50 ям различного назначения. Постройки имели размеры 2—4×3—5 м и были углублены в материк до 30 см. Под двумя постройками обнаружены погреба, а вблизи нескольких построек — ямы хозяйственного назначения, главным образом для хранения пищи — круглые, правильной формы, диаметром в 100—150 см и глубиной до 90 см. В одной такой яме сохранился слой обугленных зерен ржи. Очаги различных типов: а) с отвесными стенками, ровным дном, глубиной 50—90 см и диаметром в 90—150 см; б) с наклонными стенками, глубиной 50—90 см и диаметром 100—200 см, часто продолговатые, с каменной кладкой в основании; в) с пологими краями, углубленные на 30 см, неправильной формы. Очаги первых двух типов находились в постройках, последние — вне построек, открытые. Для обогрева помещений служили каменные печи со сводом, диаметром в 100—150 см, углубленные в материк до 60 см.

Найдена гончарная керамика, различные орудия труда (ножи, шилья, долота, рыболовные крючки, пряслица, привесы ткацкого станка), оружие (стрелы, наконечники копий), украшения (перстни, браслеты и др.).

На юго-западе к поселению примыкает относящийся к ливскому периоду могильник, юго-восточная часть которого исследована в 1968 г. Вскрыто 65 погребений (вместе со вскрытыми в предыдущие годы — 142), из них 10% с трупосожжениями и 90% с трупоположениями. Зафиксировано несколько могил с одновременным захоронением двух умерших (двух детей, женщины с ребенком, встречается трупоположение вместе с трупосожжением). Трупоположения ориентированы головой на северо-запад, глубина могильных ям иногда достигала 90 см. В могильных ямах часто обнаруживались угли, а рядом с могилами — ритуальные кострища. В 30% случаев над захоронениями или вокруг них были сложены камни (что считается традицией погребения финского происхождения), в 36% случаев в погребениях обнаружена глиняная посуда. Могильный инвентарь, особенно количество и качество украшений, свидетельствуют о резко выраженном имущественном неравенстве, характерном для периода раннего феодализма. Из мужских погребений выделяется погребение 105, где кроме обычного могильного инвентаря (нож, огниво, копье) найдены также меч и окованный бронзой питьевой рог, что свидетельствует о принадлежности умершего к социальной верхушке.

Среди женских погребений, в которых обычно больше украшений, следует отметить погребение 120, где найдены две бронзовые шейные гривны, три различных ожерелья из стеклянных бус и монет, нагрудное украшение, состоящее из двух черепаховидных фибул, к которым прикреплены цеподержатели с девятью рядами цепочек с подвесками, нож в бронзовых ножнах. Кроме того, в погребении найдено шесть бронзовых и серебряных браслетов, 10 бронзовых перстней и украшенная бронзой виллайне. Погребения с богатыми украшениями составляют только 10% общего числа погребений.

Одним из основных занятий населения была торговля. В мужском погребении 121 обнаружены весы с комплектом гирек. В 10% захоронений встречаются монеты (западноевропейские денарии, арабские дирхемы, византийские монеты и др.), главным образом в виде подвесок. Найдены завезенные из Скандинавии копья из узорчатой и домасцированной стали, несколько черепаховидных фибул и др. Из славянских земель завезены серебряные и стеклянные бусы, орнаментированное поливное яйцо. Часто встречаются старинные изделия, изготовленные соседними племенами — латгалами, земгалами — или под их влиянием, но особенно тесные связи прослеживаются с куршскими ливами.

Продолжались раскопки в Саласпилс Вейстуры на правом берегу р. Даугавы, в 5 км вниз от Лаукскола. Памятник, занимавший площадь в 2500 кв. м, сильно поврежден. Здесь были исследованы остатки курганного могильника, датируемого I тысячелетием до н. э., и выявлен культурный слой поселения первой половины I тысячелетия н. э. Там же обнаружен ливский могильник X—XIII вв. и несколько погребений XVI—XVII вв.

РАБОТЫ АРАЙШСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Я. Апалс

Экспедиция продолжала раскопки поселения на оз. Арайшу, провела разведывательные раскопки средневекового поселения у Арайшского каменного замка и подводную разведку поселения на о. Пинтелю.

В западной части острова в слоях IX—X вв. было вскрыто 14 жилых и хозяйственных построек, а также опорные конструкции. В западной части поселения выявился пятый ряд построек с небольшой площадью и центральным ходом. Часть хода была вымощена деревянным настилом. Среди построек удалось обнаружить целый двор, в состав которого входили жилая изба и три постройки хозяйственного назначения, в том числе небольшой хлев.

Раскопки в южной части острова на материке открыли стену, на которую опирался настил строительной площадки поселения на первона-

чальном этапе его существования. Так как настил, а за ним и постройки со временем оседали между опорными конструкциями, постройки перестраивались не менее четырех раз. Поселение погибло от пожара при нашествии врага, на что указывают находки оружия в слое пожарища в центральной части поселения и около моста.

Раскопки дали много интересных материалов по древней архитектуре. Был обнаружен новый способ рубки сруба. Фундамент из более толстых бревен был положен прямо на настил строительной площадки. В каждом углу фундамента, по обе стороны боковых стен, вертикально забивались две жерди. На жерди насаживались поперечины, уложенные на фундамент торцовых стен. Боковые стены собирались между угловыми жердями. Бревна торцовых стен насаживались на внутренние жерди. Последним венцом торцовых стен опять были поперечины, стягивающие жерди. Наряду с описанной конструкцией, встречающейся в большинстве случаев, применялась рубка угла в обло. Нередко оба приема применялись в одном здании. Среди строительных деталей были найдены стропила и, по-видимому, кровельные доски.

Поселение на оз. Арайшу. Веревочный сандалий

Параллели таким конструкциям имеются в народном зодчестве Северо-Восточной Европы. В архитектуре изб прослеживаются элементы, которые еще сохранились в латышских амбарах, например, крыльца с подпорками и подполья в виде подклетей.

Около половины найденных предметов составляли изделия из дерева, лыка, коры и других органических материалов (например, деревянное копье — игрушка, песты, дубовый блок лазива, затычка дудки). Ценной находкой являются плетеные веревочные сандалии. Найдено также

40 целых и фрагментированных лепных сосудов с облитой, подлощенной и украшенной ногтевыми вдавлениями и защипами поверхностью. Со дна озера были подняты остатки челна-однодревки.

Разведывательными раскопками средневекового поселения возле оборонительного рва каменного замка Арайши (сельсовет Драбеши, Шеекский р-н) были вскрыты строительные остатки. В культурном слое сохранились предметы из дерева и других материалов (например, кожаный сапог и точеная деревянная тарелка). Поселение относится ко времени существования каменного замка (XIII—XVI вв.).

Остатки средневековой постройки (глинобитный пол и каменная печь) были обнаружены и на самой поверхности культурного слоя в западной части острова, где они залегали над культурным слоем Арайшского поселения древних латгалов. Печь, квадратная по форме, находилась на деревянном помосте, который опирался на вертикальные сваи. В их обработке была применена пила. Железный наконечник арбалетной стрелы позволяет датировать постройку приблизительно XIV в.

Студентами-аквалангистами Латвийского госуниверситета была проведена подводная разведка поселения на оз. Пинтелю (сельсовет Беляева Гулбенского р-на). Остатки поселения площадью в 600 кв. м лежат в середине озера на глубине 0,7—3 м. Отдельные конструкции и находки встречались на глубине до 7 м. Проводилась зарисовка плана части поселения и сбор подъемного материала. Находки фиксировались на плане. Под водой хорошо сохранились остатки деревянных построек и предметы из органических материалов. Кроме металлических, глиняных и каменных предметов были подняты фрагменты веревочных сандалий, деревянная ложка, плетеная лыковая веревка бортника. Найдены также целые и в обломках лепные горшки, которые аналогичны арайшским. Материал показывает, что и Пинтельское поселение, датируемое концом I тысячелетия н. э., принадлежало латталам.

РАБОТЫ ДАУГМАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В. А. Уртан

Музей истории Латвийской ССР уже седьмой год продолжал раскопки Даугмальского городища с древним городом и гаванью, расположенными на левом берегу р. Даугавы, в 22 км к юго-востоку от р. Риги. Слой городища изобилует находками.

Было вскрыто семь очагов и одна каменка из плохо сохранившихся наземных построек X—XII вв. Вскрыты городские ворота шириною около 3 м. Дорогу через ворота несколько раз заново подсыпали и мостили.

В XII в. у их входа были построены две каменные вымостки (3×3 м, 4×4 м), над которыми поднимались башневидные деревянные постройки.

Эти укрепления одним концом примыкали к ручью, другим — к стенке у подножия городища. Жилых построек, печей или очагов около ворот не было, хотя находок, особенно оружия и импортных вещей, здесь намного больше, чем на прочей территории древнего города. В вымостках, под укреплениями, печами и очагами часто были заложены жертвоприношения: черепа животных и отдельные вещи. Так, в вымостках под башнеподобными постройками были найдены куршский бронзовый браслет и ливский серебряный перстень.

Хотя в Даугмале имеются находки начиная с бронзового века, важнейшим торговым и ремесленным центром, обеспечивающим потребности жителей бассейна р. Даугавы и иноземных торговцев, она стала в X—XII вв. Среди импортных вещей можно назвать множество стеклянных бус и перстень, шифер, янтарь, серебро, западноевропейские монеты, слитки, шиферные пряслица, подвески и крестики из Киевской Руси, копоушки.

Напомним, что Даугавский путь около Даугмале пересекался сухопутной дорогой из Литвы через Земгале и Сигулду и дальше в Эстонию или Псков.

О Даугмале как о важнейшем центре ремесла свидетельствуют не только прежде открытые мастерские, но и готовые и полуготовые изделия, многочисленные орудия труда: тигли, льячка, пинцеты, зубила, пробойники, сверла, скобели, долота, меченые глиняные диски с отверстием — привески от вертикальных ткацких станков, пряслица, шилья и пр. Из других находок заслуживают внимания костяной крестик, костяные коньки, изящная бронзовая копоушка и лопаточка для косметики, костяные гребни, гирьки, заклепки от ладей, круглое навершие от рукоятки меча, точильный круг.

На Ведмерском селище, расположенном примерно на расстоянии 2 км к востоку от Даугмальского городища, была вскрыта крестьянская усадьба середины I тысячелетия. В одном углу избы (около 20 кв. м) имелся очаг, у которого обнаружена лепная керамика с облитой, защипной, гладкой и лощеной поверхностью, кости животных и рыб (белуга, около 2 м), зерно, зернотерки, железный серп и др. Жители умели плавить бронзу и добывать железо из местной болотной руды. Сохранилась небольшая часть изгороди.

За пределами усадьбы на довольно большом расстоянии отсутствовал культурный слой.

При раскопках на Навесаала, расположенной примерно в 5 км к востоку от Даугмальского городища, было обнаружено жилище, бытовавшее в I и на рубеже I и II тысячелетий н. э. На стороне селища был устроен могильник. Оба памятника частично разрушены паводками р. Даугавы.

МОГИЛЬНИКИ В с. РАУШИ И НА ОСТРОВЕ ДОЛЕС

Э. Шнорре

Могильник в с. Рауши расположен в 1 км от исследовавшихся в прошедшие раскопочные сезоны двух Вампениешских могильников. Как II Вампениешский могильник, он, вероятно, был курганным, хотя от насыпей курганов из-за вспашки ничего не сохранилось. На площади в 3179 кв. м вскрыто 58 погребений, из которых 52 трупоположения и шесть трупосожжений. Могильник сильно пострадал от траншей военного времени и от кладоискателей.

Покойники, в преобладающем большинстве ориентированные головой на северо-запад, захоронены в могильных ямах глубиной 40—120 см. Трупосожжения залегают на глубине 30—50 см и представляют гнезда углистой земли от погребального кострища с пострадавшим в огне инвентарем. По своим погребениям второй половины XI в. могильник в Рауши имеет много общего с синхронными погребениями вампениешских могильников. Здесь представлены мужские погребения с двулезвийными мечами и оковками ножен, втульчатыми копьями, нарядными поясами. Следует отметить также мужское трупоположение конца XII в., где, кроме подковообразной фибулы, втульчатого копья, ножа, кресала, был найден помещенный между ног роговой молоток ритуального назначения. Женские погребения содержали типичные ливские нагрудные украшения из подвешенных к черепаховидным фибулам и цеподержателям цепочек и ожерелья из стеклянных бус и подвесок. Единственным исключением являлось погребение 38 с нагрудным украшением из двух крестовидных булавок, двух цеподержателей и цепочек, в изголовье которого было положено втульчатое копье. Более поздние погребения могильника восходят к рубежу XIII—XIV вв.

Имелись погребения женщины и ребенка в одной могильной яме. Для детских погребений характерен разнообразный ассортимент подвесок. Так, в детском погребении 40 найдены янтарная грушевидная подвеска, две двухголовые ажурные уточки, две подвески с так называемыми княжескими знаками, ажурный конек, подвеска в виде розетки круглая ажурная подвеска с крестом в центре.

Для могильника в Рауши характерны связанные с захоронениями ритуальные кострища, содержащие отдельные кости животных, а иногда и глиняные сосуды.

Как оба Вампениешских, так и могильник в Рауши существенно пополнили представления об уровне материальной культуры и погребальных обычаях даугавских ливов. Кроме скандинавских влияний, типичных для ливской культуры в целом, в ряде изделий (разновидные булавки и др.) сказываются влияния соседящих с ливами балтских народностей. На то, что в отдельных случаях приходится считаться с проникновением

жителей с соседних территорий, показывает погребение 36 могильника, где была погребена женщина с типичными для латгалок украшениями: ленточным спиральным головным венком, гордированной шейной гривной с четырехгранными концами, браслетом с звериными головками и др.

Могильник на острове Долес Рижского р-на расположен на южной окраине с. Вампеннеши, у хут. Дудиняс. На площади 1053 кв. м исследовано 164 погребения. За немногими исключениями захоронения здесь произведены в несколько ярусов. Покойники ориентированы головой на юго-запад. В 107 погребениях имелся погребальный инвентарь, в большинстве случаев шиллинги — мелкая монета низкопробного серебра, чеканенная главным образом в Риге в период шведского правления (1621—1701). При погребениях было от 1 до 18 таких монет (всего 408). Кроме монет, в некоторых могилах найдены: маленькие бронзовые и оловянные сердцевидные фибулы, кольцевидные фибулы, бронзовые пуговицы, несколько перстней и др. Необходимо отметить одно из наиболее древних погребений, залегавшее на глубине 1,80 м и ориентированное с запада на восток, в котором обнаружены крестик и иконка. К наиболее древним погребениям кладбища относятся также несколько погребений с подковообразными фибулами.

РАСКОПКИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДАУГАВЫ

М. Атгазис

Одна из экспедиций Института истории АН Латвийской ССР работала на левом берегу Даугавы, в зоне строительства Рижской ГЭС — на территории могильника Нарини и на поселении Страутниеки.

Могильник Нарини расположен в 41 км от Риги, у впадения речки Личупе в Даугаву на так называемом острове Томес и простирается по берегу полосой на 240 м. Исследовалась его северо-западная часть. Раскопки проводились на площади в 527 кв. м, где исследовано 16 погребений. Имелись также случайные находки.

Среди погребений 11 трупоположений и пять трупосожжений, зарытых на глубине 30—70 см. Покойники похоронены в ямах до 2,6 м длиной и около 0,7 м шириной и ориентированы головой на север-северо-запад. Руки погребенных расположены на груди; правая иногда поднята к левому плечу. В могильных ямах часто встречались мелкие угольки и напоминающая пепел сероватая земля. Это явление можно связывать с погребальным ритуалом. В двух могилах найдены железные гвозди от гроба.

Среди трупосожжений наблюдается три подтипа погребений: а) в могильную яму, по внешнему виду схожую с ямами трупоположений и так

же ориентированную, всыпаны пережженные косточки вместе с отдельными углями, пеплом и оплавившимися предметами; таких погребений исследовано три; б) в удлиненно-овальную расплывшуюся яму, ориентированную, как и ямы с трупоположениями, всыпаны пережженные косточки плотной кучкой, а неоплавленные в огне сопровождающие предметы расположены так, будто они находились у трупоположения; в) в круглую яму диаметром 60 см, глубиной до 40 см всыпаны мелкие пережженные кости, угольки и пепел. Сопровождающие предметы побывали в огне.

Характерными предметами могильного инвентаря являлись глиняные гончарные сосуды. Они отсутствовали только в двух случаях. Сосуд обычно стоял в юг-юго-восточном конце могильной ямы, т. е. у ног; в двух случаях — в противоположном конце. На днищах шести сосудов имеются клейма. Все знаки расположены по кругу, но отличаются друг от друга. Рядом с сосудом часто были помещены бронзовые спиральные перстни, в единичных случаях глиняное пряслице, серебряные оковки ритона. Эти предметы носят вотивный характер.

В мужских погребениях найдены широколезвийные топоры, втульчатые наконечники копий, пояса, украшенные бронзовыми оковками, кресала и кремень. Бронзовые фибулы, браслеты, перстни, ножи, односторонние костяные гребни встречались как в мужских, так и в женских погребениях.

Внимания заслуживают два мужских погребения XI в. В погребении 10 (семилетнего мальчика), помимо украшений, гребня и ножа в окованных бронзой ножнах, положен боевой топор. В погребении 2, кроме обычных предметов, найден наконечник копья, перо которого украшено узорчатой дамасской сталью, нарядный пояс и кожаный кошелек с гребнем, гирьками и двумя серебряными монетами. Одна из монет — англосаксонский пенни Кнута (1016—1035).

В женских погребениях встречались еще нагрудные украшения из цепочек с бубенчиками, иногда и привеска — медвежий клык. Найдена черепахообразная фибула, стеклянные, янтарные и бронзовые бусы, спиральные пронизки и пластинчатые колечки от украшения одежды и обмоток ног. В комплексе погребения 9 найдена бронзовая привеска с изображением головы вола. Это первая такая находка на территории Латвии и, насколько автору известно,— вторая в СССР. Монеты-привески (серебряные немецкие денарии XI—XII вв.) найдены в двух погребениях.

Могильник Нарини по вещевому материалу датируется XI—XII вв. Тип погребения (доминируют трупоположения, ориентированные головой на север-северо-запад; количественное соотношение трупоположений к трупосожжениям 2 : 1); характерные сопровождающие предметы (сосуды и украшения), а также антропологические наблюдения (Р. Денисова) дают основание сделать вывод, что могильник принадлежал ливам. Это пока единственный исследовавшийся могильник раннефео-

дального периода на левобережье нижнего течения Даугавы. Могильник и случайные находки в других местах свидетельствуют, что ливы проживали не только в Видземе, но и в довольно большом числе на левобережье нижнего течения Даугавы.

Могильник Нарини. Бронзовая привеска с изображением головы вола

Поселение Страутиеки расположено на берегу Даугавы около 300 *м* к востоку от городища Кланьгюкалнс (раскопки Р. Шноре, 1935 г.). В 1968 г. исследовано 460 кв. м площади поселения. Толщина культурного слоя 30—50 см. По инвентарю (фрагмент и высверлина каменного топора, изделия из кремня, штрихованная и гладкостенная керамика) поселение относится к I тысячелетию до н. э. и является синхронным с городищем Кланьгюкалнс.

РАСКОПКИ В ИКШКИЛЕ

Я. Я. Граудонис

Институт истории АН Латвийской ССР начал археологическое исследование комплекса археологических и архитектурных памятников (древнее поселение ливов, развалины каменного замка и церкви XII в.) в Икшкиле Огрского р-на.

По данным письменных источников XIII в. («Хроника Генриха Латыша», «Рифмованная хроника» и др.), в конце XII в. в икшкильском поселении ливов обосновался монах-цистерцианец Мейнгард, с разре-

шения полоцкого князя начавший здесь проповедовать католицизм. Приглашенные им готландские каменщики в 1185—1186 гг. возвели на правом берегу Даугавы каменный замок и церковь — первые каменные постройки в Прибалтике.

Икшкиле стало первым опорным пунктом германских торговцев, монахов и феодалов в Прибалтике. Этот важный для истории Прибалтики памятник исследовали по письменным источникам немецкие историки. Археологические материалы впервые были получены в конце XIX в. при постройке церкви, а затем в результате небольших по объему археологических раскопок 1927, 1942 и 1961 гг.

В 1968 г. в западной части территории замка после снятия на площади 650 кв. м культурного слоя на глубину 1,5—4,5 м были обнаружены погреба XV—XVIII вв., остатки постройки XVII—XVIII вв., а между южной стеной церкви и берегом Даугавы — захоронения XIII—XV вв.

В письменных источниках отсутствуют достоверные сведения о перестройках Икшкильского замка и его окончательной гибели. Найденные под погребениями XIV—XV вв. изразцы монастырского типа и строительный мусор указывают на возможную перестройку церкви в XIV в. Обнаруженные под западной оборонительной стеной и стеной погребов погребения XIV—XV вв., а также изразцы монастырского типа в каменной кладке стены свидетельствуют о расширении территории замка и значительных строительных работах во второй половине XV в. либо на рубеже XV и XVI вв.

К юго-востоку от церкви в ямах глубиной 2,5—2,8 м, выбитых в скальном грунте, были построены погреба (один однокамерный и один двухкамерный). В одном из помещений этих погребов (6,2×3,8 м) обнаружен тщательно выложенный каменный пол, в котором из больших камней был сложен крест. Последний, равно как и найденные в щели пола монета XVII в. и бусина, а также обнаруженные следы отопительной системы позволяют предположить, что это помещение в течение определенного времени было жилым.

Рисунок Икшкильской церкви, относящийся к 1792 г. и принадлежащий перу И. Броце, а также около 100 предметов (ливонские и другие монеты, конские подковы и другие материалы) указывают на то, что в XVIII в. Икшкильский замок уже не существовал.

На площади примерно в 400 кв. м вскрыто 431 захоронение, датируемое по инвентарю XIII— XV вв. Из захоронений, расположенных местами в четыре слоя, наиболее ранние обнаружены в материковом слое, на скальном грунте либо в ямах, выбитых в нем на глубину 0,15—0,35 м.

Покойники (близ церкви захоронены первые члены христианской общины) положены в могилах на спине, в вытянутом положении, ориентированы с запада на восток. В некоторых могилах констатированы остатки гроба — железные гвозди, деревянная труха, однако большинство умерших, по-видимому, похоронено без гроба.

Примерно в 30% захоронений обнаружен могильный инвентарь: железные ножи, кресала, шейные украшения из бус, подвесок (монеты, крестики, раковины каури), цепочки из двойных колечек и стерженьков с бубенцами и двойными коньками, черепаховидные фибулы и др. В одном захоронении найдены остатки виллайне.

Среди могильного инвентаря XIII—XV вв. (около 500 железных, бронзовых, янтарных, серебряных и других предметов) преобладают изделия местных ремесленников, однако имеются также украшения скандинавского и славянского типов. По сравнению с ливскими погребениями XI—XIII вв. икшкильские захоронения беднее инвентарем, форма и отделка предметов более грубая. Находки могильного инвентаря, равно как и обнаруженное трупосожжение, свидетельствуют о длительном бытовании древнеязыческих традиций после насильственного введения христианства.

РАСКОПКИ НА ОСТРОВЕ МАРТЫНЬСАЛА

Э. С. Мугурсвич

На о-ве Мартыньсала в основном закончены раскопки каменного замка, упомянутого в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского под названием Гольм (Castrum Holme). Замок построен в конце XII в. немцами совместно с ливами в качестве опорного пункта для борьбы с язычниками. Но когда он был построен, ливы не захотели принять христианство и выгнали людей немецкого епископа Мейнгарда.

Раскопками установлено, что каменная стена толщиной в 3,25 м с трех сторон и берег р. Даугавы, укрепленный бревнами,— с четвертой огораживали трапециевидную площадь замка в 1150 кв. м. В замок вели два входа с северо-западной и юго-восточной сторон шириной в 1,35 м. Найдено свыше 3500 предметов XII—XIV вв. Культурный слой (толщиной в 1,3—2 м) разделялся на два строительных периода.

В первом строительном периоде к каменным стенам замка с внутренней стороны были пристроены деревянные сооружения столбовой конструкции шириной в 2—3 м. Очевидно, это были те укрепления (murum), которые полоцкий князь хотел сжечь при осаде замка в 1206 г. Углубленные деревянные постройки (3×4, 4×6 м), отапливаемые очагами, находились на расстоянии 6—8 м от каменных стен и были ориентированы параллельно последним. В центральной, слабо застроенной части замка постройки не были ориентированы в зависимости от крепостных стен. В западном углу замка открыты остатки колодца, а в южном — ступеньки лестницы, по которой можно было подняться на стену. Всего открыто пять углубленных построек, 17 очагов и свыше 70 разных ям, из которых 12 — хозяйственных. Согласно «Хронике

Ливонии», такие ямы служили для хранения зерна и других продуктов. В одном из очагов найдено жертвоприношение — 20 монет, вероятно XIII в. Кроме того, в слое первого строительного периода найдено несколько монет конца XII — первой половины XIII в., чеканенных в Готландии и северогерманских городах. Особенно много предметов (орудия труда, оружие, украшения и др.) обнаружено в углубленных постройках. Таким образом, наш материал находится в противоречии с ранее высказанными соображениями прежних исследователей замка (А. Бухгольц и др.), которые считали замок не постоянно заселенным, а убежищем.

Население замка XII — начала XIII в., судя по найденным украшениям и другим находкам, в основном было местного (ливского) происхождения, хотя в отдельные периоды в замке, по свидетельству «Хроники», жили немецкие священники, торговцы и стояли небольшие гарнизоны крестоносцев.

Начиная с 1255 г., замок (под названием Kerchholme) несколько раз упомянут в источниках среди владений рижского епископа или домкапитула.

При раскопках во втором строительном периоде отмечены серьезные изменения. Исчезают углубленные постройки, а вместо них сооружаются наземные удлиненные многокамерные постройки. Эти сооружения (обычно шириной в 6 м) примыкают к каменным стенам и построены на плотно сложенных камнях. Иногда они имели глиняно-каменные печи. Интересна одна постройка (4×6 м), которая частично была использована под мельницу (найдены жернова). Среди множества находок второго строительного периода стоит отметить железную бритву с надписью заглавными буквами «LVDE STVRVT» на бронзовой пластинке.

Замок сильно пострадал в конце XIII в. в период междоусобиц епископа с Ливонским орденом. Но, судя по археологическим данным (найдены монеты даже второй половины XIV в.) и письменным источникам, замок был заселен, вероятно, до 70—80 гг. XIV в., когда на правом берегу Даугавы напротив о-ва Мартыньсала Ливонским орденом был построен свой замок (Саласпилс).

РАСКОПКИ В САЛАСПИЛСЕ

А. Я. Стубав

На территории Саласпилсского замка (в 18 км от Риги, на правом берегу Даугавы) были продолжены археологические исследования, начатые в 1967 г. и охватившие $^3/_4$ общей площади замка (950 кв. м). Толщина культурного слоя — 2—4 м. Установлены три периода населенности памятника: а) каменный замок Ливонского ордена второй половины

XIV — второй половины XVI в.; б) древнее поселение с интенсивной застройкой (остатки деревянных построек) — XII—XIII/XIV вв.; в) поселение I тысячелетия до н. э.— начала нашей эры.

Вскрыта вся территория замкового двора, исследованы северный корпус и погреб (6×6 м) каменной постройки в южной части замка. Констатированы два этапа перестройки этого каменного погреба, имевшего вход со стороны двора, причем поздний на основании нумизматических и вещевых находок датируется XVI в.

Северный корпус длиной 17 м расположен между западным и восточным корпусами и состоит из двух частей: жилого помещения с печным и каминным отоплением и погреба глубиной 3 м с каменным сводом. Последний частично обрушился под тяжестью верхних этажей замка. В погреб вели две каменные лестницы — со стороны двора и соседнего жилого помещения. Жилое помещение перестраивалось трижды, причем менялась и система отопления. Первоначально помещение отапливалось кирпично-каменной печью с регулируемой подачей теплого воздуха. Печи этого типа заимствованы из Западной Европы. На территории замка обнаружены в большом количестве печные изразцы.

Незастроенная часть территории замка — двор — последний период (XVI в.) была вымощена камнем (17×19 м). Часть вымостки вместе с внешней стеной на южной стороне у Даугавы обрушилась, подмытая водами реки. В вымостке двора были выложены центральный и два боковых водостока, а посредине двора устроен колодец округленной формы (внутренние размеры 1,65×1,85 м), стенки его толщиной 0,70—0,85 м выложены камнем на известковом растворе. Колодец функционировал в течение всего периода существования замка. В XV в. двор также имел каменную мостовую, большая часть которой позднее была использована для строительства мостовой XVI в.

Первоначально в районе двора замка было возведено несколько деревянных сооружений столбовой конструкции — на южном краю, по-видимому, оборонительная галерея — и даже деревянные постройки с печным отоплением.

За внешней западной оборонительной стеной толщиной 2 м в ходе перестройки замка была дополнительно возведена насыпь толщиной 3 м из глины и песка. Для ее укрепления на склоне на расстоянии 4 м была сложена небольшая каменная стенка, засыпанная землей. Эти дополнительные укрепления были сооружены после того, как был замурован ход, который вел через западный корпус к укреплениям перед замком. С этой стороны на береговом обрыве Даугавы замок имел также массивную башню, соединенную с основными укреплениями.

Среди находок XIV—XVI вв. преобладают предметы военного назначения: большое количество наконечников арбалетных и других типов стрел, пушечные ядра и мушкетные пули, пешни, шпоры, стремя и др. Представлены также различные категории орудий труда: ножи, топоры, лопаты, зубила, наковальни, ножницы, мотыга, каменная литейная форма

и др. Сравнительно мало украшений: браслетов, фибул, подвесок, застежек и др. Найдено плетение из золотой парчи. Среди керамики обнаружена посуда, импортированная из Рейнской области.

Для среднего периода населенности (XII—XIII/XIV вв.) характерна сравнительно плотная застройка поселения небольшими деревянными постройками (обычно 16—20 кв. м), которые позднее частично были уничтожены при возведении каменных зданий. К этому периоду относятся остатки девяти построек. Преобладают в основном жилые постройки — курные избы с деревянным полом и глинобитно-каменной печью либо очагом, углубленным в землю. Обнаружено также место расположения кузницы, где найдено много шлака и железных предметов. Постройки без отопительных устройств, по-видимому, служили в качестве клетей или для иных хозяйственных нужд. Внутри помещений либо рядом с постройками располагались хозяйственные ямы и погреба, что характерно для некоторых ливских селищ в нижнем течении Даугавы. Находки были более разнообразными: орудия труда, оружие, многочисленные украшения и др.

Украшений (фибул, браслетов, перстней, подвесок, бус и др.) относительно больше, а оружия — меньше, чем в слоях каменного замка. Среди гончарной керамики XII—XIII вв. (82,8% общего количества находок керамики этого периода) встречается поливная местная и импортная посуда (3%).

Древнейший период (I тысячелетие до н. э.— начало нашей эры) представлен слабыми следами. Обнаружены остатки столбовых конструкций, штрихованная и грубая гладкостенная керамика, а также небольшое количество предметов из камня, кремня и кости.

Длительная населенность памятника, охватывающая три периода, свидетельствует о хозяйственном и стратегическом значении Саласпилса в развитии области по нижнему течению Даугавы.

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА В АННАС БУНДЗЕНЫ

И. В. Дайга

Институт истории АН Латвийской ССР совместно с Алуксненской 1-й средней школой произвел небольшие раскопки могильника в Аннас Бундзены Алуксненского р-на, на северо-западе республики, с целью выяснения хронологической и этнической принадлежности и степени поврежденности могильника, так как он долго распахивался. Грунтовый могильник на невысоком холме опоясан небольшим ручейком. Почва — каменистый гравий — способствовала хорошей сохранности погребений. Некоторые случайные находки переданы в Государственный музей истории Латвийской ССР в Риге.

На небольшой площади более возвышенного места могильника вскрыто 10 погребений: четыре женских, три мужских и три детских. Одно погребение оказалось двойным — женщины с младенцем. Ориентировка покойников восточная или западная. Погребения были расположены компактно рядами в ямах глубиной до 60 м. По-видимому, над каждой могилой имелась насыпь, так как повреждений или перекопов не обнаружено. Захоронения производились в колодах, которые иногда обкладывали рядом камней. Умершие обычно лежали на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища или сложенными на тазе. Исключением является погребение ребенка — на правом боку, в согнутом положении. Нередко под головой и спиной лежал папоротник. Во всех могилах обнаружен погребальный инвентарь. Женщины похоронены в нарядном костюме, независимо от возраста. На голове они имели венчики, расшитые бисером и бронзовыми спиральными пронизками, а также оловянными розетками, к которым подвешивались разновидные «косички» из бронзовых цепочек с трапециевидными, стилизованными антропоморфными пластинчатыми подвесками и бубенчиками или шерстяные тканые пояски с попарно нанизанными на них бронзовыми спиральными пронизками, которые замыкались ажурным ромбом из тех же пронизок. Для изготовления некоторых узорных ажурных «косичек» использовались мельчайшие бронзовые спиральки, нанизанные на конский волос. Характерны шерстяные виллайне, иногда украшенные бронзовыми пластинчатыми колечками и спиральными пронизками или бисером. Обычны также ожерелья из многочисленных раковин каури, стеклянных бус и бронзовых спиральных пронизок, подковообразные фибулы и железные ножи. Найдены широкие щитообразные браслеты и перстни, а также витые перстни. Обнаружен перстень из оловянисто-свинцового сплава со сложно плетеной серединой.

В мужских погребениях предметов найдено намного меньше и набор их менее типичен: подковообразные фибулы, витой браслет со звериными головками, нож, топор, копье.

В детских погребениях (девочек) имелись небольшие ожерелья с бубенчиками, трапециевидные подвески, ножи.

Все бронзовые украшения изготовлены местными ремесленниками. Пластинчатые щитообразные браслеты и перстни очень изящны. Спиральные пронизки сделаны из бронзовой проволоки разного диаметра, зачастую очень тонкой.

Ближайшие аналогии раскопанным погребениям имеются южнее — в могильнике Дзелзавас Стругукалнс Мадонского р-на и др. Судя по характеру погребального инвентаря и погребальных обрядов, в могильнике захоронены латгалы конца XIII и XIV в. Полученный материал является ценным вкладом в исследование материальной культуры латгалов, так как это время еще мало изучено.

VI. ЭСТОНСКАЯ ССР

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭСТОНСКИХ АРХЕОЛОГОВ

Ю. Я. Селиранд

Археологические раскопки, проведенные Институтом истории АН Эстонской ССР, были связаны главным образом с четырьмя проблемами: 1) неолит (II тысячелетие до н. э.), 2) период распада родового строя (первая половина I тысячелетия н. э.), 3) период зарождения классовых отношений (вторая половина I тысячелетия н. э.) и 4) период возникновения раннефеодальных отношений (начало II тысячелетия н. э.). Исследования проводились на неолитическом поселении, в пяти могильниках, на пяти городищах и на месте выплавки железа. В то же время были организованы и некоторые раскопки охранного и разведочного характера.

Неолитическое поселение Тамула (раскопки проводились совместно с Выруским межрайонным краеведческим музеем под руководством Л. Янитса) расположено на берегу озера того же наименования у г. Выру в юго-восточной Эстонии. Раскопки на поселении ведутся с перерывами с 1938 г.; последние раскопки были проведены в 1961 г. (материал раскопок частично опубликован). В 1968 г. раскопки были проведены на площади между раскопами 1955 и 1961 гг. в южной части поселения.

Культурный слой мощностью в 30—40 см лежал в торфе и был покрыт слоем черного торфа; под культурным слоем залегал коричневатый травяной торф, а под ним — озерный мергель. Верхний горизонт культурного слоя содержал много угля, а нижний горизонт был песчаный. Обнаружено очень много изделий из кости: иволистные наконечники стрел, кинжал, фрагменты рыболовных крючков и наконечников гарпунов, шилья, узкие резцы, подвески из зубов животных и костяных пластинок и маленькие скульптурные фигурки. Кремневый инвентарь представлен мелкими изделиями. Это прежде всего скребки, ножи, листовидные или черешковые наконечники стрел. Найдены небольшие долота из камня, некоторые желобчатые и когтевидные долота изготовлены и из сланца. Керамики найдено сравнительно мало. Это главным обра-

зом поздняя ямочно-гребенчатая посуда, характерная для поселения Тамула.

Обнаружено больше десяти концов от вбитых в землю свай. Очевидно, это остатки легких жилищ. При предыдущих раскопках в южной части поселения были обнаружены и погребения; в 1968 г. могил не найдено.

Под руководством В. Лыугаса были исследованы три памятника первой половины I тысячелетия н. э. Продолжались раскопки могильников близ дер. Лоо в Харьюском р-не, где были закончены раскопки каменного могильника 1, в котором оказалась прямоугольная оградка. Собранный инвентарь могильника — всего свыше 500 предметов — относится к V—VI вв. н. э. Могильник 2 — курган круглой формы диаметром свыше 10 м. В нем обнаружены в центре остатки каменного ящика из плитняка и остатки каменных венцов, сложенных из валунов. Преобладали трупоположения, но встречались и трупосожжения. Среди погребального инвентаря обнаружены железные посохообразные булавки, бронзовые браслеты, шейная гривна из бронзы и в небольшом количестве керамика. Инвентарь кургана относится к I в. н. э. Раскопки каменных могильников вблизи дер. Лоо свидетельствуют о том, что массовое заселение окрестностей нынешнего Таллина началось уже в начале нашей эры.

Раскопки разведочного характера были проведены на месте выплавки железа из местных руд в том же Харьюском р-не, в 10 км к югу от Таллина, вблизи дер. Раэ. Место было обнаружено при помощи географических методов. Найдены остатки правильной печи, много кусков шлака и пр. Встреченная керамика характерна для курганов с каменными ящиками начала нашей эры. Дальнейшее исследование в Раэ обещает дать много нового материала, так как это древнейший объект такого рода в Прибалтике.

Началось исследование каменного могильника в Мыннасте Вильяндиского р-на, в 17 км к востоку от г. Вильянди. В древнейшем слое могильника найдены черепки шнуровой керамики, железный втульчатый топор, фрагмент железной посохообразной булавки, т. е. предметы, характерные в Эстонии для курганов с каменными ящиками второй половины I — начала II в. н. э. Был вскрыт и угол оградки из больших валунов, вблизи которого обнаружено два железных наконечника копья середины I тысячелетия н. э. Материалы раскопок в Мыннасте свидетельствуют о том, что в начале нашей эры заселение исторической «земли Сакала» было сосредоточено по краям Салакской возвышенности.

В Кынну Тартуского р-на, около 35 км на юго-восток от г. Тарту, исследовался погребальный комплекс, включавший каменный могильник и небольшую группу длинных и круглых курганов.

Каменный могильник (раскопками руководила С. Лауль) имел длину 25 м и ширину 10 м. Вскрыта его северо-западная часть, где обнаружены две пристроенные одна к другой оградки из крупных валунов с

заполнением из более мелких камней. Возможно, что в северо-западной части могильника имелась еще одна оградка, но эта часть его была сильно разрушена. Могильник содержал значительное количество пережженных костей. Среди обнаруженных предметов преобладали украшения (перекладчатые и дискообразная фибулы, фрагменты браслетов и пр.), относящиеся к III—IV вв.

Под руководством М. Шмидехельм был раскопан круглый курган (диаметром 8 м и высотой 0,65 м), непосредственно примыкавший к каменному могильнику. Этот курган по конструкции несколько отличался от исследованных на территории юго-восточной Эстонии длинных и круглых курганов кривичского типа. Он содержал в насыпи значительное нагромождение камней, что до известной степени сближает его с эстонскими каменными могильниками, на связь с которыми указывает также обнаруженная в нем текстильная керамика. Найденная здесь плохо сохранившаяся железная пряжка датирует его предположительно VI—VIII вв.

В центральной Эстонии были закончены начатые в 1967 г. раскопки каменного могильника в Преэди Пайдеского р-на (руководитель раскопок Т. Моора). Могильник возник в V в. и использовался для погребения до XI в. В V—VI вв. преобладали трупосожжения, а в дальнейшем— трупоположения. Следует отметить, что территория Эстонии второй половины I тысячелетия н. э. беднее могильными памятниками, чем предыдущих и последующих периодов. Материал Преэдиского могильника значительно расширяет наши познания о второй половине I тысячелетия и указывает на непрерывную заселенность территории Эстонии.

После некоторого перерыва было продолжено изучение городищ второй половины I тысячелетия в юго-восточной Эстонии. Раскопки разведочного характера произведены на двух городищах Тартуского р-на (руководитель раскопок М. Аун). Городище Унипиха (в 20 км к югу от Тарту) расположено на северо-восточном конце естественной гряды и укреплено с юго-запада рвом и валом. Плато городища имеет длину 49 м, а ширину 24—25 м. Раскопками был прорезан вал высотой 1,4 м. Было установлено семь этапов в строительстве вала. Новые подсыпки делались таким образом, что вал не только повышался, но одновременно расширялся в сторону рва, находившегося перед ним. Самые значительные работы по укреплению вала проводились на шестом строительном этапе, когда делалась подсыпка из гравия и крупных валунов; от деревянных конструкций сохранились многочисленные остатки перегоревших бревен. Большинство находок составляют черепки лепной керамики; обнаружено также несколько обломков глиняных тигельков, куски шлака, фрагменты железных и бронзовых предметов. Собранный материал свидетельствует о том, что городище Унипиха возникло во второй половине I тысячелетия н. э. Имея в виду небольшое количество найденной гончарной керамики, следует полагать, что оно было обитаемо и в начале II тысячелетия н. э.

Городище «кложе Калевипоэга» в Алатскиви расположено близ западного побережья Чудского озера. Плато городища длиной 100 м и шириной 32 м с обоих концов отрезано от природной гряды валом. Лучше сохранился юго-восточный вал высотой примерно 2—3 м. Площадь городища издавна распахивалась, в результате чего культурный слой перемещен и остатки построек не сохранились. В нижнем слое раскопа, заложенного на краю городища, обнаружена текстильная и штрихованная керамика, характерная для Эстонии первой половины I тысячелетия н. э. Там же были найдены черепки лепной керамики второй половины I тысячелетия н. э. и гончарной керамики начала II тысячелетия.

Из археологических памятников первых веков II тысячелетия н. э. внимание было обращено на изучение городищ.

Продолжались раскопки на городище Синиаллику Вильяндиского р-на (руководитель работ Ю. Селиранд). Было начато исследование южного сектора северо-западного вала шириной 22 м и высотой 4,19—5,19 м. Разрез вала показал, что было три этапа в строительстве вала; сооружения каждого этапа уничтожены пожаром. После каждого пожара вал снова подсыпался, возрастая при этом не только в высоту, но и в ширину в сторону плато городища.

Остатки самого древнего вала в раскопе не обнаружены. Перед постройкой первого городища поверхность гряды была выровнена красноватым и серым глинистым песком. В первом строительном горизонте обнаружены остатки бревенчатых жилых построек, в том числе южный угол жилища с глинобитным полом и с остатками сложенного из камней очага. На этом же строительном этапе был возведен песчаный оборонительный вал высотой примерно в 2 м, посыпанный еще слоем гравия толщиной до 0,75 м. На этой подсыпке были выстроены бревенчатые оборонительные сооружения, видимо камерной конструкции. От второго строительного этапа сохранилась углистая прослойка толщиной примерно 0,5 м с остатками перегоревших бревен. Третий строительный этап представлен новым слоем гравия толщиной в 0,5 м; остатки бревенчатых оборонительных сооружений не сохранились.

В раскопе обнаружено очень мало археологического материала. Найденные черепки гончарных сосудов начала II тысячелетия н. э. не позволяют точнее определить время образования отдельных строительных прослоек. Для определения возраста строительных этапов городища предполагается использовать радиоуглеродный метод. Образец древесного угля из раскопа 1967 г. дал по C_{14} возраст в 860±50 лет, т. е. конец IX—начало XI в. н. э. Судя по этим данным, можно предполагать, что городище Синиаллику старше городищ Лыхавере и Наану того же Вильяндинского р-на.

Раскопы разведочного характера были заложены и на форбурге у северо-западного конца городища. Форбург сильно разрушен, культурного слоя здесь не обнаружено, а разрез вала форбурга показал наличие двух строительных этапов.

Продолжением прошлогодних работ являлись и раскопки на городище Соонтагана Пярнуского р-на (вместе с Пярнуским межрайонным краеведческим музеем под руководством Э. Тыниссона). Раскоп был заложен на площадке городища у подножия вала, где обнаружились остатки построек в виде перегоревших бревен, ямки от столбов и каменные кладки. Сравнительно хорошо сохранились остатки печи. Было вскрыто основание амбара с обугливщимися остатками зерен, главным образом ржи и ячменя. О развитии земледелия свидетельствует также обломок железного сошника. Среди найденных в культурном слое костей домашних животных преобладали кости крупного рогатого скота; много было также костей овец или коз.

Большинство находок — всего 950 предметов — представляют черепки лепных и гончарных сосудов; лепная керамика украшена геометрическим орнаментом. Из орудий труда и предметов обихода заслуживают внимания железные ножи, ножницы, каменное пряслице, фрагмент костяного гребня и фрагмент бронзового сосуда. Среди наконечников стрел имеются и наконечники стрел арбалета. Из украшений можно упомянуть бронзовую булавку с раздвоенной закрученной плоскими спиральками головкой, фрагменты нагрудных цепей, булавки с крестообразной головкой, подковообразные фибулы, а также несколько браслетов. Среди находок имеется и подковообразная фибула из серебра и пять серебряных монет-подвесок. Инвентарь городища относится к XI—XIII вв. н. э.

На городище Отепя в 1967 г. были проведены электроразведочные работы по исследованию возможности обнаружения фундаментов крепостных стен под слоем почвы. В 1968 г. были проверены данные прошлогодних измерений (руководитель работ О. Саадре). На юго-восточном участке верхнего плато были обнаружены фундаменты четырехугольного здания, пристроенного к окружной стене крепости. Фундаменты находились на глубине 50—60 см. При проверке электроразведочных данных выяснилось, что методика исследований требует уточнения. Не были достаточно учтены влажность почвы, а также иные компоненты, влияющие на величину удельного сопротивления. Несмотря на эти упущения, метод электроразведки при археологических раскопках на городище Отепя вполне себя оправдал.

VII. МОЛДАВСКАЯ ССР

РАБОТЫ МОЛДАВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Г. В. Григорьева, В. И. Маркевич,
Т. А. Попова, Е. К. Черныш

Молдавская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР продолжала совместные работы с Институтом истории АН Молдавской ССР. Основные исследования проводились в Сорокском р-не.

Палеолитическая группа под руководством Г. В. Григорьевой провела раскопки открытой в прошлом году верхнепалеолитической стоянки Поржница. Было заложено 12 шурфов и два раскопа с целью выявить границы стоянки, установить условия залегания и характер культурного слоя. Стоянка Поржница имеет исключительно важное значение для изучения палеолита данного района. Инвентарь стоянки весьма своеобразен и не имеет аналогий среди исследованных памятников Среднего и Нижнего Поднестровья. Во время разведки открыт новый палеолитический памятник Косоуцы-Сад. Таким образом, за два года работ в Сорокском р-не обнаружено восемь позднепалеолитических местонахождений и проведены раскопки Поржницкой стоянки. Открытие этих памятников ставит ряд вопросов: о культурной их принадлежности, о взаимодействии разнокультурных групп населения в эпоху верхнего палеолита. Накопление новых данных о верхнепалеолитических памятниках Сорокского р-на в какой-то мере позволит решить вопрос о происхождении ряда позднепалеолитических памятников на Среднем Днестре.

Наиболее интересные исследования в области неолита были проведены В. И. Маркевичем на стоянке Митокулноу на р. Реут. Раскопаны две полуземлянки и наземное жилище, перекрывавшее одну из полуземлянок. Своеобразная керамика и характер многочисленного кремневого инвентаря позволяют относить это поселение ко времени позднекришской культуры. Таким образом, на территории Молдавии обнаружено еще одно звено в цепи раннеземледельческих культур.

Поселения трипольской культуры исследовались в пунктах Раковец (Т. А. Поповой) и Сороки-Озеро (Е. К. Черныш). В Раковце из трех

глинобитных жилищ, обнаруженных в траншее 1967 г., для раскопок было выбрано жилище 3. В работах принимал участие археомагнитный отряд под руководством ведущего инженера отдела постоянного магнитного поля Института геофизики АН УССР Г. Ф. Загния. С помощью магнитометра М-23 были определены границы залегания глинобитных остатков и установлены размеры жилища: 14×7,5 м. После расчистки глинобитной обмазки на глубине 0,25—0,5 м от современной поверхности границы жилища совпали с контурами, полученными при помощи прибора. Использование магнитометра М-23 для определения местонахождения и формы глинобитных трипольских площадок безусловно ускоряет и делает более экономной работу археологов. Этот прибор был использован и на другом трипольском поселении — Варваровка (раскопки В. И. Маркевича). При помощи магнитометра на обоих поселениях были определены не только контуры жилищ, но и местоположение печей в домах.

В Раковце на площадке было две печи, довольно сильно разрушенные при пахоте поля. Возле них лежали зернотерки, находились инструменты из камня и стояло большое количество разнообразной посуды. В юго-западной части жилища расчищен участок площадью в 13,5 кв. м (5,5×3), покрытый крупными (50×40×10, 30×35×8 см) гладкими хорошо обожженными вальками глины с отпечатками деревянных плах или досок с нижней стороны. Скорее всего, эти крупные вальки являются остатками рухнувшей стены жилища. Упав, они раздавили и прикрыли сосуды, стоявшие на глинобитном полу. На площадке найдено большое количество монохромной керамики и антропоморфных статуэток, аналогичных найденным в Поливановом Яру II. По облику инвентаря жилища в целом следует отнести ко времени развитого триполья (этап В/II).

При раскопках в Сороках была уточнена стратиграфия трипольского поселения. Вскрыты перекрывавшие друг друга землянки, каменные очаги, наземные дома, ямы, канавы. Новыми явились некоторые элементы строительства: печи на каменных фундаментах, каменные очаги диаметром около 1,5 м возле землянок. Четко прослеживались тропинки, вытоптанные в материковом суглинке между очагами и землянками. Поселение было расположено на террасе, заливаемой во время весеннего паводка на Днестре (6,5 м над уровнем воды в настоящее время). Следы наводнений прослежены в жилищах. Возможно, для стока воды устраивали дренажные канавы, одна из которых обнаружена около землянок. Ее ширина 1,2 м вверху, 0,5 м внизу, глубина 1,4 м. Дно ее в настоящее время находится на глубине 2,23 м от поверхности. Канава была перекрыта более поздними культурными напластованиями трипольского времени. Со стороны Днестра параллельно реке тянулся большой ров. Открытие его явилось полной неожиданностью, так как до сих пор рвы были известны только в поселениях на плато. Ров вскрыли в пределах раскопа I на протяжении 8 м вдоль его южной стены, оказавшейся очень кру-

той. Дно обнаружили на глубине 3,8 м от современной поверхности, т. е. 2,6 м от древнего горизонта. Ров был заброшен в трипольское время и, как упомянутая канава, перекрыт несколькими горизонтами более поздних трипольских поселений. Поселение Сороки-Озеро существовало длительное время, но в целом его можно датировать концом этапа B/II, когда наметились отдельные черты, получившие дальнейшее развитие в позднетрипольское время.

РАБОТЫ ЛАБОРАТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ ТЕХНИКИ В МОЛДАВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Г. Ф. Коробкова

В составе Молдавской археологической экспедиции, руководимой Е. К. Черныш и В. И. Маркевичем, работала экспериментальная группа, ставящая своей целью трассологическое исследование добытого в ходе раскопок материала и проведение ряда экспериментов, связанных с обработкой дерева и кости. Опыты подтвердили данные экспериментов лаборатории первобытной техники ЛОИА, с помощью которых была установлена зависимость рабочих частей ряда орудий от их употребления. Так, в результате обработки кости и дерева отщепами и пластинами без специального оформления их ретушью края в процессе постепенного изнашивания приобретали вид намеренно подготовленных лезвий, а форма пластины или отщепа — вид законченного совершенного орудия. Таким путем получались превосходные «скребки» (в том числе и концевые) и скобели. При этом интересно заметить, что при обработке дерева, особенно сучковатого, на гладком лезвии пластины или отщепа образовывалась пологая плоская ретушь, нередко далеко заходящая на одну из сторон орудия. Острые грани полученных фасеток зачастую сглаживались, кромка лезвия выкрашивалась. При обработке кости ретушь носит иной характер. Фасетки более крутые, глубокие, с сильно выступающими краями, которые в ходе работы под большим давлением выкрашивались и самозатачивались. Рабочее лезвие при этом получалось высокое со свежестертой кромкой. Линейные следы, как правило, отсутствуют, поскольку в силу выкрашивания лезвия происходило непрерывное образование все новой и новой ретуши. Орудия, использованные для обработки кости, по крутизне рабочего края и сетому характеру ретуши легко отличаются от аналогичных инструментов, употреблявшихся для обработки дерева.

Однако наша основная работа была посвящена трассологическому изучению кремневого и костяного инвентаря из неолитических и энеолитических поселений Молдавии. В течение полевого сезона 1968 г. просмо-

трены под бинокуляром коллекции неолитической стоянки Миток (раскопки В. И. Маркевича) и позднетрипольских поселений Раковец (раскопки Т. А. Поповой) и Сороки-Озеро (раскопки Е. К. Черныш). В связи с исследованием данного материала большое значение приобретает проблема становления и развития земледелия на юго-западе СССР.

В этом отношении особенно интересна Митокская стоянка, наглядно демонстрирующая зарождение земледелия на территории Молдавии. Коллекция насчитывает свыше 700 изделий, выполненных в манере пластинчатой техники с микролитоидными чертами и незначительным процентом предметов из отщепов. Для оформления орудий характерно минимальное использование дополнительной обработки. Индустрия Митокской стоянки содержит такие инструменты, как ножи для разделки туш животных, скобели и резчики-скобели, скребки и резчики, пилки и вкладыши серпов, сверла и проколки. Особенно интересны вкладыши серпов с угловой заполированностью рабочей поверхности. Такой характер сработанности свидетельствует о зубчатом креплении вкладышей в рукоятке. Форма митокского серпа находит себе близкие параллели в карановских жатвенных орудиях. Интересен и костяной инвентарь, среди которого обнаружены плоские обоюдоострые наконечники копий, весьма близкие по форме к наконечникам сибирских и среднеазиатских метательных орудий. Однако в отличие от последних они не имеют боковых пазов и несколько тоньше в сечении. Имеются скребки-развертки из клыков кабана, тождественные аналогичным изделиям из трипольских поселений. Обитателей Митокской стоянки еще нельзя назвать земледельцами, тем не менее в их хозяйстве намечались первые шаги в сторону земледелия.

Весьма разнообразен материал трипольских поселений Раковец и Сороки-Озеро. Среди раковецкого инвентаря обращают на себя внимание каменные шлифованные мотыги, внешне напоминающие топоры и тесла. Для индустрии характерен высокий процент орудий — около 30. Оригинальна техника оформления обушковой части некоторых предметов. Так, например, заготовкой можно назвать пластину в виде концевого скребка со скошенным крутым затупленным верхним краем, служившим не рабочим лезвием, а площадкой для упора указательного пальца. Рабочие лезвия у них, как правило, располагались на боковых необработанных краях. В коллекции Раковца обнаружены отбойники, скребки, ножи, скобели, пилки, единичные сверла, развертки, ретушеры, резец, строгальный нож, мотыги и др.

Коллекция Сороки-Озеро содержала много нуклеусов аморфного типа, битого кремня, осколков желваков на разной стадии расщепления, отщепов и реже пластин. Однако среди них определены настоящие орудия со следами изношенности. В настоящий момент можно констатировать факт использования трипольцами заготовок без какой-либо дополнительной отделки краев. Особенно это относится к деревообрабатывающим инструментам, применяемым без ретуши. Из определимых орудий следует назвать отбойники и ретушеры, песты и курапты, скобели и рез-

чики-скобели, скребки и ножи, резец и костяное лощило. Тем не менее число их в отличие от Раковца минимально и едва достигает 2%. Это материал мастерской с незначительным запасом орудий.

Обращает на себя внимание отсутствие в ряде трипольских поселений вкладышей серпов. И наоборот, встречаются поселения с довольно высоким процентом этих орудий. Это явление может быть результатом сложности и многогранности трипольского хозяйства или наличия каких-либо других орудий, заменяющих составные серпы. Ответы на данные вопросы можно получить лишь после тщательного анализа многочисленных индустрий триполья. Однако, судя по различию в инвентаре трипольских поселений, уже сейчас можно говорить о разнообразии хозяйства и домашнего производства трипольцев.

О РАБОТЕ ПРУТСКО-ДНЕСТРОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Г. Б. Федоров

Прутско-Днестровская экспедиция продолжала раскопки на сложном многослойном памятнике Криничное I. На поселении эпохи поздней бронзы были открыты новые полуземлянки, а также различные вещи: зернотерка, проколки, много керамики, в том числе целая миска, и т. п. В сарматском могильнике вскрыто еще одно (№ 8) погребение, видимо женское, с бронзовой поясной пряжкой. На поселении культуры Первого Болгарского царства IX—X вв. н. э. вскрыто около 500 кв. м площади, открыты остатки полуземлянок с очагами и печами-каменками, новые траншеи. В полуземлянках, траншеях и около них найдено много керамики как серой с прошлифованным орнаментом, так и коричневой, желто-серой и красной с линейно-волнистым орнаментом, а также глиняное биконическое пряслице, проколки, медная серьга, керамические и каменные, видимо пращевые, шарики, круглое каменное точило, железные ножи и другие железные предметы, каменные топорики, металлургический и керамический шлак и т. п. Керамический комплекс в целом такой же, как и полученный при раскопках на этом поселении в 1967 г. Интересны сосуды с клеймами в виде креста в круге и других на донцах горшков с линейно-волнистым орнаментом и косого креста в квадрате на донце серого горшка с лощением. По-прежнему загадочным остается назначение узких и длинных траншей, пересекающих территорию селища в различных направлениях и имеющих в длину от 2—3 до 30 м. Видимо, использовались они по-разному. Например, одна из них, длиной около 6 м, с остатками очага в одном из концов (наиболее широком), судя по этнографическим аналогиям, могла быть коптильней для рыбы. Рыбьи кости и чешуя были найдены при раскопках в слое селища. Возможно, что неглубокие и длинные траншеи ограничивали территорию

Городище Рудь в Молдавии

усадеб, однако окончательно судить о назначении различных траншей на поселении можно будет лишь после вскрытия большой площади.

На поселении Криничное II, также расположенном на восточном берегу оз. Ялпух (Болградский р-н Одесской обл. УССР), на расстоянии 500 м к югу от селища Криничное I, и также относящемся к культуре Первого Болгарского царства, были проведены небольшие раскопки. Открыты остатки трех полуземляночных жилищ с печами-каменками и довольно скудным инвентарем.

Во время разведок, проведенных в Болградском р-не южнее селищ Криничное I и Криничное II по берегу оз. Ялпух и в долине р. Карасулак, открыто свыше 10 поселений, в том числе эпохи поздней бронзы, последних веков до нашей эры, черняховской культуры и Первого Болгарского царства.

Славянское поселение IX—X вв. н. э. открыто у с. Большая Балабанка Белгород-Днестровского р-на Одесской обл. УССР, на берегу Черного моря. Культурный слой этого самого юго-западного из известных нам восточнославянских поселений довольно мощен.

Самым интересным из объектов, обследованных в 1968 г., было древнерусское городище с кольцевым валом и рвом, расположенное на берегу Днестра у с. Рудь Атакского р-на. Мощный культурный слой на городище и окружающем его большом посаде насыщен материалом.

VIII. ГРУЗИНСКАЯ ССР

РАСКОПКИ ТЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА

Б. В. Техов

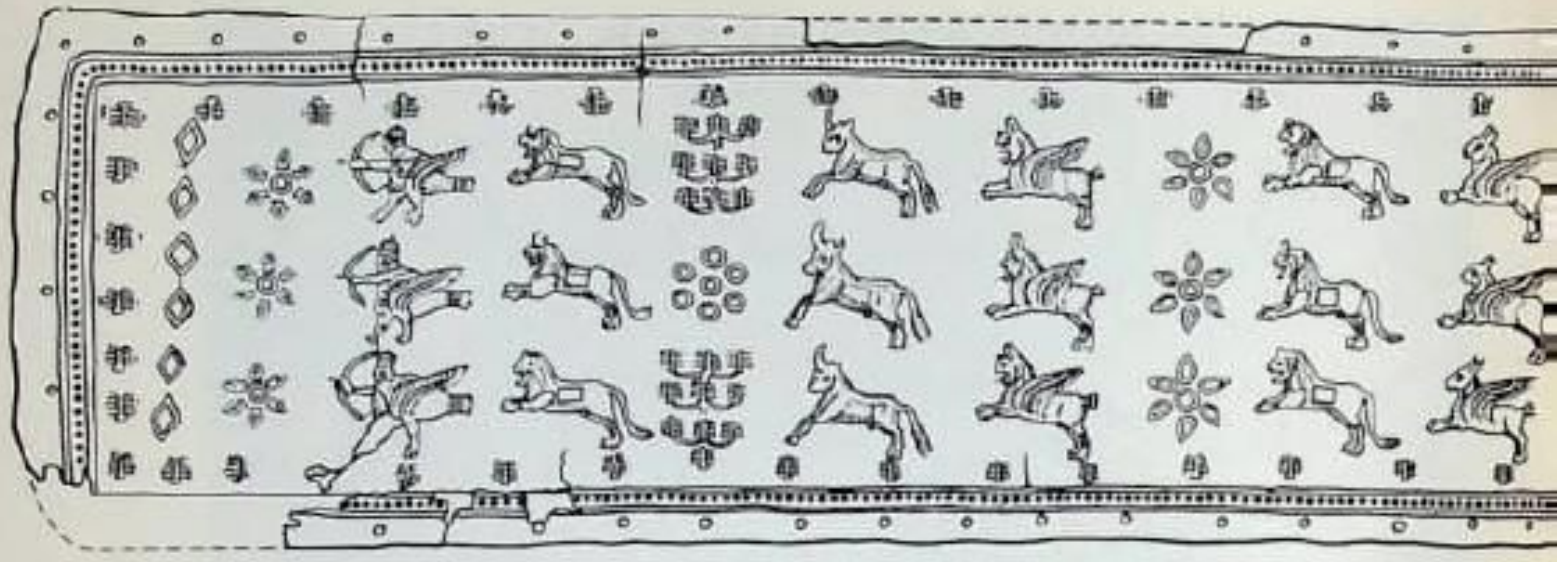
Археологическая экспедиция Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР продолжала раскопки могильника у с. Тли (Юго-Осетия) в верхнем течении р. Большой Лиахви, расположенного около 2000 м над уровнем моря.

В окрестностях могильника были заложены два шурфа 4×4 м для выяснения остатков древнего поселения. Однако культурный слой не обнаружен.

Основные работы были сосредоточены на территории могильника эпохи бронзы и раннего железа. В двух раскопах (один — у северо-западной границы могильника, а другой — у юго-восточного угла) вскрыто 27 погребений, расположенных тремя ярусами. Все они оказались под каменной выкладкой. В первом раскопе на глубине 5—6 м от дневной поверхности открыто 8 погребений, а во втором — 19, но на меньшей глубине (1,2—1,4 м). Погребения совершены в грунтовых ямах овальной или квадратной формы и в могилах типа каменных ящиков. Все погребения оказались обложенными и засыпанными булыжником. Некоторые из них (погребение 217) были перекрыты огромными плитами. Среди вскрытых погребений оказалось 9 мужских, 7 женских, 3 детских и 8 сильно перемешанных и потревоженных более поздними захоронениями. Инвентарь разновременных погребений часто был перемешан.

Самыми интересными оказались материалы, относящиеся к XII—X вв. до н. э. Мужские погребения этого периода содержали бронзовые наконечники копий (погребение 207), богато орнаментированные топоры с дважды изогнутыми корпусами, кинжальные клинки, дугообразные фибулы, пояса из листовой бронзы и т. д. (погребения 201, 202, 208, 209, 210, 215а).

Женские погребения содержали в основном украшения. Среди них выделяется погребение 217, названное нами могилой знахарки. В ней найдены бронзовая миска, глиняный кувшинчик, две булавки с дисковид-



Тлийский могильник. Фрагмент бронзового пояса

ными головками, браслеты с граненой наружной поверхностью, суженными и завернутыми в спираль концами, четыре привески в виде бараньей головы, бронзовые фигурки собаки, ромбовидные бляшки, четыре пластинчатые перстня, позолоченные височные привески в три оборота с маленькими спиральными завитками, спиральные трубочки, обвитые вокруг тонких палочек, две трубочки, свернутые из тонкой бронзовой пластинки, фрагменты пояса из листовой бронзы, поясная пряжка, 540 бус, ножные кольца и бронзовая лопаточка для размельчения лекарственных растений и расчистки раны (?).

Из детских погребений самым интересным оказалось погребение 210, в котором найдены кинжал, шейная гривна и бронзовая привеска в виде человеческой головы с весьма правильными чертами лица и аккуратной прической.

Два мужских погребения (198, 215-б) датируются X—VIII вв. до н. э. В погребении 215-б обнаружен пояс из листовой бронзы, украшенный в ассиро-урартском стиле. На наружной поверхности его изображены львы, быки, стрелки из лука с человеческой головой, львиными ногами и телом птицы, крылатые животные, всадники, держащие в одной руке кинжал, а в другой — плеть, розетки, древа жизни и т. д. Это второй урартский пояс, найденный в Тлийском древнем могильнике. В этих же погребениях имелись бронзовые топоры, один с прямым корпусом и молоточным обухом, второй с клиновидным обухом и полукруглым лезвием.

Очень интересны комплексы VIII—VI вв. до н. э. (погребения 196, 197, 205, 216). В них представлены железные наконечник копья, акинаки, секиры, ножи, клинки, удила, а также бронзовые пряжки изогнутой формы, фибулы и ведро с двумя маленькими ушками и проволочной ручкой, в нескольких местах починенное.

Железный акинак из погребения 216 повторяет форму скифских с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Деревянные ножны заканчивались костяным наконечником, на котором изображено свернувшееся в кольцо животное. В том же комплексе имелась костяная привеска в виде головы слона со свернутым в петлю хоботом и открытой пастью.

Самым поздним можно считать женское погребение 193. Найденные здесь серебряные височные кольца, одно из которых кончается змеиными головками, бусы из янтаря и голубого стекла, железная булавка и бронзовая пряжка со схематическим изображением всадника на наружной поверхности датируются началом V в. до н. э.

Выясняется, таким образом, что Тлийский могильник существовал с середины XIV до начала V в. до н. э. и был кладбищем большой родоплеменной группы, представители которой с середины II тысячелетия до н. э. осваивали высокогорные пастбища района Тли.

Материалы говорят о тесных культурных связях с соседними племенами Западной Грузии, северных склонов Кавказского хребта, низменных районов Внутренней Картли, а через эту территорию — с миром Урарту, Ассирии и других государств Ближнего и Переднего Востока.

IX. АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

РАСКОПКИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ИЛАНЛЫ-ТЕПЕ

И. Г. Нариманов

Археологическая экспедиция Института истории АН Азербайджанской ССР продолжала раскопки на поселении Иланлы-тепе Агдамского р-на в Карабахской низменности. В центральной части холма выявлены остатки кирпичных сооружений бытового и хозяйственного назначения, а также одновременные им керамические, каменные и костяные изделия. Пять впускных погребений относились к более позднему времени, чем культурный слой.

Верхняя часть культурного слоя была частично нарушена фундаментом современного дома.

Кирпичные сооружения Иланлы-тепе в плане четырехугольные, полукруглые или круглые. На полу и стенах сохранились явные следы окраски темно-красного оттенка, что не встречалось ранее на энеолитических памятниках Восточного Закавказья. Очаги в жилищах находились в углах. По краям очагов стояли кирпичи для поддерживания сосуда.

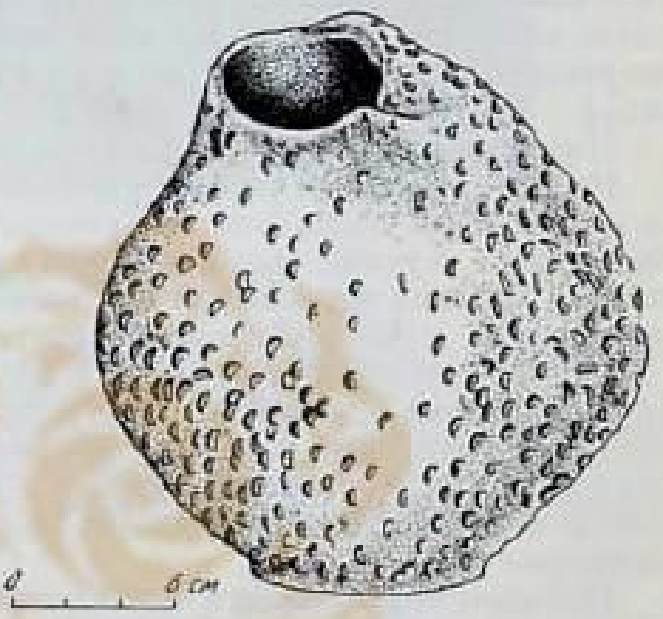
За пределами сооружений сохранились остатки очага корытообразной формы, углубленного в грунт, стенки и под его сильно обожжены, внутри он заполнен золою. Вероятно, в нем обжигали сосуды.

Сосуды изготовлены от руки, в глину примешан рубленый саман; дно сосудов плоское, ручек нет. Нередко их наружная поверхность украшена ямками, треугольниками и штрихами. Исключение составляет черепок с росписью. У отдельных сосудов в стенке выше днища имеются отверстия, сделанные до обжига.

Особый интерес представляют сосуды в виде мисок с невысокими вертикальными стенками, на верхнем срезе которых имеются соскообразные выступы. В керамике других энеолитических памятников Закавказья подобное явление не отмечено. Совершенно идентичные формы сосудов встречаются на ранних поселениях кура-аракской культуры, в частности в Бабадервише.

Каменный инвентарь представлен зернотерками, терочниками, пестиками, а также фрагментами чаш из белого мраморизированного известняка. На зернотерках и ступках сохранились следы охры. В двух местах найдены скопления камней небольших размеров, использованных для защиты поселения. Подобные же назначения имели глиняные яйцевидные поделки для пращи, встреченные как внутри, так и за пределами помещений.

Костяных предметов мало, найдены мотыги и шилья. Почти нет остеологических материалов, пригодных для определения. В зольных скоплениях собраны образцы зерен культурных злаков.



Иланлы-тепе. Глиняный сосуд

Пять впускных погребений на территории поселения Иланлы-тепе оказались синхронными и однотипными с погребениями, выявленными здесь в прошлом году. Покойники лежали в скорченном положении в овальных ямах, при них найдены красноглиняные сосуды в виде чаш и кувшинов с ручкой и носиком, а также металлические предметы, в основном из железа (кинжалы, браслеты, колечки и др.).

Полутораметровый культурный слой поселения Иланлы-тепе относится к энеолитическому времени, т. е. датируется периодом в пределах IV тысячелетия до н. э.

РАСКОПКИ КАБАЛЫ

С. М. Казиев, И. А. Бабаев

Кабалинская археологическая экспедиция Института истории АН Азербайджанской ССР (начальник С. М. Казиев) продолжала начатые в 1967 г. раскопки городища Кабалы античной эпохи.

В результате раскопок установлено, что толщина культурного слоя достигает 3 м. Нижний слой толщиной около 0,4 м содержит материалы эпохи ранней бронзы. В раскопанном участке этот слой дал сравнительно мало материалов: фрагменты глиняных сосудов, отщепов кремня и обсидиана и т. д. Непосредственно на этом слое лежит слой, относящийся к последним векам I тысячелетия до н. э. Самый верхний слой относится к I—II вв. н. э. Сооружения, находящиеся в этом слое, погибли в результате пожара, следы которого прослеживаются на большой площади.

После этого жизнь на исследованном участке прекратилась.

Раскопки выявили остатки различных зданий. От зданий, относящихся к последним векам I тысячелетия до н. э., сохранились фундаменты из булыжника, а также большие плоские и желобчатые черепицы. На одной из этих плоских черепиц имеется клеймо. Черепицы, относящиеся к этому периоду, в Азербайджане обнаружены впервые.

Строительными материалами особенно насыщен верхний слой раскопа. Обнаружены остатки стен из сырцового кирпича, зернохранилищ и других сооружений, покрытых крупными кровельными черепицами, а также тысячи фрагментов черепиц — плоских, двускатных и желобчатых. В этом слое большой интерес представляют две хорошо обтесанные каменные базы колонн.

Найдены обугливщиеся зерна пшеницы и ячменя в зернохранилищах, кости различных животных, большие хозяйственные кувшины, многочисленные фрагменты глиняной кухонной посуды, стеклянные бусы, другие предметы и украшения, изготовленные из бронзы, раковины каури, фрагмент глазурованного глиняного сосуда, железные орудия труда, фрагменты более 30 глиняных комков (булл) со следами бечевки и оттисков различных печатей. На каждой булле имеется от 1 до 3 оттисков, нанесенных одной печатью. Все эти буллы обнаружены в слое, относящемся к эллинистическому периоду и рубежу нашей эры. Большинство оттисков нанесены овальными выпуклыми резными камнями, вставленными в перстни. На основе оттисков можно судить, что резьба на некоторых камнях выполнена с большим умением, что характерно для глиптики эллинистической эпохи. Некоторые оттиски, вероятно, нанесены металлическими перстнями-печатями и печатями, изготовленными из глины. По стилистическим данным и сюжетам устанавливается, что часть печатей была изготовлена местными мастерами. Большой интерес представляет и то, что наряду с буллами в одном слое обнаружены кус-

Кабала. База колонны

ки тщательно отмученной глины удлиненной формы со следами пальцев, которые, вероятно, являются заготовкой для булл.

Новые материалы з Кабале свидетельствуют о довольно высоком уровне социально-экономического развития Кавказской Албании и ее культурно-экономических связях с сопредельными странами в античную эпоху.

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ АМАРАС

Р. Б. Гекюшев

Отряд, организованный Институтом истории АН Азербайджанской ССР, вел раскопки на одном из раннесредневековых городов Кавказской Албании, носящем в источниках названия Амаре, Амарас, Амарен и Аг-оглан. Городище находится в одном ущелье Карабахского нагорья, на территории сел. Сос Мартунинского р-на Азербайджанской ССР.

Раскопки произведены на трех участках. Первый участок находился в крепостной части города, между храмом и караван-сараем. Было выявлено три культурных слоя, общая толщина которых достигает 5 м. Наряду с многочисленными остатками бытовых изделий открыто древнее культовое сооружение. Впоследствии здесь был построен монастырь, сыгравший немаловажную роль в экономической жизни города. На первом участке были изучены также оборонительные и бытовые строения.

Город Амарас. Вид восточной стены

Второй участок для раскопок был выбран вне крепостной части города, на правом берегу р. Амарас. Здесь выявлены остатки жилых домов, полы и стены которых были высечены в скале. Большой интерес представляет производственный очаг, являющийся предположительно остатком гончарной печи. На участке установлено три культурных слоя, охватывающих IV—III вв. до н. э. и XVIII в. н. э.

Третий раскоп заложен в могильнике расположенном в 1,5—2 км западнее городища. Могильник содержит разнотипные погребальные памятники, в том числе каменные ящики, кувшинные и грунтовые погребения. Погребальные памятники, каменные ящики, кувшинные и некоторые грунтовые погребения относятся к одному и тому же периоду — последней четверти I тысячелетия до н. э. и началу нашей эры. После IV в. н. э. применяется христианский обряд захоронения, также прошедший несколько этапов. Было открыто и несколько ложных могил.

Во время раскопок и изучения территории городища собрано несколько эпиграфических памятников на древнеармянском языке, который был распространен здесь после IX—X вв. — времени окончательного подчинения албанской церкви армяногригорианскому католикосату. Эпиграфические памятники в основном состоят из строительных и намогильных надписей, имеющих большое значение для изучения топонимики и датировки отдельных архитектурных памятников.

Предварительные результаты показали, что городище Амарас возникло на базе более древнего поселения, охватывавшего обширную территорию. В экономическом развитии города первенствующую роль играло храмовое и монастырское хозяйство.

РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ШЕМАХИ

Г. Джидди

Шемаха — один из древнейших городов Азербайджана. До последнего времени местонахождение средневековой Шемахи не было точно известно, ибо в связи с непрерывными разорительными войнами, происходящими на территории Ширвана, и частыми землетрясениями город неоднократно подвергался сильному разрушению.

Археологический отряд Института истории АН Азербайджанской ССР, занимавшийся обследованием и изучением крепости Гюлистан, поставил перед собой задачу установить точное местонахождение г. Шемахи. На основе зарисовок средневековых ученых и путешественников было установлено приблизительное местонахождение города и его крепостных стен. В результате археологических раскопок следы крепостных стен были выявлены на территории современной Шемахи, на пересечении улиц «28 апреля» и им. Ленина, на глубине 3 м от дневной поверхности. Толщина стен достигает 2,5 м. Наружная сторона стен облицована хорошо тесаными камнями с использованием известкового раствора. В забутовке использован рваный камень на глиняном растворе.

Раскопки показали, что фундамент стены построен в XI в. на культурном слое, относящемся к IX—X вв. В источниках имеются сведения о том, что в XI в. ширваншах Губад вокруг города «Езидиййе» построил каменные стены. По определению Е. А. Пахомова, город Шемаха во время правления династии Мазъядидов назывался «Езидиййе».

Можно предполагать, что выявленные нами крепостные сооружения являются остатками упомянутых стен, построенных ширваншахом Губадом.

Во время раскопок во внутренней части стен обнаружены фрагменты многочисленной поливной и простой неполивной керамики и более 50 монет, относящихся к XI—XIV вв. Основная масса монет была чеканена в городе Шемахе. Произведенные нами раскопки показали, что в нижней части современной Шемахи залегает частично исчезнувший средневековый город Шемаха, многократно упоминаемый в арабских и персидских источниках.

X. КАЗАХСКАЯ ССР

РАЗВЕДКИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

М. Н. Клапчук

Объектом работ послужили участки в Павлодарском Прииртышье, Кокчетавском Приишимье и на северной окраине пустыни Бетпак-Далы.

Первый участок расположен среди небольших сопок со злаково-полынно-солянковой растительностью в 60 км к востоку от г. Экибастуза Павлодарской обл. Здесь, по преимуществу у родников и такыров, открыты восемь неолитических местонахождений, в том числе Костерек I, Такырсор 1—4, Таскудук 2—4. Инвентарь местонахождений многочисленный, представлен нуклеусами, ножевидными пластинками, скребками на отщепах, наконечниками стрел, вкладышами и, в очень незначительном количестве, фрагментами керамики. Кроме того, на вершине небольшой сопки, устланной желваками и угловатыми обломками сливного песчаника, обнаружена позднепалеолитическая мастерская Таскудук I. Инвентарь состоит из восьми дисковидных двухсторонних нуклеусов, трех двухплощадочных двухсторонних нуклеусов, 55 фрагментов листовидных наконечников длиной 113—214 мм, семи фрагментов треугольных топоровидных орудий, двух остроконечников, четыре скребел, 18 пластин, 254 отщепов с фасетированными спинками и свыше 120 обломков сколов.

Второй участок расположен в 130 км к западу от Кокчетава. Здесь, на пастбище селения Казанка, по берегам топких мест и кочкарных озер, богатых рыбой и водоплавающей птицей, открыты три небольших по площади и количеству находок неолитических местонахождения. Инвентарь представлен нуклеусами, сечениями пластинок, скребками на отщепах. Два небольших местонахождения (неолитическое и бронзового века) открыты на поверхности высокой левобережной террасы р. Иман-Бурлук в 4 км к югу от сел. Ольгинка. Среди находок преобладают отщепы.

Большим успехом увенчалась археологическая разведка на юге Карагандинской обл. и по берегам пересыхающих летом пустынных рек Каимберген-Карасу (одна точка) и Жидели (три точки), у родников

между сопками Мунглу и Кыльча (три точки), на безымянной сопке в 14 км к югу от колодца Коскудук (три точки) и у горы Азат (одна точка). Местонахождения, как правило, имеют значительные размеры, очень богаты каменным инвентарем несомненно неолитического облика.

На небольшой площадке на северном склоне вышеупомянутой безымянной сопки обнаружена также позднепалеолитическая мастерская Коскудук 7. Находки представлены 10 одноплощадочными односторонними нуклеусами, шестью дисковидными двухсторонними нуклеусами, шестью призматическими нуклеусами, 45 фрагментами аморфных нуклеусов и свыше 170 обломками сколов. Готовые орудия не встречены.

РАСКОПКИ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

Ф. Х. Арсланова

В течение последних четырех лет кафедра истории Усть-Каменогорского педагогического института проводит археологическую практику студентов-историков первого курса. Раскопки курганных могильников начаты в Шемонаихинском р-не Восточно-Казахстанской обл. В 1968 г. продолжены раскопки могильника, расположенного на правом берегу Иртыша в 5 км к северо-западу от с. Зевакино. В могильнике насчитывается более 300 разновременных курганов.

Изученные памятники эпохи бронзы представлены округлыми оградами из поставленных на ребро или положенных плашмя каменных плит и земляными курганами с каменным кольцом по основанию.

Внутримогильные сооружения состояли из каменных ящиков, цисты или деревянного сруба. Погребенные лежали в скорченном положении на боку, головой к западу или юго-западу. Состав инвентаря (глиняные сосуды, бронзовые подвески, нашивки, бусы, золотые и бронзовые серьги с раструбом) характерен для федоровского и алакульского этапов андроновской культуры.

Были продолжены раскопки карасукских памятников. В четырехугольных и округлых оградах, примыкающих друг к другу, открыты одиночные и парные захоронения в скорченном положении, головой к юго-западу или юго-востоку. Типичным инвентарем, сопровождавшим умерших, были бронзовые ножи карасукского типа с грибковидной шляпкой, с «аркой на кронштейне» и костяные поделки. Глиняная посуда совершенно отсутствовала. В отдельных могилах найдены кости животных. Отсутствие керамики, в отличие от синхронных памятников Сибири и Хакасии, является, по-видимому, отражением этнических особенностей племен Восточного Казахстана.

Погребения раннего железного века совершены в деревянных «ящиках» без дна, установленных в глубоких (до 3,5 м) могилах. В одном кургане стенки «ящика» снаружи были укреплены каменными плитами, а дно могилы выстлано плоскими кусками сланца. В двух случаях на приступке вдоль северной стенки могильной ямы, выше покойника находился костяк лошади. Сопровождающий инвентарь (глиняные кувшиновидные сосуды, бронзовый и железные ножи, костяные и бронзовые бляхи, пастовые и сердоликовые бусы, бронзовая серьга, золотые нашивки, гривна и костяной наконечник стрелы) позволяет датировать весь комплекс V—I вв. до н. э.

Среди памятников позднего железного века различаются курганы с трупосожжением и трупоположением. Под каменной насыпью первой группы курганов на уровне древнего горизонта вокруг скопления кальцинированных костей лежали железные восьмеркообразные стремена, топор, наконечники стрел трехлопастной и пулевидной формы. Рядом, в специально вырытой яме, найдены кости лошади (череп, кости ног) и коровы (череп). Полученный материал находит полную аналогию в древнехакасских курганах IX—X вв.

Вторая группа курганов имела каменную или земляную насыпь, под которой в грунтовой могиле погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток или на запад. Рядом, с обратной ориентировкой положена взнузданная лошадь. Сопровождающий инвентарь состоит из наконечников стрел в колчанах, железных ножей, керамики, лука, втульчатого копья, сабли, восьмеркообразных удил с костяными псалиями, стремян, фрагментов седла и бронзовых блях от пояса и сбруи лошади. Весь комплекс датируется VIII—IX вв.

РАБОТЫ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович

Северо-Казахстанская археологическая экспедиция (Северо-Казахстанский областной историко-краеведческий музей и Петропавловский педагогический институт) продолжила работы в Среднем Пришимье.

На поселении конца II тысячелетия до н. э. Явленка I за два полевых сезона исследовано три полуземляночных жилища 1, 2, 3 площадью соответственно 160, 140, 196 кв. м. Жилища расположены веерообразно и обращены к центральной части поселка; два из них соединены коридорообразным проходом длиной около 2 м, шириной 1,6 м. В жилищах по два очага, рядом обычно находятся выкладки из глиняных кирпичиков и камня. Исключение составляет полуземлянка 3, где зафиксировано восемь очажных пятен, шесть из которых расположены вдоль длинных стен помещения. Исследования сезона дали богатый керамический материал,

бронзовый нож, фрагмент каменной литейной формы, разнообразные костяные и каменные орудия труда.

Еще одно жилище эпохи бронзы вскрыто у с. Ильинка Ленинского р-на. Располагалось оно, видимо, в периферийной части большого поселка, смытого водами р. Ишим. Жилище представляет собой полуземляночное помещение площадью около 270 кв. м с хорошо фиксировавшимися столбовыми конструкциями. В центральной части — большой очаг, выложенный из глины и камня. Среди инвентаря — каменные песты, костяные ножи и трепала, бронзовые проколки. Более тысячи фрагментов керамики, найденные в жилище, позволяют отнести его к последнему периоду существования андроновских племен.

У с. Петровка на второй террасе левого берега р. Ишим исследовано жертвенное место эпохи бронзы. Значительная часть памятника разрушена песчаным карьером. Раскопом вскрыто 25 жертвенных ямок глубиной 0,8—0,9 м от современной поверхности. Они имели прямоугольную форму (0,8—1,2×0,4—0,8 м) и довольно устойчиво ориентированы длинными сторонами по линии восток—запад. На дне ямок, обычно в северо-западном углу, стояло по одному, два и редко по три сосуда, рядом — кости животного, иногда уголь. Здесь же, на территории жертвенного места, зафиксировано три погребения — одно трупоположение и два трупосожжения. Найдено бронзовое тесло и нож, 30 сосудов, украшенных несложными композициями из разных треугольников, канелюр и реже меандров, покрывающих не только стенки сосудов, но и днища.

Экспедицией были продолжены раскопки крупного могильника эпохи бронзы — Бурлук I, расположенного на правом берегу р. Иман-Бурлук (правый приток р. Ишим). Вскрыта группа из 13 конструкций. Основу погребального сооружения составляет каменная кольцевая оградка диаметром от 3,5 до 6 м, окружающая могильную яму. Оградка выложена на погребенной почве или на выкиде из могильной ямы. В некоторых случаях сооружение дополнено насыпью высотой 20—25 см. Могильные ямы ориентированы преимущественно по линии северо-восток—юго-запад, имеют заплечики. Они содержат как трупоположения, так и трупосожжения. Наибольший интерес представляет курган 13 высотой 60 см, где к обычной кольцевой оградке диаметром 6 м с северо-западной и юго-восточной сторон примыкают оградки диаметром 3 м. Вся конструкция единовременна. Каждое из колец содержит по одному погребению — в центре трупосожжение, в северо-западном кольце — трупоположение, в юго-восточном — трупосожжение. Преобладающее количество погребений ограблено, основной материал — сосуды.

В районе с. Явленка вскрыто семь курганов, пять из которых датируются рубежом нашей эры. Насыпи курганов окружены неглубокими рвами с одним или двумя проходами. Могильные ямы глубиной 1,5—2 м иногда имеют подбой, ориентированы длинными сторонами по линии восток—запад. Погребенные лежат вытянуто на спине, головой на запад.

Своеобразием отличается погребение в кургане 6 — труп, уложенный точно так же, как в других курганах, подвергся сожжению внутри могильной ямы. Кости, лежащие в анатомическом порядке, полностью кальцинированы. Вся яма заполнена красной спекшейся глиной, чередующейся с остатками погребальных костров. Вещевой материал могильника представлен костяными наконечниками стрел, бронзовыми и железными пряжками, пастовыми бусами. Глиняные сосуды имеют бомбовидную форму и узкую горловину, орнаментированы резными заштрихованными треугольниками.

Разведочные отряды экспедиции обследовали берега р. Ишим от границ Кокчетавской обл. до с. Ильинка Тюменской обл. Открыто 27 новых поселений, среди которых: неолитических — 6, эпохи бронзы — 18, раннего железного века — 3. Открыты или вторично обследованы десятки каменных оград, курганных групп и одиночных курганов. На поселениях середины I тысячелетия до н. э. Борки I и Борки II проведены рекогносцировочные раскопки.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ЮГО-ЗАПАДЕ КУЗБАССА

М. Г. Елькин

Экспедиция Прокопьевского краеведческого музея закончила раскопки поселения позднего железного века на территории усадьбы «Центральная» Гурьевского совхоза Кемеровской обл.

Поселение расположено на пологой горе правого берега р. Степной Бачат. Общая площадь раскопа составила 4220 кв. м. Поселение однослойное. Культурный слой толщиной от 10 до 35 см содержал дробленые трубчатые кости животных, куски глиняной посуды, изделия из бронзы, железа, кости и камня.

На площади раскопа обнаружены 54 очага. Вокруг каждого очага имеются большие скопления дробленых костей животных. Непосредственно у очага или в грудах костных отходов находится плита из песчаника с сильно сработанной площадью, служившая преимущественно для дробления костей. В зольном слое большинства очагов найдено много сильно обожженных обломков глиняной посуды. У пяти очагов сохранились обгоревшие столбики и ямки от них. Положение ямок указывает, что столбики стояли конусообразно. Около ямок масса мелкого песчаника, служившего завалом с внешней стороны жилища. Некоторые обуглившие бревна достигают 6 м длины.

Собрано 34 000 костей животных. Среди них 69 челюстей лошади, черепа коров, рога лося и барана, челюсти свиньи и несколько черепов собаки.

Изделия из кости представлены наконечниками стрел, резной ручкой в форме головы рыбы, сделанной из рога оленя, украшениями для узды и резных накладок от лука.

Найдено много пряслиц из глины и камня, брусочки из мелкозернистого песчаника с сильным износом рабочей площади, пластинка из серебра мелкого чекана. К изделиям из меди относятся куски от стенок котла. Бронзовые изделия немногочисленны: ножи, наконечники стрел. Весьма богато представлены изделия из железа местного производства: наконечники стрел, ножи, скобы, пряжки, долота, петли, молоточек и другие предметы бытового назначения. В одной из полуземлянок у очага обнаружен тигель и остатки шлаков цветного литья. В шести местах собрано более 300 кг железной руды.

На площади раскопа обнаружено свыше 4000 обломков глиняной посуды. Восстановленные сосуды плоскодонны. Это — горшки и корчаги с грубо нанесенным техникой глубокого штампа орнаментом. По орнаменту все сосуды объединяются в девять групп. Весь комплекс находок датируется второй половиной X в.

Открытие и исследование в 1966—1968 гг. поселения позднего железного века очень важно для выяснения последовательности исторического процесса в этом районе. Кроме того, на территории Беловского р-на находятся поселки древнего коренного населения телеутов, и богатый антропологический материал из раскопок курганных могильников этого района в совокупности с другими данными даст возможность выяснить многие стороны формирования этой народности.

XI. УЗБЕКСКАЯ ССР

ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК

М. Р. Касымов

Ахангаранский палеолитический отряд Института истории и археологии АН Узбекской ССР продолжил исследование многослойной палеолитической стоянки Кульбулак, находящейся в долине р. Ахангаран Ташкентской обл.

Раскопками вскрыта большая площадь стоянки и получен генеральный профиль отложений, где выявлены девять разновременных культурных слоев.

Самый низкий слой расположен в лёссе на глубине 690—720 см и вскрыт на площади 6 кв. м. Среди находок этого слоя встречаются грубообработанные орудия из глинистого сланца верхнеашельского облика. Выше него обнаружены фрагменты бедренной кости и рогов оленя (?). Мустьерские слои (их пять) раскопаны на площади 39 кв. м (раскопы 1 и 2) и расположены на глубине 120—80 см от поверхности. Два верхних вскрыты пока на семи квадратах. Все слои расположены почти горизонтально. Мощность каждого из них 9—12 см. Их выделяют прослойки, где совершенно отсутствуют находки. Культурные слои настолько богаты, что на один кв. м приходится 200—300 экз., а иногда и больше каменных изделий. В них обнаружено более 5000 экз. орудий из кремня и глинистого сланца различных цветов. Среди них встречаются разнообразные орудия, в том числе пластины, скребла, леваллуазские остроконечники. Есть и орудия тейкского типа, много зубчатых и выемчатых орудий. Вторичная обработка выполнена часто небрежно, прерывистой ретушью. В целом изделия образуют единый комплекс с орудиями, зафиксированными в раскопе 1967 г., и характерны для мустье от начальной поры до финала.

Итак, стоянка Кульбулак отличается от других мустьерских памятников Узбекистана наличием зубчатых, выемчатых орудий и орудий тейкского типа. Отмеченный факт и другие данные наводят на мысль,

что мустьерские слои Кульбулака должны составлять отдельную локальную группу палеолита Средней Азии.

Три верхнепалеолитических слоя расположены на глубине 40—75 см от поверхности (раскоп 1) и расчищены на площади более 30 кв. м. Они насыщены золой, древесными углями, очажными пятнами. Слои, лежащие в супесях, содержали типичные позднепалеолитические кремневые орудия — концевые скребки, проколки, резцы, призматические пластинки и нуклеусы и т. д. Кроме того, в них обнаружены зубы древней лошади, части костей оленя, дикого барана и других ископаемых животных, характерных для верхнего плейстоцена.

РАБОТЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

С. П. Толстов

Хорезмская экспедиция Института этнографии АН СССР продолжала работы над целым рядом исторических проблем, фактическую основу в разработке которых дали материалы полевых исследований в Хорезме и сопредельных областях Средней Азии.

Работа велась пятью отрядами: Южнокызылкумским (нач. отряда А. В. Виноградов; работы проводились совместно с географическим отрядом Ташкентского государственного университета, нач. отряда Э. Д. Мамедов), Топраккалинским (нач. отряда Е. Е. Неразик), Археолого-архитектурным маршрутным отрядом (нач. отряда М. С. Лапиров-Скобло), Левобережным разведочным (нач. отряда Е. Е. Неразик) и Сырдарьинским маршрутным отрядом (нач. отряда Н. Н. Вактурская). В составе экспедиции работали также этнографические отряды.

Археологические работы во Внутренних Кызылкумах выявили еще один район интенсивного заселения этой территории в эпоху неолита — Аякагитма.

Наши исследования неолитической кельтеминарской культуры в низовьях Аму-Дарьи в свое время положили начало изучению памятников этого времени в северной, степной зоне Средней Азии. Открытие памятников этого времени в юго-восточном Приаралье, на Устюрте, на Узбое, в низовьях Зеравшана и сходство их с кельтеминарскими включили в ареал этой культуры огромную территорию. Работы во Внутренних Кызылкумах позволили по-новому подойти к решению этой проблемы. Огромное количество найденных здесь стоянок, некоторые из которых сохранили культурный слой, дали комплексы, содержащие помимо каменных орудий и керамику. Анализ последней и сравнение ее с керамикой из Хорезма, нижнезеравшанской и т. д. дал возможность выявить отдельные локальные варианты неолитической культуры в северной части Средней Азии, а сходство между ними отнести за счет принадлежности

к данной этно-культурной общности. Очень важным открытием этого года явилась находка большого количества раннеэолитических стоянок с прекрасным набором геометрических форм, обнаруженных на берегах Дарьясая — одного из староречий Зеравшана. На второй террасе Аякагитмы вновь были найдены орудия мустьерского времени, что, с учетом находок прошлых лет, расширяет ареал расселения человека этого времени на территории Средней Азии и продвигает его к северу.

Интересно, что по сравнению с неолитическими количество стоянок эпохи бронзы во Внутренних Кызылкумах сравнительно невелико. Они дают типичную лепную керамику с резным геометрическим орнаментом, принадлежащую скотоводам и земледельцам степных областей Средней Азии. Малое количество этих стоянок, по сравнению с неолитическими, заставляет предположить, что ранее существовавшие источники пресной воды иссякли. Это обстоятельство еще раз подтверждает мысль о том, что скотоводы степей Средней Азии второй половины II тысячелетия до н. э. ориентировались в первую очередь и главным образом на естественные источники воды. Продолженные нами после большого перерыва работы на Топрак-кала обещают дать очень важный материал по истории античного и раннесредневекового города. Работы на городище Топрак-кала выявили слои II—VIII вв. н. э. и в целом подтвердили предложенную нами в свое время его планировку. Разделение города на кварталы, принцип застройки последних, выявление назначения отдельных помещений — все это очень важные моменты, позволяющие поставить целый ряд вопросов по истории античного города в Средней Азии и, следовательно, по социально-экономической структуре общества этого времени. Раскопки на Топрак-кала дали новые нумизматические материалы для решения проблемы кушанской хронологии. Надеемся, что дальнейшие планомерные исследования городища и дворца дадут материалы, которые помогут решить спор о границах кушанского государства.

Экспедиция, как и в прошлые годы, занималась изучением истории Хорезма не только на материалах таких выдающихся памятников, как Кой-Крылган-кала и Топрак-кала, но и на материалах рядовых сельских поселений. Это значительно расширило рамки исследований и позволяет поставить целый ряд вопросов, таких как вопросы землевладения и землепользования, уровня развития ирригационного орошения, эволюции общины и т. д. Важно и то, что тема эта в планах экспедиции «сквозная», т. е. изучение сельских поселений охватывает все периоды истории Хорезма, вплоть до позднего средневековья, что дает возможность проследить все выявляемые на их материалах исторические процессы.

В 1968 г. велось изучение средневековых поселений в Левобережном Хорезме и на Нижней Сыр-Дарье. Важный итог работ этого года в Левобережном Хорезме — данные о существовании определенных различий

в типах жилых построек. Эти данные помогут не только выявлению специфики хозяйственного уклада населения этого района, но, возможно, и установлению его этнических особенностей.

Материалы с многочисленных поселений на Нижней Сыр-Дарье, в целом датирующиеся XV в., подтверждают высказанный нами ранее тезис о сложении местной средневековой культуры на основе предшествовавшей ей местной джетыасарской культуры.

АРХЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАЙОНЕ ДАРЬЯСАЯ

Н. Н. Вахтурская, А. В. Виноградов, Э. Мамедов

Южнокызылкумский отряд Хорезмской экспедиции и географический отряд Ташкентского университета продолжали комплексные исследования в районе северных староречий Зеравшана. В минувшем сезоне главным объектом работ был Дарьясай — крупное сухое русло, тянувшееся на несколько десятков километров вдоль южного края пролювиального шлейфа гор Кынгыртау и Кульджуктау.

Берега Дарьясая и нескольких идущих южнее безымянных сухих русел оказались, как и обследованные ранее протоки Аякагитминских дельт, густо заселенными в неолитическое время. Обнаруженные здесь в большом количестве стоянки относятся, по всей видимости, к раннему неолиту (VI—V тысячелетия до н. э.) и являются самыми ранними из известных сейчас в Кызылкумах неолитических памятников. Кремневый инвентарь этих стоянок, помимо обычных микролитических изделий (пластин с притупленным краем и др.), характерен наличием устойчивых серий трапеций, в том числе нового типа — с выемкой в верхнем основании («рогатые» трапеции). Найденная на стоянках керамика является наиболее ранней как для нижнезеравшанской культуры, так и для кызылкумского неолита в целом.

Результаты комплексных исследований в районе Аякагитмы и открытия 1968 г. на Дарьясае позволяют сейчас наметить главные этапы истории староречий Зеравшана. Наиболее древней следует считать систему Кенимехский проток — Дарьясай. Затем происходит формирование Аякагитминских дельт, сначала Западной, потом Восточной, питаемых водами также через Кенимехский проток. Одновременно с функционированием Восточной дельты, самой молодой в этом районе, происходит формирование более южных протоков Зеравшана (Махан-Дарья и др.). Анализ археологических материалов показывает, что системы, питаемые Кенимехским протоком (как и сам проток), отмирают уже в начале II

тысячелетия до н. э., в то время как Махан-Дарья и другие русла этого района остаются еще некоторое время обводненными.

Стационарными работами в районе Учащи исследованы аллювиальные отложения Празеравшана, сложенные несколькими разновозрастными свитами. Особый интерес вызывает открытый на значительной площади горизонт погребенной пойменно-лугово-торфяниковой почвы. Формирование ее, судя по залеганию в ней культурного слоя стоянок Учащи 131/I, II, III, относится ко времени раннего неолита.

Работы на Дарьясае сопровождались разведками его окрестностей. Наиболее интересным результатом их является находка серии мустьерских изделий на второй террасе восточного борта Аякагитмы.

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ТОПРАК-КАЛА

Е. Е. Неразик

Продолжались раскопки двух кварталов в северо-западной части городища Топрак-кала. В центре внимания, как и в прошлые годы, стояли вопросы стратиграфии и планировки городской застройки. Толщина культурных напластований городища оказалась различной на разных участках территории. Если в середине западных кварталов она достигает 3—3,5 м, то по направлению к восточной крепостной стене местами падает до 1,5 м и менее. Как выяснилось, это объясняется несколькими причинами: прежде всего, перепадами рельефа местности, поверхность которой при строительстве города тщательно не выравнивалась, разной сохранностью культурных слоев, существованием обширных площадей, бассейнов, выраженных теперь пониженными участками, наконец, наличием развалин монументальных зданий, иногда перекрытых более поздними напластованиями. Уровень улиц вместе с повышением оснований домов по мере перестроек также постепенно повышался. Центральная улица девятиметровой ширины первоначально была вымощена крупными квадратными сырцовыми кирпичами. В дальнейшем ее поверхность временами укреплялась слоями плотной глины и обломками толстостенных сосудов.

Боковые улицы, разделявшие кварталы, не замащивались.

Топрак-кала датируется ориентировочно II—началом VIII в. н. э. Однако в VI—VIII вв. регулярной застройки в городе уже не существовало, большая часть территории его была заброшена. Многочисленные производившиеся за это время перестройки, перепланировки и т. п. создали довольно запутанную картину. Выделяется несколько строительных горизонтов, хотя сейчас еще нет уверенности в том, что их можно проследить на всей территории раскапываемых кварталов. В соответствии с этим понятно, что если вскрытые помещения лежат в разных уров-

ниях, то трудно усмотреть какие-либо общие принципы в застройке квартала. Тем не менее, в результате раскопок нынешнего сезона сложилось впечатление, что квартал застраивался единовременно, по заранее намеченному плану. Под снятыми верхними напластованиями вырисовываются основные стены, регулярно идущие в направлении север — юг и запад—восток.

Всего было вскрыто около 20 комнат, относящихся главным образом к среднему строительному горизонту, датирующемуся III—IV вв. н. э. Среди них выделяются обширные хранилища, уставленные хумами, и зал с двумя четырехугольными кирпичными выкладками, скорее всего являвшимися основаниями колонн. Такие залы были, по-видимому, характерными для архитектуры города парадными приемными помещениями.

В раскопах найдены железные орудия труда, разнообразная и многочисленная керамика, бронзовые монеты местного чекана.

В соседнем квартале начаты раскопки монументального здания, ширина внешних стен которого достигает 3,5 м, внутренних — 2 м. Оно построено из квадратных сырцовых кирпичей. Раскопано два больших помещения размерами 4,2×15 м, перекрытых в прошлом сводами, сложенными поперечными отрезками. Пол одного из них посредине вымощен известняковыми плитками, стены огибает кирпичная суфа со своеобразным очагом в одной из ее сторон. В другом помещении открыты две кирпичные выкладки высотой 1,5 м и размерами 3,6×1,5×1,25 м. Назначение их пока неясно. Возле выкладок на полу обнаружены две круглые профилированные базы колонн, явно вторичного использования. Вокруг здания найдено еще пять каменных круглых и четырехугольных баз. Толстые слои пепла и чистой золы покрывают участки улицы, на которую выходит здание, пеплом присыпаны полы комнат, стены их хранят следы огня. В трехметровой толще заполнения здания черные сажистые слои чередуются со слоями пережженной докрасна глины. Здание, видимо, сгорело, однако не исключено, что огонь был как-то связан с назначением здания.

Здание раскопано не целиком, план его еще до конца не ясен, но можно не сомневаться, что эта была не жилая постройка, а сооружение общественного характера. Оно датируется VI — началом VIII в. н. э. и возведено на развалинах более раннего также монументального здания. Важно отметить, что примыкающий к описанной постройке комплекс богатых помещений со следами росписи, раскопанный в 1965 г., вместе с обширной площадью занимает весь квартал.

В 1968 году продолжались также раскопки крепостных сооружений города, вскрыт участок стрелкового коридора ранней стены, выяснено, что в основании ее лежит мощный пахсовый стилобат, образующий с наружной стороны площадку-берму, за которой начинался спуск ко рву.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ФОРТИФИКАЦИИ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

М. С. Лапиров-Скобло

Архитектурно-археологическим маршрутным отрядом Хорезмской экспедиции была обследована крепость Топрак-кала, расположенная в 16 км к юго-западу от Хивы вблизи оз. Корп, сведения о которой были получены от этнографа Г. П. Снесарева.

Не сохранилось ни одного остатка стен крепости. Она в современном состоянии представляет собой возвышающиеся на 3 м над окружающей местностью размытые, покрытые пухлым солончаком валы. Но, тем не менее, стены и башни хорошо выделяются по цвету на дневной поверхности этих валов. Более того, по цвету же можно различить два строительных периода в их возведении.

Крепость сложена из сырцового кирпича квадратной формы. Внутреннее ее пространство, по-видимому, было сплошь застроено, но без раскопок выявить и зафиксировать эту планировку не представляется возможным. В плане крепость представляет собой ромб со сторонами в 175 м, ориентированный углами по странам света. По всему контуру стены ее двойные, они образуют коридор шириной 1,7 м. Внешняя стена имеет толщину 2,6 м, внутренняя — 2,35 м.

К каждой из четырех стен крепости примыкает по четыре прямоугольных в плане башни шириной 7,3 м и выносом 5,3 м, имеющие камеры 1,9×2,6 м. Размеры куртин по длине колеблются в пределах 33—35 м. Крайние башни расположены на расстоянии 17—20 м от соответствующих углов крепости, чем памятник резко выделяется среди известных крепостных сооружений древнего Хорезма, ибо те из них, стены которых были укреплены башнями, непременно имели и укрепленные башнями углы.

Вход в крепость устроен в юго-западной стене. Он был защищен небольшим, довольно типичным предвратным сооружением — лабиринтом, но весьма упрощенным, заставлявшим проникшего в него противника сделать, находясь под обстрелом, всего лишь два поворота (на Джанбас-кале, например, направление движения меняется, как известно, пять раз).

Крепость окружена рвом, шириной, судя по рельефу, около 25 м (дневная его поверхность ниже окружающей местности на 0,3—0,5 м). По внутреннему краю рва, на расстоянии 15 м от крепостных стен, прослеживается выносная барьерная стенка толщиной 1,3—1,5 м.

Снаружи крепость обложена новыми приставными кирпичными стенами, относящимися ко второму строительному периоду. Этот панцирь, имеющий толщину 2,1 м, обтекает также и башни. Но отсутствие его на юго-восточной и половине северо-восточной стены, а также на некоторых участках двух остальных стен, где он порой выложен не на полную длину куртин, заставляет предположить, что во второй строитель-

ный период, по невыясненным причинам, строительство его не было завершено.

Стрелковые коридоры, идущие внутри юго-западной и северо-западной стен крепости, перегорожены ритмически расположенными поперечными стенками (толщиной 1,4 м), делящими их на отрезки-клетки длиной до 5 м, засыпанные песком. Устройство этих клеток относится также ко второму строительному периоду, соответствующему возведению новых стен, которые должны были, по всей видимости, поглотить старые двойные стены. В данном случае строители вместо обычной закладки коридоров, перегородили их рядом стенок и засыпали образованные таким образом отсеки песком, подготовив тем самым субструкцию под вновь воздвигаемые крепостные стены. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на участках, где отсутствуют приставные стены, нет также и этих субструкционных отсеков-клеток, что свидетельствует об их взаимосвязи с приставными стенами и подтверждает предположение о незавершенности второго строительного периода.

Несмотря на то, что пухлый солончак, сплошь покрывающий территорию памятника, уничтожил почти весь подъемный материал, имеющаяся в нашем распоряжении керамика позволяет предварительно датировать его кангюйским и кушанским временем.

К западу от крепости прослеживается существовавшее одновременно и, возможно, даже несколько позднее, поселение, планировку которого без аэрофотосъемки выявить не удалось, так как вся местность в этом районе сильно пересечена более поздними каналами.

ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕЙ СЫР-ДАРЬИ

Н. Н. Вактурская

Сырдарьинский отряд Хорезмской экспедиции вел изучение средневековых сельских поселений на левом берегу Нижней Сыр-Дарьи и шурфовал городище Асанас, расположенное примерно в 45 км южнее Кзыл-Орды.

В этот полевой сезон были дополнительно обследованы десять сельских поселений феодальной эпохи: Ахмед, Ходжа-Казган 3, поиск 15 1960 г., Кыз-мола, Кум-кала 2, Мартак, поиск 54 1959 г., Иркибай (точка 507), Мурзалы (точка 498) и поселение точка 493, зафиксированные и первоначально обследованные посетившими их в прошлые годы маршрутными отрядами экспедиции. Предварительно изучены также пять новых, открытых отрядом памятников: поселения Кос-тобе и Тас-Бугет, поселение у Асанаса, бугор с площадкой к северу-северо-востоку от совхоза Джамбул и поселение Кзыл

Все исследовавшиеся памятники были детально осмотрены, с каждого собран подъемный материал и проведена фотофиксация сохранившихся там остатков строений. С шести поселений (Ахмед, поселение у Асанаса, поиск 54 1959 г., Иркибай, Кос-тобе и точка 493) сняты мензульные планы, некоторые планы поселений (Мурзалы и Ходжа-Казган 3), сделанные раньше, уточнены и дополнены, для двух (Кум-кала 2 и Кыз-мола) дешифрированы аэрофотопланы, на четырех поселениях (Кум-кала 2, Кыз-мола, Иркибай и Мурзалы) проведены стратиграфические шурфовки.

Изучавшиеся поселения хотя и относились в целом к первой половине II тысячелетия н. э., не были хронологически однородными. Наиболее раннее из них — поселение Ахмед, смыкается по времени с Асарами. Полученные на нем археологические данные показывают, что культура средневекового населения Нижней Сыр-Дарьи складывалась на основе предшествующей ей асарской культуры, что подтверждает положение С. П. Толстова, считающего заселявших в начале средневековья Приаральские степи огузов потомками тюркизированных в VI—VII вв. местных племен.

Поселения на северной Инкар-Дарье — поиск 15 1960 г., Кыз-мола и Ходжа-Казган 3, а также ряд поселений на Жана-Дарье — Мурзалы, точка 493 и Кзай — существовали в домонгольское время, однако последние, видимо, несколько более поздние по сравнению с инкардарьинскими. Поселения Кум-кала 2, Мартык, Кос-тобе, поиск 54 1959 г., поселение у Асанаса датируются золотоордынской эпохой, причем некоторые из них, в частности поселение у Асанаса, существовали и в позднее средневековье.

Установлены различия в типах инкардарьинских и жанадарьинских сельских поселений (первые представляют квадратные постройки на участке, огороженном глиняным валом, вторые — группы холмов, концентрирующиеся у канала), а также некоторые особенности в планировке и характере построек последних (беспорядочность в застройке, невыделенность дворов, указывающие на проходивший в среде полукочевого присырдарьинского средневекового населения процесс оседания кочевников, выступающий как следствие дальнейшей феодализации общества, в том числе и кочевой его части).

Археологические данные указывают на комплексность хозяйства у населения сырдарьинских средневековых поселений. Их жители наряду с земледелием занимались скотоводством, рыболовством и, вероятно, охотой. На поселениях найдены жернова, семена арбуза и тыквы, косточки персика, кости животных и рыб, в окрестностях поселений прослеживается ирригационная сеть и иногда обнаруживаются следы полей. В шурфе на поселении Кум-кала 2 открыты следы пребывания животных в помещениях.

Многочисленные и разнообразные находки, собранные с поверхности поселений и при шурфовке, включают производственные остатки и ору-

для труда, оружие и предметы быта, украшения, монеты. Эти вещи позволяют достаточно детально и всесторонне осветить культуру племен огузо-кыпчакского объединения, оставивших исследовавшиеся сельские поселения.

Кроме изучения средневековых сельских поселений, Сырдарьинский отряд провел шурфовку городища Асанас, отождествленного В. В. Бартольдом со средневековым городом Ашанас, или Эшкас, упоминающимся в письменных источниках в связи с событиями XII—XVI вв. Заложенный в его восточной части стратиграфический шурф 3×3 м, с целью получить новые данные для уточнения датировки средневековой лепной керамики, широко распространенной в свое время в бассейне Нижней и Средней Сыр-Дарьи и ее южных протоков—Жаны-Дарьи и Инкар-Дарьи, прошел через всю толщу лежавших в том месте культурных наслоений и на глубине 3,4 м достиг материка. Вскрытые полы помещений (21) относились к пяти строительным периодам.

РАБОТЫ ЛЕВОБЕРЕЖНОГО РАЗВЕДОЧНОГО ОТРЯДА ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Е. Е. Неразик

Перед одним из отрядов Хорезмской экспедиции стоит задача проследить эволюцию типов сельских поселений и жилых домов на протяжении длительного периода — от начала нашей эры до XIV—XVI вв. В связи с этим в 1964—1965 гг. обследовались сельские поселения правобережного Хорезма, а с 1966 г. работы перенесены на левый берег. В 1968 г. разведки проводились в трех пунктах: окрестностях Шехрлика — небольшого торгово-ремесленного городка периода Золотой Орды; окрестностях Замахшара — оживленного городского центра в эпоху Хорезмшахов на крупном канале Чермен-яб; на территории старой туркменской плотины Салак-бент на Дарьялыке.

В левобережном Хорезме, на землях современной Северной Туркмении, хорошо сохранились многочисленные сельские поселения середины XIV в. Как показали работы 1966—1967 гг., наиболее распространенными здесь оказались поселения, состоявшие из отдельных, иногда далеко расположенных друг от друга групп домов.

Такая же картина наблюдается и в районе между развалинами Ярбекир-калы на востоке и Шехрликом на западе, на площади примерно 20×20 км. Здесь вдоль крупных каналов сплошной полосой тянутся поселения из «хуторов» в две-три постройки. Компактные постройки встречаются редко. Отряд составил подробный план четырех таких поселений, а также провел раскопки двух домов в одном из «хуторов». Выяснилось, что сходные типы жилых построек распространены на всей исследованной территории левобережья, но отмечены и определенные

различия, объясняющиеся спецификой хозяйственного уклада местного населения и, возможно, его этническими особенностями. В частности, дома в районе Шехрлика имеют обширные помещения для скота, подведенные под общую кровлю с жилыми комнатами, чего нет в более восточных районах.

Вблизи Шехрлика обнаружены развалины двух мазаров середины XIV в., богато украшенных синими поливными плитками с белыми надписями. На поселениях собрано много бронзовых монет, стеклянных и каменных бусин, бронзовых украшений. Найдена золотая серьга с жемчужиной.

Обследовались также поселения XVI в. возле Ак-калы (Адак) у подножия Бутен-тау. Эти однокамерные глинобитные домики с пристроенными к ним легкими загонами для скота совершенно аналогичны постройкам внутри Машрык-Сенгира — туркменского поселения XIX в. и более поздним туркменским домам левобережья. Надо полагать, они оставлены жившими здесь в XVI в. туркменскими племенами.

Сельские поселения в зоне канала Чермен-яб относятся главным образом к хорезмшахскому периоду (XII—начало XIII в.). Они обследуются отрядами экспедиции уже несколько лет. В нынешнем сезоне изучались самые восточные поселения этого района, расположенные в 10—16 км от Замахшара. Вся территория здесь представляет собой сплошную возделанную полосу с многочисленными богатыми поселениями. Отрядом составлен план одного из них, площадью 2,5×2 км. В нем насчитывается до 60 домов, среди которых выделяются три больших усадьбе с каптар-ханой при каждой. Жилой дом одной из усадьб раскопан. Центральное помещение его было пышно украшено резной глиной с многоцветной раскраской, причем резьба покрывала не только стены, но и потолок. Стены прочих комнат были покрыты алебастром, во внутренней отделке широко использовался обожженный кирпич, из которого сделаны суфы и своеобразные прямоугольные очажные выкладки с круглым керамическим очагом в середине.

Всего в поселении раскопано три дома. Один из них интересен наличием второго этажа над одной или двумя комнатами. Эта деталь, как и целый ряд других, позволяет выявить глубокие местные корни ряда архитектурных особенностей жилых домов современного населения северной Туркмении и Хорезмской обл.

На поселении собран обильный материал: более 500 бусин из стекла, стеклянной пасты, сердолика, халцедона, горного хрусталя, лазурита, раковин, множество бронзовых подвесок, иногда с интересным гравированным рисунком, бронзовые детали поясов, обломки бронзовых браслетов, нашивных бляшек, керамические фигурки ослов, быков, лошадей, железные орудия труда — топоры, серпы, ножи. В коллекции имеются также бронзовые монеты и поливная и неполивная керамика. Все это является прекрасным источником для изучения многих вопросов истории и культуры Хорезма в эпоху великих Хорезмшахов.

Последний район работ — окрестности Салак-бента на Дарьялыке — отличается совершенно другими природными условиями. Боязнь затоплений и, по-видимому, высокий уровень грунтовых вод вызвали необходимость поднять дома на пахсовые цоколи. Эту же особенность местного строительства мы зафиксировали в 1966 г. на поселениях XIV в. вблизи Ак-калы у Бутен-тау.

Типы расположенных здесь поселений различны: это и обширные, вытянутые полосой вдоль канала поселки из отдельных групп домов, и компактная застройка вокруг замка с ремесленным производством у его стен. Начатое картографирование типов поселений даст, как нам кажется, важные сведения о формах землевладения в Хорезме средних веков.

ИССЛЕДОВАНИЯ САМАРКАНДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. А. НАВОИ

М. Д. Джуракулов, Я. Крикис

В составе археологической экспедиции Самаркандского государственного университета работают два отряда.

Палеолитический отряд под руководством Д. Н. Лева в этом году производил разведки в районе северного склона Агалык-тау и предварительное обследование неолитической стоянки Сазаган I и II, в результате чего собран значительный материал, относящийся к неолиту.

В результате разведки в горном ущелье Илан-сай, помимо упомянутых И. А. Сухаревым в 1937 г., обнаружены на горизонтальной плоскости камня еще 12 пунктов скоплений и отдельных древних наскальных изображений: горных козлов и сцены охоты на них, верблюдов, человеческих фигур и т. д. Судя по технике нанесения изображений, предварительно можно датировать их концом I тысячелетия до н. э.— вплоть до позднего средневековья. Изучение их продолжается. Производится также дальнейшее изучение материала аналогичного памятника Чашмалы-сай, обнаруженного отрядом в 1965 г., который находится в 50 км северо-западнее пос. Хатырчи Самаркандской обл.

Отряд проблемной лаборатории по историко-археологическому изучению городища Афрасиаб (руководитель М. Д. Джуракулов) проводил раскопки на западном секторе городища, вдоль дороги Самарканд—Аэропорт.

В результате раскопок были вскрыты остатки архитектурного сооружения из шести помещений и двора с внутренней и внешней канализационной системой, а также отрезки трех прилегающих улиц, мощенных

Афрасиаб. Вид древней дороги, мощенной камнем

камнем, ширина которых достигает 3 м. Установлено два строительных периода.

Первый период — конец VIII — начало IX в., когда на этом месте возникает сооружение. Основным строительным материалом являлись блоки пахсы, размеры которых варьируют от 87×87×100 до 90×100×115 см. На нижней части стен частично применялся сырцовый кирпич. Стены помещений оштукатурены глиной с саманом. Пять помещений расположены параллельно друг другу по направлению с востока на запад. Здания с юга замыкают прямоугольное хозяйственное помещение и большой двор.

Помещение 1, вытянутое с севера на юг, с проходом в южной части в помещение 3, занимает площадь 7,60×3,45 м.

Помещение 2 двумя проходами соединено с расположенными западнее помещением 4 и двором. Занимает площадь 6,30×3,50 м.

Помещение 3 замыкает описанные помещения с юга, занимает площадь 13,5×3,55 м, вытянуто с востока на запад.

Помещение 4 расположено западнее помещения 2, размер 4,50×4,50 м, стены покрыты трехслойной глиняной штукатуркой с саманом в 5—6 см, имело три прохода: к помещению 2, во двор, в помещение 5.

Помещение 5 занимает площадь 4,50×2,30 м. Северная стена носит заметные следы ремонта.

Помещение 6 расположено в восточной части здания, площадь 7,40×4 м, соединено проходом с помещением 3.

С юго-запада здание замыкает двор, огороженный пахсовой стеной, которая сложена из блоков размером 50×50 см. На северной стене двора расчищен ход высотой 1,75 м, шириной 0,7 м, который ведет в подземную комнату, расположенную на глубине 4,60 м, под помещение 2. Подземное помещение — круглое в плане с куполообразным потолком. Диаметр — 4,40 м, высота — 1,50 м.

Находки этого периода характеризуются черепками ранней поливной керамики с мутно-белой поливкой, расплывчатыми полосами светло-зеленых натеков, а также медными монетами местного чекана и фрагментами стеклянных изделий.

Во второй период (X в.) здание перестраивается, ремонтируется. В результате в помещениях 1 и 4 возникают на уровне полов два больших очага из жженого кирпича размером 27,5×27,5×4 см — 40×20×7 см — 46×28×8 см. В помещении 3 проложена канализация из цилиндрических глиняных обожженных труб (длина каждой 65 см, диаметр 13—17 см).

Вскрытое архитектурное сооружение было ограждено с севера и запада двумя отрезками улиц, мощенных камнем. Северный отрезок сохранился в длину до 26 м и шириной 2,70—2,90 м.

Под западной улицей и по всей ее длине вскрыты остатки части квартальной (внешней) канализационной системы; арык облицован жженым кирпичом размером 21×21×5 см.

Керамика этого периода представлена фрагментами чаш, блюдцев, светильников так называемого саманидского типа, а также монетами X в. Раскопками было установлено, что западная полоса Афрасиаба заселяется с конца VIII до начала IX в. Здание стоит на лёссовом слое, более ранних культурных слоев нет. Раскопки дали некоторый материал и для изучения дорожного строительства, канализации и планировки этой части квартала города.

ДЕСЯТЫЙ СЕЗОН РАСКОПОК НА ДАЛЬВЕРЗИНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ

Ю. А. Заднепровский

Работы на Дальверзине проводились совместно Институтом истории и археологии АН Узбекской ССР и Ленинградским отделением Института археологии АН СССР под общим руководством академика Я. Г. Гулямова. Культурные наслоения верхнего горизонта вскрыты в

раскопах 6 и 7, а также при изучении дороги в раскопе 2 на площади около 1400 кв. м. Основные работы были сосредоточены в северо-западной части поселения. Здесь обнаружены остатки цитадели в виде оборонительной стены и примыкающего к ней жилого участка (раскоп 6). Восточная стена цитадели раскрыта полностью на всем протяжении от арыка на юге и до стыка ее с северным участком оборонительной стены поселения. Стена имеет форму дуги, длина ее достигает 130 м. С внешней (восточной) стороны стена расчищена на всем протяжении, причем в южном конце она оконтурена с обеих сторон, а на всем остальном участке внутренний край ее прослежен в нескольких местах. Таким образом, установлено, что стена имеет примерно одинаковую толщину — около 2,4 м. Оборонительная стена цитадели сохранилась на высоту 2,5 м. В разрезе выявлено, что стена возведена на нижнем культурном слое, так же как и крепостные стены поселения. В основании ее находится глинобитная подушка, затем идет кладка из крупноформатного прямоугольного кирпича зеленого и черного цвета (34—36×54××6—8 см). Из всего этого можно заключить, что стена цитадели и сооружение самой цитадели относятся к периоду жизни Дальверзина. С внешней стороны к стене примыкает глинобитная платформа. Хорошо прослежено место соединения стен цитадели и поселения. Крепостная стена имеет толщину 5,4 м и сложена из крупных пахсовых блоков разного размера. В северной части восточной стены цитадели на участке длиной около 8 м остатки стены не обнаружены. Здесь, по-видимому, находился вход в цитадель.

Верхний строительный горизонт цитадели вскрыт в раскопе 6 на площади около 500 кв. м. Обнаруженные здесь участки пола залегают на 10—20 см ниже сохранившегося верха стены цитадели и непосредственно примыкают к ней. На полу обнаружены корчаги и несколько почти целых сосудов. В юго-восточном углу найден очаг прямоугольной формы, на стенках которого хорошо сохранилась обмазка. В очаге стояла очажная подставка конической формы. Никаких остатков стен и планировку не удалось проследить.

Начаты работы на южном холме в раскопе 7, площадью более 400 кв. м. В западной части раскопа вскрыто помещение размером 11×3,5 м, в котором найдены зернотерки и очаг-тандыр. В передней части тандыра вделана верхняя часть кухонного сосуда. Это древнейший в Фергане и, вероятно, во всем Узбекистане очаг-тандыр. Возле помещения расчищены две большие зерновые ямы. Открытое помещение, возможно, является пекарней, в которой изготавливали лепешки.

На всей остальной площади раскопа 7 находятся глинобитная платформа и строительный развал, в котором разобраться не удалось. Продолжение стены цитадели, сильно разрушенное арыками, проследить в раскопе 7 пока не удалось, хотя здесь обнаружены остатки стены, которая, возможно, как-то связана со стеной цитадели. Расстояние между ней и южным концом стены цитадели в раскопе 6 равно 18 м.

Сложный характер строительных остатков в раскопе 7, очевидно, может быть объяснен вторичным заселением южного холма в IX—XI вв. Об этом говорят находки средневековой, в том числе поливной керамики, а также караханидской монеты. Однако строительные остатки, которые можно было бы увязать с этими находками, пока не выявлены.

Наиболее важным результатом работ является открытие цитадели на поселении позднего бронзового века. Существование цитадели на памятниках столь раннего времени выявлено для северной половины Средней Азии впервые. Открытие цитадели на Дальверзине значительно изменяет сложившиеся представления об уровне социально-экономического развития чустских племен Ферганы.

РАБОТЫ КЕШСКОЙ АРХЕОЛОГО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

С. Б. Лунина, З. И. Усманова

В долине Кашкадарьи проводила свои работы Кешская археолого-топографическая экспедиция Ташкентского государственного университета (начальник экспедиции М. Е. Массон). Основными задачами полевого сезона было получение материала для составления археологической карты долины Кашкадарьи античного и средневекового периодов, дальнейшее изучение города Шахрисябза и его окрестностей в историко-топографическом отношении, отыскание крепостей Каршинского вилайета XVII — начала XIX в.

Во время разведок зафиксировано находящееся в зоне затопления Чимкурганского водохранилища поселение близ Сары-тепе (последнее обследовалось ранее В. Д. Жуковым и С. К. Кабановым), относящееся к поре ранней античности. Собранный материал представлен в основном сосудами банкообразной формы с подкошенным дном, полусферическими чашами и может быть датирован IV—III вв. до н. э. Наличие слоев периода поздней античности отмечено на поселениях Янги-курган, Куртуль-тепе, Кичик-джар-тепе и др. Долина Кашкадарьи периода расцвета рабовладельческого общества была густо заселена и интенсивно обрабатывалась.

В предыдущие годы удалось установить местонахождение известных по письменным источникам трех городов средневековой области Кеш—Субаха, Искифагна и Нуакад-Курейша. Ныне предпринимаются попытки подобного отождествления с сохранившимися развалинами средневековых селений. Проводятся топографические съемки, сбор подъемного материала, зачистки, наблюдения на новостройках. Так, интересные данные были получены при просмотре русла нового канала, проложенного близ крупного поселения Алтын-тепе. Канал прорезал

большое средневековое здание (очевидно, мечеть) с мощными стенами, которые покрывал резной штук с растительным, геометрическим и эпиграфическим орнаментом.

С целью получения новых данных по стратиграфии культурных напластований Шахрисябза было заложено несколько шурфов, которые показали непрерывность обживания территории, начиная с VI в. н. э. и до настоящего времени. Один из шурфов копался к югу от склепа Тимура на месте бывшего Миньон-сарая в комплексе Доруссиадат. На глубине 1,75 м от поверхности были обнаружены остатки сооружения, пол которого был вымощен жженными кирпичами размером 23—27 см, толщиной 4—7 см. Пол покрыт слоем ганча в 3—7 см, а поверх него уложены мраморные плиты толщиной 1,5 см. Ниже пола идет завал строительного мусора, где встречаются куски рваного камня, жженые кирпичи, керамика XV в., облицовочные изразцы, куски алебастра со следами росписей, принадлежавшие, очевидно, декору здания Миньон-сарая. На руинах последнего позднее было возведено новое здание с вымощенным мраморными плитами полом.

Обследование крепостных стен Шахрисябза показало, что тимуридская стена была построена из слоистой пахсы, а при поздних ремонтах использовался жженый кирпич размером 36×36×4, 37×37×4 и 39×39×5 см в сочетании с пахсовыми блоками. Окончательно также установлено, что южная стена города тимуридского времени проходила на 450 м южнее сохранившейся ныне стены позднефеодального периода.

Беседы с информаторами, тщательный анализ опросных данных, а также разведочные проезды в разных направлениях помогли установить местоположение отдельных крепостей XVII — начала XIX в., понять особенности их планировки, собрать подъемный керамический материал. Изучение последнего также представляется весьма важным, ибо керамикой этого периода никто специально не занимался, распознавание ее весьма затруднительно (а тем самым и датировка соответствующих памятников), исследование же ее необходимо для уточнения представлений об эволюции среднеазиатского керамического производства. Были обследованы крепости Урта-курган, Камыши, Баста-хан, Чирахчи и др. Некоторые крепости строились на местах старых поселений, но многие создавались заново по заранее продуманному плану в XVII—XIX вв. и имели четкую планировку. На расположенных рядом кладбищах фиксировались намогильники этого периода.

За шесть лет работы Кешской археолого-топографической экспедиции зафиксировано и обследовано большое количество разновременных и различных по характеру памятников материальной культуры прошлого в бассейне Кашкадарьи.

РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ ШАХИ-ЗИНДА В САМАРКАНДЕ

Н. Б. Немцева

В 1968 г. были продолжены археологические исследования известного памятника среднеазиатского зодчества — мавзолейного ансамбля Шахи-Зинда. Памятник расположен на юге городища Афрасиаб в Самарканде и в настоящее время представлен главным образом усыпальницами эпохи Тимура и Улугбека. Работы по изучению и реставрации ансамбля ведутся на протяжении уже примерно 25 лет, но особенно развернулись в последние годы.

В 1968 г. археологические вскрытия велись на западной стороне коридора ансамбля на свободном в настоящее время участке южнее мавзолея эмира Бурундука. Здесь на глубине 3,5—4 м от дневной поверхности были вскрыты значительные (до 2 м высотой) остатки культовых и погребальных зданий XI—XII вв.

Вскрытая группа строений когда-то представляла собой разновременный и сложный архитектурный комплекс, включавший различные по назначению помещения (погребальные, для совершения ритуала, служебные).

Уже сейчас, до полного вскрытия, ясно, что это было монументальное сооружение, ориентированное главным фасадом на восток, в сторону основной «святыни» ансамбля — мавзолея Кусам ибн Аббаса, вытянутое с юга на север не менее чем на 30 м, с востока на запад — около 14 м. Существующие мавзолеи XIV в., выстроенные на данном участке, не позволяют проследить полностью всю планировочную основу комплекса XI—XII вв., но отдельные признаки, главным образом характер плана, свидетельствуют о том, что эта группа взаимосвязанных построек некогда продолжалась и севернее, на участок, где сейчас стоит мавзолей эмира Бурундука, мечеть и мавзолей Туман-ака. Вскрытия показали, что помещения XI—XII вв. имели мощные, до 1,7 м толщиной, стены, выложенные из типичного для Самарканда этого времени прямоугольного кирпича (16—18×29—33×4—5 см) на лёссе. Отмечен ряд интересных конструктивных особенностей: в массив кладки стен была введена поперечно-горизонтальная деревянная арматура, внешние участки стен, несущие декоративную облицовку, были выложены особым комбинированным способом, заключающимся в чередовании горизонтальных и вертикальных рядов кирпича на ганчевом растворе.

Помещения имели богатую облицовку. В одном из интерьеров стены были покрыты росписью клеевыми красками по ганчу. Внешние фасады были облицованы шлифованным кирпичом в сочетании с «бантиками», резной неполивной терракотой растительного, геометрического и эпиграфического характера, а также фигурными изразцами с резным ганчем.

Отдельные сохранившиеся части сооружения свидетельствуют о разнообразии и богатстве архитектурных форм, имевших здесь место.

Чрезвычайно интересной оказалась стратиграфия культурных наслоений на исследуемом участке, свидетельствующая о жизни памятника в последующие столетия.

На остатках стен XI—XII вв. в XV в. (во второй половине или в конце) и в XVII в. были выстроены две небольшие усыпальницы с тонкими (80—90 см толщиной) стенами. В подпольной части обеих гробниц имелись склепы, один из которых содержал 40 погребений. На полу — мраморные намогильники. Небольшие размеры усыпальниц, отсутствие декоративной облицовки на стенах (и в завалах близ строений) резко отличают эти поздние погребальные постройки от царских гробниц XIV—XV вв. и свидетельствуют об утрате традиций и интереса местной знати к формированию ансамбля в целом.

В западной части раскопа на глубине 1,5—2 м от дневной поверхности зафиксирована строительная площадка из прослоек битого кирпича со следами цветной глазури. Здесь же впервые на ансамбле Шахи-Зинда обнаружена керамическая печь хорошей сохранности для обжига изразцов, часть которых была найдена в загрузочной камере. Печь малогабаритная, по конструкции напоминает современные тандыры для выпечки лепешек: круглого сечения, с загрузочным отверстием сверху и двумя боковыми резервуарами. Время ее функционирования — XIV—XV вв., когда на ансамбле велись широкие строительные работы, а также отделка мавзолеев и керамических намогильников. Археологические исследования ансамбля Шахи-Зинда продолжаются.

XII. ТУРКМЕНСКАЯ ССР

ИЗ РАБОТ АМУДАРЬИНСКОГО ОТРЯДА

В. Н. Пилипко

Амударьинским отрядом Института истории АН Туркменской ССР проведено маршрутное обследование археологических памятников побережья Аму-Дарьи на участке от Чарджоу до Дарганата (на левом берегу) и крепости Кыз-кала (на правом). Всего было зафиксировано около 40 археологических объектов. Памятники этого района уже неоднократно подвергались рекогносцировочному обследованию (С. А. Ершов, С. П. Толстов, М. Е. Массон, Г. Е. Трапезников), потому при проведении маршрута основное внимание уделялось изучению стратиграфии, уточнению времени обживания памятников.

Проведенные исследования позволили уточнить датировку некоторых памятников. Интересные результаты были получены при обследовании городища Одей-депе (Удой), расположенного примерно в 30 км севернее Чарджоу. Это городище имеет в плане форму неправильного круга диаметром около 300 м с мощной цитаделью в северной его части. Впервые было обследовано сотрудниками ЮТАКЭ, определившими его на основании подъемного материала как крупное городище поры рабовладельческого общества. Стратиграфическое изучение памятника позволило внести ряд существенных дополнений в его историю. В шурфе, заложенном в восточной части городища, нижний зафиксированный культурный слой (шурф не доведен до материка из-за близости грунтовых вод) относится ко времени Яз II. Остатки поселения этого времени на Средней Аму-Дарье открыты впервые. Выше этого слоя находится культурный пласт мощностью свыше 1,5 м, относящийся ко времени Яз III. Ведущей формой в керамике этого слоя являются цилиндро-конические сосуды, находящие широкие аналогии по форме и по технике изготовления в материалах соответствующего времени в Согде, Бактрии, Маргиане. Керамика этого времени была обнаружена также в шурфе 2, заложенном на южном склоне цитадели. Находки однотип-

ного материала в разных частях городища и значительная мощность культурных напластований этого времени позволяют предполагать, что в середине I тысячелетия до н. э. Одей-депе уже являлось крупным поселением городского типа. По-видимому, в этот период городище было обведено пахсовой стеной, сохранившейся в виде сильно оплывшего вала в основании стен более позднего времени.

Интенсивная жизнь на городище в первых веках до нашей и в начале нашей эры подтверждается мощными культурными напластованиями на территории собственно города и особенно на территории цитадели. Как особенность керамического комплекса Одей-депе этого времени следует отметить относительно небольшое количество красноангобированной керамики, широко распространенной в указанный период в Согде и Северной Бактрии.

В период раннего средневековья городище находилось в запустении и лишь в X—XII вв. возобновляется его частичное обживание.

При небольших разведывательных раскопках крепости Кеш-кала (южная), расположенной в 5 км севернее с. Кабаклы, были получены новые интересные данные о системе фортификации этой крепости, имевшей большое стратегическое значение в эпоху античности. Среди подъемного материала с этого памятника удалось выделить группу керамики, по формам и фактуре идентичной с керамикой Хорезма «архаического периода». Это позволяет предполагать в середине I тысячелетия до н. э. наличие поселения на месте крепости и вхождение этой территории в ареал культуры древнего Хорезма. Отличие этого комплекса от керамики Одей-депе, расположенного в северной части Чарджоуского оазиса, подтверждает вывод М. Е. Массона о стабильности южной границы Хорезма как историко-географической области, а зачастую и как политического объединения в различные исторические эпохи.

Среди случайных находок заслуживает упоминания каменный сверленый топор из окрестностей пос. Комсомольск (в 6 км южнее Чарджоу). Насколько мне известно, эта первая находка изделий подобного рода на территории Туркменистана.

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ СУЛТАН-КАЛА И В ЕГО ПРИГОРОДЕ

С. Б. Лунина

Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией продолжалось изучение средневекового Мерва — городища Султан-кала и его пригорода-рабада. Раскапывалось большое здание с парадно оформленными помещениями, богатый дом, украшенный резным штуком, гончарные печи, закладывались стратиграфические шурфы.

В северо-западной четверти городища Султан-кала в 1967 г. было начато изучение объекта, где по рельефу чувствуется размещение группы комнат вокруг большого двора. Тогда было вскрыто два больших помещения, богато украшенных резным штуковым декором и росписями. В 1968 г. вскрывались еще две комнаты, расположенные по западному фасу. Стены одной из них были покрыты белой алебастровой штукатуркой, а пол вымощен жженными кирпичами. В помещении найдено множество донцев стеклянных сосудов и фрагменты керамики второй половины XII — начала XIII в. Белой же штукатуркой были покрыты стены четвертого помещения, в юго-западном углу которого было размещено своеобразное печное сооружение в виде врытого в пол канала длиной 2 м и шириной 25 см, перекрытого на всем протяжении сводом и огороженного высокими бортиками.

В этом же помещении были найдены фрагменты прекрасного качества люстровых сосудов с эпиграфическим орнаментом, горловина и венчики стеклянных сосудов, а в слое мусора в одном из углов помещения — выразительные фрагменты керамики XIII—XIV вв., подтвердившие наличие второго периода обживания здания.

В северном обводе города были заложены раскоп и стратиграфический шурф. Раскоп выявил часть планировки здания второй половины XII—начала XIII вв., цоколь стен которого был выложен из жженого кирпича, а выше стены сложены из кирпича сырцового. Помещения небольшие, прямоугольной формы. В них найдено несколько сосудов с процарапанной по плечикам орнаментацией, глазурованная керамика, относящаяся к указанному периоду, и четыре вставленные друг в друга большие бронзовые чаши с нанесенным на стенках и на донце несложным резным орнаментом. Здание это располагалось на главной улице обвода, ширина последней также была выявлена в процессе работ и равнялась 8 м.

Стратиграфическое изучение южной части квартала керамистов средневекового Мерва показало, что здесь накопился культурный слой мощностью более 4 м. Верхние ярусы шурфа дали слой второй половины XII — начала XIII в. и, возможно, первой половины XII в. со штампованной керамикой, штампами-калыбами для ее изготовления и характерной поливной посудой, явно связанных с гончарным производством. Ниже пошли слои X и конца IX в. с остатками построек, фрагментами поливной керамики. Самый нижний слой может быть датирован концом VIII — началом IX в.

Продолжением работ прошлого года было вскрытие здания в восточной части пригорода-рабада, где расчищены остатки нескольких помещений, стены которых покрывали панели и карниз резного ганча (куски последних найдены в большом количестве в завалах), цветные штукатурки и росписи, а в верхней части стен размещались застекленные решетки-панджара. По строительному материалу и керамике здание предварительно датируется IX в.

ПОИСКИ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В КОПЕТ-ДАГЕ

И. Н. Хлопин, Л. П. Хлобыстин

Туркмено-Хорасанские горы в целом и Копет-Даг в частности входили в зону, где в VIII—VII тысячелетиях до н. э. совершался переход от присваивающего хозяйства к производящему, происходила неолитическая революция. Несмотря на неоднократные разведки в этих местах (1952, 1958, 1962 и 1966 гг.), неолит и предшествующие ему культуры каменного века в Копет-Даге оставались неизвестными, хотя в прилегающих районах (предгорья Копет-Дага, Северный Иран и Афганистан) уже открыты памятники с кремневой индустрией.

Одной из задач копет-дагского отряда Каракумской экспедиции ЛОИА были поиски памятников каменного века в северо-западном Копет-Даге. Обстоятельное обследование этих мест показало, что там отсутствуют месторождения кремня и палеолитическому населению приходилось заменять его галькой аргиллита. Так, в долине р. Сумбар (правый берег, выносы из сая в 1,5 км выше пос. Кара-кала) были найдены в переотложенном состоянии скребловидное с крутой ретушью и чопперовидное орудия, сделанные из названного сырья. По приемам изготовления и формам они близки изделиям палеолитических культур Центральной Азии и Восточной Сибири, в которых господствовала галечная индустрия.

В эпоху неолита обитатели Копет-Дага употребляли ножевидные пластины, сколотые с нуклеусов из светло-коричневой или сиреневой яшмы, которая, вероятно, поступала со стороны и представляла большую ценность. Находки ножевидных пластинок очень редки — они обнаружены всего в четырех пунктах: 1) в 4 км западнее пос. Кара-кала в устье ущелья Порхай-депе; 2) в 8—10 км от пос. Караул вниз по Арвазу, на его правом берегу, на террасе высотой около 5 м от русла; 3) в урочище Эрджекли на полпути от Койне-Кумбеза к Верхнему Айдере; 4) в урочище Ак-Булак, в 11 км от Куруждея по дороге на Нохур. Особенно интересным и безусловно перспективным для будущих исследований следует считать последнее местонахождение; здесь около оврага расположены холмы, на которых отмечены находки лепной керамики очень архаичного облика, что может свидетельствовать о существовании долговременных поселений; поблизости и в настоящее время имеются богарные посевы.

Таким образом, разведки 1968 г. установили факт обитания в Копет-Даге населения с кремневой индустрией и наметили пути для дальнейших поисков в этих местах памятников каменного века. Вопрос о том, предшествовало ли это население племенам джейтунской культуры подгорной равнины Копет-Дага или это было сравнительно отсталое горное население со скотоводческим уклоном, одновременное оседло-земледельческим племенам равнинных культур, пока остается открытым. Возможно, раскопки в урочище Ак-Булак позволят приблизиться к решению этого вопроса.

РАЗВЕДКА ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДОЛИНЕ СУМБАРА

И. Н. Хлопин

В комплексных исследованиях оседло-земледельческих культур, которые многие годы проводятся в Южной Туркмении под руководством В. М. Массона, горные области северо-западного и центрального Копет-Дага оставались «белым пятном». В 1968 г. была организована и проведена археологическая разведка долины р. Сумбар с попутным осмотром ряда других мест северо-западного Копет-Дага. Основной задачей разведки было выявление памятников эпохи энеолита и бронзы и выбор перспективного памятника для последующих стационарных работ по изучению поселений бронзового века горных районов Южной Туркмении.

Район пос. Кара-кала содержит ряд памятников, керамический материал которых позволяет относить их к культуре эпохи бронзы, распространенной в юго-западной Туркмении, т. е. к культуре архаического Дахистана. Как уже отмечалось в литературе (М. Е. Массон, А. Ф. Ганялин), эта керамика практически не распространяется восточнее Кара-калы; разведка 1968 г. не опровергла этого положения. Серо- и красноглиняная посуда, характерной формой которой является сферическая чаша на трех ножках, была найдена как на холмах, так и на конусах выноса из саев. Наиболее интересны Гюмир-депе восточнее Кара-калы, Монджуклы-депе и Сингыр-депе на южной и северной окраинах этого поселка и особенно Порхай-депе в 4 км западнее Кара-калы. Если в большинстве местонахождений керамика типа архаического Дахистана лежит на останцах, шурфовка которых показала полное отсутствие на них культурных слоев, видимо смытых водой, то Порхай-депе содержит культурные напластования со строительными остатками. Они имеют мощность не менее 5 м и содержат в верхних горизонтах керамику интересующего нас времени. Косвенные свидетельства позволяют предполагать наличие в недрах этого памятника более древних слоев, содержащих остатки культуры расписной керамики подгорной полосы Копет-Дага. Обнаружение там слоев с расписной керамикой позволит решить очень важный этнокультурный вопрос: к какому времени следует относить вытеснение носителей расписной керамики из долины р. Сумбар носителями сероглиняной керамики типа архаического Дахистана, что имеет немаловажное значение для определения этнической принадлежности обеих культур.

В верховьях Сумбара было осмотрено кладбище у аула Дайна, где уже производились сборы предметов эпохи бронзы (А. Ф. Ганялин). Там была найдена целая поделка из белого мрамора в виде цилиндра высотой в 30 см со слегка вдавленными боками и с желобками на тор-

цах. Эта поделка имеет ближайшие аналогии в северном Иране (тепе Гиссар) и позволяет датировать находящийся здесь древний могильник (?) эпохой бронзы (Гиссар III B—C).

В долине р. Арваз на уже известном местонахождении Каронткитокай (сейчас оно сильно разрушено огородами) был заложен стратиграфический шурф, который показал, что культурный слой этого поселения не превышает 0,5 м и имеет один строительный горизонт, под которым идет естественный бугор аллювиального происхождения. Найденная в шурфе керамика подтверждает его отнесение к эпохе ранней бронзы (Намазга III—IV) и соответствует материалам с Ак-депе у Ашхабада и с Кара-депе у Артыка. Памятник испорчен и беднее материалом; однако нельзя не учитывать, что это пока единственный памятник в горных районах Южной Туркмении с серой керамикой эпохи ранней бронзы.

Таким образом, разведка 1968 г. показала, что в эпоху бронзы в Копет-Даге можно отметить несколько культурных очагов, связанных, видимо, с проникновением влияний из соответствующих культурных центров, — культуры типа архаического Дахистана из юго-восточного Прикаспия по Сумбару до района Кара-калы, североиранской культуры гиссарского типа в верховья Сумбара; наличие в долине Арваза раннебронзовой сероглиняной керамики с процарапанным или валиковым орнаментом, происхождение которой еще остается неясным. Тем самым этот район Копет-Дага предстает как место сопряжения по крайней мере трех различных этнокультурных областей.

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

О. Бердыев

На неолитическом поселении Песседжик-депе в центре холма был заложен раскоп площадью 640 кв. м. Удалось восстановить планировку поселка, состоявшего из нескольких однокомнатных домов с примыкающими к ним подсобными хозяйственными помещениями и дворами. Стены сложены из сырцовых кирпичей батонообразной формы размером 55×20×10 см. Общая планировка поселения Песседжик-депе поразительно напоминает застройку на аналогичных памятниках джейтунской культуры. Жилые дома в плане имеют прямоугольную форму; у одной из стен, как правило, располагается крупный очаг, а рядом с ним — хозяйственный отсек. Полы почти всех жилых домов покрыты алебастром толщиной 2—3 см.

Особого внимания заслуживает огромное, по-видимому, культовое помещение площадью 64 кв. м, толщина внешних стен которого превышает 1 м. К одной из стен пристроен большой овальный очаг диаметром 180×100 см. Стены с внутренней стороны имеют небольшие выступы. В центре помещения у очага вскрыта яма для столба, где найдены остатки дерева. Пол и стены покрыты алебастром. С обеих сторон очага имеются небольшие отсеки, в одном из которых обнаружены в большом количестве закопченные камни. Все сосуды с Песседжик-депе выделывались вручную, обжиг их слабый. Имеются три формы сосудов: цилиндрические корчаги, чаши и реже четырехугольные сосуды — «салатницы». Преобладает посуда красного цвета, роспись нанесена темно-коричневой краской. Основные орнаментальные мотивы — частые вертикальные линии с редкими горизонтальными перехватами, вертикальные и горизонтальные параллельные полосы без перехватов, а также вертикальные ряды небольших скобок. В единичных экземплярах встречена роспись в виде струйчатых полос, точек и сеток.

Найдены кремневые вкладыши жатвенных ножей, скобели, скребки, сверла, терки, пестики, ядра для пращей, костяные шилья и иголки, зооморфные глиняные статуэтки, бусина из нефрита, каменные подвески.

На поселении Чакмаклы-депе был заложен стратиграфический раскоп 7×7 м. Мощность культурных напластований от поверхности холма составляла 2,85 м, где было выделено пять строительных горизонтов. В верхних четырех горизонтах встречены стены, сложенные из прямоугольных кирпичей (50×20×70 см). Между четвертым и пятым строительными горизонтами отмечена стерильная прослойка в 50 см из аллювиального песка. В пятом строительном горизонте найдено всего лишь два осколка кремня и два небольших обломка меди.

Материал верхних четырех горизонтов представлен в основном фрагментами керамики. Это тонкостенные чаши со слегка вогнутым внутрь, реже плоским дном. Сосуды изготовлены из хорошо отмученной красной или светлой глины, содержащей примесь мелкого песка. Некоторые из них покрыты светлым или красным ангобом, роспись нанесена красной краской. Основным орнаментальным мотивом является рисунок в виде треугольников, расположенных вдоль венчика и заполненных косой решеткой. В единичных экземплярах встречены рисунки в виде ломаных линий и решетчатых поясов у венчика. Кроме керамики, найдены три целых и 26 обломков пряслиц в форме усеченного конуса, женская фигурка из необожженной глины, два фрагмента фигурки животного из глины, медный наконечник дротика, небольшая фишка из обожженной глины и осколки кремня.

В целом же культура Анау I-А, как нам представляется, связана с определенными племенами, которые переселились сюда с юга.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАБОТ НА УЛУГ-ДЕПЕ

В. И. Сарианиди

Второй год раскопок геоксюрского отряда Института археологии АН СССР на древнеземледельческом поселении Улуг-депе носил характер уточнения и расширения данных, полученных в 1967 г. Так, в результате инструментальной съемки удалось уточнить размеры памятника, площадь которого, как оказалось, составляет около 10 гектаров, а высота — 35 м.

Продолжение работ на стратиграфическом раскопе 1 показало, что ниже слоя Улуг 3 идет строительный горизонт Улуг 4 с материалом типа Намазга IV. Нижележащие слои Улуг 5 и 6 уже полностью относятся к эпохе позднего энеолита в его восточном, геоксюрском варианте. В основании слоя Улуг 6 встречены единичные фрагменты керамики с росписью ялангачского типа. Таким образом, впервые получена стратиграфическая колонка с одного восточноанауского памятника, отражающая последовательное развитие материальной культуры конца IV — первой половины III тысячелетия до н. э. Большая коллекция расписной керамики и мелкой терракотовой пластики геоксюрского типа уточняет и расширяет наши представления об облике культуры юго-восточной Туркмении этого времени. Продолжение работ на раскопе 3 выявило следующую последовательность слоев этого участка поселения. Первый сверху метр содержал лепную расписную посуду, относящуюся к началу I тысячелетия до н. э. Мощные мусорные ямы этого слоя с гончарной посудой принадлежали жителям более позднего, ахеменидского периода.

Следующие 1,5 м содержали керамику типа Намазга VI и погребения этого же времени. Отличительным признаком этого комплекса являлись красные и серые сосуды с характерным вертикальным лощением. Как форма, так и особенно техника лощения, ранее неизвестные в южном Туркменистане, находят аналогии в материалах иранских памятников II тысячелетия типа Гиян-Шах-тепе. В этом отношении весьма показательна и находка костяной булавки с резным орнаментом и фигурным навершием. Очевидно, все эти факты свидетельствуют в пользу сильного влияния «культуры серой керамики» в направлении с севера на юг, но не обратно. Характерно и то, что все погребения этого слоя, как правило, содержали в интервале именно серолощеную посуду.

Следующие 3,5 м полностью относились к периоду Намазга V, ниже которых появилась уже расписная посуда типа позднего Намазга IV.

Раскоп 4 в северо-восточном углу Улуг-депе дал большой материал середины III — середины I тысячелетия до н. э. Получена особенно большая коллекция расписной керамики начала I тысячелетия до н. э. с совершенно новыми, ранее не известными мотивами росписи.

В слоях II тысячелетия найдена целая керамическая модель повозки со скульптурным изображением головы быка в передней части.

Раскоп 5 на северном склоне поселения длиною в 30 м и шириной в 5,5 м выявил последовательный ряд строительных горизонтов от ахеменидского до ялангачского времени. В строительных комплексах рубежа III—II тысячелетий до н. э. обнаружены как индивидуальные, так и коллективные захоронения.

Таким образом, широкие раскопки на поселении Улуг-депе показали, что внешние фасы его образовывали обычные жилые и хозяйственные помещения. Никаких свидетельств о наличии обводных или оборонительных стен не обнаружено.

Если в эпоху ранней и развитой бронзы Улуг-депе представляло собой огромное поселение, то в середине II тысячелетия до н. э. размеры его сократились так, что слои этого времени совершенно отсутствуют на раскопах 1, 4 и 5. Этот бурный подъем отмечается в первую половину I тысячелетия до н. э., когда в подгорной полосе сохранялось всего два крупных поселения, одним из которых и являлось Улуг-депе.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕЗОН РАСКОПОК НА АЛТЫН-ДЕПЕ

В. М. Массон

В 1968 г. силами ЛОИА АН СССР и Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции АН Туркменской ССР был проведен четвертый сезон раскопок на Алтын-депе, крупном центре эпохи бронзы, расположенном у сел. Меана на юге Туркменской ССР.

При этом основные работы были сосредоточены на раскопе 5 (жилой квартал) и раскопе 7 (комплекс строений монументальной архитектуры). В жилом квартале обнаружена улица шириной около 2 м, идущая параллельно ранее открытой улице несколько меньшей ширины. Отмечено и начало поперечной улицы, связывавшей две основные магистрали этого квартала, что свидетельствует о наличии достаточно четкой планировки уличной сети. Раскопки жилых строений подтвердили сделанное в 1967 г. наблюдение, что квартал состоял из замкнутых комплексов, включавших четыре-пять жилых и хозяйственных строений и имевших каждый свою кухню. Обнаружение нарушенного детского погребения с прекрасно отшлифованными каменными бусами и двумя биконическими пастовыми бусами в золотой обтяжке указывает на известную состоятельность жителей этой части поселения.

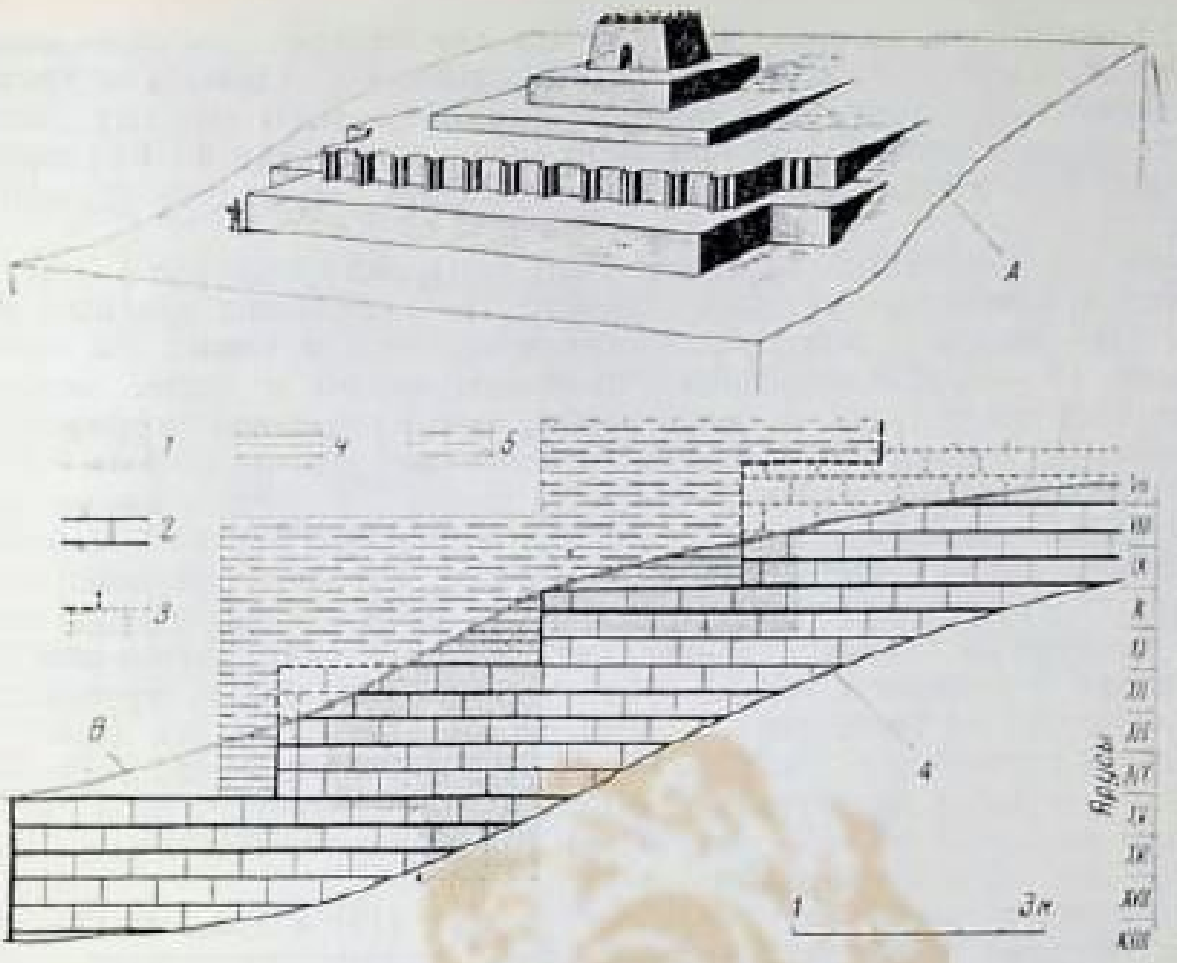
Основные усилия в 1968 г. были сосредоточены на изучении комплекса монументальных строений на раскопе 7. В результате установлено, что строение, ранее условно названное башней-платформой, в действительности представляет собой остатки трижды перестраивавшегося зиккурата. В целом для всего комплекса монументальных строений можно говорить о трех периодах существования.

В первый период небольшой холм со слоями времени Намазга IV, находившийся на восточной окраине Алтын-депе, был облицован сырцовым кирпичом и превращен в ступенчатое башнеобразное сооружение, явно подражающее по форме известным зиккуратам Месопотамии. По фронту зиккурат имел около 21 м, будучи строго ориентирован фасадом по линии север—юг. В настоящее время прослеживаются остатки четырех ступеней этого раннего зиккурата, сохранившегося на шестиметровую высоту. Внешний фас второй ступени-платформы был декорирован трехступенчатыми в плане пилястрами.

Второй период был временем создания целого комплекса монументальных строений, сохранивших прежнюю строгую ориентацию север — юг и достигших в длину 45 м. При этом южную часть комплекса по-прежнему образовывало мощное башнеобразное сооружение, внутри которого оказались застроенными остатки более раннего зиккурата. По фронту зиккурат достигал 26 м. При этом первая ступень старого зиккурата высотой в 2 м была сохранена, а остальные заложены мощной кладкой из сырцового кирпича. Новая наружная грань второй ступени была декорирована трехступенчатыми в плане выступами более массивных пропорций, чем в первоначальном зиккурате, что, видимо, соответствовало увеличившимся пропорциям сооружения в целом. При этом сама высота второй ступени была увеличена до 3,5—4 м, что позволяет предполагать общую высоту зиккурата в период расцвета в 12 м. С юга во второй период к зиккурату был пристроен дом с обводом, также располагавшийся на платформе трехметровой высоты. Помещения, располагавшиеся здесь, сохранились лишь в нижних частях и, судя по небольшим размерам и планировке, могли служить складами-хранилищами.

В третий период происходило постепенное разрушение всего комплекса, сопровождавшееся мелкими ремонтами. С юга был пристроен так называемый угловой дом, увеличивший общую длину внешнего фаса до 55 м. Возведение мощных сырцовых кладок на склоне холма без его предварительного выравнивания вызвало общее сползание и наклон стен. Закладки и подпорные стенки не могли оказать реального воздействия на кренившуюся громаду и вскоре весь комплекс был заброшен. Судя по характеру найденной керамики, он функционировал лишь на протяжении времени раннего Намазга V, т. е. в пределах полутора-двух столетий в конце III — начале II тысячелетия до н. э. Остается не ясным, возвели ли жители Алтын-депе в пору позднего Намазга V новый зиккурат или в связи с начавшимся общим упадком вообще отказались от сооружений подобного типа.

Открытие зиккурата эпохи бронзы в Южном Туркменистане имеет немаловажное историческое значение. Как известно, в Месопотамии зиккураты располагались при храме главного бога и венчались небольшим храмом-жилищем этого бога. При этом верхняя терраса использовалась для религиозных мистерий и, видимо, одновременно служила жрецам



Алтын-депе. Разрез холма и реконструкция зиккурата первого периода.

А — поверхность холма времени Намазга IV. *В* — поверхность холма до начала раскопок; *1* — проекция шурфа; *2, 3* — кладка зиккурата первого периода; *4, 5* — пристройка второго периода

своеобразной обсерваторией. Обнаружение зиккурата на Алтын-депе указывает на тесные культурные связи с Месопотамией, распространявшиеся, возможно, не только на формы архитектуры, но и на религиозную систему.

РАСКОПКИ ТАЙЧАНАК-ДЕПЕ И НАМАЗГА-ДЕПЕ

А. Я. Щегекко

На поселении Тайчанак-депе были продолжены работы по вскрытию планировки верхнего строительного комплекса времени раннего Намазга V (2100—1900 гг. до н. э.). На площади 400 кв. м были открыты остатки строений из кирпича размером 48×24×10 и 50×25×12 см. Най-

дено 20 помещений, которые образуют три самостоятельных комплекса. Два из них, жилые помещения с дверными проемами, отделены от третьего — хозяйственного — улицей двухметровой ширины. В толстых длинных стенах отдельных помещений были специально устроены полукруглые ниши (всего четыре), в которые помещались сосуды для хранения зерна.

Керамика Тайчанак-депе представлена четырьмя группами: I — посуда светлого покрытия с розовым черепком, II — керамика с красным ангобом, III — посуда с зеленовато-белым покрытием и такого же цвета черепком, IV — грубая керамика с примесью дресвы в тесте. Сосуды первых трех групп (ваза на полой ножке, ваза на высокой гофрированной ножке со сливом или без него, биконической формы сосуды, чаши самой различной формы) изготовлены на гончарном круге и имеют ряд общих форм. «Чайники», характерные для комплексов Намазга V, здесь встречались редко; совершенно отсутствовали круглые подставки для сосудов. IV группа керамики изготовлена от руки и представлена мисками, котлами со сливами, чашами, сковородками. Встречалась еще сероглиняная и расписная посуда типа позднего Намазга IV, происходящая, вероятно, из более ранних слоев. Особо стоит отметить чашечку, на которой прочерчены два знака — углы с ресничками, часто встречаемые на терракотовых статуэтках, и слив сосуда в виде головы быка. В одном из хумов найдены фрагменты гончарного круга — вещь уникальная для эпохи бронзы Южной Туркмении.

Большую группу находок составили женские (19) и мужские (2) статуэтки, фигурки животных (верблюд, бык), орнаментированные пряслица, колесики со ступицей, ложки-лячки.

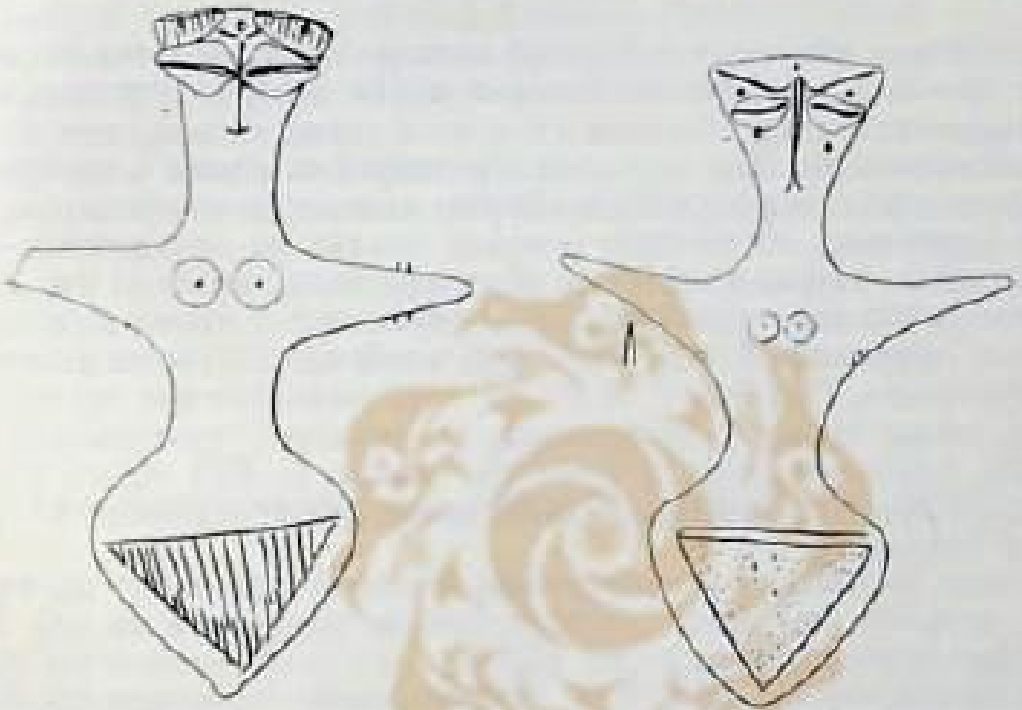
Коллекция изделий из камня незначительна: огромные зернотерки, песты, подпяточные камни, сосуды, фишки (известняк), наконечники стрел, дротиков (сланец), бусы (красный агат, сердолик, лазурит). Металлические предметы представлены двумя бронзовыми иглами с ушками, небольшим долотцом, листовидным ножом и массивной печатью.

Весь облик материальной культуры Тайчанак-депе свидетельствует о развитом хозяйстве этого небольшого поселения эпохи бронзы, которое вместе с другими такими же (Шор-депе, Кош-депе) образовывало в древности отдельный оазис в районе Артыка—Баба-Дурмаза.

Основной задачей работ на Намазга-депе было уточнение стратиграфии северо-западной части поселения, так называемой вышки. С этой целью на западном склоне была заложена траншея (22×3 м), в конце которой шурфом (3×3 м) была пройдена двухметровая толща культурных напластований. Было выявлено существование двух культур. Шесть нижних строительных периодов —7—12 (ярусы XXIII—XVI) — характеризуют комплекс времени Намазга V (вазы на ножках, розетки, сосуды с высоким горлом, чаши). В 9-м строительном периоде (XIX ярус)

были найдены две совершенно целые женские статуэтки, выполненные в условно-плоскостной манере. Сырцовый кирпич, из которого сооружались помещения, имел размеры 26×24×10 и 36×24×10 см.

В самом нижнем строительном периоде (XXIII ярус) обнаружены фрагменты расписной керамики. 6-й строительный период характеризует переходную культуру, после которой идут слои времени Намазга VI—2—5-й строительные периоды (VII—XIV ярусы). Размеры сырцовых кирпичей —24×24×10 и 34×22×13 см.



Тайчанак-депе. Глиняные женские статуэтки

Наряду с керамикой в нижних ярусах найдены сероглиняная и краснолощеная посуда: чаши на низких полых ножках, чаши полусферические с вогнутым внутрь венчиком, аналогичные посуде из Теккем-депе и Янги-Калинского могильника. Другой отличительной чертой комплекса времени Намазга VI является наличие круглых подставок для сосудов и прочерченный волнистый орнамент на красноангобированной керамике.

Общая мощность слоев времени Намазга VI составляет 4,4 м при пяти строительных периодах.

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ ШУРФ НА КОША-ДЕПЕ

И. С. Масимов

С целью изучения памятников эпохи бронзы в подгорной полосе Копет-Дага группа под руководством автора обследовала холм в 1,5—2 км к северу от дороги Ашхабад — Теджен и в 3—4 км к северо-западу от станции Баба-Дурмаз Каахкинского р-на Туркменской ССР.

Холм именуется у местного населения Коша-депе (парное депе) и был открыт в 1935 г. археологом А. А. Марущенко, который в 1958 г. заложил там небольшой раскоп. Материалы этих раскопок не опубликованы.

Холм в плане яйцевидной формы, вытянут с юго-востока на северо-запад на 80—85 м, высота его более 4 м. На поверхности холма была собрана керамика типа Намазга IV и V, а также позднеахеменидского и античного времени. Для изучения стратиграфии холма в северной его части был заложен шурф 3×2,5 м. Он был доведен до глубины 8 м. Верхние слои памятника составляла мощная кладка из квадратных сырцовых кирпичей со стороной от 38 до 42 см при толщине 9—11 см. Эта монументальная кладка продолжалась до глубины 3 м. Ниже шел плотный слой песка, занимавший весь VII ярус, который говорит о длительном запустении холма. Начиная с XI по XV ярус выявлено три строительных горизонта эпохи бронзы, состоявших из остатков разрушенных стен помещений, прослоек золы и промазок полов. С XVI яруса начались слои горелой земли, ниже которых, очевидно, лежат строения 41-го строительного горизонта.

Основным материалом, полученным в результате работ на этом памятнике, является керамика, которую можно разделить на два вида — нерасписную и расписную.

Нерасписная керамика из 1-го строительного горизонта изготовлена из зеленовато-серого, красноватого, реже красного теста, глина хорошо отмучена, обжиг равномерный. Некоторые кухонные сосуды имеют пористое тесто с включением крупных зерен кварца и песка. Встречаются биконические сосуды на ножке, цилиндрические, чаши, миски, в том числе на поддоне, венчики ваз, а также вазы с лопатообразными сливами. Из крупных сосудов характерны корчаги, шаровидные котлы, открытые миски, хумы.

Вся эта группа керамики изготовлена на гончарном круге быстрого вращения за исключением некоторых сосудов хозяйственного назначения. Применение гончарного круга способствовало улучшению качества керамики, придавало ей изящность. Хронологически относим эту группу к периоду Намазга V.

Расписная керамика, полученная из нижних двух строительных горизонтов, включает в себя черепки красноватого, серого, реже розового цвета теста, без каких-либо примесей, хорошо обожженные и отмучен-

ные. Ангоб серого и беловатого цвета. Наиболее распространенными мотивами росписи являются сочетания прямых и ломаных линий с помещением в фоновые просветы квадрата или треугольника с волнистыми гранями, зигзагообразные, зубчатые и прямые линии. В основном роспись наносилась черной или коричневой краской по светлому, реже красноватому фону черепка. Распространенными формами в этой группе являются вазы с лопатообразным сливом на высокой ножке, биконические сосуды, в том числе вытянутой формы, кубки, чаши, цилиндрические сосуды на поддоне и миски. Следует отметить, что сосуды со светлым ангобом, характерные для памятников подгорной полосы, преобладают по сравнению с сосудами, покрытыми красным ангобом, больше встречающимися в восточных районах Южного Туркменистана.

Большой интерес представляет фрагмент керамики с изображением фигурки джейрана, нанесенной темно-коричневой краской по светлому фону. Он смотрит вперед, голова его высоко приподнята, уши стоят, глаза крупные. Джейран нарисован очень реалистично и является единственным изображением этого животного на расписной керамике Южной Туркмении.

Наряду с сельскими поселениями, как Тайчанак-депе, Шор-депе, Кюша-депе образовывал небольшой оазис эпохи бронзы между современными станциями Артык и Баба-Дурмаз.

РАСКОПКИ НА АК-ДЕПЕ И ДАЗЛИХАН-ДЕПЕ

А. Губаев

За время полевых работ исследован ряд археологических памятников древней Апавархтики (Каахкинского р-на). Цель раскопок Ак-депе у ст. Артыка была выяснить конструкцию башни и сопоставить археологические материалы замка с материалами окружающего поселения. Выяснилось, что башня имеет полукруглую форму, сложена из сырцового кирпича размером 40×40×9 и 41×41×10,5 см и была обмазана глиной. Башня сохранилась на высоту 5,5 м. На высоте 4 м (от основания) сохранилась бойница стрельчатой формы. В разрезе VI—VIII ярусов, примыкающих к башне, прослеживался селитроносный слой. В IX ярусе отмечен завал от стены и башни толщиной 20 см. В X ярусе были обнаружены три стоящих хума, заполненные рыхлой землей. XI—XII ярусы содержали песок с включением гипса.

На поверхности замка были вскрыты два помещения. На полу одного из них обнаружен череп, видимо маленького ребенка. В другом помещении на полу был найден алебастровый хум. Пол этого помещения сделан из алебастра и резко понижался с запада на восток. Возможно, это остатки помещения, связанного с виноделием. Подобная винодель-

ческая мастерская раскопана в одном из загородных домов Пенджикента (А. М. Беленицкий), а в Семиречье — в замке Луковое «А» и усадьбе Луковое «Б» (К. М. Байпаков). На поселении был заложен шурф 3×3 м, глубиной 4,5 м.

В VI—VII ярусах отмечена кладка. Керамика из замка и поселения, почти одновременная (VI—VII вв.). Непонятно, почему указанные выше размеры сырцовых кирпичей восходят к более раннему периоду, чем VI—VII вв. н. э.

Другой объект, на котором проводились раскопки, — замок Дазли-хан-депе, расположенный в 5 км к западу от ст. Артык. Это прямоугольный в плане холм с крутыми склонами. Склоны в ряде мест перерезаны промоинами. Промоина в юго-западной окраине холма могла быть местом въезда. Северо-восточная часть холма более высокая, обособленная, быть может остатки центрального строения. В основании холма видна кладка из сырцового кирпича. Холм охватывает кольцевая ложбина — остатки рва. Севернее холма проходит вал, уходящий в восточном направлении. Примыкающее к холму поселение охватывает его в виде кольца. Несколько всхолмлений в юго-восточной части холма являются, видимо, остатками усадеб.

Найдены предметы из обработанных костей и бронзовые монеты плохой сохранности. Обнаружена одна гемма-печать с изображением Нешан. Этот Нешан — характерный признак для V—VII вв. н. э.

В целом исследования 1968 г. дали интересные материалы раннесредневекового поселения на территории изучаемого района.

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ЧУГОНДОР

Е. Атагарриев

Второй год велись археологические раскопки на городище Чугондор, расположенном на территории Каахкинского р-на Туркменской ССР. В этом году раскопки на городище были произведены в двух местах. Раскоп 1 был заложен на холмике, расположенном к юго-востоку от цитадели, где еще в прошлом году была сделана зачистка. Здесь найдено помещение размером 4×3,8 м. Оно было возведено из сырцового и жженого кирпича. Западная стена помещения толще, чем остальные, и сложена из жженого кирпича (24×24 см); стена сохранилась на высоту 75 см. Вход в помещение находился с восточной стороны, ширина его 110 см. По всей вероятности, помещение неоднократно ремонтировалось. Об этом свидетельствует тот факт, что южная, северная и восточная его стены сложены из кусков жженых и сырцовых кирпичей. У входа в помещение имелась вымостка из жженого кирпича того же размера, что

и в западной стене. На полу, ближе к входу, с правой стороны имелась яма-стойка для хумов, в которой, по всей вероятности, хранили припасы. В основном найдены глиняные сосуды, как поливные, так и неполивные. Нередко встречались и фрагменты стеклянных сосудов, железные гвозди и прочие изделия. Найдены каменное пряслице, две бусины: одна из кости, а другая из горного хрусталя и покрыта бирюзовой поливой.

Все находки из вышеописанного помещения датируются XI—XII вв. или началом XIII в.

Раскоп 2 был заложен к северу от цитадели, с наружной стороны внутреннего вала. Было обнаружено семь комнат. Фундаменты всех комнат сложены из жженого кирпича (22×22×4 см), а стены — из сырцового кирпича.

Комнаты 1—6 соединялись между собой проходами. Стены сохранились на высоту около 70 см. Некоторые из комнат имели очаги, как открытые, так и углубленные в виде тандыра. По-видимому, открытыми очагами пользовались для приготовления пищи, а тандырами — для выпечки лепешек.

Комната 7 находилась в самой восточной части раскопа. Выяснилось, что здесь имели место три строительных горизонта. Верхний относится к XIV в. В среднем строительном горизонте прослеживались следы пожара, охватившего всю площадь комнаты. Видимо, пожар явился результатом монгольского погрома первой половины XIII в. В нижнем строительном горизонте на полу помещения имелся тандырообразный очаг с керамическим дымоходом.

Находки из раскопа 2 в основном состоят из керамических изделий, как поливных, так и неполивных. Встречались фрагменты стеклянных сосудов. Немалый интерес представляет чернильница из хлористого камня с эпиграфическим орнаментом. В числе других находок следует отметить бусы из драгоценных камней и пряслица.

В целом материалы, добытые при раскопках, послужат ценным вкладом в историю материальной культуры туркменского народа.

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ СЕРАХСКОГО ОАЗИСА

О. Оразов

Исследования археологических памятников Серахского оазиса велись в следующих направлениях: продолжались раскопки на территории городища Старый Серахс; проводились маршрутные работы для выявления и предварительного изучения ранее известных памятников; опрашивалось местное население.

На территории Старого Серахса раскопки велись в двух местах.

Раскоп 1 продолжил разрез стен цитадели городища, начатый в

1965 г. На глубине около 15 м выявлена башня крепостной стены третьего строительного периода. Башня сохранилась на высоту 1,46 м, сложена она из 26 рядов жженого кирпича. Внутренность башни заполнена пахсой. В культурном слое обнаружена керамика X—XI вв. Среди фрагментов имеются стенки небольших сосудов ишкорной поливы. Таким образом, мы можем говорить о крепостной стене цитадели города периода его расцвета — второй половины X—XI в.

Раскоп 3 был заложен на восточном фасе городища Шахристана. Здесь под слоем пушонки обнаружены остатки небольшого (3×3,25 м) помещения, возможно караульного. Под ним прослежено начало крепостной стены, сложенной из сырцовых кирпичей размером 32×32×6 см. Стена в верхней части имела ширину 3,9 м. Удалось прорезать ее на всю сохранившуюся высоту — 3,2 м. Книзу стена расширялась и достигала 4,3 м. Керамика верхнего помещения относится к XVI—XVII вв. Находки с самой стены датируются IX—X вв. На территории Старого Серахса была произведена инструментальная съемка развалин городища.

Небольшие раскопочные работы на ряде памятников оазиса проводились во время маршрутных поездок.

На Агачлы-депе с целью выявления планировки верхнего строительного горизонта был заложен раскоп в 50 кв. м. Установлено существование жизни на поселении в XI—XVI вв. Нижние слои поселения относятся к VI—VIII вв. В это время оно имело оборонительную стену толщиной около 2 м, сложенную из сырцовых кирпичей 34×39×10 см.

Раскопки на площади около 100 кв. м были произведены на поселении XI—XII вв. Сапаралы-депе. На глубине более чем 1 м обнаружены остатки двух помещений XI—XII вв.

Одним из раннесредневековых памятников оазиса является Огуляздепе. Здесь на восточном фасе холма был заложен раскоп 2×8 м. Он был доведен до глубины около 8 м, благодаря чему удалось прорезать внешнюю стену поселения, сложенную из сырцовых кирпичей размером 41×44×10 и 42×44×11 см. Стена имела ширину 2,5 м, сохранилась на высоту 3,5 м. Керамический материал из раскопа относится к V—VI вв.

Раскапывался северный холм Уч-депе — сельская усадьба, имевшая в плане прямоугольную форму и вытянутая с севера на юг. Этот дом-усадьба состоял из двух помещений: северного (4,3×9,5 м) и южного (4,5×9 м). Стены его были сложены из трех рядов сырцового кирпича размером 36×36×8 см. Немногочисленная керамика из раскопа и строительный материал позволяют датировать усадьбу VI—VII вв.

Предварительно было обследовано еще три городища и четыре поселения. Из городищ наиболее интересным представляется Херрик-кала. Это самое крупное городище оазиса после Старого Серахса. Его шахристан, тянущийся с севера на юг более чем на 600 м, а с востока на запад на 450 м, окружает в северо-западной части небольшую цитадель. В народе эту цитадель называют «Зейнел арабын кошги», т. е. дворец

Зейнел араба, героя народного эпоса «Хюрлукга и Хемра». Шахристан имеет внешнюю стену, фланкированную многочисленными башнями, остатки которых прослеживаются на всех фасах. У шахристана четверо ворот — по одним на каждом фасе. От ворот к центру города тянутся магистральные улицы. Городище с севера, востока и юга окружает рабад. Подъемный материал датируется VI—XV вв.

Городище Сарык-Джума состоит из четырех частей: цитадели, шахристана, караван-сарая и рабада. Цитадель расположена к востоку от шахристана и имеет форму овала, тянущегося с севера на юг на 120 м, с единственными воротами в западной части. Шахристан имеет в плане форму вытянутого с востока на запад неправильного многоугольника протяженностью с востока на запад более чем на 700 м и с севера на юг на 300 м. Он свидетельствует о длительной административной и торговой жизни на этой территории. Подъемный материал с шахристана относится к VIII—XV вв.

Интересной частью городища является караван-сарай. Он примыкает к шахристану в северо-западной части. Его оплывшие контуры занимают площадь 80×90 м, стены фланкированы башнями, ворота находятся с западной стороны. Внутри двора нет построек, следы их прослеживаются вдоль стены. Небольшой разрез южной стены караван-сарая показал, что стены его были возведены из пахсы толщиной 1,7 м, башни доложены жженными кирпичами. С юга, севера и востока городище окружает рабад.

Городище Бениклн-кала состоит из цитадели и шахристана. Керамический материал датирует его X—XII и XIV—XVII вв.

Из обследованных поселений к раннему средневековью относятся Южный холм Уч-депе, Дилег-депе и Дашлыджа-кала; X—XII вв. датируется Кара-хан-депе.

XIII. ТАДЖИКСКАЯ ССР

РАСКОПКИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ САЕД

В. А. Ранов, А. Х. Юсупов

На стоянке Саед, расположенной в 3 км восточнее Туткаула, строительства Нурекской ГЭС проведен третий раскопочный сезон. Стратиграфия культурных слоев стоянки следующая:

1) остатки построек, ямы и другие следы средневекового поселения, датируемого X—XII вв. н. э.;

2) редкие находки красноангобированной тонкостенной керамики и фрагменты керамики с отпечатками ткани. Находки датируются III—V вв. н. э. по железным наконечникам стрел;

3) плохо прослеживаемый горизонт бронзы степного типа, состоявший из серии полусферических каменных очагов и редких ям. Орнаментированной керамики мало;

4) первый горизонт неолита. Мощность 0,5 м. Основной структурный элемент — полусферические каменные очаги и остатки многослойных выкладок из расколотого камня;

5) второй горизонт неолита. Это основной горизонт стоянки каменного века. Вместе с первым, он составлял мощный пласт культурных остатков, достигавший в отдельных случаях толщины 2—2,5 м.

Слои 1—4 смешаны и только самый нижний не имел в археологическом материале предметов более позднего времени. Таким образом, основная масса культурных отложений Саеда расчленяется лишь по археологическим находкам.

Из слоев каменного века собрана значительная коллекция, насчитывающая свыше 10 тыс. экземпляров. Она очень близка по основным своим компонентам к коллекции из Туткаула. Здесь также ярко выражено сочетание «галечной техники» («гиссарский элемент») и техники производства пластинчатой кремневой индустрии. Обращает на себя внимание серия крупных пластин из темно-коричневого или светло-серого камня, очень напоминающих заготовки из джейтунских памятников в Туркмении. Имеются орудия геометрических форм (трапеции, сегмен-

ты), скребки на отщепах, скобели, сверла и т. д. Значительный процент составляют галечные орудия — чопперы, нуклеусы. Есть шлифованные орудия: топоры, небольшие ножи с пришлифованным лезвием. Керамики, достоверно связанной с слоями каменного века, нет.

Близко расположенные памятники Саед и Таткаул представляли, очевидно, два одновременных поселения разных родовых общин одного и того же племени. Территория, занятая племенем, хорошо прослеживается от Нурека до кишлака Дагана на протяжении примерно 100 км среднего течения р. Вахша.

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

А. М. Беленицкий

Раскопки производились на ранее обследовавшихся XIII, XVI, XIX, XXI и XXII объектах Шахристана, а также на новом объекте — XXIII. В значительном объеме они велись на цитадели. Объекты XIII и XIX сомкнулись, и таким образом практически закончилось исследование одного из крупнейших городских кварталов восточной части городища, состоявшего из нескольких десятков жилых комплексов и многих торгово-ремесленных построек. В восточной части городища особый интерес представляют работы на объекте XVI, на котором почти полностью раскопан крупный ремесленно-торговый центр — базар. На нем открыто восемь кузнечных горнов с большим количеством кричного железа. Это второй вполне оформленный базарный комплекс, раскопанный на городище. В отличие от первого базара, все сооружения базара на объекте XVI были обрамлены П-образным навесом на столбах (от них сохранились гнезда баз и горелое дерево) — так называемым айваном. Приподнятая площадка базара примыкала к городской улице, ведущей к южным воротам города. Из находок примечательно большое количество монет, что характерно для торгово-ремесленных построек Пенджикента. В ходе раскопок был обнаружен отрезок водопровода из обожженных глиняных труб («кубуров») — второй на городище.

На объекте XXI — богатом доме, исследуемом с 1964 г., с большим количеством превосходных стенных росписей,— раскопаны обширный двор и служебные помещения. Удалось оконтурить наружные стены — восточную и северную, с выходами на улицы. Как на дворе, так и снаружи у стены были обнаружены остатки ремесленных мастерских (кузниц?).

На объекте XXIII, расположенном западнее XVI, раскопан квадратный четырехколонный зал и примыкающий к нему коридор. Выход из коридора ведет на улочку, по другую сторону которой находились, видимо, мастерские или торговые постройки.

На цитадели продолжались раскопки дворцового здания пенджикентских правителей. Раскопан коридор длиной около 20 м и шириной около 3 м, все стены которого некогда были покрыты живописью. К сожалению, сохранились только остатки орнаментального фриза. Исключительно большой интерес представляют раскопки третьего парадного зала дворца, по-видимому, тронного. Раскопан он больше чем наполовину. План восстанавливается достаточно полно. Зал делился на две половины. Южная половина представляла собой возвышение, на котором находились два тронных места (для царя и царицы), от одного из которых сохранился четко очерченный деревянный настил. Это возвышение заканчивалось глубокой лоджией. Вдоль стен шли широкие глинобитные суфы (скамьи). Как и первые два зала, тронный зал был варварски разрушен и сожжен. Украшавшая все стены живопись была содрана и растоптана. Только по низу в раскопанной части зала in situ на одной из стен прослежен участок живописи длиной около 6 м при высоте 60—80 см, на котором прослеживается многофигурная сцена (батальная).

Реставрационной группе удалось собрать из мелких кусков расписной штукатурки много деталей, фигур, представляющих незаурядный интерес как по содержанию, так и по определенной новизне стиля. На полу из-под толщи поздних наслоений были извлечены обломки горелого резного дерева. Дальнейшая обработка остатков живописи и резного дерева в реставрационных мастерских обещает несомненно много новых открытий.

XIV. КИРГИЗСКАЯ ССР

РАБОТЫ В ДОЛИНЕ КЕТМЕНЬ-ТЮБЕ

И. Кожомбердиев, Н. Г. Галочкина

В зоне затопления Токтогульского водохранилища проводились археологические работы в трех пунктах. Памятники эпохи бронзы открыты в местностях Жазы-Кечу и Джал-Арык. Могильник Жазы-Кечу расположен у северного подножия склонов перевала Кок-Бель. На поверхности земли могилы не имели ясно выраженных признаков, если не считать отдельных выступавших камней оградок. Оградки чаще всего прямоугольные, реже округлой формы. На небольшом участке могильника раскопано 35 оградок; погребения совершены в яме и, реже, в каменных ящиках. В могильных ямах почти не было костей. Редко встречались жженые кости. Основной инвентарь — глиняные сосуды, их обнаружено около 30, половина из которых имеет орнамент различного характера. Сосуды главным образом баночные, плоскодонные, с резко отогнутой наружу закраиной. Основные элементы орнамента — зигзаги, ромбы, косые насечки, округло-овальные вдавления. В целом на основании керамики могильник относится к середине II тысячелетия до н. э.

Около могильника Джал-Арыка обнаружено поселение эпохи бронзы. В раскопе размером 25 кв. м найдено много обломков глиняных сосудов различной формы. Продолжение раскопок памятника поможет определить время и границы поселений. Закончено обследование могильника Джал-Арык II (насчитывающего более 100 курганов) сако-усуньского времени. Производились раскопки семи больших курганов диаметром 20—30 м, высотой 2—4 м.

Все могилы сильно разграблены, кроме одной. Все они имели большие грунтовые могильные ямы, ориентированные по линии восток — запад. Покойника хоронили в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Обнаружено довольно много форм глиняных сосудов, которые не были известны до сего времени. Из металлических предметов найдены принадлежности конской сбруи из бронзы (бляшки, кольца, пряжки), серебряная бляшка с изображением крылатых лошадей (явление весьма

редкое в искусстве кочевников). Найдены каменные жертвенники, костяные поделки в виде колец. Из предметов вооружения обнаружены кончик железного меча, железный боевой чекан с деревянной ручкой, на которой насажен железный шток.

Было продолжено изучение обширного катакомбного могильника Джал-Арыка (насчитывавшего около 700 курганов). Здесь вскрыто 25 курганов различной величины. Среди них имелись курганы диаметром 24 м и высотой 4 м. Дромос длиной 11 м и глубиной 5 м. Катакомба округлая, размером 3,5×3,0×1,5 м, расположенная перпендикулярно к дромосу.

В катакомбах наряду с многочисленными глиняными сосудами обнаружено довольно много предметов вооружения: мечи, палаши, кольчуги, наконечники стрел и костяные накладки от лука. Из золотых украшений найдены бляшка, перстни с инкрустацией и зернью и вырезанные из листового золота орнаментальные детали.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ УРОЧИЩА САЙМАЛЫ-ТАШ

Г. Помазкина

В июле археологическая экспедиция Исторического музея Киргизской ССР начала изучение наскальных рисунков урочища Саймалы-Таш (Саймалы-Таш в переводе на русский язык означает «писаный камень»). Урочище это находится на высоте более 3000 м над уровнем моря среди гор Ферганского хребта в верховьях р. Кугарт.

Отрядом была сделана топографическая съемка рабочей площадки, произведено фотографирование, копирование и отливка слепков наскальных изображений в гипсе.

Огромный каменный завал начинается возле небольшого озера, которое местные жители до сих пор считают святым. Поверхность камней гладкая, с сильным загаром; на камнях очень много рисунков, по большей части хорошей сохранности. Они весьма разнообразны по тематике и технике выполнения и принадлежат к периоду примерно от II тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры.

Наиболее часто встречаются изображения горных козлов, архаров, многочисленны также рисунки собак, лошадей, верблюдов, быков, оленей, кабанов, волков, снежных барсов и т. д. Среди тематических рисунков выделяются сцены охоты, ритуальных танцев, пахоты (в последних обычно фигурируют плуги переднеазиатского типа).

В четкую группу выделяются рисунки магического характера — изображения восьмидольных и шестидольных розеток, солнца в виде человека, встречаются рисунки свастики, а также другие знаки, относящиеся

Саймалы-Таш. Наскальные рисунки

к солярным культам (спирали, круги с точкой в центре, квадраты, разделенные на четыре доли, и т. д.).

Техника исполнения рисунков разнообразна: сцены охоты и животные выполнены глубоким, небрежным, так называемым «скелетным» рисунком; сцены пахоты и ритуальных танцев обычно делались в теневой технике, для которой характерны неглубокие, очень изящные тонкие линии, большая точность изображаемых предметов и великолепное знание фактуры материала.

Отрядом было зафиксировано и обработано более 500 камней с рисунками. Это сравнительно небольшая часть общего комплекса петроглифов Саймалы-Таш, но уже сейчас ясно, что они помогут разрешить ряд важных проблем, относящихся к культурам эпохи бронзы и скифского времени; они могут, в частности, пролить свет на такой коренной вопрос, как «зороастрийская» религия кочевых саков Средней Азии.

РАЗВЕДКИ ДРЕВНЕЙ ИРРИГАЦИИ В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ

О. Береналиев

Сектором археологии Института истории АН Киргизской ССР начато планомерное изучение древних оросительных систем Южной Киргизии. Эта тема почти не затрагивалась археологами, что создавало большие трудности в решении многих вопросов, связанных с историей земледельческой культуры.

Для постановки стационарных работ необходимо было провести разведочное обследование наиболее перспективных районов, имеющих земли древнего орошения. Такими районами оказались Узгенский, Карасуйский и Сузакский. Как показали разведочные работы, здесь сохранилось наибольшее количество поселений античного и средневекового периодов. При обследовании местностей, прилегающих к памятникам оседлого населения, а также поймам рек Кара-Кульджи, Кара-Дарьи, Яссы, Куршаба, Ак-Буры, Чангет, Караункур, Шайдан и других, удалось выявить многочисленные остатки древних арыков и каналов. Отдельные из них, такие как Мырза-арык, Кадырша-арык, Караул-арык, Савай-арык, используются и в настоящее время для орошения полей.

Изучение древних ирригационных систем позволяет проследить пути проникновения земледельческой культуры в предгорные районы. И в этом отношении показателен Узгенский оазис, в предгорных частях которого имеются развалины поселений и остатки многокилометровых арыков: Монгол-арык, Атамкул-арык, Кара-жигач-арык и другие, орошавшие древние пашни.

Особая роль в развитии древнеземледельческой культуры принадлежит магистральным каналам — Узген-арыку, Кум-арыку, Кочкор-Атин-

скому арыку и Шариан-саю. Выделенные из рек Кара-Кульджи, Куршаба и Кара-Дарьи, они в большой степени способствовали расширению площадей орошаемых земель на огромных территориях. У головных сооружений этих каналов, по берегам и на значительном удалении от них расположены остатки поселений и крупных городов.

В отдельных местах выявлено, что источниками питания арыков служили родниковые воды (Каман-арык, Чимбай-арык). Плодородные земли в поймах рек, удобренные илистыми отложениями, орошались путем возведения простых ирригационных систем: выше по течению реки прокапывали арык, по-которому вода подводилась на поля. Традиция в строительстве таких несложных ирригационных сооружений сохранилась и в настоящее время.

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ У с. БЕЙШЕКЕ

П. П. Гаврюшенко

Летом на строительстве Кировского водохранилища в Таласской долине начал работы Бейшекенский археологический отряд Института истории АН Киргизской ССР. Задачей отряда является исследование городища у с. Бейшеке. Программа работ была рассчитана на два года.

Раскопки проводились в трех пунктах. В первом был произведен разрез крепостной стены. Он дал два среза высотой 4,5 м, в которых более или менее ясно различаются два стратиграфических, а следовательно, и хронологических периода функционирования фортификационных сооружений. Разновременные крепостные стены надстроены одна над другой.

Второй стратиграфический раскоп, площадью около 520 кв. м, был заложен в северо-восточной части цитадели. Сняты культурные напластования мощностью до 3 м. В этой толще удалось выявить четыре строительных горизонта. Над первым строительным горизонтом, в дерновом слое, расчищена древняя дневная поверхность с очагами, для которой остатков построек выявить не удалось. В слое первого строительного горизонта полностью вскрыт дом, состоящий из 21 комнаты, которые соединяются между собой. Помещения различны по назначению — хозяйственные и жилые. В слоях второго и третьего строительных горизонтов, небольших по мощности, не удалось выявить цельных систем построек, хотя в каждом из них вскрыто по нескольку (в третьем горизонте — 11) помещений. В четвертом слое, мощностью до 1,3 м, расчищено 17 помещений, которые являются частью одного жилого и хозяйственного комплекса. В строительных остатках выявлены два ремонтно-строительных этапа; отдельные этапы жизни помещений характеризуются уровнями полов.

Третий раскоп, площадью около 450 кв. м, был заложен непосредственно у разреза северной крепостной стены, практически разрез развернут в широкий раскоп на территории шахристана. Здесь вскрыта часть жилого квартала, при этом расчищено 25 различных по назначению помещений. Они условно отнесены к первому строительному горизонту. Под ними имеется слой, содержащий, видимо, строения еще одного горизонта. Трудно допустить, что в этой части города было всего два строительных горизонта. Скорее всего, верхние слои на третьем раскопе уничтожены проводившимися здесь земледельческими и ирригационными работами.

Предварительное ознакомление с обильным веществом материалов приводит к выводу, что снятые культурные напластования относятся к караханидскому периоду. Обнаружить слоев монголо-тимуридского времени на городище пока не удалось, хотя отдельные находки этого времени встречаются.

ГОРОДИЩЕ САДЫР-КУРГАН

П. Н. Кожемяко

Таласский археологический отряд Института истории АН Киргизской ССР провел третий сезон раскопок городища Садыр-Курган — развалин одного из крупнейших средневековых городов Киргизии, расположенного в Таласской долине.

Исследовались три участка города. Раскопками на цитадели доследовано дворцовое сооружение XI—XII вв. Оно состоит из четырех смежных помещений общей площадью свыше 200 кв. м. Стены на полуметровом каменном фундаменте сохранились в высоту на 3,5 м; внешние — толщиной до 1,5 м, внутренние — 0,7—0,8 м. Подтвердилось, что постройка после довольно продолжительного периода запустения в начале XIII в. использовалась в XIII—XIV вв. Из находок первого периода жизни постройки, кроме парадной глиняной поливной посуды, надо отметить стеклянные и бронзовые сосуды, хороший экземпляр бронзовой ступки с пестиком, а также монеты.

Под дворцовой постройкой вскрыты более ранние слои (VIII—IX вв.), в толще которых расчищены остатки двух рядовых построек с глинобитными стенами. Заметна смена общего облика керамики. Формы и обработка поверхностей характерны для VIII—IX вв.

Ниже слоев VIII—IX вв. открылись гребни следующего строительного горизонта. По всем признакам, здесь будут монументальные постройки. Возможно, они относятся к периоду возникновения цитадели, так как верхняя граница их проходит на глубине 11,5 м от высшей точки цитадели, а весь культурный слой достигает 14—15 м.

Раскопками в шахристане закончено вскрытие слоев XIII—XIV вв., достигавших 2,0—2,5 м. Раскопаны остатки построек плохой сохранности — зачистились только фундаменты стен из больших сланцевых плит. Постройки жилые, планировка прослеживалась недостаточно четко. Из находок, кроме керамики, интерес представляют наконечники стрел, монеты, разрозненные образцы глазурованных облицовочных плит, плиты резной терракоты, железные сошники.

Ниже открылись слои XI—XII вв. Их характер говорит о том, что здесь был район очень плотной городской застройки. В слоях этого периода выявилось два строительных горизонта. Оба содержали остатки жилых и хозяйственных построек, с лежанками, очагами, очажными пятнами, хозяйственными ямами. Основное количество находок представлено керамикой. Есть стекло, медные монеты, предметы украшений.

Культурные наслоения в шахристане еще не прорезаны до основания. Вполне возможно, что здесь, как и на цитадели, будут встречены материалы VIII—IX вв. и более ранние.

Начаты раскопки еще одного участка города в пределах второй длинной стены. Здесь в естественных обнажениях проступали мощные выходы металлургических шлаков. Расчищены выложенные из крупных каменных плит основания стен больших помещений производственного характера. Стратиграфия наслоений говорит о том, что в этом пункте за пределами пригорода в течение многих лет располагалось металлургическое производство города. Работы на участке не закончены: вскрыты верхние наслоения, относящиеся к X—XII вв.

СОДЕРЖАНИЕ

I. РСФСР

СЕВЕР И СЕВЕРО-ЗАПАД

В. И. Канивец. Исследования в Печорском Приполярье 3
Г. А. Панкрушев, Ю. В. Титов, А. В. Аниловов. Исследования на берегах Сямозера 5
Г. М. Буров. Первые исследования в бассейне Пинеги 6
А. М. Микляев, Р. С. Минасян. О работе Невельской экспедиции 8
П. М. Долуханов, Г. М. Левковская, Е. Н. Романова, А. А. Семенцов. О работе палеогеографического отряда 9
С. В. Ошибкина. Неолитические памятники Вологодской области 10
А. А. Куратов. Изучение неолита в Архангельском Беломорье 11
Ю. А. Савватеев, П. Э. Пессонен, В. И. Яшков. Работы в низовье Выга . . . 13
В. Е. Лузгин. Поселение турбинского типа у Полярного Круга 15
Г. Ф. Корсухина, О. И. Давидан. Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладоги 16
Г. А. Авдусина, А. С. Хорошев, В. И. Орлов. Новгородская экспедиция . . . 18
М. Х. Алешковский. Раскопки древнейших каменных башен Новгорода и Пскова 19
И. К. Лабутина. Раскопки в Пскове у здания Педагогического института . . 21
А. В. Никитин. Работы в Вологодской области 22
А. Н. Кирпичников. Раскопки древнего Орешка 24
А. Н. Кирпичников, К. К. Шилик. Обследование башен Соловецкого кремля . 25

ЦЕНТР ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

Д. А. Крайнов. Результаты работ Верхневолжской экспедиции 27
Л. В. Кольцов. Работы в Калининской области 29
Ю. Н. Урбин. Работы на севере Калининской области 30
М. А. Бухтеева. Работы дьяковского отряда Верхневолжской экспедиции . . 32
Е. Н. Ерофеева. Раскопки курганов в Ивановской области 33
Р. Ф. Воронина, В. П. Левенок, В. И. Матвеева, Б. Г. Тихонов. Работа Верхнедонской экспедиции 34
Д. А. Беленькая, А. Ф. Дубынин, К. А. Смирнов, А. А. Юшко. Московская экспедиция 36
Л. М. Тарасов. Исследование гагаринского жилища 39
Н. Н. Гурина. Работы Верхневолжской неолитической экспедиции 41
В. В. Сидоров. Разведки неолита в Подмосковье 43
А. Т. Синюк, А. Д. Прялин. Памятники неолита — энеолита в нижнем течении р. Воронеж 45

Н. К. Цесткова. Раскопки на Черной Горе 46
Т. Б. Попова. Раскопки поселения Логинов хутор 48
Б. Г. Тихонов. Курганы у с. Старая Тойда 49
А. Д. Пряхин. Памятники позднего бронзового века в лесостепном Подонье 51
Л. И. Пузикова. Работы Воронежской лесостепной экспедиции 52
Н. К. Фролов. Поселение у дер. Железное 54
А. Г. Векслер. Исследование городищ в Москве и Подмосковье 55
Е. А. Горюнов. Разведки в Среднем Подесенье 57
О. Н. Мельниковская. Раскопки памятников юхновской культуры на Десне и Сейме 58
А. Н. Москаленко, А. З. Винников. Раскопки Лысогорского могильника . . 60
Ю. А. Лапкинг. Раннеславянские памятники у с. Лебяжье под Курском . . 61
Е. А. Шмидт. Раскопки в Смоленской области 63
М. В. Фехнер. Исследование курганных могильников в Калининской области . 65
И. И. Ляпушкин. Исследования Гнездовского поселения 65
С. С. Ширинский. Разведки в Курской области 68
С. С. Ширинский. Смоленские курганы у пос. Новоселки и г. Ярцево . . . 69
Д. А. Авдусин. Смоленская экспедиция 70
М. В. Седова. Работа Вязниковского отряда 71
В. А. Падин. Раскопки Кветунских курганов 71
В. В. Седов. Раскопки в Суздале 73
В. П. Глазов. Исследование Суздальского Ополья 75
А. Л. Монгайт. Рязанская экспедиция 75
Р. Л. Розенфельдт. Битяговские курганы 77
А. В. Успенская. Раскопки на озере Селигер 78
В. И. Матвеева. Ростов Великий 79
И. С. Шелянина, В. Н. Федоров. Археологические наблюдения в Успенском соборе Московского Кремля 81

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

В. Е. Максименко. Раскопки курганов в дельте Дона 84
М. Х. Багаев, В. Б. Виноградов, С. Н. Умаров. Новые памятники археологии в Чечено-Ингушетии 85
Н. И. Сокольский. Работы Таманской экспедиции 88
М. М. Кобылина. Раскопки Фанагории 90
В. М. Котович. Новые наскальные изображения горного Дагестана . . . 92
П. У. Аутлев. Разведка памятников каменного века в Прикубанье . . . 95
Л. Я. Крижевская. Работы Приазовского неолитического отряда 96
И. М. Чеченов. Гробница майкопского периода в Кабардино-Балкарии . . 97
А. Л. Нечитайло. Зеленокумский курган 99
В. И. Марковин. Исследование кавказских дольменов 100
М. Г. Гаджиев. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане . 102
А. И. Демченко. Исследование курганов в Ростове-на-Дону 103
Л. Г. Нечаева, И. М. Мизиев. Поселение раннего бронзового века на р. Урух . 104
В. Я. Кижко. Раскопки Константиновского поселения 105
Е. П. Алексеева. Городище меото-сарматского времени у хут. Дружба . . . 107
Ю. С. Крупнов. Раскопки на хут. Рассвет 108
И. Б. Зевст. Раскопки Гермонассы 109
И. Б. Брашинский. Раскопки на Нижнем Дону 111
Н. Н. Сокольский, Р. А. Стручалина. Раскопки Патрея 112
А. К. Коровина. Раскопки некрополя Тирамбы 113
И. Т. Крупеликова, Т. М. Смирнова. Раскопки Горгиппии 115
Т. М. Арсеньева. Раскопки в Танаисе 116
М. П. Абрамова. Нижне-Джулатский могильник 119

В. Г. Котович, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Раскопки в Кулинском районе горного Дагестана . . . 120
В. С. Флеров. Средневековое поселение на нижнем Дону . . . 121
Т. М. Минаева. Раскопки городища Гиляч . . . 123
В. Б. Ковалевская, Ю. Н. Воронов, Ф. Е. Михайличенко. Исследования средневековых памятников Северо-Западного Кавказа . . . 124
И. М. Мизиев. Могильник Кургаит в Кабардино-Балкарии . . . 125

ПОВОЛЖЬЕ И УРАЛ

В. И. Мамонтов. Охранные раскопки памятников Волгоградской области . . . 127
А. С. Скрипкин. Разведка в бассейне Иловли . . . 129
Ю. В. Деревягин. Исследования в Саратовской области . . . 129
Р. С. Габяшев, Е. П. Казаков, П. Н. Старостин. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища . . . 131
Г. А. Архипов. Раскопки на Уржумкинском комплексе . . . 132
В. П. Денисов, В. Ю. Лещенко. Работы на севере Пермской области . . . 133
Р. Г. Фахрутдинов. Разведки в Предкамье . . . 135
А. Х. Халиков, Р. С. Габяшев, Е. П. Казаков, М. Г. Косменко, П. Н. Старостин. Работы Татарского отряда Нижне-Камской экспедиции . . . 135
Г. И. Матвеева. Исследования в Центральной Башкирии . . . 137
С. М. Васюткин, Н. А. Мажитов, Г. И. Матвеева, А. Х. Пшеничнюк, В. С. Стоколос. Раскопки в низовьях Белой . . . 139
А. Х. Пшеничнюк. Исследования в центральных и южных районах Башкирии . . . 141
Г. Н. Матюшин, С. В. Ошибкина, В. С. Стоколос, Э. А. Федорова-Давыдова. Южно-Уральская экспедиция . . . 142
С. А. Попов. Работы в Оренбургской области . . . 144
О. Н. Бадер. Северная палеолитическая экспедиция . . . 145
В. Ф. Каховский. Стоянки волосовской культуры . . . 146
А. Н. Мелентьев. Работы Астраханской экспедиции . . . 147
В. С. Стоколос. Работы в Южном Зауралье . . . 149
Е. Н. Черных. По древнеуральским рудникам . . . 150
В. Ф. Генинг, Е. И. Морев, Т. Н. Чебакова. Исследования андроновских памятников в Южном Зауралье . . . 151
Е. Е. Кузьмина. Могильник федоровского типа Туктубаево . . . 152
П. Д. Степанов. Памятник абашевской культуры в Мордовии . . . 153
Е. К. Максимов. Ново-Липовские курганы . . . 154
В. Ф. Генинг, В. В. Одинцов. Новые раскопки пьяноборского могильника Ныргында II . . . 157
М. Р. Полесских. Новый памятник древнейшей мордвы . . . 158
Г. А. Архипов, В. С. Патрушев, А. Х. Халиков, Н. Л. Членова. Исследования Ахмыловского комплекса . . . 159
Р. Д. Голдина. Раскопки Неволинского могильника в Прикамье . . . 161
Н. А. Мажитов. Исследования в Южной Башкирии . . . 162
Р. Ф. Воронина. Раскопки Крюково-Кужновского могильника . . . 163
А. В. Ширкин. Работы в долине Мокши . . . 165
Е. А. Халикова, Е. П. Казаков. Танкеевский могильник . . . 166
А. П. Смирнов, В. Ф. Каховский. Селище болгарского времени в Чувашии . . . 167
А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Р. Г. Фахрутдинов. Исследования Билыра . . . 168
Н. Д. Аксенова, Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова. Поволжская экспедиция . . . 169
Н. М. Булатов, Н. С. Вайнер, Л. Л. Галкин, В. Л. Егоров, А. Г. Мухаммадиев, Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки золотоордынских городов в Нижнем Поволжье . . . 172
А. П. Смирнов, В. Ф. Каховский. Домница XVII в. . . . 175

М. П. Грязнов, М. Н. Комарова. Раскопки у горы Тепсей на Енисее . . . 176
Я. А. Шер, Н. Л. Подольский, И. Н. Медведовская, Н. М. Калашникова. Енисейские писаницы . . . 180
Г. А. Максименков. О работах Черновского отряда . . . 182
М. П. Завитухина. Работы Ранневетагарского отряда . . . 183
Э. Б. Вадецкая. Работы Ташпыкского отряда . . . 185
А. Д. Грач. Исследования в Туве . . . 186
С. И. Астахов. Изучение каменного века в Туве . . . 188
А. М. Мандельштам. Исследования могильника Аймырлыг и городища Бажын-Алак . . . 189
И. У. Самбу. Работы на Ортаа-Хеме . . . 191
Ю. И. Трифонов. Дальнейшие исследования могильников Аргалыкты I и Кара-Тал IV . . . 192
В. Ф. Старков. Работы Западно-сибирского отряда МГУ . . . 194
В. И. Матющенко, Л. Н. Чиндина. Работы в Томской и Омской областях . . . 196
В. Волошин. Разведка в Приишимье . . . 198
В. Ф. Генинг. Исследования комплекса памятников у дер. Черноозерье на Иртыше . . . 199
М. Х. Маннай-Оол. Раскопки в Тувинской АССР . . . 200
Т. Н. Троицкая. Работы Новосибирской экспедиции . . . 201
Б. Сапунов. Разведка в среднем и нижнем течении Зеи . . . 202
Р. С. Васильевский. Исследования в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС . . . 204
Н. Д. Архипов. Археологические памятники Нижнего Вилюя . . . 206
Г. И. Андреев, С. В. Студзицкая. Исследования в Эвенкии . . . 207
А. П. Окладников, Д. Л. Бродянский. Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье . . . 208
А. И. Мазин. Рисунки на скалах в устье Онеги . . . 211
З. А. Абрамова. Исследования палеолита Енисея . . . 212
Ю. А. Мочанов. Новая верхнепалеолитическая культура Северо-Восточной Азии 214
А. П. Окладников. Раскопки у с. Устиновка на р. Тадуши . . . 215
Л. П. Хлобыстин. Раскопки на Таймыре . . . 217
Н. Н. Диков. Местонахождение петроглифов, неолитические стоянки и пещера в низовьях Пегтымеля . . . 218
М. П. Аксенов. Макарово II — многослойный памятник на верхней Лене . . . 220
И. В. Константинов. Работы на реке Оленек . . . 221
С. А. Федосеева. Первый ымыяхтахский позднеэнеолитический могильник на средней Лене . . . 223
А. П. Деревянко. Раскопки поселений раннего железного века у с. Кукелево . . . 225
А. В. Гарковик. Интересный памятник Приморья . . . 226
В. А. Могильников. Исследования в Среднем Прииртышье . . . 228
Н. В. Леонтьев. Раскопки на Уйбате . . . 229
Я. И. Сунчугашев. По следам древних металлургов Хакасско-Минусинской котловины . . . 231
Ж. В. Андреева. Первая находка древнего деревянного колодца в Приморье . . . 232
П. П. Хороших. Наскальные рисунки и городище на горе Сахюрта . . . 233
Е. И. Деревянко. Раскопки мохэского городища у с. Михайловка . . . 235
В. Медведев. Городище в долинах рек Кенцухе и Тадуши . . . 237
Л. П. Зяблин. Работы Копенского отряда . . . 238
Э. В. Шавкунов. Раскопки на Шайгинском городище . . . 239
О. С. Галактионов. Раскопки редута на Шайгинском городище . . . 241
В. Л. Леньков. Исследования на Плахотинюкинском городище . . . 242
Л. Р. Кызласов. Древние крепости Хакасии . . . 244
М. И. Белов, О. В. Овсянников. Раскопки древней Мангазеи . . . 246

II. УКРАИНСКАЯ ССР

А. А. Щепинский. Крымская охранно-археологическая экспедиция 249
Е. В. Черненко. Работы Краснознаменской экспедиции 251
Н. Г. Елагина, В. Г. Петренко. Раскопки курганов на Нигульце 252
А. М. Лесков. Раскопки Каховской экспедиции 253
Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков. Раскопки курганов в низовьях Днестра . . 255
П. И. Хавлюк. Исследования на Южном Буге 256
Е. А. Векилова, В. М. Муратов, Э. О. Фридеберг. Новое в исследовании палеолита Крыма 258
Н. О. Бадер. Новые работы в Волчьем гроте 259
В. Н. Станко. Следы палеолита на Нижнем Днепре 261
В. П. Савич. Исследования позднепалеолитической стоянки Кулычивка . . 262
П. И. Борисковский, В. И. Красовский. Раскопки палеолита под Одессой . . 264
И. П. Герета. Новые палеолитические местонахождения на Тернопольщине . 265
А. П. Черныш. Исследования в Оселивке на Днестре 266
Л. Г. Мацкевой. Работы Керченской первобытной экспедиции 263
Н. А. Прлещинин. Раскопки энеолитического поселения у г. Берегово Закарпатской области 269
Л. И. Крушельницкая. Раскопки поселений высоцкой культуры 271
К. С. Горбунова. Березанская экспедиция Государственного Эрмитажа . . . 272
Б. А. Шрамко. Исследования Западного и Восточного Бельских городищ . . 273
А. А. Моруженко. Раскопки городищ у сел Каменка и Сосенка 275
Э. И. Диаманг. Раскопки некрополя Кошарского городища 276
А. И. Мелюкова. Раскопки скифских могильников IV—III вв. до н. э. . . . 279
Р. Д. Бондарь. Новый гето-дакийский могильник в Нижнем Подунавье . . 281
Ю. И. Козуб. Раскопки западного района Ольвии 282
Г. Д. Белов. Раскопки в Херсонесе 284
А. М. Гилевич. Клад херсонесских монет IV—II вв. до н. э. 285
В. И. Кадеев. Исследования в портовой части Херсонеса 286
В. В. Борисова. Раскопки римской цитадели в Херсонесе 288
О. Я. Савеля. Поиски в окрестностях Севастополя 289
А. Н. Щеглов. Охранные раскопки и зачистки на Гераклейском полуострове . 290
И. В. Яценко. Полевые исследования Крымской экспедиции 291
А. А. Коновалов. Раскопки курганов близ городища Чайка 294
Т. Н. Высотская. Древнегреческое поселение в пос. Межводное 295
О. Д. Дашевская. Исследования в Северо-Западном Крыму 297
Н. Л. Грач. Нимфейская экспедиция 299
И. Д. Марченко. Раскопки Пантикапея 301
А. И. Болтунова. Раскопки Порфмия 303
И. Г. Шургая. Раскопки Илурата 305
Б. Г. Петерс, Г. М. Ефимова. Раскопки античного городища у с. Михайловки . 306
И. Т. Кругликова. Раскопки сельских поселений Боспорского царства . . . 307
В. Н. Цыгылык. Исследования поселений первых веков нашей эры в верховьях Золотой Липы 309
В. В. Кропоткин. Изучение черняховской культуры на Полтавщине . . . 310
Э. А. Сымонович. Уникальная керамическая находка в районе г. Кодымы . . 311
Ю. М. Смишко. Исследования черняховского могильника в Верхнем Поднестровье 313
В. Д. Баран. Раскопки поселения черняховского типа Демьянов II . . . 314
Д. Я. Телегин, В. Ф. Пешанов. Стела нового типа на юге Украины 316
Л. М. Рутковская. Исследования стойбищ скотоводов на левом берегу Орели . 317
М. А. Фроджуло. Исследования в Юго-Восточном Крыму 319
Д. Л. Талис. Раскопки на Баклинском городище 321
А. А. Кравченко. Средневековая гончарная печь в Белгороде-Днестровском . . 322
И. П. Русанова. Исследования раннеславянских поселений на Волыни . . . 324
В. В. Аулих. Древнерусское поселение на Западном Буге 327

Г. Г. Мезенцева. Новые исследования древнего Белгорода Киевского . . . 329
Б. А. Рыбаков. Раскопки в Белгороде Киевском 330
И. С. Винокур, О. М. Приходнюк. Раннеславянское поселение у г. Городок . . 332
А. А. Ратич. Раскопки в Звенигороде на Белке 334
Б. А. Тимощук. Древнерусское городище Галица в Северной Буковине . . 335
М. И. Островский, К. В. Павлова, П. А. Раппопорт. Раскопки в Данилове . . 337

III. БЕЛОРУССКАЯ ССР

В. Ф. Исаенко. Новое о древнем Полесье 338
М. М. Черняевский. Работы на Кривинском торфянике 339
И. И. Артеменко. Среднеднепровская экспедиция 340
К. П. Шут. Исследование древних городищ Северной Белоруссии 342
Д. А. Осташюк. Могильник в с. Гуща 344
Л. Д. Поболь. Тайманава 345
И. В. Седов. Исследования в Гродненском Понеманье 346
Л. В. Штыхов. Обследование памятников Полоцкой земли 348
Ж. Г. Зверуго. Раскопки в Слониме 350
Г. Ф. Соловьева. Раскопки славянских памятников XI—XII вв. в Гомельской области 351
Ф. Д. Гуревич, М. В. Малеевская, К. В. Павлова, Т. С. Пономарева, Е. В. Шолохова. Новогрудская экспедиция 353
М. К. Карпер. Раскопки руин церкви Благовещения в Витебске 355

IV. ЛИТОВСКАЯ ССР

М. М. Михельбертас. Исследования курганов в Жемайтии 356
В. Даугудис. Раскопки городищ близ г. Капсукас 358
О. В. Кунцене. Исследования курганов Памусис 359
В. Урбанавичус. Русейнийский могильник 361

V. ЛАТВИЙСКАЯ ССР

Л. Ванкина, Н. Цимермане. Раскопки у оз. Эжу 363
Ф. Загорскис. Раскопки могильника и стоянки каменного века Звейниеки . . 364
И. Лозе. Работы Лубанской экспедиции 365
А. Э. Зариня. Раскопки в Саласпилс Лаукскола 366
Я. Апалс. Работы Арайшской экспедиции 368
В. А. Уртан. Работы Даугмальской экспедиции 370
Э. Шнорре. Могильники в с. Рауши и на острове Долес 372
М. Атеазис. Раскопки на левобережье Даугавы 373
Я. Я. Граудонис. Раскопки в Икшкиле 375
Э. С. Мугуревич. Раскопки на левобережье Даугавы 377
А. Я. Стубав. Раскопки в Саласпилсе 378
И. В. Дайга. Раскопки могильника в Аннас Бундзены 380

VI. ЭСТОНСКАЯ ССР

Ю. Я. Селиранд. Полевые исследования эстонских археологов 382

VII. МОЛДАВСКАЯ ССР

Г. В. Григорьева, В. И. Маркевич, Т. А. Попова, Е. К. Черныш. Работы Молдавской экспедиции 387
Г. Ф. Коробкова. Работы лаборатории первобытной техники в Молдавской археологической экспедиции 389
Г. Б. Федоров. О работе Прутско-Днестровской экспедиции 391

VIII. ГРУЗИНСКАЯ ССР

Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника 393

IX. АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

И. Г. Нариманов. Раскопки энеолитического поселения Иланлы-тепе . . . 396
С. М. Казиев, И. А. Бабаев. Раскопки Кабалы 398
Р. Б. Гейшев. Раскопки на городище Амарас 399
Р. Джидди. Раскопки средневековой Шемахи 401

X. КАЗАХСКАЯ ССР

М. Н. Клапчук. Разведки в Центральном Казахстане 402
Ф. Х. Арсланова. Раскопки в Восточном Казахстане 403
Г. Б. Здановнч, С. Я. Здановнч. Работы в Северном Казахстане 404
М. Г. Елькин. Раскопки поселения позднего железного века на юго-западе Кузбасса 406

XI. УЗБЕКСКАЯ ССР

М. Р. Касымов. Исследование многослойной палеолитической стоянки Кульбулак 408
С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 409
Н. Н. Вактурская, А. В. Виноградов, Э. Мамедов. Археолого-географические исследования в районе Дарьясая 411
Е. Е. Неразик. Раскопки городища Топрак-кала 412
М. С. Лапиров-Скобло. Новый памятник фортификации древнего Хорезма . . 414
Н. Н. Вактурская. Исследования средневековых памятников левобережья нижней Сыр-Дарьи 415
Е. Е. Неразик. Работы левобережного разведочного отряда Хорезмской экспедиции 417
М. Д. Джуракулов, Я. Крикис. Исследования Самаркандского государственного университета им. А. Навои 419
Ю. А. Заднепровский. Десятый сезон раскопок на Дальверзинском поселении . 421
С. Б. Лунина, З. И. Усманова. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции 423
Н. Б. Немцева. Раскопки на территории Шахи-Зинда в Самарканде 425

XII. ТУРКМЕНСКАЯ ССР

В. Н. Пилипко. Из работ Амударьинского отряда 427
С. Б. Лунина. Раскопки на городище Султан-кала и в его пригороде 428
И. Н. Хлопин, Л. П. Хлобыстин. Поиски памятников каменного века в Копет-Даге 430
И. Н. Хлопин. Разведка памятников эпохи бронзы в долине Сумбара 431
О. Бердыев. Изучение памятников эпохи неолита и энеолита Южного Туркменистана 432

В. Н. Сарианиди. Продолжение работ на Улуг-депе 434
В. М. Массон. Четвертый сезон раскопок на Алтын-депе 435
А. Я. Щетенко. Раскопки Тайчанак-депе и Намазга-депе 437
И. С. Масимов. Стратиграфический шурф на Коша-депе 440
А. Губаев. Раскопки на Ак-депе и Даялихан-депе 441
Е. Атагарриев. Раскопки на городище Чугондор 442
О. Оразов. Изучение памятников Серахского оазиса 443

XIII. ТАДЖИКСКАЯ ССР

В. А. Ранов, А. Х. Юсупов. Раскопки неолитической стоянки Саад 446
А. М. Беленицкий. Раскопки на городище древнего Пенджикента 447

XIV. КИРГИЗСКАЯ ССР

И. Кожомбердиев, Н. Г. Галочкина. Работы в долине Кетмень-Тюбе . . . 449
Г. Полазкина. Исследование петроглифов урочища Саймалы-Таш 450
О. Беренгалиев. Разведки древней ирригации в Южной Киргизии 452
П. П. Говорюшенко. Раскопки на городище у с. Бейшеке 453
П. Н. Кожемяко. Городище Садыр-Курган 454

Археологические открытия
1968 года

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редакторы: *Е. П. Прохоров,*
Н. Н. Серединская, Г. В. Шелудько
Художник *А. В. Ковржкин*
Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 23/I 1969 г. Т-04119.
Подписано к печати 26/II 1969 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типогр. № 1. Печ. л. 20
Усл. печ. л. 33,93. Уч.-изд. л. 29,8 Тираж 3300 экз.
Тип. зак. 3531. Цена 1 р. 88 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10